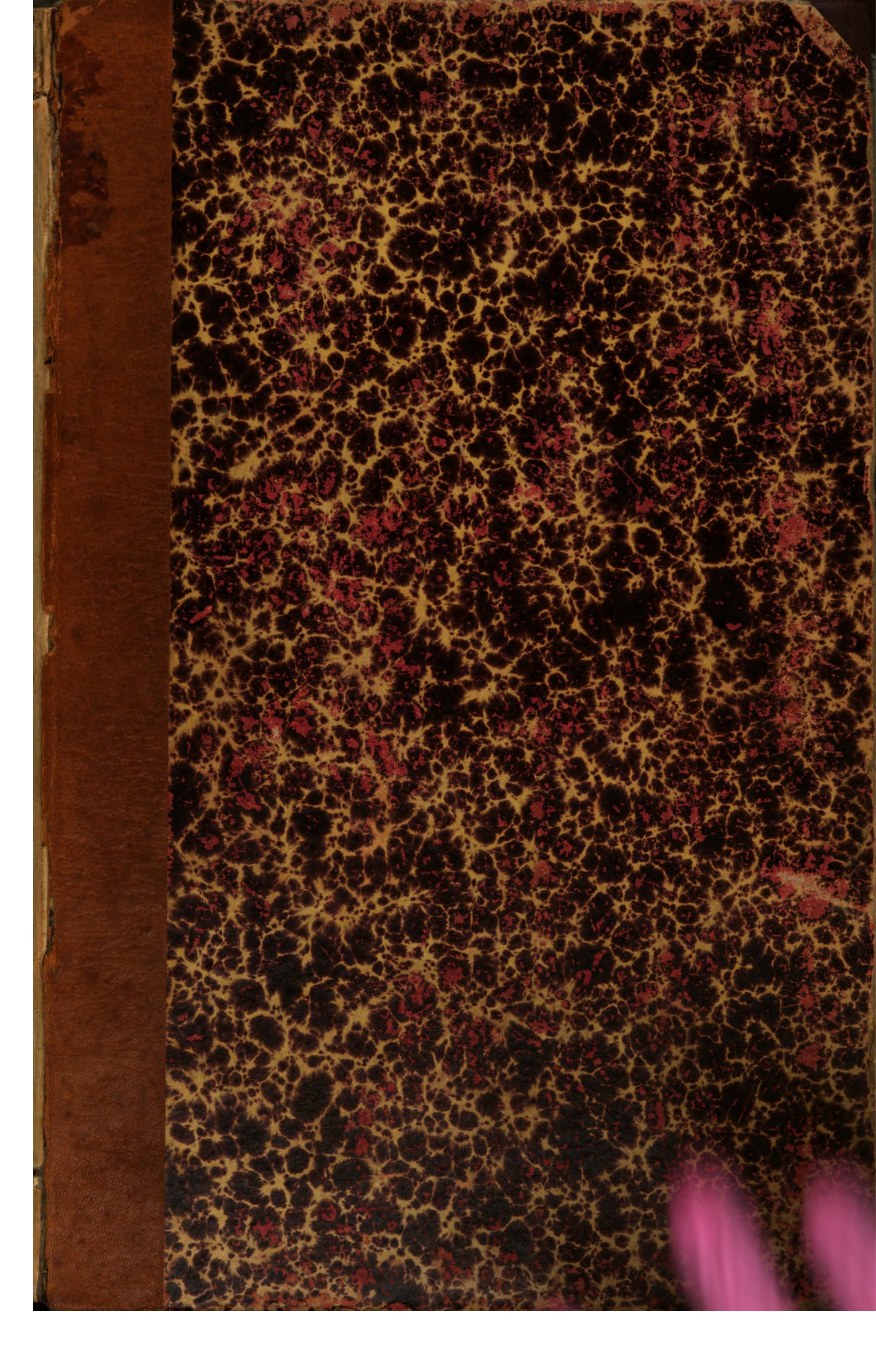


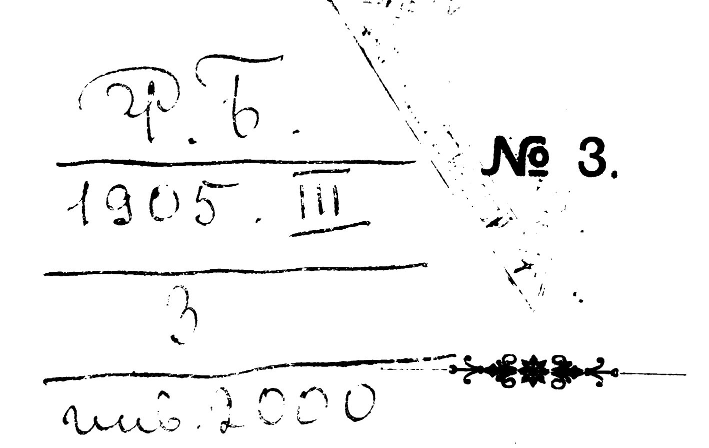
МАРТЪ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 3.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.
1905

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 марта 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

НА ВОЙНѢ.

XIII.

Дорога, по которой двинулась наша колонна, проходила черезъ „городъ", потомъ черезъ обѣ рѣчки и уходила въ узкую ложбину между кудрявой „сопкой" и длинной горой съ кумирней. Она должна была вывести, по предположеніямъ генерала, во флангъ и даже въ тылъ японцевъ, и задачей боковой колонны было — сдѣлать неожиданный „ударъ во флангъ", когда сраженіе на фронтѣ уже разгорится. Предполагалось, что японцы не могли ждать появленія русскихъ, да еще съ артиллеріей, по этой дорогѣ, такъ какъ она вела черезъ непроходимый, почти „суворовскій" перевалъ.

Солнце, замѣтно поднявшееся, начинало уже печь, но узкая ложбина, заросшая громадными, старыми, незнакомыми мнѣ деревьями, сохраняла еще утреннюю свѣжесть. Въ ней было темно и сыро.

— Страсть люблю ходить въ походъ,—сказалъ Кутенковъ, не обращаясь ни къ кому.—А сидѣть на бивакѣ не люблю... Смотри ты, какая любоха!..

Ложбина мало по малу развертывалась все шире и шире, и мы выѣхали въ большую безлѣсную, всю покрытую обезображенными, вытоптанными пашнями долину. Въ серединѣ ея стояло нѣсколько фанзъ, окруженныхъ высокими вѣтвистыми деревьями.

На одной изъ пашенъ я замѣтилъ странную группу. Старикъ-китаецъ держалъ короткія оглобли плуга, точно онъ былъ запряженъ въ него; съ одной стороны старика за оглоблю держались двое маленькихъ, лѣтъ 10—12, китайчатъ, съ другой — китаянка. У плуга стоялъ еще одинъ китаецъ. Всѣ они, закрывая ладонями глаза отъ солнца, смотрѣли на проходившій мимо отрядъ. Что они тутъ дѣлали? Неужели пахали?

— А вѣдь они пашутъ, — сказалъ Кутенковъ. — Ира, па-

шутъ... У нихъ клеймать баской,—може, чего и успѣетъ вырости... Я уже не первый разъ вижу.

Китаецъ у плуга что-то крикнулъ, старикъ дернулъ за оглобли, мальчишки, согнувшись, помогли ему, но плугъ не тронулся съ мѣста. Тогда китаецъ приподнялъ его и опять крикнулъ—та̀къ, какъ китайцы-погонщики кричатъ на своихъ муловъ:

— Іó, іó, іó...

Опять всѣ согнулись и потянули за оглобли; плугъ двинулся впередъ, а шедшій за нимъ китаецъ, налегая, мало по малу погружалъ его въ землю.

— Іо, іо, іо...

Но, должно быть, онъ опять слишкомъ глубоко зацѣпилъ плугомъ,—процессія остановилась. Тогда онъ вытащилъ изъ-за пояса длинный и гибкій хлыстъ и замахалъ имъ въ воздухѣ, задѣвая концомъ мальчишекъ, старика, женщину.

— Іо, іо, іо...

Тѣ рванулись, плугъ двинулся впередъ...

— Ишь какъ родителя-то, ровно мула!.. Ну, народъ... А вѣдь вспашутъ.

Засмѣялись и санитары. Только другой казакъ угрюмо и мрачно сказалъ:

— Теперя во всей округѣ скотины ни званія... Помирать народу приходитъ...

Мы отъѣхали уже далеко, а сзади все еще доносилось:

— Іо, іо, іо...

— Чудной народъ!..—говорилъ Кутенковъ. — Я видалъ, какъ имъ головы рубятъ... Ровно пѣтухамъ, ей-Богу... Фунфузовъ казнятъ. Ну, конечно, сначала это судятъ ихъ, чего-то читаютъ, по-ихнему, въ трубы трубятъ (трубы—во!..), потомъ вродѣ какъ въ тарелки бьютъ, а ужъ потомъ ведутъ казнить. Ну, ужъ сразу видно, куда привели: палачъ это ихній съ саблей стоитъ, всякая тебѣ тутъ штука, народъ, а они—ни, не боятся. Которые даже смѣются. Вò черти, а?.. Ну, выведутъ на середину, поставятъ на колѣни, рядомъ. Подходитъ палачъ, размахнется это и первому, что есть мочи—цопъ! Нá прочь... Ловкачи они, палачи-то... А другіе ждутъ очереди и смотрятъ. И если палачъ хорошо голову отмахнулъ, башками качаютъ: шанго, молъ, больно шанго... Ни, не боятся...

— А сабли у нихъ какія?—спросилъ Семеновъ.—Которыми головы-то рубятъ?..

— Здоровенныя... Вродѣ какъ у старинныхъ народовъ... Тяжелыя, страсть,—насилу подымешь!

— Ну, эдакой-то не мудрено сразу отмахнуть... Нѣтъ, ты топоромъ бы попробовалъ...

Когда я былъ въ Харбинѣ, мнѣ случайно пришлось присутствовать при казни хунхузовъ. Видѣлъ я, впрочемъ, только первую картину этого „представленія". Дѣйствительно, большая и тѣсная толпа собравшихся посмотрѣть китайцевъ и русскихъ вела себя точно въ ожиданіи выхода артистовъ въ циркѣ: болтали, что-то ѣли, щелкали орѣхами, смѣялись, толкались, выражали свое нетерпѣніе... И этотъ веселый, разноголосый гамъ сразу притихъ, когда на крыльцѣ появились судьи въ широкихъ, красныхъ хламидахъ. За ними шли шесть осужденныхъ... То есть, не шли, а прыгали—высоко, съ какой-то странной легкостью и живостью: у нихъ на ногахъ были колодки, и они могли подвигаться впередъ только прыжками. Они вытянули отъ напряженія шеи, казавшіяся ненормально длинными, съ каждымъ прыжкомъ высоко взмахивали руками и, дѣйствительно, походили на ощипанныхъ пѣтуховъ со связанными ногами... Народъ опять загалдѣлъ, двинулся было всей толпой впередъ, но полицейскіе, толстые, въ красныхъ одѣяніяхъ, осадили его назадъ, яростно лупя по головамъ и плечамъ переднихъ толстыми бамбуковыми палками... А осужденные все прыгали, пока не добрались до высокой колесницы, въ которой ихъ должны были везти на казнь.

— Чудной народъ!—продолжалъ Кутенковъ.—Хотя бы эти опять фунфузы. На казни смерти — не боятся, а въ сраженіи первые трусы. Чуть что—и драть. Ружья бросаютъ, всякую штуку — прямо безъ памяти бѣгутъ... Чего-то ихъ еще не слыхать, а вотъ погоди, черезъ мѣсяцъ-другой, ихъ будетъ сила. Голодъ вѣдь... Жрать нечего, земли нѣтъ — и идутъ въ фунфузы. Не издыхать же... Нашъ Липинлинка тоже въ фунфузы пойдетъ, когда его китайчата сдохнутъ.

— Это вѣрно,—согласился угрюмый казакъ.—Съ голоду они въ фунфузы идутъ... Земли бы имъ побольше, да никто бы ихъ не трогалъ...

XIV.

Извилистая дорога шла то по густому лѣсу, то между пашенъ, то по берегу горнаго шумливаго ручья въ узкомъ ущельи, то поднималась на пригоркѣ, то огибала высокій скалистый кряжъ. И неизмѣнно на каждомъ, хотя бы и самомъ маленькомъ, перевалѣ мы находили маленькую часовенку, стоявшую подъ тѣнью громаднаго дряхлаго дерева. Часовенки эти походили на игрушечные домики: на высокомъ каменномъ фундаментѣ помѣщалась каменная же будка, въ аршинъ вышины и ширины, съ изящной выгнутой

и украшенной по коньку драконами крышей. Въ часовенкѣ стояли изображенія святыхъ, удивительно похожія на русскія иконы. Тѣ же доски, тѣ же краски, тѣ же позы, тотъ же вѣнчикъ вокругъ головы, изображающій сіяніе, тѣ же надписи по обѣ стороны лица... Отличіе заключалось только въ физіономіяхъ святыхъ, съ косыми глазами и длинными усами, да въ костюмахъ. Если по бокамъ главной фигуры были изображены еще второстепенныя, ихъ позы, сжатыя на груди руки ладонями вмѣстѣ и лица, обращенныя къ главному божеству, еще болѣе подчеркивали сходство. Казалось, что художники, рисовавшіе русскія иконы и эти, прошли одну и ту же школу и потомъ рисовали, одни въ Россіи, другіе въ Китаѣ, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, къ мѣстнымъ требованіямъ... Передъ иконами стояли огарки красныхъ свѣчей и маленькія чашечки съ пепломъ, оставшимся послѣ куреній. Если часовенки находились возлѣ деревень, то на одномъ изъ сучьевъ дерева висѣлъ колоколъ,—самый обыкновенный русскій колоколъ, только съ китайскими надписями.

„Ордынскія“ мѣста кругомъ были восхитительны. Тутъ были широкія, привольныя долины съ неизбѣжной веселой рѣчкой по серединѣ; узкія и темныя, оглашаемыя шумомъ потоковъ, ущелья; горы, красивыя, темно-зеленыя, всевозможныхъ формъ и размѣровъ; громадные гребни съ голыми вершинами, высокіе, величественные, но не подавляющіе, не подчеркивающіе мысли о твоемъ человѣческомъ ничтожествѣ... И въ самыхъ уютныхъ уголкахъ виднѣлись соломенныя крыши одинокихъ фанзъ,—и, должно быть, что за идиллическая жизнь текла въ этихъ уютно спрятавшихся въ тѣни громадныхъ деревьевъ домикахъ! При каждой фанзѣ обязательно былъ небольшой, артистически воздѣланный огородъ съ кустами цвѣтущихъ розъ и піоновъ, маленькое полосатое поле цвѣтущаго же мака, пестрѣвшаго теперь бѣлыми и розовыми головками, и кругомъ—поля гаоляна, кукурузы. И все это такъ изящно, такъ домовито, такъ уютно.

Но теперь намъ попадались только опустѣвшія, брошенныя фанзы... И вообще все кругомъ было мертво: въ лѣсу, въ поляхъ не видно было ни одного животнаго, не слышно пѣнія птицъ, даже жужжанья насѣкомыхъ. Самъ лѣсъ — и тотъ стоялъ точно заколдованный, не шумя, не шелестя своими листьями... И было странно слышать впереди глухое погромыхиванье пушекъ, стукъ копытъ о каменистую дорогу и отрывочные разговоры сосѣдей... На небѣ, высокомъ и блѣдномъ, не было ни облачка, и солнце, неподвижное и жгучее, палило и горы, и лѣсъ, и фанзы...

Только изрѣдка намъ попадались какія-то великолѣпныя

бѣлоснѣжныя птицы, неподвижно стоявшія въ травѣ или на вершинѣ дерева, иногда очень близко отъ дороги. Онѣ походили на нашихъ цапель, но были больше и гораздо красивѣе и изящнѣе ихъ. Онѣ не боялись людей,—должно быть, китайцы за ихъ красоту считали ихъ священными и не трогали. Если кто-нибудь изъ казаковъ, желая испугать птицу, громко кричалъ, она медленно поворачивала на шумъ голову на длинной изящной шеѣ, смотрѣла нѣсколько мгновеній въ его сторону—и успокаивалась. А если кто-нибудь хотѣлъ поймать ее и подходилъ къ ней, она подпускала врага очень близко и только въ послѣдній моментъ медленно и мягко взмахивала огромными бѣлоснѣжными крыльями и поднималась. Отлетѣвъ нѣсколько саженъ, она испускала рѣзкій и громкій крикъ—и гдѣ-нибудь въ сторонѣ ей отзывался другой крикъ, такой же рѣзкій. Я не могъ разобрать, кто это ей отвѣчалъ,—эхо или другая птица.

Было жарко... Надъ высокими хребтами воздухъ дрожалъ и струился.

XV.

Доѣхали до перевала. Онъ оказался, дѣйствительно, очень крутымъ и высокимъ. Съ уханьемъ, съ крикомъ втащили на него пушки и съ такимъ же уханьемъ спустились на другую сторону. И только что спустились съ перевала, неожиданно выѣхали на большую дорогу, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда по ней двигались „главныя силы"... Планъ напасть на японцевъ неожиданно съ двухъ сторонъ сразу отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть.

Я немного отсталъ почему-то отъ своего отряда. Мимо меня проходила пѣхота. Впереди ѣхалъ пѣхотный генералъ, удивительно изящный и стройный, еще молодой и красивый господинъ. Онъ былъ одѣтъ въ изящный китель съ высокимъ воротникомъ, изъ-за котораго виднѣлся бѣлый, тоже высокій воротничекъ. Сѣдло у него было тоже изящное и красивое, а лошадь высокая и стройная... Все это было теперь покрыто пылью, но она не вредила картинѣ, а лишь придавала ей оттѣнокъ какой-то особой, походной щеголеватости. Генералъ говорилъ что-то сердито и громко ѣхавшему рядомъ съ нимъ офицеру.

— Люди не собаки,—донеслись до меня фразы его сердитой рѣчи, когда онъ поравнялся со мной. — Людямъ нуженъ отдыхъ. Нельзя гнать ихъ цѣлый день съ четырехъ утра по этому солнцу, по этой пыли безъ отдыха... Пока дойдемъ до японцевъ, куда они будутъ годны? Да они всѣ

попадають отъ солнечнаго удара... Это не кавалерія, извините, пожалуйста!

За генераломъ ѣхалъ какой-то офицеръ и клевалъ носомъ, а за нимъ шли, рота за ротой, усталые солдаты.

Они шли въ облакѣ желтой мелкой пыли, поднятой съ дороги тысячами копытъ и ногъ и неподвижно повисшей въ мертвомъ воздухѣ. Она набивалась въ носъ, въ глаза, въ уши, хрустѣла на зубахъ, грязнымъ слоемъ приставала къ потнымъ лицамъ.

Они шли, нагнувшись впередъ, разстроивъ ряды, и во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ была видна усталость и жажда... Шли они уже цѣлыхъ десять часовъ, глотая пыль, подъ жаркими лучами жестокаго солнца... И ихъ грязныя лица, утомленныя, безъ мысли въ потускнѣвшихъ глазахъ, были удивительно похожи одно на другое... Нѣкоторые изъ нихъ какъ-то машинально поднимали головы и равнодушно и тупо смотрѣли на меня... Думали ли они о чемъ-нибудь въ это время?..

Вдругъ гдѣ-то сбоку раздался далекій и странный звукъ,— точно кто-то быстро, однимъ усиліемъ разорвалъ кусокъ твердой ткани. Въ отвѣтъ этому звуку, на противоположной горѣ, въ лѣсу что-то прошумѣло неясно, неопредѣленно, — такъ шумитъ внезапно вспорхнувшая съ деревьевъ стая птицъ.

Это залпъ... Началось...

Солдаты оживились. Въ ихъ толпѣ пробѣжалъ короткій разговоръ, быстро смѣнившійся напряженной тишиной ожиданія... Кое-кто перекрестился, кое-кто поправилъ фуражку. Всѣ выпрямились, зашагали бодрѣе; разстроенные ряды какъ-то сами собой, незамѣтно и быстро, пришли въ порядокъ. И солдатскія лица теперь не были уже такъ похожи другъ на друга...

Раздался другой звукъ, похожій на первый, но громче и длиннѣе, и эхо въ горѣ прошумѣло яснѣе, тревожнѣе.

— Наши...—сказалъ кто-то изъ солдатъ.

Потомъ стало слышно отрывистое далекое щелканье, похожее, пожалуй, на щелканье бича. Каждое такое щелканье обязательно состояло изъ двухъ звуковъ: тк... тк... и второй звукъ былъ тономъ ниже перваго. Звуки эти то учащались, сливаясь въ непрерывную трескотню, то рѣдѣли, исчезали совсѣмъ—съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько секундъ разгорѣться снова...

Я дернулъ лошадь,—нужно было догонять свой отрядъ. Я обогналъ бодро теперь шагавшія роты, обогналъ дремлющаго офицера, который все еще продолжалъ дремать, изящнаго генерала. Онъ теперь ѣхалъ молча, нервно кусая какую-то былинку.

XVI.

Нашъ отрядъ глядѣлъ тоже бодрѣе и веселѣе, чѣмъ прежде. Толстый Руденко сидѣлъ еще важнѣе, еще осанистѣе, докторъ Эрдманъ поминутно поворачивалъ голову и смотрѣлъ на санитаровъ,—все ли въ порядкѣ.

— Ловко садятъ!—говорилъ Кутенковъ.—Это—японцы, это наши... Жарятъ, какъ слѣдуетъ... Опять японцы...

— Нѣтъ, вотъ подъ Синкайлиномъ жарили, это вотъ такъ!—возразилъ Семеновъ—Тамъ сразу, со всѣхъ сторонъ... Тамъ веселѣй было.

Они были простыми зрителями предстоящаго боя и оцѣнивали его только со стороны большей или меньшей занимательности зрѣлища...

— Ровно жидъ мѣха выколачиваетъ!—захохоталъ вдругъ Лазаревъ.—Такъ-такъ-такъ, такъ-такъ-такъ...

Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ слышнѣе и слышнѣе, громче и громче становились звуки перестрѣлки. Лѣсъ на противоположной горѣ шумѣлъ, не переставая,— этотъ необыкновенный шумъ то ослабѣвалъ, то усиливался, но уже не исчезалъ... Теперь до мѣста, гдѣ стрѣляли ближайшіе къ намъ русскіе стрѣлки, оставалось не болѣе версты.

Иваномъ Петровичемъ, ѣхавшимъ впереди меня, овладѣвало какое-то все усиливавшееся безпокойство: онъ ерзалъ на сѣдлѣ, то выпрямлялся, то опускался, поминутно смотрѣлъ въ ту сторону, откуда слышались выстрѣлы, дергалъ плечами, и когда раздавались залпы громче и сильнѣе, онъ весь съеживался и начиналъ дергать поводья.

— Куда-жъ это мы ѣдемъ?—вдругъ обернулся онъ ко мнѣ. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго и выражало волненіе.

— То есть?—переспросилъ я.

— Мы ужъ въ линіи огня,—смотрите, совсѣмъ рядомъ палятъ... Остановиться пора... Мы въ самой серединѣ,—вы думаете, разбирать будутъ, красный флагъ или не красный?..

Онъ опять задергалъ поводьями и подъѣхалъ къ доктору.

— Куда мы ѣдемъ? Совсѣмъ рядомъ стрѣляютъ... Остановиться надо, и перевязочный пунктъ... А то въ самой серединѣ ѣдемъ... Вонъ фанза—очень удобно, и прикрытіе...

Докторъ Эрдманъ спокойно, даже торжественно отвѣтилъ:

— Это не ваше дѣло указать, гдѣ пунктъ... Ѣздите, пожалуйста, на свое мѣсто.

— Да нельзя же лѣзть впередъ, въ серединѣ войска... Простите, пожалуйста, но это—глупо. Да!..

Иванъ Петровичъ круто повернулъ лошадь.

— Прошу не грубіянить!—крикнулъ докторъ.—Вы сами глупъ... Я—начальникъ!

Стрѣляли теперь только залпами, но часто, залпъ за залпомъ. Направо отъ насъ, въ какихъ-нибудь ста саженяхъ, стояла невысокая горка съ почти отвѣснымъ обращеннымъ къ намъ склономъ,—русскіе стрѣлки, очевидно, находились или на ней, или за ней.

Наконецъ, батарея остановилась и потомъ, круто повернувъ направо, направились къ отвѣсной горкѣ. Докторъ Эрдманъ скомандовалъ:

— Направо!—и поѣхалъ за батареей.

— Ну, вотъ... претъ на рожонъ, чортъ его дери совсѣмъ!—съ отчаяніемъ въ голосѣ сказалъ Иванъ Петровичъ.

Но подъ горкой было, должно быть, болѣе безопасное и защищенное отъ случайныхъ пуль мѣсто,—тамъ стояли „коноводы“ съ лошадьми и тамъ же находился докторъ Пархоменко съ своимъ фельдшеромъ. Батарея остановилась, казаки и офицеры расположились на травѣ. Еремичъ легъ на спину, раскинувъ руки.

— Жарко, чертямъ тошно!—крикнулъ онъ намъ, когда мы подъѣхали.—Это паршивое солнце точно нанялось—жарить на совѣсть... И удивляюсь: что за охота сражаться въ этакую жару?

Мы остановились возлѣ Пархоменко. Онъ сидѣлъ на камнѣ и глодалъ куриную ногу. Фельдшеръ, толстый, благообразный господинъ, видимо изъ запасныхъ, сидѣлъ возлѣ небольшого костра, надъ которымъ висѣлъ походный казацкій котелокъ. Обстановка была самая мирная. А за горкой, совсѣмъ близко, трещала перестрѣлка.

— Милости прошу къ нашему шалашу,—сказалъ, не переставая жевать, Пархоменко.—Пока дѣловъ нѣтъ, подзакусить да чайку испить не вредно...

— Раненые есть?—спросилъ я.

— Пока нѣтъ. Чортъ ихъ знаетъ, трещатъ, трещатъ—и никакого проку. Я сначала къ перестрѣлкамъ съ уваженіемъ относился: страсть, молъ, какая... А теперь—самое пустое дѣло. Точно они нарочно въ воздухъ жарятъ. Помните самое первое дѣло? Ужъ тамъ ли не палили,—битыхъ три часа, да еще какъ!.. А въ результатѣ—двое раненыхъ, да и то легко. Прямо удивительно... Впрочемъ, вонъ, кажется, несутъ...

Дѣйствительно, по дорогѣ двигалась странная группа. Четверо солдатъ, согнувшись, несли что-то слишкомъ короткое и широкое для носилокъ съ раненымъ.

— Руденко, помахайте имъ флагомъ,—крикнулъ я.

Носильщики замѣтили нашъ флагъ и направились къ намъ. Когда они подошли, одинъ спросилъ:

— Куда складать-то?

На двухъ ружьяхъ была растянута солдатская шинель, и на ней сидѣлъ, скорчившись, раненый. Голова его была запрокинута назадъ, шея и голая грудь покрыты свѣжей, ярко-алой кровью, ноги волочились по землѣ... Одна рука какъ-то странно торчала кверху, другая была подъ спиной...

Раненаго положили на траву. Онъ былъ безъ чувствъ— и только хрипѣлъ. Дышалъ тяжело и странно: его запачканная кровью худая грудь маленькими толчками поднималась кверху, затѣмъ останавливалась и такими же толчками опускалась. И тогда возлѣ его рта показывалась алая пѣна съ розоватымъ оттѣнкомъ... Лицо было совсѣмъ мертваго, синеватаго цвѣта. Шея была обмотана насквозь промокшей тряпкой, и на ней сидѣла толстая, большая черная муха...

Я взялъ его холодную, почти безжизненную, тяжелую руку. Обычныхъ ударовъ пульса уже не было, было только легкое дрожаніе, еле уловимое колебаніе кровяного потока...

Докторъ Эрдманъ развязалъ шею.

— Какъ его зовутъ?—спросилъ онъ между дѣломъ у носильщиковъ.

Тѣ отвѣтили.

— Иванъ Петровичъ... пишите, пожалуйста: рядовой... рана шеи... сквозная... входъ—на палецъ выше грудины... Записали? Выходъ... Семеновъ! Лазаревъ! Помогайте поднимать... Выходъ... на два пальца отъ позвоночника влѣво... на уровнѣ...

Докторъ Пархоменко стоялъ тутъ же и все еще жевалъ свою курицу, спокойно созерцая больного.

— Плохо дѣло,—констатировалъ онъ.—Не стоитъ перевязывать...

— Пробиты большіе сосуды... трахея...—продолжалъ диктовать Эрдманъ.—Лазаревъ, ваты... спирту... компрессъ...

Онъ энергично сталъ вытирать раненому шею, грудь... Она по прежнему съ хрипѣніемъ и клокотаніемъ поднималась и опускалась толчками,—и больной лежалъ, ничего не чувствуя, ничего не сознавая...

— Намъ что, идтить, что-ли ча?—спросили носильщики.

— Погоди маленько,—унесете къ обозу, въ дивизіонный лазаретъ,—отвѣтилъ Пархоменко.

Когда раненаго перевязали, его опять положили на шинель, прикрѣпленную къ ружьямъ. Солдаты подняли его, и онъ принялъ прежнее положеніе...

— Да не идите въ ногу,—напутствовалъ ихъ Пархо-

менко.—Эхъ, надо бы чѣмъ-нибудь отъ солнышка закрыть... Только нечѣмъ. Вотъ развѣ платкомъ..—Онъ вытащилъ изъ кармана платокъ.—Ну-ка, санитаръ, бѣги, прикрой...

Потомъ явилось еще трое раненыхъ съ легкими ранами—въ руку или ногу. Раны были маленькія и сухія,—и докторъ Эрдманъ вслухъ констатировалъ „гуманность" японскихъ пуль, что онъ дѣлалъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

XVII.

Между тѣмъ, звуки перестрѣлки ослабѣвали,—выстрѣлы стали рѣже, тише и дальше. И всѣ они были теперь одинаковой силы,—было ясно, что стрѣляла одна сторона, должно быть, русскіе. Они прекратились, наконецъ, совсѣмъ, потомъ прогремѣлъ и раздался шумомъ гдѣ-то въ лѣсу длинный русскій залпъ,—и все стихло.

Къ батареѣ подскакалъ генеральскій адъютантъ. Его лошадь галопомъ неслась по неровному полю и вдругъ, возлѣ самой батареи, споткнулась. Короткій и толстый адъютантъ слетѣлъ на землю, но моментально вскочилъ, даже подпрыгнулъ, какъ мячикъ, и крикнулъ осипшимъ отъ жары и пыли голосомъ:

— Начальникъ отряда приказалъ...

Потомъ схватился рукой за колѣно и, хромая, пошелъ къ начальнику батареи.

— Ушибся, чортъ васъ дери-и... Японскую заставу сбили... Да, генералъ приказалъ двумъ орудіямъ выѣхать на позицію, вотъ на эту сопку, и открыть огонь по отступающей колоннѣ... Да скорѣе, а то уйдутъ...

— Сотникъ Еремичъ! Пожалуйте...

Еремичъ вскочилъ, какъ угорѣлый, и закричалъ:

— Третье орудіе! Четвертое орудіе! Къ конямъ!.. Живо!.. Подай коня!.. Живо!.. За мной! Рысью!.. Докторчикъ, айда японца жарить!—крикнулъ онъ, проѣзжая мимо меня.

Мимо насъ пронеслись два орудія: сначала нѣсколько паръ лошадей, потомъ короткія и черныя, торопливо ковыляющія на высокихъ колесахъ, пушки... Я вскочилъ на лошадь и поѣхалъ за толпой батарейцевъ.

Въѣздъ на „сопку" былъ крутой, неровный и покрытый мелкимъ кустарникомъ. Еремичъ выходилъ изъ себя и кричалъ во всю глотку, понукая людей и лошадей:

— Ну, ну, ребятишки, наддай, наддай... Ну, ну!.. Ходу, ходу!..

Ребятишки били лошадей и тоже орали. Лошади напрягали всѣ свои силы: крѣпко упираясь ногами, склонивъ го-

ловы почти до земли, вытянувшись всѣмъ подавшимся впередъ туловищемъ, онѣ тянули кверху угрюмо погромыхивавшія и позвякивавшія пушки, казавшіяся такими легкими. Люди усердствовали не менѣе лошадей: хриплыя, рѣзкія понуканія, крѣпкія слова, жестокіе удары плетей...

Наконецъ, выѣхали на вершину. Еремичъ спрыгнулъ съ лошади.

— Ставь сюда!.. Сюда, сюда, чортъ!.. Третье орудіе! Четвертое орудіе!.. Отводи лошадей.

Потомъ онъ торопливыми, неловкими движеніями досталъ бинокль и сталъ смотрѣть на уходящую вдаль долину.

— Ага, вонъ они, голубчики... Никита Иванычъ, видишь?

Никита Иванычъ, пожилой, благообразный, солидный казакъ съ посѣдѣвшей длинной и густой бородой, тоже смотрѣлъ на долину, приложивъ ко лбу руку въ видѣ козырька.

— Однако,—отвѣтилъ онъ,—почитай, двѣ версты. Трубку надо восемь.

— Ну, Никита Иванычъ, наводи... Живѣй, живѣй!—заволновался опять Еремичъ. Онъ былъ крайне возбужденъ: глаза его блестѣли, казались теперь черными, на лицѣ были капли пота, фуражка была сдвинута на затылокъ и надо лбомъ висѣли курчавые, мокрые, слипшіеся волосы. Никита Иванычъ, напротивъ, былъ очень спокоенъ: онъ, не торопясь, нагнулся къ одной пушкѣ и долго-долго двигалъ ею, поднималъ, опускалъ, потомъ подошелъ къ другой.

— Да скорѣй ты, Никита Иванычъ,—нервничалъ Еремичъ.—Чортъ тебя знаетъ, ворожишь, ворожишь...

— Поспѣшишь—людей насмѣшишь,—спокойно отвѣтилъ Никита Иванычъ, потомъ опять посмотрѣлъ, приложивъ руку ко лбу, въ долину и, наконецъ, сказалъ:—Ребята, подавай ядрышки... Трубка восемь.

Нѣсколько казаковъ бросились къ стоявшей тутъ же, въ двухъ-трехъ шагахъ, лошади, навьюченной зарядными ящиками. Еремичъ ринулся за ними, понукая и ругаясь, даже ударилъ одного по шеѣ... Ремни ящиковъ оказались запутанными, дѣло не клеилось...

— Повѣсить васъ мало, мерзавцевъ!—вопилъ Еремичъ.

Наконецъ, одинъ ящикъ распутали,—онъ неожиданно раскрылся и изъ него посыпались на траву мѣдные маленькіе снаряды. Нѣкоторые изъ нихъ покатились подъ гору.

— Потомъ подберешь, черти!.. Подавай скорѣй!..

Никита Иванычъ съ прежней неторопливостью поворожилъ надъ снарядами, всунулъ ихъ въ пушки и, опять посмотрѣвъ на равнину, немного ихъ передвинулъ. Еремичъ въ волненіи суетился около старика.

менко.—Эхъ, надо бы чѣмъ-нибудь отъ солнышка закрыть... Только нечѣмъ. Вотъ развѣ платкомъ..—Онъ вытащилъ изъ кармана платокъ.—Ну-ка, санитаръ, бѣги, прикрой...

Потомъ явилось еще трое раненыхъ съ легкими ранами—въ руку или ногу. Раны были маленькія и сухія,—и докторъ Эрдманъ вслухъ констатировалъ „гуманность" японскихъ пуль, что онъ дѣлалъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

XVII.

Между тѣмъ, звуки перестрѣлки ослабѣвали,—выстрѣлы стали рѣже, тише и дальше. И всѣ они были теперь одинаковой силы,—было ясно, что стрѣляла одна сторона, должно быть, русскіе. Они прекратились, наконецъ, совсѣмъ, потомъ прогремѣлъ и раздался шумомъ гдѣ-то въ лѣсу длинный русскій залпъ,—и все стихло.

Къ батареѣ подскакалъ генеральскій адъютантъ. Его лошадь галопомъ неслась по неровному полю и вдругъ, возлѣ самой батареи, споткнулась. Короткій и толстый адъютантъ слетѣлъ на землю, но моментально вскочилъ, даже подпрыгнулъ, какъ мячикъ, и крикнулъ осипшимъ отъ жары и пыли голосомъ:

— Начальникъ отряда приказалъ...

Потомъ схватился рукой за колѣно и, хромая, пошелъ къ начальнику батареи.

— Ушибся, чортъ васъ дери-и... Японскую заставу сбили... Да, генералъ приказалъ двумъ орудіямъ выѣхать на позицію, вотъ на эту сопку, и открыть огонь по отступающей колоннѣ... Да скорѣе, а то уйдутъ...

— Сотникъ Еремичъ! Пожалуйте...

Еремичъ вскочилъ, какъ угорѣлый, и закричалъ:

— Третье орудіе! Четвертое орудіе! Къ конямъ!.. Живо!.. Подай коня!.. Живо!.. За мной! Рысью!.. Докторчикъ, айда японца жарить!—крикнулъ онъ, проѣзжая мимо меня.

Мимо насъ пронеслись два орудія: сначала нѣсколько паръ лошадей, потомъ короткія и черныя, торопливо ковыляющія на высокихъ колесахъ, пушки... Я вскочилъ на лошадь и поѣхалъ за толпой батарейцевъ.

Въѣздъ на „сопку" былъ крутой, неровный и покрытый мелкимъ кустарникомъ. Еремичъ выходилъ изъ себя и кричалъ во всю глотку, понукая людей и лошадей:

— Ну, ну, ребятишки, наддай, наддай... Ну, ну!.. Ходу, ходу!..

Ребятишки били лошадей и тоже орали. Лошади напрягали всѣ свои силы: крѣпко упираясь ногами, склонивъ го-

ловы почти до земли, вытянувшись всѣмъ подавшимся впередъ туловищемъ, онѣ тянули кверху угрюмо погромыхивавшія и позвякивавшія пушки, казавшіяся такими легкими. Люди усердствовали не менѣе лошадей: хриплыя, рѣзкія понуканія, крѣпкія слова, жестокіе удары плетей...

Наконецъ, выѣхали на вершину. Еремичъ спрыгнулъ съ лошади.

— Ставь сюда!.. Сюда, сюда, чортъ!.. Третье орудіе! Четвертое орудіе!.. Отводи лошадей.

Потомъ онъ торопливыми, неловкими движеніями досталъ бинокль и сталъ смотрѣть на уходящую вдаль долину.

— Ага, вонъ они, голубчики... Никита Иванычъ, видишь?

Никита Иванычъ, пожилой, благообразный, солидный казакъ съ посѣдѣвшей длинной и густой бородой, тоже смотрѣлъ на долину, приложивъ ко лбу руку въ видѣ козырька.

— Однако,—отвѣтилъ онъ,—почитай, двѣ версты. Трубку надо восемь.

— Ну, Никита Иванычъ, наводи... Живѣй, живѣй!—заволновался опять Еремичъ. Онъ былъ крайне возбужденъ: глаза его блестѣли, казались теперь черными, на лицѣ были капли пота, фуражка была сдвинута на затылокъ и надо лбомъ висѣли курчавые, мокрые, слипшіеся волосы. Никита Иванычъ, напротивъ, былъ очень спокоенъ: онъ, не торопясь, нагнулся къ одной пушкѣ и долго-долго двигалъ ею, поднималъ, опускалъ, потомъ подошелъ къ другой.

— Да скорѣй ты, Никита Иванычъ,—нервничалъ Еремичъ.—Чортъ тебя знаетъ, ворожишь, ворожишь...

— Поспѣшишь—людей насмѣшишь,—спокойно отвѣтилъ Никита Иванычъ, потомъ опять посмотрѣлъ, приложивъ руку ко лбу, въ долину и, наконецъ, сказалъ:—Ребята, подавай ядрышки... Трубка восемь.

Нѣсколько казаковъ бросились къ стоявшей тутъ же, въ двухъ-трехъ шагахъ, лошади, навьюченной зарядными ящиками. Еремичъ ринулся за ними, понукая и ругаясь, даже ударилъ одного по шеѣ... Ремни ящиковъ оказались запутанными, дѣло не клеилось...

— Повѣсить васъ мало, мерзавцевъ!—вопилъ Еремичъ.

Наконецъ, одинъ ящикъ распутали,—онъ неожиданно раскрылся и изъ него посыпались на траву мѣдные маленькіе снаряды. Нѣкоторые изъ нихъ покатились подъ гору.

— Потомъ подберешь, черти!.. Подавай скорѣй!..

Никита Иванычъ съ прежней неторопливостью поворожилъ надъ снарядами, всунулъ ихъ въ пушки и, опять посмотрѣвъ на равнину, немного ихъ передвинулъ. Еремичъ въ волненіи суетился около старика.

— Ну? Ну?.. Готово? Готово?.. Всѣ на мѣстахъ?.. Погоди, я самъ...

Онъ наклонился быстро къ одной пушкѣ, потомъ къ другой, потомъ отскочилъ и крикнулъ не своимъ голосомъ:

— Ж-жарь!.. Третье орудіе! Четвертое орудіе!..

„Ахъ!.. ахъ...“—неожиданно тихо и глухо ахнули пушки, и вслѣдъ затѣмъ я услышалъ рѣзкій, короткій, быстро ослабѣвшій свистъ. Пушки отскочили назадъ, и надъ ними встало легкое, чуть замѣтное облако прозрачнаго пара.

Еремичъ съ биноклемъ, Никита Иванычъ съ рукой въ видѣ козырька, я, казаки,—всѣ молча устремились взорами въ долину... Откуда-то прилетѣло эхо, гораздо болѣе звучное и длинное, чѣмъ самъ выстрѣлъ... Я безъ бинокля видѣлъ только одну пустую, покрытую легкой дымкой знойнаго дня долину. Вдругъ въ самомъ концѣ ея, на фонѣ темной горы, появились одно за другимъ два бѣлыхъ круглыхъ облачка...

— Попало,—спокойно сказалъ Никита Иванычъ.

— Попали!—закричалъ Еремичъ въ восторгѣ.—Ребята, ура! Ура-а!..

И съ нестройнымъ крикомъ казаковъ смѣшался гулъ, прилетѣвшій съ мѣста разрыва снарядовъ и усиленный многоголосымъ эхо...

Снова стали наводить орудіе и заряжать. Еремичъ суетился еще больше прежняго. Онъ охрипъ, съ его головы свалилась фуражка, и онъ не замѣчалъ этого.

— Уходятъ! Уходятъ!—волновался онъ.—Ей-Богу, уходятъ... Живѣй вы, чортъ васъ...

XVIII.

Когда я спустился внизъ, къ своимъ, я увидѣлъ Унтерберга, которому Эрдманъ перевязывалъ руку немного выше локтя. Унтербергъ былъ блѣденъ, взволнованъ и казался похудѣвшимъ со вчерашняго вечера: глаза, окруженные темными кругами, сидѣли глубже, и черты лица были рѣзче. Оказалось, раненъ онъ былъ очень легко, — пуля задѣла только кожу на рукѣ.

— Везетъ вамъ, везетъ, везетъ...—говорилъ Эрдманъ, накладывая на руку слои бинта.

На верху опять, въ послѣдній разъ, ахнули пушки Еремича; здѣсь, внизу, звукъ казался почему-то громче, раскатистѣе, внушительнѣе. Унтербергъ отъ неожиданности вздрогнулъ.

— Нервничаю, какъ баба,—сказалъ онъ слабымъ, дрожащимъ голосомъ.—Самому смѣшно... Григорій Петровичъ, нѣтъ ли у васъ коньяку?

Я налилъ ему изъ фляги коньяку. Онъ взялъ дрожащей рукой стаканчикъ и, роняя капли, выпилъ.

— Никогда такъ не трусилъ, какъ сегодня... То есть не то, чтобы трусость, а нервозность какая-то...

Когда Эрдманъ кончилъ перевязку, онъ опустился на траву.

— Все проклятыя примѣты,—криво улыбнулся онъ мнѣ.— Какъ баба...

Между тѣмъ, съ горки, въ самомъ крутомъ ея мѣстѣ, спускались одинъ за другимъ казаки, очевидно, выбирая кратчайшее разстояніе. Это были стрѣлки, участвовавшіе въ перестрѣлкѣ и теперь возвращавшіеся къ своимъ лошадямъ. Спустившись, каждый изъ нихъ прежде всего жадно припадалъ къ бѣжавшему тутъ ручейку и пилъ долго, долго... Потомъ они молча шли къ своимъ лошадямъ и разбирали ихъ. Только изрѣдка кто-нибудь кричалъ злымъ и хриплымъ голосомъ:

— Чьего коня берешь, разява?.. Разуй глаза!

Или:

— Ну, ты, падаль... Убери ногу!.. Ногу, говорятъ...

— Что, братцы, много японца перебили?—спросилъ ихъ батарейный офицеръ.

— Кто е знаетъ,—отвѣтили ему. Палитъ, палитъ, а откуда палитъ, не разберешь. Такъ на махъ и стрѣляли... Ежели бы видно было, оно бы, конечно... Да, должно, все-жъ таки положили и ихъ: зря бы апонецъ не отступилъ.

Все это разсказывалось спокойно, нехотя, только потому, что офицеру нельзя не отвѣтить...

По дорогѣ показались оставшіяся позади резервныя роты. Онѣ шли впередъ,—очевидно, было рѣшено дальнѣйшее наступленіе. Шли онѣ теперь уже окончательно безъ всякаго порядка, толпами.

Докторъ Эрдманъ рѣшилъ тоже двинуться дальше. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ наступленіемъ: во всю нашу походную жизнь мы въ первый разъ видѣли, что отступили японцы, и потомъ—если-бъ остались на мѣстѣ, дѣло ограничилось бы только происшедшей перестрѣлкой, и грандіознаго „орудейнаго“ дѣла докторъ не увидалъ бы сегодня.

— Къ конямъ!—скомандовалъ онъ.—Ѣдемъ впередъ.

Иванъ Петровичъ злыми глазами посмотрѣлъ на него, пожалъ плечами и пошелъ къ своей лошади.

— Я съ вами,—поднялся вдругъ Унтербергъ. Онъ теперь казался болѣе спокойнымъ.

— Какъ съ нами?—удивился Эрдманъ.—Вамъ надо туда, въ дивизіонный лазаретъ. Вы—раненый.

— Какой я раненый... Безбородовъ, коня!.. Если бъ я уѣхалъ, это значило бы, что я просто радъ предлогу. Что, у меня самолюбія нѣтъ?

Онъ рѣшительно прыгнулъ на лошадь и твердо сѣлъ.

— Все равно...

Мы выѣхали на дорогу и двинулись впередъ. По полю, недалеко отъ насъ, шла толпа пѣхотныхъ офицеровъ, ушедшихъ отъ своихъ ротъ; кое-гдѣ кучками спокойно ѣхали тоже впередъ казаки, черезъ рѣку переѣзжала полевая батарея. Повидимому, опасности теперь не было никакой, и возобновленія сраженія не ждали,—иначе все двигалось бы впередъ съ большимъ порядкомъ.

Унтербергъ ѣхалъ рядомъ со мной. Сначала онъ молчалъ, сосредоточенно и угрюмо, потомъ вдругъ улыбнулся и сказалъ:

— Собственно говоря, мнѣ ужасно давеча хотѣлось уѣхать назадъ... Прямо—тянуло... Чортъ его, вѣдь это—форменная трусость, а?.. Но я не боюсь... Должно быть, кромѣ обыкновенной трусости, когда боятся, есть еще другая трусость—чисто физическая.

Общій видъ спокойнаго движенія солдатъ и казаковъ и увѣренность, точно носившаяся въ воздухѣ, что больше дѣла не будетъ, оказывали вліяніе и на него. Имъ теперь овладѣло спокойное, добродушное чувство, появляющееся тогда, когда проходитъ серьезная опасность. Послѣ сраженія офицеры, принимавшіе въ немъ участіе, кажутся всегда такими милыми, добродушными, разговорчивыми. И всегда въ такихъ случаяхъ они очень любятъ разсказывать о прошедшей опасности, о своихъ ощущеніяхъ, о томъ, какъ свистѣли пули, — точно смакуютъ мысль, что все это уже прошло...

Унтербергъ закурилъ папиросу.

— Серьезно: чисто физическая... Ого, теперь я знаю, что бываютъ такія положенія, когда голова теряетъ всякую власть надъ тѣломъ. Ваши ноги, руки, всѣ мускулы работаютъ тогда, совсѣмъ не сообразуясь съ приказаніями ума... Вы понимаете, что если свиститъ пуля, она уже не опасна, но всетаки наклоняете голову. Вамъ нужно выйти изъ-за дерева, потому что вы прекрасно сознаете, что оно васъ не защититъ, напрягаете всю свою волю,—и не можете двинуть ногой... Вы понимаете, что вы уже попали въ безопасное мѣсто, но вы не можете остановиться, ваши ноги опять не слушаются васъ. Вы, можетъ, не боитесь уже нисколько, а всетаки бѣжите... Боюсь не „я“, не мое психическое „я“,

а боится все мое тѣло: руки, ноги, все тѣло... Помните дѣло на перевалѣ?

Это „дѣло" заключалось въ слѣдующемъ. Вечеромъ часть отряда около тысячи человѣкъ остановилась на бивакъ на перевалѣ—на небольшой полянкѣ между двумя невысокими возвышеніями. Полянка была очень мала,—и казаки, и лошади размѣстились тѣсной, чуть не сплошной толпой... И въ то время, какъ люди благодушно распивали чаекъ, съ ближайшей возвышенности, почти въ упоръ въ густую толпу, загремѣли одинъ за другимъ залпы... Это было такъ неожиданно, такъ страшно, что всѣми овладѣлъ паническій, неописуемый ужасъ. Какъ во всѣ стороны летятъ брызги отъ упавшаго въ воду тяжелаго камня, такъ бросились во всѣ стороны находившіеся на полянкѣ. И въ нѣсколько секундъ она была пуста,—на ней остались только трупы людей и лошадей, брошенные костры, чайники, котелки...

— Тогда я, ужъ не помню теперь, какъ попалъ за кумирню,—продолжалъ Унтербергъ.— Пули кругомъ свистѣли очень часто,—почти каждое мгновеніе можно было слышать свистъ—то надъ кумирней, то сбоку. Но я тогда совсѣмъ не боялся, и у меня, какъ это ни странно, было даже какое-то смѣшливое настроеніе. Генералъ мнѣ приказалъ.. не помню теперь, что... Нужно было, словомъ, выйти изъ безопаснаго угла въ это пространство, пронизываемое пулями. Я, понимаете ли, смѣло пошелъ, но когда дошелъ до конца стѣны, остановился... И не могъ, какъ ни хотѣлъ, какъ ни напрягалъ свою волю, сдѣлать ни шагу далѣе... Точно загораживала дорогу какая-то невидимая стѣна... Чортъ его знаетъ... А когда сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе и шагнулъ въ страшное пространство, я прыгнулъ назадъ—совершенно непроизвольно, совершенно неожиданно для себя. Точно кто взялъ меня за шиворотъ и толкнулъ обратно... А вотъ теперь... Когда мнѣ показалось, что стрѣляютъ по мнѣ, по одному, я потерялъ всякое соображеніе, и теперь мнѣ кажется, что тогда у меня въ головѣ не было ни одной мысли. Впрочемъ, я сегодня былъ взвинченъ больше обыкновеннаго... Но посмотрите,—я сломалъ свой хлыстъ. Онъ очень крѣпокъ и, чтобы сломать его, нужно бѣшено лупить по бокамъ лошади... А я совершенно не помню, что билъ лошадь... Ну-ка, медикъ, психопатологъ, объясни?!.

Онъ хлопнулъ меня по плечу и весело засмѣялся. Слышать его великолѣпный, звонкій, дѣтскій смѣхъ,—было для меня тогда самымъ лучшимъ, самымъ большимъ удовольствіемъ, и, даже въ минуты мрачнаго настроенія, я всегда невольно улыбался въ отвѣтъ.

— Гм...—улыбнулся я и теперь.—Можетъ быть, высшіе,

„психическіе" центры, которые есть у человѣка, какъ и у всѣхъ высшихъ животныхъ, въ такіе моменты парализуются...

— И человѣкъ становится животнымъ низшимъ? — еще веселѣе захохоталъ Унтербергъ.

— Вотъ, вотъ...

— Философія философіей, а мнѣ надо ѣхать на свое мѣсто.. Прощайте! Когда остановимся ночевать, я къ вамъ зайду.

Онъ ударилъ лошадь и ускакалъ впередъ.

XIX.

Было уже около пяти часовъ вечера. Становилось не такъ жарко, какъ прежде, и солдаты кругомъ имѣли какъ будто болѣе бодрый, менѣе утомленный видъ,—можетъ быть, потому, что острое ощущеніе усталости смѣнилось у нихъ тупымъ, хроническимъ и не бросалось теперь такъ рѣзко въ глаза постороннему наблюдателю... А можетъ быть, ихъ оживляла мысль о скорой остановкѣ на ночлегъ, о томъ, что всѣ опасности сегодняшняго дня уже прошли...

Увѣренность въ этомъ, Богъ знаетъ, откуда взявшаяся, овладѣла всѣми: и мной, и санитарами, и офицерами, и казаками, и солдатами...

Впереди остановились. Мы подъѣхали ближе къ батареѣ и тоже остановились. Дорога въ этомъ мѣстѣ лежала между высокой каменной стѣной, загораживавшей большую деревню, и другой стѣной, низенькой, около аршина высоты, полуразрушенной, неизвѣстно зачѣмъ проведенной вдоль дороги параллельно первой. Подъѣзжавшіе и подходившіе сзади казаки и солдаты тоже останавливались, образуя на равнинѣ, за этой маленькой стѣнкой, громадную, безпорядочную толпу, гдѣ смѣшались и люди, и лошади.

— Должно, въ этомъ станкѣ ночевать, — сказалъ Кутенковъ.—Станокъ ничего... Тутъ, чай, всего...

Я слѣзъ съ лошади и подошелъ къ двумъ пѣхотнымъ офицерамъ, усѣвшимся противъ насъ на камняхъ полуразрушенной стѣнки. Одинъ изъ нихъ былъ толстый, съ большимъ брюхомъ, пожилой, одѣтый въ темно-зеленую рубаху и такіе же штаны. Даже чехолъ на его фуражкѣ—и тотъ былъ зеленаго цвѣта. У него было широкое, немного монгольскаго типа лицо, съ чрезвычайно скудной, почти незамѣтной растительностью, приплюснутый носъ, большой ротъ, толстыя губы,—и все это вмѣстѣ съ его зеленымъ костюмомъ дѣлало его очень похожимъ на гигантскую лягушку. Другой былъ совсѣмъ юный, страшно загорѣлый—до того,

что бѣлки его глазъ и губы прежде всего привлекли мое вниманіе. Одѣтъ онъ былъ въ грязно-желтое. Зеленый вертѣлъ въ рукахъ жестянку консервовъ и, очевидно, не зналъ, какъ ее открыть.

— Надо шашкой,—сказалъ сиплымъ голосомъ молодой.

— Испортишь,—отвѣтилъ зеленый жиденькимъ сдавленнымъ теноромъ, удивительно не идущимъ къ его грубой фигурѣ.

Кутенковъ у насъ былъ мастеръ на всѣ руки, при чемъ это опредѣленіе обнимало и удивительное его умѣніе откупоривать жестяныя коробки шашкой безъ видимаго вреда для нея. Я предложилъ офицерамъ его услуги. Кутенковъ вытащилъ шашку, положилъ коробку на землю и артистически отрѣзалъ у ней крышку.

— Великолѣпно!..—пропищалъ зеленый.—Молодецъ, очень хорошо... Какъ тебя зовутъ?

— Семенъ, ваше благородіе.

— Артистически, братъ... Молодецъ!

— Радъ стараться, ваше благородіе.

Въ жестянкѣ оказались кильки. Зеленый взялъ прямо пальцами одну рыбку за хвостъ, потрясъ немного и, не очистивъ, положилъ въ ротъ. Потомъ протянулъ жестянку молодому офицеру.

— Съ жажды потомъ сдохнешь,—сказалъ тотъ, однако такимъ же манеромъ взялъ рыбку.—Хлѣба вотъ нѣтъ—вотъ гдѣ бѣда.

— Жрешь, жрешь всякую дрянь, а катара нѣтъ,—заговорилъ зеленый, жуя.—Который мѣсяцъ жду катара, а его все нѣтъ и нѣтъ, чортъ бы его дралъ совсѣмъ... Съ голоду и не то жрать будешь... Вотъ мнѣ этотъ... какъ его?.. ну, словомъ, этотъ... разсказывалъ. Такъ до чего дошли? Хвосты, говоритъ...

„А-а-ахъ, ахъ, ахъ!..“—вдругъ раздались гдѣ-то впереди и, какъ мнѣ показалось, съ разныхъ сторонъ зловѣщіе, глухіе, почти сливающіеся пушечные удары... И почти тотчасъ же я услыхалъ быстро усиливающійся свистъ—странный, почти гармоническій...

— Должно быть, разнаго калибра ядра...—машинально подумалъ я.

А свистъ быстро сталъ пронзительно-рѣзкимъ,—и вдругъ надъ нашими головами, одинъ за другимъ, раздались сильные, короткіе, рѣзкіе металлическіе удары, похожіе на удары театральнаго грома...

Это—японцы, это—шрапнель, это—стрѣляютъ въ насъ, по нашей густой, безпорядочной толпѣ!..

Все кругомъ затихло, замерло въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

Зеленый офицеръ вскочилъ, выронилъ изъ рукъ жестянку и, продолжая торопливо жевать, выпучилъ на меня свои узкіе безцвѣтные глаза. Онъ рѣшительно не понималъ, въ чемъ дѣло... Я машинально бросился къ своей лошади, онъ, не спуская съ меня глазъ, за мной... Я не зналъ, что дѣлать,— сердце у меня билось такъ, что мнѣ было трудно дышать, и я вдругъ почувствовалъ крайнюю, невыносимую жажду...

И все это разрѣшилось рѣзкимъ, отчаяннымъ крикомъ, раздавшимся съ находившейся впереди насъ батареи:

— Налѣво кругомъ!.. Рысью!..

Вѣроятно, эта команда относилась только къ батареѣ, но въ голосѣ, прокричавшемъ ее, было столько ужаса, даже отчаянія, что всѣ кругомъ подхватили команду и закричали такими-же взволнованными, отчаянными голосами:

— Налѣво кругомъ!.. Рысью! Рысью!..

И все кругомъ моментально пришло въ поспѣшное движеніе, зашумѣло, закричало, побѣжало назадъ... И опять глухо и зловѣще ахнулъ вдали залпъ, опять раздался странный свистъ и потомъ — удары театральнаго грома надъ головой...

„Если бы мы были немного позади, попало бы въ насъ“, опять машинально подумалъ я.

Мы тоже подвигались назадъ, но такъ какъ наши мулы могли идти только шагомъ, то за нами послышались раздраженные, злые, хриплые голоса:

— Дорогу дай! Дай дорогу!..

„Они насъ сомнутъ и разобьютъ нашъ отрядъ“,—подумалъ я, и мнѣ вдругъ показалось ужасно непріятнымъ отбиться отъ „своей“ кучки... Я сообразилъ, что стѣна, вдоль которой мы ѣхали, близко отсюда подъ прямымъ угломъ поворачивала въ другую сторону, и рѣшилъ, что намъ надо доѣхать до этого угла и свернуть. Тамъ за стѣнкой—все-же нѣкоторая безопасность и можно будетъ сообразить, что дѣлать дальше.

— Господа, погоняй муловъ!—крикнулъ я.—Лупи ихъ, лупи... Вмѣстѣ держись!

Но мулы сами побѣжали рысью. Этого съ ними никогда не бывало,—должно быть, и они были напуганы выстрѣлами, и ими овладѣло всеобщее волненіе...

А сзади все стрѣляли и стрѣляли,—теперь уже не рѣдкими залпами, а частыми одиночными выстрѣлами. И снаряды почти каждый моментъ свистали гдѣ-то вверху и лопались...

Наконецъ, мы добрались до уступа стѣны.

— Направо!—крикнулъ я.

Вѣроятно, санитары еще раньше поняли мою мысль,—

такъ быстро они свернули съ дороги. Но... за уступомъ стѣны оказалась не то глубокая яма, полная густой грязи, не то болото,—и мы всѣ, на всемъ ходу вскочившіе туда, завязли въ вонючей грязи. Лошади забились, толстый Руденко въ своемъ красномъ казакинѣ упалъ съ коня и, уронивъ флагъ, закричалъ голосомъ, полнымъ отчаянія:

— Утонулъ!.. Выручай, братцы!

Никто и не шевельнулся „выручать". Только Семеновъ крикнулъ:

— Знамя-то!.. Знамя!

Кутенковъ подхватилъ флагъ. Усталыя лошади быстро успокоились и покорно стали на мѣстѣ, по брюхо въ грязи. Руденко копошился въ грязи, стараясь вытащить изъ нея завязшую ногу и снова влѣзть на лошадь. А снаряды все летѣли и летѣли, разрываясь надъ толпой бѣгущихъ совсѣмъ рядомъ съ нами. Одинъ лопнулъ впереди насъ, и нѣсколько пуль тяжело шлепнулось въ грязь, обдавъ насъ брызгами...

Мало по малу я пришелъ въ себя и былъ теперь болѣе спокоенъ, хотя ясно чувствовалъ, какъ сильно бьется у меня сердце... Я рѣшилъ выждать еще нѣкоторое время, пока не освободится совсѣмъ дорога, и тогда выѣхать куда-нибудь на совершенно открытую поляну, поднять повыше флагъ и начать свое дѣло. До этого момента у меня не было ни одной мысли о раненыхъ, о томъ, что всѣ бѣгутъ и никто ихъ не подбираетъ... И только теперь я сообразилъ, что ихъ должно быть очень много. Я видѣлъ, какъ люди на бѣгу падали лицомъ въ землю, точно невидимая рука толкала ихъ сзади, видѣлъ, какъ упавшіе, напрягая всѣ свои силы, медленно-медленно ползли впередъ...

Затрещала и ружейная стрѣльба. Проскакали по дорогѣ генеральскіе адъютанты, потомъ самъ генералъ, и послышались новые крики:

— Стой! Стой! Стой!..

Какъ я узналъ потомъ, генералъ и не подозрѣвалъ сначала о происшедшей за горной батареей паникѣ... Впрочемъ, порядокъ возстановили удивительно скоро: черезъ десять-пятнадцать минутъ мимо насъ прошла впередъ широкая цѣпь стрѣлковъ, затѣмъ другая, сотня казаковъ поскакала куда-то черезъ долину.

Японскій огонь сталъ тише, — выстрѣлы раздавались рѣже, и хотя мы и слышали свистъ гранатъ, но разрывались онѣ уже гдѣ-то впереди, все въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

XX.

Я не знаю, сколько времени продолжался весь этотъ ужасъ... Когда потомъ, уже въ мирной обстановкѣ, я вспоминалъ объ этомъ, то иногда мнѣ казалось, что мы ѣхали подъ шрапнелями и сидѣли въ болотѣ не менѣе часу, даже двухъ, иногда—все происшествіе казалось чрезвычайно короткимъ, тянувшимся не болѣе пятнадцати-двадцати минутъ... И вообще—я очень смутно, словно сквозь какой-то густой туманъ, помню подробности этого часа или этихъ двадцати минутъ. Въ моей памяти уцѣлѣли только тѣ отрывочныя, мелочныя воспоминанія, о которыхъ я разсказалъ...

Приблизительно въ ста саженяхъ отъ дороги, по ту ея сторону, на открытомъ мѣстѣ росла кучка какихъ-то невысокихъ кустовъ. Я рѣшилъ, что намъ удобнѣе всего будетъ остановиться и водрузить свой флагъ именно тамъ, у этой зеленой кучки, и, съ трудомъ выбравшись изъ грязной ямы, направился къ ней. Санитары поѣхали за мной, хоть я и не могъ сказать имъ ни слова: меня еще болѣе мучила жажда, жестокая, невообразимая, какой я еще никогда не испытывалъ,—во рту было ощущеніе крайней сухости, и языкъ мнѣ казался распухшимъ. И я думалъ, что мнѣ теперь не проговорить ни одного слова.

— Видимость у насъ самая боевая,—вдругъ сказалъ сзади Лазаревъ и глупо расхохотался.—Какъ черти, всѣ въ грязи...

— Господа, погоняй,—просипѣлъ я.—Надо скорѣй начинать.

Возлѣ кустовъ, къ которымъ мы подъѣхали, была небольшая лужица, а изъ нея бѣжалъ небольшой ручеекъ, тутъ же, въ двухъ-трехъ саженяхъ пропадавшій. Я, увидѣвъ воду, спрыгнулъ, почти упалъ съ лошади, бросился на землю и припалъ къ лужѣ... И я чувствовалъ, какъ мало-по-малу ко мнѣ возвращались бодрость и сила...

Я сдѣлалъ передышку отъ быстрыхъ, непрерывныхъ глотковъ и поднялъ голову. Прямо передо мной, по ту сторону лужи, лежалъ на животѣ зеленый офицеръ и тоже пилъ. Его зеленая фуражка плавала въ лужѣ. Какъ онъ сюда попалъ?.. Когда я, напившись, всталъ, я увидѣлъ, что ноги зеленаго офицера и низъ его рубахи были въ грязи. Неужели онъ все время былъ съ нами—и бѣжалъ по дорогѣ, и сидѣлъ въ грязной ямѣ, и потомъ приплелся съ нами и сюда?... Напившись, онъ отодвинулся немного отъ

лужи, перевернулся на спину, но не всталъ, а продолжалъ лежать, закрывъ глаза. Когда черезъ четверть часа я случайно опять его увидѣлъ, онъ спалъ, раскинувъ руки, и храпѣлъ...

Мы поставили свой флагъ, быстро развязали вьюки съ перевязочными матеріалами.

— А доктора-то мы посѣяли,—вдругъ весело сказалъ Лазаревъ и засмѣялся.—И Ивана Петровича тоже посѣяли... Безъ нихъ веселѣе!

Я вспомнилъ, что, въ самомъ дѣлѣ, доктора Эрдмана съ нами нѣтъ и не было все время, съ самаго начала стрѣльбы, и я совершенно позабылъ о немъ. Ивана Петровича тоже не было съ нами, и я вспомнилъ, какъ онъ, нагнувшись, погоняя лошадь, проскакалъ мимо насъ съ батареей, когда мы сидѣли въ болотѣ.

— Надо будетъ пройти по этому полю,—тамъ, вѣроятно, лежатъ раненые,—сказалъ я.—Руденко и казаки останутся здѣсь, а всѣ остальные пойдутъ со мной.

— А если будутъ палить объ это мѣсто?—дрожащимъ голосомъ спросилъ Руденко. Онъ былъ блѣденъ, губы его тряслись, толстое лицо казалось осунувшимся, похудѣвшимъ.

Мы надѣли санитарныя сумки („ровно по міру собрались!"—не утерпѣлъ сострить Лазаревъ) и пошли. Впереди, одна за другой, черезъ ровные промежутки времени ухали японскія пушки. До насъ очень слабо доносился свистъ снарядовъ, и мы видѣли внезапно появлявшіеся на фонѣ горъ бѣлые съ мягкими очертаніями клубы дыма, а иногда передъ появленіемъ такого облачка еще и блескъ синеватаго огонька. Трещала и ружейная перестрѣлка, и иногда гдѣ-то сбоку, совсѣмъ близко отъ насъ, раздавались рѣзкіе и громкіе одиночные выстрѣлы. Русскихъ пушекъ не было слышно.

Мы шли по прошлогоднимъ бороздамъ не засѣяннаго поля наискосокъ, направляясь къ дорогѣ. Кое-гдѣ намъ попадались глубокія, аршина въ полтора глубиной, безобразныя ямы, вырытыя разорвавшимися здѣсь снарядами. Но ни раненыхъ, ни убитыхъ мы, къ моему удивленію, не нашли... Только возлѣ самой дороги набрели на одно человѣческое тѣло, согнувшееся, лежавшее лицомъ къ землѣ съ заброшенными впередъ руками. Это былъ уже трупъ... Курчавый затылокъ былъ весь въ крови, застывшая кровь была и на землѣ... Остальные убитые и раненые были уже подобраны казаками и солдатами.

По дорогѣ шелъ казакъ и велъ въ поводу лошадь, на сѣдлѣ которой было перекинуто человѣческое тѣло. Чтобы

XX.

Я не знаю, сколько времени продолжался весь этотъ ужасъ... Когда потомъ, уже въ мирной обстановкѣ, я вспоминалъ объ этомъ, то иногда мнѣ казалось, что мы ѣхали подъ шрапнелями и сидѣли въ болотѣ не менѣе часу, даже двухъ, иногда—все происшествіе казалось чрезвычайно короткимъ, тянувшимся не болѣе пятнадцати-двадцати минутъ... И вообще—я очень смутно, словно сквозь какой-то густой туманъ, помню подробности этого часа или этихъ двадцати минутъ. Въ моей памяти уцѣлѣли только тѣ отрывочныя, мелочныя воспоминанія, о которыхъ я разсказалъ...

Приблизительно въ ста саженяхъ отъ дороги, по ту ея сторону, на открытомъ мѣстѣ росла кучка какихъ-то невысокихъ кустовъ. Я рѣшилъ, что намъ удобнѣе всего будетъ остановиться и водрузить свой флагъ именно тамъ, у этой зеленой кучки, и, съ трудомъ выбравшись изъ грязной ямы, направился къ ней. Санитары поѣхали за мной, хоть я и не могъ сказать имъ ни слова: меня еще болѣе мучила жажда, жестокая, невообразимая, какой я еще никогда не испытывалъ,—во рту было ощущеніе крайней сухости, и языкъ мнѣ казался распухшимъ. И я думалъ, что мнѣ теперь не проговорить ни одного слова.

— Видимость у насъ самая боевая,—вдругъ сказалъ сзади Лазаревъ и глупо расхохотался.—Какъ черти, всѣ въ грязи...

— Господа, погоняй,—просипѣлъ я.—Надо скорѣй начинать.

Возлѣ кустовъ, къ которымъ мы подъѣхали, была небольшая лужица, а изъ нея бѣжалъ небольшой ручеекъ, тутъ же, въ двухъ-трехъ саженяхъ пропадавшій. Я, увидѣвъ воду, спрыгнулъ, почти упалъ съ лошади, бросился на землю и припалъ къ лужѣ... И я чувствовалъ, какъ мало-по-малу ко мнѣ возвращались бодрость и сила...

Я сдѣлалъ передышку отъ быстрыхъ, непрерывныхъ глотковъ и поднялъ голову. Прямо передо мной, по ту сторону лужи, лежалъ на животѣ зеленый офицеръ и тоже пилъ. Его зеленая фуражка плавала въ лужѣ. Какъ онъ сюда попалъ?.. Когда я, напившись, всталъ, я увидѣлъ, что ноги зеленаго офицера и низъ его рубахи были въ грязи. Неужели онъ все время былъ съ нами—и бѣжалъ по дорогѣ, и сидѣлъ въ грязной ямѣ, и потомъ приплелся съ нами и сюда?... Напившись, онъ отодвинулся немного отъ

лужи, перевернулся на спину, но не всталъ, а продолжалъ лежать, закрывъ глаза. Когда черезъ четверть часа я случайно опять его увидѣлъ, онъ спалъ, раскинувъ руки, и храпѣлъ...

Мы поставили свой флагъ, быстро развязали вьюки съ перевязочными матеріалами.

— А доктора-то мы посѣяли,—вдругъ весело сказалъ Лазаревъ и засмѣялся.—И Ивана Петровича тоже посѣяли... Безъ нихъ веселѣе!

Я вспомнилъ, что, въ самомъ дѣлѣ, доктора Эрдмана съ нами нѣтъ и не было все время, съ самаго начала стрѣльбы, и я совершенно позабылъ о немъ. Ивана Петровича тоже не было съ нами, и я вспомнилъ, какъ онъ, нагнувшись, погоняя лошадь, проскакалъ мимо насъ съ батареей, когда мы сидѣли въ болотѣ.

— Надо будетъ пройти по этому полю,—тамъ, вѣроятно, лежатъ раненые,—сказалъ я.—Руденко и казаки останутся здѣсь, а всѣ остальные пойдутъ со мной.

— А если будутъ палить объ это мѣсто?—дрожащимъ голосомъ спросилъ Руденко. Онъ былъ блѣденъ, губы его тряслись, толстое лицо казалось осунувшимся, похудѣвшимъ.

Мы надѣли санитарныя сумки („ровно по міру собрались!"—не утерпѣлъ сострить Лазаревъ) и пошли. Впереди, одна за другой, черезъ ровные промежутки времени ухали японскія пушки. До насъ очень слабо доносился свистъ снарядовъ, и мы видѣли внезапно появлявшіеся на фонѣ горъ бѣлые съ мягкими очертаніями клубы дыма, а иногда передъ появленіемъ такого облачка еще и блескъ синеватаго огонька. Трещала и ружейная перестрѣлка, и иногда гдѣ-то сбоку, совсѣмъ близко отъ насъ, раздавались рѣзкіе и громкіе одиночные выстрѣлы. Русскихъ пушекъ не было слышно.

Мы шли по прошлогоднимъ бороздамъ не засѣяннаго поля наискосокъ, направляясь къ дорогѣ. Кое-гдѣ намъ попадались глубокія, аршина въ полтора глубиной, безобразныя ямы, вырытыя разорвавшимися здѣсь снарядами. Но ни раненыхъ, ни убитыхъ мы, къ моему удивленію, не нашли... Только возлѣ самой дороги набрели на одно человѣческое тѣло, согнувшееся, лежавшее лицомъ къ землѣ съ заброшенными впередъ руками. Это былъ уже трупъ... Курчавый затылокъ былъ весь въ крови, застывшая кровь была и на землѣ... Остальные убитые и раненые были уже подобраны казаками и солдатами.

По дорогѣ шелъ казакъ и велъ въ поводу лошадь, на сѣдлѣ которой было перекинуто человѣческое тѣло. Чтобы

оно не сползало, казакъ связалъ надъ нимъ ремешкомъ стремена. Руки убитаго волочились почти по землѣ, съ головы, чѣмъ-то завязанной, капала кровь. Я всмотрѣлся,—одежда на убитомъ была офицерская. „Унтербергъ!“—почему-то мелькнуло у меня въ головѣ.

— Кто это?—спросилъ я у казака.

— Не знаю,—отвѣтилъ тотъ.—Изъ штабныхъ...

И онъ зашагалъ дальше, дергая лошадь.

— Какъ тамъ дѣла?—крикнулъ ему вслѣдъ кто-то изъ санитаровъ.—Что батарея не жаритъ?

— Будешь жарить...—нехотя отвѣтилъ казакъ.—Всѣ номера въ батареѣ перебиты... Такъ пушки однѣ и стоятъ...

Потомъ намъ попались солдаты, несшіе раненаго на ружьяхъ и шинели. Онъ былъ еще не перевязанъ, а такъ какъ невдалекѣ двигалась другая такая же группа, я рѣшилъ идти къ мѣсту нашей остановки и тамъ уже заняться перевязками...

Оба раненыхъ оказались тяжелыми: когда ихъ съ носилками опустили на землю и расправили ихъ согнутыя, пробитыя пулями тѣла, они не застонали, ничѣмъ не выразили своей боли. Глаза одного были закрыты, а другой, не моргая, смотрѣлъ вверхъ и, казалось, или рѣшительно ни о чемъ не думалъ, ничего не сознавалъ,—или думалъ какую-то глубокую-глубокую, большую думу...

Мы сняли перваго съ носилокъ. Шинель подъ нимъ была вся въ крови.

— Всю шинельку изгадилъ,—сказалъ одинъ изъ носильщиковъ.—Моя шинелька-то...

Я снялъ съ раненаго рубаху,—она мѣстами была мокрой отъ крови, мѣстами—кровь уже засохла, и рубаха была жесткой, точно накрахмаленной. На груди и на рукѣ раненаго были три большихъ, грязныхъ, отвратительныхъ отверстія... Рана на рукѣ была сквозная, а тяжелыя пули, попавшія въ грудь, не пробили ея и засѣли гдѣ-то внутри.

Обмыли спиртомъ и сулемой раны, наложили компрессы, забинтовали. Для этого нужно было поднимать раненаго, ворочать, но онъ по прежнему ничѣмъ не выражалъ своего страданія,—его лицо было совершенно спокойно и походило на лицо спящаго человѣка. Потомъ осторожно положили его на носилки.

— Куда нести?—спросили носильщики.

— Туда, къ обозу, въ дивизіонный лазаретъ... Версты четыре...

— Не донести намъ... Чуть живы, сюда и то насилу донесли.

Всетаки они подняли носилки и зашагали, согнувшись.

Другой раненый былъ еще серьезнѣе... Въ него попало тоже три пули, но одна изъ нихъ засѣла въ животѣ, а другая перебила ключевую кость. Перевязка должна была причинять ему крайнія, невыносимыя мученія, а онъ смотрѣлъ неподвижными, не мигающими глазами въ небо и молчалъ... Только когда я сталъ накладывать твердую неподвижную повязку на сломанную руку и прилаживать наѣхавшіе одинъ на другой обломки кости, изъ неподвижныхъ глазъ покатились крупныя слезы, а его лобъ какъ-то сразу покрылся крупными каплями пота.

— Не трожь, не трожь...—прошепталъ онъ беззвучно.

Отправили и его. Скоро почти непрерывнымъ потокомъ къ намъ стали приносить другихъ раненыхъ; нѣкоторые приходили и подъѣзжали сами. Я, одинъ, не успѣвалъ перевязывать,—и вокругъ насъ образовалась толпа ждущихъ очереди. Въ этой толпѣ стонали, просили пить, ругались хриплыми и злыми голосами, кто-то говорилъ взволнованно и громко, повторяя одни и тѣ же слова:

— Это вѣдь бѣда... Просто—бѣда...

Но тяжело раненые всѣ страдали молча... Можетъ быть, они въ самомъ дѣлѣ ничего не чувствовали, ничего не думали?

Къ намъ подскакалъ адъютантъ.

— Перевязывайте скорѣе!—крикнулъ онъ.—И то только тѣхъ, кого необходимо... Генералъ приказалъ.. Всѣхъ направлять въ тылъ... Говорятъ—обходъ.

Онъ ускакалъ. Раненые заволновались, заговорили. Нѣкоторые, пришедшіе и пріѣхавшіе сами, торопливо побрели дальше. Я имъ крикнулъ, чтобы не перевязанные остались, но они еще торопливѣе пошли впередъ. Тяжело раненый, котораго я перевязывалъ, тоже заволновался и зашепталъ:

— Поскорѣе, поскорѣе... А то совсѣмъ не надо...

Отъ усталости и волненія у меня дрожали руки, и мнѣ казалось, что я перевязываю очень скверно. Нѣкоторыя раны были до того ужасны, что я не зналъ, какъ къ нимъ приступиться... Я видѣлъ раненыхъ, пробитыхъ семью, восемью, даже десятью пулями,—и эти зіяющія, отвратительныя круглыя дыры заставляли меня еще болѣе волноваться, и мои руки тряслись сильнѣе... Я бранился въ душѣ, что исчезъ куда-то Эрдманъ, хоть и сознавалъ, что онъ, спеціалистъ-гинекологъ, не былъ бы тутъ полезнѣе меня...

А раненые молчали, вздыхали и плакали, если я причинялъ имъ особенно острую боль... Ахъ, о чемъ они думаютъ! Понимаютъ ли они, за что такъ страдаютъ?..

XXI.

Я никакъ не могъ остановить льющуюся струей кровь у тяжело раненаго солдата, какъ вдругъ Лазаревъ, державшій его руку, сказалъ:

— Раненый офицеръ...

Всѣ помогавшіе мнѣ санитары бросились помочь офицеру слѣзть съ лошади. Онъ былъ раненъ легко, въ руку.

— Я еще не перевязанъ,—сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ.— Извольте перевязать.

— Подождите немного,—сказалъ я. Кровь все лилась и лилась, и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось кое-какъ ее остановить.

Наконецъ, раненый былъ забинтованъ и уложенъ на носилки. Офицеръ опять подошелъ ко мнѣ. Но, такъ какъ оставалось еще двое тяжелыхъ, я ему сказалъ:

— Подождите немного... Я перевяжу сначала тяжелыхъ... Вы—легкій...

. . . .

Вдругъ около насъ, точно изъ-подъ земли, появился докторъ Эрдманъ. Онъ былъ безъ шляпы, видъ у него былъ злой и раздраженный, на щекѣ глубокая царапина, вокругъ которой была размазана кровь.

— Какъ вы смѣли?—кинулся онъ на меня.

— Что? Что?

— Кто вамъ приказывалъ здѣсь встать?.. Вы—начальникъ отряда?..

Эрдманъ сталъ перевязывать офицера.

Я подошелъ къ слѣдующему тяжело раненому. Опять отвратительныя круглыя дыры. Когда я сталъ ватой, смоченной спиртомъ, вытирать его загрязнившіяся раны, онъ вдругъ заворочался и заговорилъ:

— Кулька бѣсъ!.. Не щиплись... Не щиплись, говорю, бѣсъ... Въ рыло заѣду... Кулька! Кулька! бѣсъ...

Когда мы съ Семеновымъ—онъ одинъ остался со мной, всѣ другіе суетились возлѣ доктора, перевязывавшаго офицера,—подняли его, чтобы наложить повязку, онъ открылъ глаза и, уставившись на насъ, сказалъ какимъ-то страннымъ сдавленнымъ голосомъ, въ которомъ было и удивленіе, и страданіе:

— Ба-атюшки... Вона какъ... Ба-атюшки...

Послѣдній тяжело раненый оказался мертвымъ,—одна пуля попала ему въ шею, и теперь и шея, и ротъ мертваго

были покрыты алой, почти розовой, пѣнистой, съ большими пузырями кровью...

Нужно было перейти къ легко раненымъ. Ихъ осталось всего человѣкъ пять, — всѣ остальные ушли. И тѣ, которыхъ я перевязывалъ, торопили меня, просили плаксивыми голосами отпустить ихъ скорѣе. Все это происходило потому, что стрѣльба впереди немного усилилась, и нѣсколько снарядовъ разорвалось надъ пустымъ полемъ, довольно близко отъ насъ. И раненымъ хотѣлось поскорѣе уйти въ тылъ, въ такое мѣсто, откуда бы не было слышно этого проклятаго свиста и куда бы не могли залетать снаряды.

Легко раненые были нетерпѣливы, кричали отъ боли, когда я вытиралъ ихъ раны спиртомъ, и не выказывали никакого мужества, такъ что Семеновъ счелъ себя въ правѣ стыдить ихъ:

— Ну, ровно баба... Маленько щиплетъ, а онъ кричитъ... Вѣдь не рѣжутъ, а добра желаютъ...

Отъ насъ ушелъ послѣднiй раненый, а новыхъ не поступало. Можно было отдохнуть... И опять я почувствовалъ крайнее утомленiе и жажду. Но теперь я уже не легъ на землю къ лужѣ, чтобы напиться, а попросилъ у Семенова кружку. Зеленый офицеръ все еще лежалъ возлѣ лужи и спалъ.

Докторъ Эрдманъ сидѣлъ на вьюкѣ съ перевязочными матерiалами и угощалъ раненаго офицера коньякомъ...

Надъ нами просвисталъ снарядъ и разорвался гдѣ-то сзади.

— Надо ѣхать, — быстро вскочилъ офицеръ. — До свиданья, докторъ. Спасибо...

Санитары бросились помочь ему влѣзть на лошадь. Онъ ускакалъ, погоняя лошадь ударами каблуковъ.

Докторъ Эрдманъ тоже заволновался и велѣлъ санитарамъ снова навьючить снятые съ муловъ вьюки. Пролетѣлъ еще снарядъ...

— Руденко! — крикнулъ Эрдманъ. — Помахай флагомъ!.. Все время стой и махай...

Мимо насъ прошла впередъ широкая цѣпь стрѣлковъ. Очевидно, японцы стрѣляли по этой цѣпи. Солдаты подвигались впередъ медленно, еле шагая, то и дѣло перекладывая ружье съ одного плеча на другое.

— Братцы, нѣтъ ли испить? — спросилъ, не останавливаясь, ближайшiй къ намъ. Семеновъ зачерпнулъ кружку воды, догналъ его и далъ. Нѣкоторые солдаты шатались отъ усталости, и было видно, что теперь ружье для нихъ—почти непосильная ноша. Когда они отошли отъ насъ шаговъ на сто, надъ ними опять лопнулъ снарядъ, но никого не задѣлъ.

Они не ускорили и не замедлили шага, и по прежнему тихо, перекладывая ружье съ одного плеча на другое, плелись впередъ.

Принесли еще одного раненаго. За носилками шагали два офицера, оба маленькіе, съежившіеся, печальные... Одинъ изъ нихъ былъ мокрый, съ ногъ до головы, и дрожалъ.

— Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь согрѣться? — спросилъ мокрый дрожащимъ, прерывающимся голосомъ. А другой, сухой, молча посмотрѣлъ на насъ и какъ-то ужъ очень жалобно улыбнулся...

Докторъ занялся своимъ дѣломъ,—сталъ угощать офицеровъ коньякомъ, а я подошелъ къ раненому. Уже по одному спокойному, безразличному выраженію его лица было видно, что онъ раненъ тяжело. Когда я снялъ съ него рубашку, совсѣмъ не выпачканную кровью, я увидалъ маленькую, едва замѣтную сухую ранку въ животѣ. Это была уже не шрапнель, а изящная, „гуманная“ ружейная пулька... На спинѣ я нашелъ другую такую же маленькую ранку, тоже сухую, едва замѣтную,—точно казака прокололи шиломъ...

Мокрый офицеръ дрожащимъ взволнованнымъ голосомъ разсказывалъ о томъ, какъ его окружили японцы, какъ онъ бросился въ рѣчку и чуть не утонулъ. А сухой слушалъ, молчалъ, смотрѣлъ виноватыми глазами и жалобно улыбался.

Докторъ Эрдманъ рѣшилъ отъѣхать подальше. Лошади у него не было, и онъ сѣлъ на лошадь Семенова, а тотъ пошелъ пѣшкомъ. Офицеры, мокрый и сухой, тоже поплелись за нами.

XXII.

Когда мы выѣхали на дорогу, насъ догналъ Унтербергъ. Видъ у него былъ усталый и хлопотливый, но довольный.

— А я къ вамъ съ приказаніемъ,—сказалъ онъ.—Отступить къ той горкѣ, гдѣ — помните?—стояли вначалѣ. Тамъ ждать общаго отступленія. Раненыхъ всѣхъ передать военному транспорту. Сейчасъ всѣ отступаемъ.

Сзади по прежнему неторопливо и дѣловито ѣхали пушки и безпокойно трещала перестрѣлка.

— Я поѣду съ вами, — продолжалъ Унтербергъ. — Надо отвезти приказаніе дивизіонному лазарету — сниматься съ мѣста и сейчасъ начать отправку раненыхъ въ С.

— Значитъ, „дѣло“ кончается?—спросилъ я.

— Значитъ... Поздравляю васъ!— вдругъ протянулъ онъ мнѣ руку.

— Съ чѣмъ?—удивился я.

— Съ тѣмъ, что благополучно вылѣзли изъ этой исторіи. Вѣдь вы въ общей толпѣ были?.. У насъ изъ штабныхъ одинъ раненъ, другой—убитъ...

— Кто?

Унтербергъ назвалъ фамилію. Это былъ офицеръ, котораго вчера я видѣлъ играющимъ въ шахматы, и который упрекалъ партнера, что тотъ играетъ по-брынски.

— Не было людей, чтобы отнести, такъ его перекинули черезъ сѣдло и привязали стременами. Совсѣмъ рядомъ со мной стоялъ, я слышалъ, какъ просвистѣла и оборвалась его пуля... У васъ есть спички, закурить?

По пыльной дорогѣ тащились то въ одиночку, то группами въ два-три человѣка усталые солдаты. Когда мы ихъ нагоняли, они не обращали вниманія на наши окрики, и мы должны были ихъ объѣзжать. Лица ихъ выражали крайнюю усталость, полнѣйшее равнодушіе ко всему окружающему. Иные въ изнеможеніи опускались на землю возлѣ дороги... Иные хриплыми, пересохшими голосами просили у насъ пить. У Семенова въ флягѣ была вода, и онъ давалъ просящимъ по нѣскольку глотковъ, пока она не истощилась. Тогда онъ на просьбы отвѣчалъ:

— Сейчасъ, братцы, рѣчка будетъ... Совсѣмъ близко...

— Собственно говоря, удивительное вышло „дѣло",—сказалъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Унтербергъ и засмѣялся...

Я съ удивленіемъ слушалъ его смѣхъ, его громкій говоръ. Онъ казался совсѣмъ другимъ, совсѣмъ не тѣмъ, какимъ я зналъ его раньше. Обычной его грусти и задумчивости не было и слѣда.

. . . .

— Все таки что-жъ тутъ смѣшного?—спросилъ я. Меня начиналъ раздражать довольный тонъ его разсказа, громкій голосъ.

— Знаете, почему вы сейчасъ злы, какъ василискъ? Вы голодны, и вамъ нечего поѣсть... А вотъ я вамъ дамъ полкурицы — и вы повеселѣете. А я ужъ перекусилъ... Дать, что ли?

Я съѣлъ его курицу, потомъ выпилъ коньяку,—и мной овладѣло тупое чувство довольства, сознаніе, что весь ужасъ прошелъ...

XXIII.

Когда мы добрались до крутой горки, уже темнѣло, и на небѣ зажглось нѣсколько блѣдныхъ и робкихъ звѣздочекъ. Кое-гдѣ, пока еще тихо, звенѣли лягушки.

Подъ горкой было довольно многолюдно,—тутъ опять стояла горная батарея, какіе-то казаки и тутъ же былъ расположенъ дивизіонный лазаретъ. Раненые—ихъ оказалось свыше полутораста человѣкъ—лежали прямо на землѣ на своихъ импровизированныхъ носилкахъ. Среди нихъ было тихо,—не было слышно ни стоновъ, ни говору. Должно быть всѣ, кому не мѣшала боль, спали. Врачи собрались подъ самой горкой и сидѣли возлѣ маленькаго огонька. Проѣхать къ нимъ между ранеными было нельзя, и потому Унтербергъ издали крикнулъ:

— Господинъ дивизіонный врачъ! Петръ Михайловичъ...

— Ау!—неожиданно близко откликнулись ему, и изъ темныхъ, распростертыхъ на землѣ фигуръ совсѣмъ рядомъ съ нами поднялся и подошелъ къ намъ дивизіонный докторъ.

— Добрый вечеръ!—сказалъ ему Унтербергъ.—Генералъ приказалъ немедленно отправлять раненыхъ въ С.

Докторъ слушалъ, заложивъ руки за спину, потомъ неожиданно и быстро выбросилъ ихъ впередъ и заговорилъ крикливымъ и недовольнымъ тономъ:

— На комъ и на чемъ прикажете отправлять? На коврахъ-самолетахъ?.. Извините,—онъ опять выбросилъ впередъ руки,—извините, ихъ у меня нѣтъ.

Унтербергъ сначала не зналъ, что отвѣтить, но послѣ короткой паузы сказалъ:

— Я сейчасъ пришлю солдатъ или казаковъ. Сколько надо носильщиковъ?

— Чортъ знаетъ что,—отправить!—продолжалъ еще болѣе крикливо и зло докторъ.—Ни людей, ни носилокъ... Простите, у меня ковровъ-самолетовъ нѣтъ.

— Сколько надо прислать носильщиковъ?—переспросилъ Унтербергъ.

— Тяжелыхъ сорокъ семь,—отвѣтилъ, наконецъ, на вопросъ докторъ.—Если по двѣ смѣны, по восьми на каждаго... Четыреста человѣкъ... Да-съ, четыреста человѣкъ.

— Гм...—задумался Унтербергъ.—Двѣ роты, или рота и двѣ сотни... Гдѣ я ихъ теперь найду?..

— Гдѣ угодно-съ... У меня ковровъ-самолетовъ нѣтъ.

Кутенковъ, котораго мы командировали найти для насъ свободный уголокъ, скоро вернулся.

— Пожалуйте. Первѣйшее мѣсто.

Онъ провелъ насъ на то самое мѣсто, гдѣ мы стояли въ самомъ началѣ боя. Тамъ, подъ самой горкой, было еще темнѣе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ возвышалась какая-то темная куча, которой раньше тутъ какъ будто не было. А за нею нѣсколько казаковъ, при свѣтѣ маленькаго слѣпого фонаря, короткими походными заступами рыли землю. Я подошелъ ближе. Темная куча оказалась кучею сложенныхъ одинъ на другой труповъ; было ихъ, вѣроятно, пятнадцать—двадцать.

Казаки работали молча, только изрѣдка кто-нибудь изъ нихъ произносилъ фразу въ родѣ:

— Ну и грунтъ,—копаемъ, копаемъ, все черная земля... Вотъ земля!

Или:

— Чай, ладно теперь... Глыбоко ужъ.

Когда рѣшили, что ладно, стали складывать трупы въ яму, опять одинъ на другой. Оказалось, что яма мала.

— Бугромъ будетъ,—сказалъ одинъ.—Не ладно.

— Ничего,—отвѣтилъ другой.

— Како ничего: дождь пойдетъ, все и размоетъ... Надо поглубже.

Поговорили, посовѣтовались и рѣшили сдѣлать яму поглубже. Вынули трупы и снова принялись за работу...

Теперь яма оказалась надлежащей глубины; казаки забросали ее землей, сравняли и старательно притоптали мѣсто. Потомъ собрались было уходить, но остановились въ какой-то нерѣшительности, точно сообразивъ, что не все еще сдѣлано, и стараясь вспомнить, что еще надо сдѣлать.

— Молитву бы хоть, что ли,—сказалъ, наконецъ, одинъ.— Корчагинъ, ты грамотный, валяй...

Корчагинъ прочиталъ „Отче нашъ“. Потомъ вспомнили, что надо бы и крестъ поставить, — и только послѣ этого кто-то вздохнулъ и сказалъ:

— Эхъ!.. Вотъ она—жизнь-то наша... Ребята были хорошіе.

— Царство небесное, вѣчный покой!—тихо отвѣтили остальные.

...Я вернулся къ своимъ. Докторъ Эрдманъ укладывался спать.

— Надо вздремнуть,—сказалъ онъ мнѣ какимъ-то жалобнымъ, усталымъ голосомъ.—Чувствую большую усталость и сонъ.

Я отвязалъ отъ своего сѣдла бурку, разостлалъ ее и

улегся. Спать мнѣ не хотѣлось, и я напряженно, помимо воли, вслушивался въ окружавшіе меня звуки. И каждый трескъ вѣтки, сломанной лошадью, какой-нибудь стукъ,— все это заставляло вздрагивать, наводя мысль на выстрѣлы... Я зналъ, что такое состояніе, когда всякій звукъ, совершенно непохожій на выстрѣлъ, принимается взбудораженнымъ воображеніемъ за выстрѣлъ, бываетъ послѣ каждаго сраженія, въ которомъ пришлось принимать близкое участіе, но никакъ не могъ себя успокоить... Мысли бѣжали быстро-быстро, какими-то несвязными обрывками, безпокойныя, непріятныя, тяжелыя...

Я всталъ и пошелъ къ огоньку, возлѣ котораго сидѣли врачи. Они дремали и молчали. Только. когда я подошелъ, кто-то изъ нихъ сказалъ мнѣ:

— Что, юноша, homo homini lupus, убѣдились въ этомъ?

— Ну, какой тамъ lupus,—проворчалъ Пархоменко. — Просто...

XXIV.

Пришли, наконецъ, измученные солдаты, и можно было начать отправку раненыхъ. Какъ разъ въ это же время прискакалъ адъютантъ отъ генерала и сообщилъ, что генералъ приказалъ немедленно отступать, ибо положеніе становится очень опаснымъ.

Было темно такъ, что фигуры идущихъ и ѣдущихъ впереди въ десяти шагахъ уже сливались съ темнотой. Шли и ѣхали молча, и былъ слышенъ только стукъ копытъ и ногъ по дорогѣ, да крики и стоны раненыхъ впереди. Было слышно, какъ они просили не мучить ихъ больше, оставить тутъ же, на дорогѣ... И стоны, то глухіе, то острые, пронзительные, и крики отчаянія, крики невыносимой боли, заглушали временами и шумъ отступавшихъ войскъ, и звонъ лягушекъ кругомъ, и всѣ звуки ночи...

И я ѣхалъ—и зналъ, что помочь раненымъ нельзя, что я ничего, рѣшительно ничего не могу сдѣлать. Ихъ нельзя было сейчасъ нести на ружьяхъ и шинеляхъ, ихъ нужно было положить и не трогать, но... генералъ приказалъ нести, ибо сзади „насѣдали“ японцы...

Двигались долго-долго—можетъ быть, три часа, четыре, можетъ быть—больше, кто знаетъ? Раненые все стонали и кричали... Но мы подвигались впередъ все такъ же тихо и въ то же время торопливо. И каждый трескъ, каждый ударъ прикладомъ ружья о камни, рѣзкій стукъ копытомъ,—все походило на выстрѣлы, все заставляло вздрагивать. Иногда впереди останавливались—должно быть, для смѣны носиль-

щиковъ у раненыхъ, и тогда сзади раздавались нетерпѣливые крики:

— Чего тамъ?.. Чего стали?..

Но чѣмъ дальше шли, тѣмъ больше давала знать о себѣ усталость. Стали попадаться сидѣвшіе и лежавшіе возлѣ самой дороги, окончательно изнемогшіе, солдаты. И остановки впереди для смѣны носильщиковъ происходили все чаще и чаще...

...Впереди, у батареи, послышались крики, разговоръ, возня. И чей-то голосъ крикнулъ оттуда въ пространство:

— Доктора!..

Я поѣхалъ впередъ, обгоняя своихъ и вьючный артиллерійскій обозъ. Возлѣ дороги стояла группа людей, въ серединѣ которой кто то чиркалъ спичкой, освѣщая небольшое пространство. Оказалось, что солдатъ упалъ отъ усталости на дорогѣ, и наѣхавшимъ орудіемъ раздробило ему ноги. Онъ лежалъ теперь на спинѣ и охалъ. Кое-какъ при освѣщеніи спичками я наложилъ неподвижныя повязки на обѣ ноги, но пока я бинтовалъ, всѣ ушли, и я остался одинъ. Мимо меня по дорогѣ непрерывнымъ темнымъ шумящимъ потокомъ шли и ѣхали солдаты и казаки.

— Э, не до васъ тутъ!—отвѣчали тѣ, къ кому я обращался за помощью.

На мое счастье, подъѣхалъ Зудилинъ.

Кое какъ устроили дѣло: Зудилинъ, офицеръ, могъ приказать солдатамъ. Соорудили изъ ружей и шинели носилки и положили больного. Но когда стали его поднимать, онъ закричалъ такъ отчаянно, что опять опустили его на землю: когда его поднимали, перебитыя ноги свѣшивались внизъ, и отъ этого ему было невыносимо больно... Но устроить его иначе было нельзя, и его понесли, не обращая вниманія на отчаянные крики.

Въ С. добрались только въ десять часовъ утра. И весь этотъ день до поздней ночи подходили отсталые солдаты, измученные и голодные...

Григорій Бѣлорѣцкій.

Что такое воля?

III. Поступокъ и вниманіе.

Среди волевыхъ процессовъ различаютъ поступки и акты вниманія. Чѣмъ обусловлено такое различеніе? Что такое поступокъ? Что такое актъ вниманія?

Термины поступокъ и вниманіе употребляются часто не въ одномъ и томъ же смыслѣ, неправильно, безпорядочно. При изученіи же волевыхъ процессовъ очень важно, чтобы значеніе этихъ терминовъ было вполнѣ выяснено. Для этой цѣли я считаю полезнымъ принять различіе этихъ терминовъ въ широкомъ и узкомъ смыслѣ; получатся названія: поступокъ въ широкомъ смыслѣ, поступокъ въ узкомъ смыслѣ, вниманіе въ широкомъ смыслѣ, вниманіе въ узкомъ смыслѣ. Давъ этимъ названіямъ вполнѣ опредѣленное значеніе, я образую этимъ четыре группы, въ которыя и могутъ быть относимы различные случаи, когда говорятъ о поступкахъ и вниманіи; такимъ образомъ мы избавимся путаницы, существую[illegible] нынѣ въ употребленіи словъ поступокъ и вни[illegible].

[illegible]ъ поступкомъ въ широкомъ смыслѣ я понимаю всякое [illegible]димое мышцами для произвольныхъ сокращеній, имѣющее какую-нибудь цѣль, ясно или неясно сознаваемую. Поступокъ, совершаемый раньше съ яснымъ сознаніемъ цѣли, вслѣдствіе частаго своего повторенія можетъ совершаться потомъ вполнѣ автоматически, безъ сознанія цѣли. Всѣ круговыя реакціи на волевой стимулъ—поступки въ широкомъ смыслѣ; цѣлью является волевой стимулъ; достиженіемъ ея—результатъ круговой реакціи. Подъ поступкомъ въ узкомъ смыслѣ слова мы будемъ понимать только тѣ дѣйствія, которыя имѣютъ своей цѣлью и результатомъ какія-нибудь измѣненія въ окружающей человѣка обстановкѣ, болѣе или менѣе обширныя. Только тѣ круговыя реакціи на волевые стимулы, результатомъ мускульной дѣятельности которыхъ являются такія измѣненія окружающаго, должны считаться поступками въ узкомъ смыслѣ слова.

Подъ вниманіемъ въ широкомъ смыслѣ я понимаю наиболѣе ясное сознаніе какого-либо психическаго процесса, когда это ясное сознаніе есть результатъ собственной волевой дѣятельности человѣка. Врагъ причиняетъ человѣку какимъ-нибудь образомъ физическую боль. Эта боль будетъ ясно сознаваться страдальцемъ, но это ясное сознаніе не есть продуктъ его собственной волевой дѣятельности; напротивъ, его волевые акты будутъ направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣе избавиться отъ этого яснаго сознанія боли; поэтому не всякое ясное сознаніе—вниманіе. Если понимать вниманіе въ этомъ широкомъ смыслѣ слова, то оно, по развиваемой здѣсь теоріи, будетъ заключаться во всякой круговой реакціи на волевой стимулъ, потому что каждая круговая реакція—собственная волевая дѣятельность человѣка, но только въ круговой реакціи при опредѣленныхъ условіяхъ. Я уже много разъ говорилъ, что чѣмъ чаще повторяется круговая реакція, тѣмъ проходимѣе становятся ея нервные пути, тѣмъ легче, „подъ меньшимъ треніемъ" протекаютъ физіологическіе корреляты ея психофизіологическаго процесса; когда же одновременно выполняется нѣсколько круговыхъ реакцій, дезинтеграціи центровъ которыхъ протекаютъ съ различною легкостью, яснѣе всего сознаются психическіе корреляты дезинтеграціи центровъ, протекающей съ наибольшимъ треніемъ. Все, сознаваемое нами въ какой-либо моментъ времени, сознается не одинаково ясно. Психологи часто сравниваютъ все сознаваемое въ одинъ моментъ съ полемъ зрѣнія: ясному видѣнію центральнаго зрѣнія соотвѣтствуютъ ясно сознаваемые психическіе процессы—центральная область сознанія, неясному видѣнію бокового зрѣнія соотвѣтствуютъ неясно сознаваемые психическіе процессы—периферическая область сознанія въ данный моментъ. Фактъ яснѣйшаго сознанія психическихъ процессовъ круговой реакціи, фактъ пребыванія ихъ въ центральной области сознанія и есть вниманіе въ широкомъ смыслѣ слова. При одновременномъ выполненіи нѣсколькихъ круговыхъ реакцій, вниманіе въ широкомъ смыслѣ сопряжено не съ каждой изъ нихъ, а только съ тѣми, процессы дезинтеграціи центровъ которыхъ протекаютъ съ наибольшимъ треніемъ. И при отдѣльной круговой реакціи обыкновенно не всѣ психическіе процессы ея сознаются одинаково ясно; отдаленные, косвенные эффекты—яснѣе; они одни и будутъ въ области вниманія въ широкомъ смыслѣ. Со вниманіемъ въ широкомъ смыслѣ тѣсно связанъ вопросъ объ объемѣ сознанія, которымъ много занимались психологи. Вопросъ этотъ обширный и тонкій; но намъ нѣтъ надобности углубляться въ него; онъ не имѣетъ прямого отношенія къ нашей задачѣ—объясненію всѣхъ явленій воли основнымъ фактомъ круговой реакціи на волевой стимулъ.

Что же такое вниманіе въ узкомъ смыслѣ слова? Выше я ска-

залъ, что дѣйствія, имѣющія своей цѣлью и результатомъ измѣненія въ окружающей человѣка обстановкѣ, называю поступками въ узкомъ смыслѣ. Кромѣ такихъ дѣйствій существуютъ другія, при которыхъ сокращеніями мышцъ не производится никакихъ перемѣнъ въ обстановкѣ, во внѣшнемъ мірѣ. Напримѣръ, когда я пристально присматриваюсь, усердно прислушиваюсь, я, помощью извѣстныхъ мышцъ, даю своимъ органамъ чувствъ наилучшія условія для полученія зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній, для того, чтобы мои воспріятія были самыя ясныя. Когда при воспоминаніи я сохраняю въ сознаніи какое-либо представленіе, напримѣръ, лица моего друга, я это дѣлаю тоже помощью сокращенія извѣстныхъ мышцъ, но при этихъ сокращеніяхъ я, дѣйствительно, не произвожу никакихъ перемѣнъ во внѣшнемъ мірѣ, во внѣшней обстановкѣ. Вотъ такіе-то акты, которыми достигается въ сознаніи опредѣленный психическій результатъ безъ совершенія измѣненій во внѣшней обстановкѣ, я и называю процессами вниманія въ узкомъ смыслѣ. Акты вниманія въ узкомъ смыслѣ—такія круговыя реакціи на волевой стимулъ, при которыхъ этотъ послѣдній самоусиливается или самосохраняется мышечными сокращеніями, не производящими измѣненій въ окружающемъ. Всѣ эти дѣйствія преимущественно выполняются мышцами не рукъ, ногъ, туловища, а головы; наоборотъ, при поступкахъ въ узкомъ смыслѣ, дѣйствія преимущественно совершаются мускулатурой рукъ, ногъ, туловища, но не головы. Процессы вниманія въ узкомъ смыслѣ имѣютъ болѣе близкое, болѣе непосредственное отношеніе къ пріобрѣтенію нами знаній.

Между поступками въ узкомъ смыслѣ слова и вниманіемъ въ таковомъ же нѣтъ принципіальной разницы; и тѣ, и другіе волевые акты—круговыя реакціи на волевой стимулъ, помощью которыхъ этотъ послѣдній самоусиливается или самосохраняется. Если же нѣтъ принципіальной разницы, то можно легко встрѣтить такіе волевые процессы, которые могутъ быть причисляемы и къ поступкамъ въ узкомъ смыслѣ, и къ актамъ вниманія въ таковомъ же. Когда я присматриваюсь, прислушиваюсь, когда удерживаю въ сознаніи представленія—все это акты вниманія въ узкомъ смыслѣ: мускульная дѣятельность круговыхъ реакцій не производитъ измѣненій въ окружающемъ мірѣ; работаютъ преимущественно мышцы головы; всѣ эти процессы самоусиленія или самосохраненія волевыхъ стимуловъ имѣютъ болѣе близкое, болѣе непосредственное отношеніе къ пріобрѣтенію нами знаній. Наоборотъ, когда я ударяю пальцемъ клавишъ, отталкиваю ногой стулъ,—я совершаю поступокъ въ узкомъ смыслѣ слова: мускульная дѣятельность круговыхъ реакцій производитъ измѣненія въ окружающемъ мірѣ; работаютъ преимущественно мышцы рукъ, ногъ, туловища; эти процессы самоусиленія или самосохраненія волевыхъ стимуловъ имѣютъ менѣе близкое, менѣе прямое отношеніе

къ пріобрѣтенію нами знаній. Но это—крайніе, типическіе примѣры поступковъ въ узкомъ смыслѣ и вниманія въ таковомъ же. А когда я толкаю рукой какой-либо тяжелый предметъ только для того, чтобы опредѣлить, насколько трудно его двигать,—поступокъ это въ узкомъ смыслѣ или вниманіе въ таковомъ же? Я работаю мышцами руки, перемѣщаю предметъ,—по всему этому совершаю поступокъ въ узкомъ смыслѣ. Но это мое дѣйствіе имѣетъ въ данномъ случаѣ близкое, непосредственное отношеніе къ пріобрѣтенію знаній,—поэтому я совершаю актъ вниманія въ узкомъ смыслѣ. Такіе примѣры можно по произволу относить въ ту или иную группу. Намъ теперь выясняется важный фактъ, что между поступками въ узкомъ смыслѣ и вниманіемъ въ таковомъ же нѣтъ принципіальной разницы.

Разсмотримъ теперь примѣры круговыхъ реакцій вниманія въ узкомъ смыслѣ слова.

Примѣръ I (Самоусиленіе волевого стимула). Я сижу передъ письменнымъ столомъ, отдыхаю, зажмуривъ глаза. Передо мной лежитъ книга; раскрыта страница съ рисункомъ. Въ моемъ умѣ протекаютъ различныя мысли; вдругъ я вспоминаю книгу, рисунокъ; это воспоминаніе вызываетъ въ моемъ сознаніи волевой стимулъ „посмотрѣть рисунокъ“ *). Этотъ волевой стимулъ можетъ сейчасъ же вызвать круговую реакцію самоусиленія: физіологическій коррелятъ его пошлетъ возбужденіе въ соотвѣтственные двигательные центры, отсюда къ мускуламъ — такимъ, которые своими сокращеніями раскрываютъ глаза и приспособляютъ ихъ къ наилучшему полученію свѣтовыхъ раздраженій отъ книги, отъ рисунка; раздражатся периферическія окончанія чувствительныхъ нервовъ мышцъ, окружающихъ частей, зрительныхъ нервовъ; всѣ эти раздраженія потекутъ въ мозгъ и достигнутъ соотвѣтственныхъ центровъ коры: представленіе акта „посмотрѣть рисунокъ“ замѣнится воспріятіемъ осуществленія его. Теперь вмѣсто болѣе или менѣе ясныхъ образовъ рисунка я имѣю ощущенія отъ него; также имѣю ощущенія мѣстныхъ измѣненій отъ сокращенія глазныхъ мускуловъ. Эти послѣднія ощущенія могутъ едва-едва сознаваться.

Примѣръ 2 (Самосохраненіе волевого стимула). Когда я гляжу на рисунокъ, воспріятіе его, если нѣтъ противоборствующихъ психо-физіологическихъ процессовъ, вызоветъ круговую реакцію самосохраненія: физіологическій коррелятъ зрительныхъ ощущеній пошлетъ возбужденіе къ соотвѣтствующимъ двигатель-

*) Безспорно, примѣръ страдаетъ искусственностью: книга раскрыта на страницѣ рисунка и лежитъ такъ, что субъекту стоитъ только открыть глаза и рисунокъ ему будетъ хорошо видѣнъ. Такой примѣръ я выбралъ для того, чтобы показать отдѣльную круговую реакцію вниманія, выдѣливъ ее изъ комплекса волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій. О таковыхъ же комплексахъ рѣчь пойдетъ въ слѣдующей главѣ.

нымъ центрамъ; къ нимъ же пошлетъ возбужденіе и физіологическій коррелятъ ближайшихъ эффектовъ мышечныхъ сокращеній; отсюда процессъ двинется въ мышцы, къ периферическимъ окончаніямъ чувствительныхъ нервовъ мышцъ и окружающихъ частей; къ периферическимъ окончаніямъ зрительныхъ нервовъ потекутъ свѣтовыя вибраціи отъ рисунка; далѣе, процессъ пойдетъ по всѣмъ этимъ чувствительнымъ нервамъ въ мозгъ, достигнетъ тѣхъ центровъ коры, съ которыхъ начался, и поддержитъ ихъ дезинтеграцію.

Нужно имѣть въ виду слѣдующее. Мы часто не можемъ видѣть ясно весь рисунокъ заразъ: когда однѣ области его для насъ ясны, другія — въ туманѣ. Ясно видна та область рисунка, для раздраженій отъ которой наилучше установленъ зрительный аппаратъ. Въ такихъ случаяхъ мы разсматриваемъ части рисунка поочередно: сначала устанавливаемъ зрительный аппаратъ въ наилучшія условія для одной области рисунка, потомъ для другой. Не слѣдуетъ думать, что все время, пока мы такъ поочередно разсматриваемъ части рисунка, совершается одна круговая реакція самосохраненія воспріятія рисунка. Нѣтъ, здѣсь цѣлый комплексъ круговыхъ реакцій самоусиленія и самосохраненія. Когда я отъ одной части рисунка перевожу приспособленія моего зрительнаго аппарата на другую, я совершаю круговую реакцію самоусиленія волевого стимула „посмотрѣть эту часть". Этотъ волевой стимулъ, едва едва сознаваемый, пролетаетъ съ чрезвычайной быстротой и можетъ быть уловленъ только утонченнымъ самонаблюденіемъ *). Когда же я смотрю на одну часть рисунка, не измѣняя положенія зрительнаго аппарата, — во все это время я совершаю круговую реакцію самосохраненія волевого стимула—воспріятія этой части рисунка. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ подъ круговой реакціей самосохраненія волевого стимула нужно понимать разсматриваніе всего рисунка только въ томъ случаѣ, если онъ такъ малъ, что всѣ его части видны ясно сразу. Если же онъ не таковъ, то подъ круговой реакціей самосохраненія нужно понимать только періодъ разсматриванія одной области рисунка.

Точно такъ же протекаютъ круговыя реакціи, когда мы прислушиваемся, вкушаемъ, обоняемъ. Ощущенія слуховыя, вкусовыя, обонятельныя являются отдаленными, косвенными эффектами; ощущенія мѣстныхъ измѣненій отъ мускульныхъ сокраще-

---

*) Я не утверждаю, что волевой стимулъ выразится именно этою мысленною фразой. Ею я только хочу указать, какого рода будетъ волевой стимулъ, въ какомъ направленіи онъ станетъ функціонировать. Волевой стимулъ, навѣрное, выразится не такой сложной фразой, а чѣмъ либо въ родѣ „теперь — сюда..." (подразумѣвается: взглянуть) или „а здѣсь что?.." Повторяю, что и такія сокращенныя выраженія едва едва сознаются и пролетаютъ чрезвычайно быстро.

ній являются ближайшими эффектами; во всѣхъ этихъ случаяхъ мышечная дѣятельность круговыхъ реакцій вызываетъ наилучшія условія для полученія косвенныхъ, отдаленныхъ эффектовъ.

Но кромѣ этихъ случаевъ вниманія въ узкомъ смыслѣ слова есть еще другіе — случаи, когда мы удерживаемъ въ сознаніи психическіе процессы — комплексы образовъ, какъ, напр., представленія, понятія, сужденія. Это самосохраненіе волевыхъ стимуловъ тоже достигается мышечною дѣятельностью, но какою?

Когда мы имѣемъ воспріятія при наилучшихъ условіяхъ для полученія ихъ, наши опредѣленныя мышцы опредѣленнымъ образомъ работаютъ. Ощущенія отъ мѣстныхъ измѣненій, вызванныхъ этими опредѣленными мускульными сокращеніями, постоянно сопровождаютъ зрительныя, слуховыя, обонятельныя, вкусовыя, осязательныя ощущенія воспріятій: между ними образуется крѣпкая ассоціаціонная связь. Но представленія—копіи воспріятій: въ нихъ на ряду съ образами зрительными, слуховыми, осязательными, вкусовыми, обонятельными возникаютъ и крѣпко ассоціированные образы отъ мѣстныхъ измѣненій, производимыхъ сокращеніями мышцъ. Эти образы мѣстныхъ измѣненій, производимыхъ мышечными сокращеніями, требующимися для полученія воспріятія при наилучшихъ условіяхъ, образы, имѣющіеся въ составѣ каждаго представленія, стремятся вызвать и, при отсутствіи задержекъ, вызываютъ соотвѣтственныя сокращенія. Мышечная работа совершается, периферическія окончанія чувствительныхъ нервовъ, какъ въ самихъ сокращающихся мышцахъ, такъ и въ окружающихъ частяхъ, раздражаются; эти раздраженія по чувствительнымъ нервамъ идутъ въ мозгъ, достигаютъ центровъ коры, дезинтеграцію центровъ образовъ мѣстныхъ измѣненій отъ мышечныхъ сокращеній со степени дезинтеграціи, соотносительной образамъ, переводятъ на степень дезинтеграціи, соотносительной ощущеніямъ; дойдя же до центровъ, въ которыхъ протекаетъ дезинтеграція, соотносительная другимъ образамъ представленія, напр., зрительнымъ, обонятельнымъ, слуховымъ,—дойдя до этихъ центровъ по ассоціаціоннымъ волокнамъ, раздраженія поддерживаютъ ихъ дезинтеграцію на степени, соотносительной образамъ. Итакъ, образы мѣстныхъ измѣненій, производимыхъ сокращеніями мышцъ, имѣющіеся въ каждомъ представленіи, путемъ круговой реакціи замѣнились соотвѣтствующими ощущеніями; другіе же образы представленія, какъ напр., зрительные, слуховые, обонятельные, этой круговой реакціей не замѣнились соотвѣтственными ощущеніями, а поддержались ею въ видѣ образовъ. Такой результатъ является потому, что круговая реакція совершается при условіяхъ, неблагопріятныхъ для раздраженія периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ, соотвѣтствующихъ образамъ зрительнымъ, слуховымъ, осязательнымъ, вкусовымъ и проч.: эти раздраженія не получаются при круговой реакціи, и поэтому

соотвѣтственные образы не замѣняются ощущеніями, а продолжаютъ сохраняться въ сознаніи въ видѣ образовъ. Напр., я смотрю на какой-либо предметъ. Круговая реакція самохраненія воспріятія этого предмета совершается; результатомъ мышечной ея работы являются ощущенія мѣстныхъ измѣненій отъ мускульныхъ сокращеній—ощущенія напряженія аккомодаціи и конвергенціи, отъ глазного яблока, глазницы (конечно, эти ощущенія сознаются весьма слабо, даже едва-едва); но таковымъ же результатомъ круговой реакціи являются и зрительныя ощущенія—получившіяся отъ раздраженія опредѣленными лучами сѣтчатки; эти же опредѣленные лучи могли упасть на сѣтчатку только въ присутствіи предмета. Но вотъ теперь предмета нѣтъ. Во мнѣ возникло представленіе его, стало волевымъ стимуломъ и самосохраняется путемъ круговой реакціи. Въ этомъ представленіи зрительные образы крѣпко ассоціированы съ образами мѣстныхъ измѣненій отъ сокращенія мышцъ, работавшихъ при фиксированіи предмета. Эти образы мѣстныхъ измѣненій и вызываютъ круговую реакцію: мускульная работа совершается и замѣняетъ эти образы соотвѣтственными ощущеніями. Но сѣтчатка, хотя и поставлена мускульной работой круговой реакціи въ наилучшія условія для полученія свѣтовыхъ опредѣленныхъ раздраженій, всетаки ихъ не можетъ получить: самаго предмета не имѣется въ наличности. Зрительные образы предмета не могутъ при данныхъ условіяхъ замѣниться соотвѣтственными ощущеніями. А такъ какъ между центрами этихъ образовъ и центрами образовъ мѣстныхъ измѣненій, въ которыхъ теперь протекаетъ дезинтеграція степени соотносительной ощущеніямъ, существуетъ крѣпкая ассоціаціонная связь, то возбужденіе отъ этихъ послѣднихъ центровъ направляется по ассоціаціоннымъ волокнамъ въ первые и поддерживаетъ ихъ дезинтеграцію на степени, соотносительной образамъ. Итакъ оказывается, что одна часть представленія—образы мѣстныхъ измѣненій—путемъ круговой реакціи самоусилилась, замѣнилась соотвѣтственными ощущеніями, а другая часть—зрительные образы—путемъ той же реакціи только самосохранилась. Какъ же считать волевой стимулъ, представленіе предмета, самоусилившимся путемъ круговой реакціи или самосохранившимся? Не всѣ части представленій, не всѣ образы, входящіе въ составъ ихъ, имѣютъ для насъ одинаковое значеніе. Образы мѣстныхъ измѣненій далеко не имѣютъ для насъ той важности, какъ образы зрительные, слуховые, обонятельные и проч. Вообще образы представленій, соотвѣтствующіе отдаленнымъ, косвеннымъ эффектамъ круговыхъ реакцій, для насъ гораздо важнѣе образовъ, соотвѣтствующихъ ближайшимъ эффектамъ. Никто не смотритъ на предметъ только для того, чтобы аккомодировать, конвергировать глаза, направлять зрительныя линіи, а для того, чтобы получать свѣтовыя ощущенія отъ него. Поэтому, когда въ представленіяхъ

путемъ круговой реакціи, образы, соотвѣтствующіе ближайшимъ мѣстнымъ эффектамъ, самоусиливаются, а соотвѣтственные отдаленнымъ, косвеннымъ, самосохраняются, мы имѣемъ полное право назвать представленіе-волевой стимулъ самосохраняющимся. Такъ бываетъ при самосохраненіи различныхъ представленій: въ каждомъ изъ нихъ, на ряду съ образами зрительными, слуховыми, обонятельными и проч., соотвѣтствующими отдаленнымъ эффектамъ круговыхъ реакцій, имѣются образы мѣстныхъ измѣненій; послѣдніе самоусиливаются круговой реакціей, а первые самосохраняются ею. При удерживаніи въ сознаніи слуховыхъ представленій мы производимъ сокращенія мышцъ, требующіяся для полученія звуковыхъ ощущеній при наилучшихъ условіяхъ. Подобнымъ образомъ мы сохраняемъ въ сознаніи представленія вкусовыя, обонятельныя и проч. Такое объясненіе самосохраненія представленій, путемъ подобнаго сорта круговыхъ реакцій, вполнѣ пригодно для тѣхъ многочисленныхъ лицъ, которыя заявляютъ, что при актахъ воспоминанія представленій ощущаютъ напряженія мышцъ, относящихся къ соотвѣтственнымъ органамъ чувствъ. Но есть лица, которыя говорятъ о другихъ ощущеніяхъ. Fechner заявляетъ, что онъ при воспоминаніи имѣетъ ощущенія напряженія и сокращенія въ кожѣ волосистой части головы. James о себѣ говоритъ, что онъ при воспоминаніи и размышленіи имѣетъ ощущенія вращенія глазныхъ яблокъ кнаружи и вверхъ, какъ при снѣ. Многіе имѣютъ ощущенія отъ сокращенія мышцъ, сморщивающихъ лобъ и сдвигающихъ брови. Очевидно, въ этомъ отношеніи существуютъ индивидуальныя различія. Здѣсь подымаются два вопроса: во-первыхъ, какъ возможно самосохраненіе представленій, понятій, сужденій путемъ такихъ мышечныхъ сокращеній? во-вторыхъ, какъ образовалась связь между представленіями, понятіями, сужденіями и такими мышечными сокращеніями?

Первый вопросъ разрѣшается легко, стоитъ только выяснить одно обстоятельство. Дѣло въ томъ, что мышечная дѣятельность круговой реакціи при самосохраненіи волевыхъ стимуловъ-комплексовъ образовъ, какъ, напр., представленій, понятій, сужденій, играетъ далеко не такую роль, какъ при самоусиленіи подобныхъ стимуловъ или при самосохраненіи волевыхъ стимуловъ-воспріятій. Когда путемъ круговой реакціи представленія, сужденія замѣняются воспріятіями, то есть самоусиливаются, или воспріятія самосохраняются, мышечная дѣятельность требуется точно опредѣленная, для каждаго случая особая. Не только одни мускулы не могутъ замѣнить другихъ, но даже степень, сила, послѣдовательность отдѣльныхъ сокращеній должны быть сохранены въ точно опредѣленныхъ размѣрахъ. Представленіе можетъ замѣниться соотвѣтственнымъ воспріятіемъ только тогда, когда въ опредѣленныхъ центрахъ возникаетъ дезинтеграція степени, соотносительной ощущеніямъ; это же является результатомъ раздра-

женій опредѣленныхъ периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ, что, въ свою очередь, можетъ получиться только при опредѣленныхъ мышечныхъ сокращеніяхъ. То же самое вѣрно и для самосохраненія воспріятій: если бы вмѣсто опредѣленныхъ мышечныхъ сокращеній, опредѣленной силы, опредѣленнаго порядка, появились другія, воспріятіе не самосохранялось бы, а замѣнилось другимъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ самосохраненіемъ представленій, понятій, сужденій. Немного выше, при объясненіи самосохраненія представленій путемъ мышечныхъ сокращеній, требующихся для полученія соотвѣтственныхъ ощущеній при наилучшихъ условіяхъ, я указалъ, что главная часть представленій, имѣющая для насъ наибольшую важность, соотвѣтствующая отдаленнымъ эффектамъ круговой реакціи, самосохраняется только потому, что въ ея центры притекаютъ возбужденія отъ дезинтеграціи центровъ неглавной части представленій, соотвѣтствующей ближайшимъ эффектамъ круговыхъ реакцій. Эта послѣдняя часть, образы мѣстныхъ измѣненій отъ мышечныхъ сокращеній, путемъ круговой реакціи самоусиливается; но хотя и самоусиленная, она далеко не имѣетъ для насъ того значенія, какъ часть главная, только самосохраненная; эта самоусиленная часть можетъ даже едва-едва сознаваться. Главная часть представленій самосохраняется только потому, что къ ней по ассоціаціоннымъ волокнамъ притекаютъ возбужденія отъ неглавной части; эти же возбужденія притекаютъ потому, что между обѣими частями существуетъ крѣпкая ассоціаціонная связь. Теперь легко понять, что если бы эта главная часть была ассоціирована крѣпко не съ опредѣленными центрами образовъ мѣстныхъ измѣненій отъ мышечныхъ сокращеній, то есть не съ неглавной частью, а совершенно съ другими центрами, она и при этихъ условіяхъ также самосохранялась бы. Какія бы мышечныя движенія ни совершались—безразлично: отъ ихъ центровъ въ мозговой корѣ возбужденія направились бы къ тѣсно ассоціированной главной части представленій, которая имѣетъ для насъ существенное значеніе, и поддержали бы ея пребываніе въ сознаніи. Понятно также и то, что для самосохраненія различныхъ представленій вовсе не требуются различныя, точно опредѣленныя мышечныя сокращенія: совершенно одинакія сокращенія однѣхъ и тѣхъ же мышцъ могли бы служить съ успѣхомъ для самосохраненія всѣхъ представленій Итакъ, всѣ представленія, понятія, сужденія могли бы самосохраняться путемъ какой-нибудь одной круговой реакціи: или вызывая сокращенія мышцъ волосистой части головы, или мышцъ, сморщивающихъ лобъ и сдвигающихъ брови, или мышцъ, вращающихъ глаза вверхъ и кнаружи. Раздраженія этими сокращеніями периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ притекли бы въ мозгъ и вызвали бы въ центрахъ коры дезинтеграцію, соотносительную ощущеніямъ; а отсюда возбужденія по

ассоціаціоннымъ волокнамъ передались бы въ центры представленій, понятій, сужденій и поддержали бы ихъ дезинтеграцію.

Легко можетъ возникнуть такого сорта возраженіе: если бы всѣ представленія, понятія, сужденія были ассоціированы съ одной мышечной дѣятельностью, самосохранялись бы путемъ одной круговой реакціи, то это самосохраненіе было бы очень кратковременно. Если бы во время самосохраненія какого-либо представленія, всплыло въ сознаніи другое, то оно, будучи волевымъ стимуломъ той же круговой реакціи, легко замѣстило бы первое, такъ сказать вытолкнуло бы его и заняло бы его мѣсто; въ свою очередь легко уступило бы мѣсто третьему. Но какъ разъ мы это и видимъ на дѣлѣ: самосохраненіе представленій, понятій, сужденій всегда кратковременное, короче самосохраненія воспріятій. Вытянувъ руку, я могу держать ее въ этомъ положеніи очень долго. Представленія же, понятія, сужденія очень скоро уплываютъ и самосохраняются больше толчками, вновь появляясь въ сознаніи и вновь вызывая круговую реакцію. Когда же говорятъ, что долго думаютъ объ одномъ, то это значитъ, что только тема представленій, понятій, сужденій одна, сами же эти психическіе процессы въ каждый моментъ — иные. Я могу долго думать о пріятелѣ, но это будетъ происходить такъ, что въ одинъ моментъ я представляю его лицо, въ другой—имя, въ третій—вспоминаю его недавній поступокъ, въ четвертый недоумѣваю надъ какой-либо чертой его характера. Всѣ эти представленія, сужденія самосохраняются очень малое время; но такъ какъ между ними логическая связь, они составляютъ одну тему, то мы и говоримъ, что тема пребывала въ сознаніи долго.

Отъ этого возраженія насчетъ кратковременности самосохраненія представленій, понятій, сужденій вслѣдствіе замѣны однихъ волевыхъ стимуловъ круговой реакціи другими не свободно и вышеприведенное объясненіе самосохраненія представленій посредствомъ мышечныхъ сокращеній, требующихся для полученія соотвѣтственныхъ ощущеній при наилучшихъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что мышечныя сокращенія при зрительныхъ представленіяхъ очень разнообразны, различно комбинируются и хотя, можетъ быть, не являются совершенно особыми для каждаго случая, всетаки значительно приближаются къ этому идеалу. Не то при слуховыхъ, а тѣмъ болѣе при вкусовыхъ, обонятельныхъ представленіяхъ: здѣсь много представленій вызываетъ или одни и тѣ же мышечныя сокращенія, или весьма сходныя—одинаково раздуваются ноздри и втягивается воздухъ, какой бы запахъ ни вспоминали. Конечно, такое же однообразіе мышечныхъ сокращеній наблюдается и при самосохраненіи воспріятій слуховыхъ, вкусовыхъ, обонятельныхъ; но тамъ это обстоятельство не имѣетъ важнаго значенія потому, что ему противодѣйствуетъ другое—наличность источника раздраженій. Я одинаково расширяю ноздри

и втягиваю воздухъ, нюхаю ли розу или стклянку съ уксусомъ; но на этомъ основаніи запахъ розы не будетъ вытѣсненъ изъ моего сознанія запахомъ уксуса, если только подъ моимъ носомъ находится роза, а не уксусъ. Не то въ представленіи; ни розы, ни уксуса нѣтъ на лицо; я вспоминаю запахъ розы, онъ пребываетъ въ моемъ сознаніи, благодаря мышечнымъ сокращеніямъ круговой реакціи: расширенію ноздрей, втягиванію воздуха. Вдругъ всплываетъ въ сознаніи представленіе запаха уксуса, оно ассоціировано съ тѣми же мышечными движеніями и такъ же крѣпко; одно представленіе можетъ легко замѣнить другое.

Переходимъ теперь къ другому вопросу: какъ можетъ образоваться связь между представленіями, понятіями, сужденіями и такими мышечными сокращеніями, какъ сокращенія мышцъ волосистой части головы, лба, сдвигающихъ брови, вращающихъ глазные яблоки вверхъ и кнаружи? На этотъ вопросъ отвѣтить съ полной опредѣленностью мы не можемъ; мы можемъ только сдѣлать нѣсколько предположеній. Эти движенія могутъ быть чисто эмоціональными: мы знаемъ, что сдвиганіе бровей является часто эмоціональнымъ движеніемъ досады, затрудненія; закатываніе глазъ тоже въ не частыхъ случаяхъ является эмоціональнымъ. Далѣе, извѣстно, что теченіе мыслей вообще сопровождается эмоціональными движеніями, хотя часто весьма незначительными. Извѣстно также, что между людьми существуютъ большія индивидуальныя различія относительно эмоціональныхъ движеній. Поэтому не трудно допустить, что у нѣкоторыхъ эмоціональныя движенія мышцъ волосистой части головы, лба, бровей, глазъ могутъ быть чрезвычайно сильными и сопровождать теченіе мыслей, а движенія мышцъ, требующіяся для полученія ощущеній при наилучшихъ условіяхъ, по какимъ-нибудь индивидуальнымъ причинамъ могутъ быть очень слабыми, мало выраженными и съ теченіемъ времени совершенно отступить на задній планъ, давая мѣсто эмоціональнымъ.

Что касается самосохраненія представленій посредствомъ мышечныхъ сокращеній, требующихся для полученія соотвѣтственныхъ ощущеній при наилучшихъ условіяхъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду еще слѣдующее. Не всѣ люди обладаютъ одинаково интенсивными образами ощущеній различныхъ сферъ: у многихъ лицъ одни образы, напр., зрительные, чрезвычайно интенсивны, тогда какъ другіе очень слабы. По силѣ образовъ люди раздѣляются на типы; различаютъ „зрительный", „слуховой", „осязательный", „двигательный", „индифферентный" типы. Лица съ преобладающей силой какихъ-либо образовъ стремятся все, что знаютъ, вспоминать въ этихъ образахъ; такъ, лица „зрительнаго" типа будутъ ярко помнить цвѣта предметовъ и совсѣмъ почти не будутъ помнить ихъ звуковъ; у людей „слухового" типа, обратно, будутъ яркія воспоминанія звуковъ предметовъ и весьма

слабыя—цвѣтовъ ихъ. Теперь понятно, что при самосохраненіи представленій будутъ работать тѣ мышцы, сокращенія которыхъ требуются для полученія при наилучшихъ условіяхъ ощущеній, соотвѣтствующихъ преобладающимъ образамъ. Такъ, при самосохраненіи представленій съ преобладаніемъ зрительныхъ образовъ будутъ сокращаться мышцы, требующіяся для полученія при наилучшихъ условіяхъ зрительныхъ ощущеній.

Понятія являются въ сознаніи или какъ образы словъ, ихъ означающихъ, или какъ болѣе или менѣе опредѣленные образы предметовъ или перемѣнъ, въ этихъ предметахъ происходящихъ или ими производимыхъ; всѣ эти образы окружены полуясно или даже едва-едва сознаваемыми сужденіями объ общемъ классовомъ ихъ значеніи. Понятія-слова самосохраняются различными мышечными сокращеніями, смотря по тому, какіе образы преобладаютъ въ сознаніи словъ. Если лицо „слухового“ типа, оно будетъ сознавать слова какъ слуховые образы; соотвѣтственно этому при самосохраненіи понятій у такого лица будутъ сокращаться мышцы, работа которыхъ доставляетъ наилучшія условія для полученія слуховыхъ ощущеній; если лицо — „зрительнаго“ типа, сознаетъ слова какъ зрительные образы напечатанныхъ буквъ, сокращаться будутъ мышцы, дающія наилучшія условія для полученія зрительныхъ ощущеній. Понятія-образы предметовъ или перемѣнъ, этими предметами производимыхъ или въ въ нихъ происходящихъ, самосохраняются помощью мышечныхъ сокращеній, требующихся для полученія ощущеній, соотвѣтственныхъ этимъ образамъ, при наилучшихъ условіяхъ; будутъ эти образы зрительные, слуховые или другіе... — сокращаться будутъ соотвѣтствующія мышцы. Полуясно или едва сознаваемыя сужденія объ общемъ, классовомъ значеніи образовъ будутъ самосохраняться черезъ передачу возбужденій по ассоціаціоннымъ волокнамъ изъ центровъ этихъ образовъ.

Сужденія являются въ сознаніи въ видѣ болѣе или менѣе правильныхъ опредѣленныхъ предложеній, то есть опять-таки словъ и самосохраняются различными мышечными сокращеніями, смотря по тому, какіе образы преобладаютъ въ сознаніи словъ: всегда будутъ работать мышцы, дающія лучшія условія для полученія соотвѣтственныхъ образамъ ощущеній.

Какъ самосохраняются такія представленія, сужденія, въ которыхъ сознается какой-либо актъ, выполнявшійся уже много разъ? Появившись въ сознаніи, такое представленіе-волевой стимулъ должно вызвать круговую реакцію самоусиленія: актъ долженъ осуществиться. Это было бы поступкомъ въ узкомъ смыслѣ слова, а не вниманіемъ въ таковомъ же. Дѣйствительно, такъ и происходитъ, если только въ сознаніи нѣтъ въ этотъ моментъ какого-либо противодѣйствующаго волевого стимула. Противодѣйствующими я называю такіе волевые стимулы, круговыя реакціи кото-

рыхъ не могутъ быть одновременно выполняемы вслѣдствіе антагонизма мускуловъ; напримѣръ, я не могу въ одинъ и тотъ же моментъ поднять руку вверхъ и опустить ее внизъ. Если представленіе какого-либо акта, возникнувъ въ сознаніи, застаетъ выполненіе такихъ круговыхъ реакцій, въ которыхъ работаютъ мышцы-антагонисты, оно должно для своего осуществленія прервать ихъ. Иногда оно сразу ихъ прерываетъ и начинаетъ свою круговую реакцію. Но часто оно не можетъ этого сдѣлать, встрѣчаясь въ сознаніи съ могущественнымъ „нельзя", „не слѣдуетъ": человѣкъ сознаетъ, что въ данный моментъ онъ не долженъ осуществлять того акта, который онъ себѣ представляетъ. Подъ „нельзя", „не слѣдуетъ" сознается волевой стимулъ „продолжай дѣлать то, что дѣлаешь", то есть выполнять уже текущія круговыя реакціи. Въ этомъ случаѣ въ сознаніи одновременно пребываютъ два волевыхъ стимула: одинъ совершаетъ свои круговыя реакціи, а другой, стараясь прервать ихъ, шлетъ импульсы въ двигательные центры соотвѣтственныхъ мышцъ; эти мускулы не совершаютъ полной круговой реакціи, но въ нихъ появляется напряженіе. Такое пребываніе въ сознаніи двухъ противодѣйствующихъ волевыхъ стимуловъ я называю борьбою ихъ и подробно буду говорить объ этомъ въ 5-ой главѣ. Эта борьба оканчивается выпаденіемъ изъ сознанія котораго либо изъ стимуловъ-соперниковъ. Оставшійся въ сознаніи волевой стимулъ начинаетъ свою круговую реакцію. Во время же борьбы, противодѣйствущіе волевые стимулы являются попеременно въ области ясного сознанія. Каковы психическіе процессы тѣхъ моментовъ, когда въ ясномъ сознаніи пребываетъ представленіе какого-либо акта—волевой стимулъ, производящій не полную круговую реакцію, а только мышечное напряженіе? Они чрезвычайно сходны съ психическими процессами въ типическихъ случаяхъ вниманія къ представленіямъ, когда эти послѣднія самосохраняются круговыми реакціями: представленіе пребываетъ въ области яснаго сознанія; сознается также мышечное напряженіе. Такой періодъ самосохраненія представленія въ области яснаго сознанія, самосохраненія путемъ столкновенія съ противоборствующимъ стимуломъ, я не назову вниманіемъ въ узкомъ смыслѣ: круговая реакція не осуществилась. Это не вниманіе, а моментъ борьбы волевыхъ стимуловъ; если этотъ моментъ разсматривать отдѣльно,—онъ чрезвычайно похожъ съ психической стороны на вниманіе. Только такимъ образомъ мы и можемъ ясно представлять себѣ какой либо актъ и въ то же время не выполнять его.

Мы разсмотрѣли одну сторону процессовъ вниманія въ узкомъ смыслѣ слова — ту, что всѣ они круговыя реакціи на волевой стимулъ. Теперь я долженъ указать другую сторону ихъ—ту, что самоусиленный или самосохраняемый волевой стимулъ круговой

реакціи вниманія въ узкомъ смыслѣ всегда находится въ области яснаго сознанія, остальное же сознается неясно. Мы можемъ это выразить такъ: вниманіе въ широкомъ смыслѣ всегда сопровождаетъ вниманіе въ узкомъ смыслѣ. Это является такимъ необходимымъ условіемъ вниманія въ узкомъ смыслѣ, что безъ него мы соотвѣтственные процессы не назвали бы вниманіемъ. Иногда мы, фиксируя какую-либо область глазами, видимъ ее не ясно, будучи заняты посторонними мыслями. Подобную фиксацію мы не считаемъ вниманіемъ. Такъ какъ сопровождаемость процессовъ дезинтеграціи центровъ психическимъ коррелятомъ, болѣе или менѣе ясно сознаваемымъ, зависитъ не только отъ условій теченія самихъ этихъ процессовъ, но и отъ отношенія ихъ къ другимъ, одновременнымъ, то мы должны признать необходимымъ условіемъ вниманія въ узкомъ смыслѣ слова одновременность такихъ другихъ психофизіологическихъ процессовъ, которые позволили бы волевому стимулу круговой реакціи вниманія въ узкомъ смыслѣ сопутствоваться ясно сознаваемымъ психическимъ коррелятомъ.

Многіе психологи полагаютъ, что актъ вниманія можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда соотвѣтственные центры коры были предварительно возбуждены черезъ ассоціаціонныя волокна съ другихъ клѣтокъ ея; поэтому при вниманіи къ ощущеніямъ образы, соотносительные этимъ ощущеніямъ, какъ бы идутъ послѣднимъ навстрѣчу. Такое предварительное возбужденіе нервныхъ процессовъ, коррелятовъ образовъ, соотвѣтствующихъ имѣющимъ получиться ощущеніямъ, Lewes назвалъ „preperception“ (предвоспріятіе). Вопросъ о „preperception“ заключается, слѣдовательно, въ томъ, дѣйствительно ли такое предварительное возбужденіе корковыхъ центровъ всегда имѣетъ мѣсто и составляетъ необходимое условіе вниманія?

Когда вниманіе направлено на какой-либо комплексъ образовъ, напр., на представленіе, понятіе, сужденіе, то въ этихъ случаяхъ не можетъ быть сомнѣнія насчетъ вѣрности утвержденія о предварительныхъ нервныхъ процессахъ въ соотвѣтствующихъ центрахъ коры: этотъ комплексъ образовъ и есть возбудитель вниманія; понятно, что онъ долженъ необходимо предшествовать вызываемому имъ акту вниманія; извѣстно также, что физіологическіе корреляты комплексовъ образовъ всегда возбуждаются по ассоціаціоннымъ волокнамъ съ другихъ центровъ коры. Но психологи защитники „preperception“ утверждаютъ, что такое предварительное возбужденіе процессовъ образовъ является необходимымъ, постояннымъ условіемъ всѣхъ актовъ вниманія, то есть бываетъ и тогда, когда вниманіе направлено не на одни только образы, но и на ощущенія: образы какъ бы идутъ навстрѣчу притекающимъ съ периферіи ощущеніямъ и соединяются съ ними. Вѣрно ли это утвержденіе? James защищаетъ это утвержденіе,

но защищаетъ очень странно *). Онъ признаетъ, что во время полнаго хода процесса вниманія къ ощущеніямъ нельзя опредѣлить, сколько въ воспріятіи получается съ периферіи, а сколько съ другихъ центровъ мозга, но полагаетъ, что необходимость „preperception“ для каждаго акта вниманія легко можетъ быть доказана инымъ путемъ: если будетъ показано, что *готовясь* внимательно воспринять что либо, мы создаемъ въ воображеніи соотвѣтствующій образъ, готовый встрѣтить внѣшнее впечатлѣніе, то этимъ будетъ доказано, что такъ бываетъ во всѣхъ случаяхъ. И далѣе онъ приводитъ примѣры, гдѣ субъектъ ожидаетъ и болѣе или менѣе знаетъ впередъ природу имѣющаго получиться впечатлѣнія: предварительные образы оказываются постоянно на лицо. Все это доказательство примѣрами, гдѣ воспріятіе ожидается и болѣе или менѣе извѣстно заранѣе,—чистѣйшее недоразумѣніе: какъ бы ни были сильны эти доказательства, они не могутъ доказать, что предварительные образы существуютъ и при актахъ вниманія къ впечатлѣніямъ, которыхъ не ожидали, о которыхъ заранѣе не знали. А между тѣмъ, кто можетъ отрицать, что такіе случаи существуютъ? Человѣкъ сидитъ въ кабинетѣ; работаетъ; за работой онъ не слыхалъ звонка въ квартиру; вдругъ дверь отворяется и къ нему въ кабинетъ входитъ его товарищъ дѣтства, котораго онъ не видалъ 20 лѣтъ. Моментально появится у нашего субъекта цѣлый рядъ процессовъ вниманія: лицо стараго товарища прикуетъ къ себѣ его взоры; также и рѣчи завладѣютъ его слухомъ. Мы будемъ здѣсь имѣть цѣлый рядъ круговыхъ реакцій вниманія: зрительныя воспріятія лица и фигуры товарища дѣтства будутъ самосохраняться мышечными сокращеніями, дающими наилучшія условія для полученія зрительныхъ ощущеній; слуховыя воспріятія дружескихъ словъ будутъ самосохраняться мышечными сокращеніями, доставляющими лучшія условія для полученія слуховыхъ ощущеній. А были ли у этихъ актовъ вниманія соотвѣтственные процессы „preperception“? Конечно, нѣтъ. Нашъ субъектъ совсѣмъ не думалъ о своемъ отсутствующемъ другѣ въ моментъ, предшествовавшій той минутѣ, когда онъ вдругъ увидѣлъ товарища: ни образовъ лица его, ни образовъ слуховыхъ голоса его онъ не имѣлъ въ сознаніи. Никто не можетъ отрицать существованія такихъ случаевъ, когда вниманіе сразу приковывается къ неожиданному впечатлѣнію. Понятно поэтому, что какіе бы результаты ни получились отъ анализа фактовъ вниманія къ ожидаемому и заранѣе извѣстному впечатлѣнію, они не могутъ быть перенесены прямо на случаи неожиданнаго вниманія. При вниманіи къ впечатлѣніямъ внезапнымъ, неожиданнымъ предварительнаго возбужденія соотвѣтственныхъ образовъ не имѣется и

*) W. James. The Principles of Psychology 1890. I, p. 439.

поэтому ясно, что таковое предварительное ихъ возбужденіе вовсе не составляетъ необходимаго условія всѣхъ актовъ вниманія.

Кромѣ того, если мы проанализируемъ теперь тѣ случаи вниманія къ впечатлѣніямъ ожидаемымъ и заранѣе болѣе или менѣе извѣстнымъ, гдѣ по мнѣнію James'а такъ ясно доказано присутствіе „preperception", то легко обнаружимъ здѣсь еще болѣе глубокое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что „preperception" (предвоспріятіе) вовсе не часть вниманія къ имѣющему получиться воспріятію, а само составляетъ отдѣльный и вполнѣ самостоятельный актъ вниманія къ соотвѣтствующимъ воспріятію образамъ. Психологи защитники „preperception", какъ необходимаго условія вниманія къ воспріятіямъ, смѣшиваютъ два вполнѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ процесса вниманія въ одинъ. Разсмотримъ дѣло на примѣрѣ. Только примѣромъ не слѣдуетъ брать опыты съ возможно быстрой реакціей на какое-либо ощущеніе. Въ этихъ опытахъ субъекту говорятъ, что онъ получитъ такое-то ощущеніе, и просятъ приготовиться тотчасъ же по воспріятіи его извѣстнымъ образомъ реагировать. Вслѣдствіе этихъ словъ въ сознаніи субъекта всплываетъ образъ имѣющаго получиться ощущенія, но въ то же время сознается и волевой стимулъ „реагировать какъ можно скорѣе" при полученіи этого ощущенія; сознается также, что „теперь — еще не время". Какъ только ощущеніе получено, субъектъ немедленно реагируетъ. Въ сознаніи субъекта во время ожиданія ощущенія и въ моментъ его полученія находится нѣсколько психическихъ процессовъ въ сложныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Вотъ почему эти опыты вовсе не годятся для примѣра вниманія къ ожидаемымъ и заранѣе болѣе или менѣе извѣстнымъ впечатлѣніямъ. Возьмемъ примѣръ не при условіяхъ эксперимента, а при болѣе простыхъ. Человѣкъ пришелъ къ какому-нибудь лицу и ждетъ выхода его изъ другой комнаты. Онъ знаетъ наружность этого лица и ждетъ его съ нетерпѣніемъ. Въ этотъ моментъ у него происходитъ круговая реакція самосохраненія представленія ожидаемаго лица. Лицо выходитъ. Моментально у нашего субъекта предварительные образы замѣняются соотвѣтственными ощущеніями: периферическія окончанія нервовъ зрительныхъ, слуховыхъ раздражаются; раздраженія достигаютъ коры мозга, вызываютъ психофизіологическіе процессы воспріятій наружности, рѣчей даннаго лица; эти психофизіологическіе процессы самосохраняются круговыми реакціями при помощи соотвѣтственныхъ мышечныхъ сокращеній: субъектъ смотритъ на вышедшее къ нему лицо, слушаетъ его слова. Итакъ ясно, что ожиданіе и воспріятіе ожидаемаго — два самостоятельныхъ, отдѣльныхъ акта вниманія, по нашей же, излагаемой здѣсь, теоріи это — двѣ круговыя реакціи самосохраненія волевыхъ стимуловъ; волевой стимулъ предшествующей круговой реакціи — представленіе, волевой стимулъ послѣдующей — соотвѣтственное этому представленію воспріятіе. Психо-

физіологическій процессъ второй круговой реакціи дѣйствительно протекаетъ въ большей или меньшей части центровъ, функціонировавшихъ въ психофизіологическомъ процессѣ первой; тѣмъ не менѣе эти двѣ круговыя реакціи вполнѣ самостоятельные, отдѣльные акты вниманія. Я сказалъ „въ большей или меньшей части центровъ" потому, что часто предшествующія представленія далеко не вполнѣ соотвѣтствуютъ послѣдующимъ воспріятіямъ. Напримѣръ, я встрѣчаю въ вокзалѣ пріѣзжающаго изъ другого города знакомаго, котораго я не видалъ полгода. Поѣздъ приближается. Въ моемъ сознаніи самосохраняется представленіе наружности знакомаго, цвѣтущаго, румянаго, упитаннаго, въ извѣстномъ костюмѣ, однимъ словомъ такого, какимъ я видѣлъ его последній разъ. Но вотъ онъ выходитъ изъ вагона: блѣдный, болѣзненный, совсѣмъ иначе одѣтый. Теперь въ моемъ сознаніи самосохраняется воспріятіе наружности знакомаго, далеко не совпадающее съ предшествовавшимъ представленіемъ.

Итакъ, не существуетъ никакой „preperception" въ видѣ особаго, необходимаго условія или части акта вниманія; существуютъ частые случаи вниманія къ неожиданнымъ впечатлѣніямъ, и при нихъ нѣтъ предварительнаго возбужденія соотвѣтственныхъ образовъ. При вниманіи же къ воспріятіямъ съ предварительнымъ ожиданіемъ ихъ имѣются два вполнѣ самостоятельныхъ, отдѣльныхъ акта вниманія.

Мы разсмотрѣли поступки въ узкомъ смыслѣ слова и акты вниманія въ таковомъ же и не нашли между этими процессами принципіальной разницы: и тѣ и другіе — круговыя реакціи на волевой стимулъ. Когда говорятъ о какихъ-нибудь поступкахъ, что они совершаются со вниманіемъ, внимательно, то это можетъ означать два факта: или имѣются одновременныя круговыя реакціи — поступка въ узкомъ смыслѣ и акта вниманія въ таковомъ же, или имѣется только круговая реакція поступка въ узкомъ смыслѣ, а вниманіе слѣдуетъ понимать въ широкомъ смыслѣ. Разсмотримъ это на примѣрѣ, на томъ, который приведенъ во 2-ой главѣ при разборѣ процессовъ круговой реакціи. Субъектъ держитъ правую руку поднятою до высоты плеча; его голова повернута вправо. Если зрительный аппаратъ не приспособленъ къ тому, чтобы зрительныя ощущенія отъ поднятой правой руки получались при наилучшихъ условіяхъ, субъектъ будетъ видѣть руку неясно, боковымъ зрѣніемъ. Если же зрительный аппаратъ приспособленъ для наилучшихъ условій полученія зрительныхъ ощущеній отъ руки, субъектъ будетъ ее видѣть ясно. Но въ этомъ случаѣ все приспособленіе зрительнаго аппарата составитъ круговую реакцію вниманія въ узкомъ смыслѣ. Ею будетъ самосохраняться въ сознаніи воспріятіе вида поднятой правой руки, то есть воспріятіе эффекта круговой реакціи поступка въ узкомъ смыслѣ. Теперь—другой примѣръ. Субъектъ держитъ правую руку

поднятою до высоты плеча; но голова его не повернута вправо. Держаніе руки въ опредѣленномъ положеніи—поступокъ въ узкомъ смыслѣ слова, хотя и не типическій: нѣтъ измѣненій въ обстановкѣ. Зрительнаго воспріятія вида поднятой правой руки субъектъ не имѣетъ: голова не повернута вправо; осязательныя же ощущенія отъ давленія рукава сознаются. Если теперь умъ субъекта не будетъ занятъ отвлекающими мыслями, то воспріятіе положенія поднятой руки — мѣстные эффекты и давленіе рукава — будетъ сознаваться имъ съ наибольшею ясностью. Это воспріятіе—эффектъ круговой реакціи поступка въ узкомъ смыслѣ слова; это воспріятіе самосохраняется, пребывая въ сознаніи яснымъ, яркимъ; но это самосохраненіе воспріятія совершается не отдѣльной круговой реакціей вниманія, а той же поступка. О такихъ поступкахъ, эффекты которыхъ сознаются ярче всего въ данный моментъ, въ моментъ совершенія поступка, говорятъ, что они выполняются *со вниманіемъ, внимательно.* И про нашего субъекта можно сказать, что онъ держитъ руку поднятою внимательно, со вниманіемъ. Но здѣсь нѣтъ двухъ круговыхъ реакцій — поступка въ узкомъ смыслѣ и вниманія въ таковомъ же, здѣсь только одна круговая реакція поступка въ узкомъ смыслѣ. „Внимательно, со вниманіемъ“ — эти слова означаютъ здѣсь только тотъ фактъ, что эффектъ круговой реакціи поступка сознается во время ея выполненія яснѣе, ярче всего. Слѣдовательно вниманіе здѣсь нужно понимать въ широкомъ смыслѣ.

Вниманію противополагаютъ разсѣянность. Что это за состояніе? и какъ оно можетъ быть объяснено помощью круговыхъ реакцій на волевой стимулъ? Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что это слово часто употребляется совершенно неправильно: имъ называютъ самые акты вниманія. Когда человѣкъ что-нибудь внимательно дѣлаетъ или обдумываетъ, онъ становится глухъ и слѣпъ ко всему окружающему. Вотъ это-то отношеніе къ неинтересующимъ въ данный моментъ предметамъ и называютъ разсѣянностью. Разсказываютъ анекдоты о великихъ ученыхъ, что они, углубляясь въ свои занятія, забывали обѣдать; разсказываютъ объ Архимедѣ, что онъ, занятый своими геометрическими изысканіями, не слыхалъ, какъ римскія войска ворвались въ городъ.

Когда же слово разсѣянность употребляютъ правильно, то имѣютъ въ виду два сорта психическихъ состояній. Иногда разсѣянностью называютъ большую неустойчивость вниманія; она обыкновенна у дѣтей. Вниманіе существуетъ къ какому-нибудь предмету; малѣйшее новое впечатлѣніе прерываетъ круговую реакцію, уже протекающую, и начинаетъ свою. Я уже выше говорилъ о томъ, что продолжительное вниманіе къ одному предмету не слѣдуетъ понимать, какъ продолжительное самосохраненіе одного волевого стимула одной круговой реакціей. Нѣтъ, это должно означать

только то, что волевые стимулы различныхъ круговыхъ реакцій находятся между собой въ логической связи. Я обдумываю какой-либо предметъ; волевые стимулы со своими круговыми реакціями замѣняютъ довольно скоро другъ друга; но всѣ эти волевые стимулы представляютъ различныя стороны предмета; поэтому я говорю, что долго думалъ объ одномъ предметѣ. Также и при воспріятіяхъ качествъ какого-либо предмета: волевые стимулы со своими круговыми реакціями будутъ быстро смѣнять другъ друга, но всѣ эти волевые стимулы—воспріятія разныхъ свойствъ предмета; и я справедливо говорю, что долго внимательно наблюдалъ одинъ предметъ. Но для того, чтобы волевой стимулъ—воспріятіе или представленіе одной стороны предмета смѣнился волевымъ стимуломъ — воспріятіемъ или представленіемъ другой стороны, нужно, чтобы между этими волевыми стимулами была такая крѣпкая связь, которая воспрепятствовала бы замѣнѣ перваго какимъ-либо совершенно постороннимъ волевымъ стимуломъ, не имѣющимъ къ данному предмету отношенія. Такая крѣпкая ассоціаціонная связь между различными сторонами предметовъ вырабатывается опытомъ жизни. У дѣтей этотъ опытъ еще малъ, а поэтому ихъ вниманіе не останавливается долго на одномъ предметѣ. Разсѣянность въ этомъ смыслѣ означаетъ недостаточное развитіе ассоціаціонныхъ связей между волевыми стимулами круговыхъ реакцій вниманія; въ этихъ случаяхъ или одна, или весьма малое количество круговыхъ реакцій на волевые стимулы, связанныя ассоціаціонною связью, смѣняется круговой реакціей на волевой стимулъ, не имѣющій къ первому или первымъ отношенія, между тѣмъ какъ нормально такая смѣна совершается послѣ того, какъ имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ круговыхъ реакцій вниманія на волевые стимулы, связанные ассоціацiей.

Иногда же подъ разсѣянностью понимаютъ нѣчто другое, то особое состояніе оцѣпенѣлости, которое, вѣроятно, извѣстно каждому. Человѣкъ какъ бы не можетъ двинуться съ мѣста, приняться за что-нибудь, хотя вовсе не забылъ, а хорошо помнитъ, что слѣдуетъ дѣлать; смотритъ неподвижно въ пространство, чувствуетъ давленія, прикосновенія ко всѣмъ точкамъ тѣла, все слышитъ, но слышимое и видимое имъ не пробуждаетъ въ немъ никакого интереса. Наконецъ, онъ выходитъ изъ этого состоянія пассивности и принимается за свое дѣло. Какъ объяснить такое состояніе? Уже я упомянулъ выше, что когда мы внимательно что-нибудь дѣлаемъ или обдумываемъ, то становимся какъ бы глухими и слѣпыми ко всему постороннему. Всегда волевой стимулъ вниманія сознается очень ясно, а остальное или совсѣмъ не сознается или весьма неясно. Здѣсь же въ этомъ особенномъ состояніи пассивности мы имѣемъ исключительное явленіе: массу одновременныхъ круговыхъ реакцій самосохраненія, волевые стимулы которыхъ сознаются всѣ приблизительно одинаково ясно.

Всѣ эти воспріятія, представленія, пребывающія въ сознаніи, самосохраняются одновременными круговыми реакціями, каждую изъ которыхъ мы могли бы назвать круговой реакціей вниманія. если бы ея волевой стимулъ сознавался яснѣе всего въ данный моментъ. Но здѣсь — много такихъ реакцій, и волевые стимулы ихъ сознаются всѣ съ приблизительно одинаковой ясностью. Условія теченія процессовъ дезинтеграціи центровъ волевыхъ стимуловъ приблизительно одинаковы,—вотъ почему всѣ волевые стимулы сознаются съ почти одинаковой ясностью. Приблизительно одинаковая энергія этихъ процессовъ и создаетъ такое состояніе довольно устойчиваго равновѣсія: человѣкъ знаетъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, но не дѣлаетъ—волевой стимулъ задуманнаго дѣйствія не можетъ осуществить своей круговой реакціи, будучи вполнѣ уравновѣшенъ волевыми стимулами текущихъ уже круговыхъ реакцій. Равновѣсіе столь полное, что субъектъ даже не замѣчаетъ столкновенія, борьбы своихъ стремленій. Читатель видитъ, что и это состояніе пассивности легко объясняется круговыми реакціями на волевой стимулъ.

Между актами вниманія въ узкомъ смыслѣ слова и поступками въ таковомъ же нѣтъ принципіальной разницы: и тѣ, и другіе — круговыя реакціи самоусиленія или самосохраненія волевыхъ стимуловъ. Но слѣдуетъ замѣтить слѣдующее обстоятельство: при актахъ вниманія преобладающее значеніе принадлежитъ круговымъ реакціямъ самосохраненія волевыхъ стимуловъ; круговыя реакціи самоусиленія волевыхъ стимуловъ при актахъ вниманія встрѣчаются рѣже и, когда происходятъ, непремѣнно сопровождаются круговыми реакціями самосохраненія этого самоусилившагося волевого стимула. При поступкахъ въ узкомъ смыслѣ слова не замѣчается преобладанія ни со стороны круговыхъ реакцій самосохраненія, ни со стороны круговыхъ реакцій самоусиленія.

Изъ всего предъидущаго читателю ясно, что нѣтъ вниманія, какъ особой, самостоятельной способности: существуютъ только отдѣльные акты вниманія; вниманіе же — терминъ для общаго обозначенія такихъ актовъ.

Итакъ, мой взглядъ на волевые процессы, какъ на круговыя реакціи, помогъ намъ выяснить отношенія вниманія къ другимъ волевымъ актамъ, а также и то, что между тѣми и другими процессами нѣтъ принципіальной разницы.

IV. Комплексы волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій.

Объяснивъ основные факты волевыхъ процессовъ, я перехожу теперь къ изученію болѣе сложныхъ явленій воли. Мы часто сознаемъ волевые стимулы, какъ желанія; имѣемъ сознаніе своей собственной дѣятельности, называемъ ее произвольной; исполненія своихъ желаній достигаемъ не отдѣльными, разрозненными круговыми реакціями, а комплексами ихъ. Во всемъ этомъ намъ предстоитъ теперь разобраться.

Я уже говорилъ выше, что не всякій волевой стимулъ можно назвать желаніемъ. Я хожу; каждый шагъ имѣетъ свой волевой стимулъ, но я не могу сказать, что желаю каждаго отдѣльнаго шага. Я читаю книгу, причемъ держу ее на вѣсу; я не могу сказать, что все время сознаю желаніе такъ держать ее, а между тѣмъ волевой стимулъ самосохраняется все это время. Однимъ словомъ, волевые стимулы часто, возникнувъ въ сознаніи, хотя и выполняютъ свои круговыя реакціи, сами сознаются неясно. Когда же волевой стимулъ сознается ясно и притомъ не одинъ а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ чѣмъ связанъ самою крѣпкою ассоціаціонною связью, мы тогда называемъ его желаніемъ. Итакъ, волевой стимулъ—общее названіе для всѣхъ психофизіологическихъ процессовъ, самоусиливающихся или самоохраняющихся помощью круговыхъ реакцій, а желаніе—общее названіе волевыхъ стимуловъ, сознаваемыхъ въ связи съ тѣмъ, съ чѣмъ они теснѣе всего ассоціированы.

Но съ чѣмъ тѣснѣе всего ассоціированъ волевой стимулъ? Для отвѣты на этотъ вопросъ мы должны проанализировать, что мы сознаемъ въ каждомъ желаніи. Желанія же наши бываютъ двухъ родовъ. Обыкновенно мы желаемъ того, чего у насъ еще нѣтъ, чѣмъ мы еще не владѣемъ. Волевой стимулъ въ этихъ желаніяхъ стремится путемъ круговой реакціи или комплекса ихъ самоусилиться. Но мы можемъ также желать и того, что у насъ уже есть, чѣмъ мы владѣемъ: это будетъ стремленіе къ продолженію тѣхъ состояній, положеній, которыя мы уже испытываемъ. Въ этихъ желаніяхъ волевой стимулъ путемъ круговой реакціи или комплекса ихъ самосохраняется. Проанализируемъ сначала сознаваемое нами въ желаніяхъ того, чѣмъ мы еще не владѣемъ. Въ каждомъ такомъ желаніи: 1) мы предвидимъ то, что должно получиться въ исполненіи, прямой или косвенный результатъ нашей дѣятельности; 2) сознаемъ настоящее положеніе, подлежащее удаленію; 3) сознаемъ свое *я*; 4) сознаемъ свое стремленіе къ осуществленію предвидимаго.

1) Что предвидѣніе заключено въ каждомъ желаніи — очевидно. Нельзя желать, чего не знаешь. Если я чего нибудь же-

лаю, то, значитъ, какъ нибудь сознаю это желаемое. Я могу сознавать его въ видѣ болѣе или менѣе точной, близкой къ оригиналу копіи или въ видѣ знака. Напримѣръ, если я желаю ѣхать къ своему пріятелю, я могу сознавать образы моего пріятеля, моего къ нему пріѣзда — это будетъ копія; но я могу не сознавать этихъ образовъ, а только образы словъ „поѣду къ такому-то"; эти послѣдніе образы — не копія моего пріѣзда къ пріятелю, а только знакъ. Но и знакъ этотъ есть всетаки предвидѣніе дѣйствія и его результатовъ, потому что онъ тѣсно ассоціированъ съ образами копіи и можетъ каждую минуту ихъ вызвать. Образы копіи могутъ быть полными или столь неполными, неясными, что по значенію своему будутъ приближаться къ знакамъ. Читателю ясно изъ предыдущаго, что эта составная часть желанія, предвидѣніе, и есть основная: волевой стимулъ.

Можетъ возникнуть возраженіе: развѣ мы не можемъ желать того, чего не знаемъ, чего не испытали, невѣдомаго? Опытъ часто показываетъ, что мы желаемъ такихъ состояній, которыхъ еще не испытали. Влюбленный юноша желаетъ быть мужемъ своей возлюбленной, но вѣдь онъ этого не испыталъ. Бѣднякъ желаетъ быть богачемъ, но онъ таковымъ еще не былъ. Но дѣло въ томъ, что весьма мало такихъ неиспытанныхъ состояній, въ которыхъ не нашлось бы совсѣмъ элементовъ, имѣющихъ хотя бы весьма малое, отдаленное сходство съ пережитыми уже человѣкомъ фактами. На основаніи этого сходства люди и строятъ свои представленія о невѣдомомъ, вносятъ извѣстныя имъ черты, часто преувеличиваютъ ихъ. Поскольку желанными являются эти черты представляемаго неиспытаннаго состоянія, постольку оно вызываетъ наши стремленія къ осуществленію его, является волевымъ стимуломъ.

2) Сознавая то, что должно получиться въ результатѣ нашихъ дѣйствій, мы сознаемъ, что въ данный моментъ этого нѣтъ; мы сознаемъ наше настоящее положеніе, какъ противорѣчащее вполнѣ или частью представляемому. Возьмемъ вышеприведенный примѣръ: я хочу ѣхать къ пріятелю. Я сознаю образы моего пріятеля, моего къ нему пріѣзда, но въ то же время сознаю, что теперь я дома, въ извѣстной обстановкѣ. Образы пріѣзда подлежатъ самоусиленію, замѣнѣ соотвѣтственными воспріятіями; воспріятія же настоящаго положенія подлежатъ удаленію.

3) Въ каждомъ желаніи мы сознаемъ свое *я*; *я* сознается или болѣе полно, или весьма неясно, отрывочно. Не слѣдуетъ думать, что среди образовъ фразъ непремѣнно должны находиться образы словъ: я, меня, мнѣ и т. д. Въ мыслимой фразѣ можетъ и не быть личнаго мѣстоименія перваго лица, а въ соотвѣтственномъ сужденіи всетаки заключено сознаніе *я*. Человѣкъ говоритъ себѣ: „нужно идти", здѣсь „*мнѣ*" нѣтъ, но свое *я* сознается. Что *я* со-

знается въ каждомъ желаніи—фактъ, который всякій можетъ провѣрить самонаблюденіемъ; чѣмъ это обусловлено, я не могу здѣсь объяснить: для такого объясненія слѣдовало бы слишкомъ много говорить о самосознаніи, предметѣ для насъ въ настоящую минуту совсѣмъ постороннемъ. Здѣсь слѣдуетъ только указать, что и самосознаніе при психологическомъ анализѣ сводится на ощущенія, образы и ассоціаціонныя связи.

4) Мы сознаемъ свое стремленіе къ осуществленію предвидимаго, но только нѣсколько различно, смотря по тому, можетъ ли это осуществленіе быть достигнуто какимъ нибудь простымъ дѣйствіемъ, возможнымъ въ данный моментъ, или цѣлымъ рядомъ сложныхъ актовъ, въ настоящій моментъ невозможныхъ. Если желаніе можетъ быть выполнено какимъ либо простымъ дѣйствіемъ, которое сейчасъ было бы совершено, не будь противоборствующаго волевого стимула, мы сознаемъ свое стремленіе, какъ напряженіе мышцъ, работа которыхъ требуется для полнаго осуществленія акта. Мы уже говорили, что такія начальныя мышечныя сокращенія имѣютъ мѣсто, когда круговая реакція не можетъ быть совершена вполнѣ вслѣдствіе присутствія противоборствующаго стимула. Но желаніе въ полномъ своемъ выраженіи и является тогда, когда волевой стимулъ не можетъ сейчасъ же перейти въ полное осуществленіе круговой реакціи вслѣдствіе противодѣйствія со стороны другого психофизіологическаго процесса. Вѣроятно каждому много разъ приходилось слышать что либо, подобное слѣдующимъ выраженіямъ: „у меня едва не сорвалось съ языка то-то“, „я чуть-чуть не побѣжалъ за нимъ“. Такія выраженія свидѣтельствуютъ, какъ ярко иногда бываетъ сознаніе своего стремленія. Но почему ощущенія мышечнаго напряженія служатъ для сознанія нашихъ стремленій? Развѣ въ нихъ заключенъ какой либо элементъ, который указывалъ бы на эти стремленія?—Такого элемента нѣтъ, а ощущенія мышечнаго напряженія служатъ для сознанія нашихъ стремленій только потому, что мы умѣемъ ихъ объяснять: сознавая эти ощущенія, мы знаемъ, что это—задержанное дѣйствіе,—не будетъ препятствія, и оно выполнится. А это мы знаемъ потому, что такія дѣйствія не всегда въ нашемъ прошломъ опытѣ оставались задержанными—часто они совершались до конца. Если бы могъ существовать человѣкъ, у котораго мышечное напряженіе никогда не переходило бы въ полное дѣйствіе, онъ не сознавалъ бы въ этомъ напряженіи своего стремленія къ дѣйствію. Человѣкъ помощью выводовъ знаетъ, что ощущенія мышечнаго напряженія показываютъ его движеніе по пути къ исполненію акта.

Возьмемъ теперь примѣръ такого желанія, которое можетъ быть осуществлено только помощью многихъ сложныхъ дѣйствій. Человѣкъ хочетъ изучить иностранный языкъ. Для выполненія этого желанія потребуется громадное количество весьма различ-

ныхъ комбинацій мышечныхъ сокращеній. Изучать иностранный языкъ — это значитъ: читать грамматики, рыться въ словаряхъ, слушать преподавателя, писать упражненія, переводить книги, быть можетъ даже ѣздить за границу. Какое множество дѣйствій, круговыхъ реакцій! Дальше, въ этой же главѣ, я буду описывать, какъ осуществляются такія желанія, какъ выполняются такія сложныя дѣятельности. Такія желанія осуществляются комплексами волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій на нихъ, связанныхъ ассоціаціей. Соединенные ассоціаціей волевые стимулы образуютъ цѣпь такого сорта, что выполненіе круговой реакціи предыдущаго волевого стимула вызываетъ къ сознанію волевой стимулъ послѣдующій. Такимъ образомъ, путемъ послѣдовательнаго осуществленія волевыхъ стимуловъ совершается вся дѣятельность, ведущая къ выполненію сложнаго желанія. Когда сужденіе „мнѣ слѣдуетъ изучить такой то языкъ" часто появляется въ сознаніи, легко удерживается въ немъ, самосохраняясь круговой реакціей вниманія, и вызываетъ черезъ ассоціацію представленія о средствахъ къ осуществленію этой мысли, всѣ эти явленія—ничто иное, какъ начало цѣпей волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій, ведущихъ къ выполненію желанія. И человѣкъ понимаетъ эти явленія, какъ свое стремленіе къ осуществленію желанія. Понимаетъ же онъ эти явленія именно такъ, тоже вслѣдствіе выводовъ изъ прошлаго своего опыта. Когда онъ осуществлялъ какія либо сложныя желанія, первымъ пунктомъ на пути къ выполненію служили подобныя явленія.

Даже, если человѣкъ имѣетъ желаніе, которое можетъ быть осуществлено только помощью многихъ сложныхъ дѣйствій, и не знаетъ, каковы именно должны быть эти опредѣленныя дѣйствія, то есть не знаетъ средствъ къ исполненію желанія, онъ всетаки можетъ сознавать свое стремленіе къ осуществленію его. Желаніе, присутствуя въ сознаніи, будетъ постоянно вызывать черезъ ассоціацію сужденіе о необходимости узнать эти средства. Если средства неизвѣстны, сужденіе о необходимости отыскать ихъ — первый шагъ къ осуществленію желанія. Это сужденіе—волевой стимулъ; самосохраняемое круговой реакціей вниманія въ узкомъ смыслѣ, оно вызоветъ черезъ ассоціацію соображенія о подходящихъ средствахъ или, по крайней мѣрѣ, о путяхъ, какъ найти ихъ. Дальше, въ этой главѣ, я буду говорить о значеніи круговыхъ реакцій для процессовъ мысли, и тогда выяснится, что задержанная круговой реакціей самосохраненія мысль съ какимъ нибудь вопросомъ можетъ привести черезъ ассоціаціонные процессы къ разрѣшенію этого вопроса. Такимъ образомъ даже и въ случаяхъ, гдѣ средства къ исполненію желанія неизвѣстны, человѣкъ можетъ сознавать свое стремленіе къ осуществленію и принципіально тѣмъ же путемъ, какъ и въ другихъ случаяхъ. Помощью выводовъ изъ прошлаго опыта онъ знаетъ, что возни-

кающая въ сознаніи мысль о необходимости найти средства къ осуществленію желанія—первый пунктъ пути къ выполненію его.

Таково сознаваемое въ желаніяхъ того, чѣмъ мы еще не владѣемъ. Желанія же продолженія уже испытываемаго состоянія отличаются отъ вышеописанныхъ слѣдующими особенностями. Предвидѣніе эффекта акта и сознаніе настоящаго положенія здѣсь сливаются. Дѣйствительно, въ этихъ случаяхъ настоящее положеніе подлежитъ не удаленію, а сохраненію; человѣкъ предвидитъ и въ будущемъ то же, что уже испытываетъ въ настоящемъ. *Я* сознается такъ же, какъ и въ желаніяхъ перваго рода. Стремленіе же въ этихъ желаніяхъ продленія настоящаго мы сознаемъ по силѣ противодѣйствія, которое мы оказываемъ тому, что побуждаетъ насъ прекратить выполняемый актъ.

Физіологическій коррелятъ желанія гораздо сложнѣе, чѣмъ таковой же простого волевого стимула. Въ его составъ, кромѣ дезинтеграціи центровъ волевого стимула, входятъ одновременные процессы дезинтеграціи другихъ чувствительныхъ центровъ, соотносительные всему тому психическому матеріалу, который мы сознаемъ въ связи съ волевымъ стимуломъ. Всѣ эти одновременные процессы дезинтеграціи соединены въ одинъ комплексъ молекулярными измѣненіями въ связующихъ центры ассоціаціонныхъ волокнахъ. Къ двигательнымъ же центрамъ импульсы идутъ только отъ центровъ волевого стимула.

Таковъ психофизіологическій процессъ желанія въ наиболѣе полномъ своемъ выраженіи. Но желанія не всегда являются въ сознаніи въ полномъ своемъ составѣ: часто они бываютъ весьма отрывочными. Въ этихъ случаяхъ то прибавочное, дополнительное содержаніе, которое присоединяется къ чистому волевому стимулу, сознается неясно, неполно, пролетаетъ едва замѣченнымъ.

Итакъ, волевой стимулъ является какъ желаніе тогда, когда сознается нами вполнѣ ясно; но одновременно съ желаніями мы имѣемъ и просто волевые стимулы, которые не только не сопровождаются остальнымъ психическимъ матеріаломъ, присущимъ желанію, а и сами сознаются весьма неясно; тѣмъ не менѣе они выполняютъ свои круговыя реакціи.

Тотъ фактъ, что мы сознаемъ волевые стимулы какъ желанія, имѣетъ громадное значеніе для нашего сознанія собственной дѣятельности. За нашими желаніями слѣдуютъ надлежащія дѣйствія—вотъ матеріалъ, изъ котораго мы вырабатываемъ сознаніе своей дѣятельности. Люди наблюдаютъ въ себѣ такую послѣдовательность процессовъ: возникаетъ въ сознаніи желаніе, психическій процессъ, въ которомъ предвидятся эффекты акта, сознаются *я*, стремленіе къ осуществленію дѣйствія, а затѣмъ слѣдуетъ сознаніе выполненія акта, воспріятіе результатовъ его. Болѣе тонкіе наблюдатели указываютъ, что передъ совершеніемъ дѣйствія замѣчаютъ въ себѣ состояніе полной готовности къ выполненію

акта; такое состояніе или сразу сопровождаетъ желаніе, сливается съ нимъ, или присоединяется къ нему только подъ конецъ, передъ самымъ совершеніемъ дѣйствія. Это состояніе полной готовности есть именно то, что психологи называютъ fiat. Fiat не заключаетъ въ себѣ никакого особаго специфическаго психическаго элемента: это—то же желаніе, только при отсутствіи всякаго противодѣйствующаго психофизіологическаго процессса. Противодѣйствующій желанію психическій процессъ иногда столь слабъ, что не замѣчается при неособенно тщательномъ самонаблюденіи; тѣмъ не менѣе онъ присутствуетъ въ сознаніи и препятствуетъ выполненію акта. Когда онъ такъ скрыто присутствуетъ, и получается такое положеніе, въ которомъ человѣкъ сознаетъ свое желаніе и въ то же время чувствуетъ себя не въ состояніи сейчасъ дѣйствовать. Исчезнетъ изъ сознанія противоборствующій процессъ, сейчасъ же къ желанію присоединится состояніе полной готовности дѣйствовать немедленно. Итакъ, желаніе, сопровождаемое или нѣтъ—смотря по тонкости самонаблюденія—сознаніемъ полной готовности дѣйствовать, а вслѣдъ за нимъ выполненіе акта—вотъ постоянная послѣдовательность, которую наблюдаютъ люди. Конечно, многія желанія остаются невыполненными, но потому, что замѣнились другими, которыя выполнены. Постоянную послѣдовательность люди обыкновенно понимаютъ какъ причину и слѣдствіе: постоянно предшествующее—причина, постоянно слѣдующее—слѣдствіе. Намъ важно теперь не то, вѣренъ ли такой выводъ, а то, что онъ—обыкновенный фактъ людского мышленія. Такимъ образомъ, наблюдая постоянную послѣдовательность желанія и дѣйствія, люди вырабатываютъ сужденіе: „желаніе есть причина дѣйствія“. Наши акты, являющіеся результатами нашихъ желаній, мы называемъ нашими произвольными поступками, нашими произвольными актами вниманія; непроизвольными же будутъ тѣ, которые мы не считаемъ результатами желаній.

Нѣкоторые психологи, напр., Münsterberg, считаютъ отличительной чертой произвольныхъ актовъ то, что мы ихъ предвидимъ. Но это несовсѣмъ вѣрно: не всякое предвидѣніе — желаніе. Я могу предвидѣть актъ, но не желать его. Я замѣчаю, что кто-нибудь хочетъ произвести около меня чрезвычайно сильный звукъ. Я предвижу, что вздрогну, услышавъ звукъ; но я вовсе не желаю вздрагивать: я не сознаю стремленія вздрагивать. Звукъ произведенъ. Я вздрогнулъ. Актъ совершился, какъ я предвидѣлъ, но никто не назоветъ его произвольнымъ. Не одно только предвидѣніе, а предвидѣніе вмѣстѣ съ сознаніемъ *я*, стремленія—полное желаніе должно предшествовать акту, чтобы онъ могъ считаться произвольнымъ.

Пока мы не научились хорошо и легко исполнять какое-либо дѣйствіе, соотвѣтствующій волевой стимулъ является всегда въ

видѣ желанія. По мѣрѣ того, какъ мы прогрессируемъ въ совершеніи этого акта, волевой стимулъ является въ видѣ болѣе и болѣе отрывочнаго, неполнаго желанія и, наконецъ, можетъ пролетать въ сознаніи, какъ просто волевой стимулъ, и вызывать соотвѣтственную круговую реакцію. Но и тогда мы будемъ считать этотъ актъ произвольнымъ результатомъ нашей собственной дѣятельности. И тѣ акты, которые мы совершаемъ полусознательно, не сознавая предшествующаго имъ желанія, мы всетаки признаемъ произвольными, потому что знаемъ: было время, когда имъ предшествовало ясно выраженное желаніе. Я иду, углубленный въ свои мысли, и вовсе не сознаю желанія выполнять свои шаги; тѣмъ не менѣе я свою ходьбу считаю произвольнымъ актомъ: я знаю, что было время, когда я ясно сознавалъ желаніе дѣлать шаги. Я знаю, что дѣлаю свои шаги полусознательно, какъ говорится, машинально; но также знаю, что имъ можетъ предшествовать ясно выраженное желаніе. Человѣкъ обыкновенно ходитъ полусознательно; но выздоравливающій, въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни встающій съ постели, желаетъ сдѣлать шагъ: здѣсь волевой стимулъ опять является въ видѣ желанія.

М. Колоколовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Разорваны звенья тяжелаго сна,
Шумитъ предразсвѣтный прибой...
Вздымается жизни могучей волна,
И близокъ ужъ день золотой!

Потоками хлынетъ сверкающій свѣтъ,
Умолкнутъ проклятья и стонъ...
И грянетъ, великимъ страданьямъ въ отвѣтъ,
Свободы торжественный звонъ!

Н. Шрейтеръ.

Шагинъ Хадля.

(Изъ жизни одного сирійскаго села).

I.

Почти къ самой вершинѣ стараго Гермона, къ его снѣжной шапкѣ, прижалось съ запада высокое предгорье. Отъ этого своего дѣтища Герминъ отдѣляется только маленькимъ ущельемъ. Предгорье и Гермонъ схожи другъ съ другомъ, какъ отецъ съ сыномъ: тѣ же безпорядочныя груды скалъ, покрытыхъ иногда рѣдкими корявыми дубками, тотъ же сѣрый цвѣтъ камней, тѣ же пропасти и ущелья—все имѣетъ одинъ обликъ семьи общаго праотца, дикаго Антиливана.

И люди здѣсь такъ же сѣры и дики, какъ окружающія ихъ скалы; такъ же сѣры ихъ однообразныя деревни, разбросанныя по скатамъ горъ и по краямъ ущелій; сѣрые ослики, сѣрыя козы, сѣрыя тучи... Сѣрыя скалы съ ненавистью давятъ здѣсь всякій живой цвѣтъ, всякую зелень. Онѣ нависаютъ грозною тяжестью надъ купами стройныхъ тополей, растущихъ въ глубинѣ долинъ у водъ потоковъ; онѣ готовы стряхнуть внизъ страшныя глыбы и задавить единственныя искры жизни матери природы. Здѣсь царство камней, царство мертваго сѣраго цвѣта, царство холоднаго дыханія старца Гермона, который большую часть года не снимаетъ своей бѣлой снѣжной шапки и угрюмо смотритъ во всѣ стороны міра.

Почти на вершинѣ этого предгорья по крутому скату прилѣпилось къ скаламъ небольшое мусульманское село Шиба. Всѣ дома здѣсь имѣютъ только одну полную—переднюю стѣну; остальныя три стѣны тонутъ въ крутомъ скатѣ горы. Плоскія крыши однимъ краемъ прислоняются къ землѣ—къ ногамъ домовъ, стоящихъ выше, поэтому все село имѣетъ видъ большой лѣстницы съ гладкими ступеньками изъ крышъ. По этимъ ступенькамъ зимой во время дождей прыгаютъ и пѣнятся горные потоки. А наверху, надъ селомъ, нависли

тѣ же страшныя сѣрыя глыбы. Онѣ, какъ будто, смѣются надъ людьми, держатъ ихъ постоянно въ страхѣ. „Вотъ, если мы захотимъ, то скатимся внизъ по вашимъ гнѣздамъ и все разрушимъ въ одну минуту!“—казалось, говорятъ онѣ и продолжаютъ висѣть надъ селомъ, какъ страшный, тяжелый сонъ.

Недавно, дѣйствительно, оторвался сверху одинъ камень, прокатился по селу, сдѣлалъ черезъ все село сплошную дорогу, подавилъ людей, скотъ и спокойно улегся въ глубинѣ ущелья, точно достигъ желаннаго счастья. Придавленные дома понемногу приподнялись — обстроились на томъ же мѣстѣ, слѣдъ камня-разрушителя понемногу затянулся, людей народилось вновь больше, чѣмъ умерло,—значитъ, рана горнаго села зажила, какъ заживаетъ, въ концѣ концовъ, всякая рана.:.

Начавшись почти на самой вершинѣ предгорья, дома Шиба скатывались на востокъ, къ Гермону. Но, докатившись до ущелья, они остановились и выстроились длиннымъ рядомъ надъ неглубокой пропастью. Тамъ, внизу, подъ селомъ, изъ пещеры Гермона вытекаетъ могучій холодный ключъ, сбѣгаетъ по камнямъ и разноситъ клочки зелени по извилистому дну ущелья. Вода прыгаетъ съ камня на камень, немолчно шумитъ, оглашая горы радостнымъ голосомъ жизни. Потокъ пѣнится по всей своей длинѣ, точно цѣлыя тысячи бѣлыхъ овецъ бѣгутъ длинною толпой къ своему ночлегу и прыгаютъ съ нетерпѣливымъ блеяньемъ. Потокъ этотъ поитъ село Шиба, ворочаетъ его незатѣйливыя мельницы и служитъ, кажется, единственной причиной, почему Шиба стоитъ на этой дикой, почти неприступной высотѣ.

А то, дѣйствительно, жить здѣсь людямъ совершенно незачѣмъ. Лѣтомъ сырыя скалы; зимой туманы тучъ или толстый слой снѣга. Видна только полоса неба, да спина Гермона. Гермонъ закрылъ отъ Шиба весь міръ. По Гермону бродятъ лисицы, шакалы и бурые медвѣди. Звѣри приходятъ ночью въ самое село, прогуливаются по крышамъ и заводятъ съ шибскими собаками драку. Людей они не трогаютъ. Но неизвѣстно, кто кого больше боится въ Шиба: люди звѣрей, или звѣри людей. Одно несомнѣнно, что люди здѣсь такъ же дики и суровы, какъ и звѣри. Говорятъ они отрывисто, громко, точно лаютъ; голоса у нихъ съ хрипотой, грубые; взоръ хмурый, недовѣрчивый. Живутъ они, почти никого и ничего, кромѣ односельчанъ и своего села, не видя, живутъ и славятъ Аллаха и его пророка Мухаммада, какъ и всѣ правовѣрные на свѣтѣ. Одно имъ было извѣстно несомнѣнно, что послѣ смерти будетъ гораздо лучше, чѣмъ на землѣ: они будутъ жить не на сѣрыхъ и вѣчно грозящихъ

опасностью камняхъ, а въ зеленыхъ долинахъ и орошенныхъ водою садахъ; у нихъ будутъ не такія, какъ теперь, грубыя и дикія жены, а мягкія, бѣлыя, прекрасныя гуріи, похожія на гіацинты и кораллы. Раздѣляли ли ихъ ожиданія медвѣди и шакалы снѣжнаго Гермона—неизвѣстно. Только когда въ торжественный часъ южной, горной полуночи муэддинъ выходилъ на бѣлый круглый минаретъ пѣть призывную молитву, шакалы садились на камни, поднимали кверху трубой свои хвосты и подтягивали пѣвцу тянущимъ за душу воемъ.

Жили въ Шиба не только мусульмане, но и православные христіане. Христіанъ было въ Шиба немного. Поселились они здѣсь не такъ давно, какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ назадъ. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія на Ливанѣ случилось возстаніе друзовъ *). Возстаніе это распространилось быстро по всей южной Сиріи, достигло и Хаурана. Друзы рѣзали христіанъ, не щадили и мусульманъ. Многія села и деревни опустѣли. Кому удалось бѣжать изъ-подъ ножа, тѣ убѣжали. Въ это время нѣсколько десятковъ христіанъ прибѣжало въ Шиба.

Правда, что Гермонъ закрылъ отъ Шиба весь міръ, но онъ же закрылъ и Шиба отъ всего міра. А это не одно и то же. Когда дикія шайки друзовъ бродили по дамасской долинѣ въ Хасбеѣ и Рашеѣ **), обагряя горы человѣческой кровью, жители Шиба спокойно сидѣли въ своихъ гнѣздахъ и держали только наготовѣ оружіе. Но кому могла придти охота взбираться на Гермонъ выше облаковъ и искать тамъ враговъ!... Мусульмане приняли христіанъ съ большими униженіями и притѣсненіями.

Чтобы не раздражать строптивыхъ почитателей пророка, христіане должны были оказывать имъ всякое уваженіе. Такъ, они праздновали не только свои праздники, но и праздники мусульманъ. Хотя христіане и построили себѣ небольшой домъ для церкви, однако колокола имъ вѣшать не дозволялось, ибо отъ колокольнаго звона у пророка Мухаммада на небѣ можетъ разболѣться голова. Христіане не имѣли права ѣздить верхомъ на хорошихъ лошадяхъ и въ лошадиныхъ сѣдлахъ, а только на ослахъ и мулахъ въ ослиныхъ сѣдлахъ. Христіане подвергались частымъ побоямъ и всякимъ оскорбленіямъ. Мусульмане дѣлали съ ними, что хотѣли. Они не давали проходу христіанскимъ женщинамъ и всячески ихъ унижали и насиловали, такъ что христіанки боялись часто выходить изъ дому. На мусульманъ трудно

*) Друзы—арабское племя; исповѣдуютъ особую религію друзскую.
**) Города вокругъ Гермона.

было найти управу. Да никто и не захотѣлъ бы искать ее: пожалуешься правительству на одного, а сотня его родственниковъ можетъ отомстить вдесятеро, даже убить... Такъ и жили христіане въ полномъ униженіи передъ мусульманами, но изъ Шиба не уходили. Куда же пойдешь съ насиженнаго клочка земли на голодъ и холодъ? Гдѣ найдешь себѣ домъ и кусокъ хлѣба?

Но особенно тяжело было христіанамъ въ 1877 году, когда шла русско-турецкая война, и когда съ поля битвы въ снѣга Гермона стали доходить разные ложные слухи о побѣдахъ и пораженіяхъ. Говорили, что турецкія войска перебили всѣхъ русскихъ, русскаго царя взяли въ плѣнъ и отрубили ему голову. Тогда мусульмане села Шиба стали радоваться, стрѣлять изъ ружей и кричать: „Смерть безбожникамъ!" Встрѣчаясь съ христіаниномъ на улицѣ, каждый мусульманинъ говорилъ:

— Безбожникъ, нагни свою голову!

Христіанинъ покорно нагибалъ голову. Мусульманинъ билъ его по шеѣ, сшибалъ на землю съ головы феску и шелъ дальше. Когда христіанинъ замѣчалъ, что сзади него идетъ мусульманинъ, онъ долженъ былъ остановиться, пропустить правовѣрнаго впередъ и слѣдовать за нимъ въ отдаленіи. Встрѣчаясь, онъ тоже останавливался, нагибалъ въ знакъ покорности свою голову и ожидалъ, пока мимо него пройдетъ почитатель пророка... Правда, когда мусульмане узнали, что побѣдили въ концѣ концовъ не мусульмане, что русскій царь живъ и совсѣмъ не плѣненъ, то немного поутихли въ своихъ безчинствахъ, но злобу все же противъ безбожниковъ держали. Такъ и жили въ Шиба мусульмане и христіане во враждѣ. А сѣрыя скалы по прежнему висѣли надъ селомъ и давили своею тяжестью и однообразіемъ цвѣта всякую жизнь: сами безплодныя, холодныя, голыя, онѣ подавляли собой не только живую зелень травъ и деревьевъ, но, кажется, и всякую живую человѣческую мысль, живое чувство любви и состраданія въ сердцахъ обывателей заброшеннаго глухого села Шиба.

II.

Такъ, вѣроятно, продолжалось бы въ Шиба и до настоящаго времени, если бы туда нѣсколько лѣтъ назадъ не переѣхалъ на жительство Шагинъ Хадля. Попалъ Шагинъ въ Шиба случайно — такъ сложились обстоятельства. Жилъ онъ раньше въ долинѣ озера Мерома, кочевалъ со стадами по лугамъ водъ Іордана, но не поладилъ съ нѣко-

торыми арабскими шейхами-бедуинами. Въ это время въ Шиба умеръ одинъ христіанинъ, его бездѣтный дядя, и оставилъ ему въ наслѣдство небольшой клочекъ земли, виноградникъ и домъ. Шагинъ былъ человѣкъ очень рѣшительный. Долго думать ни надъ чѣмъ не любилъ. Въ какой-нибудь мѣсяцъ онъ распродалъ всѣхъ своихъ овецъ, продалъ лошадей поплоше и оставилъ себѣ лишь нѣсколько лучшихъ кобылицъ. Послѣ этого забралъ свои пожитки, жену, дѣтей, вскочилъ на лучшую кобылицу и поѣхалъ изъ жаркой меромской долины въ холодные снѣга Гермона.

Уже одно появленіе Шагина Хадля въ Шиба должно было вызвать неудовольствіе мусульманъ. Шагинъ имѣлъ большой ростъ, богатырское сложеніе. Его бронзовое, блестѣвшее жиромъ лицо, темносѣрые глаза дышали отвагой и рѣшимостью. Ходилъ онъ смѣло, увѣренно, грудью впередъ, смотрѣлъ на всякаго встрѣчнаго надменно, точно хотѣлъ сказать: „Кто бы ты ни былъ, я тебя не боюсь; бойся ты меня“... За поясомъ подъ абаи *) у него всегда торчали кинжалъ и пистолетъ. Въ рукѣ онъ носилъ нагайку, которой могъ при случаѣ расправиться не хуже кинжала.

Христіане села Шиба знали нравъ Шагина. Одни радовались переселенію Шагина въ Шиба, надѣясь, что онъ не дастъ ихъ мусульманамъ въ обиду; другіе, напротивъ, боялись, думая, что Шагинъ очень озлобитъ мусульманъ.

Было начало зимы. Всѣ жители Шиба убрались на поляхъ и огородахъ и большую часть времени проводили дома. По вечерамъ, въ ожиданіи молитвы, мусульмане любили посидѣть надъ пропастью, гдѣ внизу шумѣлъ потокъ. Мимо этой пропасти по камнямъ пролегала узкая тропинка—единственно возможный доступъ къ селенію Шиба. По этой тропинкѣ и поднимался Шагинъ Хадля. Впереди ѣхалъ онъ самъ на чистокровной арабской кобылицѣ; за нимъ на другой кобылицѣ ѣхала его жена, за женой старшая дочь и два маленькихъ мальчика, а сзади тянулись лошади и мулы, нагруженные всякимъ домашнимъ скарбомъ. Гулко раздавались между горъ стукъ копытъ о камни, фырканье лошадей и муловъ. Въ долину уже спустился фіолетовый сумракъ южнаго вечера. Внизу, въ глубинѣ пропасти, метался по камнямъ потокъ и сверкалъ сквозь покровъ вечернихъ тѣней бѣлою пѣной. Во всѣ стороны высились нѣмыя, сѣрыя скалы, одѣтыя синеватой дымкой вечера. Въ горахъ было тихо и торжественно, точно въ храмѣ на вечерней молитвѣ, гдѣ носится синій дымокъ кадильницы. А надъ

*) Верхняя одежда безъ рукавовъ.

всѣми горами въ вышинѣ играли золотыя иглы солнечныхъ лучей. Вершина Гермона зардѣлась румянцемъ заката.

Шагинъ приближался къ Шиба. По дорогѣ онъ встрѣтилъ одного изъ христіанъ села, по имени Зыки.

— Добрый вечеръ, господинъ Шагинъ! — радостно воскликнулъ Зыки.

— Добрый вечеръ! — пробасилъ Шагинъ. — Какъ твои дѣла?

— Слава Богу! Какъ твое здоровье?

— Да спасетъ тебя Богъ, ничего. Какъ дѣла христіанъ Шиба?

— Слава Богу! Ждутъ тебя. Очень по тебѣ соскучились...

Долго они еще спрашивали другъ друга о здоровьѣ родныхъ, знакомыхъ, лошадей, козъ, верблюдовъ, даже ословъ и куръ, пока не перебрали всѣ обычныя арабскія любезности. Наконецъ, Зыки побѣжалъ передъ Шагиномъ въ село, изъ вѣжливости показывая дорогу.

Обогнувъ отвѣсную скалу, Шагинъ сразу въѣхалъ въ Шиба и почти наткнулся на мусульманъ, разсѣвшихся, по обыкновенію, на камняхъ у самой дорожки, свѣсивъ ноги внизъ въ пропасть. Они съ удивленіемъ посмотрѣли на вновь прибывшаго, на его красивую лошадь и оружіе.

— Пожалуйста, посторонитесь съ дороги! — крикнулъ Шагинъ. — Развѣ не видите, что лошади пройти здѣсь не могутъ?

Мусульмане медленно и важно приподнялись съ дороги и отошли къ селу на широкую площадку.

— Кто ты?—спросилъ его одинъ изъ мусульманъ.

— Я—Шагинъ Хадля! А ты не знаешь? Такъ съ этихъ поръ будемъ знать другъ друга!

— Шагинъ Хадля!—воскликнулъ мусульманинъ.—Безбожникъ!.. А кто далъ тебѣ позволеніе садиться на такую лошадь, въ такое хорошее сѣдло? Ты, собака-христіанинъ, не достоинъ этого! Слѣзай съ лошади!

Шагинъ потемнѣлъ отъ негодованія. Онъ дернулъ поводья такъ сильно, что кобылица поднялась на заднія ноги.

— Я сижу на своей лошади, — прохрипѣлъ онъ. — Ѣду я въ свой домъ. А кто изъ насъ собака, я тебѣ сейчасъ покажу!

Онъ ударилъ острыми стременами по бокамъ лошади. Добрая кобылица вытянулась и однимъ прыжкомъ очутилась около мусульманина. Мелькнула нагайка и обвилась черезъ голову и плечо правовѣрнаго. Тотъ застоналъ и повалился на камни. Всѣ точно онѣмѣли отъ неожиданности. Никто не сказалъ больше ни слова, и Шагинъ важно поѣхалъ по селу. Таковъ былъ въѣздъ Шагина въ Шиба.

Вѣсть о неслыханной дерзости быстро разнеслась по селу. Мусульмане заволновались. Какъ! Собака-христіанинъ смѣетъ бить мусульманина? О, Аллахъ! Ты не позволишь унизить своихъ вѣрныхъ сыновъ. Ты всегда помогалъ правовѣрнымъ въ побѣдѣ надъ сильнѣйшими врагами. Неужели должны твои вѣрные рабы терпѣть униженіе отъ христіанской собаки?!

Въ селѣ началось необычное движеніе. Мусульмане сходились на улицахъ, переходили изъ дома въ домъ, озлобленно махая руками. Даже собаки проснулись и начали нервно огрызаться другъ на друга, будто у нихъ тоже были разныя религіозныя убѣжденія.

Но вотъ запѣлъ муэдзинъ: „Великъ Богъ, великъ Богъ, великъ Богъ, и нѣтъ Божества, кромѣ единаго Бога!..“ Волненіе стихло. Правовѣрные въ молчаніи потянулись въ мечеть на молитву, бормоча въ бороду первую главу изъ Корана. Совершивъ омовеніе, почитатели пророка начали молиться. Предстоятель прочиталъ вечернія молитвы. Но послѣ молитвы мусульмане не вышли изъ мечети. Они еще долго о чемъ-то совѣщались между собой.

А Шагинъ Хадля вошелъ въ свой домъ и поставилъ въ конюшню лошадей. Его жена и дочь разбирали вещи, готовили ужинъ. Въ это время, по обычаю, къ Шагину начали собираться гости, чтобы привѣтствовать добромъ его пріѣздъ. Пришелъ священникъ Жорьесъ въ истрепанной рясѣ, подъ которой виднѣлось грязное коричневое тѣло. Въ свалявшейся бородѣ у него было много соломы, которую онъ не успѣлъ вытряхнуть на дворѣ, поэтому снялъ свою камилавку и началъ выбирать въ нее изъ бороды соръ. Жорьесъ сдѣлался попомъ случайно. Не соглашался никто быть въ Шиба попомъ. Его, какъ самаго лядащаго мужика, и заставили христіане принять священство. Онъ принялъ. Отслуживъ прихожанамъ въ своей избѣ съ грѣхомъ пополамъ первую обѣдню, онъ хотѣлъ сказать имъ поученіе, но расплакался и сказалъ: „Православные христіане! Вы знаете, что я родился изъ испражненій быковъ, говорить не обученъ. Да благословитъ васъ Богъ“. Такъ и сталъ съ тѣхъ поръ Жорьесъ попомъ въ Шиба. Пришелъ пастухъ Камиль, воспріемникъ и воспитатель всѣхъ козъ села Шиба. Онъ зналъ ихъ всѣхъ до единой, и для каждой у него было особое имя. Отъ постоянной жизни со стадомъ въ горахъ онъ сталъ такимъ же сѣрымъ, какъ козы и скалы: сѣрые усы, сѣрое лицо, глаза и вся одежда. Пришелъ красильщикъ Гачтусъ съ синей бородой и синими руками. Пришелъ мукарій *) Саидъ, мясникъ

*) Погонщикъ, извозчикъ.

Фарахъ, лавочникъ Шакиръ. Пришли всѣ мужики изъ христіанъ Шиба. Входя въ комнату, они снимали башмаки у двери, привѣтствовали вечеръ хозяина добромъ и разсаживались вдоль стѣнъ на подстилки и подушки, которыя коекакъ уже успѣла набросать жена Шагина.

— Быть бѣдѣ, Шагинъ!—сказалъ священникъ.—Напрасно ты побилъ мусульманина.

— Богъ дастъ, ничего не будетъ,—отвѣчалъ Шагинъ.— Что же мнѣ было дѣлать? Да разрушитъ Богъ его домъ и сожжетъ его бороду! Вѣдь онъ сталъ бранить меня.

— Э, Шагинъ! То ли было съ нами, да мы терпѣли!— сказалъ пастухъ Камиль.—Что съ ними подѣлаешь! Помирись съ мусульманиномъ. А то ни тебѣ, ни намъ житья здѣсь не будетъ.

— Что же, я пойду къ нему въ домъ и буду у него прощенья просить? Нѣтъ, ужь я лучше въ другое мѣсто переселюсь, а не покорюсь.

И начали христіане бранить Шагина. Бранить не бранятъ, а такъ всѣ ноютъ да ахаютъ, точно у нихъ зубы болятъ.

— Рабы вы,—разсердился Шагинъ.—Рабами родились, рабами и умрете!

Гости испугались, что Шагинъ разсердился, мукарій Саидъ примирительно сказалъ:

— Не сердись, Шагинъ. Мы изъ твоей воли не выйдемъ. Ты быкъ, а мы мухи подъ твоимъ хвостомъ. Дѣлай, какъ знаешь. Только опасно такъ съ мусульманами обращаться.

Напоилъ Шагинъ гостей кофе, простился съ ними и вышелъ на крышу. Село понемногу засыпало. Только изрѣдка слышались неясныя слова, точно Шиба бредило во снѣ пережитымъ дневнымъ волненіемъ, да раздавалось блеянье козы или долгій ревъ страдающаго безсонницей осла. Въ ущельѣ было совсѣмъ темно, но вверху искрились крупныя звѣзды, а окружающія горныя вершины свѣтились нѣжнымъ отблескомъ снѣговыхъ кудрей Гермона.

Шагинъ все ходилъ по крышѣ и дышалъ прохладнымъ горнымъ воздухомъ. Вдругъ изъ темноты протянулась какаято рука и дернула Шагина за абаи.

Шагинъ оглянулся. Передъ нимъ, едва выдѣляясь изъ темноты, стоялъ человѣкъ. Шагинъ узналъ въ немъ христіанина Абдаллу.

Абдалла былъ весь какой-то тягучій. Его лицо то вытягивалось въ аршинъ длиною, то совершенно исчезало, собираясь въ сморщенный комочекъ. И самъ онъ то вдругъ съежится, сдѣлается почти незамѣтнымъ, то вытянется неслышно, точно спрутъ, и достанетъ, не двигаясь съ мѣста, за цѣлую сажень. Ходилъ Абдалла всегда тихо, извивался изъ

стороны въ сторону, ступалъ ногами осторожно, будто шелъ по острымъ гвоздямъ. Онъ боялся всякихъ открытыхъ и широкихъ помѣщеній. Какъ бы ни широка была улица или корридоръ, онъ всегда жался спиной къ стѣнѣ подъ крышей, подвигался впередъ бокомъ и съ такою осторожностью, точно пробирался по краю бездонной пропасти. Онъ былъ любопытенъ, какъ тысяча женщинъ. Будь Абдалла сыщикомъ,—онъ зналъ бы все, онъ вездѣ бы присутствовалъ неслышно, невидимо. Это былъ геній-шпіонъ, который останется міру неизвѣстнымъ только потому, что родился и умретъ въ Шиба...

— Что ты, Абдалла?—спросилъ Шагинъ.

Лицо Абдаллы изъ сморщеннаго яблока развернулось вдругъ, какъ полотно, глаза выкатились, какъ двѣ дамаскія груши. Онъ оглянулся во всѣ стороны, съежился снова и шепотомъ сказалъ:

— Шагинъ.... Тебя мусульмане хотятъ сегодня ночью убить. Пять человѣкъ... Я самъ слышалъ.

— О-го, го!—загоготалъ Шагинъ.—Ты или пьянъ, или врешь.

При первомъ же звукѣ громкаго Шагинова голоса Абдалла вдругъ исчезъ. Удивленный, Шагинъ оглянулся кругомъ—Абдаллы нигдѣ не было. Онъ сошелъ съ крыши, обошелъ кругомъ весь домъ и въ одномъ углу подъ плоскимъ навѣсомъ крыши, при блескѣ звѣздъ, съ трудомъ разглядѣлъ вырѣзанное изъ сѣроватой бумаги и наклеенное на стѣну подобіе человѣка. Вдругъ эта бумага зашевелилась и еще болѣе тихимъ шепотомъ проговорила:

— Правда, Шагинъ, клянусь Богомъ, это настоящая правда. Только смотри, Шагинъ, берегись, но не убивай никого изъ мусульманъ. Убьешь—житья намъ здѣсь не будетъ.

— Ну, если правда, такъ я ихъ!—зашумѣлъ Шагинъ.— Разскажи, кто это тамъ собирается...

Но Абдаллы опять уже не было, какъ ни искалъ его Шагинъ вокругъ дома: онъ исчезъ, точно духъ.

Шагинъ еще долго ходилъ по крышѣ. Его давила злоба, да и опасенія не давали покою. При каждомъ шорохѣ онъ пугливо оглядывался и хватался за оружіе. Эта робость раздражала его. Попробовали бы они напасть на него лицомъ къ лицу въ полѣ. А здѣсь—изъ-за угла, въ самомъ дѣлѣ, могутъ убить, какъ собаку... Онъ прижался спиной къ стѣнѣ верхней комнаты, построенной на крышѣ, и стоялъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху.

Жена приготовила ужинъ. Шагинъ поѣлъ, уложилъ жену, дочь и малыхъ дѣтей въ нижнюю темную комнату, а самъ

остался въ верхней. Тамъ онъ затушилъ свѣтильникъ, наложилъ на свою постель разной одежды и мякинныхъ подушекъ, закрылъ все это одѣяломъ, на мѣстѣ головы положилъ войлочную тюбетейку,—злобно усмѣхаясь, вышелъ изъ комнаты, захватилъ съ собой ружье, заряженное дробью и спрятался за стѣной дома, по близости.

Шагинъ стоялъ такъ долго, вглядываясь въ темноту. Его томили ожиданіе и злоба, злоба неотмщенной насмѣшки, несмытой обиды. Они хотятъ убить Шагина изъ-за угла, зарѣзать его, какъ барана. Подлые трусы! Да не совралъ ли Абдалла?

Но вотъ невдалекѣ послышался шорохъ камней и звукъ осторожныхъ шаговъ. Кто-то шелъ. Шагинъ встрепенулся и замеръ на мѣстѣ. Его руки превратились въ стальныя пружины и впились въ ложу ружья.

Одинъ за другимъ, какъ тѣни, влѣзли на крышу сначала двое, потомъ еще трое, присѣли на корточки и прислушались. Слышно было, какъ они дышали сдавленно, тяжело. Черезъ минуту они тихонько поползли къ двери въ верхнюю комнату, гдѣ была Шагинова постель. Около двери они снова остановились и прислушались.

Шагинъ легонько захрапѣлъ за стѣной. Это ободрило мусульманъ. Они пріотворили незапертую дверь, четверо изъ нихъ вошли въ комнату, а одинъ остался у двери снаружи.

Въ это мгновеніе у Шагина явилось желаніе вскочить, свернуть голову сторожу, затворить дверь и перерѣзать остальныхъ на порогѣ. Или насмѣяться, оставить ихъ до утра, созвать все селеніе Шиба и вывести разбойниковъ на позоръ, на посмѣшище?.. Голова его затуманилась, въ ушахъ зашумѣло, сердце застучало по ребрамъ, какъ лошадь бьетъ копытомъ по камнямъ... Но Шагинъ вспомнилъ слова Абдаллы. Да онъ и самъ хорошо зналъ, что не проливать крови—лучше всего, и... смирился.

Все это было дѣломъ одной минуты. Въ комнатѣ послышались какіе-то глухіе удары, легкій трескъ, задавленная брань. Наконецъ, всѣ начали выпрыгивать изъ двери одинъ за другимъ.

— Теперь не встанетъ—прошепталъ одинъ.

— Нѣтъ, я всталъ!—заревѣлъ за стѣной Шагинъ.—Я еще васъ проучу, собачьихъ дѣтей!..

Онъ поднялъ ружье и выпустилъ оба заряда вслѣдъ убѣгавшимъ.

— Шайтанъ, шайтанъ!—кричали тѣ.

Шагинъ вошелъ въ свою комнату, зажегъ свѣтильникъ и злобно усмѣхнулся, взглянувъ на постель. Все одѣяло было проколото и разорвано кинжалами. Распороты были и по-

душки; изъ нихъ высыпалась пшеничная шелуха. Шагинъ невольно пощупалъ свои бока, изъ которыхъ такъ же могъ высыпаться недавній ужинъ, и снова злобно пригрозилъ своимъ врагамъ кулакомъ.

На выстрѣлы прибѣжали его жена и старшая дочь и принялись было плакать. Но Шагинъ прикрикнулъ на нихъ и, отославъ обратно спать, самъ тоже повалился на разорванную постель.

III.

Давно уже приглашалъ меня Шагинъ къ себѣ въ гости. Онъ расхваливалъ воду села Шиба, воздухъ и предлагалъ поселиться у него на цѣлое лѣто.

— Посмотри, ты будешь такимъ здоровымъ и сильнымъ, въ Шиба, повѣрь мнѣ!—уговаривалъ меня Шагинъ.—Лѣтомъ у насъ такъ хорошо, прохладно! Пріѣзжай.

И вотъ однажды, по пути изъ Тиверіады въ Дамаскъ, заѣхалъ я къ Шагину. Весь день ѣхалъ я по южнымъ предгорьямъ и плоскогорьямъ Гермона. День выдался жаркій не въ мѣру. Было начало іюля. Точно застыло все на землѣ и на небѣ. Каменные великаны стоятъ тихо, какъ правовѣрные на молитвѣ, окутавъ голубой дымкой свои высокія вершины. Отъ раскаленныхъ камней пышетъ жаромъ. Сидишь на лошади и боишься измѣнить положеніе, чтобы не обжечь тѣла горячей одеждой. Горный ручей лѣниво скатывается по камнямъ, вьется изъ стороны въ сторону, точно выискиваетъ тѣнистое мѣсто. Муха жужжитъ, жужжитъ, тянетъ надъ ухомъ однообразную, какъ знойный полдень, пѣсню. Въ раскаленномъ небѣ не видно ни одной птицы: всѣ онѣ попрятались въ тѣни скалъ, въ пещерахъ. Только ящерицы, скорпіоны, да змѣи ползаютъ подъ солнцемъ, стараясь согрѣть свою холодную, ядовитую кровь.

А солнце стоитъ прямо надъ головой, пылаетъ въ синей безднѣ великою любовью къ землѣ. Ему давно пора бы уже на ночлегъ, на западъ, но оно все смотритъ и смотритъ съ вышины, а все живое мечется подъ его взглядомъ, отыскивая прохладное мѣсто. Даже безтѣлесныя тѣни трепетно скрылись подъ камни отъ горячихъ лучей и ждутъ вечерней прохлады, чтобы выбраться оттуда и лежать надъ горами.

И только когда я началъ подниматься вверхъ къ Шиба, то вздохнулъ свободнѣе. Пріѣхалъ я уже вечеромъ. Долго мой мукарій водилъ меня по узкимъ проходамъ села, набралъ себѣ въ провожатые цѣлую кучу ребятишекъ,—наконецъ, остановился передъ домомъ Шагина.

Шагинъ стоялъ на крышѣ и перебиралъ отъ бездѣлья

четки, прикрикивая на дѣтей и собакъ. Увидя неизвѣстнаго путника, онъ сдѣлалъ строгое лицо.

— Господинъ Шагинъ, къ тебѣ гость пріѣхалъ!—закричалъ ему снизу мукарій.

Шагинъ торопливо сбѣжалъ съ крыши и шепотомъ спросилъ у мукарія:

— Кто это?

— Развѣ ты не узналъ меня, Шагинъ?—сказалъ я, развязывая и снимая съ головы бѣлый платокъ и открывая такимъ образомъ лицо.

Шагинъ проявилъ искреннюю радость. Онъ замахнулся на собаку, закричалъ на своего мальчишку такъ, что тотъ отъ страху прыгнулъ на сажень въ сторону, подбѣжалъ ко мнѣ и мялъ мою руку своими двумя толстыми ладонями.

— Добро пожаловать, мой господинъ! Тысячу разъ добро пожаловать.

Лицо его лоснилось и было, дѣйствительно, ласково и привѣтливо. Я съ легкимъ сердцемъ спустился съ лошади и поднялся съ Шагинымъ на крышу его дома. Кругомъ надъ нашими головами высились горы. Потокъ внизу шумѣлъ неустанно, какъ большой сосновый лѣсъ. Виднѣлись снѣжныя полосы Гермона, озолоченныя закатомъ. Звуки летали по ущелью, со смѣхомъ бились о скалы и перекликались другъ съ другомъ. Кругомъ было радостно и мирно. И мнѣ пріятно было чувствовать подъ собой твердую крышу, а не зыбкую спину лошади; пріятно было вдыхать опаленной гортанью прохладный воздухъ; послѣ ослѣпительнаго свѣта дня было пріятно понѣжить глаза фіолетовыми тѣнями горнаго вечера. Около насъ по тропинкѣ проходили люди и съ любопытствомъ разглядывали новопріѣзжаго. Шагинъ бѣгалъ туда и сюда, варилъ кофе, шептался съ красавицей дочерью, сгонялъ съ крыши постоянно залѣзавшихъ ребятишекъ и подходилъ ко мнѣ.

— На долго въ Шиба?

— На одну ночь. Завтра уѣду.

На лицѣ Шагина изобразился плутовской ужасъ.

— На одну ночь!—воскликнулъ онъ.—Мы хотимъ, чтобы ты жилъ у насъ цѣлый мѣсяцъ.

— Хорошъ гость не надолго, Шагинъ.

Шагинъ хрипло засмѣялся.

— Вѣрно! Люблю съ европейцами разговаривать. Имъ можно правду говорить. А тебѣ я всетаки радъ, если ты останешься и надолго. Это намъ честь передъ мусульманами,—имѣть такого гостя.

— Ну, а какъ вы живете здѣсь съ мусульманами?

— Потише стали, но разныя пакости продолжаютъ намъ дѣлать. Не могутъ забыть, какъ я ихъ побилъ... А все же мусульмане меня боятся!.. Потомъ они пришли ко мнѣ, привѣтствовали меня съ пріѣздомъ. Пришли такіе важные, сердитые. Не говорятъ по-мусульмански—миръ вамъ, а по-нашему — счастливый день. Сѣли. Говорятъ: „Не хорошо ты, Шагинъ, дѣлаешь, только пріѣхалъ въ село и ссору заводишь". Говорю:—Простите, погорячился; ну, и ваши тоже пусть меня не трогаютъ, вотъ и будемъ жить въ мирѣ, и я—вашъ рабъ.— Имъ это понравилось,—пуще заважничали. Захотѣли меня пристыдить. Вошла въ комнату вотъ эта собаченка...

Шагинъ толкнулъ ногой маленькую шаршавую собаченку, которая вертѣлась у нашихъ ногъ.

— Вошла. Одинъ мусульманинъ и спрашиваетъ: „Эта собачка у тебя тоже христіанской вѣры?"—Да разрушитъ Богъ ея домъ,—говорю,—я и самъ думалъ, что она христіанка, а оказалось, и эта, какъ всѣ собаки, мусульманка!—Они поморщились, а всетаки спросили: „почему ты такъ думаешь?" Не я вѣдь разговоръ-то этотъ завелъ, потому должны они его продолжать.

Шагинъ захрипѣлъ удушливымъ смѣхомъ.

— А у меня какъ разъ тутъ былъ кусокъ мяса. Я и говорю мусульманамъ:—Смотрите, у насъ теперь постъ и христіане мяса не ѣдятъ. Если собачка съѣстъ это мясо, значитъ, она — мусульманка. — И бросилъ собачкѣ мясо. Та, конечно, чавкнула раза два, проглотила кусокъ да снова на меня смотритъ...

Шагинъ захрипѣлъ и затрясся надолго. Когда онъ пересталъ смѣяться, то сказалъ уже серьезно:

— Бранятъ они насъ безбожниками, бьютъ иногда, водой для орошенія огородовъ и полей пользоваться не даютъ, а если и даютъ, такъ не во время; при раскладкѣ налоговъ тоже несправедливости; споры какіе-нибудь у христіанина съ мусульманиномъ — христіанинъ виноватъ. Однимъ словомъ: они—господа, а мы—рабы... Меня, положимъ, они не трогаютъ, ну, а другихъ обижаютъ... Не могу я за всѣхъ заступаться.

— Только вотъ школу бы намъ нужно христіанскую, — подумавъ, сказалъ Шагинъ.—А то дѣти наши Коранъ учатъ. Мой сынъ читаетъ Коранъ, какъ мусульманинъ, и качается. Эй ты!—крикнулъ онъ сыну.—Поди сюда, почитай господину, чему тебя сегодня учили въ мактаде *).

Мальчикъ подошелъ, сѣлъ передъ нами на крышѣ, под-

*) Буквально—писальня; низшая школа.

жалъ ноги, закрылъ глаза и, растягивая долгія арабскія гласныя, началъ читать первую главу изъ Корана.

— Смотри, точно настоящій мусульманинъ! Ахъ ты, щенокъ проклятый! Уйди отсюда!..

И Шагинъ со злобой толкнулъ его ногой. Мальчикъ вскочилъ и поторопился спрятаться.

Стало совсѣмъ темно. Собрались, по обычаю, уже извѣстные намъ обитатели изъ христіанъ села Шиба, чтобы привѣтствовать новаго человѣка съ пріѣздомъ. Начались обычныя привѣтствія и разговоры о тягости жизни среди мусульманъ. Немного спустя, пришли съ привѣтомъ и мусульмане. Они предварительно послали впереди себя гонца сказать, что идутъ поздравить господина съ пріѣздомъ. За гонцомъ пришли скоро и сами. Христіане пугливо встали передъ мусульманами и дали имъ дорогу. Послѣ привѣтствій всѣ гости чинно усѣлись снова. Мусульмане сѣли впереди, а христіане помѣстились по обѣ стороны ниже. Только я остался сидѣть, какъ почетный гость, въ переднемъ углу. Шагинъ наложилъ въ кофейникъ новаго кофе и поставилъ его на угли. На время общій разговоръ пріостановился. Не смотря на вѣжливое отношеніе мусульманъ къ христіанамъ, чувствовалось, что мусульмане презираютъ и попа, и Шагина, и другихъ христіанъ. Они не смотрѣли во время разговора прямо, а все метали глазами изъ угла въ уголъ, съ лица на потолокъ, на свои руки и бороды. Они важничали, слова цѣдили сквозь зубы. Было видно, что они исполняютъ долгъ восточной вѣжливости, но не забываютъ, кто сидитъ рядомъ съ ними. Шагинъ сталъ любезенъ вдвое, однако добродушно шутливое, искренно довольное выраженіе лица исчезло; вмѣсто того появилась улыбающаяся холодная маска. Онъ весь натянулся, точно струна, когда колышекъ повернутъ раза два лишнихъ. Общее настроеніе стало напряженнымъ.

Наискось отъ меня слѣва сидѣлъ мусульманинъ съ блѣднымъ, худымъ, прозрачнымъ лицомъ. На мѣстѣ бороды у него, казалось, былъ привѣшенъ черный бархатный мѣшокъ, а на мѣстѣ глазъ были два чернильныхъ пятна. Казалось, его тонкая шея можетъ каждую минуту обломиться подъ тяжестью костлявой головы и толстой бѣлой чалмы. Онъ перебиралъ узловатыми пальцами четки или полы своего кафтана, говорилъ мало, совсѣмъ не улыбался и смотрѣлъ больше въ землю. Это былъ учитель въ Шиба. Справа отъ меня сидѣлъ какой-то князь съ большими бѣлыми лошадиными зубами, при оскалѣ которыхъ обнажались и синія десны. Было еще трое мусульманъ. Всѣ они сидѣли молча и ждали, когда съ ними заговорятъ. Только князь раза три оскали-

валъ зубы въ мою сторону, точно укусить собирался, и повторялъ все одинъ вопросъ:

— Какъ твое здоровье, мой господинъ?

На что я неизмѣнно отвѣчалъ:

— Да спасетъ тебя Богъ, господинъ мой. Въ твоемъ присутствіи я здоровъ совершенно.

— А вотъ господинъ разсказывалъ намъ, — заговорилъ Шагинъ,— что у нихъ въ Россіи очень много мусульманъ... И мечети строятъ, и Богу молятся безъ помѣхи.

Учитель вскинулъ на Шагина свои чернильныя пятна Всѣмъ стало неловко, точно Шагинъ сдѣлалъ что-нибудь совершенно неприличное.

— Богъ у всѣхъ одинъ,—наставительно вздохнулъ пастухъ Камиль,—только вѣра разная...

— Правда это?—переспросилъ меня князь.

Заговорили о мусульманахъ, о переходѣ изъ одной вѣры въ другую, о спорахъ мусульманъ съ христіанами. Шагинъ все время врывался въ разговоръ рѣзко, часто невпопадъ, видимо, принимая разговоръ черезчуръ близко къ сердцу. Другіе христіане въ такихъ случаяхъ старались сглаживать слова Шагина, чѣмъ, повидимому, еще больше его раздражали.

— Мы не осуждаемъ и Евангелія, — сказалъ, глядя въ землю учитель. — Напротивъ. У насъ и въ Коранѣ сказано, что Евангеліе есть Божіе откровеніе.

— Нѣтъ, вы насъ осуждаете,—сказалъ Шагинъ,—и даже браните. А у васъ тоже много есть нехорошаго въ вѣрѣ. Вы, напримѣръ, учите, что въ раю каждому полагается четыре женщины и сорокъ гурій. А по нашему, это не хорошо.

Мусульмане встрепенулись. Христіане безпокойно завозились.

— Ты не знаешь вѣдь, Шагинъ, какъ же берешься разсуждать!—съ отчаяніемъ въ голосѣ, сказалъ красильщикъ Гантусъ. — А вы, наши владыки, — сказалъ онъ мусульманамъ,—не обращайте на эти слова вниманія.

Всѣмъ стало опять неловко.

— Отчего же не поговорить,—добродушно возразилъ Шагинъ.—Я самъ не знаю, это вѣрно; но случай такой былъ въ Дамаскѣ... Споръ нашего митрополита съ вали *)... Хотите, разскажу?

Лицо у Шагина стало такое добродушное и веселое, что мусульмане невольно смягчились и заинтересовались. Князь съ любопытствомъ спросилъ:

— Какой случай?

*) Губернаторъ.

Шагинъ сгребъ угли въ кучу, поставилъ поудобнѣе кофейникъ и началъ, обращаясь болѣе ко мнѣ:

— А вотъ какой случай. Поспорилъ нашъ митрополитъ съ дамасскимъ вали. Говоритъ митрополитъ: „Въ вашей вѣрѣ много нехорошаго". Вали разсердился. „Если, говоритъ, ты мнѣ въ слѣдующую пятницу не докажешь этого въ мечети передъ всѣмъ народомъ, то берегись"... Пришла пятница. Пошелъ вали въ мечеть. Народу собралось въ мечети, какъ сѣмянъ въ огурцѣ. Всѣ ждутъ, какъ будетъ митрополитъ доказывать вали свою правоту. Митрополиту самому-то нельзя идти въ мечеть, и послалъ онъ одного христіанина...

Шагинъ свернулъ и закурилъ папиросу. Всѣ съ любопытствомъ ждали, чѣмъ разрѣшится этотъ споръ.

— Ну, кончилась въ мечети молитва,—продолжалъ Шагинъ, — вали и говоритъ: „Пойдемъ во дворъ, говори намъ, что тебѣ велѣлъ сказать твой митрополитъ." Посланецъ и говоритъ: „Зачѣмъ же идти во дворъ? Я хочу въ мечети говорить". Подумалъ вали и согласился. Сказалъ ему: „Говори, если хочешь, въ мечети. Мы тебя слушаемъ." Посланецъ и говоритъ: „Давайте сядемъ вотъ около водоема... Здѣсь очень хорошо посидѣть". Вали тоже согласился. Сѣлъ вали и шейхи около водоема, а народъ, какъ пчелы, вокругъ облѣпился. „Ну, говорятъ, разсказывай, собачій сынъ"...

Шагинъ все болѣе озлоблялся и въ лицахъ передавалъ весь разсказъ. Его „посланецъ" говорилъ тихо и медленно, съ полузакрытыми глазами, а вали—гнѣвно, съ крикомъ и вытаращенными глазами.

— „Разсказывай же, собачій сынъ!" А посланецъ и говоритъ: „Хорошо мы сидимъ здѣсь, только закусить бы немного." Вали разсердился. Началъ на него кричать: „Ты, собака, смѣешься надъ нами!" А тотъ на своемъ стоитъ. Посовѣтывался вали съ шейхами, и согласились они дать ему закусить. Говорятъ промежъ себя: „Пусть пожретъ собака. Вѣдь не мы это дѣлаемъ. Намъ нѣтъ грѣха". Принесли ему хлѣба, винограду, сыру. Сталъ онъ ѣсть и другихъ изъ вѣжливости угощать...

Шагинъ смѣялся долго, злорадно. Учитель уставился на него чернильными пятнами и неподвижно слушалъ.

— Такъ вотъ, мой господинъ,—придвинулся ко мнѣ Шагинъ,—угощаетъ онъ ихъ. Понятно, они отказываются. Поѣлъ онъ и говоритъ: „Ахъ, хорошо я поѣлъ, теперь бы водочки выпить!"

Шагинъ опять засмѣялся. Откашлявшись, онъ продолжалъ:

— Какъ закричатъ на него вали и шейхи. Хотѣли побить посланца. Уже ушли было изъ мечети, да снова усту-

пили. Очень имъ интересно было узнать, что скажетъ посланецъ. Сказалъ вали: „Принесите ему, собакѣ, водки, пусть лакаетъ, да скорѣе! Это мѣсто свято“! Принесли водки. Выпилъ посланецъ, опьянѣлъ будто, да и говоритъ: „Все бы хорошо, да немногаго не хватаетъ“...

— „Чего, говорятъ, еще тебѣ не хватаетъ, безбожнику? Нажрался, напился, теперь говори“.—„Нѣтъ, говоритъ посланецъ, не хватаетъ кой-чего... Хорошо бы, говоритъ, теперь съ бабой поиграть, поцѣловаться“... Какъ вскочатъ всѣ, какъ бросятся на посланца съ кулаками!.. О, мой милый! Шумъ поднялся. „Убить его, кричатъ, убить! Онъ осквернилъ мѣсто святое. Убить его“! Ну, и посланецъ разсердился. Кричитъ: „Погодите вы, погодите! Развѣ нельзя, по вашему, въ мечети съ бабой поцѣловаться“?

— „Понятно, кричатъ, нельзя. Собака ты, безбожникъ!“ А посланецъ имъ: „Какъ нельзя?! Я по всему думалъ, что можно! Въ мечети нельзя, а въ царствіи небесномъ можно? Вѣдь вы учите, что на небѣ каждому дадутъ четыре жены и сорокъ гурій... Въ мечети нельзя, а въ царствіи небесномъ можно?!“

Шагинъ вытаращилъ глаза, сжалъ кулакъ, поднесъ его къ безкровному лицу учителя и все повторялъ:

— А въ царствіи небесномъ можно?! Можно?!.

Потомъ засмѣялся добродушно.

Опять всѣмъ стало неловко. Разговоръ не вязался. Мусульмане были надуты и, видимо, озлоблены. Выпивъ кофе, они попрощались и ушли. Шагинъ ласково провожалъ ихъ за дверь до самой улицы, кланялся передъ ними, дотрогивался рукой до земли и цѣловалъ концы пальцевъ. Это означало, что онъ цѣлуетъ тотъ прахъ, по которому ступаютъ ноги гостей.

Я шепотомъ попросилъ Шагина уложить меня поскорѣе спать, ибо чувствовалъ большую усталость. Шагинъ и самъ былъ радъ избавиться отъ христіанъ и ихъ упрековъ. Онъ ничего мнѣ не сказалъ, только лукаво подмигнулъ. Скоро, сидя въ углу, онъ началъ во весь ротъ позѣвывать, отвѣчать невпопадъ, потомъ опустилъ голову на грудь и даже захрапѣлъ. Гости посидѣли, переглянулись, попрощались со мной и, одинъ за другимъ, вышли изъ комнаты. Когда скрылись за дверью пятки пастуха Камиля, Шагинъ встрепенулся, засмѣялся и весело проговорилъ:

— Теперь всѣ ушли, всѣхъ выжилъ. Господинъ можетъ ложиться спать.

Мы легли съ Шагиномъ въ одной комнатѣ. Я легъ въ переднемъ углу, онъ—около двери. Подъ голову онъ положилъ кривой турецкій кинжалъ, пистолетомъ опоясался; го-

ловой легъ внутрь комнаты, а ногами уперся въ досчатую дверь, крякнулъ и сказалъ:

— Теперь сюда самъ чортъ къ намъ не войдетъ.

На другой день Шагинъ уговорилъ меня остаться до вечера.

— Я тоже поѣду съ тобой черезъ Гермонъ, — говорилъ онъ.—Вѣдь ты еще ни разу не былъ на Гермонѣ?

— Нѣтъ.

— Значитъ, ты долженъ ѣхать туда ночью. Дорога, правда, плохая, за то утромъ, при восходѣ солнца, оттуда такой видъ, что лучшаго въ цѣломъ свѣтѣ не найдешь. Останься до вечера.

Я согласился.

День мы провели съ Шагиномъ безъ особыхъ приключеній. Ходили по селу, осматривали пещеру, изъ которой вытекаетъ ключъ. Тамъ, сидя надъ прозрачными кружащимися струями воды подъ каменнымъ, поросшимъ мохомъ потолкомъ пещеры, Шагинъ разсказывалъ мнѣ арабскія сказки. Ихъ грубая простота точно вторила окружающимъ горамъ, шуму воды, горному эху... Мы обѣдали, пили кофе и даже чай. По обыкновенію, снова собрались гости и слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ, точно я былъ бѣлый слонъ или выходецъ съ того свѣта.

Наконецъ, пожелтѣлъ ослѣпительно-бѣлый южный день. Съ неба на раскаленныя скалы упала прохлада. Въ ближайшихъ виноградникахъ завыли шакалы, собравшіеся покушать винограду.

— Теперь поѣдемъ. Слышишь, господа ужъ пѣсни на прогулкѣ запѣли,—сказалъ Шагинъ про шакаловъ и пошелъ сѣдлать свою лошадь.

Съ наступленіемъ сумерекъ лошади были готовы. Шагинъ сѣлъ на породистую кобылицу, взялъ съ собой одного работника, молчаливаго, кривого парня, по имени Илья, и мы тронулись въ путь. Впереди всѣхъ шелъ пѣшкомъ Илья, съ ружьемъ за плечами, за нимъ Шагинъ, за Шагиномъ—я, а за мной — мой проводникъ на ослѣ. Село осталось позади, и мы очутились въ безмолвіи горной сирійской пустыни. Въѣхали въ дикое ущелье съ постепеннымъ подъемомъ къ Гермону. Надъ горами свѣтила луна. Сѣрые камни, облитые луннымъ свѣтомъ, оттѣнялись рѣзко черными бархатными тѣнями. Южный вѣтеръ пугливо слеталъ съ сосѣднихъ вершинъ и обвѣвалъ насъ прохладой. А небо сіяло во всемъ своемъ нарядѣ. Звѣзды спорили въ блескѣ съ луной. Воздухъ, прозрачный на высотѣ, въ долинахъ былъ пропитанъ синеватыми испареніями, тонкими и неуловимыми, какъ дѣвическія грезы.

Мы ѣхали гуськомъ. Лошади бодро ступали по камнямъ, фыркали, но тревожно сновали ушами, прислушиваясь къ звукамъ горной ночи. Шагинъ иногда съ гикомъ бросался на встрѣчную поляну, вертѣлся на ней, поднимая надъ головой пистолетъ, и пѣлъ пѣсни:

„Шейхъ-гора *), наша высокая гора!
„Кровь враговъ мы смѣшаемъ съ твоимъ прахомъ.
„Семь царей содрогнулись за тебя, наша гора,
„А султана мы не боимся."

Наконецъ, изъ-за поворота показался Гермонъ. Передъ нимъ разстилалась небольшая ровная площадь. Казалось, старѣйшина горъ давалъ намъ возможность немного отдохнуть и приготовиться къ подъему. Онъ закутался синеватыми туманами, принизился и казался совсѣмъ маленькимъ, даже по сравненію съ сосѣдними горами. Самое его подножье окутывали виноградники, огороженные другъ отъ друга рѣдкими дубками. Мы поѣхали по узкой дорожкѣ между каменными загородками виноградниковъ. Захотѣли винограду — Илья крикнулъ караульщика. Задрожалъ влажный воздухъ, откликнулись сосѣднія горы, и старый Гермонъ сквозь сонъ послѣднимъ прислалъ свой глухой отвѣтъ. Караульщикъ вынырнулъ вблизи изъ луннаго свѣта и принесъ намъ цѣлую груду холоднаго, покрытаго каплями ночной росы винограду.

Вотъ и подножье Гермона. Тропинка вьется къ верху между глыбами камней. Лошади осторожно ступаютъ ногами, выбирая удобное мѣсто, и изгибаются всѣмъ тѣломъ, точно рыбы, на частыхъ поворотахъ. Казалось, вершина близко. Прямо передъ нашими глазами кончались скалы и начиналось небо. Но, поднявшись на эту вершину, мы увидали новый каменный валъ, еще выше прежняго. Шагинъ сказалъ, что мы поднялись на колѣни къ дѣдушкѣ Гермону.

Лошади начинали уставать. Кривой Илья остановился и зажегъ сухую шапку колючаго растенія. Пламя жадно заметалось по его сухимъ стеблямъ. Мы слѣзли съ лошадей. Мой проводникъ оставилъ своего осла въ сторонкѣ, но онъ тамъ стоять не захотѣлъ, подошелъ къ костру и сталъ упрямо смотрѣть въ огонь, развѣсивъ надъ нимъ свои длинныя уши. Выраженіе морды у него было скорбное и глубокомысленное: онъ думалъ о своей горькой долѣ и несправедливости людей, поработившихъ ослиный родъ.

Отдохнувъ немного, мы стали снова подниматься. Скалы громоздились одна надъ другою все тяжелѣе и грознѣе. За

---

*) По-арабски Гермонъ—аль-жабалю-ш-шейхъ, т. е. гора шейхъ, гора-старѣйшина.

нашими спинами зіяла туманная бездна. Передъ нами — скалы, неподвижныя, острыя, нѣмыя. Всѣ молчали, вглядываясь въ изгибы тропинки. Нужно было слѣдить за каждымъ шагомъ лошади, чтобы неловкимъ движеніемъ не уронить лошадь и самому не свалиться въ пропасть. Лошади тяжело дышали. Илья прыгалъ съ камня на камень и несъ на своемъ ружьѣ длинную полосу луннаго свѣта. Мукарій шелъ вслѣдъ за осломъ и щекоталъ ему подъ хвостомъ острымъ деревяннымъ гвоздемъ, чтобы онъ не остановился. Подъѣхали къ пещерѣ, гдѣ ночуютъ иногда со стадами пастухи, и снова слѣзли отдохнуть. Шагинъ сказалъ, что мы забрались на плечи къ дѣдушкѣ Гермону. И дѣйствительно, сюда по глубокимъ долинамъ уже спускались сѣдины Гермона — бѣлыя полосы снѣга. Стало совсѣмъ холодно.

Дальше ѣхать было совсѣмъ трудно, а ночью очень опасно. Мы послѣзали съ лошадей и пошли пѣшкомъ. Кстати нужно было согрѣться. Шапки колючихъ растеній почти сплошь покрывали скалы. Колючки до крови кололи мнѣ ноги сквозь валеные сапоги. Шагинъ пошелъ впередъ; онъ расчищалъ кожаными сапогами дорогу и указывалъ мѣста, свободныя отъ колючекъ. Нѣсколько разъ мы въ сумракѣ ночи попадали на края отвѣсныхъ скалъ. Съ добродушной бранью Шагинъ шарахался въ сторону, хваталъ и меня съ собой за что попало. Наконецъ, усталые, мы поднялись на ровную полянку. Шагинъ снялъ съ головы платокъ и шерстяной окаль *), вытеръ со лба потъ и сказалъ:

— Теперь мы поднялись на самую голову дѣдушки Гермона.

Было близко къ полночи. Луна спряталась за какую-то безпредѣльную равнину. Кругомъ насъ была туманная, таинственная бездна, безъ конца и края внизъ и вверхъ, впередъ и назадъ. Точно мы стояли на скалѣ, а вокругъ насъ мягко и неслышно переливалось стеклянное бездонное море.

Воздухъ былъ свѣжій и пріятный, какъ чистая, холодная вода. Мы долго не могли надышаться. Прошло добрыхъ полчаса, пока сердце перестало биться, и кровь потекла ровными потоками по утомленному тѣлу.

Наши проводники привязали лошадей и осла за камни, дали имъ корму, разыскали пещеру, развели тамъ костеръ и принялись жарить на вертелѣ мясо, которое захватилъ съ собой догадливый Шагинъ.

Мы съ Шагиномъ посидѣли на камнѣ, отдохнули и пошли туда, гдѣ проводники развели огонь. Свѣтъ отъ костра

*) Двойной толстый шерстяной обручъ, которымъ придерживается на головѣ платокъ.

выходилъ изъ ямы; мракъ ночи сгущался надъ нимъ темнымъ кольцомъ, точно находилъ этотъ свѣтъ нарушеніемъ вѣкового порядка и старался закрыть его со всѣхъ сторонъ темными полами своей одежды. Мы спустились въ пещеру. Это была полуразрушенная комната, заваленная всякимъ мусоромъ и камнями. Можетъ быть, это было древнее водохранилище, устроенное въ незапамятныя времена служителями финикійскаго Ваала, храмъ котораго находился здѣсь, на вершинѣ Гермона; можетъ быть, она имѣла иное назначеніе—Богъ вѣсть. Стѣны ея были сыры, покрылись плѣсенью и поросли какимъ-то мохомъ. Огонекъ зажженной нами свѣчи бросилъ пугливые взгляды на темныя стѣны, неровный сводъ потолка и заваленный мусоромъ полъ. Ночныя тѣни, испуганныя нашимъ приходомъ и свѣтомъ, метались, трепетали въ дальнихъ углахъ пещеры, какъ испуганныя птицы. Онѣ сталкивались другъ съ другомъ, неслышно махали своими крылами, то держались въ вышинѣ, то метались на стѣны и полъ. Казалось, что мы не одни въ этой маленькой пещерѣ, что своимъ приходомъ мы спугнули цѣлый рой давнишнихъ, забытыхъ всѣми, а потому и пугливыхъ воздушныхъ обитателей; они испугались нашихъ грубыхъ голосовъ, маленькой свѣчки и безпокойно летаютъ изъ угла въ уголъ, стараясь спрятаться.

— Хорошъ брачный чертогъ!—воскликнулъ Шагинъ, садясь на камень.

— Почему же брачный?—спросилъ я.

— А какъ же,—захрипѣлъ Шагинъ,—сегодня сюда привезутъ мнѣ молодую жену.

Я посмотрѣлъ на Шагина, не сошелъ ли онъ съ ума. Но онъ сидѣлъ на камнѣ и хрипло смѣялся, какъ и всегда. Лицо его лоснилось добродушіемъ и довольствомъ.

— Откуда же, какую жену?

— Изъ Каффа, знаешь—село подъ Гермономъ. Тамъ у сына священника я присмотрѣлъ себѣ хорошую бабу. Мужъ ея глупъ. Зачѣмъ ему хорошую жену? Самъ онъ уѣхалъ въ Америку на заработки, а ее дома оставилъ. Сегодня ее привезутъ сюда ко мнѣ.

— Но вѣдь ты, Шагинъ, женатъ?..

— Такъ что же? Та жена старая. Я ей домъ купилъ въ Дамаскѣ. Она туда и уѣхала. А съ этой повѣнчаюсь.

— Кто же тебя повѣнчаетъ?—удивился я еще болѣе.

— Попъ нашъ повѣнчаетъ, — сказалъ Шагинъ, раздражаясь моей непонятливостью.

— Да какъ же онъ повѣнчаетъ тебя, если его могутъ разстричь за это?

— Кому нужно такого дурака разстригать!.. Да я отъ

митрополита разрѣшенье взялъ,— отвернулся отъ меня Шагинъ. Видимо, я совсѣмъ раздражилъ его...

Илья положилъ передъ нами хоржи *), на нихъ разостлалъ тонкую, какъ сукно, лепешку, а на лепешку высыпалъ цѣлую кучу шашлыку и выставилъ двѣ бутылки: одну съ виноградымъ виномъ для меня, другую съ аракомъ **) для Шагина; затѣмъ принесъ овечьяго сыру, винограду, разложилъ все это въ возможномъ порядкѣ, поставилъ рядомъ на каминѣ свѣчку, а самъ отошелъ къ костру. Тамъ, вмѣстѣ съ моимъ проводникомъ, они принялись за такой же, какъ и у насъ, ужинъ.

Мы ѣли съ Шагиномъ молча. Онъ бросалъ въ ротъ куски шашлыка, громко чавкалъ, пилъ аракъ, разбавляя его изъ кувшина водой, и сосредоточенно сопѣлъ. Ѣлъ онъ изъ того, другого и третьяго—что попадалось подъ руку. По временамъ онъ выпрямлялся, давалъ пищѣ улечься въ желудкѣ просторнѣе и снова принимался жевать. Наконецъ, онъ вытеръ руки объ штаны, вынулъ коробку съ табакомъ, свернулъ толстую, величиною съ хорошую морковь, папиросу, развалился, закурилъ и неожиданно заговорилъ.

— Очень давно это было, когда на землѣ только что начиналась жизнь...

Глаза его немного посоловѣли отъ водки и пищи, но лицо было веселое и спокойное.

— Это ты что же, сказку, что ли?—спросилъ я

— А вотъ увидишь. — Онъ пыхнулъ дымомъ и продолжалъ.

— Земля тогда была чистая, вся въ зелени. Небо тоже чистое, горы высокія снѣжными шапками на солнцѣ блестѣли. Тогда изъ безконечной высоты со звѣздъ спустилось на Землю Величіе. Увидѣло оно новый міръ и задумало присоединить его къ своимъ владѣніямъ, вотъ какъ и теперь цари себѣ добиваются новыхъ владѣній. Спустилось оно на Землю; на плечахъ у него громадные обои, въ родѣ какъ бы облака по небу летаютъ. Оперлось Величіе рукою на вершину высокой горы, посмотрѣло во всѣ стороны, поворочало туда и сюда своей гордой головой. Смотритъ Величіе внизъ и вдругъ видитъ подъ ногами какое-то маленькое существо. „Кто ты?“ гордо спросило Величіе.—„Я—Красота“, стыдливо отвѣчало маленькое существо. — „Зачѣмъ ты здѣсь?“ — „Я пришла на Землю въ утѣшеніе людямъ. Создатель послалъ меня на Землю и отдалъ мнѣ ее во владѣніе“.—„Тебѣ“... — И Величіе гордо взглянуло на Красоту. — „Ты хочешь пере-

*) Дорожные мѣшки, которые кладутся на спину лошади за сѣдломъ.
**) Виноградный спиртъ.

бить власть у меня?! Мнѣ это смѣшно. Чѣмъ же ты можешь властвовать, гдѣ твоя сила?“ — „Я буду властвовать надъ тѣми маленькими существами, которыя будутъ жить на Землѣ, надъ людьми“,—отвѣчала Красота.

— „Я правлю небомъ!—сказало Величіе,—и одного моего движенія достаточно, чтобы покорить себѣ всѣхъ людей. Я буду гремѣть въ небѣ, волновать моря, потрясать Землю. Часть своей силы я сообщу царямъ. Всѣ люди мнѣ поклонятся, а тебя, повѣрь мнѣ, и не замѣтятъ“... Величіе осталось въ облакахъ, а Красота пошла по Землѣ, любовно осмотрѣла каждый цвѣтокъ, каждую травку, каждую каплю воды. Наконецъ, она встрѣтила женщину и передала ей всю силу своей красоты. А Величіе дало силу царямъ и управляло громами въ облакахъ... И вотъ, съ тѣхъ поръ всѣ преклонились передъ женщиной: цари, воеводы, мудрецы, богачи и бѣдняки—всѣ стали ея рабами. Отказаться отъ женщины способны только слѣпые и больные. Красота черезъ женщину завоевала Землю, а Величіе и до сихъ поръ одиноко правитъ громами.

Шагинъ пыхнулъ папиросой и спросилъ:

— Хорошая сказка?

Откуда взялъ онъ, этотъ полудикарь, такую замысловатую сказку? Какими волнами исторіи занесло къ нему въ Шиба эту красивую фантазію?

— Такъ тебя, значитъ, Красота побѣдила, поэтому и рѣшилъ жениться на другой?—спросилъ я.

Шагинъ засмѣялся.

— Понятно, старая жена надоѣла, а новая... Вотъ ты увидишь, очень красива!

Шагинъ даже языкомъ прищелкнулъ.

— Зачѣмъ же ты сына ногой толкнулъ, когда онъ Коранъ читалъ? Вѣдь ты мусульманинъ гораздо больше, чѣмъ онъ!

Лицо Шагина сдѣлалось серьезнымъ.

— Правда твоя,—сказалъ онъ.—Какой я христіанинъ. Имя только одно. Это ты вѣрно говоришь. Такъ развѣ мусульманинъ мой врагъ изъ-за вѣры? Хе, хе, хе! Какое мнѣ дѣло до его вѣры! Я смотрю: вѣра его, пожалуй, тоже не дурная, какъ и наша. И милость они другъ другу творятъ, и правда у нихъ есть, а насчетъ бабъ у мусульманъ много лучше нашего, свободнѣе. Не знаю я, какая есть разница между нашей и мусульманской вѣрой, а только мусульманинъ потому мнѣ врагъ, что онъ меня притѣсняетъ вотъ уже тысячу съ лишнимъ лѣтъ!

Лицо Шагина сдѣлалось злымъ. Онъ швырнулъ окурокъ объ стѣну, гдѣ огонь разсыпался тысячами искръ, и при-

нялся вертѣть новую папиросу. У входа въ пещеру, свернувшись клубками, мирно похрапывали наши проводники. Видимый нами въ проходъ клочекъ неба замѣтно побѣлѣлъ. Близилось утро.

— Хорошо, Шагинъ. Ты говоришь, что ты плохой христіанинъ. Но вѣдь того, что ты дѣлаешь — воровать чужую жену — не долженъ ни христіанинъ, ни мусульманинъ, ни язычникъ. Сегодня украдешь ты, а завтра у тебя украдетъ другой. У тебя нѣтъ на это права. Кто тебѣ его далъ? Твоя сила?

— Права!—воскликнулъ Шагинъ.—Въ Турціи нѣтъ права. Можетъ быть, у васъ въ Россіи есть правда, а у насъ нѣтъ. Вмѣсто десятой части у мужика берутъ чуть не половину урожая, это—правда? Мусульмане бьютъ насъ, оскорбляютъ нашихъ женъ, дочерей и смотрятъ на насъ, какъ на собакъ, это—правда? Камни скатываются съ горы и давятъ людей, это—правда? Турецкіе солдаты, вмѣсто защиты христіанъ, вырѣзываютъ цѣлыя христіанскія села, это — правда? У насъ нѣтъ суда, а вмѣсто него—грабежъ; нѣтъ правды. Я не видалъ ея въ своей жизни и не знаю, гдѣ она живетъ. Сила— вотъ это я знаю. Гдѣ могу—тамъ я беру, не могу — отдаю. Такъ всѣ дѣлаютъ у насъ...

Шагинъ засопѣлъ, точно возъ на гору вывезъ.

Мы долго молчали. Хотѣлось спать, но кругомъ было такъ сыро и неуютно, что и сонъ не манилъ къ себѣ. Чтобы скоротать остатокъ ночи, я спросилъ:

— Какъ же ты, Шагинъ, у митрополита разрѣшенье на женитьбу взялъ?

— Очень просто, — засмѣялся Шагинъ. — Былъ у меня митрополитъ въ домѣ. Пробылъ два дня. Потомъ собирается дальше. „Куда“? спрашиваю. Отвѣчаетъ: „Въ Маждаль“.— „Ну, говорю, съ миромъ. А я въ Хасбею“.—„Ты въ Хасбею, говоритъ, ну, съ миромъ“. Разъѣхались. Я выѣхалъ изъ дому, да и заѣхалъ къ нему навстрѣчу. Гляжу—ѣдетъ по дорогѣ. Подъѣхалъ. Увидалъ меня и говоритъ: „Какъ же ты сказалъ, что ѣдешь въ Хасбею“. — „Хотѣлъ, говорю, да раздумалъ. Подожди-ка немного. Дѣло у меня къ тебѣ есть“. — „Что тебѣ нужно“? — „Нужно мнѣ отъ тебя бумагу, хочу второй разъ жениться“.—„Вѣдь у тебя есть жена“?—„Еще хочу“.— „Что ты, Шагинъ, опомнись, говоритъ, одурѣлъ“. — „Опомнился, говорю, хочу жениться“.—„Уйди отъ меня, дьяволъ, что ты хочешь дѣлать? Я тебя въ тюрьму посажу“. Я взялся одной рукой за пистолетъ и спрашиваю: „Дашь бумагу, или нѣтъ?“—„Да у меня, говоритъ, и бумаги нѣтъ“.—„Вотъ она, готова, только пиши“. Онъ написалъ, а внизу сдѣлалъ для священника приписку, чтобы онъ по той бумагѣ не посту-

палъ. Я посмотрѣлъ на бумагу, положилъ въ карманъ и говорю: „Теперь нужна мнѣ еще бумага, настоящая, по которой меня священникъ обвѣнчаетъ".—„Да я тебѣ далъ"—говоритъ.—„Эта не годится"... Написалъ онъ мнѣ вторую бумагу, я его и отпустилъ. Потомъ былъ у него, далъ ему нѣсколько золотыхъ, онъ и успокоился. Вотъ и разрѣшеніе имѣю.

— Посадятъ тебя въ тюрьму за эту женитьбу. Тотъ, у кого ты жену воруешь, развѣ не пожалуется на тебя?

Шагинъ презрительно пыхнулъ.

— Э, мой господинъ! Я въ тюрьмѣ восемнадцать разъ сидѣлъ. Посадятъ и выпустятъ. А дать нѣсколько золотыхъ, такъ и не посадятъ никогда. Этого я не боюсь... Но почему они долго не ѣдутъ? Пора бы имъ быть здѣсь?

Шагинъ всталъ, потянулся и крикнулъ проводникамъ:

— Эй вы, господа! Вставайте! Утро наступило,—обратился онъ ко мнѣ.—Сейчасъ солнце взойдетъ. Пойдемъ смотрѣть на Сирію. Видъ съ Гермона чуденый...

Мы нагнулись и вышли изъ пещеры.

Было, дѣйствительно, совсѣмъ свѣтло. Востокъ горѣлъ еще невиданными мной красками. На насъ смотрѣло чистое, не загрязненное людьми, лицо природы. Не успѣли мы взобраться на сосѣдній съ пещерой каменный холмикъ, какъ изъ-за Сирійской пустыни брызнули на насъ первые лучи восходящаго солнца.

Я оглянулся кругомъ и въ первое мгновеніе не повѣрилъ своимъ глазамъ. Я былъ пораженъ красотою и величіемъ разстилавшейся передъ нами картины. Далеко внизу, подъ нашими ногами, клубились и волновались бѣлыя облака, какъ снѣжныя поля моей обширной и холодной родины. Эта сплошная бѣлая пелена скрывала отъ насъ сосѣднюю долину. Но вотъ она всколыхнулась, какъ большой пологъ, кой-гдѣ образовались разрывы, сквозь которые зіяла темнофіолетовая подоблачная глубина. За этимъ бѣлымъ покровомъ на западѣ синѣло безъ конца, сливаясь съ небомъ, Средиземное море. Казалось, оно лежало подъ нашими ногами. На сѣверѣ толпились горы Ливана въ бѣлыхъ шапкахъ изъ облаковъ. Цѣлыя сотни селъ и городовъ едва замѣтными сѣрыми пятнами полегли по долинамъ. За ними, въ безмѣрной дали, высились не то горы, не то облака, не то громады-привидѣнія... На югѣ всѣ мелкія горы слились для взора въ одну равнину, на которой лежали зеркала Мерома, Тиверіады, Мертваго моря. Я смотрѣлъ, какъ далеко-далеко разбѣгались во всѣ стороны горы, какъ искрились и сверкали, точно алмазы, на солнцѣ рѣчки и ручьи, какъ расширилось небо надъ Сиріей и Палестиной, а вѣчное солнце привѣтливо

смотрѣло съ синяго неба, играя въ облакахъ разноцвѣтными радугами...

Какъ хорошо! Дышется вольно, чувствуется свободно! Точно родился вновь и для новой жизни, точно стараго ничего не было, а въ будущемъ все такъ же ясно, какъ въ этомъ надоблачномъ небѣ. Точно поднявшись надъ землею, оставилъ за собой все, что томило, давило, отравляло радость бытія—самую свѣтлую и безгрѣшную радость человѣческой жизни...

— Хорошо!—сказалъ Шагинъ.—Конечно, дьяволъ знаетъ, что ему нужно дѣлать.

— При чемъ тутъ дьяволъ?

— Какъ же? Вотъ сюда вознесъ онъ Христа и показалъ Ему всѣ царства міра. Вотъ они передъ нашими глазами...

Однако, на царства міра, которыя лежали передъ нами, Шагинъ смотрѣлъ невнимательно. Онъ больше вглядывался внизъ на тропинку, ведущую къ селу Каффъ. Вдругъ онъ шепотомъ, точно насъ могли услышать окружающія города и села, радостно воскликнулъ:

— Ѣдутъ, ѣдутъ!

На извилистой тропинкѣ, внизу, въ сумракѣ утра виднѣлись три темныя точки. Точки эти шевелились, ползли вверхъ, точно козявки, и постепенно увеличивались. Вскорѣ можно было различить лошадей и всадниковъ. Еще немного спустя, видно стало, что средній всадникъ—женщина. Шагинъ выстрѣлилъ, замахалъ головнымъ платкомъ. Насъ увидали и направились къ намъ, Шагинъ пошелъ встрѣчать новую жену. А я отошелъ немного къ югу и сѣлъ на развалинахъ стариннаго храма. При финикіянахъ здѣсь было капище Ваала, а при грекахъ—небольшой веселый храмъ въ честь Пана, бога стадъ, лѣсовъ, весны, пробужденія природы. Много такихъ маленькихъ храмовъ можно найти вокругъ Гермона по его сѣрымъ скалистымъ склонамъ. Трудно выбрать болѣе подходящее мѣсто для поклоненія этому жизнерадостному богу, богу-пастуху, богу весенняго веселья. Взглянешь съ этихъ нѣмыхъ утесовъ кругомъ на Божій міръ, разстилающійся подъ ногами, и по неволѣ воскликнешь:

— Живъ, живъ великій Панъ!..

Должно быть, при грекахъ лѣсистыя окрестныя горы и долины и самый Гермонъ были еще болѣе красивы. Вся прелесть пробуждающейся природы, красота весенняго воздуха и первой зелени лѣсовъ и травъ—все это чувствуется здѣсь сильнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ.

Утреннія облака понемногу растаяли, и во всѣ стороны раскрылась подъ ногами фіолетовая головокружительная

глубина. Три корявыхъ деревца стоятъ среди сѣрыхъ скалъ надъ пропастью. Точно въ страшномъ испугѣ метнулись они всѣми своими вѣтвями отъ бездны на камни, да такъ и застыли въ этомъ болѣзненномъ напряженіи. Спины ихъ, обращенныя къ пропасти, высохли отъ сильныхъ вѣтровъ и холодныхъ дождей съ градомъ, отъ зимнихъ мятелей и подернулись сѣрой мертвой корой.

Шагинъ скрылся со своей невѣстой и ея спутниками въ пещеру. Мнѣ пора было спускаться съ Гермона по той самой тропинкѣ, по которой только что пріѣхалъ свадебный поѣздъ. Я велѣлъ мукарію готовить лошадь.

Шагинъ вышелъ изъ пещеры, точно пьяный. Увидѣвъ меня, онъ замахалъ мнѣ рукой. Я подошелъ.

— Ты взгляни на мою новую жену. Я говорилъ тебѣ—красивая. Вотъ смотри.

Въ это время изъ пещеры высунула голову женщина. Она робко осмотрѣлась во всѣ стороны, какъ осматривается дикая утка,когда выплываетъ изъ камышей на открытое мѣсто.

— Поди сюда!—крикнулъ Шагинъ.

Она подошла несмѣло, стыдливо, наклонивъ голову и подергивая плечами, точно хотѣла нырнуть въ землю и скрыться отъ нашихъ взглядовъ и солнечнаго свѣта.

— Поздоровайся съ господиномъ, не бойся,—усмѣхнулся Шагинъ.—Это—мой другъ!

Она подала мнѣ корявую руку, на которой звякнули стеклянные браслеты, потомъ закрыла ею ротъ, кашлянула и опустила глаза въ землю.

Она не была красавицей; развѣ глаза хороши были въ веселую минуту. Теперь же и они были мутны отъ волненія и почти совсѣмъ закрыты вѣками. Но она была пухлая блондинка съ круглыми щеками, красными, румяными губами, полною грудью; вѣроятно, все это и плѣнило Шагина. Онъ стоялъ рядомъ и, не скрывая восхищенія, съ улыбкой переводилъ взоръ съ нея на меня и опять на нее.

Мукарій подвелъ осѣдланную лошадь.

Мы разъѣхались съ Шагиномъ въ разныя стороны.

Долго опускался я внизъ по извилистой тропинкѣ. Долго мой конь шелъ на хвостѣ, подгибая заднія ноги. Съ каждымъ шагомъ очертанія горъ мѣнялись: горы выростали, поднимались изъ глубины къ небу, а небо суживалось, опускалось, налегало на горы своими голубыми краями. Снизу изъ долинъ поднимался раскаленный о камни воздухъ и жегъ охлажденное на высотѣ лицо и руки. Послѣ безсонной ночи неудержимо хотѣлось спать. И я немедленно и крѣпко заснулъ въ сѣдлѣ, какъ только лошадь пошла по болѣе ровному мѣсту.

IV.

Дома Шагина ожидало несчастіе. Въ ту ночь, когда мы были на вершинѣ Гермона, за облаками, далеко отъ людей и ихъ религіозныхъ и иныхъ споровъ, внизу люди сдѣлали злое дѣло. Мусульмане Шиба украли у Шагина деньги и обезчестили красавицу-дочь.

Пріѣхавъ домой, Шагинъ засталъ дочь въ слезахъ и въ постели, а деньги его, около ста турецкихъ золотыхъ, пропали. Христіане заходили къ нему въ домъ съ участіемъ. крадучись, какъ воры. Мусульмане молчали. Шагинъ цѣлый день ругался, кричалъ на крышѣ, ходилъ къ старостѣ села— мусульманину, но сочувствія своему горю не нашелъ. Только къ вечеру онъ немного успокоился. Разспросивъ кое-какъ плачущую дочь о томъ, кого она запримѣтила ночью, онъ рѣшилъ ѣхать жаловаться на мусульманъ къ митрополиту и патріарху.

Долго тянулось дѣло. Мусульманскія власти, по представленію патріарха, взялись за дѣло, повидимому, горячо. Однако прошелъ мѣсяцъ, другой, третій — виновныхъ не только не нашли, во все дѣло такъ запуталось, что можно было подумать, будто Шагинъ самъ себя обворовалъ, а можетъ быть, самъ и дочь свою обезчестилъ. Стало извѣстно, что Шагинъ укралъ изъ Каффа чужую жену при живой старой... Поднялось было новое дѣло, но Шагинъ его какъ-то уладилъ миромъ, а жены всетаки не отдалъ... Услышавъ о несчастіи въ домѣ, изъ Дамаска пріѣхала его старая жена, и такимъ образомъ у Шагина жили теперь двѣ жены. А самъ онъ постоянно ѣздилъ изъ Шиба въ свой уѣздный городъ и въ Дамаскъ. Несчастіе давило его тѣмъ болѣе, что онъ не могъ найти виновника. Онъ осунулся, обросъ колючей бородой, посѣрѣлъ, какъ высохшій мохъ. Иногда онъ заходилъ въ Дамаскъ ко мнѣ, но сидѣлъ не подолгу, точно чего-то стыдился; былъ мало разговорчивъ и оживлялся только тогда, когда бранилъ мусульманъ.

Наконецъ, турецкія власти, запутавъ окончательно всѣ показанія и улики и выгородивъ мусульманъ, рѣшили дѣло прекратить, о чемъ губернаторъ и извѣстилъ патріарха. Шагинъ, какъ разъ въ это время, былъ въ Дамаскѣ. Онъ пошелъ въ патріархію.

Былъ праздникъ. Въ пріемной комнатѣ патріарха было много разнаго народу, все больше горожанъ въ европейскихъ одеждахъ. Сидѣло нѣсколько турецкихъ чиновниковъ-мусульманъ на первыхъ мѣстахъ. Шагинъ вошелъ въ своемъ

бедуинскомъ костюмѣ и робко сѣлъ при входѣ на мраморный полъ.

Послышался стукъ булавы каваса, показалась его золоченая одежда, а за нимъ и темныя рясы патріарха и трехъ митрополитовъ. Всѣ встали. Патріархъ сѣлъ на свое мѣсто. Всѣ стали подходить къ нему за благословеніемъ. Шагинъ подошелъ послѣднимъ.

— Ну, Шагинъ, поѣзжай въ Шиба и живи тамъ мирно,— сказалъ патріархъ.—Тогда никто тебя и обижать не будетъ.

— А какъ же, владыка, я буду жить?—спросилъ Шагинъ дрогнувшимъ голосомъ.— Куда я дѣну обезчещенную дочь? Съ кого возьму деньги? Если ты меня оставляешь, то кто же защититъ? У мусульманъ, видно, защиты искать...

— Что же я могу сдѣлать? Да и какъ мнѣ защищать тебя противъ мусульманъ, когда ты самъ придерживаешься мусульманскихъ законовъ: при живой женѣ взялъ себѣ другую, да еще укралъ!..

Должно быть, вся горечь сознанія безсилія и обиды хлынула въ сердце Шагина, затуманивъ ему разсудокъ. Онъ съ секунду постоялъ неподвижно, потомъ вдругъ закричалъ хриплымъ голосомъ, выкативъ глаза, какъ безумный:

— Да, я мусульманинъ! Нѣтъ Божества, кромѣ единаго Бога! Свидѣтельствую, что Мухаммадъ—посланникъ Бога!.. *).

— Нѣтъ божества, кромѣ единаго Бога и Мухаммадъ— посланникъ Бога,—набожно повторили присутствующіе мусульмане.

Христіане закричали:

— Что ты, Шагинъ, опомнись!..

— Онъ сошелъ съ ума!..

— Выведите его на дворъ!..

Шагинъ ничего не слушалъ, махалъ руками и все кричалъ, что Мухаммадъ—посланникъ Бога.

Все заволновалось и смѣшалось. Турецкіе чиновники крикнули солдатъ, и Шагина взяли въ сарайя **) къ кады ***), По улицамъ за ними пошла толпа народа. Говорили о Шагинѣ и сожалѣли шепотомъ, что христіанинъ перешелъ въ мусульманство.

Шагинъ шелъ по улицѣ, какъ ходятъ непривычные люди подъ взглядами большой толпы, напряженной и неровной походкой. Ему казалось, что не только люди, но и ослики, собаки, даже темные стѣны и своды базаровъ смотрятъ на

---

*) По мусульманскому закону тотъ уже мусульманинъ, кто произнесъ это исповѣданіе вѣры.

**) Сарайя—присутственное мѣсто.

***) Кады—судья духовный и свѣтскій.

него тысячеглазымъ укоромъ и кричать въ уши: измѣнникъ перемѣнилъ вѣру отцовъ, сталъ другомъ тѣхъ, кто мучилъ и мучитъ христіанъ! Этотъ голосъ звенѣлъ у него въ ушахъ, въ головѣ, сверлилъ мозгъ, а всевидящіе глаза, устремленные со всѣхъ сторонъ, пронизывали его насквозь. Шагинъ качался, ударяя плечами то одного, то другого солдата, мычалъ и сплевывалъ подъ ноги слюну. Его никто не подталкивалъ сзади, но казалось, онъ упирается и не хочетъ идти впередъ, мотая головой, какъ быкъ, котораго тянутъ на убой за рога веревкой. Казалось, и Шагина тянула впередъ веревка, только невидимая.

И какъ это раньше все было хорошо! Полчаса лишь назадъ онъ былъ христіанинъ, честный человѣкъ, а теперь измѣнникъ. У него обезчестили дочь, украли деньги,—ну, и что же?! Какъ все это мелко и ничтожно въ сравненіи съ настоящей бѣдой! Развѣ онъ не могъ отомстить самъ и за честь дочери, и за свои деньги? Свернулъ бы двѣ-три безмозглыя башки—и конецъ, а самъ могъ бы бѣжать. И всетаки онъ остался бы человѣкомъ честнымъ. А теперь онъ—измѣнникъ. Какъ взглянуть въ глаза своимъ загнаннымъ одновѣрцамъ, односельчанамъ, дѣтямъ, женѣ, обезчещенной дочери? Они его осудятъ, отшатнутся отъ него!.. Ахъ, зачѣмъ онъ сказалъ эти слова, послѣ которыхъ уже нѣтъ возврата къ старому. Онъ—мусульманинъ! Онъ произнесъ священныя слова въ присутствіи мусульманъ-свидѣтелей. Мусульмане знаютъ, что онъ, Шагинъ, не дуракъ, не пьянъ, онъ произнесъ эти слова нѣсколько разъ, онъ кричалъ, что сталъ мусульманиномъ, и ему нѣтъ возврата къ старому. Да если бы Шагинъ и доказалъ судьѣ, что онъ произнесъ эти слова въ припадкѣ раздраженія, если бы даже судья и принялъ его отреченіе,—все равно, любой мусульманинъ подойдетъ, убьетъ его и скажетъ властямъ: „Я исполнилъ свой долгъ, я убилъ безбожника за то, что онъ всуе произнесъ священныя слова“. Этого мусульманина будутъ судить меньше, чѣмъ если бы онъ убилъ не Шагина, а собаку.

Всѣ эти мысли давили Шагина. Минутами ему казалось, что онъ видитъ страшный сонъ. Но рядомъ съ нимъ идутъ солдаты. Его сопровождаетъ толпа народа, въ толпѣ снуютъ любопытныя женщины въ разноцвѣтныхъ покрывалахъ, визжатъ собаки... Нѣтъ, кругомъ страшная дѣйствительность; онъ на самомъ дѣлѣ идетъ по улицѣ Дамаска не то какъ побѣдитель, не то какъ преступникъ.

Какъ во снѣ, прошелъ для Шагина и весь остальной день. Онъ былъ у кады. Кады его спрашивалъ. Онъ ему отвѣчалъ и, наперекоръ собственному желанію, твердо и от-

четливо снова повторилъ страшныя слова исповѣданія ненавистной вѣры. Кады утвердилъ на основаніи священнаго закона, что христіанинъ Шагинъ Хадля исповѣдалъ священными словами вѣру въ единаго Бога и его пророка Мухаммада, исповѣдалъ сознательно и принятъ въ общество правовѣрныхъ. Онъ оставилъ свои заблужденія и пришелъ на дорогу спасенія.

Въ этотъ же день ночью Шагинъ уѣхалъ изъ Дамаска въ Шиба. Пріѣхалъ онъ въ свое родное село на высоты Гермона на другой день утромъ. Но молва предупредила его, точно птица. Тамъ уже знали объ отступничествѣ Шагина.

Первымъ попался ему на дорогѣ попъ Жорьесъ. Сидя бокомъ на ослѣ, онъ ѣхалъ въ горы, чтобы набрать тамъ вязанку древесныхъ корней на топливо. Увидѣвъ Шагина, онъ спрыгнулъ съ осла на землю и загородилъ ему дорогу.

— Мы слышали, Шагинъ, будто ты сталъ мусульманиномъ?—спросилъ попъ.

— Ну, что же? Чѣмъ плохо?—грубо сказалъ Шагинъ.

Попъ заморгалъ красными опухшими вѣками.

— Какъ же мы одни... безъ тебя? Теперь и ты противъ насъ?..

У попа затряслась козлиная бородка, и на сопливые усы скатились грязныя слезы.

— Уйди ты съ дороги!..—Шагинъ ударилъ лошадь, почти смялъ попа и поѣхалъ дальше. Попъ сѣлъ на осла и поѣхалъ обратно въ село за Шагиномъ.

Дома у Шагина поднялся плачъ. Плакали обѣ его жены— старая и новая; глядя на нихъ, плакали малолѣтнія дѣти. Старшая дочь ходила блѣдная, съ воспаленными глазами, и смотрѣла на отца съ ужасомъ, какъ на привидѣніе. Шагинъ нѣсколько разъ пробовалъ прикрикнуть на плачущихъ, но чувствовалъ, что теперь онъ безсиленъ заставить семью, какъ прежде, говорить или молчать, плакать или смѣяться: горе семьи было теперь сильнѣе его робкаго слова.

Онъ думалъ, что скоро придутъ христіане села Шиба и начнутъ его упрекать. И онъ заранѣе раздражался ихъ присутствіемъ и рѣчами. Но прошелъ весь день—никто не пришелъ. Это стало Шагина томить, давить. Онъ уже желалъ теперь, чтобы кто-нибудь изъ христіанъ пришелъ къ нему. Пусть пришелъ бы хоть попъ Жорьесъ, котораго онъ такъ грубо оттолкнулъ сегодня утромъ, хоть пастухъ Камиль— кто-нибудь, все равно. Онъ разсказалъ бы имъ свое горе, объяснилъ бы, что онъ не можетъ стать мусульманиномъ, какъ не можетъ вновь родиться.

Никто не идетъ. Шагину казалось, какъ это бываетъ во снѣ, что онъ очутился гдѣ-то въ невѣдомыхъ краяхъ, откуда нѣтъ возврата. Кругомъ все чужое: и люди, и дома, и природа. Тѣмъ милѣе становится все, что осталось на родинѣ. И чего бы онъ ни далъ, чтобы воротиться снова туда и взглянуть на всѣхъ по прежнему!.. Минутами Шагину становилось въ комнатѣ душно, какъ въ могилѣ.

Какъ тошно на душѣ. Дѣлать дома нечего, а выходить не хочется. Пойдешь по дому—встрѣтишься съ заплаканными лицами женъ и дѣтей; въ особенности страшно ему лицо старшей дочери. Передъ ней Шагинъ почему-то чувствуетъ себя виноватымъ болѣе, чѣмъ передъ всѣми другими. Пойдешь по селу—встрѣтишь христіанъ или мусульманъ. Шагинъ чувствовалъ, что онъ боится людей, чего раньше съ нимъ никогда не бывало.

Уже къ вечеру Шагинъ увидѣлъ, что къ нему идетъ толпа мусульманъ: учитель, князь, мулла и мужики, всѣхъ человѣкъ десять. Значитъ, узнали. Зачѣмъ же идутъ? Неужели снова мучить? Удивительно, какъ всѣ люди жестоки и злы.

Вошли. Лица у нихъ веселыя, праздничныя... Поздравляютъ Шагина съ тѣмъ, что онъ покинулъ заблужденіе и вступилъ на путь правый.

Лица мусульманъ рисуются Шагину въ туманѣ. Они говорятъ, и онъ что-то тоже говоритъ. Вѣроятно, говоритъ то, что нужно, потому что мусульмане не сердятся, а веселы и смѣются. Они ждутъ призывной молитвы и хотятъ взять Шагина съ собой въ мечеть.

— Пойдешь съ нами?

— Да, я готовъ...

Раздались звуки призыва. „Великъ Богъ, великъ Богъ, великъ Богъ. И нѣтъ божества, кромѣ единаго Бога“. Мусульмане зашептали молитвы въ бороды, встали и собрались въ мечеть.

Пошелъ съ ними и Шагинъ. При выходѣ изъ двери, его поджидала старшая дочь. Когда проходили въ дверь мусульмане, она закрыла лицо концомъ платка. Когда показался отецъ, она открыла лицо и грубо спросила:

— Ты куда?

Шагинъ молчалъ.

— Говори, куда ты идешь?

Шагинъ молча запиралъ дверь комнаты.

— Отчего ты не убилъ меня?—заплакала вдругъ она.— Отчего не убилъ... ты, проклятый?! Говори!.. Ты такъ отомстилъ... за позоръ?..

Мусульмане стояли въ сторонѣ и слушали. Шагинъ лѣ-

лалъ видъ, что согнулся надъ запоромъ, но все его большое тѣло изображало испугъ, съежилось, точно въ ожиданіи удара. Наконецъ, онъ выпрямился и попятился отъ дочери съ видимымъ страхомъ. Лицо у нея было вытянутое, блѣдное, даже синее; талія замѣтно округлилась: видимо, она скоро должна была сдѣлаться матерью поневолѣ... Она стояла босикомъ на мелкихъ острыхъ камняхъ, покрывавшихъ плоскую крышу; ноги у нея были бѣлыя, полныя; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ступняхъ были ссадины, изъ которыхъ сочилась кровь. Подбѣжала ея мать и схватила ее за руки. Шагинъ повернулся, чтобы идти. Увидѣвъ это, дочь рванулась отъ матери и закричала:

— Идешь!.. Такъ ужъ не приходи. А придешь—я тебя убью!.. Слышишь ты?! Трусъ!..

Она почти совсѣмъ задыхалась.

Мусульмане смѣялись.

— Храбрая какая! . Храбрѣе того, кто много разъ льва видалъ.

— Пойдемте. Видите: беременная женщина...

Какъ и въ первый пріѣздъ Шагина въ Шиба, былъ тихій и теплый вечеръ. Послѣдніе лучи солнца скользнули выше вершины Гермона въ голубую высь. Фіолетовый сумракъ залилъ долины. Ручей шумѣлъ и пѣнился въ глубинѣ. Сѣрыя скалы смотрѣли строго сквозь сумракъ вечернихъ тѣней, висѣли надъ селомъ грозно, увѣренныя въ своей правотѣ и силѣ. Страшно становилось, глядя на нихъ. Казалось, скалы — живыя существа; и вдругъ заснутъ онѣ въ эту ночь: цѣпкія руки, которыми онѣ держатся за горы, ослабѣютъ, страшные скелеты скатятся на несчастное село и задавятъ всѣхъ и все...

Мечеть была особенно полна народомъ. Всѣхъ разбирало любопытство посмотрѣть, какъ бывшій христіанинъ, самый сильный врагъ мусульманъ, самъ сталъ мусульманиномъ. Но, входя въ мечеть, всѣ старались казаться равнодушными, не оглядываясь по сторонамъ, опускались на циновки и шептали молитвы. Ибо, какъ сказалъ пророкъ: постилка, на которой молится вѣрующій, есть его крѣпость; въ этой крѣпости его не могутъ уязвить житейскія дѣла и заботы, ибо умъ и сердце его наполняются мыслями о Богѣ.

Шагинъ стоялъ въ углу мечети, склонивъ голову, какъ дѣлаютъ мусульмане, но не молился. Онъ часто вздыхалъ, точно ему было душно, переступалъ съ ноги на ногу, какъ опоенная лошадь, но, повидимому, былъ совсѣмъ спокоенъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка больного, которому все окружающее безразлично, а важно лишь то, что болитъ и ноетъ у него внутри.

По окончаніи молитвы учитель захотѣлъ сказать проповѣдь. Онъ взошелъ на возвышеніе, обвелъ чернильными глазами присутствующихъ и остановился, сложивъ на животѣ бѣлыя костлявыя руки. Его бѣлое лицо и бѣлый кидаръ на головѣ выдѣлялись въ сумракѣ мечети рѣзче всѣхъ остальныхъ предметовъ, какъ два бѣлыхъ пятна. Стоялъ онъ такъ долго, не шевелясь, точно каменный. Наконецъ, бархатный мѣшокъ его затрясся на подбородкѣ, и онъ началъ говорить проповѣдь медленно, книжнымъ торжественнымъ арабскимъ языкомъ, растягивая долгія гласныя.

— Во имя Бога милостиваго, милосерднаго. Слава Господу, Творцу міровъ. Въ безконечномъ милосердіи своемъ къ людямъ, Онъ посылалъ на землю много пророковъ, чтобы они научили людей истинѣ Господней. Авраамъ, Іаковъ, Исаакъ, Моисей, Ааронъ, Измаилъ, Энохъ, Іисусъ сынъ Маріи — всѣ они получали откровеніе отъ всевышняго Бога, но не вполнѣ. Наконецъ, Господь послалъ къ людямъ величайшаго пророка, печать всѣхъ пророковъ, Мухаммада,—да будетъ Господь къ нему благосклоннымъ и да хранитъ его!— а съ нимъ и книгу божію, Коранъ, чтобы всѣ познали истину въ совершенствѣ и увидѣли путь правый. Наивѣрнѣйшее слово, это — Коранъ. Самый крѣпкій якорь нашего спасенія, это — нѣтъ божества, кромѣ единаго Бога, и Мухаммадъ — посланникъ Бога.

— О, послѣдователи Мухаммада! Исламъ есть чистѣйшая вѣра. Въ ней нѣтъ никакой лжи. Поэтому всякій, кто откроетъ свои глаза, уши и сердце, тотъ долженъ непремѣнно увѣровать въ единаго Бога, его послѣдняго пророка Мухаммада и святую книгу. Вотъ передъ нами примѣръ. Недавно онъ былъ назаритяниномъ, стоялъ на ложной дорогѣ, которая вела его въ адъ. А теперь всевышній Богъ ниспослалъ на него благодать, и онъ вступилъ на путь правый, ведущій въ рай.

Нѣсколько головъ невольно повернулось въ тотъ уголъ, гдѣ былъ Шагинъ Хадля. Но онъ стоялъ по прежнему, не шевелясь и склонивъ голову внизъ.

— Помните, что вѣрующіе въ единаго Бога и его пророка Мухаммада — да будетъ Господь къ нему благосклоннымъ и да хранитъ его! — и творящіе благо вступятъ по смерти въ сады райскіе. Вѣрнымъ Господь уготовалъ прекрасное мѣсто: два сада; въ каждомъ изъ нихъ по живому источнику. Тамъ растутъ плоды двухъ родовъ: одинъ родъ имѣетъ вкусъ плодовъ земныхъ, другой — вкусъ плодовъ небесныхъ, какихъ никогда не ѣдалъ человѣкъ на землѣ. Тамъ будутъ молодыя, скромныя дѣвы съ черными глазами, до которыхъ никогда не прикасался ни человѣкъ, ни ангелъ. Онѣ будутъ всегда

и днемъ, и ночью съ жителями рая, готовыя услаждать ихъ чувства... Райскіе жители не будутъ испытывать ни лѣтняго жара, ни зимняго леденящаго холода. Деревья покроютъ ихъ своею тѣнью, наклонятъ надъ ними свои вѣтви съ чудными плодами; эти плоды можно рвать и ѣсть, не вставая съ шелковыхъ ковровъ. Напитки имъ будутъ разносить вѣчно красивые мальчики, похожіе на разсыпанный жемчугъ... Такъ говоритъ Господь. А Онъ не говоритъ словъ напрасно.

— Помните также, что придетъ судный день. Пошлетъ Аллахъ на землю Іисуса, сына Маріи... Вотъ тогда всѣ узнаютъ разницу между вѣрой истинной—исламомъ и вѣрой неистинной. Безбожники скажутъ: „Ахъ, отчего мы были слѣпы, отчего мы были глухи къ словамъ Корана?!" Но это будетъ вопль напрасный. Іисусъ, сынъ Маріи, сначала уничтожитъ на землѣ, поломаетъ всѣ кресты, которымъ поклоняются безбожники, потомъ истребитъ всѣхъ свиней на землѣ, какъ истребилъ онъ ихъ однажды во время своей земной жизни. Потомъ станетъ судить всѣхъ людей по Корану...

Вдругъ среди тишины раздался изъ угла хриплый голосъ Шагина:

— Ложь! Ты лжешь, собачій сынъ!

Учитель остановился съ открытымъ ртомъ. Рука его застыла на половинѣ движенія. Всѣ обернулись въ сторону Шагина. Его почти совсѣмъ не было видно въ темно-фіолетовомъ сумракѣ мечети.

Наступила секунда тяжелаго затишья. Казалось, всѣ,—и проповѣдникъ, и слушатели, и даже стѣны мечети,—старались вдуматься въ сказанныя грубыя слова. Потомъ всѣ сразу поняли, что это — обида. Люди заговорили, стѣны загудѣли, закричалъ опять и Шагинъ.

— Сами вы свиньи!.. Вашъ Мухаммадъ собака... верблюдъ... дуракъ...

Очевидно, онъ не зналъ, что говорилъ. Онъ имѣлъ лишь одно желаніе—оскорбить всѣхъ, кто его слышалъ, оскорбить какъ можно сильнѣе, а потому выкрикивалъ безъ разбора тѣ ругательныя слова, какія попадались ему на языкъ. За всѣ свои невзгоды онъ хотѣлъ теперь свести съ мусульманами счетъ. Онъ бросился въ дверь, выбѣжалъ на дворъ мечети и тамъ началъ кричать такія же безсмысленныя ругательныя слова. Безстрастное горное эхо летало и разносило повсюду эти крики человѣческаго страданія съ такимъ же безпечнымъ смѣхомъ, какъ и мирное блеянье козъ и ревъ скучающаго ослика.

Село тревожно зашевелилось. Со всѣхъ концовъ къ мечети стали сбѣгаться люди, прыгая по крышамъ и скаламъ. За угломъ мечети, весь съежившись, прижался Абдалла.

Онъ уже все видѣлъ и слышалъ, хотѣлъ было бѣжать къ христіанамъ и разсказать имъ про поступокъ Шагина, но любопытство оказалось въ немъ сильнѣе страха: онъ прижался къ стѣнѣ, какъ слизень, и жадно смотрѣлъ на толпу и Шагина. Шагинъ махалъ безтолково большими руками и кричалъ:

— Они повѣрили, безмозглые, что Шагинъ сталъ мусульманиномъ! Развѣ можетъ Гермонъ стать вершиной внизъ?! Я еще проучу васъ съ вашимъ Мухаммадомъ! Я вамъ покажу, какъ ломать кресты!.. Безчестить дѣвушекъ!.. Истреблять свиней!.. Красть деньги!..

Мусульмане озвѣрѣли. Они сомкнулись около Шагина кольцомъ. Сбѣжалось уже почти все село. Сосѣднія крыши домовъ были полны народомъ,—главнымъ образомъ, женщинами. Въ толпѣ, въ отдаленіи, виднѣлись и испуганныя лица христіанъ.

Шагинъ, казалось, не видѣлъ, не слышалъ и не понималъ надвигавшейся грозной опасности. Онъ съ видимой радостью выкрикивалъ свои ругательныя слова. Словами онъ хотѣлъ оскорбить своихъ враговъ и мучителей, а смотрѣлъ вверхъ, точно съ обидой своей обращался къ горамъ, къ небу, къ облакамъ, которыя длинной пушистой вереницей ползли по склону Гермона, выискивая мѣсто для ночлега.

— Я вамъ покажу! Я сожгу вашъ Коранъ! Я!..

Въ это время одинъ мусульманинъ бросился къ Шагину и схватилъ его за горло...

Какъ Самсонъ вмѣстѣ съ волосами потерялъ и свою силу, такъ и Шагинъ со времени своей измѣны потерялъ прежнюю отвагу и мощь. Онъ ясно видѣлъ, что мусульманинъ, схватившій его за горло, страшно оскалилъ зубы, какъ дикій звѣрь, что въ другой рукѣ у него кинжалъ, что многіе изъ окружающихъ его мусульманъ принесли съ собой также разное оружіе. У Шагина за поясомъ подъ абаи тоже былъ, по обыкновенію, пистолетъ и кинжалъ. Но онъ не схватился за нихъ. Онъ старался оторвать руку мусульманина отъ своего горла, чтобы еще прокричать нѣсколько ругательствъ. Онъ безъ особеннаго усилія отдернулъ въ сторону мусульманина и снова закричалъ:

— Я васъ проучу!..

Мусульманинъ оправился, подошелъ къ Шагину почти вплотную и со словами:

— Такъ я заткну тебѣ горло!..—ударилъ его кинжаломъ въ шею.

Толпа ухнула. Къ Шагину бросилось еще нѣсколько мусульманъ, тоже съ кинжалами. Всѣ свалились въ одну кучу, рыча и махая руками... Такъ сбѣгаются со всей улицы и

сваливаются надъ несчастною жертвой въ одну общую кучу собаки, кусая другъ друга и рыча отъ злобы къ тому, кто имѣлъ смѣлость зайти не въ свою улицу, но не имѣлъ силы убѣжать или защититься.

Шагина уже не было видно. Куча начала понемногу расползаться. Наконецъ, остался одинъ Шагинъ. Онъ лежалъ на землѣ безъ движенія. Кромѣ того, было ранено трое мусульманъ. Христіане изъ толпы исчезли. Почуявъ покойника, завыли собаки. Имъ отвѣтили неподалеку въ горной пустынѣ унылымъ воемъ шакалы. Раненые мусульмане перевязывали свои раны. Толпа гудѣла. Она еще не устрашилась своего дѣла.

— Разстрѣлять эту собаку!—крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Разстрѣлять безбожника!

— Разстрѣлять!

— Разстрѣлять, разстрѣлять!..—со смѣхомъ повторило по горамъ эхо.

Четверо мусульманъ схватили окровавленный, страшно большой трупъ Шагина и поволокли со двора мечети.

— Къ пропасти!.. Къ пропасти тащите!.. Принесите палки!.. Давайте ружья!..—кричали съ разныхъ сторонъ люди и эхо.

Толпа шумѣла и, наростая, двинулась, какъ потокъ, по улицамъ и крышамъ на площадку передъ пропастью, при въѣздѣ въ село. Женщины нервно визжали. Нѣкоторыя плакали. Матери отыскивали своихъ дѣтей. Слышались ругательства. Кто-то вскочилъ на крышу, поднялъ надъ головой ружье и выкрикивалъ стихи изъ Корана:

— Сражайтесь съ невѣрными до тѣхъ поръ, пока будетъ искушеніе отъ ихъ лживаго ученія, пока не останется на землѣ лишь одно поклоненіе, поклоненіе Богу единому... Развѣ не сказалъ тебѣ Богъ: убивайте невѣрныхъ повсюду, гдѣ они встрѣтятся вамъ... Невѣрные не будутъ побѣдителями, ибо имъ не ослабить могущества Божія...

Прокричавъ эти слова, онъ спрыгнулъ съ крыши и побѣжалъ туда, куда унесли тѣло Шагина.

Тамъ уже устроили изъ трехъ палокъ козлы, поставили ихъ на самомъ краю обрыва, а на нихъ положили трупъ Шагина. Трупъ изогнулся. Ноги его, въ башмакахъ съ подошвами къ селу, были растопырены, а голова свѣсилась совсѣмъ низко надъ пропастью, точно Шагинъ силился разглядѣть въ сумракѣ вечера, какъ бѣжитъ тамъ, внизу, потокъ.

Раздался одинокій выстрѣлъ. Вздрогнули задремавшія горы. Даже эхо, какъ бѣшеное, заметалось съ испугомъ между горами, точно искало, куда бы спрятать этотъ одинокій, страшный звукъ. Вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ раздалось нѣсколько другихъ. Горы проснулись, загудѣли, затряслись.

Долины наполнились отзвуками. Казалось, была безконечная линія стрѣлковъ, и всѣ они ждали только перваго знака, чтобы тоже стрѣлять.

Бухъ—бухъ!

Бухъ—бухъ!—слышалось неподалеку.

Бахъ—бахъ!—раздавалось дальше.

Пахъ-ха-ха!—слышалось еще дальше.

Тукъ-тукъ!—стучало гдѣ-то за голубыми вершинами въ облакахъ.

Съ головы Шагина свалилась феска и платокъ. Бритая голова при нѣкоторыхъ выстрѣлахъ моталась на толстой шеѣ, точно утверждала:

— Такъ, такъ! Этотъ зарядъ попалъ удачно...

Полы его абаи, осыпаемыя дробью и пулями, тоже колыхались, будто отъ легкаго вѣтра.

Бухъ—бухъ!..

— Постойте, что вы дѣлаете! Не стрѣляйте! — закричалъ вдругъ отчаянный женскій голосъ.

Къ трупу бѣжала дочь Шагина, простоволосая и босая. Платокъ упалъ у нея съ головы во время бѣга, а деревянные башмаки она сама сбросила, чтобы легче бѣжать. Ни на кого не глядя, она съ плачемъ бросилась къ трупу отца, схватила лежавшую на палкѣ мертвую руку и стала ее цѣловать.

Въ это время раздался новый выстрѣлъ. Вслѣдъ за нимъ блеснуло и еще два огня. Дѣвушка хотѣла что-то закричать, но только вскинула вверхъ руками и грузно повалилась на треножникъ. Козлы покачнулись, и тѣло Шагина упало въ ущелье. Тѣло же дѣвушки осталось на краю пропасти.

Ночью христіане, крадучись, съ плачемъ похоронили оба тѣла.

Былъ судъ. Виновныхъ не нашли...

Христіане и теперь живутъ въ Шиба въ обидѣ и униженіи, Шагина нѣтъ—защищать некому. Но они выдумали себѣ новую надежду; они твердо вѣрятъ, что если не при нихъ, то при ихъ дѣтяхъ и внукахъ придутъ въ ихъ землю русскіе, и тогда кончатся ихъ мученія и обиды...

С. Кондурушкинъ.

„ЛАСКОВЫЙ“.

(Изъ воспоминаній врача о карійской каторгѣ).

Въ канцеляріи усть-карійскихъ цеховъ и богадѣльни необычная суета и движеніе; восемь писарей, общихъ для смотрителей двухъ тюремъ того же названія, съ озабоченными, встревоженными лицами, торопливо подбирали разбросанныя по столамъ бумаги, подшивали каждый свою кучку, складывая потомъ въ синяго цвѣта обложки съ крупными печатными надписями: „дѣло о раскомандированіи ссыльно-каторжныхъ“, „дѣло о довольствіи“, „о выработкѣ уроковъ по урочному положенію“, „о приведеніи въ исполненіе приговоровъ по судебному рѣшенію“ и т. д. Закончивши подборъ „дѣлъ“, писаря устанавливали ихъ въ два деревянные шкафа, приставленные къ южной стѣнѣ комнаты.

Тюремная канцелярія, продолговатая, сажени три съ половиной длины, двѣ ширины, комната съ облупившимися, давно небѣленными стѣнами, закоптѣлымъ потолкомъ, грязнымъ поломъ, съ потрескавшейся по всѣмъ швамъ печкой-голландкой, съ четырьмя окнами безъ рѣшетокъ, казалась нехозяйственной, похожей на склепъ. Кромѣ небольшой деревянной иконы въ переднемъ углу, „табелей, инструкцій, положеній о довольствіи, объ урокахъ, распредѣленіи по работамъ“ за подписями завѣдующаго каторгой, прибитыхъ гвоздиками по стѣнамъ,—другихъ украшеній не имѣлось.

Отдѣльной комнаты „для господъ смотрителей“ не было: длинный, деревянный столъ, покрытый сѣрымъ сукномъ, въ чернильныхъ пятнахъ, приставленный къ окну восточной стороны, былъ предназначенъ для смотрительской работы, которая по канцеляріи ограничивалась бѣглымъ просмотромъ бумагъ, вѣдомостей, ежедневныхъ табелей и подписаніемъ ихъ. По существовавшимъ „инструкціямъ“, главнѣйшее вниманіе гг. смотрителей каторжныхъ тюремъ обращалось на дѣйствительную работу каторжныхъ, согласно урочнымъ положеніямъ, на выполненіе назначенныхъ уроковъ, исполненіе тюремныхъ

правилъ, наблюденіе за чистотой тюремныхъ помѣщеній, доброкачественностью пищи и т. д.,—что давало полную возможность сваливать отчетную письменную работу, „отписки“ по запросамъ управленія каторгой, на писарей изъ каторжныхъ, преимущественно изъ разряда „исправляющихся“, имѣвшихъ право жительства внѣ тюрьмы. Въ очень нерѣдкихъ случаяхъ, писарями состояли и кандальные, съ бритыми головами, подъ присмотромъ конвойнаго съ ружьемъ, который назначался въ этихъ случаяхъ сверхъ положенія, „по знакомству и пріятельству съ сотеннымъ командиромъ“.

Было часовъ 11 утра сентябрьскаго дня 1872 года; небо еще наканунѣ заволокло тучами, мелкій дождь, съ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, моросилъ непрерывно и, какъ туманомъ, закрывалъ тюремныя зданія, казарму, зданіе канцеляріи, стоявшіе внѣ тюремной ограды въ одной линіи съ казачьей казармой. Отпотѣвшія окна канцеляріи слезились потокомъ капель съ внутренней и наружной стороны; въ канцеляріи полумракъ и тяжелая, затхлая атмосфера. Суетившіеся за бумагами писаря, въ сѣрыхъ суконныхъ курткахъ и такихъ же шароварахъ, съ довольно длинными на головахъ волосами, при поверхностномъ взглядѣ, казались „построенными на одну колодку“,—блѣдно-сѣрыя, сухощавыя, бородатыя и безбородыя лица съ отпечаткомъ „каторжнаго положенія“, пришибленности, боязливости, затаенной ненависти и злобы... Во время усерднаго писанія „табелей“, „положеній“, „раскомандированіи“, они всѣ пригибали головы къ лѣвому плечу и въ присутствіи начальства не громко сморкались въ полы и рукава куртокъ.

— Торопись, пріятели, торопись! Самъ явится скоро... Какъ бы кому не перепало на калачи!—проговорилъ писарь Кудлатовъ, пожилой, молчаливо серьезный человѣкъ, аккуратно складывая въ синія обложки подшитыя бумаги:—Что-то ужъ очень онъ ласковъ сегодня, не къ добру, пожалуй!—и онъ подозрительно взглянулъ на закрытыя входныя двери.

— Э-эхъ, братъ! И надоѣла же каторжная канцелярія хуже „баланды“, прахъ побери ихъ съ бумагами... Пятый годъ гну шею безвыходно, глаза слѣпнутъ,—а какой толкъ? Брань, побѣгушки; съ утра до вечера въ канцеляріи сиди, съ зуботычиной въ придачу... Одиннадцатый годъ на Карѣ, еще около двухъ до срока остается!.. Хотя бы манифестъ!..—тоскливо проговорилъ надтреснутымъ голосомъ чернявый, рябой писарь смотрителя богадѣльни, тщательно подшивая бумаги, перегрызая зубами нитку по окончаніи подшивки: Скука, братцы мои, эта каторга! Тоска невылазная...

— Не печалься, другъ, сегодня весело будетъ! Самъ знаешь, чтó Варькѣ Башмаковой назначено... Эхъ-ма! доплясалась ба-

бенка... Не одинъ я разъ ей говаривалъ: „Смотри, Варвара! сдавай уркй, исполняй, дѣвка, положеніе!“ По родству, по дружбѣ говорилъ... „Не серди тигру лютую, осердится Ласковый, тогда не прогнѣвайся“...

— Что-жъ она?

— Варька-то? „Мнѣ, говоритъ, наплевать: до смерти, чай, не забьетъ, а забьетъ—туда и дорога! Изъ тюрьмы по крайности освобожусь; опостылѣло, говоритъ, все, въ пору руки на себя накладывать“...

— Правду и говоритъ: каторжное бабье положеніе—радоваться нечему; насъ изводятъ, а ихъ въ три раза, съ издѣвкой, охальствомъ... Кто позоветъ, тотъ и довольствуется; угождай всякому. Третёводни слышалъ, что было? Евтюгинъ-сотникъ, смотритель складовъ, трехъ сразу вытребовалъ... Водкой поилъ, наливкой; компанія у него собралась: офицеры, чиновники... Всѣхъ трехъ бабъ до нага раздѣли, плясать заставили, сами съ ними плясали... Хохоту что было! Ванька Рыжой, что у Евтюгина живетъ, сказывалъ: „Я, говоритъ, сквозь щель, въ двери все видѣлъ... Одной на голову два стакана водки вылили: „не пьешь, сволочь, такъ на же — вымойся!“ Послѣ этого пить зачала, что ни поднесутъ... Нашъ Ласковый въ углу сидѣлъ возлѣ столика, глазъ, говоритъ, не спускалъ съ плясуновъ, только ухмылялся... Водки не пилъ вовсе, а всю ночь просидѣлъ: слюна, говорятъ, текла ручьемъ, что у верблюда при жвачкѣ.

— Н-н-да-а! весело было... Насъ не пригласили въ компанію...—И писаря засмѣялись...

Смѣясь и перебрасываясь пикантными разсказами, они неустанно работали руками, создавая груды подшитыхъ дѣлъ, номеръ къ номеру, дѣло къ дѣлу, соображаясь съ числомъ полученія бумаги, обозначеннымъ рукою смотрителя.

— Отворить форточку да покурить, что ли? Во рту пересохло отъ чернильныхъ пятенъ...

— Осторожнѣй, Ефимъ! Долженъ придти скоро, двѣнадцать подходитъ... Придетъ, закричитъ, какъ прошлый разъ:— „опять накурили; дохнуть нельзя... Мерза-а-а-вцы-ы! — протянулъ чернявый, подражая голосу смотрителя: — разсукины сы-н-ы-ы!“ —Всѣ сдержанно засмѣялись, чутко прислушиваясь...

— Ну, и мастеръ! Искусникъ! Ей-Богу, не распознаешь: закрой глаза, страшно сдѣлается, будто самого слышишь...

— Ой, ребята, когда-нибудь попадетесь! Слушать у дверей онъ большой охотникъ, какъ кошка крадется: сапоги сниметъ, босикомъ подойдетъ...

— Придетъ время, свернутъ и ему голову: найдется

охотникъ... дайте срокъ! —проговорилъ полушепотомъ Кудлатовъ, и лицо его перекосилось.

Въ корридорѣ послышались торопливые шаги.

— Тс-съ! тс-съ!—пронесся шепотъ по канцеляріи, и всѣ восемь человѣкъ замерли на своихъ табуретахъ.

Входная дверь широко распахнулась. Писаря, какъ по командѣ, вскочили на ноги.

Вошелъ высокій, сухощавый, на длинныхъ ногахъ человѣкъ, въ черномъ форменномъ, съ желтыми пуговицами, сюртукѣ. Скуластое, безбородое и безусое лицо съ ввалившимися щеками, низкимъ лбомъ, довольно длинными, гладко причесанными, темно-русыми волосами, съ проборомъ у лѣваго уха, напоминало лицо скопца. Въ узкихъ щеляхъ вѣкъ неопредѣленнаго цвѣта глаза, съ желтоватыми бѣлками, бѣгали, какъ мыши; зорко, съ одного взгляда, отъ пола до потолка, осмотрѣли канцелярію, перебѣжали по стѣнамъ, шкафамъ, столамъ съ бумагами, по вытянувшимся въ струнку фигурамъ писарей. Тупыя, безъ мысли, лица стоявшихъ были схвачены взглядомъ каждое въ отдѣльности, вплоть до нервнаго подергиванія губъ у крайняго; замѣчено состояніе куртокъ, до застежекъ включительно... Присѣдающая походка, длинныя, сухощавыя руки и пальцы, болтавшіеся, какъ на манекенѣ, съ несоразмѣрнымъ туловищемъ, напоминали павіана, идущаго на заднихъ рукахъ. Онъ широко размахивалъ руками, проходя десять шаговъ отъ двери до стола, держа голову прямо, не поворачивая въ сторону на длинной тонкой шеѣ: бѣгали и замѣчали все до мелочей одни, казавшіеся подслѣповатыми, глаза... Тонкія, безкровныя губы были плотно сжаты; небольшой плоскій носъ, съ широкими ноздрями, съ перехватомъ на переносицѣ, выдавшіяся скулы, большія торчащія уши выдавали преобладаніе монгольско-бурятской крови.

Вошедшему было не болѣе тридцати пяти лѣтъ; это и былъ смотритель складовъ и богадѣльни, канцелярскій служитель Николай Александровичъ Шарабаринъ, переименованный въ это званіе десять лѣтъ назадъ изъ фельдшеровъ одного изъ каторжныхъ лазаретовъ, существовавшихъ на нерчинскихъ рудникахъ, въ которыхъ спеціально фельдшерской наукѣ обучались „на практикѣ“.

Шарабаринъ усѣлся на стулъ у смотрительскаго стола, мазнулъ пальцемъ правой руки по столу, оглядѣлъ внимательно палецъ, понюхалъ его, потеръ снова всей ладонью по столу, повернулъ немного въ сторону голову и долго, внимательно осматривалъ стоявшихъ писарей.

— Подать живѣе бумаги для подписи!—проговорилъ онъ негромкимъ, тенорово-гнусавымъ голосомъ: — тѣ, что прика-

залъ вчера приготовить... Поворачиваться живо! Позвать сейчасъ приставника,—понялъ?—съ хрипотой выкрикнулъ онъ.—А вы тамъ садитесь, чего дубинами вытянулись?

Семеро усѣлись, а чернявый быстро вышелъ изъ канцеляріи.

Передъ Шарабаринымъ на столѣ появилась кипа исписанной бумаги разныхъ форматовъ, отъ четверти листа до громадныхъ, длинныхъ склеенныхъ листовъ особой формы, разграфленныхъ въ клѣточки, для отмѣтки ежедневныхъ каторжныхъ уроковъ.—Смотритель взялъ перо въ руку, осмотрѣлъ его внимательно, обмакнулъ въ чернильницу, снова осмотрѣлъ и началъ торопливо подписывать бумаги, подаваемыя ему однимъ изъ писарей, стоявшимъ съ лѣвой стороны. Подписывая бумагу, Шарабаринъ слѣдилъ лишь за тѣмъ,—стоятъ-ли на листахъ подписи его помощника и тюремнаго приставника: при наличности этихъ подписей, онъ подписывалъ, не читая. Стоявшій писарь быстро отнималъ подписанную бумагу, сыпалъ изъ песочницы песокъ на подпись и откладывалъ въ сторону.

— „Объ успѣшности работъ карійскихъ цеховъ“, „О заготовленіи чирковъ, бродней, рубахъ, портокъ, юбокъ, женскихъ рубахъ, капоровъ“, „Объ успѣхахъ производства кожевеннаго завода“, „О присланныхъ изъ областного правленія подкандальникахъ, кандалахъ“,—читалъ не громко смотритель написанное съ боку бумаги краткое содержаніе, бормоталъ скороговоркой, подписывая и не оканчивая при этомъ своей фамиліи.

— Розги въ готовности?—бросилъ онъ мимоходомъ вопросъ, не обращаясь ни къ кому въ частности, не поднимая головы, не измѣняя позы.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! — громко проговорилъ одинъ изъ писарей, быстро вскакивая съ табурета на ноги. При возгласѣ: „ваше высокоблагородіе“ Шарабаринъ приподнялъ голову, въ полуоборотъ повернулъ ее къ отвѣчавшему и сказалъ громо:—Садись! — Писарь сѣлъ, а Шарабаринъ съ минуту наблюдалъ его лицо, перебѣгая глазами по губамъ, глазамъ, по всей его скорчившейся фигуркѣ, и снова принялся подписывать бумаги.

Въ канцелярію торопливо вошелъ приземистый, лѣтъ шестидесяти-пяти, коренастый старикъ, съ бритымъ подбородкомъ и усами, морщинистымъ лицомъ и слезящимися глазами. Длинныя его бакенбарды торчали въ ровень съ ушами. Лысая голова была своеобразна: передняя часть, до темени, покрыта волосами, задняя до затылка голая, какъ ладонь... Каторга его называла „Затылочной плѣшью“, „Пургой“, а то и просто „Магарычемъ“. Магарычъ, добрый въ душѣ чело-

вѣкъ, самъ прошедшій разгильдѣевскую „науку въ примѣненіи къ себѣ и другимъ“, былъ беззаботно-исполнительный, суетливый крикунъ, сбивавшій съ толку себя и другихъ при исполненіи начальственныхъ предписаній и распоряженій. Владѣлецъ небольшого деревяннаго домика въ Усть-Карѣ, канцелярскій служитель по чинопроизводству, самъ другъ со старухой, онъ цѣпко держался тюремной должности приставника, дававшей ему пропитаніе на старости лѣтъ. Всякое распоряженіе „Управленія каторгой“, тюремнаго смотрителя, своего непосредственнаго начальника, полиціймейстера старикъ принималъ къ исполненію, какъ святыню, но въ самыхъ исполненіяхъ кривилъ душою, и тѣлесное, напр., наказаніе старался ослабить до послѣдней возможности, замѣняя его бранью, крикомъ до хрипоты, угрожающими наскакиваніями и т. п.

— Говорилъ я тебѣ, анафемской породѣ, варничьи твои глаза съ перцомъ? Не слушалъ! Отдувайся шкурой, Магарычъ не при чемъ! Вотъ предписаніе, видишь?.. Двѣсти розогъ за вторичное уклоненіе отъ работъ... Мало тебѣ, подлецу! Я бы пятьсотъ назначилъ, тысячу! двѣ тысячи! узналъ бы ты Магарыча... узналъ бы, ра-ка-а-а-лія!—Потный отъ криковъ и напряженія голоса, Магарычъ плевалъ на полъ, растиралъ плевокъ ногою и... уходилъ съ мѣста предстоявшаго наказанія.

— Глаза бы мои тебя не видали, уши не слышали каторжной породы!—бормоталъ старикъ, уходя подальше: — Да и времени нѣтъ заниматься съ вами!

Каторга понимала Магарыча, любила по своему старика и оберегала.

— Пѣтухъ—не пѣтухъ, а на Магарыча смахиваетъ: до хрипоты надсаждается... Тоже, братъ, чиновникъ горегорькій: въ нашей шкурѣ бывывалъ... Не обиждай его ребята!

— Торопился, торопился, Николай Александровичъ, по вашему приказанію: одышка захватила! — скороговоркой, шамкая, заговорилъ Магарычъ, лишь только переступилъ порогъ канцеляріи, и, быстро семеня ногами, подошелъ къ смотрительскому столу:—Знаю, впередъ знаю, для чего приказали придти... Варьку Башмакову поучить за ослушаніе, за недоработку... Слѣдуетъ ума-разума прибавить, поучить строптивую... Прикажите—мигомъ исполню, у меня съ вечера все готово... Надо, необходимо надо, въ примѣръ другимъ... Избаловались бабы на даровыхъ хлѣбахъ, избаловались... Вся каторга избаловалась, Николай Александровичъ! Строгости не стало: богадѣльщики и тѣ изъ послушанія выходятъ! Прикажите наказать Башмакову—сейчасъ пойду, исполню... Вамъ и безпокоиться самимъ изъ-за дряни не стоитъ!—говорилъ

скороговоркой старикъ Магарычъ, какъ сорока, подпрыгивая, топчась на одномъ мѣстѣ, жестикулируя руками и вмѣстѣ зорко слѣдя за выраженіемъ лица Шарабарина, подписывавшаго одну бумагу за другою.

— Наказать Башмакову я рѣшилъ самъ, дѣдъ!—съ удареніемъ на каждомъ словѣ, не поднимаясь со стула и не поворачивая головы, сказалъ смотритель,—а ты иди, приготовь необходимое,—понялъ? Зайди къ командиру сотни, Ивану Михайловичу, отъ моего имени попроси четырехъ надежныхъ казаковъ въ нарядъ, на законномъ основаніи чтобы все было—понялъ? Хе, хе, хе!—захихикалъ онъ вдругъ, ладонью объ ладонь потирая свои руки.—Распорядись, старина, поживѣе; дѣла я свои покончилъ, время свободное, свидѣтелей особыхъ не нужно, дѣло, такъ сказать, семейное, по уставу и закону... Законовъ нарушать, дѣдъ, нельзя! Воспрещается, дѣдъ, воспрещается... Отошло время беззаконій, отошло, и слава Царю Небесному, дѣдушка Магарычъ, слава Создателю! Иди съ Богомъ, старина, исполняй приказаніе!—проговорилъ ласково Шарабаринъ, взглянувъ на образъ, висѣвшій въ переднемъ углу.

— Сейчасъ, сейчасъ однимъ духомъ будетъ готово, Николай Александровичъ, — поучить слѣдуетъ... Это вѣрно... правильно... Я исполнилъ бы, зачѣмъ утруждать? — упавшимъ голосомъ говорилъ Макарычъ, бокомъ, въ полуоборотъ, подвигаясь къ дверямъ, присѣдая на своихъ старческихъ ногахъ, а въ головѣ его мелькало: „доигралась, дѣвка! Пронеси тучу морокомъ!..“

Шарабаринъ молчалъ, перебирая лежавшія на столѣ бумаги. Писаря, какъ автоматы, работали перьями, наклонивъ головы надъ бумагой. Идіотски-тупо было выраженіе лицъ, каждый чувствовалъ грозу, могущую разразиться надъ головою „по спопутвости“ съ Башмаковой.

Шарабаринъ сидѣлъ неподвижно и сосредоточенно упрямо смотрѣлъ на поверхность стола; въ его груди кипѣла злоба на бабу, посмѣвшую не исполнить его приказаній, отдававшихся троекратно, въ присутствіи сорока ея товарокъ-„каторжанокъ“, въ присутствіи конвойныхъ казаковъ, бывшихъ также свидѣтелями отдававшихся приказаній.

„Каторжная дрянь, потаскушка смѣетъ не исполнять моихъ приказаній, не слушаться меня, представителя власти, закона,—своихъ писарей стыдно!“—пронеслось у него въ головѣ, и онъ исподлобья оглядывалъ работавшихъ писарей, и кипѣвшая въ немъ злоба на бабу мгновенно перенеслась на нихъ.

— Чего голову гнешь къ плечу, какъ пристяжная?—

крикнулъ онъ:—Эй ты, тебѣ говорю, сволочь! Сиди прямо, не выгибайся, рядомъ съ Башмаковой полежать хочешь?..

Чернявый дрогнулъ, какъ человѣкъ, получившій ударъ по шеѣ, вытянулся въ струнку на табуретѣ, а рука его машинально продолжала водить перомъ по бумагѣ.

— Издѣваться, сволочи, вздумали, я вамъ покажу! Погодите, погодите, голубчики! Доберусь до васъ, скоренько доберусь, не безпокойтесь... Заставлю Богу молиться, Христу поклониться и всѣмъ Его угодникамъ... Бога забыли, властямъ установленнымъ не повинуетесь?..

Шарабаринъ, очевидно, раздражалъ себя, взвинчивалъ своими собственными словами... Кончившій фельдшерскую школу „съ протекціей отца“, безсмѣнно тридцать лѣтъ служившаго конюхомъ у горныхъ начальниковъ, перемѣнившихся за это продолжительное время,—Шарабаринъ-сынъ скоро постигъ потребности времени и, какъ исполнительный, толковый, расторопный человѣкъ, попалъ въ надсмотрщики за каторжными разрѣзными работами, т. е. двадцати трехъ лѣтнимъ парнемъ уже командовалъ по усмотрѣнію нѣсколькими сотнями людей, законныя жалобы которыхъ оставлялись безъ вниманія, какія бы беззаконія, обиды, истязанія ни чинились надъ ними! Слабохарактерный, угодливый къ выше стоящимъ въ служебномъ рангѣ, тщеславно-самолюбивый, испытавшій униженіе въ фельдшерской учебѣ и попавшій за „услуги“ въ служебный рангъ,—онъ, можетъ быть, и кончилъ бы свою карьеру, не отличаясь ничѣмъ особеннымъ отъ своихъ сослуживцевъ, если бы въ его присутствіи при земляныхъ работахъ не былъ убитъ ударомъ каторжнаго лома по головѣ, среди бѣлаго дня, смотритель тюрьмы Сосунцовъ. Убійство начальника, среди бѣлаго дня, въ кругу сотенъ людей, до того поразило Шарабарина, до того, какъ говорится, „вышибло изъ ума“, что, не очень храбрый отъ рожденія человѣкъ, онъ сдѣлался съ тѣхъ поръ величайшимъ трусомъ... Каждый выходъ съ которгой на работы былъ для него настоящей пыткой; онъ никогда не былъ спокоенъ, онъ боялся за каждый часъ, за каждую минуту своей жизни... Самолюбивый, жадный до денегъ и женскихъ прелестей, онъ хотя иногда и „валандался“ съ каторжанками, но время, проведенное съ ними наединѣ, ничего кромѣ злобы и ненависти въ душѣ его не оставляло.—„Убьетъ, отравитъ, соннаго задушитъ, проклятая!“ Эта мысль объ опасности для жизни была съ нимъ неразлучна. Черезъ шесть лѣтъ службы надсмотрщикомъ, исполнительность, усугубленіе распоряженій, собственная изобрѣтательность въ усугубленіи, безъ нарушенія, впрочемъ, прямой буквы закона, были замѣчены: его назначили смотрителемъ тюрьмы, съ переименова-

ніемъ въ „канцелярскіе служители“. Превратившись сразу въ безконтрольнаго распорядителя сотенъ безправныхъ людей, онъ въ глубинѣ души по-прежнему боялся ихъ и свою трусость вымещалъ на нихъ систематически тѣлесными наказаніями, вкладывая въ эти наказанія всю ту затаенную ненависть къ людямъ, которыхъ боялся.

Въ трусости своей, онъ искалъ поддержки у Бога, у святыхъ, но вѣра эта перемѣшивалась въ его душѣ съ вѣрой въ могущество нечистой силы и бурятскихъ шамановъ, о которыхъ онъ слышалъ въ дѣтствѣ, на берегахъ Аргуни, окруженный близкимъ сосѣдствомъ бурятъ, тунгусовъ и монголовъ. Обращаясь къ Богу за „спасеніемъ отъ напасти“, „сохраненіемъ живота своего“, онъ, на всякій случай, не забывалъ и бурятскихъ бурхановъ:—„ктознаетъ, который изъ нихъ главный...“ Шарабаринъ былъ женатъ, но отношенія свои къ каторгѣ перенесъ и на собственную семью, т. е. и въ семьѣ являлся такимъ же подозрительнымъ палачемъ и мучителемъ окружающихъ. Случалось, онъ подавалъ милостыню голому калѣкѣ, богадѣльщику, подавалъ копѣйку, калачъ, кусокъ сахару, щепотку чая, но руководила имъ не жалость къ калѣкѣ, а та же трусость, гнѣздившаяся въ его душѣ: „другимъ передастъ, скажетъ, не звѣрь смотритель, Бога помнитъ, несчастныхъ жалѣетъ,—авось, и меня пожалѣютъ!“

При встрѣчахъ, объясненіяхъ съ выше себя стоящими въ служебномъ рангѣ, въ особенности съ тѣми, отъ которыхъ зависѣлъ непосредственно, Шарабаринъ сразу мѣнялся до неузнаваемости: становился весь—вниманіе, готовность, признательность. Его высокая, сухопарая скопческая фигура съеживалась, уменьшалась какъ бы въ ростѣ; ротъ закрывался плотно, глаза радостно и возбужденно впивались въ грудь начальника, руки безпомощно висѣли по швамъ, и вся фигура представляла умиленіе, готовность претерпѣть... Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ,—умиленный, растроганный..

Всѣ чиновники-сослуживцы втихомолку дивились и завидовали дѣйствительно замѣчательной способности Шарабарина приспособляться и, служа безъ году недѣлю смотрителемъ, скопить добрый десятокъ тысячъ въ банкѣ. Чтобы понять этотъ секретъ, надо было посмотрѣть на Шарабарина и полковника Маркова, когда начиналась годовая кройка штановъ, рубахъ, шароваръ, юбокъ, бродней, чирковъ и прочей каторжной „лопоти“. Десятки тысячъ рублей лежали тутъ подъ руками, и глаза такъ и горѣли, такъ и разбѣгались, въ страхѣ ошибиться въ разсчетахъ, забыть себя... Самъ завѣдующій каторгой наѣзжалъ. Запрутся въ комнатѣ смотрителя среди горъ сукна, холста, кожевеннаго товара; человѣкъ десятокъ портныхъ, сапожниковъ, бритоголовыхъ

кандальниковъ тутъ же стоятъ, ухмыляясь про себя.. Закройщики подобраны народъ надежный: рожи серьезныя, съ перваго слова начальство понимаютъ... Самъ полковникъ, вмѣстѣ съ Шарабаринымъ, разстелютъ сукно или холстину по полу и ползаютъ, ломая голову, какъ бы выкроить, урѣзать, натянуть, клинышки гдѣ нужно вставить, вершкомъ или четвертью укоротить, обузить арестантскіе штаны, куртку, бабью юбку...

— Вотъ этотъ кусочекъ ластовкой можетъ быть, а изъ этого выйдетъ клинышекъ... Этотъ на воротникъ или гашникъ къ штанамъ пригодится...

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе,—годится! Все въ дѣло пойдетъ... Понимаемъ, ваше высокоблагородіе!

Накроятъ, нашьютъ такимъ „хозяйственнымъ" способомъ, раздадутъ по тюрьмамъ, а черезъ мѣсяцъ вся каторга голая ходитъ: одежда полопалась, потрескалась, изорвалась, виситъ на всѣхъ клочьями... Розогъ сколько изведетъ смотритель: десятаго по порядку поретъ, а то и всю тюрьму поголовно за небрежное обращеніе съ казеннымъ добромъ: горнаго березняка не жалѣютъ...

Топотъ ногъ въ сѣняхъ канцеляріи заставилъ Шарабарина поднять опущенную голову; онъ слегка повернулся къ дверямъ, выпрямился на стулѣ и нервно забарабанилъ пальцами по столу: писаря, за дѣлами, ниже нагнули свои головы. Дверь растворилась: вошли, другъ за другомъ, четыре казака, въ сѣрыхъ форменныхъ шинеляхъ, подпоясанныхъ форменными черными кожаными ремнями, всѣ четверо выравнялись влѣво отъ входной двери, и старшій проговорилъ безстрастнымъ голосомъ:

— По требованію вашего высокоблагородія, имѣемъ честь явиться: сотенный приказалъ!..

— Да, да, да... такъ, такъ... знаю, знаю...—забормоталъ скороговоркой Шарабаринъ.—Просилъ я вчера: нужны вы, ребята,—постарайтесь! Да что васъ много, братики, явилось?.. Я просилъ двухъ...

— Не могимъ знать, ваше благородіе! Приказано четверыхъ въ нарядѣ...

— Хорошо, хорошо... Спасибо сотенному... Лишніе люди не помѣшаютъ, пригодятся... Увижу сотеннаго, поблагодарю, самъ поблагодарю... Ты за старшаго, голубчикъ?

— Такъ точно, ваше благородіе!..

— Подождите минуточку, сейчасъ, сейчасъ...

—Рады стараться, ваше благородіе!—крикнули разомъ всѣ четверо представителей каторжной охраны, выстроившись вдоль стѣны, и замерли на мѣстѣ. Взгляды ихъ апатично, безучастно осматривали стѣны, висѣвшія въ рамкахъ „та-

бели“, сидѣвшихъ за столами писарей, фигуру вытянувшагося на сидѣньи смотрителя.

Постоянныя, ежедневныя столкновенія съ каторгой, твердое памятованіе своего военнаго права „убить“ каторжника при малѣйшей попыткѣ его къ побѣгу или сопротивленію, безконечно-монотонная, отвѣтственная служба въ конвоѣ почти безъ отдыха,— все это въ совокупности создавало въ нижнемъ чинѣ равнодушно-тупое отношеніе къ исполненію всякаго поручаемаго дѣла, до обязанности палача включительно. Палачъ въ каторгѣ былъ одинъ, и спеціальностью его было лишь наказаніе плетьми, до розогъ же ему не было дѣла; да онъ одинъ и не могъ бы выполнить всѣ тѣлесныя экзекуціи на тридцати-верстномъ расположеніи каторги: розги примѣнялись, по крайней мѣрѣ, въ сто разъ чаще, чѣмъ битье плетью. Поручать наказанія розгами каторжнымъ палачамъ администрація къ тому же не любила изъ опасенія „фальши“ и „потачки“: конвой казался ей надежнѣе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онъ былъ смертельнымъ врагомъ каторги, доставлявшей ему рядъ безпокойствъ и непріятностей, вплоть до суда и дисциплинарныхъ ротъ. И, дѣйствительно, въ разсчетахъ своихъ администрація не ошибалась. Сотенные командиры никогда не интересовались знать, для какой надобности требовался тюремнымъ начальствомъ „народъ“: были бы только на лицо „форменныя записки“ за подписью смотрителя тюрьмы, какъ оправдательный документъ для отчетности „расхода людей“ въ служебныя сутки. Случалось даже нерѣдко, что субалтернъ-офицеры сами являлись въ качествѣ „постороннихъ зрителей“ при расправахъ ихъ „наряда“ съ арестантами, въ особенности съ женскимъ поломъ, попадавшимъ подъ административную кару.

— Скука, хоть давись! Водки выпить не на что, а тамъ хоть развлечешься: любопытные случаются пассажи... Иная вьюномъ вьется, не смотря что за голову и за ноги казаки держатъ... Хоть фотографію снимай, ей-Богу, правда!—говаривали развлекавшіеся отъ „смертной скуки“ офицеры каторжнаго конвоя...

— Өедоровъ, — громко сказалъ Шарабаринъ, повернувъ голову въ сторону писарей,—принеси пучковъ десятокъ розгачей для своей „любови,“ да смотри, — прибавилъ онъ, повышая голосъ, — выбирай покомлистѣй, чтобы въ рукахъ играли, чтобы не сконфузились служаки—хе, хе, хе!.. Не пеняй потомъ на меня, голубчикъ!—И онъ новымъ ехиднымъ смѣхомъ проводилъ выходившаго Өедорова.

Послышались за дверью торопливые шаги, и вошелъ Магарычъ, запыхавшійся, вспотѣвшій, ведя за руку молодую, лѣтъ тридцати, женщину, въ сѣрой поношенной арестантской

юбкѣ, въ неопредѣленнаго цвѣта накидкѣ на плечахъ, въ кожаныхъ желтыхъ чиркахъ на босыхъ ногахъ, съ краснымъ платочкомъ на головѣ, завязаннымъ узломъ подъ подбородкомъ. Она растерянно оглядывала комнату канцеляріи, немного упираясь ногами о деревянный полъ; руки были плотно сложены ладонями на животѣ. Смуглое, продолговатое, красивое лицо, съ румянцемъ на щекахъ, было неспокойно, тонкія губы плотно сжаты, глаза тревожно перебѣгали съ одного предмета на другой, и лицевыя мышцы подергивались изрѣдка судорожными сокращеніями. Космы черныхъ волосъ выбивались изъ-подъ краснаго платочка, покрывавшаго голову; глубоко ввалившіеся сѣрые глаза выражали не столько испугъ, сколько тупое, безнадежное состояніе умирающаго человѣка...

— Здравствуй! здравствуй, милая, здравствуй, красоточка!—ласково спокойнымъ голосомъ заговорилъ Шарабаринъ, не поднимаясь съ мѣста:—давно не видались... Привелъ Господь встрѣтиться, привелъ... Радъ, очень радъ... Помнишь, я обѣщалъ тебѣ, не одинъ разъ обѣщалъ... навѣрно, помнишь? Забыть нельзя, мамочка, навѣрное помнишь: третьяго дня обѣщалъ, когда не окончила заданнаго урока...

Арестантка стояла, блѣдная, съ опущенной на грудь головой; изъ глазъ ея текли слезы...

— Испугалась, милая? Не бойся, не бойся, голубушка: народъ здѣсь собрался добрый, хорошій народъ, исполнительный; зла тебѣ не сдѣлаютъ,—немного только уму-разуму поучатъ, на путь истинный наставятъ... Мы Бога помнимъ, Варварушка, какъ тебя по батюшкѣ-то величаютъ? Извини, голубушка, забылъ твое отчество, прости на этотъ разъ... Говорилъ я тебѣ, много разъ говаривалъ:—ай, Варвара, ай, дѣвонька, слушайся начальства, исполняй приказанія, работай исправно заданный урокъ... Не я, законъ, законъ требуетъ работы, мамочка, не я, смотритель и попечитель вашъ... Законъ черезъ меня дѣйствуетъ, силу свою проявляетъ, строптивыхъ наказуетъ отечески... Я что изъ себя изображаю, какъ ты думаешь, милая моя? Исполнителя, исполнителя святого закона и больше ничего... Власти у меня нѣтъ надъ вами, у меня нѣтъ ея помимо закона,—нѣтъ у меня власти, милочка моя, Варварушка!..

Шарабаринъ остановился на минуту, оглядѣлъ исподлобья, не поднимая головы, своихъ слушателей, потомъ взбросилъ глаза къ потолку, отвелъ въ лѣвую сторону, и въ полный оборотъ повернулъ голову къ стоявшей передъ нимъ въ двухъ шагахъ Варварѣ. Та стояла, придерживаемая за лѣвый рукавъ Магарычемъ и широкораскрытыми глазами смотрѣла на смотрителя; ей стало ясно, зачѣмъ ее вытре-

бовали въ канцелярію. Съ трудомъ переводя дыханіе, упавшимъ, слезливымъ голосомъ она заговорила:

— Ваше благородіе, простите! Я работала по силѣ... сколько могла, другіе не больше меня работали, всѣ одинаково работу отдаютъ... Ребята у меня на рукахъ, двое ребятишекъ со мною въ тюрьмѣ, за ними уходъ требуется... Простите, ваше благородіе, смилуйтесь ради ребятъ моихъ малыхъ!—слезы текли по ея щекамъ, голосъ срывался, и, въ волненіи, она упала на колѣни.

— Ты не плачь, Варвара, не плачь, зачѣмъ надрываться? Тебя не рѣзать привели, не душить: жизнь твоя при тебѣ останется; мнѣ твоей жизни не нужно, законъ ее охраняетъ, святой законъ охраняетъ жизнь человѣка... Жизнь отъ Бога, отъ Вседержителя-Творца дана намъ, она неприкосновенна... Законъ ее охраняетъ, милая моя, законъ, для всѣхъ равный: для каторги, для казаковъ и для насъ, вашихъ попечителей... Ребята, говоришь, у тебя, твои дѣтки малыя? Двое ихъ, говоришь? Ребятъ я тебѣ не дѣлалъ, милая, твой грѣхъ, ты и неси его безропотно, терпѣливо неси, милая; ребята твои, по твоей охотѣ нажиты, для своего удовольствія; мы ихъ отъ тебя не беремъ, не бойся, голубушка, законъ святой и дѣтокъ твоихъ охраняетъ, пусть подростаютъ на доброе здоровье, а я въ этомъ дѣлѣ не при чемъ, ты и сама знаешь про это... Находились бычки помимо меня: красавицей ты слывешь, красавицей... А я здѣсь не при чемъ... Законъ поставилъ меня наблюдать за вами и исполнять въ точности его велѣнія... Ложись-ка на полъ, ложись съ Богомъ! Не бойся, милая, не съѣдятъ тебя, и дѣтки твои живы будутъ,— ложись! Вотъ и розочки Өедоровъ принесъ, позаботился о тебѣ милъ твой человѣкъ... Знаю я, знаю: онъ на тебя глаза таращитъ; на тебя всѣ глаза таращатъ: пѣвунья ты, веселая, хорошо пѣсни поешь... Слыхалъ я, слыхалъ, хотя и не поблизости: голосъ звонкій, хорошій голосъ, сейчасъ мы послушаемъ поближе... Ложись, не стѣсняйся; народъ здѣсь свой, крещеный народъ, православный...

Өедорова, при упоминаніи его фамиліи, передернуло съ ногъ до головы,—точно кто неожиданно ударилъ его по шеѣ; онъ вытянулся въ струнку у табурета, такъ какъ, войдя съ розгами и бросивъ ихъ у двери, онъ не получилъ разрѣшенія „садись“.—Четверо казаковъ стояли смирно, нога къ ногѣ, носокъ къ носку, и всѣ въ упоръ смотрѣли въ противоположную стѣну. Только старшій раза два пошевелилъ губами, закидывая ихъ одна на другую, но, какъ бы опомнившись, быстро привелъ ихъ въ спокойное состояніе; остальные трое неловко передернули плечами и упорно разсматривали намѣченную на стѣнѣ точку.

Шарабаринъ долго тянулъ свою ласково-успокоительную „канитель“. Слова его жужжали въ ушахъ, притупляя сознаніе слушателей, наводя смертельную истому, а дождь хлесталъ со двора въ канцелярскія окна, усиливая полумракъ, стоявшій въ комнатѣ.

Съ сопротивлявшейся Варварой казаки справились скоро: одинъ держалъ ее за голову, другой за ноги; двое зажали въ руки по пучку розогъ и стали по обѣимъ сторонамъ растянутой на полу оголенной женщины.

— Ну-у-у! Ну-у-у!—затянулъ Шарабаринъ, вставая на ноги и подходя къ лежавшей, — улеглась, дѣвонька? Хорошо, очень хорошо... Давно бы такъ! Поразжирѣла, поразжирѣла на казенныхъ хлѣбахъ, ничего не дѣлаючи, попѣвая пѣсенки; дѣтки тебя дожидаются, Господь съ ними! Пусть подождутъ, не убьемъ тебя... Видишь, какая ты бѣлая да румяная; любо-дорого посмотрѣть.. Замужъ можно выдать; любого мужа обласкаешь... Полежи, милая, полежи... Сейчасъ, живехонько окончимъ, и ступай себѣ со Христомъ, съ Господомъ Богомъ на свое мѣсто, къ деткамъ роднымъ... Я препятствовать не буду... Много васъ у меня въ тюрьмѣ сидитъ, не одна сотня мокроносыхъ, гдѣ со всѣми справиться?.. Я одинъ, а васъ много, живого въ могилу вгоните...

Мертвая тишина въ канцеляріи, неестественныя позы четырехъ казаковъ,—двухъ сидѣвшихъ и двухъ стоявшихъ съ розгами въ рукахъ,—вытянутыя, блѣдныя лица писарей, самъ Магарычъ, то и дѣло обтиравшій потное лицо вынутымъ изъ кармана платкомъ и упорно, не мигая, глядѣвшій на говорившаго начальника,—такая картина не забывается...

— Ра-а-а-зъ! Два-а-а-а!—громко, протяжно скомандовалъ смотритель.

Раздались два удара по тѣлу, дикій, рѣзкій завывающій крикъ... На тѣлѣ появились двѣ красныя полосы...

— Погодите, братики, погодите!..—крикнулъ торопливо смотритель. Казаки остановились и глупо-удивленными глазами смотрѣли на командовавшаго, близко подошедшаго Шарабарина.

— Вотъ видишь, мамочка: послушалась бы сразу, ждать не заставляла, по доброй волѣ своей легла бы на полъ, не ломалась бы, не плакала, Бога въ свидѣтели не призывала да дѣтокъ своихъ малыхъ,—я бы почаще приказалъ наказывать, скорехонько бы и покончили... Сама виновата, голубушка моя! Такъ всегда въ жизни бываетъ, ты это запомни, Варвара!.. Больно тебѣ сейчасъ?.. То-то же... Говорилъ я тебѣ, не одинъ разъ говаривалъ отечески: шей исправно, отдавай казенный урокъ! Не пля-я-ш-и-и, не пой пѣсенокъ, не нарушай порядковъ въ тюрьмѣ, другихъ не

отвлекай отъ работы, своихъ товарокъ не сбивай съ толку, на добрыхъ молодцовъ не заглядывайся, въ непотребство не впадай... А ты все хи, хи, хи! да хе, хе, хе! Вотъ и похихикай сейчасъ, здоровѣе будешь... Прибавьте, молодцы, да покрѣпче, покрѣпче, какъ женокъ своихъ обучаете, когда провинятся... Три-и-и! Четы-ы-ре-е-е!

— Погодите, братики, отдохните минутку, ни мнѣ, ни вамъ не къ спѣху. Всякое дѣло слѣдуетъ дѣлать, не торопясь: „поспѣшишь—людей насмѣшишь", торопливость пригодна бабамъ блохъ ловить,—наша блоха не ускачетъ, свое заслуженное получитъ... Дѣло требовалось, не мое личное, казенное дѣло, за которое я отвѣтствую передъ Богомъ и начальниками!.. Д-д-а-а, милая, шутокъ съ тобой не шутилось... Прибавьте, братики, добавьте—покрѣпче, покрѣпче, чтобы помнила Варенька наша!..

— Пя-я-ть! Ше-е-есть! Слушайте мою команду... съ растяжечкой, съ растяжечкой... во-о-о-тъ та-а-а къ! Во-о-о-тъ та-а-а-къ! Погодите, погодите; зачѣмъ спѣшить? У васъ свои начальники, у меня свои, всякій изъ насъ долженъ слушаться одинаково... Васъ прислали въ мое распоряженіе, подъ мою команду, вы меня и слушайтесь, какъ своего командира: дисциплина того требуетъ, законъ святой... Торопиться некуда; пожалуюсь командиру, васъ накажутъ, вамъ же худо будетъ... Мы по-любовному, по-любовному, безъ ссоры; не хочу я ссориться съ вами,—зачѣмъ жалобы? Такъ-то, братики мои! А ты, Варенька, кричи, громче кричи, крики при наказаніяхъ закономъ не возбраняются... Се-е-е-мь! во-о-о-с-е-е-мь! де-е-е-в-я-я-ть! де-е-е-с-я-я-ть! Та-акъ, т-а-а-къ, добре, братики! въ перекрестъ ее, въ перекрестъ: розочку къ розочкѣ, вензелями... Отдохните минуточку, отдохните, ничего что заливается, захлебывается, ей же самой на доброе здоровье!..

Вся эта гнусная процедура „ласки" и скопческаго смиренія подгибала у присутствующихъ колѣни, наводила на всѣхъ тоску, ужасъ... Всѣ тяжело дышали, обливаясь холоднымъ потомъ, впадая въ какое-то идіотское состояніе...

Послѣ двадцатаго удара Варвара лежала, какъ мертвая: кровь ручьями текла на полъ изъ избитыхъ, точно прорѣзанныхъ бритвой наружныхъ покрововъ тѣла, пачкая полъ, разсыпаясь кругомъ мельчайшими брызгами съ поднимавшихся и опускавшихся внизъ розогъ, попадая на лица стоявшихъ, обрызгивая стѣны, казенныя бумаги на столахъ...

— Вылить холодной воды ведеръ пять, сейчасъ очнется... Пустяки! Холодная водичка поможетъ, медицина учитъ этому, наука...

Вылили одно ведро, два, три; полъ канцеляріи былъ залитъ

на палецъ толщиною... Варвара, дѣйствительно, очнулась, усѣлась на мокрый полъ и, какъ безумная, безсмысленно ворочала головой во всѣ стороны; мокрые волосы растрепались, висѣли клочьями по плечамъ; упираясь руками о мокрый полъ, она тщетно силилась подняться на ноги.

— Очнулась, мамочка? Вотъ и хорошо, отлично, превосходно... Теперь ужъ недолго.. Сейчасъ всю операцію покончимъ... Растяните-ка ее, братики!

Растянули снова на мокромъ полу, лицомъ въ воду, и безъ передышки дали недостававшіе до сотни восемьдесятъ ударовъ.

— Заковать на двѣ недѣли въ ручныя кандалы! Въ карцерѣ выдержать недѣлю на хлѣбѣ и водѣ!—закончилъ Шарабаринъ, обращаясь къ Магарычу.—А тамъ посмотримъ, что изъ сего выйдетъ...

В. К—въ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Жизнь моя мнѣ кажется порою
Книгой сказокъ скучныхъ и безцвѣтныхъ,
Отъ которыхъ вѣетъ не весною,
Не тепломъ и свѣтомъ грёзъ завѣтныхъ,
А сырой темницы полумглою...
Но порой мнѣ грезится, что въ скучной
Книгѣ есть свободная страница,—
Что тяжелыхъ сказокъ вереница
Стережетъ покой ея докучный,
А она печально ждетъ поэта,
Ждетъ поэмъ и сотканныхъ изъ свѣта,
Полныхъ солнца, ласки и привѣта
Пѣсенъ радужныхъ о знойныхъ чарахъ лѣта...

Пѣсенъ тѣхъ, что́ пѣла встарь Жаръ-Птица
О любви,—ждетъ чистая страница!

II.

Что ни ночь, мнѣ снится степь родная,
Гдѣ гуляетъ вѣтеръ на просторѣ,
Гдѣ поетъ онъ пѣсни, колыхая
Ковыля серебряное море.
Снится мнѣ и гордый тополь стройный,
Весь облитый знойными лучами,
И забытый темный и спокойный
Старый садъ съ узорными кустами.
Что ни ночь—мнѣ снится голубое
Дальней родины ликующее небо,
Снится въ небѣ солнце золотое
Надъ воллнами зрѣющаго хлѣба.
И надъ степью хищный ястребенокъ
Чуть паритъ, согрѣтый солнца лаской...
Что ни ночь—я плачу, какъ ребенокъ,
Какъ дитя, обманутое сказкой!

III.

Мы попутнаго вѣтра дождались!..
Вѣдь не даромъ вчера надъ водой
Такъ тревожно и низко слетались
Буревѣстники стаей сѣдой.
И не даромъ, ихъ говору вторя,
Вся мятежной отваги полна,
Безконечнаго гордаго моря
Говорила о чемъ-то волна...
А сегодня поутру смѣялись,
Загораясь огнемъ, небеса...
Мы попутнаго вѣтра дождались,—
Другъ! смѣлѣе крѣпи паруса!

IV.

Ахъ, не плачь, мой чуткій другъ, не сѣтуй
Объ орлахъ, погибшихъ на стремнинахъ,
О крылахъ изломанныхъ орлиныхъ,
О сердцахъ, разбитыхъ въ жаждѣ свѣта.

Взявъ отъ жизни счастье и сомнѣнья,
И тепло, и шумныхъ грозъ раскаты,
И борьбой, и радостью богаты,
Не боятся сильные забвенья!
И на трупахъ братьевъ, павшихъ въ битвѣ,
Возстаютъ такихъ же сильныхъ рати
И идутъ, съ отвагою во взглядѣ,
Позабывъ о пѣсняхъ и молитвѣ!
Да, не плачь, мой чуткій другъ, не сѣтуй
Объ орлахъ, погибшихъ на стремнинахъ!—

О не спѣтыхъ пѣсняхъ соловьиныхъ,
О цвѣтахъ, увядшихъ до расцвѣта,
О сердцахъ, не знавшихъ жажды свѣта,
Скучныхъ дняхъ безъ солнца и привѣта—
Пожалѣй, мой милый, и посѣтуй!

Ада Чумаченко.

ЛЮДОѢДЫ.

Разсказъ.

X.

Недѣли черезъ двѣ послѣ именинъ, когда m-me Тулупьева прилегла послѣ обѣда на кушеткѣ въ гостиной, къ ней съ мрачнымъ видомъ вошла Зинаида.

— Померла Настенька-то...—объявила она.

M-me Тулупьева тихонько вскрикнула и схватила со столика носовой платокъ.

— Такъ безъ памяти и померла...—продолжала Зинаида.— Докторъ говоритъ, воспаленіе мозговъ было. Страсть мучилась... все время безъ передыху кричала. Теперь въ мертвецкой лежитъ. Обрили ее... узнать нельзя! Синяя, да страшная...

— Ну, довольно, довольно!—перебила ее m-me Тулупьева съ болѣзненной гримасой...—Какая у тебя привычка всегда непріятности дѣлать...

— Да какія же непріятности?—угрюмо возразила Зинаида:— Я только доложить... Какія ваши распоряженія будутъ. Хоронить надо.

— Хорошо, хорошо... Ахъ, бѣдная, бѣдная!..—M-me Тулупьева приложила платокъ къ глазамъ, потомъ порылась въ плюшевой сумочкѣ и подала Зинаидѣ скомканную бумажку.—Вотъ возьми... Сдѣлайте все, что нужно... Какъ слѣдуетъ. И, пожалуйста, Тотошѣ ничего этого не разсказывай! Она нервная... заболѣть даже можетъ!

— Слушаю-съ!—сказала Зинаида и вышла, оставивъ m-me Тулупьеву, совершенно разстроенную и въ слезахъ.

Смерть сиротки произвела на всѣхъ въ домѣ сильное впечатлѣніе. Дѣвчонка Настя, которую при жизни каждый считалъ своимъ долгомъ угостить подзатыльникомъ, вдругъ пріобрѣла особую значительность и сдѣлалась предметомъ безконечныхъ разговоровъ въ кухнѣ. Вспоминали ея проказы и шалости; говорили о ея привычкахъ, какъ она говорила,

какъ ходила, что любила. Кучеръ Андрей, здоровенный мужикъ съ бородищей во всю грудь, объявилъ, что онъ до смерти боится спать въ кухнѣ, и перекочевалъ въ дворницкую сторожку, куда, по его мнѣнію, странствующая по мытарствамъ душа покойницы не могла придти. Поваръ въ день похоронъ устроилъ поминки, напекъ блиновъ, напился пьянъ, переколотилъ множество посуды и, въ заключеніе, произвелъ такой дебошъ, что его для вытрезвленія пришлось отправить въ участокъ. Но больше всѣхъ смерть Настеньки поразила Зинаиду. Она ничего не говорила и съ своимъ обычно-суровымъ видомъ дѣлала обычныя дѣла, но образъ маленькой, забитой дѣвчонки неотступно стоялъ въ ея душѣ, возбуждая тоскливо-ѣдкія угрызенія совѣсти. Какъ живая, представлялась ей Настенька съ своей стриженной, косматой головой, съ вѣчно испуганными глазами, въ плохенькомъ платьицѣ изъ дешеваго линючаго ситца, въ стоптанныхъ Тотошиныхъ башмакахъ, которые она всегда донашивала. Новыхъ ей никогда не покупали, находя, что „живетъ и такъ", и Настя на это не жаловалась, хотя Зинаида и замѣчала, что ноги у нея часто стерты до крови неудобной обувью. Никто особенно ея не любилъ, всѣ ею помыкали, и въ припадкѣ жгучаго раскаянія Зинаидѣ казалось, что она сама, собственными руками, помогала столкнуть дѣвочку въ могилу. Зинаида вспоминала, какъ она упрекала Настю за то, что та много ѣстъ; вспоминала, какъ однажды дѣвочка утащила у нея палочку шоколаду, и за это она больно оттаскала ее за волосы; но самымъ мучительнымъ воспоминаніемъ было то, что въ день Настиной болѣзни Зинаида за какую-то неловкость ударила дѣвочку по лицу кулакомъ, и отъ этого у нея изъ носу и изъ десенъ пошла кровь. Тогда ей даже жалко стало Настеньку, и послѣ имениннаго обѣда она принесла ей кусокъ орѣховаго торта. Но, должно быть, у Насти уже начиналась болѣзнь, потому что она отнеслась къ торту равнодушно, и Зинаида нашла потомъ этотъ тортъ въ тряпьѣ, на которомъ спала Настя.

„Извели дѣвчонку"! думала Зинаида и днемъ, и ночью. „Несмыслёная была... ребенокъ... а спрашивали, какъ съ большой. Много ли ей нужно было?.. Кусочекъ сахарку, бывало, кинешь, а она и рада"...

И тоска грызла Зинаиду. Ей вдругъ опротивѣло все это барское добро, которое она стерегла, какъ цѣпной песъ, изъ-за которого грызлась со всѣми, жадничала и не спала по ночамъ, отравляя жизнь себѣ и другимъ. Были минуты, когда ей хотѣлось пойти къ барынѣ, отдать ключи и просить, чтобы ее „уволили". Но сила привычки—великая сила, и она продолжала машинально исполнять свои обязанности, хотя

и безъ прежняго собачьяго усердія. Повидимому, все въ домѣ шло по заведенному порядку, а между тѣмъ, чувствовалось, что какая-то пружина ослабѣла. Шкафы часто оставались незапертыми; лавочные счета не провѣрялись по цѣлымъ недѣлямъ, въ кухнѣ не слышно было обычныхъ пререканій съ поваромъ изъ-за припасовъ; всего отпускалось въ волю, а не въ обрѣзъ. Поваръ удивлялся и чаще прежняго позволялъ себѣ освѣжаться мерзавчикомъ.

— Что это, вѣдьма-то наша, должно быть, въ святыя захотѣла!—говорилъ онъ:—Мягкая стала, словно масломъ обмазана, хочешь ее на теркѣ три, хочешь—черезъ сито просѣвай. Удивительное дѣло!

— Смотри, не сглазь!—предостерегалъ кучеръ и троекратно сплевывалъ черезъ плечо, чтобы не подслушалъ врагъ рода человѣческаго.

На „сорочины"—въ сороковой день послѣ Настиной смерти, Зинаида обрядилась во все черное и отправилась на кладбище отслужить на могилкѣ панихиду. День былъ солнечный съ легкимъ морозцемъ, но природа была уже проникнута предчувствіемъ близкой весны. Синева небесъ была налита тепломъ и свѣтомъ; стволы и вѣтви деревьевъ казались сочными и упругими; отогрѣвшіеся воробьи чирикали и возились особенно жизнерадостно. На кладбищѣ было тихо, бѣло и чисто, и убранныя сверкающимъ, пухлымъ снѣгомъ могилки смотрѣли свѣжо и нарядно. Панихиду служили молодой кладбищенскій батюшка съ молодымъ же псаломщикомъ, и ихъ молодые голоса трогательно и красиво звучали среди кладбищенской тишины, обѣщая миръ и покой настрадавшейся душѣ маленькой Настеньки. Съ красными отъ слезъ глазами, но успокоенная и умиленная вернулась Зинаида домой. На душѣ у нея было свѣтло и мирно, какъ на кладбищѣ, и она думала, что Настя все ей простила теперь, что *тамъ* ей гораздо лучше. Послѣ солнечнаго блеска, послѣ нѣжной бѣлизны снѣга на тихихъ могилахъ, Тулупьевскій домъ показался ей тѣснымъ и мрачнымъ. Жизнь здѣсь текла обычнымъ порядкомъ и нисколько не соотвѣтствовала торжественному настроенію, которое принесла съ собою Зинаида. Въ кухнѣ поваръ рубилъ котлеты и чертыхался; въ столовой пахло жаренымъ кофе и подгорѣлыми сливками. Это напомнило Зинаидѣ, что пора готовить столъ къ завтраку, и она вышла въ буфетную. Здѣсь никого не было.

— Стеша! Стеша!—позвала Зинаида, заглядывая въ переднюю.

У Вадички въ комнатѣ что-то загремѣло, и оттуда съ разгорѣвшимися щеками выскочила Стеша, чуть не сбивъ съ ногъ Зинаиду.

— Ахъ, Зинаида Петровна!—воскликнула она, виляя глазами во всѣ стороны.—Что это вы такъ рано вернулись?

Зинаида подозрительно посмотрѣла на ея пылающія щеки.

— На столъ надо собирать, вотъ что!—сказала она угрюмо.— А здѣсь тебѣ дѣлать нечего... чего ты тутъ дѣлаешь?

— Чего я дѣлаю? Ничего не дѣлаю! Комнаты убирала...

— Смотри, дѣвка!

— Нечего смотрѣть-то!—дерзко отвѣчала Стеша и, гремя юбками, убѣжала.

Зинаида покачала головой... Грызущій червякъ тоски снова заворочался въ ея сердцѣ. Вспомнилась ей чистенькая могилка Насти, укрытая бѣлымъ снѣгомъ... Синій кадильный дымокъ вьется надъ нею; тихо мерцаютъ свѣчи, обливаясь горячими восковыми слезами; грустно звучатъ слова милитвы: „Господи, прости ей прегрѣшенія, вольныя и невольныя!..“ И Зинаидѣ захотѣлось опять уйти туда... совсѣмъ.

Вечеромъ, раздѣвая барыню, она сказала:

— Стара я стала, сударыня, за всѣмъ не догляжу. Кабы у насъ въ домѣ бѣды не вышло.

— Ты вѣчно съ непріятностями!—простонала m-me Тулупьева.—Что такое? Какая бѣда?

— Да вы не извольте безпокоиться. Про Степаниду я говорю. Дѣвчонка она молодая, разумъ-то у ней совсѣмъ ребячій... А давеча, гляжу, она изъ Вадичкиной комнаты выскочила. Мнѣ за всѣмъ не углядѣть.

M-me Тулупьева смутилась, покраснѣла и разсердилась.

— Ахъ, Боже мой, что же, мнѣ прикажешь за ней глядѣть? Она не маленькая... Ты, Зинаида, совсѣмъ изъ ума выжила.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сударыня,—вымолвила Зинаида и ушла. Но m-me Тулупьева была опять разстроена и долго не могла заснуть, томимая разными непріятными мыслями, отъ которыхъ у нея даже голова разболѣлась. Она не любила ничего рѣзкаго, грубаго, черезчуръ житейскаго и даже думать боялась о нѣкоторыхъ вопросахъ, стараясь обойти ихъ какъ-нибудь сторонкой, если жизнь ставила ихъ передъ нею черезчуръ прямо. Какъ заботливая мать, она все сдѣлала для Вадички, и вдругъ Зинаида, глупая старуха, является къ ней съ какими-то предостереженіями и заставляетъ ее думать Богъ знаетъ о какихъ вещахъ. „Сумасшедшая, совсѣмъ сумасшедшая!“ думала m-me Тулупьева, ворочаясь на постели: „Ну, что же я сдѣлаю, когда это неизбѣжно? Не бѣгать же мнѣ за всѣми дѣвчонками, которыя понравятся Вадичкѣ? Не одна, такъ другая... Рано или поздно это должно случиться, что же дѣлать бѣдной матери? Ахъ, какъ трудно

воспитывать дѣтей!..“ На этой послѣдней мысли она успокоилась и заснула съ сознаніемъ исполненнаго долга.

Однако, на другой день она съ особенно пристальнымъ вниманіемъ и съ оттѣнкомъ нѣкоторой брезгливости присмотрѣлась къ Стешѣ и Вадичкѣ и нашла въ нихъ какую-то перемѣну. Вадичка сталъ вести себя еще самоувѣреннѣе и поразилъ m-me Тулупьеву сходствомъ съ своимъ отцомъ въ манерѣ держать себя, говорить и даже ѣсть. Онъ такъ же, какъ покойный Тулупьевъ, нетерпѣливо стучалъ ножомъ по тарелкѣ, когда долго не подавали кушанья, такъ же авторитетно говорилъ, не выслушивая чужихъ возраженій, и такъ же пренебрежительно морщился, если ему что-нибудь не нравилось. Раньше m-me Тулупьева какъ-то не замѣчала этого сходства, и теперь даже немножко испугалась, вспомнивъ свою жизнь съ Тулупьевымъ. „Такой же будетъ... деспотъ и бинвиванъ!“ со вздохомъ подумала она, переводя глаза на Стешу. И въ Стешѣ тоже появилось что-то новое, чего не было прежде. Застѣнчивость и неловкость совершенно исчезли; она какъ-то противно вертѣла задомъ на ходу и вообще пріобрѣла жеманно-развязныя манеры. M-me Тулупьева съ отвращеніемъ глядѣла на ея круглое лицо, сдѣлавшееся вульгарнымъ отъ модной прически, и ей даже обидно стало за Вадичку. Это было ужасно: давно ли самъ Вадичка называлъ эту дѣвчонку „морденціей“, а теперь... „Ахъ, дѣти, дѣти, какъ трудно васъ воспитывать!“ съ горечью думала опять m-me Тулупьева.

А Стеша ничего не думала и бѣгала къ Вадичкѣ по ночамъ, какъ кошка на крышу. Она была влюблена совершенно серьезно, и Вадичка сдѣлался для нея центромъ міра. Ей нравилась въ немъ даже его грубость, и когда онъ, пресыщенный ея рабской преданностью, говорилъ ей: „ну, пошла вонъ, убирайся!“—она съ счастливомъ лицомъ цѣловала ему руки и шептала: „миленькій, хорошенькій!“ Въ то время, какъ Вадичка стыдился своей связи со Стешей и скрывалъ ее даже отъ товарищей, Стеша гордилась тѣмъ, что барчукъ удостоилъ ее своей любви, и готова была кричать объ этомъ на весь свѣтъ. Иногда она позволяла себѣ такъ дерзко фамильярничать съ Вадичкой, что Вадичка конфузился, краснѣлъ и злился.

— Ты, пожалуйста, при другихъ ко мнѣ не лѣзь!—говорилъ онъ ей наединѣ.—Что еще за глупости... пристаетъ, когда ее не просятъ!

Стеша боялась, когда Вадичка сердился, и робѣла.

— Да вѣдь больно я васъ люблю!—оправдывалась она.

— Вотъ еще, нѣжности телячьи!—ворчалъ Вадичка.—Туда

же: „люблю"! Дурица! Очень мнѣ нужна твоя любовь, если ты при всѣхъ будешь ко мнѣ на шею вѣшаться!

Стеша плакала и обѣщала, что больше не будетъ „лѣзть", но скоро забывала свои обѣщанія и опять дѣлала какой-нибудь промахъ. Однажды она до того забылась, что, снимая съ Вадички пальто въ передней, поцѣловала Вадичку, а въ столовой въ это время Зинаида накрывала на столъ. Вадичка разсвирѣпѣлъ и такъ толкнулъ отъ себя Стешу, что она ударилась щекой о косякъ двери и цѣлую недѣлю ходила съ синякомъ.

— Отчего это у тебя пятно на щекѣ?—допытывалась за обѣдомъ любопытная Тотоша.

Вадичка угрюмо покосился на Стешу и усиленно началъ хлебать супъ.

— А это я, барышня, съ лѣстницы нынче упала!—бойко отвѣчала Стеша.—Ступеньки больно скользкія... надо пескомъ посыпать!

Вадичка вздохнулъ съ облегченіемъ. Дура—дура, а сумѣла вывернуться... и, въ благодорность за находчивость, Вадичка подарилъ Стешѣ двугривенный. Былъ и еще случай, когда Стеша выручила Вадичку изъ затруднительнаго положенія. Дѣло происходило тоже за обѣдомъ. Стеша разносила кушанья. Когда она наклонилась къ Тотошѣ, дѣвочка потянула носикомъ воздухъ и спросила:

— Стеша, отчего это отъ тебя пахнетъ Вадичкиными духами?

Вадичка поперхнулся; m-me Тулупьева нахмурилась и покраснѣла, но Стеша опять нашлась.

— Вадимъ Григорьичъ нынче цѣлый пузырь пролили!—сказала она:—А я у нихъ въ комнатѣ полы затирала...

„Это невозможно!" думала m-me Тулупьева. „Слава Богу еще, что Тотоша ребенокъ и ничего не понимаетъ! Надо ее поскорѣе отвезти въ институтъ. Какіе ужасные люди эти мальчики!"

Тотоша, дѣйствительно, становилась опасна своей наблюдательностю. Она давно уже замѣтила въ Стешѣ перемѣну, и это ей не нравилось. Не нравилось, что Стеша стала причесываться по модному и носить крахмальныя юбки, которыя шуршали на весь домъ; не нравилось, что она вмѣсто „что" говорила теперь „чиво-съ?"—не нравилось даже Стешино лицо, странно измѣнившееся, постарѣвшее, какъ будто совсѣмъ незнакомое. Нахмуривъ брови, задумчиво оттопыривъ нижнюю губку, Тотоша часто всматривалась въ это лицо и не узнавала прежней добродушной Стеши съ ея громкимъ хохотомъ, съ неловкими движеніями и смѣшными гримасами. Что-то безпокойное, дерзко-вызывающее смѣнило прежнюю наивно-кукольную улыбку Стеши, и Тотоша, смутно чувствуя, что

съ Стешей произошло что-то нехорошее, стыдное, сердилась и рѣзко высказывала ей свое неудовольствіе.

— Ты гадкая стала, гадкая!—говорила она.—Я тебя теперь не люблю... Совсѣмъ не люблю... Слышишь?

— Чиво-съ?—равнодушно спрашивала Стеша.

Это противное слово окончательно выводило Тотошу изъ терпѣнія. Она раздражалась, топала ногами и кричала:

— Не смѣй говорить—„чиво-съ!“ Это гадко, я этого слышать не могу! Противная!.. И зачѣмъ ты себѣ напустила какія-то собачьи уши? Ты думаешь, это хорошо, а это вовсе нехорошо, и ты знаешь, на кого похожа? На дворняжку! Вотъ тебѣ!

Въ прежнія милыя времена Стеша очень огорчилась бы, даже всплакнула бы немножко, и потомъ все кончилось бы миромъ, но теперь было не то. Стеша, въ отвѣтъ на Тотошины слова, дерзко смѣялась и уходила, а Тотоша тихонько плакала, и ревнивая досада на то, что у Стеши завелись какія-то свои дѣла, что Стеша больше ея не любитъ, грызла самолюбивое сердце дѣвочки.

Онѣ совсѣмъ перестали играть въ жмурки и въ другія шумныя игры, а если иногда Стеша и соглашалась немножко побѣгать по залѣ, то дѣлала это безъ всякаго увлеченія, скоро уставала и торопилась уйти, отговариваясь все тѣми же таинственными „своими дѣлами“, которыхъ Тотоша не понимала, и оттого чувствовала къ нимъ отвращеніе.

— У тебя и прежде были дѣла, а ты всетаки играла со мной,—ворчала она на Стешу:—Отчего теперь не играешь? Отчего не смѣешься больше?

— Ахъ, барышня, не вѣкъ же смѣяться!—жеманничая, отвѣчала Стеша.—Я, небось, не маленькая! Это вамъ только и дѣловъ, что бѣгать да играть, а съ меня взыскиваютъ. Некогда мнѣ такими глупостями заниматься.

— Ну, и не надо, не надо...—шептала оскорбленная Тотоша и, едва сдерживая слезы, уходила отъ Стеши.

Наконецъ, она объявила однажды m-me Тулупьевой:

— Знаешь, мамочка, мнѣ Стеша разонравилась. Она противная.

— Почему?—спросила m-me Тулупьева съ тайнымъ безпокойствомъ.

— Да потому, что она такая же горничная, какъ и всѣ.

— Ахъ, Боже мой, конечно!—съ облегченіемъ воскликнула m-me Тулупьева:—Всѣ горничныя, мой другъ, одинаковыя, и я прошу тебя, Тото, будь отъ нихъ подальше. Онѣ такія грубыя, непріятныя...

Тотоша подумала немножко и прибавила:

— А вѣдь она прежде не такая была... Мамочка, отчего это?

Но мамочка не сочла нужнымъ отвѣчать на этотъ щекотливый вопросъ.

XI.

Скоро и сама Стеша начала замѣчать, что она уже „не такая“, и что въ ней происходитъ что-то новое, странное и страшное...

Случилось это ночью, на первой недѣлѣ великаго поста. За нѣсколько дней передъ этимъ Стеша чувствовала недомоганіе, но приписывала это усталости и праздничной сутолокѣ. Всю масляницу у Тулупьевыхъ были гости, блины, чаи и кофеи, и Стешѣ пришлось много бѣгать и хлопотать по хозяйству, потому что Зинаида теперь почти ни во что не вмѣшивалась и ограничивалась только указаніями, сколько чего взять и какую посуду подать. И вотъ, въ самый разгаръ хозяйственныхъ хлопотъ у Стеши такъ закружилась голова, что она чуть было не уронила на полъ дорогой китайскій сервизъ, которымъ m-me Тулупьева очень гордилась. Стеша насилу удержалась на ногахъ и долго не могла придти въ себя. Сначала она подумала, что угорѣла въ кухнѣ, но дурнота, головокруженіе и какая-то отвратительная тоска въ сердцѣ стали повторяться все чаще и чаще Стеша не могла ничего ѣсть, все ей опротивѣло, и съ самаго ранняго утра она нетерпѣливо ждала ночи, чтобы скорѣе раздѣться, лечь въ постель и спать, спать безъ конца. Во снѣ ей было хорошо.

Такъ спала она и въ эту ночь. И вдругъ какой-то ужасъ, огромный, темный, холодный ужасъ вошелъ ей въ грудь, сжалъ сердце острыми клещами и заставилъ проснуться. Ничего не понимая, въ безумномъ и безсмысленномъ страхѣ, Стеша вскочила и закричала. И ей почудилось, что и мракъ ночной закричалъ вмѣстѣ съ нею, навалился на нее со всѣхъ сторонъ и вырвалъ изъ нея душу.

Стешинъ крикъ разбудилъ Зинаиду. Бормоча спросонья молитвы, испуганная старуха надѣла туфли, зажгла ночникъ и вышла въ гардеробную, гдѣ за шкафомъ, на сундукѣ, спала Стеша.

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его... Съ нами сила крестная... Степанида, чего ты орешь, полоумная?

Стеша дико смотрѣла на тощую бѣлую фигуру, маячившую передъ нею въ красновато-тускломъ свѣтѣ ночника, и продолжала кричать тѣмъ страшнымъ крикомъ, какимъ кричатъ испуганныя животныя.

— Степанида, Степанида, да что это ты, матушка моя, а?

Аль что приснилось? На, водицы испей... Съ нами сила крестная! Постой, я тебя спрысну. Да перекрестись, перекрестись, дура!

Шлепая туфлями, Зинаида ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, поила Стешу водой, крестила ее, брызгала и въ перемежку съ молитвами ворчала и бранилась. Стеша уже не кричала, но вся тряслась и тихо, протяжно стонала, качаясь изъ стороны въ сторону, точно у нея болѣли зубы.

— Ну, что? Отошло?

— Ничего... отошло...—прошептала Стеша.

— Ну, вотъ. Какъ вѣдь кричала-то, чисто ее рѣжутъ. Я ужъ думала, весь домъ сбѣжится. Страшный сонъ, что ли, видѣла?

— Не знаю... страшно что-й-то, Зинаида Петровна. Ой, страшно!—вымолвила Стеша и заплакала.

— А ты молись. На ночь-то молишься? Небось, такъ, не молясь, и дрыхнешь, только бы до подушки дорваться. Читай за мной молитву: „ангеле Христовъ, хранителю мой святый... елика согрѣшихъ во днешній день“...

Стеша, всхлипывая, повторяла за ней слова молитвы. Зинаида еще разъ перекрестила Стешу и сказала:

— Ну, ложись теперь, спи. Ничего не будетъ.

Она ушла, унося съ собою красный огонекъ, и мертвая, густая тьма снова окружила Стешу. Стеша натянула на себя одѣяло и зажмурила глаза, чтобы не видѣть этого мрака, но онъ и сквозь закрытыя вѣки глядѣлъ ей въ глаза, прыгалъ и кривлялся, распадаясь на тысячу безобразныхъ ртовъ, и беззвучно хохоталъ и шепталъ что-то у нея надъ ухомъ. И, словно отвѣчая на этотъ невнятный смѣхъ и шепотъ, то, что было въ Стешѣ, радостно взыграло и больно толкнуло ее въ сердце.

Вся въ холодномъ поту, съ онѣмѣвшими руками и ногами, Стеша поднялась на постели и... поняла, что это былъ не страшный сонъ, не навожденіе, отъ котораго можно спастись молитвой, что это было въ ней, и всегда будетъ въ ней, и никуда отъ этого нельзя уйти!

— Господи, что же мнѣ дѣлать? Пропала я, совсѣмъ пропала... Миленькіе мои, хорошенькіе, что же мнѣ теперь дѣлать?—безсмысленно шептала Стеша.

Въ ближней церкви ударили къ заутренѣ, и тишина робко повторила тягучій звукъ колокола. Казалось, кто-то важный и печальный тихо вошелъ въ комнату и сказалъ: „бдите, бдите, ибо не знаете ни дня, ни часа“... Дрожа и плача, Стеша машинально перекрестилась. Этотъ рыдающій въ темнотѣ великопостный звонъ колокола напомнилъ ей недавнюю жизнь въ пріютѣ, когда она была такою же, какъ

всѣ, веселой, беззаботной дѣвочкой, не знавшей ужаса грѣха и тайны. Ей вспомнилось, какъ онѣ любили вставать въ потемкахъ, чтобы не опоздать къ заутренѣ, и какъ имъ нравилось молиться въ холодной полуосвѣщенной церкви. Жидкіе голоса священника и дьячка звучали таинственно въ глубокихъ сводахъ купола, гдѣ, казалось, рѣяли какія-то строгія тѣни въ длинныхъ темныхъ одеждахъ, съ тусклымъ сіяніемъ вокругъ безстрастныхъ, неземныхъ лицъ. Было жутко и хорошо, и хотѣлось быть такою же строгой и безгрѣшной, какъ эти величавые призраки святыхъ, и казалось, что душа очищается отъ всѣхъ мелкихъ житейскихъ грѣховъ. А потомъ какъ весело было съ иззябшими руками и ногами возвращаться въ пріютскую столовую и торопливо пить остывшій чай съ кусками черстваго ржаного хлѣба! И въ такіе дни не было обычныхъ ссоръ и споровъ изъ-за пустяковъ; дѣвочки затихали и старались быть кроткими, услужливыми и послушными, и даже сердитыя надзирательницы ходили съ просвѣтлѣвшими лицами, говорили тихо, смотрѣли добродушно.

„Господи, Господи, прости меня!" прошептала Стеша, торопливо и безпорядочно крестясь: „Что я надѣлала? Что я надѣлала? И какъ мнѣ теперь быть?.."

Потомъ она вспомнила почему-то вѣчно беременную пріютскую прачку: и какъ онѣ смѣялись надъ нею и надъ ея большимъ, безобразнымъ животомъ, на которомъ платье всегда лоснилось отъ грязи и сала. Этотъ животъ возбуждалъ въ дѣвочкахъ нехорошее любопытство, и часто онѣ между собою говорили о тайнахъ беременности и рожденія, и положеніе бѣдной прачки казалось имъ позорнымъ и стыднымъ. „А я-то? Я-то?" подумала Стеша и опять заплакала. Ей чудилось, что весь свѣтъ уже знаетъ о ея грѣхѣ, и въ рѣдкихъ ударахъ колокола она слышала проклятіе и осужденіе. „Грѣшница, грѣшница!" угрюмо кричалъ колоколъ. „Грѣшница!" шепталъ холодный сумракъ, и, кривляясь, беззвучно хохотали безобразные призраки, прятавшіеся въ темныхъ углахъ.

Стало уже разсвѣтать, а Стеша все сидѣла, скорчившись, на постели и плакала. Въ комнатѣ похолодало, и руки и ноги у нея застыли. Въ домѣ была мертвая тишина; всѣ спали, и никто не зналъ, что въ гардеробной, за шкафомъ, всю эту тихую ночь лились слезы ужаса и отчаянія. „Небось, и онъ спитъ!" подумала Стеша про Вадичку и вдругъ почувствовала въ себѣ страшную злость къ нему и ко всѣмъ, кто жилъ въ этомъ домѣ. Они спали, сытые, спокойные и равнодушные, а она, одна за всѣхъ, должна мучиться, плакать и скрывать свое несчастье. „Ему-то, небось, наплевать!"

продолжала думать Стеша. „Грѣшили вмѣстѣ, а раздѣлывайся за все я! Никто не пожалѣетъ; попробуй сказать кому нибудь,—скажутъ, убирайся, да вотъ и все". Слезы высохли у нея на глазахъ отъ злости; она подобрала окоченѣвшія ноги, легла, закуталась въ одѣяло и стала холодно и спокойно обдумывать свое положеніе. Прежде всего, конечно, она никому ничего не скажетъ; будетъ все скрывать до тѣхъ поръ, пока скрывать уже станетъ нельзя. Барыню провести не трудно; она ни во что не входитъ и, пожалуй, ничего не замѣтитъ,—ей бы только было покойно, больше ничего не надо. Тотоша и Вадичка тоже не страшны. Вотъ Зинаида—это другое дѣло: глазъ у нея острый; бѣда, если замѣтитъ. Но и она теперь какая-то чудная стала: все больше молится да сидитъ, запершись, въ своей комнатѣ,—можно какъ-нибудь и отъ нея утаиться. А потомъ...

Стеша не додумала, что будетъ потомъ; отъ усталости и слезъ она вдругъ ослабѣла, и мертвый сонъ сковалъ ее по рукамъ и по ногамъ. Для Стеши начались тяжелые дни и мучительныя, страшныя ночи. Днемъ она старалась казаться такою же, какъ всегда, скрывала свое нездоровье, притворялась веселой и беззаботной, устраивала себѣ изъ волосъ модные коки, шуршала крахмальными юбками и жеманно говорила: „чиво-съ?" А ночью тихонько плакала въ подушку, прислушивалась къ тому, что было у нея внутри, и то начинала молиться и просить у Бога прощенія, то грозила кому-то кулаками и кляла себя и всѣхъ. Къ будущему своему ребенку она чувствовала страшную ненависть и по утрамъ туго перетягивала себѣ животъ полотенцемъ въ надеждѣ, что онъ задохнется. Но онъ жилъ и росъ, и теплый, мягкій, часто напоминалъ ей о себѣ легкими, нѣжными толчками, которые заставляли ее блѣднѣть отъ ужаса. „У, проклятый!" думала она и еще туже, сама чуть не задыхаясь отъ боли, стягивала животъ. Въ домѣ, повидимому, никто не замѣчалъ ея беременности, но Стеша постоянно была настороже, и каждый пристальный взглядъ бросалъ ее въ жаръ и ознобъ. Особенно ее смущалъ пьяница-поваръ. Когда она входила въ кухню, онъ такъ сощуривалъ на нее свои опухшіе отъ водки глаза, что вся кровь бросалась Стешѣ въ лицо. Съ дерзостью отчаянія Стеша попробовала его оборвать.

— Что вы на меня все щуритесь? Я вѣдь не солнышко, отъ меня не свѣтится!

Поваръ, вмѣсто отвѣта, еще больше щурилъ свои противные пьяные глаза и многозначительно свисталъ.

Идя по улицѣ и встрѣчая черезчуръ пристальные взгляды прохожихъ, Стеша ускоряла шаги и возвращалась домой

вся красная, злая, съ темными кругами въ глазахъ, съ колючимъ комкомъ въ горлѣ. „Проклятый, проклятый!“ шептала она, прислушиваясь къ толчкамъ внутри. „Хоть бы ты издохъ поскорѣе!“ А ночью плакала и кусала себѣ руки.

M-me Тулупьева послала ее какъ-то къ Цыкову переписать рецептъ. Докторъ, по обыкновенію, сидѣлъ за столомъ въ облакахъ табачнаго дыма и раскладывалъ пасьянсъ. Наскоро подписавъ сигнатурку, онъ взялся было за карты, но поглядѣлъ на Стешу, и беззубый ротъ его растянулся въ игривую усмѣшку.

— Хе-хе-хе, да мы никакъ съ чемоданчикомъ, а?—прохрипѣлъ онъ.

Стеша схватила сигнатурку и бросилась бѣжать, а докторъ хохоталъ ей вслѣдъ и декламировалъ:

„Вспомни, когда была ты невинна предъ богомъ“...

Вечеромъ Стеша пристально осмотрѣла себя въ зеркало и съ ужасомъ увидѣла, что животъ у нея сталъ, совсѣмъ какъ у пріютской прачки. На другой день она потихоньку сбѣгала въ лавки и купила корсетъ. Съ корсетомъ стало не такъ замѣтно, но за то она задыхалась въ немъ: кости, какъ ножи, впивались въ тѣло, отъ боли темнѣло въ глазахъ. Когда она раздѣлась на ночь, ей показалось, что кожа у нея сдѣлалась какъ деревянная, и внутри былъ холодъ и странное молчаніе. Съ дикою радостью она приложила руку къ животу.

— Умеръ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, живъ!—отвѣтили ей тотчасъ же радостно и сильно. Это горячее біеніе жизни привело Стешу въ бѣшенство. Ей захотѣлось что-нибудь сдѣлать надъ собой,—выброситься изъ окна, выпить какого-нибудь яду, изрѣзать животъ, только бы уничтожить, вытравить, убить въ себѣ этотъ отвратительный живой комокъ, который пилъ ея кровь, мѣшалъ ей жить и каждую минуту напоминалъ ей о грѣхѣ и позорѣ...

Но она боялась, и на утро, затянутая въ корсетъ, улыбающаяся, съ красными пятнами на щекахъ, выходила изъ гардеробной, убирала комнаты, подавала на столъ, бѣгала въ кухню и отшучивалась, когда кучеръ или дворникъ дѣлали ей комплименты. Все, какъ будто, было по прежнему, и только одна ночь видѣла и знала настоящую Стешу.

Вадичка тоже ничего не подозрѣвалъ,—ему было не до Стеши. Онъ былъ озабоченъ: приближались экзамены, а латынь у него сильно хромала и за третью четверть онъ получилъ двойку. Предусмотрительный директоръ гимназіи, чрезвычайно заботливо относившійся къ успѣхамъ богатень-

кихъ учениковъ вѣжливо предупредилъ объ этомъ „многоуважаемую“ г-жу Тулупьеву и посовѣтывалъ пригласить репетитора. M-me Тулупьева встревожилась, поѣхала къ директору посовѣтоваться и возвратилась утѣшенная: г. директоръ былъ такъ добръ, что указалъ даже, какой репетиторъ можетъ уладить дѣло. Вадичка сначала было заартачился и объявилъ, что ему „начхать“ на латынь, да и на гимназію тоже, но потомъ смирился и со скрежетомъ зубовнымъ началъ каждый день ходить заниматься къ рекомендованному репетитору, который, по странной случайности, приходился роднымъ племянникомъ учителя латинскаго языка. Возвращался онъ оттуда очень поздно, усталый и раздраженный, запирался въ своей комнатѣ на ключъ и никого къ себѣ не пускалъ. Въ первое время Стеша даже рада была этому и сама избѣгала свиданій съ Вадичкой, но затѣмъ обидѣлась и, прокравшись однажды ночью къ Вадичкѣ, устроила ему дикую сцену со слезами, упреками и поцѣлуями. Вадичка былъ ошеломленъ; онъ никогда не думалъ, чтобы это было серьезно, и попробовалъ отдѣлаться отъ Стеши своей обычной грубостью.

— Ну, убирайся, пожалуйста! — сказалъ онъ, отталкивая отъ себя растерзанную, ревущую Стешу.—Терпѣть не могу бабьихъ драмъ; мнѣ некогда такими глупостями заниматься. Когда позову—приходи, а сама не смѣй ко мнѣ врываться. Мнѣ теперь не до нѣжностей; я занятъ.

Но въ Стешу точно бѣсъ вселился. Ея кукольное личико исказилось злобой; углы губъ опустились книзу, румяныя щеки потемнѣли,—она вдругъ постарѣла на десять лѣтъ и изъ веселой, робкой дѣвочки превратилась въ свирѣпую мегеру.

— А, вы вотъ какъ?—прошипѣла она, задыхаясь.—Побаловались, да и будетъ? Ну, ужъ это нѣтъ! Мнѣ на ваши занятія наплевать... Возьму вотъ, да мамашѣ все и разскажу... Такъ вотъ и закричу на весь домъ, — пускай придутъ, да посмотрятъ, а я все и разскажу, все и разскажу...

Вадичка испугался. Бабья драма оказывалась еще хуже латыни... Онъ схватилъ Стешу за руку и посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Ну, и дура! Вотъ дура-то! — сказалъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ. — Ну, что такое случилось? Ничего не случилось, а она реветъ. Я, братъ, этого не люблю: хочешь меня любить, такъ люби просто, а слезы эти да истерики оставь. У меня и такъ отъ этой проклятой латыни голова трещитъ. Ну, будетъ, перестань, давай лучше цѣловаться.

Они начали цѣловаться, и Стеша ушла отъ Вадички, примиренная и растроганная. Всетаки это былъ единствен-

ній человѣкъ въ домѣ, съ которымъ ей не нужно было очень притворяться и разыгрывать изъ себя беззаботную дѣвочку Стешу; общій грѣхъ связывалъ ихъ съ Вадичкой. и отъ мысли, что она не одна въ своемъ грѣхѣ и позорѣ, Стешѣ становилось легче.

Но Вадичка послѣ этой сцены призадумался. Связь съ горничной начинала тяготить его и раньше, а теперь Стеша и совсѣмъ уже ему опротивѣла. Онъ вдругъ замѣтилъ, что она и некрасива, и груба, и вульгарна; ему казалось, что отъ нея пахнетъ потомъ и мышами, и когда она приходила къ нему, онъ ежился отъ стыда и отвращенія. Но изъ боязни сценъ и скандаловъ, онъ старался скрывать свое отвращеніе къ ней и насильно принималъ ея наивныя ласки. А когда она уходила отъ него, онъ открывалъ форточку и, угрюмо шагая по комнатѣ, думалъ: „Ну, и влетѣлъ же я въ исторію!“

XII.

На улицахъ журчали ручейки; подъ крышей ворковали голуби; степенныя галки озабоченно долбили носами стѣну, приготовляя будущее гнѣздо. Потомъ горячее весеннее солнце выпило всѣ ручейки и высушило землю; между плитами тротуаровъ пробилась зеленая травка; на сиреняхъ распухли почки, а подъ заборами въ тѣни пробивались какіе-то жирные бѣлорозовые стебельки, торопливо развертывали мохнатыя лапки и черезъ день, черезъ два поваръ съ рѣшетомъ собиралъ уже здѣсь первую крапиву и варилъ зеленыя щи. Но Стеша ничего этого не замѣчала и совсѣмъ не видѣла весны. Весь міръ для нея сосредоточился въ темной гардеробной за шкафомъ, гдѣ она пряталась по ночамъ съ своими мыслями и своей тайной. Тамъ было единственное окно, которое никогда не отворялось, и шумъ весны едва-едва проникалъ въ эту сырую комнату, заваленную разнымъ домашнимъ хламомъ и насквозь пропитанную пылью и паутиной. И вся жизнь казалась Стешѣ похожей на гардеробную: ничего въ ней не было, кромѣ пыли и ненужнаго хлама, и такъ скучно, такъ страшно, такъ темно было жить...

На страстной недѣлѣ Зинаида спросила Стешу:

Ты что же, умница, говѣть-то будешь?

Стеша смутилась, но скрыла свое смущеніе и развязно отвѣчала:

Вотъ еще, когда тутъ говѣть, Зинаида Петровна? Какъ раньше сказали, а теперь столько дѣловъ будетъ, и не управишься!

Зинаида посмотрѣла на нее съ укоризной. Она сама только что отговѣла и, пріобщившись святыхъ таинъ, чувствовала въ себѣ такую близость къ Богу, что всѣ земныя дѣла представлялись ей пустыми и ничтожными.

— О дѣлахъ-то нечего думать,—сказала она строго.— Дѣла то не уйдутъ. Дни теперь великіе, молиться надо.

— Ну, еще успѣю намолиться! — воскликнула Стеша и больше не возвращалась къ этому разговору.

Зинаида и сама скоро о немъ забыла. Нужно было готовиться къ празднику: выносили и выбивали мебель, чистили и мыли посуду, серебро, цвѣты, натирали полы, готовили куличи и пасхи, красили яйца. Поваръ, какъ всегда въ торжественныхъ случаяхъ, запилъ, и Зинаидѣ самой пришлось ставить опару и выбивать тѣсто для куличей. Вся святость съ нея соскочила, и съ растрепанными волосами, въ нижней юбкѣ безъ кофты, страшная, потная и злая, она владычествовала въ кухнѣ, какъ жрица какого-то свирѣпаго, обжорливаго божества. Огромная русская печь топилась день и ночь; пламя ревѣло, наполняя кухню удушливымъ жаромъ; на противняхъ жарились индюшки и поросята, запекались жирные окорока, дымился и шипѣлъ кровавый ростбифъ. Стеша дѣятельно помогала Зинаидѣ и, не чувствуя подъ собою ногъ, летала по всему дому, сверху внизъ и снизу вверхъ. Ни ѣсть, ни пить, какъ слѣдуетъ, имъ было некогда: онѣ вставали еще въ потемкахъ, кое-какъ находу пили вчерашній холодный чай съ кускомъ черствой булки, потомъ начиналась стряпня и бѣготня, ставились самовары, убирались комнаты, вынимались изъ печи горячіе куличи,—и только поздняя ночь сваливала ихъ, наконецъ, гдѣ попало, чтобы хоть на минутку дать передышку омертвѣлымъ отъ усталости членамъ.

Въ такомъ аду прошла вся Страстная; за то, когда полночные колокола загудѣли надъ городомъ, въ тулупьевскомъ домѣ все было готово, и свѣтлое праздничное настроеніе разливалось по чистымъ, красиво убраннымъ комнатамъ. Передъ образами тихо сіяли кроткія лампады, и нѣжный свѣтъ ихъ отражался точно въ водѣ въ блестящемъ паркетѣ половъ. Бѣлоснѣжные занавѣсы пышными складками ниспадали съ золоченыхъ багетъ, и только чуть-чуть замѣтный запахъ утюга и крахмала, сохранившійся въ этихъ складкахъ, напоминалъ о корытахъ съ мыльной водой, объ угарной прачешной, о чьихъ-то мозолистыхъ рукахъ, много поработавшихъ сегодня. Все блестѣло, сверкало, нигдѣ не было ни пылинки. Пасхальный столъ былъ накрытъ въ залѣ, и на немъ, среди вазъ и корзинъ съ цвѣтущими гіацинтами, желтофіолями, примулами, торжественно и важно стояли

приземистые куличи, возвышались стройныя, воздушныя бабы и красовалась на особомъ блюдѣ какая-то необыкновенная сливочная пасха, которая называлась „умопомрачительной“ и представляла гордость Зинаиды. Тонкій запахъ цвѣтовъ сливался съ запахомъ сдобнаго тѣста и за.. сокъ и наполнялъ залу какимъ-то особеннымъ праздничнымъ ароматомъ, который пріятно щекоталъ горло, возбуждалъ мозгъ и вызывалъ въ воображеніи цѣлую вереницу легкихъ, воздушныхъ картинъ пріятной праздности и веселья. И, глядя на этотъ красиво убранный столъ, покрытый блестящей скатертью съ изящно связанными внизу концами, вдыхая въ себя нѣжный ароматъ весеннихъ цвѣтовъ, какъ-то странно было думать о темномъ, сыромъ подвалѣ, о раскаленной печи, дышущей адскимъ жаромъ, о безсонныхъ ночахъ, грязной посудѣ, помойныхъ ведрахъ, объ измученныхъ людяхъ, растрепанныхъ, обозленныхъ, ругающихся изъ-за какой-нибудь коринки, которой не хватило, изъ-за тѣста, которое не взошло, изъ-за сливокъ, которыя не во время скислись... Казалось, что ничего этого нѣтъ и не можетъ быть, что этотъ красивый столъ самъ собою явился среди цвѣтовъ, точно въ сказкѣ... А тихій свѣтъ лампады, бѣлая пѣна кружевныхъ занавѣсовъ, чуткая тишина, пѣніе праздничныхъ колоколовъ навѣвали сладкіе сны и говорили о томъ, что человѣкъ созданъ для радости и счастья.

M-me Тулупьева въ свѣтломъ платьѣ, элегантно причесанная, вышла изъ своей комнаты, заглянула въ залу и осталась очень довольна. Все было такъ, какъ всегда, по тулупьевски,—изящно, красиво и обильно. „Зинаида положительно незамѣнима!“ подумала она. Какъ бы отвѣчая на эту мысль, вынырнула откуда-то Зинаида и остановилась передъ барыней. Она была одѣта въ синее шерстяное платье, обшитое кружевами, на головѣ кружевной чепчикъ съ голубыми бантами; въ лицѣ умиленная торжественность и кроткое спокойствіе.

— Сударыня, я въ церковь иду. Куличи и пасхи надо святить.

— Хорошо. Андрей заложилъ лошадь?

— Ужъ поданы. Давно дожидаются.

— Мы въ гимназическую церковь поѣдемъ. Скажи Вадичкѣ, чтобы одѣвался; я уже готова. Сейчасъ и Тотоша выйдетъ.

— Слушаю, сударыня. Разговляться одни будете?

— Не знаю, можетъ быть, тетя Лида заѣдетъ. А кто же у насъ дома останется?

— Степанида остается.

Выбѣжала Тотоша въ воздушномъ бѣломъ платьицѣ,

легонькая, кудрявая, веселая, точно весенняя бабочка. Она обѣжала кругомъ стола, понюхала цвѣты, увидѣла сливочную пасху и радостно всплеснула руками.

— Ахъ, умопомрачительная пасха! Мамочка, я больше всего на свѣтѣ ее люблю.

M-me Тулупьева и Зинаида снисходительно улыбались.

Вышли въ переднюю. Вадичка былъ уже тамъ и, брюзжа, натягивалъ бѣлыя перчатки, которыя ему были малы. M-me Тулупьева смотрѣла на него съ гордостью: онъ былъ очень строенъ въ новомъ мундирѣ на бѣлой шелковой подкладкѣ, и отросшіе усики, обильно смазанные таинственнымъ усатиномъ, очень къ нему шли. Совсѣмъ молодой человѣкъ... пріятно быть матерью такого красиваго сына.

— Степанида, что же ты одѣваться не подаешь?—заговорила Зинаида, появляясь въ передней съ огромными узлами въ обѣихъ рукахъ.—Стоитъ, какъ идолъ!.. Не видишь, я съ куличами...

Степанида бросилась къ вѣшалкѣ. Въ затрапезномъ платьѣ, не причесанная, съ красными и опухшими отъ безсонныхъ ночей глазами, она была грязнымъ пятномъ среди бѣлыхъ лентъ, бѣлыхъ кружевъ, бѣлыхъ перчатокъ, наполнявшихъ переднюю. Просовывая руки въ рукава пальто, Вадичка взглянулъ мелькомъ на ея постарѣвшее, поблекшее лицо и сейчасъ же потупился съ смутнымъ чувствомъ стыда и боязни, которое онъ всегда испытывалъ, встрѣчаясь съ Стешей въ присутствіи другихъ.

— Скорѣй, скорѣй, дѣти!—торопила m-me Тулупьева.— Опоздаемъ!

Всѣ заспѣшили выходить. Но, сбѣгая по лѣстницѣ, Вадичка не переставалъ думать о Стешѣ, которая оставалась въ домѣ одна въ эту свѣтлую, праздничную ночь, полную таинственной радости, и ему вдругъ стало ее жаль. Гулъ колоколовъ, отъ котораго, казалось, дрожало небо, свѣжій вѣтерокъ съ запахомъ весны и земли, крупныя, молчаливыя звѣзды, разсыпанныя въ бездонной синевѣ,—все это говорило о великой всепрощающей любви и согрѣло холодное Вадичкино сердце. Онъ вспомнилъ, что въ карманѣ у него лежитъ подарокъ для Стеши, и захотѣлъ ее утѣшить.

— Ахъ, платокъ забылъ!—воскликнулъ онъ, останавливаясь.—Садитесь пока, я сейчасъ...

Онъ побѣжалъ назадъ и отворилъ дверь въ переднюю. Стеша сидѣла у стола, опустивъ голову на руки, и плакала.

— Что ты?.. О чемъ?—спросилъ Вадичка растерянно.

— Такъ... — пробормотала Стеша, поспѣшно вытирая глаза.

[illegible] на нее. [illegible] къ ней. [illegible]

— [illegible] ...похристосоваться... завтра, может... [illegible] ...такъ вотъ... На, возьми!

Онъ [illegible] изъ кармана дешевое фарфоровое яичко и положилъ передъ Стешей. Она равнодушно взглянула на подарокъ и, громко всхлипнувъ, повисла у Валички на шеѣ.

— Миленькій, хорошенькій...—бормотала она, прижимаясь къ его лицу мокрыми отъ слезъ щеками.—Не надо мнѣ ничего не надо... Я и такъ [illegible] до смерти люблю... а ты... не любишь... никто меня не любитъ... бѣдная я... несчастная я...

— Ну, будетъ!—сказалъ Валичка, брезгливо отъ нея отстранившись.—Пусти... воротничекъ сомнешь. Отъ тебя мышами пахнетъ.

— Миленькій! хорошенькій!—взвыла Стеша и вцѣпилась ему въ пальто.

Идіотка!—прошепталъ Валичка и, оттолкнувъ ее отъ себя, побѣжалъ внизъ. Платокъ, пропитанный духами, оказался у него въ карманѣ, и всю дорогу до церкви Валичка тщательно стиралъ имъ съ своего лица слѣды Стешиныхъ слезъ и поцѣлуевъ.

Стеша осталась одна. Тоска и обида раздирали ея сердце; ей казалось, что всѣ нарочно ее бросили, забыли, что никто ея не жалѣетъ и не любитъ. Гулъ колоколовъ, наполнявшій весь городъ, еще больше подчеркивалъ ея одиночество и пустую тишину дома. Стеша представляла себѣ оживленіе улицъ, ярко освѣщенныя церкви, нарядную, веселую толпу, радостное пѣніе, радостные голоса, и ей хотѣлось уйдти куда-нибудь, исчезнуть, умереть... Лучше всего умереть, потому что уйдти было некуда. Куда бы она ни пошла, ея позоръ, ея животъ пойдетъ вмѣстѣ съ нею, и вездѣ она встрѣтитъ такихъ же злыхъ, равнодушныхъ и подлыхъ людей. Никто ея не пожалѣетъ, и некому ей разсказать о своемъ несчастьи. А вѣдь еще недавно она была такая же, какъ и всѣ, и также ходила къ заутренѣ со всѣми и также радовалась, и ставила свѣчи передъ образами, и пѣла „Христосъ воскресе“... Стеша закрыла глаза, и ей, точно вчера это было, ярко вспомнилась прошлогодняя Пасха, пріютскій садъ, гдѣ онѣ катали яйца, крикъ грачей на сырыхъ дорожкахъ, голубые подснѣжники, пробивающіеся сквозь истлѣвшіе листья, беззаботный смѣхъ, беззаботная бѣготня и... Пашенька. Пашенька! Это имя заставило Стешу встрепенуться и высушило слезы на ея глазахъ. Пашенька...

вотъ кому можно все разсказать безъ страха и стыда! Она умная и добрая, хоть и сердитая; она смѣяться не будетъ и, навѣрное, что-нибудь посовѣтуетъ, а если и выругаетъ, то это не бѣда, такъ и надо...

„Дура я, дура!—думала Стеша.—И Пашенька всегда меня дурой называла. Какъ это я про нее забыла. Отпрошусь завтра и пойду въ пріютъ. Все разскажу до капельки, а Пашенька придумаетъ, какъ мнѣ быть. Милая моя Пашенька, добренькая злючка, выручи меня, дурочку, изъ бѣды!“

Колокола замолчали; тулупьевскій домъ цѣпенѣлъ въ объятьяхъ тишины. Только изрѣдка съ желѣзной дороги доносились короткіе, сиплые свистки паровоза и снова падали въ тишину, точно перехваченные чьею-то гигантскою рукой.

Стеша отворила окно, и чистое, холодное небо, окропленное частыми, холодными звѣздами, заглянуло въ душную переднюю, дохнуло свѣжестью въ заплаканное лицо Стеши, разсѣяло мрачный кошмаръ, который день и ночь давилъ ея испуганную душу. Робкая надежда затеплилась въ Стешиномъ сердцѣ. Она легла грудью на подоконникъ и, глядя на звѣзды, которыя казались ей очами всевидящаго Бога, стала молиться. „Господи, золотой мой, драгоцѣнный, прости меня, грѣшную!“ наивно шептала она. „Господи, иже еси на небеси, спаси меня, я больше никогда не буду... Помилуй меня и отпусти, какъ отпустилъ блудницу, и избави меня отъ лукаваго. Господи, Батюшка мой родненькій, пожалѣй меня, глупую, несчастную сиротку...“ И ей чудилось, что небо слышитъ эту молитву, и дѣтская душа ея вѣрила, что Богъ пожалѣетъ ее и проститъ...

Въ сосѣдней церкви затрезвонили весело и торопливо, точно спѣша прежде всѣхъ возвѣстить міру, что Христосъ не умеръ, а живъ, что Онъ во всей славѣ своей возсталъ изъ могильнаго тлѣнія и мрака. „Христосъ воскресе!“ прошептала Стеша и перекрестилась. „Обошли уже съ крестнымъ ходомъ... хорошо теперь въ церкви, свѣтло, всѣ христосуются. Сейчасъ, пожалуй, и наши придутъ...“—Она затворила окно, и небо съ своими недремлющими Божьими очами ушло отъ нея далеко, и снова ея просвѣтлѣвшая душа, какъ птица въ клѣтку, вернулась въ эту душную тишину пустого тулупьевскаго дома. Такъ же ярко горѣла стѣнная лампа, и на столѣ лежало фарфоровое яйцо. Стеша взяла его и открыла бронзовую крышку; изъ яйца выскочилъ серебряный рубль и съ сухимъ звономъ покатился по полу. Что-то обидное, похожее на презрительный Бадичкинъ смѣхъ, было въ этомъ звонѣ, и Стешино сердце снова заки-

пѣло слезами негодованія. „Нашелъ чего подарить!“ подумала она, поднимая рубль. „Расщедрился тоже... Небось, барышнямъ своимъ эдакъ не дарятъ, а горничная—она таковская; сунулъ цѣлковый въ зубы и думаетъ—правъ. А я вотъ не возьму твоего цѣлковаго, на кой онъ мнѣ нуженъ?“

Стеша сердито сунула рубль обратно въ яйцо и положила подарокъ на Вадичкиномъ столѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ. А на улицѣ уже гремѣли пролетки, слышались оживленные голоса, народъ возвращался отъ заутрени и кто-то нетерпѣливо звонилъ у подъѣзда.

XIII.

На другой день послѣ обѣда Стеша отправилась въ пріютъ. Вчерашнія покаянныя мысли смѣнились суетнымъ желаніемъ показаться подругамъ въ полномъ блескѣ, и маленькая грѣшница разрядилась въ пухъ и прахъ. Она затянула въ корсетъ свою располнѣвшую талію, надѣла шелковую юбку, подаренную ей барыней, взбила кокъ на лбу, напудрила щеки и въ такомъ легкомысленномъ видѣ вошла въ пріютскій подъѣздъ. Отъ голыхъ стѣнъ корридора на нее повѣяло знакомымъ холодомъ, и когда дѣвочки въ бѣлыхъ праздничныхъ фартукахъ веселою, болтливою гурьбой окружили ее, Стеша немного смутилась и почувствовала себя чужой и страшно далекой отъ своей прежней жизни.

— Ну, что? Какъ ты? Хорошо живешь? Весело?—трещали дѣвочки, жадно разсматривая ея платье, прическу, перчатки на рукахъ, даже башмаки, которые были такъ непохожи на ихъ собственную неуклюжую обувь, извѣстную подъ названіемъ „шлепуновъ“.

Стеша конфузилась подъ ихъ любопытными взглядами, но въ душѣ была польщена такимъ вниманіемъ и охотно отвѣчала на вопросы.

— Живу ничего, слава Богу... Господа хорошіе, работа не трудная. Пища со стола... къ празднику подарки. Все, какъ слѣдуетъ...

— Счастливая! А у насъ-то тоска-тоскучая... Живемъ по командѣ, какъ въ арестантскихъ ротахъ. Ты ужъ, небось, все забыла, а мы день и ночь молимся,—скорѣй бы на волю!..

Стеша ничего имъ не возражала и, слушая оживленную болтовню, высматривала по сторонамъ Пашеньку. Но Пашеньки не было.

— А гдѣ же Пашенька?—спросила она, наконецъ.

Дѣвочки всѣ сразу замолчали и съ удивленіемъ посмотрѣли на Стешу.

— Пашенька? Ея нѣтъ. Да развѣ ты ничего не знаешь?

— Ничего не знаю. А что? Она на мѣсто поступила?

Дѣвочки пугливо переглянулись, потомъ еще тѣснѣе сдвинулись вокругъ Стеши и зашептали:

— Ахъ, нѣтъ, какое тамъ мѣсто! Ее выгнали...

У Стеши упало сердце, точно она въ пропасть провалилась.

— Какъ выгнали? За что?

— Тутъ цѣлый скандалъ вышелъ... Лизутка, поди, стань на караулѣ, смотри, какъ бы „стоглазая“ не вышла.. Какъ покажется, такъ и бѣги...

Лизутка стала на часахъ у дверей Ольги Игнатьевны, а дѣвочки, перебивая другъ друга, начали разсказывать, какъ было дѣло.

— Ты знаешь, вѣдь Пашенька всегда отчаянная была. Со всѣми зубъ за зубъ, и все какія-то книжки читала. Сколько ей мѣстовъ выходило, она ни за что. Не хочу, говоритъ, чужіе горшки выносить,—всѣ люди одинаковые, а я пойду лучше въ село деревенскихъ ребятъ грамотѣ учить. Экзаменъ хотѣла держать и все по ночамъ учебники долбила. Вотъ „стоглазая“ подсмотрѣла, да и нажаловалась на нее. Сдѣлали обыскъ, нашли книжки запрещенныя...

— И врешь, вовсе не запрещенныя!—перебилъ кто-то.— Естественная исторія была, да еще какая-то критика...

— Ну, все равно, намъ критику нельзя читать. Вотъ и собрались всѣ: попечитель нашъ пріѣхалъ, Мальская— чисто совѣтъ нечестивыхъ! Позвали Пашеньку на расправу. А она возьми, да при всемъ соборѣ Мальскую дурой и окрести. Такъ и сказала: „шпіонка вы, говоритъ, и дура!..“ Ну, ее сейчасъ же и выставили. Собрала она свои книжки и ушла.

— Куда ушла?—спросила Стеша.

— Неизвѣстно. Намъ съ ней и проститься не позволили. Только и посейчасъ отъ „стоглазой“ житья нѣтъ: вездѣ ищетъ, по карманамъ лазитъ, подъ тюфяками смотритъ, не завелась ли гдѣ критика. Вотъ намедни...—По корридору мчалась испуганная Лизутка, махая руками.

— Идетъ! Идетъ!

Дѣвочки разступились, принявъ невинный видъ. Къ нимъ подошла Ольга Игнатьевна, немножко заспанная, но все такая же прилизанная и засохшая, какъ мумія, тысячу лѣтъ пролежавшая въ гробу. Стеша почтительно съ ней похристосовалась, и Ольга Игнатьевна удостоила прикоснуться къ ея губамъ своими холодными, жесткими губами, отъ которыхъ пахло цикоріемъ и губной помадой.

же: „люблю“! Дурища! Очень мнѣ нужна твоя любовь, если ты при всѣхъ будешь ко мнѣ на шею вѣшаться!

Стеша плакала и обѣщала, что больше не будетъ „лѣзть“, но скоро забывала свои обѣщанія и опять дѣлала какой-нибудь промахъ. Однажды она до того забылась, что, снимая съ Вадички пальто въ передней, поцѣловала Вадичку, а въ столовой въ это время Зинаида накрывала на столъ. Вадичка разсвирѣпѣлъ и такъ толкнулъ отъ себя Стешу, что она ударилась щекой о косякъ двери и цѣлую недѣлю ходила съ синякомъ.

— Отчего это у тебя пятно на щекѣ?—допытывалась за обѣдомъ любопытная Тотоша.

Вадичка угрюмо покосился на Стешу и усиленно началъ хлебать супъ.

— А это я, барышня, съ лѣстницы нынче упала!—бойко отвѣчала Стеша.—Ступеньки больно скользкія... надо пескомъ посыпать!

Вадичка вздохнулъ съ облегченіемъ. Дура—дура, а сумѣла вывернуться... и, въ благодорность за находчивость, Вадичка подарилъ Стешѣ двугривенный. Былъ и еще случай, когда Стеша выручила Вадичку изъ затруднительнаго положенія. Дѣло происходило тоже за обѣдомъ. Стеша разносила кушанья. Когда она наклонилась къ Тотошѣ, дѣвочка потянула носикомъ воздухъ и спросила:

— Стеша, отчего это оть тебя пахнетъ Вадичкиными духами?

Вадичка поперхнулся; m-me Тулупьева нахмурилась и покраснѣла, но Стеша опять нашлась.

— Вадимъ Григорьичъ нынче цѣлый пузырь пролили!—сказала она:—А я у нихъ въ комнатѣ полы затирала...

„Это невозможно!“ думала m-me Тулупьева. „Слава Богу еще, что Тотоша ребенокъ и ничего не понимаетъ! Надо ее поскорѣе отвезти въ институтъ. Какіе ужасные люди эти мальчики!“

Тотоша, дѣйствительно, становилась опасна своей наблюдательностю. Она давно уже замѣтила въ Стешѣ перемѣну, и это ей не нравилось. Не нравилось, что Стеша стала причесываться по модному и носить крахмальныя юбки, которыя шуршали на весь домъ; не нравилось, что она вмѣсто „что“ говорила теперь „чиво-съ?“—не нравилось даже Стешино лицо, странно измѣнившееся, постарѣвшее, какъ будто совсѣмъ незнакомое. Нахмуривъ брови, задумчиво оттопыривъ нижнюю губку, Тотоша часто всматривалась въ это лицо и не узнавала прежней добродушной Стеши съ ея громкимъ хохотомъ, съ неловкими движеніями и смѣшными гримасами. Что-то безпокойное, дерзко-вызывающее смѣнило прежнюю наивно-кукольную улыбку Стеши, и Тотоша, смутно чувствуя, что

съ Стешей произошло что-то нехорошее, стыдное, сердилась и рѣзко высказывала ей свое неудовольствіе.

— Ты гадкая стала, гадкая!—говорила она.—Я тебя теперь не люблю... Совсѣмъ не люблю... Слышишь?

— Чиво-съ?—равнодушно спрашивала Стеша.

Это противное слово окончательно выводило Тотошу изъ терпѣнія. Она раздражалась, топала ногами и кричала:

— Не смѣй говорить—„чиво-съ!“ Это гадко, я этого слышать не могу! Противная!.. И зачѣмъ ты себѣ напустила какія-то собачьи уши? Ты думаешь, это хорошо, а это вовсе нехорошо, и ты знаешь, на кого похожа? На дворняжку! Вотъ тебѣ!

Въ прежнія милыя времена Стеша очень огорчилась бы, даже всплакнула бы немножко, и потомъ все кончилось бы миромъ, но теперь было не то. Стеша, въ отвѣтъ на Тотошины слова, дерзко смѣялась и уходила, а Тотоша тихонько плакала, и ревнивая досада на то, что у Стеши завелись какія-то свои дѣла, что Стеша больше ея не любитъ, грызла самолюбивое сердце дѣвочки.

Онѣ совсѣмъ перестали играть въ жмурки и въ другія шумныя игры, а если иногда Стеша и соглашалась немножко побѣгать по залѣ, то дѣлала это безъ всякаго увлеченія, скоро уставала и торопилась уйти, отговариваясь все тѣми же таинственными „своими дѣлами“, которыхъ Тотоша не понимала, и оттого чувствовала къ нимъ отвращеніе.

— У тебя и прежде были дѣла, а ты всетаки играла со мной,—ворчала она на Стешу:—Отчего теперь не играешь? Отчего не смѣешься больше?

— Ахъ, барышня, не вѣкъ же смѣяться!—жеманничая, отвѣчала Стеша.—Я, небось, не маленькая! Это вамъ только и дѣловъ, что бѣгать да играть, а съ меня взыскиваютъ. Некогда мнѣ такими глупостями заниматься.

— Ну, и не надо, не надо...—шептала оскорбленная Тотоша и, едва сдерживая слезы, уходила отъ Стеши.

Наконецъ, она объявила однажды m-me Тулупьевой:

— Знаешь, мамочка, мнѣ Стеша разонравилась. Она противная.

— Почему?—спросила m-me Тулупьева съ тайнымъ безпокойствомъ.

— Да потому, что она такая же горничная, какъ и всѣ.

— Ахъ, Боже мой, конечно!—съ облегченіемъ воскликнула m-me Тулупьева:—Всѣ горничныя, мой другъ, одинаковыя, и я прошу тебя, Тото, будь отъ нихъ подальше. Онѣ такія грубыя, непріятныя...

Тотоша подумала немножко и прибавила:

— А вѣдь она прежде не такая была... Мамочка, отчего это?

Но мамочка не сочла нужнымъ отвѣчать на этотъ щекотливый вопросъ.

XI.

Скоро и сама Стеша начала замѣчать, что она уже „не такая“, и что въ ней происходитъ что-то новое, странное и страшное...

Случилось это ночью, на первой недѣлѣ великаго поста. За нѣсколько дней передъ этимъ Стеша чувствовала недомоганіе, но приписывала это усталости и праздничной сутолокѣ. Всю масляницу у Тулупьевыхъ были гости, блины, чаи и кофеи, и Стешѣ пришлось много бѣгать и хлопотать по хозяйству, потому что Зинаида теперь почти ни во что не вмѣшивалась и ограничивалась только указаніями, сколько чего взять и какую посуду подать. И вотъ, въ самый разгаръ хозяйственныхъ хлопотъ у Стеши такъ закружилась голова, что она чуть было не уронила на полъ дорогой китайскій сервизъ, которымъ m-me Тулупьева очень гордилась. Стеша насилу удержалась на ногахъ и долго не могла придти въ себя. Сначала она подумала, что угорѣла въ кухнѣ, но дурнота, головокруженіе и какая-то отвратительная тоска въ сердцѣ стали повторяться все чаще и чаще Стеша не могла ничего ѣсть, все ей опротивѣло, и съ самаго ранняго утра она нетерпѣливо ждала ночи, чтобы скорѣе раздѣться, лечь въ постель и спать, спать безъ конца. Во снѣ ей было хорошо.

Такъ спала она и въ эту ночь. И вдругъ какой-то ужасъ, огромный, темный, холодный ужасъ вошелъ ей въ грудь, сжалъ сердце острыми клещами и заставилъ проснуться. Ничего не понимая, въ безумномъ и безсмысленномъ страхѣ, Стеша вскочила и закричала. И ей почудилось, что и мракъ ночной закричалъ вмѣстѣ съ нею, навалился на нее со всѣхъ сторонъ и вырвалъ изъ нея душу.

Стешинъ крикъ разбудилъ Зинаиду. Бормоча спросонья молитвы, испуганная старуха надѣла туфли, зажгла ночникъ и вышла въ гардеробную, гдѣ за шкафомъ, на сундукѣ, спала Стеша.

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его... Съ нами сила крестная... Степанида, чего ты орешь, полоумная?

Стеша дико смотрѣла на тощую бѣлую фигуру, маячившую передъ нею въ красновато-тускломъ свѣтѣ ночника, и продолжала кричать тѣмъ страшнымъ крикомъ, какимъ кричатъ испуганныя животныя.

— Степанида, Степанида, да что это ты, матушка моя, а?

Аль что приснилось? На, водицы испей... Съ нами сила крестная! Постой, я тебя спрысну. Да перекрестись, перекрестись, дура!

Шлепая туфлями, Зинаида ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, поила Стешу водой, крестила ее, брызгала и въ перемежку съ молитвами ворчала и бранилась. Стеша уже не кричала, но вся тряслась и тихо, протяжно стонала, качаясь изъ стороны въ сторону, точно у нея болѣли зубы.

— Ну, что? Отошло?

— Ничего... отошло...—прошептала Стеша.

— Ну, вотъ. Какъ вѣдь кричала-то, чисто ее рѣжутъ. Я ужъ думала, весь домъ сбѣжится. Страшный сонъ, что ли, видѣла?

— Не знаю... страшно что-й-то, Зинаида Петровна. Ой, страшно!—вымолвила Стеша и заплакала.

— А ты молись. На ночь-то молишься? Небось, такъ, не молясь, и дрыхнешь, только бы до подушки дорваться. Читай за мной молитву: „ангеле Христовъ, хранителю мой святый... елика согрѣшихъ во днешній день"...

Стеша, всхлипывая, повторяла за ней слова молитвы. Зинаида еще разъ перекрестила Стешу и сказала:

— Ну, ложись теперь, спи. Ничего не будетъ.

Она ушла, унося съ собою красный огонекъ, и мертвая, густая тьма снова окружила Стешу. Стеша натянула на себя одѣяло и зажмурила глаза, чтобы не видѣть этого мрака, но онъ и сквозь закрытыя вѣки глядѣлъ ей въ глаза, прыгалъ и кривлялся, распадаясь на тысячу безобразныхъ ртовъ, и беззвучно хохоталъ и шепталъ что-то у нея надъ ухомъ. И, словно отвѣчая на этотъ невнятный смѣхъ и шепотъ, то, что было въ Стешѣ, радостно взыграло и больно толкнуло ее въ сердце.

Вся въ холодномъ поту, съ онѣмѣвшими руками и ногами, Стеша поднялась на постели и... поняла, что это былъ не страшный сонъ, не навожденіе, отъ котораго можно спастись молитвой, что это было въ ней, и всегда будетъ въ ней, и никуда отъ этого нельзя уйти!

— Господи, что же мнѣ дѣлать? Пропала я, совсѣмъ пропала... Миленькіе мои, хорошенькіе, что же мнѣ теперь дѣлать?—безсмысленно шептала Стеша.

Въ ближней церкви ударили къ заутренѣ, и тишина робко повторила тягучій звукъ колокола. Казалось, кто-то важный и печальный тихо вошелъ въ комнату и сказалъ: „бдите, бдите, ибо не знаете ни дня, ни часа"... Дрожа и плача, Стеша машинально перекрестилась. Этотъ рыдающій въ темнотѣ великопостный звонъ колокола напомнилъ ей недавнюю жизнь въ пріютѣ, когда она была такою же, какъ

всѣ, веселой, беззаботной дѣвочкой, не знавшей ужаса грѣха и тайны. Ей вспомнилось, какъ онѣ любили вставать въ потемкахъ, чтобы не опоздать къ заутренѣ, и какъ имъ нравилось молиться въ холодной полуосвѣщенной церкви. Жидкіе голоса священника и дьячка звучали таинственно въ глубокихъ сводахъ купола, гдѣ, казалось, рѣяли какія-то строгія тѣни въ длинныхъ темныхъ одеждахъ, съ тусклымъ сіяніемъ вокругъ безстрастныхъ, неземныхъ лицъ. Было жутко и хорошо, и хотѣлось быть такою же строгой и безгрѣшной, какъ эти величавые призраки святыхъ, и казалось, что душа очищается отъ всѣхъ мелкихъ житейскихъ грѣховъ. А потомъ какъ весело было съ иззябшими руками и ногами возвращаться въ пріютскую столовую и торопливо пить остывшій чай съ кусками черстваго ржаного хлѣба! И въ такіе дни не было обычныхъ ссоръ и споровъ изъ-за пустяковъ; дѣвочки затихали и старались быть кроткими, услужливыми и послушными, и даже сердитыя надзирательницы ходили съ просвѣтлѣвшими лицами, говорили тихо, смотрѣли добродушно.

„Господи, Господи, прости меня!" прошептала Стеша, торопливо и безпорядочно крестясь: „Что я надѣлала? Что я надѣлала? И какъ мнѣ теперь быть?.."

Потомъ она вспомнила почему-то вѣчно беременную пріютскую прачку: и какъ онѣ смѣялись надъ нею и надъ ея большимъ, безобразнымъ животомъ, на которомъ платье всегда лоснилось отъ грязи и сала. Этотъ животъ возбуждалъ въ дѣвочкахъ нехорошее любопытство, и часто онѣ между собою говорили о тайнахъ беременности и рожденія, и положеніе бѣдной прачки казалось имъ позорнымъ и стыднымъ. „А я-то? Я-то?" подумала Стеша и опять заплакала. Ей чудилось, что весь свѣтъ уже знаетъ о ея грѣхѣ, и въ рѣдкихъ ударахъ колокола она слышала проклятіе и осужденіе. „Грѣшница, грѣшница!" угрюмо кричалъ колоколъ. „Грѣшница!" шепталъ холодный сумракъ, и, кривляясь, беззвучно хохотали безобразные призраки, прятавшіеся въ темныхъ углахъ.

Стало уже разсвѣтать, а Стеша все сидѣла, скорчившись, на постели и плакала. Въ комнатѣ похолодало, и руки и ноги у нея застыли. Въ домѣ была мертвая тишина; всѣ спали, и никто не зналъ, что въ гардеробной, за шкафомъ, всю эту тихую ночь лились слезы ужаса и отчаянія. „Небось, и онъ спитъ!" подумала Стеша про Вадичку и вдругъ почувствовала въ себѣ страшную злость къ нему и ко всѣмъ, кто жилъ въ этомъ домѣ. Они спали, сытые, спокойные и равнодушные, а она, одна за всѣхъ, должна мучиться, плакать и скрывать свое несчастье. „Ему-то, небось, наплевать!"

продолжала думать Стеша. „Грѣшили вмѣстѣ, а раздѣлывайся за все я! Никто не пожалѣетъ; попробуй сказать кому нибудь,—скажутъ, убирайся, да вотъ и все". Слезы высохли у нея на глазахъ отъ злости; она подобрала окоченѣвшія ноги, легла, закуталась въ одѣяло и стала холодно и спокойно обдумывать свое положеніе. Прежде всего, конечно, она никому ничего не скажетъ; будетъ все скрывать до тѣхъ поръ, пока скрывать уже станетъ нельзя. Барыню провести не трудно; она ни во что не входитъ и, пожалуй, ничего не замѣтитъ,—ей бы только было покойно, больше ничего не надо. Тотоша и Вадичка тоже не страшны. Вотъ Зинаида—это другое дѣло: глазъ у нея острый; бѣда, если замѣтитъ. Но и она теперь какая-то чудная стала: все больше молится да сидитъ, запершись, въ своей комнатѣ,—можно какъ-нибудь и отъ нея утаиться. А потомъ...

Стеша не додумала, что будетъ потомъ; отъ усталости и слезъ она вдругъ ослабѣла, и мертвый сонъ сковалъ ее по рукамъ и по ногамъ. Для Стеши начались тяжелые дни и мучительныя, страшныя ночи. Днемъ она старалась казаться такою же, какъ всегда, скрывала свое нездоровье, притворялась веселой и беззаботной, устраивала себѣ изъ волосъ модные коки, шуршала крахмальными юбками и жеманно говорила: „чиво-съ?" А ночью тихонько плакала въ подушку, прислушивалась къ тому, что было у нея внутри, и то начинала молиться и просить у Бога прощенія, то грозила кому-то кулаками и кляла себя и всѣхъ. Къ будущему своему ребенку она чувствовала страшную ненависть и по утрамъ туго перетягивала себѣ животъ полотенцемъ въ надеждѣ, что онъ задохнется. Но онъ жилъ и росъ, и теплый, мягкій, часто напоминалъ ей о себѣ легкими, нѣжными толчками, которые заставляли ее блѣднѣть отъ ужаса. „У, проклятый!" думала она и еще туже, сама чуть не задыхаясь отъ боли, стягивала животъ. Въ домѣ, повидимому, никто не замѣчалъ ея беременности, но Стеша постоянно была насторожѣ, и каждый пристальный взглядъ бросалъ ее въ жаръ и ознобъ. Особенно ее смущалъ пьяница-поваръ. Когда она входила въ кухню, онъ такъ сощуривалъ на нее свои опухшіе отъ водки глаза, что вся кровь бросалась Стешѣ въ лицо. Съ дерзостью отчаянія Стеша попробовала его оборвать.

— Что вы на меня все щуритесь? Я вѣдь не солнышко, отъ меня не свѣтится!

Поваръ, вмѣсто отвѣта, еще больше щурилъ свои противные пьяные глаза и многозначительно свисталъ.

Идя по улицѣ и встрѣчая черезчуръ пристальные взгляды прохожихъ, Стеша ускоряла шаги и возвращалась домой

вся красная, злая, съ темными кругами въ глазахъ, съ колючимъ комкомъ въ горлѣ. „Проклятый, проклятый!" шептала она, прислушиваясь къ толчкамъ внутри. „Хоть бы ты издохъ поскорѣе!" А ночью плакала и кусала себѣ руки.

M-me Тулупьева послала ее какъ-то къ Цыкову переписать рецептъ. Докторъ, по обыкновенію, сидѣлъ за столомъ въ облакахъ табачнаго дыма и раскладывалъ пасьянсъ. Наскоро подписавъ сигнатурку, онъ взялся было за карты, но поглядѣлъ на Стешу, и беззубый ротъ его растянулся въ игривую усмѣшку.

— Хе-хе-хе, да мы никакъ съ чемоданчикомъ, а?—прохрипѣлъ онъ.

Стеша схватила сигнатурку и бросилась бѣжать, а докторъ хохоталъ ей вслѣдъ и декламировалъ:

„Вспомни, когда была ты невинна предъ богомъ"...

Вечеромъ Стеша пристально осмотрѣла себя въ зеркало и съ ужасомъ увидѣла, что животъ у нея сталъ, совсѣмъ какъ у пріютской прачки. На другой день она потихоньку сбѣгала въ лавки и купила корсеть. Съ корсетомъ стало не такъ замѣтно, но за то она задыхалась въ немъ: кости, какъ ножи, впивались въ тѣло, отъ боли темнѣло въ глазахъ. Когда она раздѣлась на ночь, ей показалось, что кожа у нея сдѣлалась какъ деревянная, и внутри былъ холодъ и странное молчаніе. Съ дикою радостью она приложила руку къ животу.

— Умеръ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, живъ!—отвѣтили ей тотчасъ же радостно и сильно. Это горячее біеніе жизни привело Стешу въ бѣшенство. Ей захотѣлось что-нибудь сдѣлать надъ собой,—выброситься изъ окна, выпить какого-нибудь яду, изрѣзать животъ, только бы уничтожить, вытравить, убить въ себѣ этотъ отвратительный живой комокъ, который пилъ ея кровь, мѣшалъ ей жить и каждую минуту напоминалъ ей о грѣхѣ и позорѣ...

Но она боялась, и на утро, затянутая въ корсетъ, улыбающаяся, съ красными пятнами на щекахъ, выходила изъ гардеробной, убирала комнаты, подавала на столъ, бѣгала въ кухню и отшучивалась, когда кучеръ или дворникъ дѣлали ей комплименты. Все, какъ будто, было по прежнему, и только одна ночь видѣла и знала настоящую Стешу.

Вадичка тоже ничего не подозрѣвалъ,—ему было не до Стеши. Онъ былъ озабоченъ: приближались экзамены, а латынь у него сильно хромала и за третью четверть онъ получилъ двойку. Предусмотрительный директоръ гимназіи, чрезвычайно заботливо относившійся къ успѣхамъ богатень-

кихъ учениковъ вѣжливо предупредилъ объ этомъ „многоуважаемую“ г-жу Тулупьеву и посовѣтывалъ пригласить репетитора. M-me Тулупьева встревожилась, поѣхала къ директору посовѣтоваться и возвратилась утѣшенная: г. директоръ былъ такъ добръ, что указалъ даже, какой репетиторъ можетъ уладить дѣло. Вадичка сначала было заартачился и объявилъ, что ему „начхать“ на латынь, да и на гимназію тоже, но потомъ смирился и со скрежетомъ зубовнымъ началъ каждый день ходить заниматься къ рекомендованному репетитору, который, по странной случайности, приходился роднымъ племянникомъ учителя латинскаго языка. Возвращался онъ оттуда очень поздно, усталый и раздраженный, запирался въ своей комнатѣ на ключъ и никого къ себѣ не пускалъ. Въ первое время Стеша даже рада была этому и сама избѣгала свиданій съ Вадичкой, но затѣмъ обидѣлась и, прокравшись однажды ночью къ Вадичкѣ, устроила ему дикую сцену со слезами, упреками и поцѣлуями. Вадичка былъ ошеломленъ; онъ никогда не думалъ, чтобы это было серьезно, и попробовалъ отдѣлаться отъ Стеши своей обычной грубостью.

— Ну, убирайся, пожалуйста! — сказалъ онъ, отталкивая отъ себя растерзанную, ревущую Стешу.—Терпѣть не могу бабьихъ драмъ; мнѣ некогда такими глупостями заниматься. Когда позову—приходи, а сама не смѣй ко мнѣ врываться. Мнѣ теперь не до нѣжностей; я занятъ.

Но въ Стешу точно бѣсъ вселился. Ея кукольное личико исказилось злобой; углы губъ опустились книзу, румяныя щеки потемнѣли,—она вдругъ постарѣла на десять лѣтъ и изъ веселой, робкой дѣвочки превратилась въ свирѣпую мегеру.

— А, вы вотъ какъ?—прошипѣла она, задыхаясь.—Побаловались, да и будетъ? Ну, ужъ это нѣтъ! Мнѣ на ваши занятія наплевать... Возьму вотъ, да мамашѣ все и разскажу... Такъ вотъ и закричу на весь домъ, — пускай придутъ, да посмотрятъ, а я все и разскажу, все и разскажу...

Вадичка испугался. Бабья драма оказывалась еще хуже латыни... Онъ схватилъ Стешу за руку и посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Ну, и дура! Вотъ дура-то! — сказалъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ. — Ну, что такое случилось? Ничего не случилось, а она реветъ. Я, братъ, этого не люблю: хочешь меня любить, такъ люби просто, а слезы эти да истерики оставь. У меня и такъ отъ этой проклятой латыни голова трещитъ. Ну, будетъ, перестань, давай лучше цѣловаться.

Они начали цѣловаться, и Стеша ушла отъ Вадички, примиренная и растроганная. Всетаки это былъ единствен-

ный человѣкъ въ домѣ, съ которымъ ей не нужно было очень притворяться и разыгрывать изъ себя беззаботную дѣвочку—Стешу; общій грѣхъ связывалъ ихъ съ Вадичкой, и отъ мысли, что она не одна въ своемъ грѣхѣ и позорѣ, Стешѣ становилось легче.

Но Вадичка послѣ этой сцены призадумался. Связь съ горничной начинала тяготить его и раньше, а теперь Стеша и совсѣмъ уже ему опротивѣла. Онъ вдругъ замѣтилъ, что она и некрасива, и груба, и вульгарна; ему казалось, что отъ нея пахнетъ потомъ и мышами, и когда она приходила къ нему, онъ ежился отъ стыда и отвращенія. Но изъ боязни сценъ и скандаловъ, онъ старался скрывать свое отвращеніе къ ней и насильно принималъ ея наивныя ласки. А когда она уходила отъ него, онъ открывалъ форточку и, угрюмо шагая по комнатѣ, думалъ: „Ну, и влетѣлъ же я въ исторію!“

XII.

На улицахъ журчали ручейки; подъ крышей ворковали голуби; степенныя галки озабоченно долбили носами стѣну, приготовляя будущее гнѣздо. Потомъ горячее весеннее солнце выпило всѣ ручейки и высушило землю; между плитами тротуаровъ пробилась зеленая травка; на сиреняхъ распухли почки, а подъ заборами въ тѣни пробивались какіе-то жирные бѣлорозовые стебельки, торопливо развертывали мохнатыя лапки и черезъ день, черезъ два поваръ съ рѣшетомъ собиралъ уже здѣсь первую крапиву и варилъ зеленыя щи. Но Стеша ничего этого не замѣчала и совсѣмъ не видѣла весны. Весь міръ для нея сосредоточился въ темной гардеробной за шкафомъ, гдѣ она пряталась по ночамъ съ своими мыслями и своей тайной. Тамъ было единственное окно, которое никогда не отворялось, и шумъ весны едва-едва проникалъ въ эту сырую комнату, заваленную разнымъ домашнимъ хламомъ и насквозь пропитанную пылью и паутиной. И вся жизнь казалась Стешѣ похожей на гардеробную: ничего въ ней не было, кромѣ пыли и ненужнаго хлама, и такъ скучно, такъ страшно, такъ темно было жить...

На страстной недѣлѣ Зинаида спросила Стешу:

— Ты что же, умница, говѣть-то будешь?

Стеша смутилась, но скрыла свое смущеніе и развязно отвѣчала:

— Вотъ еще, когда тутъ говѣть, Зинаида Петровна? Кабы раньше сказали, а теперь столько дѣловъ будетъ, и не управиться!

Зинаида посмотрѣла на нее съ укоризной. Она сама только что отговѣла и, пріобщившись святыхъ таинъ, чувствовала въ себѣ такую близость къ Богу, что всѣ земныя дѣла представлялись ей пустыми и ничтожными.

— О дѣлахъ-то нечего думать,—сказала она строго.— Дѣла то не уйдутъ. Дни теперь великіе, молиться надо.

— Ну, еще успѣю намолиться! — воскликнула Стеша и больше не возвращалась къ этому разговору.

Зинаида и сама скоро о немъ забыла. Нужно было готовиться къ празднику: выносили и выбивали мебель, чистили и мыли посуду, серебро, цвѣты, натирали полы, готовили куличи и пасхи, красили яйца. Поваръ, какъ всегда въ торжественныхъ случаяхъ, запилъ, и Зинаидѣ самой пришлось ставить опару и выбивать тѣсто для куличей. Вся святость съ нея соскочила, и съ растрепанными волосами, въ нижней юбкѣ безъ кофты, страшная, потная и злая, она владычествовала въ кухнѣ, какъ жрица какого-то свирѣпаго, обжорливаго божества. Огромная русская печь топилась день и ночь; пламя ревѣло, наполняя кухню удушливымъ жаромъ; на противняхъ жарились индюшки и поросята, запекались жирные окорока, дымился и шипѣлъ кровавый ростбифъ. Стеша дѣятельно помогала Зинаидѣ и, не чувствуя подъ собою ногъ, летала по всему дому, сверху внизъ и снизу вверхъ. Ни ѣсть, ни пить, какъ слѣдуетъ, имъ было некогда: онѣ вставали еще въ потемкахъ, кое-какъ находу пили вчерашній холодный чай съ кускомъ черствой булки, потомъ начиналась стряпня и бѣготня, ставились самовары, убирались комнаты, вынимались изъ печи горячіе куличи,—и только поздняя ночь сваливала ихъ, наконецъ, гдѣ попало, чтобы хоть на минутку дать передышку омертвѣлымъ отъ усталости членамъ.

Въ такомъ аду прошла вся Страстная; за то, когда полночные колокола загудѣли надъ городомъ, въ тулупьевскомъ домѣ все было готово, и свѣтлое праздничное настроеніе разливалось по чистымъ, красиво убраннымъ комнатамъ. Передъ образами тихо сіяли кроткія лампады, и нѣжный свѣтъ ихъ отражался точно въ водѣ въ блестящемъ паркетѣ половъ. Бѣлоснѣжные занавѣсы пышными складками ниспадали съ золоченыхъ багетъ, и только чуть-чуть замѣтный запахъ утюга и крахмала, сохранившійся въ этихъ складкахъ, напоминалъ о корытахъ съ мыльной водой, объ угарной прачешной, о чьихъ-то мозолистыхъ рукахъ, много поработавшихъ сегодня. Все блестѣло, сверкало, нигдѣ не было ни пылинки. Пасхальный столъ былъ накрытъ въ залѣ, и на немъ, среди вазъ и корзинъ съ цвѣтущими гіацинтами, желтофіолями, примулами, торжественно и важно стояли

приземистые куличи, возвышались стройныя, воздушныя бабы и красовалась на особомъ блюдѣ какая-то необыкновенная сливочная пасха, которая называлась „умопомрачительной“ и представляла гордость Зинаиды. Тонкій запахъ цвѣтовъ сливался съ запахомъ сдобнаго тѣста и за[...] сокъ и наполнялъ залу какимъ-то особеннымъ праздн[...]нымъ ароматомъ, который пріятно щекоталъ горло, возбуждалъ мозгъ и вызывалъ въ воображеніи цѣлую вереницу легкихъ, воздушныхъ картинъ пріятной праздности и веселья. И, глядя на этотъ красиво убранный столъ, покрытый блестящей скатертью съ изящно связанными внизу концами, вдыхая въ себя нѣжный ароматъ весеннихъ цвѣтовъ, какъ-то странно было думать о темномъ, сыромъ подвалѣ, о раскаленной печи, дышущей адскимъ жаромъ, о безсонныхъ ночахъ, грязной посудѣ, помойныхъ ведрахъ, объ измученныхъ людяхъ, растрепанныхъ, обозленныхъ, ругающихся изъ-за какой-нибудь коринки, которой не хватило, изъ-за тѣста, которое не взошло, изъ-за сливокъ, которыя не во время скислись... Казалось, что ничего этого нѣтъ и не можетъ быть, что этотъ красивый столъ самъ собою явился среди цвѣтовъ, точно въ сказкѣ... А тихій свѣтъ лампады, бѣлая пѣна кружевныхъ занавѣсовъ, чуткая тишина, пѣніе праздничныхъ колоколовъ навѣвали сладкіе сны и говорили о томъ, что человѣкъ созданъ для радости и счастья.

M-me Тулупьева въ свѣтломъ платьѣ, элегантно причесанная, вышла изъ своей комнаты, заглянула въ залу и осталась очень довольна. Все было такъ, какъ всегда, но тулупьевски,—изящно, красиво и обильно. „Зинаида положительно незамѣнима!“ подумала она. Какъ бы отвѣчая на эту мысль, вынырнула откуда-то Зинаида и остановилась передъ барыней. Она была одѣта въ синее шерстяное платье, обшитое кружевами, на головѣ кружевной чепчикъ съ голубыми бантами; въ лицѣ умиленная торжественность и кроткое спокойствіе.

— Сударыня, я въ церковь иду. Куличи и пасхи надо святить.

— Хорошо. Андрей заложилъ лошадь?

— Ужъ поданы. Давно дожидаются.

— Мы въ гимназическую церковь поѣдемъ. Скажи Вадичкѣ, чтобы одѣвался; я уже готова. Сейчасъ и Тотоша выйдетъ.

— Слушаю, сударыня. Разговляться одни будете?

— Не знаю, можетъ быть, тетя Лида заѣдетъ. А кто же у насъ дома останется?

— Степанида остается.

Выбѣжала Тотоша въ воздушномъ бѣломъ платьицѣ,

легонькая, кудрявая, веселая, точно весенняя бабочка. Она обѣжала кругомъ стола, понюхала цвѣты, увидѣла сливочную пасху и радостно всплеснула руками.

— Ахъ, умопомрачительная пасха! Мамочка, я больше всего на свѣтѣ ее люблю.

M-me Тулупьева и Зинаида снисходительно улыбались.

Вышли въ переднюю. Вадичка былъ уже тамъ и, брюзжа, натягивалъ бѣлыя перчатки, которыя ему были малы. M-me Тулупьева смотрѣла на него съ гордостью: онъ былъ очень строенъ въ новомъ мундирѣ на бѣлой шелковой подкладкѣ, и отросшіе усики, обильно смазанные таинственнымъ усатиномъ, очень къ нему шли. Совсѣмъ молодой человѣкъ... пріятно быть матерью такого красиваго сына.

— Степанида, что же ты одѣваться не подаешь?—заговорила Зинаида, появляясь въ передней съ огромными узлами въ обѣихъ рукахъ.—Стоитъ, какъ идолъ!.. Не видишь, я съ куличами...

Степанида бросилась къ вѣшалкѣ. Въ затрапезномъ платьѣ, не причесанная, съ красными и опухшими отъ безсонныхъ ночей глазами, она была грязнымъ пятномъ среди бѣлыхъ лентъ, бѣлыхъ кружевъ, бѣлыхъ перчатокъ, наполнявшихъ переднюю. Просовывая руки въ рукава пальто, Вадичка взглянулъ мелькомъ на ея постарѣвшее, поблекшее лицо и сейчасъ же потупился съ смутнымъ чувствомъ стыда и боязни, которое онъ всегда испытывалъ, встрѣчаясь съ Стешей въ присутствіи другихъ.

— Скорѣй, скорѣй, дѣти!—торопила m-me Тулупьева.— Опоздаемъ!

Всѣ заспѣшили выходить. Но, сбѣгая по лѣстницѣ, Вадичка не переставалъ думать о Стешѣ, которая оставалась въ домѣ одна въ эту свѣтлую, праздничную ночь, полную таинственной радости, и ему вдругъ стало ее жаль. Гулъ колоколовъ, отъ котораго, казалось, дрожало небо, свѣжій вѣтерокъ съ запахомъ весны и земли, крупныя, молчаливыя звѣзды, разсыпанныя въ бездонной синевѣ,—все это говорило о великой всепрощающей любви и согрѣло холодное Вадичкино сердце. Онъ вспомнилъ, что въ карманѣ у него лежитъ подарокъ для Стеши, и захотѣлъ ее утѣшить.

— Ахъ, платокъ забылъ!—воскликнулъ онъ, останавливаясь.—Садитесь пока, я сейчасъ...

Онъ побѣжалъ назадъ и отворилъ дверь въ переднюю. Стеша сидѣла у стола, опустивъ голову на руки, и плакала.

— Что ты?.. О чемъ?—спросилъ Вадичка растерянно.

— Такъ... — пробормотала Стеша, поспѣшно вытирая глаза.

Вадичка посмотрѣлъ на нее, и нѣжное чувство къ ней, навѣянное поэзіей пасхальной ночи, быстро потухло. Но онъ переломилъ себя и подошелъ къ ней.

— А я... вотъ видишь... похристосоваться... Завтра, можетъ, нельзя будетъ... такъ вотъ... На, возьми!

Онъ неуклюже вынулъ изъ кармана дешевое фарфоровое яйцо и положилъ передъ Стешей. Она равнодушно взглянула на подарокъ и, громко всхлипнувъ, повисла у Вадички на шеѣ.

— Миленькій, хорошенькій...—бормотала она, прижимаясь къ его лицу мокрыми отъ слезъ щеками.—Не надо мнѣ, ничего не надо... Я и такъ васъ до смерти люблю... а ты... не любишь... никто меня не любитъ... бѣдная я... несчастная я...

— Ну, будетъ!—сказалъ Вадичка, брезгливо отъ нея отстраняясь.—Уйди... воротничекъ сомнешь. Отъ тебя мышами пахнетъ.

— Миленькій! хорошенькій!—взвыла Стеша и вцѣпилась ему въ пальто.

— Идіотка!—прошепталъ Вадичка и, оттолкнувъ ее отъ себя, побѣжалъ внизъ. Платокъ, пропитанный духами, оказался у него въ карманѣ, и всю дорогу до церкви Вадичка тщательно стиралъ имъ съ своего лица слѣды Стешиныхъ слезъ и поцѣлуевъ.

Стеша осталась одна. Тоска и обида раздирали ея сердце; ей казалось, что всѣ нарочно ее бросили, забыли, что никто ея не жалѣетъ и не любитъ. Гулъ колоколовъ, наполнявшій весь городъ, еще больше подчеркивалъ ея одиночество и пустую тишину дома. Стеша представляла себѣ оживленіе улицъ, ярко освѣщенныя церкви, нарядную, веселую толпу, радостное пѣніе, радостные голоса, и ей хотѣлось уйдти куда-нибудь, исчезнуть, умереть... Лучше всего умереть, потому что уйдти было некуда. Куда бы она ни пошла, ея позоръ, ея животъ пойдетъ вмѣстѣ съ нею, и вездѣ она встрѣтитъ такихъ же злыхъ, равнодушныхъ и подлыхъ людей. Никто ея не пожалѣетъ, и некому ей разсказать о своемъ несчастьи. А вѣдь еще недавно она была такая же, какъ и всѣ, и также ходила къ заутренѣ со всѣми и также радовалась, и ставила свѣчи передъ образами, и пѣла „Христосъ воскресе“... Стеша закрыла глаза, и ей, точно вчера это было, ярко вспомнилась прошлогодняя Пасха, пріютскій садъ, гдѣ онѣ катали яйца, крикъ грачей на сырыхъ дорожкахъ, голубые подснѣжники, пробивающіеся сквозь истлѣвшіе листья, беззаботный смѣхъ, беззаботная бѣготня и... Пашенька. Пашенька! Это имя заставило Стешу встрепенуться и высушило слезы на ея глазахъ. Пашенька...

вотъ кому можно все разсказать безъ страха и стыда! Она умная и добрая, хоть и сердитая; она смѣяться не будетъ и, навѣрное, что-нибудь посовѣтуетъ, а если и выругаетъ, то это не бѣда, такъ и надо...

„Дура я, дура!—думала Стеша.—И Пашенька всегда меня дурой называла. Какъ это я про нее забыла. Отпрошусь завтра и пойду въ пріютъ. Все разскажу до капельки, а Пашенька придумаетъ, какъ мнѣ быть. Милая моя Пашенька, добренькая злючка, выручи меня, дурочку, изъ бѣды!"

Колокола замолчали; тулупьевскій домъ цѣпенѣлъ въ объятьяхъ тишины. Только изрѣдка съ желѣзной дороги доносились короткіе, сиплые свистки паровоза и снова падали въ тишину, точно перехваченные чьею-то гигантскою рукой.

Стеша отворила окно, и чистое, холодное небо, окропленное частыми, холодными звѣздами, заглянуло въ душную переднюю, дохнуло свѣжестью въ заплаканное лицо Стеши, разсѣяло мрачный кошмаръ, который день и ночь давилъ ея испуганную душу. Робкая надежда затеплилась въ Стешиномъ сердцѣ. Она легла грудью на подоконникъ и, глядя на звѣзды, которыя казались ей очами всевидящаго Бога, стала молиться. „Господи, золотой мой, драгоцѣнный, прости меня, грѣшную!" наивно шептала она. „Господи, иже еси на небеси, спаси меня, я больше никогда не буду... Помилуй меня и отпусти, какъ отпустилъ блудницу, и избави меня отъ лукаваго. Господи, Батюшка мой родненькій, пожалѣй меня, глупую, несчастную сиротку..." И ей чудилось, что небо слышитъ эту молитву, и дѣтская душа ея вѣрила, что Богъ пожалѣетъ ее и проститъ...

Въ сосѣдней церкви затрезвонили весело и торопливо, точно спѣша прежде всѣхъ возвѣстить міру, что Христосъ не умеръ, а живъ, что Онъ во всей славѣ своей возсталъ изъ могильнаго тлѣнія и мрака. „Христосъ воскресе!" прошептала Стеша и перекрестилась. „Обошли уже съ крестнымъ ходомъ... хорошо теперь въ церкви, свѣтло, всѣ христосуются. Сейчасъ, пожалуй, и наши придутъ..."—Она затворила окно, и небо съ своими недремлющими Божьими очами ушло отъ нея далеко, и снова ея просвѣтлѣвшая душа, какъ птица въ клѣтку, вернулась въ эту душную тишину пустого тулупьевскаго дома. Такъ же ярко горѣла стѣнная лампа, и на столѣ лежало фарфоровое яйцо. Стеша взяла его и открыла бронзовую крышку; изъ яйца выскочилъ серебряный рубль и съ сухимъ звономъ покатился по полу. Что-то обидное, похожее на презрительный Бадичкинъ смѣхъ, было въ этомъ звонѣ, и Стешино сердце снова заки-

пѣло слезами негодованія. „Нашелъ чего подарить!“ подумала она, поднимая рубль. „Расщедрился тоже... Небось, барышнямъ своимъ эдакъ не дарятъ, а горничная—она таковская; сунулъ цѣлковый въ зубы и думаетъ—правъ. А я вотъ не возьму твоего цѣлковаго, на кой онъ мнѣ нуженъ?“

Стеша сердито сунула рубль обратно въ яйцо и положила подарокъ на Вадичкиномъ столѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ. А на улицѣ уже гремѣли пролетки, слышались оживленные голоса, народъ возвращался отъ заутрени и кто-то нетерпѣливо звонилъ у подъѣзда.

XIII.

На другой день послѣ обѣда Стеша отправилась въ пріютъ. Вчерашнія покаянныя мысли смѣнились суетнымъ желаніемъ показаться подругамъ въ полномъ блескѣ, и маленькая грѣшница разрядилась въ пухъ и прахъ. Она затянула въ корсетъ свою располнѣвшую талію, надѣла шелковую юбку, подаренную ей барыней, взбила кокъ на лбу, напудрила щеки и въ такомъ легкомысленномъ видѣ вошла въ пріютскій подъѣздъ. Отъ голыхъ стѣнъ корридора на нее повѣяло знакомымъ холодомъ, и когда дѣвочки въ бѣлыхъ праздничныхъ фартукахъ веселою, болтливою гурьбой окружили ее, Стеша немного смутилась и почувствовала себя чужой и страшно далекой отъ своей прежней жизни.

— Ну, что? Какъ ты? Хорошо живешь? Весело?—трещали дѣвочки, жадно разсматривая ея платье, прическу, перчатки на рукахъ, даже башмаки, которые были такъ непохожи на ихъ собственную неуклюжую обувь, извѣстную подъ названіемъ „шлепуновъ“.

Стеша конфузилась подъ ихъ любопытными взглядами, но въ душѣ была польщена такимъ вниманіемъ и охотно отвѣчала на вопросы.

— Живу ничего, слава Богу... Господа хорошіе, работа не трудная. Пища со стола... къ празднику подарки. Все, какъ слѣдуетъ...

— Счастливая! А у насъ-то тоска-тоскучая... Живемъ по командѣ, какъ въ арестантскихъ ротахъ. Ты ужъ, небось, все забыла, а мы день и ночь молимся,—скорѣй бы на волю!..

Стеша ничего имъ не возражала и, слушая оживленную болтовню, высматривала по сторонамъ Пашеньку. Но Пашеньки не было.

— А гдѣ же Пашенька?—спросила она, наконецъ.

Дѣвочки всѣ сразу замолчали и съ удивленіемъ посмотрѣли на Стешу.

— Пашенька? Ея нѣтъ. Да развѣ ты ничего не знаешь?

— Ничего не знаю. А что? Она на мѣсто поступила?

Дѣвочки пугливо переглянулись, потомъ еще тѣснѣе сдвинулись вокругъ Стеши и зашептали:

— Ахъ, нѣтъ, какое тамъ мѣсто! Ее выгнали...

У Стеши упало сердце, точно она въ пропасть провалилась.

— Какъ выгнали? За что?

— Тутъ цѣлый скандалъ вышелъ... Лизутка, поди, стань на караулѣ, смотри, какъ бы „стоглазая“ не вышла.. Какъ покажется, такъ и бѣги...

Лизутка стала на часахъ у дверей Ольги Игнатьевны, а дѣвочки, перебивая другъ друга, начали разсказывать, какъ было дѣло.

— Ты знаешь, вѣдь Пашенька всегда отчаянная была. Со всѣми зубъ за зубъ, и все какія-то книжки читала. Сколько ей мѣстовъ выходило, она ни за что. Не хочу, говоритъ, чужіе горшки выносить,—всѣ люди одинаковые, а я пойду лучше въ село деревенскихъ ребятъ грамотѣ учить. Экзаменъ хотѣла держать и все по ночамъ учебники долбила. Вотъ „стоглазая“ подсмотрѣла, да и нажаловалась на нее. Сдѣлали обыскъ, нашли книжки запрещенныя...

— И врешь, вовсе не запрещенныя!—перебилъ кто-то.— Естественная исторія была, да еще какая-то критика...

— Ну, все равно, намъ критику нельзя читать. Вотъ и собрались всѣ: попечитель нашъ пріѣхалъ, Мальская— чисто совѣтъ нечестивыхъ! Позвали Пашеньку на расправу. А она возьми, да при всемъ соборѣ Мальскую дурой и окрести. Такъ и сказала: „шпіонка вы, говоритъ, и дура!..“ Ну, ее сейчасъ же и выставили. Собрала она свои книжки и ушла.

— Куда ушла?—спросила Стеша.

— Неизвѣстно. Намъ съ ней и проститься не позволили. Только и посейчасъ отъ „стоглазой“ житья нѣтъ: вездѣ ищетъ, по карманамъ лазитъ, подъ тюфяками смотритъ, не завелась ли гдѣ критика. Вотъ намедни...—По корридору мчалась испуганная Лизутка, махая руками.

— Идетъ! Идетъ!

Дѣвочки разступились, принявъ невинный видъ. Къ нимъ подошла Ольга Игнатьевна, немножко заспанная, но все такая же прилизанная и засохшая, какъ мумія, тысячу лѣтъ пролежавшая въ гробу. Стеша почтительно съ ней похристосовалась, и Ольга Игнатьевна удостоила прикоснуться къ ея губамъ своими холодными, жесткими губами, отъ которыхъ пахло цикоріемъ и губной помадой.

— Какая толстая стала! — сказала она, подозрительно осматривая Стешу.—Хорошо живешь?

— Ничего, слава Богу,—отвѣчала Стеша, вся вспыхивая подъ пронзительнымъ взглядомъ „стоглазой“.

— Ну, вотъ видишь!—наставительно вымолвила надзирательница.—Наши пріютскія всегда мѣстами довольны. Будь сама хороша, и тебѣ будетъ хорошо, а возноситься нечего. Изъ грязи не выйдешь въ князи...

Она долго еще что-то говорила тягучимъ, тошнымъ голосомъ и разспрашивала Стешу о Тулупьевыхъ, о томъ, сколько комнатъ, какъ ѣдятъ у нихъ, кто бываетъ... Стеша была уже на улицѣ, а ей все казалось, что въ ушахъ у нея жужжитъ сухая, холодная, скучная рѣчь ея бывшей воспитательницы. Опомнилась она только передъ подъѣздомъ Тулупьевскаго дома. Здѣсь все было по прежнему, ничто не измѣнилось, и опять нужно идти въ свой уголъ за шкафомъ, гдѣ ждутъ ее тѣ же мучительныя ночи съ мучительными мыслями, съ мучительнымъ стыдомъ. Пашеньки нѣтъ, и некому помочь, не съ кѣмъ поговорить о своей бѣдѣ. „Шабашъ!“ думала Стеша, тяжело взбираясь по черной лѣстницѣ наверхъ. „Пропадать, такъ пропадать“...

У m-me Тулупьевой были гости: тетя Лида, m-me Мальская и мироточивый Іосафъ, который обыкновенно съ наступленіемъ праздниковъ переставалъ ѣсть на свой счетъ и кормился, переходя изъ дома въ домъ, у пасхальныхъ столовъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ. Когда Стеша возвратилась изъ пріюта, онъ уже былъ и сытъ, и пьянъ, и его жирный, хрюкающій голосъ наполнялъ весь домъ. Зинаида въ столовой возилась съ кофейнымъ приборомъ.

— Ну-ка, барыня, возьми подносъ, да кофей въ гостиную отнеси, — сказала она Стешѣ. — Устала я, какъ сучка, прости ты меня, Господи, а ты гуляешь. Пожалѣла бы мою старость.

Стеша, угрюмо насупившись, смотрѣла на густую коричневую струю, лившуюся изъ кофейника въ чашки, и острая ненависть къ этому дому, къ вѣчной ѣдѣ, ко всей этой сытой, праздной жизни зажглась въ ея сердцѣ.

— Мы-то жалѣемъ!—пробурчала она.—Вотъ насъ-то никто не жалѣетъ...

Зинаида съ удивленіемъ взглянула на потемнѣвшее лицо Стеши.

— Чего ты? Еще не нагулялась? Дуется, какъ мышь на крупу! Бери подносъ, тебѣ говорятъ!

— Еще успѣютъ нажраться-то!—еще угрюмѣе проговорила Стеша. Кофе былъ налитъ, и пряный ароматъ его щекоталъ ноздри. Стешу мутило, туго стянутый корсетъ давилъ ей

грудь и жегъ ее, точно раскаленными щипцами. Раздѣться бы теперь, лечь въ постель, отвернуться къ стѣнѣ и плакать, плакать, плакать... Но надо было нести кофе, и, отвернувъ голову, чтобы не вдыхать въ себя его противнаго запаха, Стеша съ злымъ лицомъ взяла подносъ и пошла въ гостиную.

Тамъ сидѣли тѣснымъ кружкомъ вокругъ m-me Мальской, которая разсказывала что-то интересное. Это было видно потому, что всѣ были взволнованы: m-me Тулупьева вздыхала и ахала, не выпуская изъ рукъ кружевного платочка; у тети Лиды такъ тряслась голова, что накладка сдвинулась въ сторону и обнаружила желтую плѣшь; Іосафъ, выпятивъ животъ, негодующе хрюкалъ и изрѣдка издавалъ свирѣпые возгласы: „Ха!.. Безобразіе!.. Розгачей бы!.. Распрротокан-нальи эдакія“!..

— Вы представить себѣ не можете, что я вынесла!—трагически говорила m-me Мальская, стараясь сдѣлать такое лицо, какое она видѣла у одной московской актрисы въ роли Жанны d'Аркъ.—Это былъ для меня такой ударъ, такой ударъ!.. Эти несчастныя дѣвочки... я ихъ люблю, какъ своихъ собственныхъ дочерей. Я свою жизнь имъ посвятила... я ночей не сплю... я совершенно отказалась отъ общества ради нихъ... И вотъ награда...

— Но какъ же она смѣла? Какъ она смѣла?—стонала m-me Тулупьева.

— Откуда это у нихъ? Гдѣ онѣ видятъ это? Гдѣ слышатъ?

— Но, ma chère, развѣ я вамъ не говорила? Вѣдь у нея подъ подушкой нашли .. Писарева!..

— Писарева?!—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ и съ ужасомъ переглянулись, какъ будто въ гостиную вдругъ вползло отвратительное чудовище.

Стеша разносила кофе и жадно прислушивалась къ разговору. Она уже догадалась, что рѣчь идетъ о пріютскомъ скандалѣ; злая радость сверкала въ ея глазахъ, и въ то время, какъ она въ почтительной позѣ стояла съ подносомъ передъ m-me Мальской, ей хотѣлось засмѣяться прямо въ ея напудренное лицо. „Ишь, раскудахталась!“ думала она: „Молодчина—Пашенька, ловкую пулю отлила, за всѣ наши сиротскія слезы отплатила. Что, съѣла дуру, фуфыря длиннохвостая? Небось, не нравится? То-то, попробуй сама... не все нашей сестрѣ отъ васъ всякій срамъ переносить“...

— Спасибо, милая, — небрежно сказала m-me Мальская, взявъ съ подноса чашку, и снова продолжала:—Когда я увидѣла эту ужасную книгу, я чуть не умерла... Это на меня

такъ подѣйствовало!.. Я потомъ нѣсколько дней рукъ не могла отмыть... Мнѣ все казалось, что я отравлена.

— Еще бы!—сочувственно проговорила тетя-Лида.—Писаревъ!.. Mon Dieu! Я шестьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ и никогда въ руки не брала этихъ книгъ. Воображаю, что тамъ пишутъ!.. Страшно подумать. Cela me fait venir la peau de poule!

— Ахъ, онѣ ничего не боятся! Эта... госпожа имѣла дерзость сказать мнѣ на совѣтѣ возмутительную вещь... Для васъ, говоритъ, Писаревъ все равно, что для чорта ладонъ... Каково?

— Quelle pimbêche!—прошептала тетя Лида, и накладка у нея съѣхала на другой бокъ.

— Сами виноваты! — сказалъ Іосафъ, подливая себѣ въ кофе коньяку.—Возитесь съ этой дрянью, всячески ублажаете, вотъ и распустили, разбаловали и дожили до того, что всякая теперь кухарчонка въ студентессы лѣзетъ! Спрашивается, на кой чортъ ихъ учатъ? По моему такъ: кухарка—стряпай, прачка—стирай. Это законъ природы, а къ книжкамъ я бы ихъ на пушечный выстрѣлъ не подпускалъ. Не твое дѣло, матушка!

— Ахъ, правда!—хоромъ пропѣли дамы.

— А то пошли эти гимназіи разныя, стипендіи, акушерскіе курсы какіе-то!—продолжалъ Іосафъ.—Баловство все это, больше ничего! Никакого акушерства мужику не нужно. Я, когда гласнымъ былъ, ни одной стипендіи не пропустилъ. Бывало, читаютъ въ собраніи: „прачкина дочь такая-то, желая изучать медицину, проситъ дать ей стипендію“... Я всегда противъ. Помилуйте, говорю, господа, что же это будетъ, когда всѣ прачки медицину захотятъ изучать? Самимъ, что ли, бѣлье-то стирать? А? Да такую имъ картину нарисую, что твой послѣдній день Помпеи... Притихнутъ мои голубчики и единогласно: отказать!..

— Ахъ, все это было!—меланхолически вздохнула m-me Тулупьева.—Теперь уже не то...

— Теперь не то! — какъ эхо, повторила m-me Мальская. Теперь *они* вездѣ и занимаютъ первыя мѣста. Это ужасно!

— Ну, гдѣ же это?—проворчалъ Іосафъ и подлилъ себѣ коньяку уже безъ кофе.

— Ахъ, Боже мой, вездѣ! Кто пишетъ въ газетахъ, въ журналахъ? Они! Кто служитъ въ земствахъ? Они! Кто учится въ гимназіяхъ, въ университетахъ, въ академіяхъ? Все они, они и они... Это положительно какое-то Мамаево нашествіе... Страшно жить!

— C'est vrai, c'est vrai!—прокаркала тетя Лида.—Я вамъ говорю—cela touche... Rien n'y fait!

Стеша съ пустымъ подносомъ стояла за дверями и слу-

шала. Она понимала не все, но чутьемъ ловила смущеніе и растерянность въ голосахъ господъ, и это доставляло ей жгучее удовольствіе. Чьи-то шаги заставили ее быстро отпрянуть отъ двери.

Вошелъ Вадичка.

— А, Степанида-Соломонида!—иронически сказалъ онъ — Ну-ка, поди сюда.

Степанида смотрѣла въ землю и не двигалась. Въ эту минуту она не чувствовала къ Вадичкѣ никакой любви, и его насмѣшливое обращеніе къ ней возбудило въ ея душѣ глухую злобу.

Вадичка посмотрѣлъ на ея пылающія щеки и подошелъ къ ней самъ.

— Ты зачѣмъ же это яйцо ко мнѣ на столъ положила?— тихо спросилъ онъ.—Вѣдь я тебѣ его подарилъ?

— Не нуждаюсь!—угрюмо вымолвила Стеша.

— Вотъ тебѣ и разъ! Чего ты злишься? Ну, возьми, пожалуйста, что это за дурацкія выходки? Слышишь?

— Слышу!—отозвалась Стеша и, повернувшись къ нему спиной, вышла.

Вадичка покраснѣлъ и хотѣлъ было обозвать ее, по обыкновенію, дурой, но почему-то раздумалъ и, хмурый, удалился въ свою комнату. Дѣло начало принимать серьезный оборотъ.

XIV.

Послѣ Пасхи въ городѣ сразу наступила жара; горячая пыль носилась по улицамъ, раздражающе трещали по камнямъ пролетки, и m-me Тулупьева собралась въ деревню къ дядѣ своего покойнаго мужа. Прежде они уѣзжали всегда въ концѣ мая или въ началѣ іюня, когда у Вадички кончались занятія, но въ этомъ году m-me Тулупьева рѣшила ускорить свой отъѣздъ, чтобы доставить какъ можно больше удовольствія Тотошѣ, которая осенью должна была поступить въ институтъ. Дома оставались Вадичка, Зинаида, Стеша и дворникъ; повара, наконецъ, прогнали за пьянство, а кучеръ Андрей съ лошадьми отправился въ имѣніе до осени. Въ комнатахъ стало какъ-то пусто и неуютно; картины и зеркала были затянуты зеленой марлей отъ мухъ; лампы стояли въ чехлахъ; ковры вынесли въ кладовую, вездѣ пахло листовымъ табакомъ и нафталиномъ. Вадичка ходилъ злой и ко всѣмъ придирался, потому что ему не хотѣлось учиться и досадно было, что онъ не можетъ уѣхать въ деревню, но Стеша радовалась отъѣзду господъ и послѣдніе дни ожила и повеселѣла. Ее измучила необходимость вѣчно притво-

ряться и затягиваться въ корсетъ, и смутная надежда, что все какъ-нибудь уладится и кончится незамѣтно, зародилась въ ея душѣ.

Уѣзжали 29 апрѣля. Пара извозчичьихъ пролетокъ уже стояла у подъѣзда, и Стеша, обливаясь потомъ, таскала чемоданы и корзины. M-me Тулупьева и Тотоша, одѣтыя по дорожному, прощались съ Вадичкой, который дулся и брюзжалъ.

— Ну, мой дружочекъ, до свиданія!—говорила m-me Тулупьева, крестя Вадичку одной рукой, а другой смахивая съ глазъ набѣгавшія слезы.—Учись, голубчикъ... пожалуйста, не пропускай уроковъ!

— Да знаютъ ужъ!—ворчалъ Вадичка, равнодушно принимая материнскія ласки и благословенія.— Вамъ хорошо... а тутъ сиди въ этой духотищѣ и зубри... Очень пріятно!

— Что же дѣлать, Вадичка, вѣдь необходимо... Здоровье, здоровье береги, мой другъ,—ложись пораньше и, пожалуйста, не ходи по... садамъ, театрамъ разнымъ... Богъ съ ними! Ничего хорошаго тамъ нѣтъ. Зинаида, ты смотри хорошенько... я тебѣ поручаю!

— Слушаю-съ!!—отзывалась Зинаида, стоявшая поодаль въ кашемировой накидкѣ и кружевномъ платочкѣ. Она тоже ѣхала провожать Тулупьевыхъ на вокзалъ.

Прибѣжала запыхавшаяся Стеша и объявила, что все готово.

— Ну, пойдемте, мамаша!—нетерпѣливо сказалъ Вадичка.— Опоздаете на поѣздъ!

На одну пролетку сѣли Вадичка съ m-me Тулупьевой, на другую—Зинаида съ Тотошей. Стеша бѣгала отъ одной пролетки къ другой, подсаживала, перекладывала удобнѣе вещи, закутывала пледами ноги m-me Тулупьевой.

— Прощайте, барышня!—шепнула она Тотошѣ и взяла ее за руку, чтобы поцѣловать.

Но Тотоша, сморщившись, выдернула руку и нетерпѣливо крикнула извозчику: „поѣзжай!“

„Ишь ты какая!“ съ обидой подумала Стеша. „Прежде ласковая была, а теперь... словно чуетъ!“

Пролетки, подпрыгивая и дребезжа, отъѣхали; Стеша проводила ихъ глазами и пошла въ домъ.

— Проводили господъ?—крикнулъ ей дворникъ, стоявшій у воротъ, и двусмысленно захохоталъ.—Скучать будете, приходите къ намъ въ гости!

Стеша не отвѣтила и захлопнула за собою дверь. Въ опустѣвшихъ комнатахъ ее охватило чувство свободы и покоя. Она прошлась по гостиной, заглянула въ спальню m-me Тулупьевой и отворила окно, выходившее въ садъ. Оттуда

пахнуло свѣжестью, ароматомъ распускающихся листьевъ, сырымъ запахомъ нагрѣтой земли.

Все жило, сверкало, радовалось, и Стешѣ хотѣлось жить и радоваться. Побѣгать бы теперь по дорожкамъ, попрыгать, какъ эти воробушки, поваляться на жидкой, но уже мягкой, нѣжной травкѣ... Стеша громко засмѣялась, но сейчасъ же вздрогнула и отпрянула отъ окна... Туго стянутое корсетомъ живое существо забилось въ ней, какъ будто напоминая о себѣ—капризно, настойчиво, властно: „я здѣсь! я здѣсь!“

— Нѣтъ, ужъ видно, не гулять мнѣ больше!—прошептала Стеша и, закрывъ окно, согнувшись, какъ старуха, тяжело шаркая ногами, побрела къ себѣ въ гардеробную полежать.

Послѣ отъѣзда m-me Тулупьевой въ домѣ потекли однообразные, тихіе, длинные дни. Вадичка, освободившись изъ подъ надзора матери, большую часть времени проводилъ внѣ дома,—утро въ гимназіи, вечеръ у товарищей, и возвращался къ себѣ часа въ два, въ три ночи. Стеши онъ избѣгалъ; у него завелись другія интрижки, болѣе интересныя, а когда горничная попадалась ему на глаза, онъ молча старался проскользнуть мимо. Стеша была рада этому; беременность и вѣчный страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ вытѣснили всѣ другія чувства, и любовь ея къ Вадичкѣ остыла. Она цѣлые дни просиживала въ гардеробной у окна, перешивая какія-то тряпки. Зинаида ея не тревожила: она тоже наслаждалась покоемъ и чаще обыкновеннаго чистила себѣ зубы табакомъ. Ухаживать было не за кѣмъ, бѣгать некуда, убирать нечего. Кушанья готовились только для Вадички, а сами онѣ питались разогрѣтыми остатками и пили чай. Разговаривать имъ было не о чемъ, и когда Вадичка уходилъ изъ дому, домъ погружался въ мертвое молчаніе.

— Чисто у васъ монастырь теперь!—говорилъ дворникъ, встрѣчая иногда Стешу на дворѣ или за воротами.—Скукота, я погляжу, хоть бы погулять вышли! Чай, не старушка!

Онъ пробовалъ было поухаживать за Стешей, подъѣзжалъ къ ней съ сѣмечками, съ орѣшками, съ гармоникой, но Стеша не поддавалась и даже не замѣчала его подходовъ. Животъ ея росъ, а вмѣстѣ съ нимъ росли и заботы о томъ, что будетъ. Не радовали ея ни зеленая весна, ни блескъ и трепетаніе молодой листвы, ни звонкіе голоса птицъ, и ликующій шумъ жизни не достигалъ до ея подавленнаго сознанія.

Она давно забыла, какъ смѣются, и, отупѣвшая, молчаливая, какъ больной звѣрь, пряталась въ своемъ углу, избѣгая людей, избѣгая улицъ. Здѣсь ей казалось безопаснѣе, и,

когда Зинаида посылала ее зачѣмъ-нибудь въ лавки, она неохотно шла и спѣшила вернуться домой.

Зинаидѣ сначала это нравилось, а потомъ она стала удивляться.

— И чего ты все сидишь?—говорила она.—Пошла бы, погуляла, за воротами бы посидѣла,—а то лѣто пройдетъ, не воротишь!

— Не хочется, Зинаида Петровна,—отвѣчала Стеша.

„Замоталась дѣвка за зиму, отдыхаетъ!“ думала Зинаида: „Ну, пускай“...

И, начиствивъ зубы табакомъ, ложилась на кровать и погружалась въ туманныя грезы о быломъ, когда и солнце было ярче, и жили веселѣе, и сама она была не сморщенною, высохшею старушонкой, „кіевской вѣдьмой“, а статною, чернобровой красоткой...

А весна распускалась пышно и красиво, подъ окнами цвѣла бѣлая и лиловая сирень, въ акаціяхъ жужжали пчелы, и нѣжный, какъ дыханіе ребенка, вѣтерокъ о чемъ-то шептался съ старой яблонькой и цѣловалъ ея бѣло-розовые цвѣты. Галки подъ крышей уже вывели птенцовъ, и они съ утра до вечера жадно и нетерпѣливо пищали, а по ночамъ, когда затихала уличная ѣзда, въ кустахъ у воротъ пѣлъ соловей. Все жило, все радовалось...

В. І. Дмитріева.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

АББАТЪ ЖЮЛЬ.

Романъ *Октава Мирбо.*

Переводъ съ французскаго С. Б.

I.

Мои родители почти никогда не разговаривали между собою, кромѣ случаевъ, когда отецъ послѣ какой-нибудь тяжелой операціи или трудныхъ родовъ описывалъ за столомъ въ техническихъ, часто латинскихъ терминахъ тревожные моменты событія. И это не потому, чтобы они сердились другъ на друга; наоборотъ, они очень другъ друга любили, были дружны, вообще рѣдко можно было встрѣтить болѣе согласную семью. Но привычка жить одними и тѣми же мыслями и впечатлѣніями, при полномъ отсутствіи романтизма отъ природы, исключала надобность въ разговорахъ. И мнѣ они не находили, что сказать: по ихъ мнѣнію, я былъ слишкомъ великъ для дѣтскихъ сказокъ и слишкомъ малъ для серьезныхъ вопросовъ. Къ тому же они были убѣждены, что хорошо воспитанный ребенокъ долженъ открывать ротъ только въ трехъ случаяхъ: когда онъ ѣстъ, отвѣчаетъ урокъ и читаетъ молитву. Если мнѣ иногда случалось протестовать противъ этой семейно-педагогической системы, то отецъ сурово останавливалъ меня рѣшительнымъ аргументомъ:

— Это еще что!.. Вонъ траписты никогда не разговариваютъ между собой!

Впрочемъ, если они и не были такъ ласковы и нѣжны со мною, какъ я того желалъ, то все же любили меня по своему.

Надо было что-нибудь выходящее изъ рамокъ обыденной жизни и профессіональныхъ интересовъ отца, чтобы они заговорили,—напримѣръ, перемѣщеніе знакомаго чиновника, подстрѣленная коза въ заповѣдномъ лѣсу г. де-Бланде,

смерть сосѣда или вѣсть о неожиданной свадьбѣ. Возможная беременность богатыхъ паціентокъ также служила темой отрывистыхъ разговоровъ, приблизительно такого содержанія:

— Только бы мнѣ не ошибиться, — говорилъ отецъ, — только бы она дѣйствительно была беременна.

— Да, это будетъ хорошая практика, — подтверждала мать:—четыре такихъ въ мѣсяцъ, пожалуй, было бы и довольно... Мы могли-бы купить себѣ рояль.

Отецъ щелкалъ языкомъ.

— Четыре въ мѣсяцъ!.. Захотѣла!.. Экая лакомка!.. Но эта несносная женщина всегда меня безпокоитъ: у нея такой узкій тазъ.

Еще не зная опредѣленно, какая таинственная часть тѣла обозначается словомъ *тазъ*, я уже съ девяти лѣтъ точно зналъ размѣры тазовъ всѣхъ женщинъ Віантэ, обусловливающихъ благополучные роды. Но научныя свѣдѣнія о маткѣ, плацентѣ, пуповинѣ нисколько не мѣшали моему отцу увѣрять меня, что дѣти родятся подъ капустнымъ листомъ.

Мнѣ было извѣстно, что такое ракъ, опухоль, флегмона, мой слабый умъ мало по-малу обогащался ужасными представленіями о ранахъ, часто скрываемыхъ, какъ позоръ. Мнѣ слышались вопли больныхъ, и это съ ранняго дѣтства сгоняло довѣрчивую улыбку съ моихъ устъ. Каждый вечеръ я видѣлъ, какъ отецъ раскладываетъ на столѣ свой карманный наборъ острыхъ и страшныхъ инструментовъ изъ блестящей стали, продуваетъ зонды, протираетъ ножи и тонкіе ланцеты до зеркальнаго блеска, — и мои мечты и грезы о чудныхъ феяхъ переходили въ хирургическій кошмаръ, гдѣ сочился гной, грудами лежали отрѣзанныя конечности и валялись отвратительные окровавленные бинты и тряпки. Иногда отецъ цѣлый вечеръ занимался чисткой акушерскихъ щипцовъ, вынутыхъ изъ кузова кабріолета, гдѣ онъ часто забывалъ ихъ. Онъ вытиралъ заржавленныя ручки желтымъ порошкомъ, полировалъ ложки и смазывалъ масломъ мѣсто ихъ соединенія. И, когда инструментъ становился блестящимъ, онъ доставлялъ себѣ удовольствіе примѣрной его манипуляціей при возможныхъ родахъ. Затѣмъ, укладывая ихъ въ мѣшокъ изъ зеленой саржи, онъ говорилъ:

— Ну, да все равно; не люблю я пользоваться ими... всегда боюсь случайности. Эти проклятые органы такъ хрупки!

— Это вѣрно,—замѣчала мать,—но не забывай, что въ такихъ случаяхъ ты получаешь двойной гонораръ!

Если эти инструменты и разговоры и научали меня кое

чему, чего обыкновенно дѣти въ моемъ возрастѣ не знаютъ, то все же они нисколько не интересовали меня. Въ моемъ жалкомъ существованіи не было ничего ужаснѣе безконечныхъ часовъ семейныхъ трапезъ. Мнѣ хотѣлось бѣгать, прыгать гдѣ-нибудь на лѣстницѣ или въ коридорѣ, пойти въ кухню, къ старой Викторіи, которая, рискуя навлечь на себя выговоръ матери, позволяла мнѣ залѣзать въ котлы, играть кранами у бочки, поворачивать вертелъ, а иногда приводила меня въ восхищеніе своими необыкновенными исторіями о разбойникахъ. Но послушаніе принуждало меня застывать неподвижно на двухъ старыхъ разрозненныхъ томахъ „Житія Святыхъ", положенныхъ на сидѣнье моего низкаго стула, и я не смѣлъ встать изъ за стола раньше, чѣмъ мать ни подавала знака, что трапеза кончена. Лѣтомъ мою скуку разгоняли жужжаніе мухъ и осъ надъ тарелками съ фруктами, бабочки и мотыльки, привлекаемые запахомъ свѣжихъ цвѣтовъ и падавшіе на скатерть. Я любилъ смотрѣть въ открытое окно на возвышавшіеся вдали холмы Сенъ-Жака, подернутые голубоватой дымкой, гдѣ за вершинами каждый день пряталось солнце. Увы! зимою не было ни мухъ, ни осъ, ни бабочекъ. Не видно было и неба... ничего, кромѣ угрюмой столовой и моихъ родителей, погруженныхъ въ свои невѣдомыя мнѣ думы, гдѣ, я чувствовалъ это, мнѣ не было мѣста.

Помню, цѣлый день лилъ дождь, и въ этотъ зимній вечеръ было особенно тоскливо: мать и отецъ за все время не проронили ни слова. Они казались мрачнѣе обыкновеннаго. Отецъ по привычкѣ сложилъ салфетку треугольникомъ, какъ дѣлалъ это каждый вечеръ по окончаніи ужина, и вдругъ задалъ себѣ вопросъ:

— Но что онъ могъ дѣлать въ Парижѣ? Это непостижимо!

Короткими щелчками онъ стряхнулъ съ жилета и панталонъ застрявшія въ складкахъ крошки и пододвинулъ свой стулъ къ угасавшему камину. Онъ облокотился на колѣни и грѣлъ у огня руки, слегка потирая ихъ и время отъ времени хрустя суставами пальцевъ. Вошла Викторія съ засученными рукавами и стала убирать со стола. Когда она вышла, отецъ снова повторилъ съ особымъ удареніемъ свой вопросъ:

— Но что же онъ, какъ патеръ, могъ дѣлать въ Парижѣ?

Вѣдь шесть лѣтъ о немъ не было ни слуху, ни духу... Это очень любопытно... Мнѣ страшно хочется узнать, въ чемъ дѣло!..

Я понялъ, что рѣчь идетъ о моемъ дядѣ, аббатѣ Жюлѣ.

Утромъ отецъ получилъ отъ него письмо съ извѣстіемъ о скоромъ его возвращеніи. Письмо было кратко, безъ всякихъ объясненій. Въ немъ не было ни душевнаго волненія, ни нѣжности, ни извиненія въ долгомъ молчаніи. Онъ возвращался въ Віантэ и сообщалъ объ этомъ брату письмомъ, похожимъ на объявленія поставщиковъ своимъ заказчикамъ. Отецъ замѣтилъ, что почеркъ даже былъ рѣзче обыкновеннаго. И въ третій разъ онъ воскликнулъ:

— Но что онъ могъ дѣлать въ Парижѣ?!..

Мать, сидѣвшая за столомъ прямо, точно вытянувшись, со скрещенными руками и неопредѣленнымъ взглядомъ, покачала головой. Монастырски строгое выраженіе ея лица усугублялось еще гладкимъ чернымъ платьемъ, безъ всякихъ украшеній и признаковъ бѣлаго воротничка и манжетъ.

— Такой странный оригиналъ?..—я увѣрена, что ничего хорошаго!—замѣтила она. И, помолчавъ, сухимъ тономъ прибавила:—Могъ бы остаться и въ Парижѣ... Я не жду ничего путнаго отъ его возвращенія.

— Конечно, конечно,—согласился отецъ,—съ такимъ характеромъ, какъ у него, трудно прожить счастливо всю жизнь!.. Понятно, не проживешь... Тѣмъ не менѣе...

Онъ подумалъ нѣсколько минутъ и продолжалъ:

— Тѣмъ не менѣе, мой другъ, очень выгодно, что аббатъ будетъ жить съ нами... Чрезвычайно выгодно.

Мать пожала плечами и съ живостью отвѣтила:

— Выгодно?!.. Ты это думаешь!.. Вѣдь семья для него ничто, точно также какъ и церковная служба... Прислалъ ли онъ хоть разъ подарокъ мальчику къ новому году? А вѣдь онъ—его крестникъ... А когда ты ухаживалъ за нимъ во время его тяжкой болѣзни, забросилъ для него свои дѣла и проводилъ цѣлыя ночи у его постели, — поблагодарилъ онъ тебя хоть словомъ? Ты все говорилъ: онъ намъ сдѣлаетъ хорошій подарокъ. А гдѣ онъ, этотъ хорошій подарокъ?.. Зайцы, бекассы, жирныя форели,—чѣмъ мы его только ни пичкали! Мы должны были отказываться отъ всего вкуснаго ради него. Точно мы обязаны были все это дѣлать...

— Ну, конечно, — прервалъ отецъ. — Старались дѣлать какъ можно лучше.

— Мы просто были дураками. Онъ плохой родственникъ, плохой патеръ, прямо—грубое существо!.. Если онъ теперь возвращается въ Віантэ, значитъ, все растратилъ, проѣлъ, уперся лбомъ въ стѣну... И онъ сядетъ на нашу шею!.. Только этого не хватало!

— Ну, ну, мой другъ, ты очень преувеличиваешь! Если онъ ѣдетъ опять сюда, то только потому, что вообще никогда

не могъ усидѣть на одномъ мѣстѣ. Это сущій чортъ!.. Теперь онъ бросаетъ Парижъ, какъ кинулъ епархію, гдѣ могъ бы далеко пойти, какъ бросилъ свой приходъ въ Рандонэ, гдѣ ему было такъ спокойно и выгодно жить. Ему просто нужно вѣчно что-нибудь новое... Онъ нигдѣ не можетъ найти себѣ мѣста... Ну, а насчетъ его состоянія, я съ тобою несогласенъ. Онъ былъ порядочно скупъ. Припомни-ка, что это былъ за скряга!

— Скряжничество не мѣшаетъ, мой другъ, растрачивать деньги на глупыя прихоти. Развѣ можно знать, какія фантазіи могутъ явиться въ такомъ мозгу? И потомъ ты забываешь, что передъ отъѣздомъ въ Парижъ аббатъ продалъ ферму, луга и лѣсъ въ Фодьерѣ? Зачѣмъ? И гдѣ теперь всѣ эти деньги?

— Вотъ это вѣрно!—отвѣчалъ отецъ и сразу задумался.

— Не говорю ужъ о томъ, что общая антипатія къ нему можетъ отразиться на твоихъ выборахъ, а пожалуй, даже и на твоей практикѣ. Напримѣръ, Бернары удерживаются тобою съ такимъ трудомъ, и ничего удивительнаго не будетъ, если они тебя бросятъ... Конечно, это возможно!.. И поди-ка ищи другихъ, склонныхъ такъ же часто хворать и такъ хорошо платить!

Отецъ откинулся на спину стула, сдѣлалъ гримасу и почесалъ затылокъ.

— Да, да,—пробормоталъ онъ нѣсколько разъ,—ты права! Все это возможно...

Голосъ матери принялъ таинственный оттѣнокъ.

— Послушай,—сказала она,—я никогда не хотѣла говорить тебѣ, чтобы не встревожить... Но я вѣчно дрожу въ ожиданіи несчастья. Вспомни Верже, убійцу архіепископа: онъ тоже былъ священникъ, сумасшедшій, изступленный, какъ аббатъ Жюль!..

Отецъ порывисто обернулся. Въ глазахъ его отразился ужасъ. Казалось, онъ вдругъ увидѣлъ передъ собою бездну.

— Верже, кой чортъ Верже!—пробормоталъ онъ, дрожа,— что ты говоришь!

— Ну, да. Я часто думала объ этомъ... Рѣдко я развертывала твою газету безъ сердечнаго трепета!.. Всего можно ожидать!.. Въ твоей семьѣ всѣ такіе сумасброды.

Разговоръ прекратился, и снова наступила полнѣйшая тишина.

На дворѣ по прежнему вылъ вѣтеръ и гнулъ деревья, и дождь барабанилъ въ окно. Отецъ съ тревогой во взорѣ слѣдилъ за умиравшимъ пламенемъ; мать, задумчивая и поблѣднѣвшая отъ длиннаго разговора, сидѣла, устремивъ, какъ всегда, блуждающій взоръ въ пространство. А я въ

этой полутемной, пустой столовой, безъ мебели и съ голыми стѣнами, съ окнами, погруженными въ ночной мракъ, чувствовалъ себя грустнымъ, одинокимъ, заброшеннымъ. Съ потолка, со стѣнъ, даже изъ глазъ моихъ родителей исходилъ холодъ, окутывалъ меня, какъ ледяной плащъ, проникалъ мое тѣло и сжималъ сердце. Мнѣ хотѣлось плакать. Я сравнивалъ нашу монастырскую, угрюмую жизнь съ жизнью Сервьеровъ, нашихъ друзей, гдѣ мы обѣдали каждую недѣлю по четвергамъ. Какъ я завидовалъ внутренней теплотѣ, царившей въ ихъ домѣ! Мягкіе ковры, стѣны съ веселыми картинами и фамильными портретами въ овальныхъ рамахъ, — эти воспоминанія о далекомъ прошломъ, охраняемомъ съ такимъ благоговѣніемъ; прелестныя бездѣлушки, каждая, какъ улыбка, радующая взоръ, и всѣ вмѣстѣ говорящія объ изысканности привычекъ. Почему моя мать не такая, какъ г-жа Сервьеръ? Почему она не такая же веселая, оживленная, любящая, не одѣвается въ такія же красивыя платья съ кружевами и съ цвѣтами у пояса, а волосы ея не закручены въ свѣтлый узелъ на головѣ и не пахнутъ такъ пріятно? Г-жа Сервьеръ была такъ очаровательна, приводила меня въ такое умиленіе, что я никогда не садился на ея стулъ иначе, какъ ни понюхавъ и ни поцѣловавъ мѣсто, гдѣ она сидѣла. Почему я не относился такъ же къ своей матери? Почему мнѣ не такъ хорошо, какъ моимъ ровесникамъ, Максиму и Жаннѣ? Они могутъ болтать, бѣгать, играть во всѣхъ углахъ, они счастливы, у нихъ большія книги съ золотымъ обрѣзомъ, ихъ отецъ *объясняетъ* имъ картинки, вызывая удивленіе и смѣхъ... Сдерживая зѣвоту, я вертѣлся на жесткомъ „Житіи Святыхъ“, служившемъ мнѣ сидѣньемъ, и не находилъ для себя удобнаго положенія. Чтобы развлечь слухъ и глаза, я прислушивался къ стуку деревянныхъ башмаковъ Викторіи по каменнымъ плитамъ кухни, къ звону посуды и слѣдилъ за трепетавшимъ свѣтлымъ кружкомъ отъ лампы на потолкѣ.

Въ этотъ вечеръ отецъ забылъ отмѣтить въ записной книжкѣ свои визиты къ больнымъ, а такъ же не просмотрѣлъ газеты: два дѣла, обыкновенно выполнявшіяся имъ съ неуклонной правильностью.

Чтобы разсѣяться немного, я сталъ думать о своемъ дядѣ аббатѣ, возвращеніе котораго вызвало, противъ обыкновенія, такой длинный и живой разговоръ между моими родителями. Я былъ очень малъ, когда онъ уѣхалъ; мнѣ едва минуло три года, но я все же удивился, когда въ моей памяти очень смутно воскресъ его образъ: вѣдь съ того времени не проходило дня, чтобы меня не пугали дядей, онъ рисовался какимъ-то чортомъ, страшнымъ людоѣдомъ, уносившихъ не-

послушныхъ дѣтей! Разсказывали мнѣ, что однажды, играя въ его саду въ Рандонэ, я упалъ въ корзинку съ тюльпанами. Разъяренный дядя жестоко отодралъ меня хлыстомъ, предназначеннымъ выколачивать рясы. Когда хотѣли ярко описать какое-нибудь нравственное или физическое уродство, мои родители никогда не упускали случая пользоваться сравненіемъ: „онъ уродливъ, какъ аббатъ Жюль... грязенъ, какъ аббатъ Жюль... обжора, какъ аббатъ Жюль... наглъ, какъ аббатъ Жюль... вретъ, какъ аббатъ Жюль". Если я плакалъ, мать, чтобы пристыдить меня, говорила: „О, какой онъ противный... онъ похожъ на аббата Жюля!" Если я проявлялъ непослушаніе: „продолжай, продолжай, мой мальчикъ, ты кончишь тѣмъ же, чѣмъ и аббатъ Жюль!.." Аббатъ Жюль воплощалъ всѣ недостатки въ мірѣ, всѣ пороки, всѣ преступленія, всѣ низости, все таинственное. Очень часто насъ посѣщалъ кюре Сортэ и каждый разъ онъ спрашивалъ:

— Ну, какъ, все нѣтъ извѣстій отъ аббата Жюля?

— Увы! ничего нѣтъ, батюшка.

Кюре складывалъ короткія и жирныя руки на толстомъ животѣ и, склонивъ голову, говорилъ удрученнымъ тономъ:

— Все можетъ быть, все можетъ быть! Вчера я опять отслужилъ по немъ обѣдню.

— Не умеръ ли онъ, батюшка?

— О, сударыня, если бы умеръ, то было бы извѣстно.

— Можетъ быть, это было бы лучше.

— Можетъ быть! Милосердіе Божіе такъ безконечно!.. Кто знаетъ. Но для духовенства это ужасно грустно, ужасно грустно!

— И для семьи, батюшка.

— Для всего околодка. Для всѣхъ грустно!

И кюре проглатывалъ свою молитву, сильно сопя.

Вспоминаю также разсказы о юности аббата, когда отецъ бывалъ въ хорошемъ настроеніи. Полустыдясь, полудовольный, онъ начиналъ строгимъ тономъ, обѣщая вывести изъ фактовъ нравоученіе, но мало по малу поддавался пагубной заразительности продѣлокъ дяди и кончалъ свой разсказъ взрывомъ неудержимаго смѣха и хлопаньемъ себя по бедрамъ. Одинъ разсказъ изъ многихъ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе. Иногда, когда я замѣчалъ, что лицо отца немного разглаживается отъ морщинъ, я просилъ его:

— Папочка, разскажи про дядю Жюля и тетку Атали.

— Но хорошо ли ты велъ себя сегодня? Зналъ ли уроки?

— Да, да, папочка! Пожалуйста, разскажи!

И отецъ начиналъ:

— Твоя бѣдная тетка Атали... увы! мы ее уже потеряли!..

была въ дѣтствѣ очень обжорлива, до такой степени, что при ней нельзя было оставить ничего съѣстного,—она тотчасъ же все уничтожала. Изъ кладовой она воровала остатки рагу; въ шкафахъ залѣзала пальцами въ банки съ вареньемъ: въ саду грызла яблоки на самыхъ вѣткахъ, и садовникъ былъ въ отчаяніи, воображая, что плоды портятъ бѣлки или другія вредныя животныя. Онъ увеличилъ количество силковъ, сторожилъ по ночамъ, а тетка твоя смѣялась надъ нимъ. „Ну, какъ бѣлки, дядя Франсуа?“ —„Ахъ, барышня, не говорите о нихъ. Какія-то вѣдьмы, право!.. Но я ихъ, все равно, подстерегу“.—И онъ накрылъ твою тетку. Ее строго наказали, потому что обжорство и непослушаніе—самые гнусные пороки... Хотя Атали была большая проказница, но очень слабаго здоровья. Она сильно кашляла, и опасались за ея легкія. Для поправленія здоровья, твоя бабушка заставляла ее каждое утро выпивать ложку трескового жира... Тресковый жиръ очень невкусенъ, а какъ я уже сказалъ, тетка твоя была большая лакомка. Чтобы уговорить ее выпить, нужны были всевозможныя ухищренія. Между тѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ такого лѣченія поправили ее: на щекахъ появился румянецъ, кашель уменьшился... Это, однако, не помѣшало ей впослѣдствіи умереть отъ чахотки. У нея были каверны. А когда появляются каверны, ничего уже не подѣлаешь, приходится умирать не сегодня-завтра... У непослушныхъ дѣтей всегда бываютъ каверны...

Очевидно, чтобы произвести большее впечатлѣніе своими пророческими словами, отецъ всегда останавливался на минуту въ этомъ мѣстѣ разсказа. Онъ въ упоръ глядѣлъ на меня, долго сморкался и въ то время, какъ по мнѣ съ ногъ до головы пробѣгала дрожь при мысли, что со мной можетъ случиться то же, что съ теткой Атали, продолжалъ веселымъ тономъ:

— Однажды утромъ твой дядя Жюль,—ему было тогда десять лѣтъ,—вошелъ въ одной рубашкѣ въ комнату сестры. Въ одной рукѣ онъ держалъ бутылку трескового жира, а въ другой—мѣшокъ шоколадныхъ лепешекъ, какъ-то забытыхъ въ ящикѣ буфета. Бѣдная дѣвочка спала; онъ грубо разбудилъ ее. „Ну-ка, выпей свою ложку!“ сказалъ онъ. Тетка твоя сначала отказалась. „Выпей ложку,—повторилъ Жюль,—и я дамъ тебѣ шоколадныхъ лепешекъ“. Онъ открылъ мѣшокъ, тряхнулъ конфектами, захватилъ цѣлую горсть и, щелкнувъ языкомъ, показалъ ей: „Вкусныя, прибавилъ онъ, необыкновенно вкусныя!.. Есть съ кремомъ. Ну, выпей!“ Атали выпила, скорчивъ ужасную гримасу. „Ну, теперь еще одну ложку, и я дамъ тебѣ двѣ лепешки; слышишь, двѣ вкусныя лепешки!“ Она выпила еще ложку. „Теперь еще

одну, и я тебѣ дамъ три". Она выпила третью, потомъ четвертую, шестую, десятую, пятнадцатую, наконецъ, всю бутылку... Дядя твой былъ въ восторгѣ. Онъ принялся танцовать по комнатѣ, потрясая пустой бутылкой и крича: „Вотъ такъ ловко!.. Теперь ты заболѣешь и два дня тебя будетъ тошнить. Ахъ, какъ я доволенъ!" Атали плакала, ее страшно тошнило. Она, дѣйствительно, сильно заболѣла, едва не умерла. Цѣлую недѣлю у нея была лихорадка и рвота, и она пролежала въ постели двѣ недѣли. Жюля отхлестали и посадили въ темный карцеръ, но никакими силами нельзя было вырвать у него ни слова раскаянія. Наоборотъ, онъ все повторялъ: „ее тошнитъ, рветъ, ахъ, какъ я доволенъ!"

И отецъ, разражаясь хохотомъ, заключалъ:

— Этакій негодяй этотъ Жюль!

Всѣ эти подробности, часто повторяемыя, казалось, навсегда должны были запечатлѣть въ моемъ робкомъ дѣтскомъ умѣ черты дяди. Но, нѣтъ! У меня осталось о немъ смутное, измѣнчивое представленіе, и мое, возбужденное семейными разсказами, воображеніе придавало ему тысячу различныхъ и страшныхъ формъ. Мой дядя аббатъ! Повторяя про себя эти слова, я видѣлъ передъ собой призракъ, всклокоченный, съ изборожденнымъ гримасами лицомъ, смѣшной и страшный въ одно и то же время, и я не зналъ, бояться ли мнѣ его, или смѣяться надъ нимъ. Мой дядя аббатъ! Я силился припомнить его настоящую физіономію, возстановлялъ въ памяти всѣ тяжелыя обстоятельства своей жизни, гдѣ онъ являлся реальнымъ и живымъ. Напрасно... Отъ всей фигуры дяди, стершейся въ мозгу, какъ старая пастель, въ воспоминаніи сохранилось только длинное костлявое тѣло, тяжело опустившееся въ глубокомъ креслѣ, положенныя подъ сутаной одна на другую ноги, худыя и высохшія въ зеленыхъ носкахъ, съ торчащими лодыжками и съ точно обрубленными пальцами; кругомъ его—книги. На сѣрой стѣнѣ свѣтлой комнаты картина, изображающая какихъ-то людей съ рыжими бородами, склонившихся надъ покойникомъ. Слышу голосъ непріятнаго тембра, до сихъ поръ еще раздающійся въ моихъ ушахъ, какой-то свистящій, чахоточный, всегда ворчливый и упрекающій съ раздраженіемъ всѣхъ и вся: „Негодяй, негодяй!" И это все!

Я не испытывалъ особеннаго желанія видѣть его, инстинктивно понимая, что онъ не внесетъ въ мою жизнь ни новой привязанности, ни веселья. Я также былъ увѣренъ, что мнѣ нечего ждать отъ плохого крестнаго отца, который съ самаго моего рожденія не купилъ мнѣ ни одной конфектки, не сдѣлалъ ни одного подарка моей матери, а на новый годъ ни разу не прислалъ даже письма. Я слышалъ, что онъ меня

не любитъ, не любитъ никого вообще, не вѣритъ въ Бога и всегда злится. У меня сжималось сердце при мысли, что онъ можетъ прибить меня, какъ когда-то, своимъ хлыстомъ. Тѣмъ не менѣе я не могъ не заразиться любопытствомъ, возбуждавшимся во мнѣ оживленными восклицаніями отца: „И что онъ могъ дѣлать въ Парижѣ цѣлыхъ шесть лѣтъ!“ Этотъ вопросъ, какъ мнѣ казалось, заключалъ въ себѣ непроницаемую тайну. Мнѣ представлялся аббатъ Жюль въ смутной, волнующейся дали, окруженный туманными призраками, предающійся непозволительнымъ дѣламъ, отъ непониманія которыхъ я страдалъ... Въ сущности, почему онъ уѣхалъ отсюда? Почему ничего неизвѣстно о его жизни тамъ? Зачѣмъ онъ возвращается?.. Какое впечатлѣніе онъ произведетъ на меня? Его костлявое тѣло, высохшія ноги, зеленые носки, бутылка трескового жира, тюльпаны, хлыстъ,— все это плясало въ моей головѣ бѣшенную сарабанду. Накануне пріѣзда безпокойнаго дяди я испытывалъ тотъ же притягательный страхъ, какой охватывалъ меня въ ярмарочныхъ звѣринцахъ и циркахъ. Вдругъ увижу передъ собой страшное, непонятное чудовище, дьявольской силы, страшнѣе того паяца въ рыжемъ парикѣ, который глотаетъ сабли и горящую паклю, или болѣе опасное, чѣмъ негръ, пожирающій дѣтей и съ дикимъ хохотомъ обнажающій свои ослѣпительные зубы!.. Все сверхъестественное, что могъ представить себѣ мой возбужденный умъ, — воплотилось въ лицѣ аббата Жюля. То карликъ, то гигантъ, онъ чудился мнѣ то подъ каждой травинкой, то вдругъ закрывалъ все небо, огромный, выше самой высокой горы. Я не хотѣлъ думать о возможныхъ послѣдствіяхъ пребыванія аббата Жюля въ Віантэ: мало по малу меня охватилъ ужасъ, и дядя представился мнѣ съ крючковатымъ носомъ, съ горящими, какъ угли, глазами и съ парой огромныхъ роговъ, прямо направленныхъ на меня...

Лампа коптила. Рѣзкій запахъ наполнялъ столовую. И странно, никто не обратилъ на это вниманія. Родители молчали по прежнему. Мать сидѣла неподвижно и продолжала грезить съ неопредѣленнымъ взоромъ; отецъ съ яростью мѣшалъ уголья въ каминѣ, дробилъ ихъ щипцами, при чемъ пепелъ сѣдыми клочьями разлетался въ разныя стороны. Вѣтеръ затихъ. Деревья тихо шелестѣли, дождь падалъ съ монотоннымъ шумомъ на землю. Вдругъ въ тишинѣ раздался звонъ колокольчика у входа.

— Это Робены,—сказала мать.—Пойдемъ въ гостиную.

Она встала, взяла лампу, убавила огонь, и мы пошли за ней: я довольный, что могу размять ноги, отецъ, все повторяя шепотомъ:

— Но что же онъ могъ дѣлать въ Парижѣ?!

II.

Дома въ Віантэ расположены на склонѣ небольшого холма, по обѣимъ сторонамъ Мортаньской дороги, которая, въ разстояніи одного километра отъ города, выходитъ изъ чащи лѣса прелестной просѣкой. Дома имѣютъ нарядный и веселый видъ, большинство изъ кирпича съ высокими крышами и окнами, привѣтливо украшенными лѣтомъ цвѣтами и вьющимися растеніями. Нѣкоторые домики окружены садами, съ разбитыми симметрично клумбами, и стѣнами, увитыми шпалерными деревьями и виноградомъ. Переулки неожиданно открываютъ видъ на обширныя поля и съ другой стороны выходятъ на единственную городскую улицу, пересѣкающую городъ пополамъ. Въ центрѣ города улица расширяется въ обширную площадь, съ фонтаномъ посрединѣ. Далѣе большая дорога спускается въ долину, перебѣгая черезъ рѣку по мосту изъ розоваго гранита, и спокойно вьется среди полей и рощъ. На возвышеніи стоитъ старая неуклюжая церковь, украшенная остроконечной колокольней, напоминающей бумажный колпакъ. Отъ церкви къ городу ведетъ аллея изъ вязовъ, любимое мѣсто для дѣтскихъ игръ. Направо—школы и наше жилище; налѣво—домъ священника, отдѣленный отъ кладбища полуразрушенной обвалившейся стѣной, за которой виднѣются покосившіеся кресты и покрытыя травою могилы. Посреди вязовой аллеи — распятіе, на которомъ изображеніе Христа изъ крашенаго дерева испортилось уже отъ сырости и сломано, что, однако, не мѣшаетъ вѣрующимъ склоняться у подножія креста и бормотать молитвы, перебирая четки.

Въ эту эпоху въ Віантэ насчитывалось двѣ тысячи пятьсотъ жителей. Между ними было около двадцати семей буржуа и чиновниковъ. Между собою они видѣлись очень рѣдко, даже родственники не бывали другъ у друга, находясь въ постоянныхъ нелѣпыхъ и мелочныхъ ссорахъ изъ-за тщеславія или наслѣдства. Наши знакомства ограничивались: Серверами, роскошь которыхъ стѣсняла моихъ родителей, возбуждая къ нимъ недовѣріе; кюре Сортэ, прекраснымъ старикомъ, добрымъ и покладистымъ, безконечно чистая душа котораго вѣчно вовлекала его въ самыя грубѣйшія ошибки; и, наконецъ, Робенами, ставшими скоро друзьями дома. Время отъ времени насъ навѣщалъ еще кузенъ Дебрэ, старый пѣхотный капитанъ въ отставкѣ, отчаянный оригиналъ, занимавшійся набивкой чучелъ сусликовъ и хорьковъ, которымъ онъ придавалъ всевозможныя комическія и претенціозныя по-

ложенія. Онъ тратилъ на это все свое время и жилъ пенсіей. Но его принимали очень холодно, потому что онъ не могъ произнести двухъ словъ безъ ругани, и мать увѣряла, что отъ него „несетъ покойникомъ". Робены, переѣхавшіе въ нашъ городъ четыре года тому назадъ, тотчасъ же близко сошлись съ нами. Съ перваго же свиданія мы почувствовали себя людьми одной и той же породы. Такъ какъ между Робенами и моей семьей не было соперничества ни въ денежныхъ интересахъ, ни въ самолюбіи, а инстинкты, вкусы и взгляды на жизнь вполнѣ сходились, то дружба между нами установилась прочная; не трудно, впрочемъ, было замѣтить, что дружба эта покоилась на откровенномъ эгоизмѣ и не устояла бы передъ необходимостью хотя бы ничтожной жертвы или выраженія преданности.

Г. Робенъ долго былъ стряпчимъ въ Байе. Послѣ того, какъ онъ продалъ свою фирму, его назначили мировымъ судьей въ Віантэ, благодаря протекціи одного сенатора, о которомъ онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, говорилъ съ большимъ энтузіазмомъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, неисправимо тщеславный, напыщенный и глупый. Лицомъ онъ былъ похожъ на обезьяну: торчавшая впередъ и плохо обритая верхняя губа дѣлала необыкновенно большимъ промежутокъ между плоскимъ носомъ и широкимъ до ушей ртомъ. Сверхъ всего, онъ былъ маленькаго роста, толстый, съ желтымъ лицомъ, обрамленнымъ сѣдоватой бородой, съ большимъ животомъ и волосатыми руками. По привычкѣ вѣчно таскаться по судамъ и канцеляріямъ съ дѣлами подъ мышкой, онъ не появлялся иначе, какъ въ высокой шляпѣ, въ черномъ кашемировомъ рединготѣ, въ бѣломъ галстухѣ и въ калошахъ, — единственная уступка, которую онъ сдѣлалъ мѣстнымъ обычаямъ. По совершенно неизвѣстнымъ причинамъ, его считали человѣкомъ суровой неподкупности, старымъ римляниномъ, а между тѣмъ наканунѣ суда можно было видѣть, какъ въ его квартиру входили крестьяне съ корзинами, наполненными всевозможной живностью, и уходили обратно уже безъ всякой ноши.

Даже его политическіе противники отдавали должное его независимости и достоинству, хотя онъ всегда умышленно приговаривалъ ихъ къ высшей мѣрѣ наказанія, когда имъ случалось попадать въ его камеру. Наконецъ, ни одинъ профессоръ права не былъ болѣе его вооруженъ знаніемъ гражданскихъ законовъ: онъ могъ цитировать ихъ наизусть цѣликомъ въ точномъ порядкѣ расположенія параграфовъ. По крайней мѣрѣ, онъ любилъ хвастаться этимъ фокусомъ своей памяти и скромно предлагалъ охотникамъ до нелѣпыхъ пари испробовать его. Никто до сихъ поръ не рѣшался

принять его предложеніе, и онъ стяжалъ себѣ славу наилучшаго юрисконсульта въ кантонѣ и за его предѣлами. Такъ же онъ зналъ всѣ рѣшенія кассаціоннаго суда; вобще онъ зналъ все. Но у него былъ странный недостатокъ въ произношеніи: *б* онъ произносилъ какъ *д*, а *п* какъ *т*. Часто поэтому получались слова необыкновеннаго комизма, возбуждавшія недоразумѣнія во время засѣданій. Это, однако, нисколько не умаляло его престижа серьезнаго судьи и уважаемаго человѣка.

Иногда Робенъ, собираясь гулять, заходилъ за мной, и мы бродили по дорогамъ. Внезапно онъ останавливался, нѣсколько минутъ пыхтѣлъ и, склонившись слегка впередъ, съ величественнымъ жестомъ, начиналъ импровизировать свои будущія рѣчи, произнося краснорѣчивыя фразы, съ свойственной ему замѣной буквъ.

— Господа!—гремѣлъ онъ,—что сказать объ этомъ молодомъ человѣкѣ, воспитанномъ въ благочестивой семьѣ и, благодаря своимъ низкимъ страстямъ, попавшемъ на эту позорную скамью?.. Да, господа...

Онъ воодушевлялся, взывалъ къ справедливости, заклиналъ закономъ, бралъ въ свидѣтели Бога. Руки безпорядочно и часто вздымались къ небу, какъ крылья вѣтряной мельницы.

— Да, господа, современное общество, основы котораго...

И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, все повышая голосъ, испуганныя птицы разлетались съ тревожнымъ щебетаніемъ, сороки перескакивали съ земли на деревья; вдали лаяли собаки.

— Да плачь же, плачь, негодный! — кричалъ мнѣ Робенъ, едва дыша и въ безсиліи опускаясь на откосъ у дороги. Въ такомъ положеніи онъ оставался минутъ десять, вытирая мокрый отъ ораторскаго напряженія лобъ.

На обратномъ пути онъ давалъ мнѣ наставленія:

— Вотъ кончишь ты юристомъ или докторомъ, поѣдешь въ Парижъ,—помни, мой другъ, что нужно быть экономнымъ... Въ экономіи—все; она обусловливаетъ всѣ добродѣтели...

И въ сотый разъ онъ приводилъ мнѣ въ примѣръ одного молодого человѣка въ Байе. Богатый промышленникъ-отецъ посылалъ ему на жизнь въ Парижѣ по двѣ тысячи франковъ въ мѣсяцъ. Молодой человѣкъ лишалъ себя всего, питался и одѣвался, какъ бѣднякъ, никуда не выходилъ и тратилъ на жизнь едва сто франковъ въ мѣсяцъ. Свои сбереженія онъ пряталъ въ шерстяной чулокъ и на нихъ покупалъ желѣзнодорожныя акціи и государственную ренту.

— Это божественно! — восклицалъ Робенъ, трепля меня по щекѣ.—Такое поведеніе прямо божественно!.. Будь экономенъ, мой мальчикъ. При экономіи, одно су—не су, а цѣлыхъ

два, какъ говоритъ моя жена, которая все знаетъ... А потомъ...

И, задорно заложивъ на ухо шляпу и вертя въ воздухѣ свою тростью, точно онъ очерчивалъ себя магическимъ кругомъ, мировой судья весело заканчивалъ:

— Впрочемъ, экономія нисколько не мѣшаетъ удовольствіямъ, пострѣленокъ!.. Надо же пользоваться молодостью.

Свои совѣты онъ называлъ подготовленіемъ меня къ жизни и къ борьбѣ съ ней въ будущемъ.

Г-жа Эстоки Робенъ, которая „знала все", представляла собою длинную, сухую, угловатую фигуру, съ краснымъ шелушившимся мѣстами лицомъ. Короткій вздернутый носъ поражалъ широко разставленными ноздрями; свѣтлые волосы съ зеленоватымъ оттѣнкомъ жидкими начесами прилипали къ сдавленнымъ вискамъ. Невозможно было встрѣтить болѣе неуклюжую женщину. Ея естественное безобразіе увеличивалось еще смѣшными манерами, подчеркивать которыя, казалось, доставляло ей удовольствіе. Она шепелявила и, рѣзко выкрикивая слова, произносила ихъ какъ-то по складамъ, испуская вздохъ передъ каждымъ слогомъ. Это дѣйствовало на нервы, какъ треніе пальцемъ по мокрому стеклу. Мало того, всякое слово сопровождалось жеманными улыбками, киваніями, присѣданіемъ и цѣлой серіей нелѣпыхъ жестикуляцій и претенціозныхъ позъ, — что придавало ея фигурѣ видъ развинченнаго манекена. Одержимая желаніемъ быть всегда предметомъ неослабнаго вниманія, она вѣчно жаловалась на боли то въ головѣ, то въ животѣ, то въ груди; стонала и охала и въ концѣ концовъ просила разрѣшенія распустить корсетъ.

— Уфъ!—говорила она.—Это не потому, что онъ меня давитъ, наоборотъ; но каждый вечеръ въ этотъ часъ меня пучитъ, я разбухаю вдвое... Такъ непріятно!.. Что это такое, г. Дервель, какъ вы думаете?

— Маленькая диспепсія, должно быть,—отвѣчалъ отецъ.— А отправленія хороши?.. правильны?..

Г-жа Робенъ опускала глаза и жеманно отвѣчала:

— Да... приблизительно... то есть... ахъ, Боже мой!.. Какіе у этихъ докторовъ не поэтическіе вопросы, неправда ли, дорогая? Ни за что не хотѣла бы быть докторомъ... Чего у нихъ только ни насмотришься... И потомъ я страшно боюсь больныхъ... Они производятъ на меня впечатлѣніе животныхъ!

Я ее ненавидѣлъ, часто испытывая на себѣ ея жестокость. У г-жи Робенъ было два сына. Одинъ, Робертъ, юноша двадцати трехъ лѣтъ, служилъ солдатомъ въ Африкѣ. О немъ избѣгали говорить, и онъ никогда не пріѣзжалъ въ

Віантэ. Другой, Жоржъ, моложе меня на два года—болѣзненное и уродливое существо. Мать рѣдко показывала его, стыдясь его морщинистаго лица, маленькихъ кривыхъ ногъ и тщедушнаго тѣла этого запоздалаго и нежеланнаго ребенка... Мое лицо, считавшееся красивымъ, и крѣпкое здоровье давали мнѣ превосходство надъ жалкимъ недоноскомъ, и я нѣжно любилъ его. Къ тому же онъ былъ такой кроткій, добрый и безропотный. Я хотѣлъ, чтобы онъ былъ постояннымъ товарищемъ моихъ игръ, и считалъ бы себя счастливымъ, если бы могъ оберегать его, помогать своей силой его слабости. Онъ тоже стремился ко мнѣ. Я угадывалъ это по его умоляющему взору, гдѣ свѣтилась вся его бѣдная, порабощенная душа, томившаяся, какъ въ тюрьмѣ, жаждавшая солнца и свободы. Изъ-за запертыхъ наглухо оконъ болѣзненный взоръ его безнадежно слѣдилъ за полетомъ птицъ, какъ бы умоляя ихъ унести его на своихъ крыльяхъ къ свѣту, въ безконечность... Но своею ревнивой и угрюмой завистью г-жа Робенъ постоянно воздвигала между нами непроницаемую каменную стѣну. Она всегда разлучала насъ, не допускала, чтобы насъ видѣли рядомъ, потому что безобразіе сына выступало тогда еще рѣзче. Оскорбленная одновременно въ своей материнской гордости и въ женскомъ самолюбіи, она ненавидѣла все молодое, красивое и живое. Меня она не терпѣла особенно за мои розовыя щеки, за здоровое тѣло и за чистую и горячую кровь въ моихъ жилахъ. Она, казалось, считала меня похитившимъ все это у ея сына, и на меня возлагала всю отвѣтственность за свои ошибки и страданія. Случалось, что она нарочно наступала мнѣ на ноги, и мнѣ было такъ больно, что я начиналъ плакать. Тогда она извинялась въ своей неловкости, сопровождая извиненіе тысячью лицемѣрныхъ нѣжностей. Наединѣ она меня толкала, била ногами и кулаками; часто предательски щипала мнѣ руки и, чтобы никто не замѣтилъ, прибавляла мяукающимъ голосомъ: „О, крошка! Какой ты очаровательный!“ при чемъ на ея тонкихъ и сухихъ отъ ненависти губахъ появлялась ужасная гримаса-улыбка. Однажды, когда мы гуляли по высокой насыпи, она легкимъ движеніемъ локтя столкнула меня съ откоса, и я полетѣлъ внизъ. Меня подняли съ исцарапанными руками и лицомъ, изодраннымъ терновникомъ. Все тѣло было покрыто ушибами. Я ничего не сказалъ своимъ родителямъ, боясь подвергнуться еще болѣе жестокимъ преслѣдованіямъ съ ея стороны. Къ тому же г-жа Робенъ съ родителями всегда говорила обо мнѣ не иначе, какъ въ самыхъ нѣжныхъ и умиленныхъ выраженіяхъ, и мать моя еще больше любила ее за такую привязанность ко мнѣ.

— Альбертъ, дитя мое, будь ласковъ съ г-жей Робенъ... Она такъ добра къ тебѣ,—при каждомъ удобномъ случаѣ говорила мать.

Эти увѣщанія выводили меня изъ себя и глубоко возмущали мое чувство справедливости. Но что я могъ сдѣлать? Мнѣ бы не повѣрили, а если бы заговорилъ, то, пожалуй, и наказали.

Каждый день, кромѣ четверга, Робены приходили къ намъ по вечерамъ. Моя мать и г-жа Робенъ усаживались за шитье и бесѣдовали о хозяйствѣ, жалуясь на возраставшую дороговизну мяса.

— На хлѣбъ уже нѣтъ больше таксы! Какая гнусность!.. Не удивительно, что на плечахъ булочницы Шомъ мы видимъ такія шали, которыя намъ и не по карману! Еще бы: на наши деньги!

Слово *деньги* не сходило съ ихъ устъ. Оно приводило меня въ ярость, смущало, точно въ немъ было что-то непристойное.

Г. Робенъ и отецъ усаживались за пикетъ и играли серьезно, вдумчиво, подготовляя въ непріязненномъ молчаніи другъ другу грозные *капоты* и страшные *девяносто.* Иногда они говорили о политикѣ, трепетали при воспоминаніи о кровавомъ 1848 годѣ, восхищались заслугами г. де-ла-Геронніера, сравнивали Жюля Фавра съ Маратомъ.

— Онъ разъ пріѣхалъ защищать дѣло въ Байе,—говорилъ своимъ своеобразнымъ выговоромъ г. Робенъ. — Я его видѣлъ. Ахъ, мой другъ, какая у него была страшная физіономія! Онъ положительно нагонялъ страхъ! Но, надо отдать ему справедливость, говоритъ онъ хорошо. Что бы ни говорилъ, знаете ли,—все вдохновенно!..

По воскресеньямъ затѣвали игру въ домино вмѣстѣ съ кюре Сортэ. И хотя ставкой служили обыкновенные скромные бобы, г-жа Робенъ при чужомъ выигрышѣ жестоко ссорилась, требуя въ каждомъ сомнительномъ случаѣ строгаго исполненія писаныхъ правилъ игры. Въ качествѣ человѣка, привычнаго къ выясненію темныхъ юридическихъ вопросовъ, г. Робенъ уполномочивался разъяснять, распутывать, оспаривать и судить.

— Правила игры, —говорилъ онъ, принимая важную позу предсѣдателя суда,—совсѣмъ не то, что законъ. Тѣмъ не менѣе, совершенно очевидно, что соотношенія, сближенія, скажу даже, аналогія...

Въ концѣ концовъ онъ всегда разрѣшалъ затрудненія въ пользу своей супруги.

Подъ тѣмъ предлогомъ, что они не нашли подходящей квартиры для устройства съ своею мебелью, оставленной въ

Байе на попеченіи тетки, Робены временно нанимали первый этажъ въ домѣ сестеръ Лежаръ, двухъ старыхъ дѣвъ, очень богатыхъ и набожныхъ, толстыхъ и круглыхъ. Онѣ одѣвались совершенно одинаково и обѣ украшены были чудовищными зобами, составлявшими одну изъ достопримѣчательностей Віантэ. Квартира была тѣсна и неуютна, обставлена только самымъ необходимымъ. Робены не держали прислуги и никого не принимали у себя.

— Мы не можемъ приглашать нашихъ друзей въ такую конуру,—извинялась г-жа Робенъ.—Вотъ когда у насъ будетъ свой домъ и наша обстановка, тогда!..

Это „тогда", вмѣстѣ со взглядомъ и киваніемъ головой, таило въ себѣ обѣщаніе неслыханныхъ празднествъ, необыкновенныхъ, невиданныхъ въ городѣ обѣдовъ. Въ словахъ „когда у насъ будетъ наша обстановка", произносимыхъ таинственнымъ, значительнымъ тономъ, сверкало цѣлое море разноцвѣтныхъ огней, ослѣпительное серебро, хрусталь, фарфоръ. Казалось, видишь красное пламя рѣдкихъ винъ, рядъ роскошныхъ комнатъ, цѣлыя сооруженія изъ душистыхъ бисквитовъ и конфектъ и гроздья золотистыхъ фруктовъ,—словомъ, все, что заставляло обывателей Віантэ говорить:

— О, Робены!... Кажется, никто не въ состояніи такъ принимать гостей, какъ они... Вы убѣдитесь въ этомъ, когда они получатъ свою обстановку.

У нихъ справлялись на счетъ этикета, о томъ, что „принято" и „не принято", о символическомъ размѣщеніи десерта,—о всѣхъ вопросахъ этой трудной и мудреной науки. Каждый разъ, когда они принимали наше приглашеніе къ обѣду, Робенъ неизмѣнно восклицалъ:

— О, сколько за нами уже вашихъ обѣдовъ!.. Болѣе ста! Просто стыдно!.. Но когда у насъ будетъ своя обстановка...

Начинался разговоръ объ этой обстановкѣ. Для нея въ Віантэ дома оказывались то слишкомъ велики или слишкомъ малы, то очень темны или очень свѣтлы, то сухи, то сыры. Г-жа Робенъ разсказывала о великолѣпіи своей спальни изъ голубого репса, о гостиной изъ желтаго дама. Она говорила, что столовое бѣлье ея вышито краснымъ шелкомъ; хрусталь съ золотыми полосками; кофейный сервизъ изъ китайскаго фарфора такъ хрупокъ, что никогда не употребляется, и лишь украшаетъ ея буфетъ-библіотеку изъ краснаго дерева. Г. Робенъ, съ своей стороны, распространялся о своемъ винномъ погребѣ, гдѣ было отдѣленіе и для сигаръ, и о своемъ письменномъ столѣ изъ рѣзнаго дуба, съ секретнымъ замкомъ.

— Впрочемъ, вы все это увидите, когда мы будемъ имѣть свою обстановку,—заключалъ онъ.

Въ дѣйствительности, Робены, разсчитывая на обѣщаніе сенатора, надѣялись на близкое повышеніе по службѣ и не хотѣли два раза тратиться на переѣздъ. Двѣнадцать лѣтъ уже ждали они этого повышенія и жили въ домѣ дѣвицъ Лежаръ, и всѣ двѣнадцать лѣтъ не переставали извиняться при каждомъ новомъ приглашеніи:

— О, сколько за нами вашихъ обѣдовъ!... Просто стыдно!.. Но когда у насъ будетъ своя обстановка!..

Мать моя не ошиблась: позвонили, дѣйствительно, Робены. Они вошли; онъ сопѣлъ, закутанный въ клѣтчатый шерстяной шарфъ; она, въ красномъ шерстяномъ капорѣ, съ черной бархатной лентой, что-то жеманно болтала.

— Что за погода, друзья мои, что за погода!—вскричалъ Робенъ, фыркая, какъ старая лошадь,—а барометръ все падаетъ.

— Мы съ мужемъ только что говорили за обѣдомъ: „какъ бы бѣдному г. Дервелю не пришлось идти въ такую погоду къ своимъ больнымъ!"—вытянувъ губы, сказала г-жа Робенъ дружескимъ и сочувственнымъ тономъ.—Бѣдный вы!.. Какое тяжелое ремесло... Ночью... Такая темень...

— Дѣйствительно,—отвѣчалъ отецъ,—такая погода не располагаетъ. Но что подѣлаешь?.. Надо—такъ надо! Всего грустнѣе, что не всегда увѣренъ, будешь ли вознагражденъ. И надо замѣтить: бѣдные—самые требовательные люди...

— Чортъ возьми!—вскричалъ Робенъ своимъ говоромъ,—они ни во что ставятъ чужіе труды... хе, хе, хе!

Мать помогала г-жѣ Робенъ снять капоръ и накидку.

— А вы опять не привели съ собой Жоржика?—замѣтила мать.

— Въ такую-то погоду, дорогая! Къ тому же онъ не совсѣмъ здоровъ, сильно кашляетъ. Представьте, я и работы съ собой не захватила... Эта несносная погода внушаетъ такую лѣнь... страшную лѣнь! Я чувствую себя разбитой всѣмъ тѣломъ: ноги, голова, руки...

Увидѣвъ меня, она протянула свои руки впередъ.

— Милое дитя, я тебя и не замѣтила!.. Всегда очарователенъ и уменъ! Поцѣлуй меня, крошка.

И она подставила мнѣ свои безкровныя блѣдныя губы, болѣе противныя, чѣмъ пасть дикаго звѣря.

Когда всѣ расположились вокругъ столика, возлѣ камина, отецъ многозначительно заявилъ:

— Друзья мои, долженъ сообщить вамъ большую новость.

Робены насторожились.

— Представьте, аббатъ Жюль возвращается въ Віантэ!

Мировой судья привскочилъ на мѣстѣ, широко раскрылъ ротъ и такъ и застылъ на нѣсколько секундъ, онѣмѣвъ отъ удивленія.

— Аббатъ Жюль!—наконецъ, вскричалъ онъ.—Что вы говорите!

— Да. Мы получили сегодня отъ него письмо,—продолжалъ отецъ,—и ждемъ его со дня на день. Каковы его намѣренія, онъ ничего не сообщаетъ: письмо всего изъ двухъ словъ

— Что же, онъ пріѣзжаетъ навсегда? Или совершаетъ маленькое путешествіе и мимоходомъ заѣдетъ съ вами повидаться?

— Навсегда!.. По крайней мѣрѣ, мы такъ поняли изъ его письма. Понятно, о томъ, что онъ дѣлалъ въ Парижѣ—ни слова... Священникъ ли онъ еще?

Казалось, отецъ искалъ въ глазахъ мирового судьи разъясненія и совѣта, потому что самъ терялся въ догадкахъ,—и я увѣренъ, что въ эту минуту ему представился аббатъ Жюль съ длинной свѣтской бородой и въ длинномъ рединготѣ разстриги.

— Такъ, такъ, такъ! — сказалъ Робенъ. — Наконецъ, мы познакомимся съ этимъ знаменитымъ аббатомъ.

— Значитъ, въ воскресенье у насъ будетъ одной обѣдней больше, — заявила г-жа Робенъ съ удовлетвореніемъ. — Это недурно! Съ тѣхъ поръ, какъ викарій Дерошъ назначенъ капеланомъ въ Бланде, надо признать, что служба у насъ довольно-таки плохая.—И, обращаясь къ моей матери, она спросила:—А кюре предупрежденъ? Что онъ говоритъ? Что думаетъ объ его возвращеніи?

— Ахъ,—вздохнула мать,—кюре въ восторгѣ... Но вѣдь, знаете, онъ отъ всего приходитъ въ восторгъ... Онъ ни въ чемъ не видитъ худого, а ему-то и придется узнать аббата. Не говоря уже о столкновеніяхъ, какія они будутъ имѣть другъ съ другомъ... Будетъ не мало курьезовъ!

— Но какую же роль возьметъ на себя здѣсь аббатъ?

— Не знаемъ, вѣроятно, будетъ обыкновеннымъ священникомъ. — И съ злобнымъ раздраженіемъ въ голосѣ мать продолжала: — Обыкновенный священникъ!.. Человѣкъ могъ бы сдѣлаться епископомъ, если бы захотѣлъ; могъ бы помогать своей семьѣ... Мы и Альберта пустили бы по духовной дорогѣ... А вмѣсто того, что обѣщаетъ его пріѣздъ!

Г-жа Робенъ вертѣлась на стулѣ, покачиваясь своимъ тощимъ тѣломъ. Кисловатая улыбка скривила ея губы.

— Что дѣлать, дорогая,—утѣшала она,—что сдѣлано, того уже не поправишь... Самое важное, что онъ возвращается. Вы должны радоваться этому.

Мать слегка пожала плечами.

— Отчасти да, отчасти нѣтъ... Вы его не знаете.

— Я знаю только одно, — серьезно замѣтила г-жа Робенъ,—что онъ священникъ, и что всегда лучше имѣть родственника возлѣ себя. За нимъ можно ухаживать, наблюдать, знать, что онъ дѣлаетъ... и во время принять мѣры, если понадобится...

— Я знаю, что это большое преимущество, — сказала мать.

— Тогда какъ на разстояніи, конечно, можно ожидать всего, и ничего не дождаться Въ наше время нѣтъ недостатка въ интриганахъ. Къ тому же не надо заглядывать впередъ. Можетъ быть, аббатъ перемѣнился, и вдругъ вернется къ вамъ съ состояніемъ?

Глаза матери сверкнули и быстро погасли. Грустно покачавъ головой, она вздохнула:

— Для него это было бы очень желательно!.. Но аббатъ Жюль не изъ такихъ людей. Если онъ измѣнился, то скорѣй къ худшему: я это предчувствую... Вдобавокъ, чего добраго, и кормить его придется... Парижъ такъ великъ и столько въ немъ соблазновъ! Тамъ такъ много страннаго и еще больше дурныхъ людей.

— Роскошь, роскошь! — воскликнулъ г. Робенъ. — Вотъ что губитъ всѣхъ въ Парижѣ. Не знаютъ, что и выдумать, чтобы заставить тратить деньги... Напримѣръ, у сенатора въ вестибюлѣ, представьте, стоятъ два бронзовыхъ негра, въ три раза больше меня, съ золочеными факелами въ рукахъ... Просто, невѣроятно! Вечеромъ эти факелы зажигаютъ. Я это самъ видѣлъ.

— Однажды вечеромъ въ театрѣ,—похвастался отецъ, — мнѣ указали Жоржъ-Зандъ. И, представьте, она была одѣта мужчиной!.. Предполагаю, что и Жюль одѣвался въ свѣтское платье, и его рясы не износились за время пребыванія въ Парижѣ... Но въ Жоржъ-Зандъ сейчасъ можно было узнать женщину... Это даже слишкомъ бросалось въ глаза.

— Безобразіе! — воскликнула съ отвращеніемъ г-жа Робенъ, отвернувъ голову и отмахиваясь рукой, точно отъ надоѣдливой мухи.

Отецъ вздумалъ было пуститься въ игривое описаніе подробностей; но мать остановила его, глазами показавъ на меня. Разъ дѣло шло не о медицинѣ, въ моемъ присутствіи очень строго относились къ выбору выраженій.

Разговоръ объ аббатѣ Жюлѣ вновь возобновился, и отецъ долженъ былъ разсказать всю его жизнь, съ дѣтства до отъѣзда въ Парижъ. Въ этотъ вечеръ мнѣ очень хотѣлось спать, не смотря на возбужденіе, вызванное всѣми важными собы-

тіями и невыносимымъ присутствіемъ г-жи Робенъ. Я не придавалъ большого значенія разсказу отца и почти ничего не запомнилъ, кромѣ негодующихъ возгласовъ нашихъ друзей, при описаніи нѣкоторыхъ необыкновенныхъ эпизодовъ: „Боже, возможно ли!.. И это патеръ!..“

Вспоминаю также, что говорилось о нѣкоей г-жѣ Бульмеръ, умершей нѣсколько дней назадъ отъ родовъ. И даже теперь слышу, какъ отецъ объясняетъ причину несчастья въ точныхъ медицинскихъ выраженіяхъ, не принятыхъ въ обществѣ...

Послѣ неудачныхъ родовъ опять вернулись къ аббату Жюлю. Въ половинѣ одиннадцатаго Робены удалились.

— Обсудите все хорошенько, дорогая моя, — говорила страшная г-жа Робенъ, надѣвая капоръ. — Не волнуйтесь... Никогда нельзя предвидѣть, что случится... А понадобится наша помощь — не стѣсняйтесь. Я такъ васъ люблю, такъ люблю вашего маленькаго Альберта.

Отецъ и Робенъ бесѣдовали отдѣльно.

— Можетъ быть—женщины?—предпологалъ судья.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ отецъ. — Должно быть, что-нибудь другое... Но что онъ могъ дѣлать въ Парижѣ?

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

* * *

Жду весны въ этотъ годъ я безъ яркихъ цвѣтовъ.
Безъ довѣрчивыхъ пѣсенъ волны говорливой:
Будетъ май, какъ раздумье страны сиротливой
    На могилѣ отважныхъ борцовъ...
Такъ тепла еще скорбь тѣхъ безжалостныхъ дней,
Такъ ярка еще память о пролитой крови,
Словно призракъ зловѣщій стоитъ наготовѣ,
    Жадно рвется въ жилища людей...
Словно ходитъ онъ каждую ночь у дверей,
Смотритъ въ темныя окна со злобой упрямой,—
Неожиданно стукнетъ неплотною рамой,
    Напугаетъ уснувшихъ дѣтей!..

В. Башкинъ.

Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ.

Меня всегда, приблизительно съ первой половины 70-хъ годовъ, крайне занимала личность Чернышевскаго. Не одни его взгляды, а именно вся его необыкновенно своеобразная фигура. Я уже не говорю о томъ любопытствѣ и той жаждѣ запретнаго, которую развивало среди насъ, мальчиковъ-подростковъ, сидѣвшихъ на гимназическихъ и кадетскихъ скамьяхъ и семинарскихъ партахъ, благожелательное начальство, способное, бывало, раскассировать цѣлый классъ за найденный, неизвѣстно кому принадлежащій экземпляръ „Что дѣлать", составившійся изъ вырванныхъ страницъ „Современника". Но, кромѣ этого почти инстинктивнаго любопытства, мою мысль тревожила задача понять духовную физіономію человѣка, котораго я всегда считалъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ русскихъ умовъ и однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и послѣдовательныхъ политическихъ дѣятелей. Эти два свойства,—самостоятельность мысли и постоянная энергія воли—принадлежатъ къ разряду тѣхъ достоинствъ, которыя рѣже всего характеризуютъ нашу талантливую и героическую „запоемъ", но въ общемъ черезчуръ рыхлую и подражательную натуру славянина. Какъ же было не заинтересоваться личностью Чернышевскаго?

Къ этому присоединялись нѣкоторыя другія обстоятельства, заставлявшія съ удвоеннымъ вниманіемъ задумываться надъ характеромъ и судьбой человѣка, который игралъ въ свое время такую исключительную роль. Прежде всего, эта трагическая катастрофа въ его жизни, вырвавшая у поэта скорбное восклицаніе, какъ въ снѣгахъ Сибири

. . . . заточенъ
Яркій свѣточъ науки опальной,—

катастрофа, которая являлась вмѣстѣ съ тѣмъ жесточайшею несправедливостью со стороны политическихъ враговъ Чернышевскаго. Ибо то, что теперь мало по малу начинаетъ выясняться

для большой публики изъ печатающихся воспоминаній, мемуаровъ, замѣтокъ о 60-хъ годахъ, было извѣстно давнымъ давно людямъ, принадлежавшимъ къ тому теченію, которое продолжало при измѣнившихся условіяхъ и съ измѣненной программой дѣятельность людей „Современника". Послѣ смерти Чернышевскаго, дѣйствительно, начали выкапываться изъ подъ-спуда мнѣнія и отзывы людей той эпохи, и замѣтьте, изъ лагеря противниковъ, о процессѣ и осужденіи Николая Гавриловича. И всѣ эти документы свидѣтельствовали, какъ въ свое время сенаторъ Любощинскій признался бывшему цензору Никитенко, — что „извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ виновности не было", но что „моральное убѣжденіе сенаторовъ было прямо противъ Чернышевскаго" *). А въ концѣ прошлаго года, въ одной изъ статей, вызванныхъ пятнадцатилѣтіемъ смерти Николая Гавриловича (я говорю о воспоминаніяхъ г. Захарьина-Якунина), мы могли прочитать, что таково же было мнѣніе многихъ тогдашнихъ литераторовъ. Примѣръ тому Алексѣй Толстой, который въ виду вопіющаго нарушенія права, допущеннаго при осужденіи Чернышевскаго, сталъ было говорить въ его пользу Александру II, но получилъ отъ императора рѣзкій приказъ никогда впредь не касаться этого предмета...

Кромѣ этой трагической судьбы Чернышевскаго, насъ интересовало и то, что исключительная сила ума столь рано погибшаго для русской мысли писателя была печатно признана въ началѣ 70-хъ годовъ такимъ желчнымъ и порою строгимъ до несправедливости, но вмѣстѣ компетентнымъ судьею, какимъ былъ Марксъ. Не говорилъ ли тотъ самый неумолимо рѣзкій авторъ, который бросалъ по адресу Герцена эпитеты „полурусскаго и вполнѣ москвича", не говорилъ ли онъ въ предисловіи (январь, 1873 г.) ко второму изданію перваго тома „Капитала" о „банкротствѣ буржуазной экономіи, мастерски выясненномъ великимъ русскимъ ученымъ и критикомъ Н. Чернышевскимъ въ своемъ трудѣ „Очерки изъ политической экономіи по Миллю"? Значеніе (загубленнаго судьбой) русскаго экономиста признавалось такимъ образомъ не въ однихъ кругахъ нашей демократической молодежи, но и заграницей, и при томъ громаднымъ авторитетомъ, который былъ крайне скупъ на подобные лестные отзывы.

Если не прямо трагическою, то скорбною дымкою были въ нашихъ глазахъ подернуты и послѣдніе годы Чернышевскаго, когда уже возвращенный въ Россію великій мыслитель доживалъ свою безжалостно изломанную жизнь въ двойномъ карантинѣ, устроенномъ властями и окружающими его людьми. Онъ нарочито былъ укрываемъ отъ взоровъ, не говорю снобовъ и Тряпичкиныхъ-очевидцевъ,—этой противной разновидности умственныхъ парази-

*) См. дневникъ Никитенка въ „Русской Старинѣ" 1891, № 5.

товъ, кишащихъ возлѣ „знаменитостей“,—но искренно любившихъ и глубоко преданныхъ ему людей, выросшихъ на его сочиненіяхъ. Мы живо помнили его первый разговоръ въ Астрахани съ корреспондентомъ, если не ошибаюсь, изъ „Daily News“, разговоръ или, вѣрнѣе, своеобразный діалогъ на бумагѣ, въ которомъ англичанинъ задавалъ ему письменно вопросы, а Чернышевскій письменно же отвѣчалъ на нихъ, такъ какъ зналъ языкъ Шекспира вполнѣ хорошо, но совершенно по книжному, словно греческій и латинскій. Въ этомъ своеобразномъ діалогѣ-перепискѣ съ глазу на глазъ Чернышевскій охарактеризовалъ себя какъ „военно плѣннаго русскаго движенія“ (Николай Гавриловичъ употребилъ, собственно, другое болѣе рѣзкое выраженіе, которое я принужденъ оставить въ чернильницѣ, замѣняя этимъ слабымъ перифразомъ). Онъ поставилъ на видъ англичанину, что ему не совсѣмъ удобно отвѣчать на нѣкоторые вопросы такъ прямо, какъ онъ хотѣлъ бы, а потому онъ лучше умолчитъ. Увы! это было первое и, почитай, послѣднее ясное выраженіе мыслей возвратившагося Чернышевскаго о нѣкоторыхъ сторонахъ современной жизни. Рѣдки были идейные гости, успѣвавшіе видѣться съ нимъ и бывшіе въ состояніи понять и передать его взгляды. И надо считать за счастіе для большой публики, что В. Г. Короленко удалось познакомить ее (въ ноябрской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за прошлый годъ) съ своими интересными „Воспоминаніями о Чернышевскомъ“. Чего стоитъ, напр., одна оцѣнка Чернышевскимъ литературы автора „непротивленія злу“, Льва Толстого, передъ которымъ кувыркаются и пищатъ въ умиленіи всѣ снобы міра, какія бы несообразности въ сферѣ теоретическихъ и глубоко жизненныхъ вопросовъ ни угодно было изрекать яснополянскому оракулу. Помните:

...Чернышевскій вынулъ платокъ и высморкался.

— Что, хорошо? —спросилъ онъ къ великому нашему удивленію.—Хорошо я сморкаюсь? Такъ себѣ, не правда ли. Если бы у васъ кто спросилъ, хорошо ли Чернышевскій сморкается, вы бы отвѣтили: безъ всякихъ манеръ, да и гдѣ же какому-то бурсаку имѣть хорошія манеры. А что, если бы я вдругъ представилъ неопровержимыя доказательства, что я не бурсакъ, а герцогъ, и получилъ самое настоящее герцогское воспитаніе. Вотъ тогда бы вы тотчасъ же подумали: А-а, нѣтъ-съ, это онъ не плохо высморкался,—это и есть настоящая, самая рѣдкостная герцогская манера.. Правда вѣдь? А?

— Пожалуй.

— Ну, вотъ то же и съ Толстымъ. Если бы другой написалъ сказку объ Иванѣ-дуракѣ,—ни въ одной редакціи, пожалуй, и не напечатали бы. А вотъ, подпишутъ графъ Толстой,—всѣ и ахаютъ. Ахъ, Толстой, великій романистъ! Не можетъ быть, чтобы была глупость. Это только необычно и геніально! По-графски сморкается *).

Но возвратимся къ Чернышевскому 60-хъ годовъ. Меня не удовлетворяло знакомство съ сочиненіями „великаго русскаго

---

*) Русское Богатство, 1904, № 11, стр. 65—66.

ученаго и критика". Мнѣ хотѣлось составить о немъ понятіе, какъ о человѣкѣ. И я съ жадностью разспрашивалъ о Чернышевскомъ людей, которые лично знали его. Уже во второй половинѣ 70-хъ годовъ нѣкоторыя интересныя стороны Чернышевскаго, какъ политическаго дѣятеля, выяснились для меня изъ разговоровъ съ П. Г. Зайчневскимъ (умеръ въ 1895 г.), который былъ однимъ изъ авторовъ „Молодой Россіи", сталкивался по поводу ея съ Николаемъ Гавриловичемъ, встрѣчался съ нимъ (если не ошибаюсь) и во время своей сибирской жизни. Много любопытнаго о Чернышевскомъ мнѣ пришлось узнать отъ семьи Шелгунова и въ особенности отъ самого Николая Васильевича, съ которымъ я былъ близко знакомъ въ теченіе 1879—1882 г. и который необыкновенно тепло отзывался о славномъ авторѣ статей по общинному владѣнію и комментаторѣ Милля. За границей, въ началѣ 80-хъ годовъ, кое-что было разсказано мнѣ о Чернышевскомъ Н. В. Соколовымъ, составившимъ по Жюлю Валлэсу („Les Refractaires") своихъ „Отщепенцевъ", но извѣстнымъ больше по своимъ комично свирѣпымъ статьямъ въ „Русскомъ Словѣ" противъ Милля. Эти статьи въ своемъ первоначальномъ видѣ были представлены Соколовымъ еще Чернышевскому, не были одобрены имъ, но послужили почвою для знакомства между полковникомъ генеральнаго штаба и руководителемъ „Современника".

Наконецъ, поставленный въ близкія отношенія къ П. Л. Лаврову, я не разъ наводилъ разговоръ на Чернышевскаго. Къ сожалѣнію, авторъ „Историческихъ писемъ" хорошо сошелся съ Николаемъ Гавриловичемъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста послѣдняго, когда покойный Энгельгардъ ввелъ Лаврова въ начавшее организоваться общество (старой) „Земли и Воли". Нѣкоторыя типичныя особенности Чернышевскаго, впрочемъ, ярко выступали въ характеристикѣ Лаврова, который въ непринужденной интимной бесѣдѣ выражался очень живо и гораздо менѣе абстрактно, чѣмъ то позволяла бы думать его отвлеченная манера печатнаго изложенія.

Что касается до Чернышевскаго 80-хъ годовъ, уже возвращеннаго изъ Сибири, я хорошо запомнилъ длинный и интересный разговоръ, который имѣлъ съ нимъ въ 1888 г. по поводу тогдашняго положенія дѣлъ г. Б.—типъ идейнаго и вдумчиваго собесѣдника.

Таковы тѣ элементы, которыми располагаю я для давно задуманной мною попытки охарактиризовать нѣкоторыя стороны личности Чернышевскаго, какъ дѣятеля, можетъ быть черезчуръ остававшіяся до сихъ поръ въ тѣни, и опредѣлить въ связи съ ними роль и судьбу этого необыкновенно крупнаго человѣка въ Россіи 60-хъ годовъ. Къ сожалѣнію, къ этимъ элементамъ, если можно такъ выразиться, устнаго преданія я могу присоединить лишь очень скудныя печатныя данныя. По тѣмъ или по другимъ причинамъ, за двумя-тремя исключеніями, и то немногое,

что писалось о Чернышевскомъ, исходило отъ людей, которые врядъ-ли отдавали себѣ отчетъ въ истинномъ значеніи изображавшагося ими лица. Таковы, напримѣръ, воспоминанія нѣкоторыхъ товарищей Николая Гавриловича по семинаріи. Скудость устнаго и печатнаго матеріала, касающагося Чернышевскаго, какъ человѣка, послужитъ мнѣ извиненіемъ въ возможной неудачѣ предлагаемой читателю попытки. Я вынужденъ буду прибѣгать порою къ нѣкоторымъ гипотетическимъ соображеніямъ, стараясь объяснять недостающія черты индивидуальности Чернышевскаго изъ его сочиненій и изъ условій тогдашней общественной жизни. Могу лишь сказать читателю, что приступаю къ своему плану съ самымъ горячимъ и искреннимъ желаніемъ дать большой публикѣ хоть приблизительное понятіе о томъ, какого не только теоретическаго мыслителя, но и общественнаго дѣятеля она безвременно потеряла 40 лѣтъ тому назадъ въ лицѣ Чернышевскаго.

Хотите знать, какой лейтмотивъ долженъ, по моему мнѣнію, положить всякій писатель въ основаніе этюда о „Чернышевскомъ и Россіи 60-хъ годовъ“? Мрачныя и загадочныя слова одной изъ самыхъ сильныхъ исповѣдей Лермонтова „1831 года, іюня 11“:

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ.
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

Изъ пѣсни, конечно, слова не выкинешь. Но если выбросить два-три слова изъ только что приведенной строфы, она цѣликомъ можетъ быть отнесена къ судьбѣ Чернышевскаго. И онъ „предузналъ свой жребій, свой конецъ“: онъ чувствовалъ; мало того, онъ ясно сознавалъ, что такой человѣкъ, какъ онъ, долженъ былъ фатально погибнуть въ такой странѣ, какою была Россія 60-хъ годовъ. И онъ могъ предвидѣть, что „смерть его ужасна будетъ“. Любители точности могутъ, конечно, замѣтить, что Чернышевскій не погибъ въ буквальномъ смыслѣ „ужасною смертью“. Но что̀ какъ не мучительное медленное умираніе представляла для этого гиганта мысли его жизнь въ далекой Сибири, порою сводившаяся къ одиночному заключенію и всегда отрѣзывшая его отъ общенія съ интересами идеи и общественной дѣятельности? Правда, что не „всѣ прокляли память о немъ“. Но какія безконечно печальныя оговорки приходится дѣлать и тутъ!

Чернышевскаго не проклялъ, конечно, трудовой, въ то время почти исключительно деревенскій, людъ, но не потому, что онъ

зналъ героическую борьбу „Современника“ за освобожденіе крестьянъ съ землей противъ степныхъ медвѣдей крѣпостничества, а потому, что онъ не имѣлъ ровно никакого понятія о Чернышевскомъ и его дѣятельности. Помните статью Чернышевскаго, озаглавленную „Письма безъ адреса“ — а на самомъ-то дѣлѣ по адресу одного чрезвычайно высокопоставленнаго въ тѣ времена лица? Народъ является подъ перомъ Чернышевскаго „судьей“, которому, собственно, и слѣдовало бы разрѣшить тяжбу, чья дѣятельность для него полезнѣе, дѣятельность ли Чернышевскихъ или дѣятельность чрезвычайно высокопоставленныхъ лицъ. Но увы! судья-народъ, — говоритъ Чернышевскій, обращаясь къ важной персонѣ, — „васъ знаетъ лишь по имени... а насъ не знаетъ даже и по имени“. И продолжаетъ такъ:

Апатиченъ остается народъ; какой же результатъ могли бы произвести ваши заботы или наши хлопоты о его пользахъ, хотя бы вы, или мы, и остались на полѣ дѣйствія одни? Вы говорите народу: ты долженъ идти вотъ какъ; мы говоримъ ему: ты долженъ идти вотъ такъ. Но въ народѣ почти всѣ дремлютъ; а тѣ немногіе, которые проснулись, отвѣчаютъ: давно уже раздаются призывы къ народу, чтобы онъ жилъ такъ или иначе, и много разъ пробовалъ онъ слушать призывы, но пользы отъ нихъ не было.

И такъ, со стороны тогдашняго народа не было проклятія, но не было и благословенія, потому что у него не было никакого понятія о роли Чернышевскаго и товарищей. Ну, а большинство нашего такъ называемаго „общества“? О, здѣсь преобладающею нотою въ хорѣ оцѣнокъ и сужденій, встрѣтившихъ арестъ Чернышевскаго, было, несомнѣнно, проклятіе или, по крайней мѣрѣ, строгое порицаніе. Та реакціонная вакханалія, которая овладѣла Петербургомъ, а вскорѣ и всей Россіей послѣ майскихъ пожаровъ 1862 г., не дожидалась польскаго возстанія, чтобы обнаружить всю дряблость, трусость, а вмѣстѣ и свирѣпость нашихъ недавнихъ прогрессистовъ въ силу моды и либераловъ съ дозволенія начальства. Тѣ самые люди, въ родѣ Каткова, которые еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ считали возможнымъ вести переговоры съ „краснымъ“ Чернышевскимъ и вступать съ нимъ въ соглашеніе на почвѣ общихъ либеральныхъ требованій, теперь прямо доносили на „Современникъ“, какъ на гнѣздо революціи. По ихъ глубокому „патріотическому“ убѣжденію и Щукинъ рынокъ-то былъ подожженъ,—какъ это утверждали на слѣдующій же день послѣ пожара „Московскія Вѣдомости“,—поляками и русскими революціонерами, находившимися подъ командой „коммуниста“ Чернышевскаго. Даже люди, вдохновлявшіеся еще недавно статьями славнаго защитника русской общины въ его замѣчательной кампаніи во имя освобожденія крестьянъ съ землей. демонстративно отрекались отъ него при первомъ крикѣ: распни

его! Вотъ любопытное свидѣтельство мыслящаго современника этой эпохи изъ высшей аристократической среды:

Нѣсколько дней спустя послѣ пожара я пошелъ въ воскресенье къ своему двоюродному брату,—флигель-адъютанту императора,—на квартирѣ котораго я часто слышалъ, какъ конногвардейскіе офицеры выражали сочувствіе Чернышевскому. Мой двоюродный братъ самъ до этого времени былъ ревностнымъ читателемъ „Современника", этого органа передовой партіи реформъ. Но теперь онъ принесъ нѣсколько книжекъ „Современника" и, положивъ ихъ на столъ, за которымъ я сидѣлъ, сказалъ мнѣ: „отнынѣ я не хочу больше держать у себя этой поджигательной литературы, довольно!" — и эти слова выражали мнѣніе „всего Петербурга".

Но то, скажете вы, были представители крайне высокихъ общественныхъ слоевъ, которые могли горѣть и пылать лишь соломеннымъ огнемъ энтузіазма къ реформамъ и лишь пока не выяснилось истинное значеніе преобразовательной горячки, охватившей было всю мало-мальски сознательную Россію. Такъ вотъ вамъ мнѣніе типичнаго человѣка тогдашней либеральной интеллигенціи, мнѣніе профессора, потерявшаго въ 1858 г. свое мѣсто придворнаго преподавателя права (цесаревичу Николаю) послѣ напечатанія въ „Современникѣ" записки о крѣпостномъ правѣ, автора горячаго протеста, помѣщеннаго въ „Колоколѣ" противъ Чичерина (который обвинялъ Герцена въ томъ, что онъ проповѣдуетъ, какъ средство для реформъ, „палку сверху и топоръ снизу", и. т. д.). Словомъ, я разумѣю К. Д. Кавелина, отъ котораго, не смотря на сумбурность его либерализма (онъ проповѣдывалъ, какъ извѣстно, „замѣну византійско-татарско-французско-помѣщичьяго идеала русскаго царя идеаломъ народнымъ, славянскимъ, посредствомъ самой широкой административной реформы", а на конституцію смотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ на „европейскія фіоритуры"), — отъ котораго, говорю я, нельзя было, казалось бы, ожидать катковскаго объясненія петербургскихъ пожаровъ. Однако въ письмѣ къ Герцену (отъ 6-го августа 1862 г.) упомянутый славянствующій либералъ не убоялся и не постыдился бросить на бумагу слѣдующія строки, заставляющія не вѣрить глазамъ, когда ихъ читаешь:

Извѣстія изъ Россіи, съ моей точки зрѣнія, не такъ плохи... Аресты меня не удивляютъ, и, признаюсь тебѣ, не кажутся возмутительными... Чернышевскаго я очень, очень люблю, но такого брульона, безтактнаго и самонадѣяннаго человѣка я никогда еще не видалъ. И было бы за что погибать! Что пожары въ связи съ прокламаціями — въ этомъ нѣтъ теперь ни малѣйшаго сомнѣнія.

И такъ вотъ: всѣ эти прекраснодушные, всѣ эти чувствительные люди „очень, очень любятъ" послѣдовательныхъ и смѣлыхъ дѣятелей, пока ихъ присутствіе въ первыхъ рядахъ, подъ непосредственнымъ огнемъ непріятеля, надо для упомянутыхъ чувствительныхъ и прекраснодушныхъ господъ, какъ прикрытіе, какъ

авангардъ болѣе многочисленной, но и куда какъ болѣе робкой арміи умѣренно либеральныхъ и умѣренно свободолюбивыхъ элементовъ. А прошли эти времена,—прошли потому ли, что могущественный врагъ былъ едва-едва выбитъ изъ первыхъ укрѣпленій, или потому, что умѣренные господа, трубившіе въ іерихонскія трубы, увидѣли, что этимъ „духовнымъ концертомъ“ непріятеля не проберешь, а къ болѣе реальнымъ способамъ воздѣйствія прибѣгнуть не хотѣли и не могли по самому характеру своему,— и вотъ ваши союзники превращаются въ вашихъ враговъ и не усомнятся присоединиться къ хору вашихъ злѣйшихъ клеветниковъ. Въ самомъ дѣлѣ „пожары въ связи съ прокламаціями—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія!“ И это говорилось прекраснодушными людьми въ то самое время, какъ ни вступившее на путь реакціи правительство, ни охранительная пресса не могли, не смотря на всѣ усилія, установить никакой связи между дѣятельностью передовой демократической партіи 60-хъ годовъ и пожарами. Прекраснодушные господа забывали, — и забывали наполовину умышленно,—что ужъ если кому были на руку пожары, такъ это реакціонной партіи, которая искала только случая придраться къ чему нибудь, чтобы „поставить точку къ реформамъ“, выражаясь языкомъ формулы, пущенной нѣсколько лѣтъ спустя сіятельнымъ публицистомъ „Гражданина“. Рыцари на часъ изъ либеральнаго лагеря не хотѣли знать, что единственный разъ, когда нашелся въ высшихъ сферахъ человѣкъ, серьезно отнесшійся къ опредѣленію причинъ тогдашнихъ пожаровъ, въ его рукахъ оказались самыя тяжелыя улики именно противъ реакціонеровъ и крѣпостниковъ. Я говорю о сенаторѣ Ждановѣ, посланномъ для изслѣдованія на мѣстѣ обстоятельствъ пожарнаго повѣтрія, которое начало спустя нѣкоторое время свирѣпствовать по Волгѣ,—въ Саратовѣ, въ Симбирскѣ и т. д. Смерть Жданова, загадочное исчезновеніе его чемодана, нежеланіе „сферъ“ опубликовать результаты слѣдствія о пожарахъ,—все это ясно показывало, гдѣ надо было искать настоящихъ виновниковъ смуты. И тѣмъ не менѣе большинство тогдашняго лагеря прогрессистовъ стало на точкѣ зрѣнія Кавелина: Чернышевскій — „брульонъ“, Чернышевскій—невѣроятно „самодѣянный, безтактный человѣкъ“. Отчего же такому человѣку не вмѣнить, по крайней мѣрѣ, моральной отвѣтственности за краснаго пѣтуха, начавшаго, однако, ходить по Россіи какъ разъ тогда, когда временно было подавленные реформой 19-го февраля 1861 г. крѣпостные волки снова подняли свой жалобный и свирѣпый вмѣстѣ вой. Этимъ они надѣялись повліять въ достаточной степени на правительство, чтобы оно отложило на неопредѣленное время окончательное уничтоженіе рабства, пріуроченное къ 19-му февралю 1863 г.

Стоитъ ли, впрочемъ, особенно удивляться, особенно негодовать на психологію умѣренно-либеральныхъ и неумѣренно-тру-

сливыхъ господъ? Ахъ, эта психологія составляетъ, — мнѣ хотѣлось бы сказать „составляла“, да боюсь заглядывать въ будущее,—такую черту большинства русскаго общества, что является почти національной особенностью нашихъ культурныхъ слоевъ, лишенныхъ традицій политической борьбы. Механизмъ этого процесса „два шага впередъ, а одинъ назадъ“, порою и цѣлыхъ три назадъ, съ точностью почти соціолога изображенъ Некрасовымъ. И, надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на длину нижеслѣдующей цитаты изъ „Медвѣжьей охоты“: такъ сильны и правдивы эти стихи:

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мнѣнье!
Его нельзя не презирать
Сильнѣй невѣжества, распутства, тунеядства;
На немъ предательства печать
И непонятнаго злорадства!
У русскаго особый взглядъ,
Преданьямъ рабства страшно вѣренъ:
Всегда побитый виноватъ,
А битымъ—счетъ потерянъ!
Какъ будто съ умысломъ силки
Мы разставляемъ мысли смѣлой;
Сперва—сторонниковъ полки,
Восторгъ почти Россіи цѣлой,
Потомъ—усталость; наконецъ,
Всѣ на-сторожѣ, всѣ въ тревогѣ,
И покидается боецъ
Почти одинъ на полдорогѣ...
Побѣда! мимо всѣхъ преградъ
Прошла и принялась идея:
Ура! кричимъ мы, не робѣя,
И тотъ, кто радъ, и кто не радъ...
За то съ какимъ зловѣщимъ тактомъ
Мы неудачу сторожимъ!
Замѣтивъ облачко надъ фактомъ,
Какъ стушеваться мы спѣшимъ!
Какъ мы вертимъ хвостомъ лукаво,
Какъ мы уходимъ величаво
Въ скорлупку пошлости своей!
Какъ негодуемъ, какъ клевещемъ,
Какъ ретроградамъ рукоплещемъ,
Какъ выдаемъ своихъ друзей!
Какіе слышатся аккорды
Въ постыдной аріи тогда!
Какія выдвинутся морды
На первый планъ! Гроза, бѣда!
Облава—въ полномъ смыслѣ слова!..
Свалились въ кучу—и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, блеянье —
И жеребячье гоготанье—
А-ту его! а-ту его!...

Вотъ вамъ полная и яркая картина исторіи 60-хъ годовъ, прилива и отлива общественнаго энтузіазма! Чернышевскій былъ именно тотъ боецъ, покинутый почти одинъ на полдорогѣ, о которомъ говоритъ поэтъ. И мы видѣли, что, дѣйствительно, его имя „проклиналось" теперь тѣми самыми людьми, которые тянулись, по крайней мѣрѣ въ теченіе 5 лѣтъ, приблизительно съ 1857 по 1861 г., за передовыми рядами демократической арміи, предводимой Чернышевскимъ. Память заживо похороненнаго дѣятеля самой плодотворной поры 60-хъ годовъ сохранялась съ чувствомъ глубочайшаго почтенія лишь среди той части русской интеллигенціи, къ которой принадлежали и самъ Чернышевскій, и его идейные друзья. И лишь она до самаго послѣдняго времени выносила одна на своихъ плечахъ мучительный историческій процессъ медленной эволюціи той Бѣлой Арапіи, той „барыни-сударыни, матушки Федорушки", что возбуждала сатирическій гнѣвъ даже индифферентиста Алексѣя Толстого.

Въ какой степени Чернышевскій „предузналъ свой жребій, свой конецъ",—какъ было сказано выше, — видно изъ очень вѣскихъ свидѣтельствъ, потому что они исходятъ отъ самого главы крайней демократической партіи тогдашней Россіи. Еще въ началѣ 50-хъ годовъ, до своей женитьбы, Чернышевскій писалъ въ своемъ дневникѣ (найденномъ впослѣдствіи при арестѣ Николая Гавриловича 7-го іюля 1862 г.) слѣдующія строки, представляющія, повидимому, набросокъ одного изъ писемъ его къ дѣвушкѣ, ставшей впослѣдствіи его женой:

Меня каждый день могутъ взять,—какая тутъ будетъ моя роль? У меня ничего не найдутъ, но враги у меня сильные. Что могу я другое дѣлать? Сначала я буду молчать; наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго—это мнѣ надоѣстъ, и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко, и тогда едва ли уже выйдемъ изъ крѣпости. Видите—я не могу жениться, не въ правѣ связать чьей бы то ни было судьбы съ моей.

Разумѣется, въ это личное и общественное profession de foi 24-лѣтняго Чернышевскаго (писано, повидимому, въ 1852—1853 г.) нечего еще вкладывать міровоззрѣніе зрѣлаго мыслителя и дѣятеля и приписывать ему какія-нибудь особенно рѣзкія и вполнѣ опредѣленныя идеи. Но Чернышевскій зналъ Николаевскую Россію и зналъ, какимъ преступленіемъ считалась въ ней простая независимость взглядовъ, особенно въ годы свирѣпой реакціи, вызванной событіями 1848 г. на Западѣ. Примѣръ Петрашевцевъ могъ ему показать, что въ эту пору за чтеніе Фурье людей приговаривали къ смерти и лишь у петли, лишь заставивъ преступнаго чтеца фаланстерій пройти чрезъ всю гамму предсмертныхъ ощущеній, милостиво замѣняли повѣшеніе безсрочной каторгой. Такимъ образомъ почти трагическія мысли Чернышевскаго въ

дневникѣ свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что онъ уже юношей былъ человѣкомъ, стремившимся къ выработкѣ независимыхъ взглядовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, эти мысли, раскрываютъ многозначительную черту индивидуальности Чернышевскаго, обыкновенно оставляемую въ тѣни даже его поклонниками: это — его способность жертвовать всѣмъ ради вѣрности идеямъ, которыя ему представляются истинными.

Дѣйствительно, до сихъ поръ Чернышевскаго чаще всего рисуютъ какъ чисто кабинетнаго мыслителя, какъ холоднаго діалектика, преобладающей стороной котораго является разсудокъ. Но при этомъ упускаютъ изъ виду элементъ характера, элементъ энергіи, который дѣлалъ для Чернышевскаго невозможнымъ отреченіе на практикѣ отъ того взгляда, къ которому онъ приходилъ въ теоріи, — хотя бы сначала и чисто логическимъ, не окрашеннымъ страстью путемъ. Какую бы, дѣйствительно, важную роль ни играли въ душевномъ мірѣ Чернышевскаго чисто логическіе процессы, но жизненная обязательность окончательныхъ выводовъ, получаемыхъ въ ихъ результатѣ, была для него своего рода „категорическимъ императивомъ". Объ этой чертѣ Николая Гавриловича мнѣ много пришлось слышать отъ Шелгунова, который, самъ будучи человѣкомъ сердца и убѣжденія, съ особымъ умиленіемъ говорилъ о рѣзкой, о непримиримой вѣрности Чернышевскаго своему міровоззрѣнію. И, посмотрите, развѣ недостаточно краснорѣчивы въ этомъ смыслѣ цитированныя выше строки юношескаго дневника: „сначала я буду молчать; наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго — это мнѣ надоѣстъ, и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко, и тогда едва ли уже выйдемъ изъ крѣпости". И, наконецъ, заключеніе, непосредственно слѣдующее за этими строками: „я не могу жениться, не въ правѣ связать чьей бы то ни было судьбы съ моей". Замѣтьте, это писалось тѣмъ самымъ Чернышевскимъ, который любилъ свою невѣсту, а впослѣдствіи свою жену, такъ безконечно нѣжно и такъ высоко человѣчно, что я затрудняюсь найти въ исторіи примѣръ другой личности, способной на такую одухотворенную и самоотверженную любовь. Каково же было этому человѣку отказываться отъ величайшаго счастія, какое только ему представлялось въ жизни,— и отказываться сознательно, во имя лишь *возможной* перспективы столкновенія между личнымъ интересомъ и вѣрностью убѣжденіямъ!... Я нахожу подтвержденіе этой черты Чернышевскаго, этого служенія идеалу, и въ томъ особенно цѣнномъ для моей цѣли мѣстѣ воспоминаній В. Г. Короленко, гдѣ авторъ говоритъ „о сравненіи Чернышевскимъ самого себя съ кроткимъ по природѣ бараномъ, которому вздумалось кричать по козлиному", т. е. будучи „теоретикомъ и мыслителемъ", „вообразить себя практическимъ дѣятелемъ". Но тутъ же замѣчаетъ:

Правда, всѣ эти нападки на прошлое,—иногда высказываемыя въ очень рѣзкой формѣ самообличенія,—не отзывались ни унылымъ разочарованіемъ, ни слабодушнымъ покаяніемъ въ прошлыхъ „грѣхахъ". Наоборотъ, послѣ такихъ выходокъ, Чернышевскій встряхивалъ своими густыми волосами, глядѣлъ исподлобья улыбающимся взглядомъ и прибавлялъ:

— А вѣдь всетаки, сказать правду: не все же только худое было... Было кое-что и хорошее. Пожалуй, не мало было хорошаго, да, не мало.

...Онъ не смѣялся надъ прошлымъ и остался въ основныхъ своихъ взглядахъ тѣмъ же революціонеромъ въ области мысли, со всѣми прежними пріемами умственной борьбы. Онъ смѣялся только надъ своими попытками практической дѣятельности... (Р. Б., стр. 70—71, passim).

И это совершенно вѣрно: Чернышевскій могъ смѣяться надъ своими попытками практической дѣятельности (читатель увидитъ, впрочемъ, какія оговорки надо внести и сюда, по моему мнѣнію). Но онъ не могъ смѣяться надъ одной изъ основныхъ чертъ своей личности: сознаніемъ необходимости оставаться вѣрнымъ въ жизни выводамъ своей непреклонной мысли. Да и какъ, не будучи служителемъ убѣжденій, Чернышевскій могъ бы еще такъ рано, съ такою энергіей и жаромъ вступиться хотя бы за Бѣлинскаго противъ нападеній Шевырева, который преслѣдовалъ неистоваго Виссаріона какъ разъ за глубокую убѣжденность, проникавшую его статьи: „рыцарь безъ имени, на щитѣ котораго громадными кривыми буквами написано *„убѣжденіе"*.

Но возвратимся къ вопросу, въ какой степени Чернышевскій, этотъ непреклонный борецъ за убѣжденія, былъ увѣренъ въ „своемъ жребіи, своемъ концѣ" сравнительно задолго до роковой развязки. Вотъ сцена изъ „Пролога пролога", неоконченнаго романа Чернышевскаго, въ которомъ Николай Гавриловичъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на Россію 60-хъ годовъ и свою дѣятельность въ ней. Волгинъ (подъ такимъ псевдонимомъ Чернышевскій выводитъ самого себя въ романѣ) говоритъ своей женѣ:

— Милая моя голубочка, ты сядь подлѣ меня и не огорчись тѣмъ, что я скажу. Ты знаешь, у меня характеръ мнительный, робкій. Потому, не придавай важности моимъ словамъ: ты знаешь, у насъ все тихо, и я думаю о будущемъ только потому, что я трусъ. Воображаю то, чего, можетъ быть, и не будетъ. Ты знаешь, я держу себя осторожно. Если бы я не былъ трусъ, то и нечего было бы мнѣ думать ни о тебѣ, ни о Володѣ... Одно можетъ повредить тебѣ съ Володею: перемѣна обстоятельствъ. Дѣла русскаго народа плохи. Будь что-нибудь теперь, намъ съ тобою еще ничего. Обо мнѣ еще никто не позаботился бы. Но моя репутація увеличивается. Два, три года— и будутъ считать меня человѣкомъ со вліяніемъ. Пока все тихо, то ничего. Но, какъ я говорю, и сама ты знаешь, дѣла русскаго народа плохи. Передъ нашею свадьбою я говорилъ тебѣ и самъ думалъ, что говорю пустяки. Но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ виднѣе, что надобно было тогда предупредить тебя. Я не жду пока ровно ничего непріятнаго тебѣ. Но не могу не видѣть, что черезъ нѣсколько времени...

— Такъ ты вотъ о чемъ!—Она поблѣднѣла:—Молчи, не смѣй говорить!—Она вскочила и зажала ему ротъ:—Не смѣй!... Молчи! Я слышала разъ,—довольно. Не смѣй.—Она убѣжала.

Натурально. Тогда она еще могла слушать, потому что еще и не вообра-

жала, что будетъ такъ расположена къ нему. Натурально, теперь ей труднѣе слушать: прожили вмѣстѣ три года; и теперь она понимаетъ, что это можетъ случиться; а тогда не понимала. Конечно, теперь вовсе не слѣдовало говорить. Или слѣдовало?

Онъ пошелъ за нею.

Она прижимала сына къ груди и рыдала надъ нимъ; „Володя, мы съ тобою будемъ сиротами"!

Сцена эта относится, судя по нѣкоторымъ подробностямъ положенія (три года брачной жизни, недавнее знакомство съ Левицкимъ, т. е. Добролюбовымъ, и т. п.) къ 1856 г. Но вотъ дѣйствіе развертывается. Мы въ разгарѣ общественнаго возбужденія, поднятаго крымскимъ разгромомъ. Прежде всего стоитъ на очереди крестьянскій вопросъ. И Чернышевскій является сразу такимъ авторитетомъ въ статьяхъ, посвященныхъ рѣшенію этой тогдашней великой, общенаціональной задачи, что къ его голосу прислушивается не только вся мыслящая часть общества, но и само правительство. Вліяніе славнаго публициста возрастаетъ особенно послѣ его побѣдоноснаго спора съ Вернадскимъ объ общинѣ. И тѣ опасенія, которыя высказывались Чернышевскимъ объ угрожающей ему опасности въ тогдашней Россіи, начинаютъ уже принимать болѣе осязательную форму. Вотъ новая сцена, — разговоръ жены Чернышевскаго съ однимъ молодымъ человѣкомъ, — въ которой женщина, связавшая свою судьбу съ судьбой вождя демократической партіи, сама уже возвращается къ тревожившему ее вопросу. Я привожу эту сцену тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что въ ней Чернышевскій чуть ли не единственный разъ во всемъ „Прологѣ" оставляетъ ту характеристичную для насъ, великоруссовъ, черту ироніи по отношенію къ самому себѣ, которая заставляетъ „проницательныхъ читателей" считать Чернышевскаго на основаніи этого автобіографическаго романа вялымъ, скучнымъ и безхарактернымъ существомъ. Не пришлось ли мнѣ читать у одного обстоятельно-глупаго нѣмца (довольно-таки распространенная разновидность среди германскихъ буржуазныхъ гелертеровъ), что если Herr Tschernyschewsky рисуется такою жалкою посредственностью въ автобіографіи, гдѣ авторъ имѣлъ, конечно, возможность основательно, по словамъ нѣмца, прикрасить себя, то насколько же жалче онъ долженъ былъ быть въ дѣйствительности?

Но оставимъ ученаго нѣмца при его обстоятельной глупости и возвратимся къ обѣщанной нами сценѣ изъ „Пролога". Вотъ въ какихъ словахъ говоритъ жена Чернышевскаго о немъ своему собесѣднику:

— Вы не знаете, Нивельзинъ, какой это человѣкъ! — И никто еще не знаетъ! Только я одна знаю это. Я давно узнала это; хоть я и не ученая, и не видывала тогда ученыхъ людей. Я увидѣла это изъ первыхъ же нашихъ разговоровъ, хоть они были пустые, хоть, разумѣется, онъ не могъ говорить со мною ни о чемъ ученомъ... Но это было видно мнѣ. Я узнала, какой это

человѣкъ; тогда всѣ думали, что онъ пролежитъ весь свой вѣкъ на диванѣ съ книгою въ рукахъ, вялый, сонный. Но я поняла, какая у него голова, какой характеръ! — потому что безъ его характера, даже и при его умѣ, ему нельзя было бы такъ понимать всѣ эти ученыя вещи. Я, неученая, увидѣла это изъ первыхъ разговоровъ, пустыхъ, обо мнѣ, о пустякахъ, о моемъ счастьи,—я увидѣла, какая разница между нимъ и другими!—И ошиблась ли я?—Вы знаете, какъ теперь начинаютъ думать о немъ. Но его время еще не пришло, они еще не понимаютъ его мыслей;—придетъ его время, тогда заговорятъ о немъ!—И пусть будетъ съ нимъ и со мною, что будетъ! Я хочу, чтобъ о моемъ мужѣ говорили когда-нибудь, что онъ раньше всѣхъ понималъ, что нужно для пользы народа, и не жалѣлъ для пользы народа—не то, что себя—велика важность ему не жалѣть себя!—не жалѣлъ и меня!—и будутъ говорить это, я знаю!—и пусть мы съ Володею будемъ сиротами, если такъ нужно!

„Прологъ пролога“ обрывается, какъ извѣстно, на самомъ интересномъ мѣстѣ, на годахъ, непосредственно предшествующихъ опубликованію манифеста 19-го февраля. Мы знаемъ, что проведеніе реформы въ крайне урѣзанномъ противъ первоначальнаго видѣ (послѣ замѣны умершаго Ростовцева крѣпостникомъ Панинымъ) вызвало первый очень рѣзкій расколъ между демократическимъ авангардомъ и разношерстной арміей „прогрессистовъ“, хотя поводовъ къ столкновенію между головой и хвостомъ партіи реформъ было и раньше не мало. Во всякомъ случаѣ отнынѣ Чернышевскій и его друзья становятся сугубою мишенью для обличеній не однихъ крѣпостниковъ, но и тѣхъ ни теплыхъ, ни холодныхъ сторонниковъ еле бредущаго „прогресса“, которые возбуждали сатирическое негодованіе Добролюбова:

Прогрессъ стопой своей неспѣшной
Шелъ тихо мирною тропой...

Въ этотъ моментъ Чернышевскій, по словамъ его пріятелей, уже начиналъ чувствовать близость надвигавшейся на него лично опасности. Но въ особенности отъ его проницательнаго ума не укрывалось фатальное крушеніе реформаціонныхъ надеждъ общества, если... если наиболѣе послѣдовательные и энергичные элементы не прибавятъ — думалось ему, — нѣсколько лишнихъ шансовъ на побѣду, активнымъ вмѣшательствомъ въ затягивавшійся ходъ развитія страны. Замѣтьте „нѣсколько лишнихъ шансовъ на побѣду“, но не самое побѣду. Шелгуновъ мнѣ прямо говорилъ, что онъ самъ и М. Л. Михайловъ гораздо болѣе вѣрили въ возможность благопріятнаго исхода событій для демократической партіи, чѣмъ Чернышевскій, хотя и безъ колебаній шедшій къ цѣли, разъ поставленной имъ послѣ самаго холоднаго и проницательнаго анализа современныхъ ему условій. И въ этомъ трагическое величіе фигуры Чернышевскаго, который, къ сожалѣнію, далъ намъ на послѣднихъ страницахъ „Пролога“ лишь нѣсколько намековъ на эту душевную коллизію, превышающую своимъ значеніемъ столь

многія и многія личныя коллизіи человѣка, изнемогающаго въ борьбѣ между долгомъ и страстью.

Если Герцена называли „Фаустомъ русскаго освободительнаго движенія“, то Чернышевскаго я назвалъ бы, дѣйствительно, Прометеемъ его. Пусть только читатель отвлечется мыслью отъ титаническихъ внѣшнихъ проявленій той внутренней человѣческой мощи, которую Эсхилъ влагалъ въ своего Прометея, и онъ не найдетъ въ моемъ сравненіи ничего утрированнаго. Дѣло именно не въ жестахъ, не въ фигурѣ, не въ громовомъ раскатѣ голоса, не въ эффектной яркости борьбы съ Зевесомъ. Дѣло въ психологіи Титана, который знаетъ, какою властью располагаетъ богъ; знаетъ, что ему покорно повинуются его слуги, Сила (Κράτος) и Насиліе (Βία), приковывающіе Прометея „несокрушимыми узами стальныхъ оковъ“ — ἀδαμαντίνω δεσμῶν εν ἀρρήκτοις πέδαις. И тѣмъ не менѣе идетъ на встрѣчу длинному ряду страданій, гордо принимая отвѣтственность за свое „преступленіе“, за дарованіе людямъ того „огня“ сознанія, который только и можетъ освѣщать, и согрѣвать, и безконечно совершенствовать человѣческую жизнь. Я прибавилъ бы даже еще одну общую черту. Прометей знаетъ, кромѣ того, что владычество старыхъ олимпійцевъ будетъ низвергнуто, знаетъ, какимъ образомъ произойдетъ этотъ переворотъ въ небѣ, но и цѣною немедленнаго освобожденія отнюдь не хочетъ продать Зевсу тайну ждущей его гибели, а вмѣстѣ своего собственнаго избавленія.

Знаетъ и Чернышевскій окончательное торжество того царства коллективнаго труда и коллективнаго наслажденія, которое онъ описалъ такими яркими красками въ четвертомъ снѣ Вѣры Павловны. Знаетъ, что если не лично онъ, то трудящееся человѣчество будетъ освобождено въ этомъ царствѣ отъ „стальныхъ оковъ“ подневольной работы и жалкой нищеты. Но онъ знаетъ также, что лично передъ нимъ развертывается длинная перспектива той самой „безотрадной мглы изгнанья“, среди которой и его другъ М. Л. Михайловъ обѣщалъ „твердо ждать свѣта“. И онъ сознательно идетъ на встрѣчу этой перспективѣ. Въ частности для Чернышевскаго трагизмъ его судьбы неизмѣримо усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не былъ романтикомъ революціи; и мало того, что онъ, какъ уже было сказано выше, далеко не былъ вполнѣ увѣренъ въ ближайшемъ торжествѣ русской демократической партіи. На основаніи и намековъ, разсѣянныхъ въ его сочиненіяхъ, и слышанныхъ мною отъ друзей и знакомыхъ Чернышевскаго разсказовъ о послѣднихъ мѣсяцахъ его дѣятельности, отношеніе Николая Гавриловича къ сложившимся въ то время обстоятельствамъ можно характеризовать такъ. Онъ видѣлъ, что дѣло искреннихъ защитниковъ народа и

самого народа было почти проиграно. Но онъ хотѣлъ, пока представлялась хоть слабая возможность побѣды, попробовать во что бы то ни стало отстоять интересы дорогой ему трудовой Россіи и вообще безпрепятственнаго развитія великой страны. Каковы были въ самомъ дѣлѣ тогдашнія условія?

Прежде всего рѣшеніе крестьянскаго вопроса приняло въ 1860 г., т. е., значитъ, какъ разъ наканунѣ освобожденія, плачевный видъ коверканья уже сдѣланнаго. Панинъ вмѣсто Ростовцева; Николай Милютинъ въ опалѣ, какъ „красный"; измѣненіе проекта освобожденія въ благопріятномъ для помѣщиковъ смыслѣ; усиленное давленіе цензуры на статьи по отмѣнѣ крѣпостного права, такъ что ихъ въ этотъ послѣдній, самый рѣшительный для реформы годъ появлялось очень мало,—все это могло внушать лишь самыя мрачныя мысли о будущемъ искреннимъ демократамъ. А съ 1861 г. рядомъ съ разочарованіемъ, постигшимъ эту передовую часть русскаго общества въ крестьянской реформѣ, идетъ разочарованіе этихъ элементовъ результатами дѣятельности въ другихъ сферахъ. Если крестьянскіе бунты, которые пророчились крѣпостниками для всей Россіи, носятъ лишь мѣстный характеръ, ограничиваясь Казанскою (Бездниинское дѣло), Пензенскою, Калужскою, Воронежскою губерніями, то повсюду реакція успѣваетъ своими дѣйствіями возбудить массу кровавыхъ столкновеній и печальныхъ недоразумѣній между различными слоями населенія и элементами общества.

Патріотическія демонстраціи въ Польшѣ, начавшіяся съ половины 1860 г., въ февралѣ 1861 г.,—совсѣмъ за нѣсколько дней до обнародованія манифеста,—подавляются оружіемъ; и панихиды по убитымъ вызываютъ въ Петербургѣ новыя демонстраціи, ведущія къ студенческимъ исторіямъ. А въ сентябрѣ арестуются литераторы—Михайловъ, Обручевъ и т. д. И вмѣстѣ съ тѣмъ, возбужденіе умовъ среди студенчества, раздраженнаго „новыми правилами" и реакціонными мѣрами мая и іюля мѣсяцевъ, еще усиливается непропорціонально строгими репрессаліями. Въ результатѣ закрывается петербургскій университетъ, а въ московскомъ и казанскомъ много студентовъ исключается и подвергается избіенію полиціей (сентябрь—октябрь). Охранительная политика беретъ рѣшительный верхъ надъ политикой реформъ. Расколъ въ прогрессивномъ лагерѣ усиливается. Передовые элементы подвергаются со стороны умѣренныхъ упрекамъ въ нетерпѣніи и чуть не измѣнѣ отечеству.

Въ эти-то моменты передъ Чернышевскимъ и его единомышленниками демократическаго лагеря стала дилемма. Или уступить безъ борьбы поле битвы реакціи, слившись съ многочисленной арміей умѣренныхъ, которые порядочно теперь охладѣли къ реформамъ и не шли дальше почтительнаго ропота на чрезчуръ рѣзкія проявленія охранительной политики. Или попробо-

вать отстоять движеніе впередъ, группируясь на почвѣ прерванныхъ и исковерканныхъ реформистскихъ плановъ общества, смѣло доводя ихъ до конца, и прежде всего въ области крестьянскаго устройства.

Но какъ группироваться, на какіе элементы опираться? Чернышевскій въ общемъ очень скептически, какъ это мы увидимъ ниже, смотрѣлъ на современную ему Россію, которая поражала его отсутствіемъ убѣжденныхъ и смѣлыхъ людей, а главное, дѣтскою неразвитостью политическихъ партій, если только можно приложить такое громкое названіе къ нашимъ котеріямъ и группамъ 60-хъ годовъ. Очень рѣзко,—опять таки какъ мы увидимъ ниже,—онъ относился къ „прогрессистамъ", упрекая ихъ въ неимѣньи ясной и опредѣленной программы, особенно же въ способности довольствоваться фразами вмѣсто дѣлъ. Но не менѣе рѣзко онъ относился и къ лагерю крѣпостниковъ,—и даже не за то, что они преслѣдовали сословные интересы, діаметрально противоположные интересамъ громаднаго большинства народа русскаго, но за то, что даже и эти-то интересы они защищали неумѣло, по-рабски, происками въ бюрократическихъ сферахъ и прячась подъ защиту громадной административной махины, хотя и обнаружившей свою внутреннюю несостоятельность въ дни Севастополя. Какъ же смотрѣлъ Чернышевскій самъ на этотъ административный механизмъ? Онъ и въ немъ видѣлъ чудовищную несогласованность частей и отсутствіе настоящей центральной пружины, что выражалось безпрестаннымъ треніемъ отдѣльныхъ колесъ, пускавшихся въ ходъ личными интригами временщиковъ положенія и баловней судьбы. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ, что, не смотря на крайнюю архаичность и уродливость этой машины, она можетъ еще долго хлябать и вертѣть своими убійственными шестернями въ странѣ, гдѣ нѣтъ традицій политической борьбы и умѣлаго отстаиванія своихъ коллективныхъ интересовъ. За административнымъ механизмомъ было, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что онъ, во-первыхъ, двигался въ силу пріобрѣтенной имъ въ теченіе вѣковъ исторической инерціи; во-вторыхъ, что онъ представлялъ собою хоть нѣчто организованное въ обществѣ, именно и поражавшемъ скудостью организованныхъ формъ жизни и дѣятельности.

Такимъ образомъ поборникамъ интересовъ народа, — въ то время главнымъ образомъ крестьянства, — приходилось съ точки зрѣнія Чернышевскаго направить удары не только на классъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ, но и на административный механизмъ, и даже прежде всего, и по преимуществу, на этотъ механизмъ. Ибо послѣдній, защищая себя изъ-за чувства самосохраненія, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ защитникомъ и привилегированнаго сословія, располагавшаго даровымъ трудомъ крестьянъ. При этомъ, опять таки въ представленіи Чернышевскаго, на лагерь „прогрес-

систовъ“ была плохая надежда. Какіе же элементы могли въ такомъ случаѣ вести борьбу за народъ? Кто могъ быть выразителемъ интересовъ „простолюдиновъ“, какъ выражался нѣсколько старомодно самъ Чернышевскій? Конечно, прежде всего та часть образованнаго общества, которую Николай Гавриловичъ называлъ въ статьяхъ о „Борьбѣ партій во Франціи“ „радикалами“ и „демократами“, въ противоположность жестоко бичуемымъ и высмѣиваемымъ имъ „либераламъ“ и „прогрессистамъ“. Она состояла, конечно, изъ наиболѣе смѣлой и убѣжденной доли дворянской интеллигенціи, той самой интеллигенціи, которая со второй половины царствованія Екатерины II вписала столько доблестныхъ именъ въ мартирологъ русской общественности. Но ея ряды, начиная съ конца 50-хъ годовъ, пополнялись все болѣе и болѣе разночинной интеллигенціей, къ которой принадлежалъ отчасти и самъ Чернышевскій (родившійся въ средѣ „духовной аристократіи“), а еще болѣе Добролюбовъ и столько бѣдныхъ поповичей, сыновьевъ приказныхъ, мѣщанъ и т. п. людей „новыхъ слоевъ“, выдвинутыхъ дифференціацей русскаго, начавшаго оттаивать послѣ николаевскихъ морозовъ общества.

Въ этой передовой интеллигенціи Чернышевскій и видѣлъ, какъ кажется, первоначальную точку опоры для рычага, которымъ можно было, по его мнѣнію, попробовать повернуть на настоящую дорогу Россію, пятившуюся назадъ подъ усиліями реакціонныхъ элементовъ въ администраціи и обществѣ. И, говоря такъ, я разумѣю не только взгляды Чернышевскаго, по скольку они могли, да и то косвенно, выражаться въ печати, напр., въ такихъ статьяхъ, какъ „Экономическая дѣятельность и законодательство“, но и его болѣе интимныя, высказывавшіяся лишь въ кругу единомышленниковъ мнѣнія. Взглядъ на Петра Великаго, какъ на революціоннаго диктатора, который силою вышибъ Московскую Русь изъ коснѣнія, былъ, по словамъ Шелгунова, врѣзавшимся мнѣ въ память, общимъ взглядомъ ближайшихъ друзей Чернышевскаго и самого Николая Гавриловича. Отчасти изъ-за этого взгляда они расходились и съ Щаповымъ, идеализировавшимъ прогрессивныя стремленія народа въ „земствѣ“ и „расколѣ“. И если въ данномъ частномъ случаѣ можно предполагать, что Шелгуновъ, для котораго царь Петръ былъ, такъ сказать, любимымъ героемъ историческаго романа, преувеличивалъ близость воззрѣній Чернышевскаго къ своимъ, то одно то ужъ во всякомъ случаѣ несомнѣнно: соціально-политическіе взляды Чернышевскаго были окрашены тенденціями, которыя лучше всего можно было бы охарактеризовать словомъ „бланкизмъ“. Всякій разъ, какъ ему приходилось класть на одну чашку вѣсовъ то, что онъ называлъ „свободнымъ дѣйствіемъ индивидуальныхъ лицъ“, а на другую то, чему онъ давалъ имя „силы распоряженій общественной власти“, въ глазахъ его анализирующаго ума пере-

тягивала вторая чашка. Онъ только не желалъ, чтобы такой взглядъ могъ вести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ въ странѣ, подобной Россіи, гдѣ „сила распоряженій общественной власти" исключительно выражалась въ чудовищной опекѣ архаической администраціи. И онъ предлагалъ даже въ заключительныхъ главахъ своихъ „Примѣчаній" замѣнить какимъ-нибудь другимъ терминомъ слово „правительство", когда дѣло идетъ объ активномъ вмѣшательствѣ организованной соціальной силы въ ходъ коллективной жизни, т. е. о „формахъ общественной дѣятельности, существенно различныхъ отъ правительственной формы".

Какъ употребленіе слова „капиталъ",— замѣчаетъ Чернышевскій,— сбиваетъ съ толку своимъ привычнымъ меркантильнымъ смысломъ, такъ слово „правительство" вводитъ въ заблужденіе своимъ привычнымъ администраивнымъ оттѣнкомъ, такъ что считаются многими за регламентаторовъ мыслители, идеямъ которыхъ ничто такъ не противно, какъ регламентація.

Въ частности Чернышевскому представлялось, что врядъ ли гдѣ нибудь, кромѣ странъ, населенныхъ англо-саксонской расой,— да и то еще вопросъ—врядъ ли современное общество перейдетъ къ новому и лучшему строю помимо вмѣшательства организованной общественной силы. Что же онъ долженъ былъ думать въ примѣненіи къ Россіи, гдѣ столько отживающихъ учрежденій, словно гальванизированные, но уже разлагающіеся трупы, сжимали въ своихъ объятіяхъ живыя растущія силы и грозили заразить этимъ трупнымъ ядомъ всю великую страну? „Бланкизмъ" являлся въ глазахъ Чернышевскаго необходимымъ пріемомъ борьбы съ отживающимъ дореформеннымъ міромъ и его чудовищной административной покрышкой, а интеллигенція—гражданская и военная (обратите вниманіе на число выдающихся офицеровъ, увлеченныхъ въ началѣ 60-хъ годовъ демократическимъ движеніемъ) — исходнымъ пунктомъ упомянутаго активнаго вмѣшательства въ ходъ событій.

Но вѣдь самый послѣдовательный бланкизмъ предполагаетъ для надлежащей игры этого механизма вмѣшательства существованіе не только точки опоры рычага, но наличность самого этого рычага или, лучше сказать, цѣлой системы рычаговъ, приводящихъ въ движеніе общественный организмъ. Солисты и актеры, для произведенія надлежащаго впечатлѣнія въ великой исторической драмѣ, нуждаются въ поддерживающемъ ихъ оркестрѣ и могучемъ хорѣ „народа". Какъ долженъ былъ смотрѣть Чернышевскій на роль народа, роль трудящихся массъ, во имя которыхъ дѣйствовали демократы? Прежде всего этотъ народъ представлялся ему,—и не могъ по условіямъ времени представляться иначе,—въ видѣ крестьянства, того самого крестьянства, реформа быта котораго была въ 60-ые годы центральнымъ пунктомъ всѣхъ реформъ. Что касается до оцѣнки народа Чернышевскимъ, то тутъ приходится брать среднее изъ его нѣсколько варьирующихъ въ этомъ отно-

шеніи взглядовъ и, пожалуй, еще болѣе отклоняющихся одно отъ другого воспоминаній его друзей и знакомыхъ.

Полагаясь на болѣе уравновѣшенную оцѣнку Шелгунова, я склоняюсь къ тому взгляду, что Чернышевскій, начавъ строить программу активной дѣятельности въ виду „интересовъ“ крестьянства, но не „мнѣній“ его (какъ выражались позже въ 70-хъ годахъ), допустилъ потомъ въ нее, хотя лишь до нѣкоторой степени, и элементъ упомянутыхъ народныхъ мнѣній. Сопоставляя нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій Чернышевскаго, писанныя въ промежуткѣ нѣсколькихъ лѣтъ, или же воспроизводящія различные эпизоды его дѣятельности (въ „Прологѣ“), приходимъ даже къ заключенію, что въ полтора послѣдніе года жизни Николая Гавриловича въ Петербургѣ его взглядъ на народъ, на крестьянство принимаетъ нѣсколько болѣе оптимистическій характеръ. И ниже я укажу читателю на кой-какія небезъинтересныя въ этомъ отношеніи мысли, встрѣчающіяся подъ перомъ Чернышевскаго.

Во всякомъ случаѣ и въ эти послѣдніе мѣсяцы Николай Гавриловичъ далеко не рисовался людямъ, которые умѣли наблюдать, тѣмъ „самонадѣяннымъ“, тѣмъ „безтактнымъ“ человѣкомъ, какого изображали намъ прекраснодушные господа, въ родѣ Кавелина. Эта „самонадѣянность“, эта „безтактность“, смущавшая нашихъ „либераловъ“, обнаруживалась лишь въ области безпощаднаго отрицанія Чернышевскимъ тѣхъ дѣйствительно курьезныхъ путей политической борьбы, по части которыхъ были такъ сильны философы и поэты „настоящаго времени, когда“. Здѣсь, въ сферѣ того, что не надо было дѣлать, Чернышевскій, конечно, былъ вполнѣ рѣзкимъ и опредѣленнымъ „брульономъ“, который мѣшалъ чувствительнымъ душамъ удовлетворяться игрой въ умѣренно-либеральныя бирюльки и приходить въ умиленіе предъ величіемъ совершаемыхъ ими гражданскихъ подвиговъ. Въ сферѣ же положительной, въ сферѣ того, что должно было дѣлать, Чернышевскій и въ это послѣднее время отличается лишь мужественнымъ, героическимъ, но отнюдь не свободнымъ отъ скептицизма спокойствіемъ человѣка, исполняющаго свой долгъ, но не могущаго раздѣлять всѣ иллюзіи и надежды другихъ болѣе пылкихъ единомышленниковъ на скорую и окончательную побѣду.

Николай Гавриловичъ былъ слишкомъ проницательнымъ умомъ, чтобы не видѣть въ Россіи 60-хъ годовъ слабость и неподготовленность демократическихъ элементовъ для того рѣшительнаго столкновенія съ старымъ строемъ, въ результатѣ котораго великая страна могла бы стать на путь могучаго соціальнаго прогресса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ настолько человѣкомъ идеи, что, перебравъ возможности такого столкновенія и признавъ, что другого исхода изъ исторической коллизіи не было, а нѣкоторые шансы на торжество существовали, онъ безповоротно остановилъ свой выборъ на активномъ вмѣшательствѣ въ ходъ со-

бытій. Это рѣшеніе было имъ принято — говорилъ, напр., мнѣ Шелгуновъ — не безъ долгаго колебанія, не безъ самаго тщательнаго взвѣшиванія аргументовъ *за* и *противъ*. Но разъ ставъ на эту точку зрѣнія, онъ уже не сходилъ съ нея. И та фраза, которою онъ и охарактеризовалъ однажды свое отношеніе къ литературнымъ врагамъ: „я мертвъ для репутаціи, какую могу имѣть въ вашихъ глазахъ",—эта фраза вполнѣ можетъ характеризовать его отношеніе и къ врагамъ политическимъ. Удовлетворивъ своей теоретической добросовѣстности, удовлетворивъ потребности своего неумолимо анализирующаго ума, и придя къ извѣстному рѣшенію, онъ становился мертвъ къ тому, что могли сказать или сдѣлать его жизненные противники. Отнынѣ разсудокъ уступалъ мѣсто энергіи воли и лишь сохранялъ за собою право ясно замѣчать тѣ препятствія, какакія лежали на пути къ достиженію цѣли. И здѣсь величіе, здѣсь трагизмъ личности Чернышевскаго, который со второй половины 1861 г. не могъ не видѣть торжество крѣпчающей реакціи, равно какъ сильную вѣроятность пораженія демократической партіи и своей собственной гибели, но твердо шелъ въ разъ принятомъ направленіи. Отличаясь осторожностью, тамъ гдѣ осторожность могла быть полезна дѣлу, не любя бравировать понапрасну опасностью, чуждаясь фанфаронства, уменьшающаго шансы на успѣхъ, онъ, однако, безъ колебаній дѣлалъ тѣ шаги, которые вынуждались самымъ ходомъ великаго историческаго столкновенія между старой и молодой Россіей. Отсюда страшная непріязнь къ Чернышевскому, котораго одни считаютъ „брульономъ" (это прекраснодушные либералы), другіе — очень ловкимъ и тонкимъ злодѣемъ, подъ котораго и иглы не подточишь (это люди реакціи).

Управляющій III отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи — читаемъ мы въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Чернышевскаго,—получилъ безымянное письмо, въ коемъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, „этого коновода юношей, хитраго соціалиста"; онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличатъ; его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого вреднаго человѣка; всѣ бывшіе пріятели Чернышевскаго, видя, что его тенденціи проводятся уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральные отдалились отъ него. „Если не удалите Чернышевскаго, пишетъ авторъ письма, быть бѣдѣ, будетъ кровь; эти шайки бѣшеныхъ демагоговъ— отчаянныя головы, эта „молодая Россія" высказала въ своемъ проектѣ всѣ звѣрскія наклонности; можетъ быть, перебьютъ ихъ, но сколько невинной крови прольется за нихъ. Въ Воронежѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ—вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ соціалистовъ, вездѣ они разжигаютъ молодежь. Чернышевскаго отправьте, куда хотите, но поскорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія".

Мы знаемъ, что такія просьбы не остались безъ послѣдствій...

Я теперь попробую на основаніи цитатъ изъ сочиненій Чернышевскаго подкрѣпить высказанный выше взглядъ на личность этого крупнѣйшаго человѣка 60-хъ годовъ. Ибо этотъ взглядъ можетъ показаться инымъ читателямъ чрезчуръ гипотетическимъ, основаннымъ лишь на догадкахъ автора этой статьи и на разговорахъ его съ давно умершими по большей части лицами. Но если отъ читателя-друга можно ожидать довѣрія къ памяти и безпристрастію человѣка, передающаго такіе разговоры, то въ такомъ довѣріи нерѣдко откажетъ читатель-врагъ.

Прежде всего любопытенъ взглядъ Чернышевскаго на философію исторіи, если можно такъ выразиться, всякихъ крупныхъ переворотовъ вообще. Анализирующій, провицательный умъ Николая Гавриловича, собственно говоря, скептически относился къ попыткамъ силою передвинуть впередъ стрѣлку историческихъ часовъ. Будь Чернышевскій исключительно головнымъ человѣкомъ, дай онъ волю исключительно своему разсудку при оцѣнкѣ событій, онъ долженъ былъ бы осуждать всякое предпріятіе, которое не опиралось бы на импозантную организацію силъ. Вотъ какую импровизированную лекцію по исторіи читаетъ въ „Прологѣ" Волгинъ-Чернышевскій своей женѣ и еще одной знакомой по поводу упоминанія о возстаніи 12-го мая 1839 г. въ Парижѣ (инсуррекція секретнаго общества „Временъ года" подъ предводительствомъ Барбэса):

— ...Это не мелочь какая-нибудь; это было важное дѣло, великая ошибка, страшный урокъ,—и остался безполезнымъ, натурально.—Видишь, въ первые годы Людовика-Филиппа республиканцы подымали нѣсколько возстаній; неудачно;—разсудили: „подождемъ, пока будетъ сила"; ну, и держались нѣсколько лѣтъ смирно; и набирали силы; но опять не достало разсудка и терпѣнія; подняли возстаніе;—ну, и поплатились такъ, что долго не могли оправиться. А чего было и соваться? — если бы было довольно силы, чтобы выиграть, то и сражаться-то было бы нечего: преспокойно получали бы уступки одну за другою,—дошли бы и до власти, съ согласія самихъ противниковъ. Когда видятъ силу, то не будутъ вызывать на бой, — смирятся самымъ любезнымъ манеромъ. Охъ, нетерпѣніе! — Охъ, иллюзіи! — Охъ, экзальтація!— Волгинъ покачалъ головою.

Но качающій своей трезвой аналитической головою Волгинъ понимаетъ, что современное человѣчество не было бы современнымъ человѣчествомъ, если бы оно могло такъ спокойно, размѣренно, хладнокровно осуществлять только вполнѣ осуществимыя задачи,—задачи, которыя, такъ сказать, столь назрѣли, что падаютъ сами собой съ древа общественной жизни, словно спѣлый плодъ. Волгинъ понимаетъ, что роковыя обстоятельства, не зависящія отъ воли того или другого человѣка, той или другой партіи, зачастую толкаютъ людей на путь, гдѣ имъ грозитъ не только личное крушеніе, но крушеніе дорогого, кровно близкаго дѣла, крушеніе политическихъ идеаловъ и, во всякомъ случаѣ, долгое замираніе ихъ. И онъ констатируетъ эту неизбѣж-

ность. Но въ то же время его аналитическій умъ не въ такой степени исчерпываетъ его духовную натуру, чтобы въ немъ не говорилъ общественный аффектъ, не волновалось политическое чувство, которое заставляетъ его,—холоднаго и проницательнаго наблюдателя, — жестоко порицать фатальныя жертвы исторіи, почти негодовать на тѣхъ людей, которые въ силу положенія не могли не дѣлать того, что дѣлали. И почему негодовать? Потому что самъ Чернышевскій, какъ живой человѣкъ, а не только кабинетный мыслитель, чувствовалъ, что и онъ, дальше видящій и яснѣе понимающій, примкнулъ бы, однако, въ данный моментъ къ этимъ людямъ и долженъ былъ бы, оставаясь честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, примкнуть къ нимъ. Его негодованіе, это—въ значительной степени негодованіе на себя за ту коллизію, которая возникаетъ въ его душѣ между голосомъ разсудка и властнымъ велѣніемъ общественнаго чувства. Современное положеніе Россіи, которое казалось ему смутнымъ и мало обѣщавшимъ въ смыслѣ рѣшительнаго прогресса, въ особенности должно было обострять въ немъ эту коллизію и вызывать ту подчасъ свирѣпую иронію, которая едва ли не болѣе всего обращалась у Чернышевскаго на него же самого.

Вотъ что говоритъ Волгинъ молодому человѣку, съ которымъ разговаривала уже жена его:

— ...Нельзя и спорить, прекрасное правило: дѣлай все во-время. Однимъ оно дурно: обстоятельства не ждутъ, чтобы намъ пришла пора дѣлать что-нибудь, заставляютъ приниматься за дѣло раньше времени. Оттого-то всегда, у всѣхъ народовъ и выходитъ чепуха. Возьмите вы нашъ вчерашній разговоръ о 1848 годѣ. Какъ я бранилъ французскихъ демократовъ за то, что они сочинили февральскую революцію, когда общество еще не было подготовлено поддерживать ихъ идеи. Такъ то оно такъ; разумѣется, вышла мерзость. Но только не они сочинили февральскую революцію: обстоятельства такъ шли, что заставили ихъ, волею-неволею, участвовать въ сочиненіи глупости...—Волгинъ задумался.—Такъ вотъ оно и у насъ. Толкуютъ: „освободить крестьянъ“. Гдѣ силы на такое дѣло?—Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: станутъ освобождать. Что выйдетъ?—Сами судите, что выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не сможешь сдѣлать. Натурально, что: испортишь дѣло, выйдетъ мерзость...—Волгинъ замолчалъ, нахмурилъ брови и сталъ качать головой.—Эхъ, наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы съ компаніею!—вотъ хвастуны-то; вотъ болтуны-то; вотъ дурачье-то! — Онъ опять замоталъ головой.

Читателя, можетъ быть, нѣсколько удивитъ такой пессимистическій взглядъ на возможность надлежащаго осуществленія крестьянской реформы въ современной Чернышевскому Россіи. Но Николай Гавриловичъ, несомнѣнно, не питалъ тѣхъ радужныхъ надеждъ на окончательный результатъ отмѣны крѣпостного права, какія были въ модѣ среди прекраснодушныхъ людей умѣренно-либеральнаго лагеря. И, въ сущности, спросите себя, положа руку на сердце: развѣ не правъ былъ Чернышевскій, когда те-

перь даже глаза нашей слѣпорожденной бюрократіи стали замѣчать, до какой степени раззоренія дошло русское крестьянство послѣ болѣе, чѣмъ сорокалѣтняго пребыванія на „свободѣ“ того типа, который только и могъ быть дарованъ мужикамъ по манифесту 19-го февраля 1861 г. Но объ этомъ послѣ.

Во всякомъ случаѣ бутада Чернышевскаго противъ „Рязанцевыхъ“ (фигура профессора, очень напоминающая Кавелина) была не случайнымъ выраженіемъ дурного настроенія духа. Разсматривая соотношеніе общественныхъ силъ въ Россіи 60-хъ годовъ, Чернышевскій видѣлъ насквозь несостоятельность тогдашняго такъ называемаго „общества“ въ области рѣшенія крайне сложныхъ и крайне серьезныхъ вопросовъ, которые исторія неумолимо ставила передъ страшно отсталой страной. И особенное раздраженіе вызывали въ немъ тѣ умѣренно-либеральные элементы, которые принимали въ серьезъ свои половинчатыя стремленія и восторгались многозначительностью своей исторической роли.

Возражая Нивельзину на замѣчаніе, что онъ, Волгинъ, золъ, проницательный и послѣдовательный человѣкъ отвѣчаетъ, качая головою:

— Я, золъ?—Я кажусь вамъ злымъ потому, что вы видите вокругъ себя все только невинныхъ младенцевъ; да и сами вы, извините, тоже невинный младенецъ. Умно то общество, въ которомъ я кажусь рѣзкимъ и ѣдкимъ! Я, ципленокъ,—золъ!—Хороши птицы, среди которыхъ ципленокъ—ястребъ! Невинные, невинные.

Въ другомъ разговорѣ съ Нивельзинымъ и Соколовскимъ (Сѣраковскимъ?), Волгинъ на восклицаніе Нивельзина „оба вы съ Соколовскимъ нѣсколько забавны“ даетъ такую реплику:

— Противъ этого я не спорю... Не спорю, мы съ Болеславомъ Иванычемъ забавны; почему?—потому что оба ждемъ бури въ болотѣ; болото всегда спокойно; буря можетъ быть повсюду кругомъ, оно всегда спокойно.

„Прогрессисты“, „либералы“ выходятъ подъ перомъ автора „Пролога“ удивительно жалкими и мелкими людьми. Онъ въ комичномъ видѣ изображаетъ Рязанцева, этого „главнаго мѣстнаго авторитета прогрессистовъ въ Петербургѣ“, и самихъ этихъ прогрессистовъ, которыхъ „было тогда безчисленное множество“. И „всѣ, кто только могъ, лѣзли къ Рязанцеву. По вторникамъ, квартира Рязанцевыхъ была биткомъ набита прогрессистами. Переполнивши всѣ болѣе или менѣе открытыя для гостей комнаты, они вламывались даже въ дѣтскую“. Когда дѣло освобожденія крестьянъ затормозилось было вслѣдствіе внезапной „измѣны“ графа Чаплина *), настроеніе и характеръ либеральныхъ слоевъ

*) Подъ этимъ псевдонимомъ Чернышевскій изображаетъ тогдашняго (въ 1860 г.) министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, пріобрѣтшаго такую извѣстность три года спустя въ Вильнѣ: кстати сказать, врядъ ли даже у нашихъ первоклассныхъ романистовъ найдется другой столь ярко очер-

внушаютъ автору „Пролога“ не то жалость, не то презрѣніе:

— Да, любопытная штука,— повторилъ Волгинъ, по своему обыкновенію помолчавши:—И если хотите, согласенъ, что въ ней нѣтъ ничего особенно хорошаго; можно даже сказать, что въ вашей новости есть одна черта очень мерзкая, или, если угодно, печальная: всѣ у Рязанцева повѣсили носы—вы говорите. То-то же и есть, видите, какой народъ эти ваши господа либералы: какъ щелкнули ихъ по носу, они и повѣсили его. Пріятная компанія. Но опять, и то сказать: это было давно извѣстно какой они народъ. Стало быть—нѣтъ ничего особеннаго. Я вамъ говорилъ: одинъ Соколовскій—какъ слѣдуетъ—человѣкъ; имѣетъ свои странности, можетъ ошибаться, но человѣкъ, а не чортъ знаетъ что.

Но вотъ по волѣ россійскаго Аллаха шансы на освобожденіе какъ будто поднялись, благодаря перемѣнѣ вѣтра въ „высшихъ“ слояхъ атмосферы, и „Прологъ“ въ pendant къ либеральнымъ горестямъ рисуетъ намъ либеральныя радости:

Дня три либеральные люди въ Петербургѣ ходили, повѣсивъ носы. На четвертый прочли въ газетахъ, что генералъ-адъютантъ графъ Чаплинъ увольняется въ отпускъ за границу. Не было даже прибавлено смягченія „по болѣзни“ или „для поправленія здоровья“. Опала была открытая, полная. Либеральные люди протирали глаза и перечитывали: такъ ли прочли. Такъ. Они задрали носы и пошли по Петербургу побѣдителями, завоевателями.

Замѣтьте, этотъ взглядъ на „либераловъ“ не былъ случайной бутадой автора „Пролога“. Наоборотъ, онъ выражалъ собою типичное отношеніе къ умѣреннымъ элементамъ всего „Современника“, душою котораго былъ Чернышевскій. На чемъ, какъ не на этомъ рѣзкомъ, безпощадномъ осужденіи политики прекраснодушныхъ господъ и держалась та „свистопляска“, которая приводила въ негодованіе большинство тогдашнихъ „прогрессистовъ“ и которая въ началѣ общественнаго возбужденія вызвала даже несправедливую оцѣнку со стороны Герцена, увлекавшагося всеобщимъ, какъ ему казалось тогда, національнымъ подъемомъ. Помните, что говорилъ авторъ статьи „Very dangerous“, обращаясь къ людямъ „Современника“ и „Свистка“:

Не лучше ли во сто разъ, господа, вмѣсто освистыванiй неловкихъ опытовъ, вывести на торную дорогу—самимъ на дѣлѣ помочь и показать, какъ надо пользоваться гласностью? Мало ли на что вамъ есть точить желчь отъ цензурной троицы до покровительства кабаковъ, отъ плантаторскихъ комитетовъ до полицейскихъ побоевъ. Истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые паяцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорогѣ можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча но (чего Боже сохрани) и до *Станислава* на шею!

ченный, живущій столь поразительною художественною жизнію типъ, какъ эта фигура, поставленная Чернышевскимъ во весь ростъ передъ глазами читателя и производящая потрясающее впечатлѣніе. Я жалѣю, что не могу выписать двухъ страницъ, вылившихся изъ подъ пера Чернышевскаго, очевидно безъ всякаго усилія, въ пылу творческаго энтузіазма. Facit indignation versum!—это еще говорилъ Ювеналъ.

И, однако, въ основаніи свистопляски Чернышевскаго и его друзей лежало болѣе вѣрное, болѣе трезвое пониманіе окружавшей ихъ русской дѣйствительности, чѣмъ какое обнаружилъ въ этомъ смыслѣ чуткій, но черезчуръ идеализировавшій изъ прекраснаго далека Россію 60-хъ годовъ Герценъ...

Рыцари свистопляски не такъ уже плохо понимали соотношеніе общественныхъ силъ въ тогдашней Россіи, когда зло смѣялись надъ побѣдными криками прогрессистовъ, провозглашавшими свое торжество, пока дѣло еще не дошло до настоящей битвы, и скептически встрѣчали надежды умѣренныхъ либераловъ восклицаніемъ: „впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ“. Это было то самое восклицаніе, которое Добролюбовъ взялъ пророческимъ эпиграфомъ къ пророческой же статьѣ „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“. Ибо та точка зрѣнія, на которую становился „Современникъ“ при обсужденіи дѣятельности Пирогова, могла быть примѣнена ко всѣмъ тогдашнимъ россійскимъ великимъ и малымъ дѣятелямъ либеральнаго лагеря, равно какъ ко всѣмъ ихъ крупнымъ и мелкимъ дѣяніямъ.

Но упоминаніе объ отношеніи Чернышевскаго и его друзей къ Пирогову лишній разъ побуждаетъ меня, уже въ силу ассоціаціи идей, выяснить одно недоразумѣніе, касающееся взгляда „Современника“ на политическія свободныя формы. Говорятъ, именно, что эти формы, усиленно пропагандировавшіяся либералами 60-хъ годовъ, презрительно отвергались Чернышевскимъ и его единомышленниками, какъ нѣчто несущественное и, мало того, какъ нѣчто отвлекающее энергію общества отъ коренныхъ вопросовъ соціальнаго переустройства, единственно, молъ, важнаго для народа. Не было ли сдѣлано въ разговорѣ со мной еще въ 1882 г. какъ разъ это замѣчаніе покойнымъ профессоромъ Драгомановымъ, который видѣлъ въ руководителяхъ „Современника“ исключительно близорукихъ отрицателей свободныхъ учрежденій во имя утопическихъ идеаловъ будущаго? Кстати сказать, Драгомановъ былъ во время пироговской исторіи однимъ изъ благонамѣренныхъ студентовъ, ревностно поддерживавшихъ Пирогова противъ нападеній радикаловъ и получившихъ за то большой щелчокъ по носу отъ Добролюбова. Это могло отчасти объяснять тотъ зубъ, который Драгомановъ сохранилъ противъ Чернышевскаго и Добролюбова и который былъ сугубо отточенъ у него, когда украйнофильствующій соціалистъ „Громады“ превратился въ редактора чисто либеральнаго „Вольнаго Слова“.

Признаться, замѣчаніе Драгоманова застало меня врасплохъ, и я не могъ парировать его тогда ничѣмъ другимъ, какъ указаніемъ на историческія условія, которыя фатально создаютъ пробѣлы даже въ міровоззрѣніи самыхъ выдающихся людей эпохи. Защищать точку зрѣнія „Современника“ я въ данный моментъ не могъ, потому что важность предварительныхъ политическихъ

условій для рѣшенія великаго соціальнаго вопроса была сознана русской передовой мыслею по крайней мѣрѣ съ 1879 г. Но позже, обдумывая заинтересовавшее меня возраженіе Драгоманова и перечитывая въ этихъ цѣляхъ сочиненія Чернышевскаго и Добролюбова, я пришелъ къ заключенію, что каково бы ни было отрицательное отношеніе Николая Гавриловича и его друзей къ чисто политическимъ либераламъ, его взглядъ на значеніе свободныхъ формъ для развитія общества не такъ простъ и прямолинеенъ, какъ то считалъ въ правѣ утверждать издатель „Вольнаго Слова".

Уже въ томъ самомъ этюдѣ о „Борьбѣ политическихъ партій во Франціи", на который порою ссылались у насъ, какъ на доказательство если не прямо враждебнаго, то равнодушнаго отношенія Чернышевскаго къ политическимъ свободамъ, можно найти очень многозначительныя соображенія. Они даютъ намъ право сдѣлать кой-какія существенныя поправки ко взглядамъ на Чернышевскаго, царящимъ въ либеральныхъ сферахъ. Вотъ эти соображенія:

...Либералы почти всегда враждебны демократамъ и почти никогда не бываютъ радикалами. Они хотятъ политической свободы, но такъ какъ политическая свобода почти всегда страждетъ при сильныхъ переворотахъ въ гражданскомъ обществѣ, то и самую свободу, высшую цѣль всѣхъ своихъ стремленій, они желаютъ вводить постепенно, расширять понемногу, безъ всякихъ, по возможности, сотрясеній. Необходимымъ условіемъ политической свободы кажется имъ свобода печатнаго слова и существованіе парламентскаго правленія; но такъ какъ свобода слова, при нынѣшнемъ состояніи западно-европейскихъ обществъ, становится обыкновенно средствомъ для демократической, страстной и радикальной пропаганды, то свободу слова они желаютъ держать въ довольно тѣсныхъ границахъ, чтобы она не обратилась противъ нихъ самихъ. Парламентскія пренія также должны принять повсюду радикально-демократическій характеръ, если парламентъ будетъ состоять изъ представителей націи, въ обширномъ смыслѣ слова; потому либералы принуждены также ограничивать участіе въ парламентѣ тѣми классами народа, которымъ довольно хорошо, или даже очень хорошо, жить при нынѣшнемъ устройствѣ западно-европейскихъ обществъ.

Итакъ, какова же точка зрѣнія Чернышевскаго на политическія свободы въ только что цитированныхъ строкахъ? Является ли онъ близорукимъ отрицателемъ свободныхъ учрежденій во имя утопическихъ идеаловъ грядущаго строя? Напротивъ, онъ видимо желаетъ возможно широкой политической свободы, возможно полной свободы печати, возможно искренняго народнаго представительства. И онъ критикуетъ какъ разъ точку зрѣнія „либераловъ", стремящихся урѣзать и политическую свободу вообще, и свободу печати въ частности, и представительство „націи въ обширномъ смыслѣ слова", ради интересовъ „тѣхъ классовъ народа, которымъ довольно хорошо, или даже очень хорошо жить". Правда, Чернышевскій скептически смотритъ на политическую зрѣлость трудящихся классовъ, замѣчая въ томъ же этюдѣ:

Народъ невѣжественъ, и почти во всѣхъ странахъ большинство его безграмотно; не имѣвъ денегъ, чтобы получить образованіе, не имѣя денегъ, чтобы дать образованіе своимъ дѣтямъ, какимъ образомъ станетъ онъ дорожить правомъ свободной рѣчи? Нужда и невѣжество отнимаютъ у народа всякую возможность понимать государственныя дѣла и заниматься ими,— скажите, будетъ ли дорожить, можетъ ли онъ пользоваться правомъ парламентскихъ преній?

Но развѣ въ то время, когда писалъ это Чернышевскій, такой скептицизмъ не могъ быть допустимъ не только по отношенію къ Россіи, но и по отношенію къ „почти всѣмъ странамъ“? И развѣ не вѣрно слѣдующее за приведенной цитатой замѣчаніе Чернышевскаго: „Либерализмъ повсюду обреченъ на безсиліе: какъ ни разсуждать, а сильны только тѣ стремленія, прочны только тѣ учрежденія, которыя поддерживаются массою народа“? Не отрицаніе свободныхъ политическихъ учрежденій, но серьезное раздумье надъ тѣмъ, какъ заинтересовать народъ въ широкой политической свободѣ,—вотъ что составляетъ центръ тяжести мыслей Чернышевскаго относительно той перспективы, въ которой должны размѣщаться политическія и экономическія требованія „демократовъ“ (синонимъ „соціалистовъ“ у Чернышевскаго), желающихъ торжества трудового міровоззрѣнія. И если вы остановитесь въ одной изъ предыдущихъ цитатъ хотя бы на констатированіи Чернышевскимъ того факта, что „при нынѣшнемъ состояніи свобода слова становится средствомъ демократической страстной пропаганды“, или того факта, что „парламентскія пренія также должны принять повсюду радикально-демократическій характеръ, если парламентъ будетъ состоять изъ представителей націй въ обширномъ смыслѣ слова“, то вы поймете, что исходъ изъ современнаго положенія дѣлъ Чернышевскій видѣлъ всетаки въ возможномъ пріобщеніи массъ къ политическимъ правамъ и въ борьбѣ за нхъ расширеніе.

Не та же ли, кстати сказать, мысль прорывается у другого „отрицателя политики“, Добролюбова, который въ той самой статьѣ („По поводу одной очень обыкновенной исторіи“), что содержитъ, между прочимъ, и критику результатовъ suffrage universel во Франціи, замѣчаетъ: „мы убѣждены, что люди, полагающіе, будто такими вещами, какъ всеобщая подача голосовъ, можно играть и злоупотреблять безнаказанно, жестоко ошибаются“? Не является ли эта мысль уже очень значительнымъ приближеніемъ къ эффектно и энергически выраженной мысли Лассаля: „всеобщая подача голосовъ есть копье Ахилла, которое исцѣляетъ тѣ самыя раны, какія нанесло“?

Изъ предыдущаго не слѣдуетъ, конечно, заключать, что Чернышевскій смотрѣлъ на вопросъ о свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ точь въ точь, какъ смотрятъ на нихъ современные представители того направленія, которое Николай Гавриловичъ называлъ, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, „демократиче-

скимъ" и „радикальнымъ". Съ тѣхъ поръ утекло слишкомъ много воды и пролилось слишкомъ много крови и слезъ, чтобы новаторы нашихъ дней не внесли необходимыхъ поправокъ во взглядъ на значеніе политическихъ учрежденій для рѣшенія соціальнаго вопроса. Оказалось именно, что какъ нѣтъ особаго „царскаго пути для математики", такъ нѣтъ особаго пути и для нормальной общественной эволюціи. Внѣ участія самихъ трудящихся массъ въ выработкѣ города будущаго прочный соціальный прогрессъ немыслимъ. А въ силу современныхъ условій это участіе не можетъ выразиться иначе, какъ въ формѣ политической борьбы. Но это предполагаетъ существованіе возможно широкихъ демократическихъ учрежденій, включая сюда и всеобщую подачу голосовъ, хотя бы на первыхъ порахъ послѣдняя и могла приготовлять непріятные сюрпризы для самихъ неопытныхъ пока массъ и ихъ представителей.

Позволительно думать, что не чуждый бланкизма Чернышевскій придавалъ очень большое значеніе политическимъ свободамъ,—напр., свободѣ печати, слова и т. п. въ дѣлѣ скорѣйшаго пріобщенія „простолюдиновъ" къ сознательной соціальной борьбѣ. Но собственно къ парламентаризму, даже и опирающемуся на право всеобщаго вотума, онъ могъ относиться какъ къ второстепенной подробности, а отнюдь не какъ къ могущественному орудію общественнаго прогресса...

Ни въ какомъ случаѣ, однако, нельзя видѣть въ Чернышевскомъ человѣка, который бы не понималъ значенія политическихъ формъ, дающихъ возможность широкаго общественнаго обсужденія и общественнаго же рѣшенія важныхъ вопросовъ. Надо читать его „Письма безъ адреса", чтобы видѣть, какой сокрушающей критикѣ онъ подвергъ бюрократическій способъ проведенія общественныхъ реформъ, и съ какой неумолимой логикой онъ вскрылъ причины фатальнаго краха наилучшихъ намѣреній при условіяхъ окружавшей дѣйствительности.

Напримѣръ:

Вы можете видѣть изъ этого, м. г., что такое значитъ бюрократическій порядокъ. Старшій говоритъ: я полагаю, что надобно рѣшить дѣло вотъ такъ и вотъ такъ; согласны ли вы, господа? Я не навязываю вамъ своихъ мнѣній: возражайте противъ нихъ, если не согласны; можете совершенно отвергнуть ихъ, если они неправильны. На это всѣ младшіе сотоварищи единогласно отвѣчаютъ: ваши мнѣнія совершенно согласны съ нашимъ убѣжденіемъ, и мы вполнѣ принимаемъ ихъ.

Или:

Будемъ говорить серьезно. При бюрократическомъ порядкѣ совершенно безполезны умъ, знаніе, опытность людей, которымъ поручено дѣло. Люди эти дѣйствуютъ, какъ машины, у которыхъ нѣтъ своего мнѣнія; они ведутъ дѣло по случайнымъ намекамъ и догадкамъ о томъ, какъ думаетъ про это дѣло то, или другое, или третье лицо, совершенно не занимающееся этимъ дѣломъ.

Слишкомъ былъ уменъ Чернышевскій, чтобъ отрицать преимущество общественнаго рѣшенія вопросовъ надъ канцелярскимъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, то извѣстныя условія тогдашней эпохи не могли не возбуждать въ Николаѣ Гавриловичѣ ироническаго отношенія съ современному ему либерализму. На рубежѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ даже Западъ, за рѣдкими исключеніями, не успѣлъ еще освободиться отъ реакціи, послѣдовавшей за взрывомъ 1848 г. Почти повсюду, кромѣ развѣ Англіи, конституціонное правленіе было жалкой каррикатурой на свободный режимъ. Въ Англіи, дѣйствительно, если страна и управлялась представителями исключительно имущихъ классовъ, то, по крайней мѣрѣ, парламентскій режимъ отличался извѣстною искренностью въ томъ смыслѣ, что власть находилась, дѣйствительно, въ рукахъ членовъ палатъ. Кромѣ того, неприкосновенность личности и жилища, отвѣтственность чиновниковъ, широкая свобода печати и митинговъ, судъ присяжныхъ, защищающій гражданина отъ произвола администраціи, — все это позволяло образоваться могучимъ теченіямъ на „улицѣ", внѣ парламента. А въ результатѣ этого—голосъ широкихъ общественныхъ слоевъ и трудящихся массъ могъ достигать въ случаѣ серьезной надобности съ такой силой и авторитетомъ до ушей правящихъ классовъ, что они вынуждены бывали уступать этому напору общественнаго мнѣнія, хотя и не представленнаго оффиціально въ парламентѣ.

Но, посмотрите, что дѣлалось на континентѣ. Французскій либерализмъ, обнаружившій столько свирѣпости въ соціальной борьбѣ 1848 г., былъ скомпрометтированъ до невозможности. Имперія декабрьской ночи, опираясь на ту пародію всеобщей подачи голосовъ, какую давалъ ей вымуштрованный начальствомъ народъ, составлявшій, если можно такъ выразиться, „плебисцитарное мясо", — эта имперія раздавила почти всѣ пріобрѣтенія политической свободы, которыя Франція добывала цѣною крови въ теченіе стольких десятилѣтій. И не говоря уже о соціалистахъ, послѣдовательные буржуазные республиканцы крайне мрачно смотрѣли на будущность впавшей въ оцѣпенѣніе націи.

Въ Германіи, послѣ неудачной траги-комедіи франкфуртскаго парламента, феодальная реакція справляла свои оргіи въ рамкахъ октроированныхъ конституцій. Нѣмецкій патріотъ-демократъ находился въ томъ плачевномъ положеніи, какое изображала насмѣшливая политическая пѣсня, обращенная по адресу одного изъ выдающихся членовъ крайней лѣвой въ упомянутомъ парламентѣ:

Er hängt an keinem Baume,
Er hängt an keinem Stick,
Er hängt nur an dem Traume
Der deutschen Republik!

Бисмаркъ цинично и зло вышучивалъ либеральную буржуазію, которая усердно культивировала не страшную для прусскихъ юнкеровъ „оппозицію шлафрока и туфель“ и думала сопротивляться безстыднымъ рейтерамъ планами отказа отъ уплаты налоговъ. А могучее рабочее движеніе еще въ то время не существовало.

Не лучше, если не хуже, чѣмъ въ Германіи, обстояли дѣла и въ Австріи, реакціонная политика которой была особенно ненавистна въ сферѣ внѣшней политики, гдѣ традиціи меттерниховской политики продолжали тяжелымъ гнетомъ давить на сѣверную Италію. А сама эта Италія, гдѣ либераламъ приходилось взирать съ вѣрою и надеждою на савойскую династію, гдѣ существовали такія ужасающія своимъ деспотизмомъ политическія формы государственной власти, какъ папскій Римъ и неаполитанское королевство? Что, наконецъ, сказать, о тогдашней Испаніи, павшей до уровня неисторическихъ національностей?

Этой печальной картинѣ политическаго положенія Западной Европы соотвѣтствовала еще болѣе печальная картина Россіи. Въ сущности, дореформенный строй рушился здѣсь не только въ общественномъ и экономическомъ отношеніяхъ, и лишь политическая отсталость русскаго общества позволила затянуть на десятки лѣтъ процессъ крушенія отжившаго строя. Увы! политическіе планы тогдашнихъ русскихъ либераловъ поражали въ громадномъ большинствѣ случаевъ своимъ доктринерствомъ, или же наивностью, а то и крѣпостнымъ привкусомъ. Катковъ проектировалъ англизировать Россію, передавъ центральную власть классу просвѣщенной и богатой аристократіи, которой у насъ, именно какъ класса, не было и въ помивѣ. Съ другой стороны, люди въ родѣ Кавелина съ превеликой важностью противоставляли „безплоднымъ мечтамъ о представительномъ правленіи“ планы „административной децентрализаціи“ (см. его записку „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“),—во вкусѣ теперешняго „Новаго Времени“. А когда наиболѣе просвѣщенная часть дворянства, какъ сословія, принялась за писаніе конституціонныхъ адресовъ, то между этими политическими памятниками дворянскаго либерализма оказалось мало такихъ, которые отличались бы ясностью и сравнительною широтою адреса тверского дворянства (1-го февраля 1862 г.), говорившаго о необходимости дополнить реформу 19-го февраля общенароднымъ политическимъ преобразованіемъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

...Сановники... нынѣ находятъ необходимымъ сохраненіе дворянскихъ привилегій, тогда какъ мы сами, болѣе другихъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, желаемъ ихъ отмѣнить. Этотъ общій разладъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требуемыя нынѣ крайнею необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. Мы сами не беремся

говорить за весь народъ, не смотря на то, что стоимъ къ нему ближе, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности не только для удовлетворенія,—но даже и для указанія народныхъ потребностей: мы увѣрены, что преобразованія остаются безуспѣшными потому, что предпринимаются безъ спроса и вѣдома народа. Собраніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19-го февраля.

Повторяю, такихъ сравнительно демократическихъ адресовъ было мало; а очень значительная часть принадлежала къ той категоріи, которую тремя годами позже (въ 1865 г.), по поводу адреса петербургскаго дворянства, подписаннаго „либералами" въ родѣ графа Орлова-Давыдова, М. Безобразова и т. п., Герценъ охарактеризовалъ такъ:

Лиха бѣда была отчалить. Какъ только правительство нанесло ударъ рабству, со дня на день можно было ждать рядъ конституціонныхъ попытокъ. Вмѣсто Земскаго Собора, Земской Думы, потребовали Думу боярскую, явилась попытка жмудскихъ нормановъ и татарскихъ бароновъ, сто лѣтъ тому назадъ избавленныхъ Петромъ Федоровичемъ отъ тѣлесныхъ наказаній и выросшихъ теперь до требованій временъ крестовыхъ походовъ,—ограничить бѣлой, дворянской костью... произволъ. Бѣды нѣтъ, успѣхъ невозможенъ, а за починъ имъ спасибо... Путь указанъ, слово произнесено, печать молчанія сломана—не въ главномъ заведеніи, въ которомъ все подпечатываютъ, а всенародно, въ дворянскомъ собраніи. Вотъ существенное, *субстанція*, какъ выражался въ Іеговѣ почившій Спиноза, остальное „атрибуты, акциденціи". Ну и надобно признаться, что касается до этихъ акциденцій и атрибутовъ... это своего рода capo d'opera... Тутъ комизмъ такъ перемѣшанъ съ отвратительнымъ, Офросимовъ съ Катковымъ, молодое желаніе свободы со старыми заступниками крѣпостного права, что человѣкъ равно чувствуетъ невозможность смѣха и плача, гуловаго осужденія и откровеннаго сочувствія.

Какъ же было Чернышевскому не относиться отрицательно къ большинству плановъ и pia desideria нашего доморощеннаго либерализма, не выходившаго изъ предѣловъ самыхъ блѣдныхъ или самыхъ устарѣлыхъ программъ переустройства и при томъ не умѣвшаго проявить достаточную зрѣлость и энергію для проведенія ихъ въ жизнь? Замѣтьте, говоря такъ, я не думаю утверждать, что Чернышевскій не понималъ, въ какой степени эти планы, не смотря на всѣ отрицательныя стороны ихъ формулировки, были выраженіемъ потребностей націи, пришедшей на извѣстную ступень развитія. Въ тѣхъ же „Письмахъ безъ адреса" Чернышевскій даже допускаетъ, что желаніе „общей реформы", высказываемое дворянствомъ, должно въ значительной мѣрѣ объясняться стремленіями, вытекающими не изъ крѣпостнической фронды, а изъ настроенія „всѣхъ другихъ сословій", „представителемъ" которыхъ „дворянство только является". Чернышевскій даже предполагаетъ, что такую роль представителя прочихъ общественныхъ сословій дворянство беретъ на себя не потому, что оно сильнѣе ихъ ощущало бы историческія потребности пере-

устройства, но лишь потому, что у него была „организація, дающая возможность выражать желанія“. И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ у автора „Писемъ“ идутъ слѣдующія любопытныя строки, мѣстами даже, повидимому, противорѣчащія его отрицательному взгляду на политическую подготовленность тогдашняго общества и всей націи:

Если бы другія сословія имѣли законные органы для выраженія своихъ мыслей, они высказались бы по этимъ предметамъ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и дворянство, только съ большею рѣшительностью, потому что всякое другое сословіе еще болѣе дворянства чувствуетъ обременительность тѣхъ общихъ недостатковъ нынѣшняго устройства, объ устраненіи которыхъ говоритъ дворянство. Если вы, м. г., спросите купечество или духовенство, мѣщанъ или крестьянъ, или даже массу чиновниковъ (за исключеніемъ немногихъ чиновниковъ, которымъ нынѣшній порядокъ выгоденъ), вы услышите отъ каждаго изъ этихъ сословій тѣ же самыя мысли о законодательствѣ, администраціи и судѣ. Если бы вы пожелали убѣдиться въ этомъ, вы отстранили бы отъ себя всякую возможность другого важнаго заблужденія. Вы совершенно освободились бы отъ мысли, что можно принимать какія-нибудь мѣры противъ общаго стремленія, начинающаго обнаруживаться. Его проявленія еще кажутся слабыми, но вѣдь это только потому, что они еще первыя. Присмотрѣвшись къ дѣлу, вы замѣтите, что сила ихъ очень быстро растетъ; очень жаль, что, при отдаленности вашей отъ маленькихъ людей, вы лишены удобства лично дѣлать эти наблюденія. А мы,—наблюдающіе вблизи жизнь всѣхъ слоевъ общества, кромѣ вашего круга, —мы видимъ очень быстрое распространеніе мыслей, о которыхъ я имѣю честь бесѣдовать съ вами, и замѣчаемъ, что общество уже недалеко отъ рѣшительнаго или единодушнаго заявленія ихъ.

Я нарочно привелъ это довольно длинное мѣсто изъ Чернышевскаго, чтобы читатель могъ самъ принять участіе въ рѣшеніи вопроса, въ какой мѣрѣ Николай Гавриловичъ былъ огульнымъ отрицателемъ политическихъ стремленій во имя идеаловъ грядущаго строя. Въ только что приведенной цитатѣ Чернышевскій рисуется не только понимающимъ значеніе общенаціональныхъ пожеланій въ сферѣ „законодательства, администраціи и суда“. Онъ здѣсь является даже склоннымъ допустить возможность „рѣшительнаго и единодушнаго заявленія“ обществомъ такихъ требованій, которыя, насколько можно судить по нѣсколько общему и умышленно неясному характеру подцензурной статьи, — относятся къ „парламентскому правленію“ и прочимъ лозунгамъ столько разъ бичевавшихся „Современникомъ“ поборниковъ либерализма. Приходится даже какъ бы примирять высказанный здѣсь Чернышевскимъ взглядъ съ обычнымъ ходомъ его мыслей. Но это противорѣчіе устраняется, какъ мнѣ кажется, тѣмъ соображеніемъ, что въ тотъ критическій моментъ общественнаго движенія, какимъ являются 1861—1862 годы, никогда особенно не вѣрившій въ активную энергію рыцарей „настоящаго времени когда“ Чернышевскій начинаетъ считать полезнымъ именно въ интересахъ своего „бланкизма“ всякую либеральную агитацію. Общественное

возбужденіе, какъ бы ни были половинчаты въ глазахъ Чернышевскаго вызывавшія его либеральныя стремленія, могло, съ его точки зрѣнія, служить au pis aller благопріятной атмосферой, облегающей и питающей тѣ активные элементы, которые только и могли ставить и защищать программу народной и трудовой Россіи. Дѣло, видите ли, шло все о томъ же доставленіи имъ нѣсколькихъ лишнихъ шансовъ на побѣду, увѣренность въ которой далеко не являлась отличительной чертой Чернышевскаго въ ряду его близкихъ товарищей...

Какъ бы то ни было, преобладающей нотой въ отношеніи Чернышевскаго къ умѣреннымъ либераламъ было презрѣніе, презрѣніе и жалость. И почти это же чувство, развѣ съ прибавленіемъ негодованія, онъ питалъ къ крѣпостникамъ. Описывая въ своемъ „Прологѣ“ настроеніе, овладѣвшее имъ при видѣ нашихъ трусливыхъ, орудовавшихъ только интригами феодаловъ, онъ не можетъ подавить этого смѣшаннаго тяжелаго чувства. Видя ихъ жалкія фигуры на одномъ обѣдѣ, который либеральные сановники и либеральные приватные люди Петербурга дали степнымъ медвѣдямъ крѣпостничества, чтобы побѣдить послѣднія сопротивленія провинціальныхъ магнатовъ на предстоявшихъ губернскихъ собраніяхъ, Чернышевскій говоритъ о себѣ такъ:

Онъ не былъ мастеръ наблюдать, и былъ близорукъ. Но развѣ слѣпой не видѣлъ бы, что такое на душѣ у этихъ людей; не за два десятка шаговъ—за полверсты можно было разгадать это, хотя и не разбирая ихъ лицъ, по самымъ фигурамъ ихъ.

Безсмысліе, безсиліе, безпомощность.

Такъ должны глядѣть, стоять, двигаться приговоренные къ смерти... Онъ расчувствовался. Расчувствовался невесело: хоть и не любилъ ни вообще дворянъ, ни магнатовъ въ частности.

Жалкая нація, жалкая нація!—Нація рабовъ,—съ низу до верху, все сплошь рабы... думалъ онъ и хмурилъ брови.

Онъ не любилъ дворянства. Но бывали минуты, когда онъ не имѣлъ вражды къ нему. Можно ли ненавидѣть жалкихъ рабовъ.

— И теперь на него напало такое настроеніе.—Они не виноваты ни въ чемъ и ни чему не мѣшаютъ. Они ли могутъ мѣшать?—Они хотятъ только пить, мотать и бездѣльничать. Они ли виноваты?—Кому же не пріятно брать то, что ему даютъ?..

Но какъ вѣрный історіографъ, Чернышевскій описываетъ удивительный пассажъ, приключившійся въ концѣ обѣда. Тотъ самый либеральный сановникъ, который долженъ былъ дать понять степнымъ медвѣдямъ, заранѣе шедшимъ на закланіе, что правительство твердо рѣшило дать настоящую волю крестьянамъ, вдругъ заговорилъ о желаніи высшихъ сферъ передать по возможности самимъ дворянамъ выработку подробностей реформы. Онъ даже сталъ съ удовольствіемъ распространяться о томъ, что администрація приняла всяческія мѣры для подавленія мужицкихъ безпорядковъ, буде таковые бы вспыхнули. И все больше и больше ве-

селѣли лица слушавшихъ помѣщиковъ, и въ заключеніе рѣчи одинъ изъ самыхъ заядлыхъ и мрачно настроенныхъ крѣпостниковъ съ удовольствіемъ подѣлился своимъ впечатлѣніемъ съ Чернышевскимъ: „мы ошибались, милостивый государь, вы сами видите, передъ нами виляютъ хвостомъ. Насъ боятся, милостивый государь,—понимаете, насъ боятся“.

Понятно, какъ необыкновенно умный и послѣдовательный человѣкъ, какимъ былъ Чернышевскій, могъ мало принимать въ серьозъ оппозиціонную энергію нашихъ умѣренно либеральныхъ элементовъ. И понятно, какимъ скептицизмомъ должно было быть проникнуто его отношеніе къ россійскимъ добывателямъ политическихъ свободъ. Какъ бы ни могли порою мѣняться въ немъ подъ вліяніемъ событій оттѣнки его взглядовъ на значеніе либеральнаго лагеря, основной тонъ этихъ взглядовъ не мѣнялся: наши любители представительнаго правленія въ 60-хъ годахъ не умѣли энергично и толково добиваться того самого, что было raison d'être'омъ ихъ существованія. Свистъ у Чернышевскаго могъ порою уступить мѣсто горькому раздумью надъ мягкотѣлостью тогдашнихъ партій, включая сюда и крѣпостническую. Но никогда не могъ Чернышевскій увлекаться той самоувѣренной и вмѣстѣ пустопорожней хлопотней, которая сходила за дѣятельность у русскихъ „либераловъ“ и русскихъ „прогрессистовъ“, неспособныхъ осуществить программу самой умѣренной политической свободы.

Въ заключеніе мнѣ остается подкрѣпить нѣсколькими цитатами тотъ взглядъ Чернышевскаго на народъ, который я пытался сформулировать въ срединѣ этой статьи на основаніи воспоминаніи о Николаѣ Гавриловичѣ лицъ, знавшихъ его.

Я въ двухъ словахъ напомню этотъ взглядъ: въ теченіе довольно долгаго времени Чернышевскій возлагалъ мало надеждъ на пониманіе народомъ своихъ интересовъ и на активность его въ дѣлѣ защиты ихъ. Затѣмъ въ послѣднее время своей дѣятельности онъ сталъ, повидимому, нѣсколько больше надѣяться на то, что, по крайней мѣрѣ въ сферѣ экономической, народъ проявитъ извѣстную иниціативу, отстаивая выгодное для него рѣшеніе великаго вопроса о земельномъ устройствѣ. Скептицизмъ Николая Гавриловича во взглядахъ на русскій народъ, т. е. фактически-то на крестьянство, былъ, впрочемъ, лишь частнымъ случаемъ и примѣненіемъ къ Россіи его общей точки зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на трудящіяся массы, не исключая и болѣе развитыхъ странъ Западной Европы, а въ нихъ не исключая и пролетаріата. „Простолюдинъ“ бѣденъ, забитъ и невѣжественъ; онъ рвался порою улучшить свое положеніе въ современномъ обществѣ, но или бывалъ жестоко наказываемъ за то привилегированными классами,

или самъ измѣнялъ своимъ настоящимъ друзьямъ ради хитрыхъ враговъ своихъ. Такъ смотрѣлъ Чернышевскій и на пролетарія Западной Европы. И если мы припомнимъ, что то было время реакціи послѣ движенія 1848 г., то мы не удивимся, что Чернышевскій пессимистически былъ настроенъ въ вопросѣ о степени сознательности и активности рабочаго класса повсюду. Не забудемъ, что эта же самая реакціонная эпоха заставила Герцена чуть не окончательно махнуть рукой на тогдашнюю Европу и идеализировать въ пику ей славянскій и въ частности русскій Востокъ. Помните его варіаціи на тему: „Два событія. Паденіе Европы передъ соціальнымъ вопросомъ. Соціальный вопросъ, поставленный Александромъ II, какъ призывъ къ жизни"...

Но возвратимся къ Чернышевскому и его взглядамъ на народъ. Смотря такъ, какъ мы видѣли только что, на „простолюдина" вообще, онъ не иначе смотрѣлъ и на русскаго „простолюдина". Вотъ что онъ говоритъ отъ лица своего двойника— Волгина, продолжающаго размышлять все на томъ же политическомъ обѣдѣ, гдѣ либеральная Русь и Русь крѣпостническая вели одна противъ другой мины и контръ-мины за тарелкой стерляжьей ухи и бокаломъ шампанскаго:

„..Онъ не забывалъ, что исторія—борьба, что въ борьбѣ нѣжность не умѣстна. Правда, онъ не считалъ себя борцомъ за народъ: у русскаго народа не могло быть борцовъ, по мнѣнію Волгина, оттого, что русскій народъ не способенъ поддерживать вступающихся за него; какому же человѣку въ здравомъ смыслѣ бываетъ охота пропадать задаромъ? Такъ или нѣтъ, вообще, но о себѣ Волгинъ твердо зналъ, что не имѣетъ такого глупаго желанія, и никакъ не могъ считать себя защитникомъ народныхъ правъ. Но тѣмъ меньше и могъ онъ дѣлать уступки за народъ, тѣмъ меньше могъ—не выставлять правъ народа во всей ихъ полнотѣ, когда приходилось говорить о нихъ...

Пессимизмъ по отношенію къ русскому народу въ въ дальнѣйшихъ размышленіяхъ Волгина принимаетъ такіе размѣры, что этотъ народъ получаетъ на свою долю почти такую же пропорцію свирѣпой ироніи, какую отпускаетъ и самому себѣ авторъ „Пролога". Если съ свойственнымъ ему добродушнымъ издѣвательствомъ его анализирующаго ума надъ его общественнымъ чувствомъ онъ и заявляетъ, что „онъ не считаетъ себя борцомъ за народъ", то тутъ же онъ прибавляетъ и по адресу народа: „у русскаго народа не могло быть борцовъ оттого, что русскій народъ не способенъ поддерживать вступающихся за него". Или: „это должно быть рѣшено волею народа. Должно—и, разумѣется, не будетъ".

Послѣ манифеста 19-го февраля и послѣдовавшихъ за нимъ событій настроеніе Чернышевскаго въ данномъ вопросѣ нѣсколько мѣняется. Онъ не такъ безотрадно смотритъ на пониманіе народомъ своихъ интересовъ и на активность его въ за-

щитѣ ихъ. Въ „Письмахъ безъ адреса“ встрѣчаются слѣдующія строки:

...При началѣ крѣпостного вопроса масса другихъ сословій, до которыхъ не касался онъ прямо, оставалась равнодушна къ нему. Но нельзя ей было сохранить равнодушіе, когда она увидѣла развязку, приготовленную бюрократическимъ рѣшеніемъ дѣла. Крѣпостные крестьяне не повѣрили, чтобы обѣщанная имъ воля была ограничена тѣми формальными перемѣнами, какими ограничило ее бюрократическое рѣшеніе. Изъ этого повсюду произошли столкновенія между крѣпостными крестьянами и властью, старавшеюся провести свое рѣшеніе. Произошли сцены, которыхъ нельзя было видѣть хладнокровно. Массою другихъ сословій овладѣло состраданіе къ крѣпостнымъ крестьянамъ. А между тѣмъ крѣпостные крестьяне, не смотря на всѣ внушенія и мѣры усмиренія, остались въ увѣренности, что надобно ждать имъ другой, настоящей воли. Отъ этого ихъ расположенія должны будутъ произойти новыя столкновенія, если надежда ихъ не исполнится. Такимъ образомъ страна подвергалась смутамъ и опасается новыхъ смутъ.

Въ другомъ мѣстѣ той же самой статьи, сказавъ, что народъ, и „апатиченъ“, и „спитъ“, Чернышевскій тѣмъ не менѣе (иронизируя по обычаю,—я намѣренъ, молъ, „измѣнить народу“) такъ характеризуетъ настроеніе народа:

Истина одинакова горька для васъ и для насъ. Народъ не думаетъ, чтобы изъ чьихъ-нибудь заботъ о немъ выходило что-нибудь дѣйствительно полезное для него. Мы всѣ, отдѣляющіе себя отъ народа какими-нибудь именами,—именемъ ли власти, именемъ ли того или другого привилегированнаго сословія,—мы всѣ, предполагающіе у себя какіе-нибудь особенные интересы, различные отъ предметовъ народнаго желанія,—интересы ли дипломатическаго и военнаго могущества, или интересы распоряженія внутренними дѣлами, или интересы личнаго нашего богатства, или интересы просвѣщенія,—мы всѣ смутно чувствуемъ, какая развязка вытекаетъ изъ этого расположенія народныхъ мыслей. Когда люди дойдутъ до мысли: „ни отъ кого другого не могу я ждать пользы для своихъ дѣлъ“, они непремѣнно и скоро сдѣлаютъ выводъ, что имъ самимъ надобно взяться за веденіе своихъ дѣлъ. Всѣ лица и общественные слои, отдѣльные отъ народа, трепещутъ этой ожидаемой развязки. Не вы одни, а также и мы желали бы избѣжать ее; вѣдь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы отъ нея, даже тотъ изъ нашихъ интересовъ, который мы любимъ выставлять, какъ единственный предметъ нашихъ желаній, потому что онъ совершенно чистъ и безкорыстенъ, — интересъ просвѣщенія... Потому мы также противъ ожидаемой попытки народа сложить съ себя всякую опеку и самому приняться за устройство своихъ дѣлъ. Насъ такъ ослѣпляетъ страхъ за себя и за свои интересы, что мы не хотимъ даже разсуждать, какой ходъ событій былъ бы почетнѣе для самого народа, и мы готовы, для отвращенія ужасающей насъ развязки, забыть все—и нашу любовь къ свободѣ, и нашу любовь къ народу.

Подъ вліяніемъ этого чувства, обращаюсь къ вамъ, м. г., съ изложеніемъ моихъ мыслей о средствахъ, которыми можно отвратить развязку, одинаково опасную для васъ и для насъ.

Дѣлая это, я понимаю, что дѣлаю.

Я измѣняю народу.

Измѣняю потому, что руководясь личными опасеніями за вещь болѣе драгоцѣнную для меня, нежели для народа, за просвѣщеніе,—я уже не думаю о томъ, полезна ли для народа забота о разрѣшеніи запутанностей положенія русской націи вашими и нашими усиліями, а напротивъ, не вы-

игралъ ли бы народъ чрезъ независимое отъ насъ занятіе національными дѣлами больше, чѣмъ отъ продолженія нашихъ хлопотъ о немъ. Въ этомъ случаѣ для своей выгоды, я подавляю въ себѣ убѣжденіе, что ничьи постороннія заботы не приносятъ людямъ такой пользы, какъ самостоятельное дѣйствованіе по своимъ дѣламъ. Да, я измѣняю своему убѣжденію и своему народу.

Здѣсь, то прямо, то косвенно, то ссылаясь на „ожиданія“ и „опасенія“ просвѣщенныхъ слоевъ, то гипотетически представляя себѣ настроеніе массъ, Чернышевскій высказываетъ взгляды на народъ, которые нельзя назвать сплошь пессимистическими. Очевидно, въ это время Николая Гавриловича стала посѣщать все чаще и чаще надежда, что „простолюдинъ“, можетъ быть, и дѣйствительно захочетъ болѣе или менѣе активно заняться своими кровными дѣлами. Но какъ согласить такой взглядъ съ общимъ воззрѣніемъ Чернышевскаго на динамику общественнаго прогресса: народъ невѣжественъ, исполненъ предразсудковъ, не умѣетъ до сихъ поръ разобраться какъ слѣдуетъ въ своихъ интересахъ, не способенъ отличать своихъ искреннихъ друзей отъ своихъ злѣйшихъ враговъ. Для надлежащей активности народу слѣдовало бы пріобрѣсти прежде всего ясное пониманіе вещей, а для этого нужно просвѣщеніе, а для просвѣщенія досугъ, а для досуга то самое переустройство общества, которое, наоборотъ, предполагаетъ уже достаточно просвѣщеннаго и достаточно досужаго „простолюдина“.

Какъ же выйти изъ такого заколдованнаго круга, какъ выйти изъ него въ особенности мыслителю типа Чернышевскаго, котораго принято у насъ считать и называть „раціоналистомъ“, т. е. человѣкомъ, полагающимъ, что надлежащая эволюція общественныхъ формъ зависитъ отъ убѣдительности доводовъ мыслящихъ людей, приглашающихъ членовъ даннаго общежитія дѣйствовать разумно и цѣлесообразно? Я думаю, этотъ заколдованный кругъ размыкается тѣмъ соображеніемъ, что во взглядѣ на Чернышевскаго, какъ на раціоналиста, замѣчается,—какъ то часто бываетъ съ распространенными вообще взглядами, — извѣстное преувеличеніе. Чернышевскій не былъ сплошнымъ раціоналистомъ уже потому, что приписывалъ большое значеніе въ исторіи „обстоятельствамъ“, которыя идутъ зачастую такъ, что опрокидываютъ разсчеты и планы мыслящихъ людей и заставляютъ ихъ дѣйствовать, какъ дѣйствуютъ и массы, т. е. какъ придется и какъ только возможно. Вспомните разсужденія Волгина о томъ, что французскимъ демократамъ приходилось „участвовать въ сочиненіи глупости“, именуемой февральской революціей; и участвовать не потому, чтобы они хотѣли этого, но потому, что „обстоятельства заставили ихъ волею-неволею“ совершать переворотъ, „когда общество еще не было подготовлено поддерживать ихъ идеи“.

Но, перебьетъ меня читатель, дѣло здѣсь идетъ какъ разъ о констатированіи Чернышевскимъ нераціональнаго хода исторіи. И, значитъ, требованіе раціональнаго воздѣйствія на массы остается цѣликомъ, и снова заколдованный кругъ охватываетъ насъ своимъ желѣзнымъ кольцомъ. Однако это было бы такъ, если бы у Чернышевскаго не было еще иного существеннаго дополненія къ раціоналистическому пониманію исторіи. И это дополненіе есть его взглядъ на великое значеніе соціальнаго положенія, занимаемаго человѣкомъ, для болѣе или менѣе легкаго усвоенія надлежащихъ идей; взглядъ, съ которымъ въ тѣсной связи находится мысль, что великія общественныя реформы должны въ современномъ строѣ добываться не мудреньемъ и черезчуръ глубокомысленнымъ изученіемъ вопроса, а возбужденіемъ общественныхъ же великихъ страстей.

Въ замѣчательно глубокихъ первыхъ страницахъ своего „Антропологическаго принципа въ философіи“ Чернышевскій проводитъ очень любопытную параллель между Миллемъ и Прудономъ. Онъ желаетъ показать, какъ принадлежность перваго къ привилегированному сословію мѣшаетъ ему взглянуть надлежащимъ образомъ на будущее, грозящее современной буржуазной цивилизаціи; и какъ плебейское происхожденіе и черезчуръ тяжелая трудовая жизнь второго, не смотря на вытекающія изъ нихъ препятствія для развитія, облегчаютъ, съ другой стороны, силу и проницательность мысли человѣка, принадлежащаго къ великой арміи трудящихся.

Во всемъ этомъ мы видимъ,—говоритъ Чернышевскій по поводу Прудона, — общія черты того умственнаго положенія, въ которомъ находится теперь западно-европейскій простолюдинъ. Благодаря своей здоровой натурѣ, своей суровой житейской опытности, западно-европейскій простолюдинъ, въ сущности, понимаетъ вещи несравненно лучше, вѣрнѣе и глубже, чѣмъ люди болѣе счастливыхъ классовъ. Но до него не дошли еще тѣ научныя понятія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его положенію, наклонностямъ, потребностямъ и сообразны съ нынѣшнимъ положеніемъ знаній.

Отсюда можно вывести заключеніе, въ какой степени „простолюдинъ“, или, выражаясь собирательно, „народъ“ способенъ, по мнѣнію Чернышевскаго, при извѣстныхъ условіяхъ сократить путь раціональнаго изученія глубоко его касающихся соціальныхъ задачъ; и какъ, стало быть, заколдованный кругъ: невѣжество—нищета—невѣжество разбивается при мало-мальски разумномъ воздѣйствіи на народъ. Съ другой стороны, народъ самою непочатостью своей натуры и своимъ тяжелымъ соціальнымъ положеніемъ особенно подготовленъ къ произведенію тѣхъ великихъ общественныхъ реформъ, воплощеніе которыхъ въ жизнь требуетъ энергіи, страсти, коллективнаго энтузіазма. Не говоритъ ли опять таки въ томъ же „Антропологическомъ принципѣ“ Чернышевскій:

Гдѣ замѣшана страсть, тамъ обдуманность и хладнокровіе невозможны— это истина, извѣстная по прописямъ. Каждый важный общественный вопросъ возбуждаетъ страсти, это дѣло также извѣстное. Если реформа касается только небольшой части общества или, затрогивая интересы всѣхъ, представляетъ для каждаго рискъ лишь незначительнаго убытка или выигрыша, словомъ сказать, если реформа не очень важна, она можетъ производиться хладнокровнымъ путемъ... Но такъ ли были отмѣнены хлѣбные законы, когда теряли привилегію люди сильные въ англійскомъ обществѣ? Читатель знаетъ, что людямъ, хотѣвшимъ этого полезнаго дѣла, только тогда удалось побороть могущественную оппозицію, когда разыгрались страсти въ большинствѣ общества, много выигрывавшаго отъ важной реформы; а когда общество взволновалось страстью, холодное веденіе дѣла невозможно. Развѣ у Роберта Пилля достало времени на многолѣтнія статистическія изысканія, когда подошла неизбѣжность перемѣны? Нѣтъ, какія свѣдѣнія были, тѣми и воспользовались, медлить было нельзя. А вѣдь это не совсѣмъ раціонально: почему знать, если бы глубже вникнуть въ дѣло, быть можетъ нѣкоторыя подробности закона обработались бы лучше?.. Конечно такъ, но очень важныя для общества дѣла никогда такъ не дѣлались. Посмотрите, какимъ путемъ уничтожался феодализмъ, или обращалась въ ничтожество инквизиція, или получались права среднимъ сословіемъ, вообще уничтожалось какое-нибудь важное зло или вводилось какое нибудь важное благо.

Сопоставляя эти цитаты, мы можемъ понять, какимъ образомъ у Чернышевскаго скептицизмъ по отношенію къ народу могъ отступать при извѣстныхъ исключительныхъ, или казавшихся исключительными, обстоятельствахъ передъ надеждой на активную роль народа. Его способность „въ сущности понимать несравненно лучше, вѣрнѣе и глубже, чѣмъ люди болѣе счастливыхъ классовъ"; его непосредственность, такъ требующаяся для произведенія крупныхъ общественныхъ реформъ съ надлежащей „страстью", вотъ стороны народной психологіи, которыя могли внушать Чернышевскому въ 1861—1862 г.г. мысль о возможности народной инициативы. И „раціонализмъ" Чернышевскаго могъ бы въ такомъ случаѣ подсказывать ему лишь идею о внесеніи въ эту инициативу наибольшей сознательности со стороны мыслящихъ друзей народа. Недаромъ въ своемъ Рахметовѣ,—въ томъ самомъ Рахметовѣ, о которомъ одинъ охранительствующій пошлякъ выразился, что онъ-де „чесался о гвозди для блага народа",—Чернышевскій какъ бы выразилъ символъ сочетанія физической и умственной мощи, союза интеллигенціи, если можно такъ выразиться, интеллигентной и интеллигенціи народной и трудовой. Въ 70-хъ годахъ мы видѣли не мало Рахметовыхъ изъ высшихъ слоевъ общества жившими жизнью бурлака Никитушки Ломова. Такъ, сквозь нѣкоторыя второстепенныя противорѣчія необыкновенно свѣтлой и трезвой всегда въ общемъ мысли Чернышевскаго, въ сознаніе „великаго русскаго ученаго и критика" проникало предчувствіе послѣдующаго періода русской интеллигенціи съ ея самоотверженнымъ хожденіемъ въ народъ.

Было бы крайне интересно знать, какъ относился къ этому

періоду, а также и къ слѣдовавшему за нимъ активно-политическому періоду уже возвратившійся Чернышевскій. И хотѣлось бы надѣяться, что смягченіе цензурнаго гнета позволитъ тѣмъ, кто сталкивался въ то время съ Николаемъ Гавриловичемъ, познакомить читающую публику съ воззрѣніями Чернышевскаго въ этой области. Мнѣ припоминается въ этомъ смыслѣ одно характерное мѣсто изъ разговора Чернышевскаго съ г. Б., о которомъ я упомянулъ въ началѣ статьи.

Рѣчь зашла именно о тогдашнемъ положеніи Россіи. А тогдашнее положеніе характеризовалось торжествомъ ненавистной реакціи, принявшей особенно тяжелыя формы во второй половинѣ 80-хъ годовъ. Замирали послѣднія волны славнаго движенія, потрясавшаго старую Россію на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ. А въ экономической жизни ярко обнаружилось предреченное Щедринымъ пришествіе „Чумазаго". Теперь этотъ Чумазый, за стѣной покровительственныхъ тарифовъ, жадно грызъ тѣло великаго народа и выражалъ устами разныхъ биржевыхъ комитетовъ благодарности Вышнеградскому за облегченіе возможности такого пира, равно какъ желаніе дальнѣйшихъ „воспособленій" по этой части.

Естественно, что мой знакомый полюбопытствовалъ узнать взглядъ Чернышевскаго на эпоху, про которую трижды воистину можно было сказать словами поэта:

Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй!..

Николай Гавриловичъ добродушно-лукаво посмотрѣлъ на собесѣдника и сказалъ:

— Что-жъ, теперь время трезвое. Будемъ учиться и мы смотрѣть на дѣла глазами трезвыхъ людей. По ихнему, то и хорошо обществу, что имъ выгодно. Натурально. Будемъ же теперь глядѣть на купца. Когда купецъ не только тарифовъ, но и правъ потребуетъ, и не съ благодарностью за прошлое, а грозя будущимъ, тогда наступитъ конецъ старому міру... А пока будемъ учиться и смотрѣть.

Это мѣсто въ разговорѣ не было простой бутадой. Повидимому, трезвый аналитическій умъ Чернышевскаго искалъ точки опоры для идеаловъ и среди тогдашнихъ казавшихся невыносимыми условій...

Я былъ бы не искрененъ передъ читателемъ, если бы не сказалъ, что для меня самого нѣкоторыя стороны личности и даже теоретическихъ взглядовъ Чернышевскаго кажутся не совсѣмъ ясными, да порою и не вполнѣ согласованными между собою

(особенно, если сопоставлять мнѣнія о Николаѣ Гавриловичѣ его знакомыхъ). Но это и быть иначе не можетъ при той таинственности, которой окружалась у насъ личность Чернышевскаго, одно имя котораго повергло въ какой-то мистическій трепетъ оффиціальную Россію. Я сдѣлалъ, что было въ силахъ, за неимѣніемъ лучшихъ документовъ, и сочту себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если успѣлъ этой статьей пробудить новый интересъ въ читателяхъ къ одному изъ самыхъ крупныхъ и оригинальныхъ умовъ XIX-го вѣка.

Н. Е. Кудринъ.

Донъ-Кихотъ.

Отъ будничной тоски, тревоги и заботъ
Я ухожу въ мой міръ фантазіи туманной.
Мнѣ обликъ видится тогда смѣшной и странный—
Въ нарядѣ рыцарскомъ безумный Донъ-Кихотъ.

Идетъ онъ на своихъ безчисленныхъ враговъ,
Желаньемъ подвига душа его объята:
Въ защиту бѣднаго обиженнаго брата,
Въ защиту слабаго онъ мечъ поднять готовъ!

А сытая толпа бѣжитъ, глумясь, за нимъ,
Какъ за шутомъ своимъ забавнымъ и безумнымъ,
И потѣшается, вѣнчая смѣхомъ шумнымъ
Все то, что онъ зоветъ великимъ и святымъ!

Пусть это только бредъ его души больной—
Онъ все же дорогъ мнѣ въ своей борьбѣ напрасной:
Кто можетъ такъ любить, такъ ненавидѣть страстно,
Тотъ не безумецъ, нѣтъ! Тотъ—рыцарь и герой!

Г. Галина.

Изъ южныхъ мелодій.

I

Точно кровь, заря пылаетъ...
Въ пѣнѣ вся, мрачна, грозна,
Глухо въ скалы ударяетъ
Раздраженная волна.
Старый лѣсъ, стряхнувшій чары,
Шумомъ листьевъ вторитъ ей...
Все сильнѣй волны удары,
Все угрюмѣй хоръ вѣтвей.
Въ бурномъ ревѣ непогоды
Погребальный слышенъ звонъ,
Крикъ тоски, проклятье, стонъ
И могучій гимнъ свободы!

II.

Въ лазурномъ зеркалѣ волны
Платаны, мирты, кипарисы,
Кусты азалій, лавры, тисы
И груды скалъ отражены.
Залитый солнцемъ рай земной
Глядитъ въ волну—не наглядится...
И сонъ ему блаженный снится—
Весна и полдень золотой!

Н Шрейтеръ.

Норвежскіе жаворонки ждали дольше всѣхъ, но когда датскіе тронулись въ путь, они изъ чувства солидарности полетѣли вмѣстѣ съ ними. Тогда лихорадка переселенія охватила всѣхъ: даже ласточекъ и кукушекъ потянуло прочь; имъ хотѣлось поскорѣе перелетѣть чрезъ Средиземное море, а тамъ можно будетъ и поразмыслить.

Ибисъ опять вернулъ свое душевное равновѣсіе и торжественно зашагалъ, точно архіепископъ, по берегу; розовые фламинго почтительно сторонились передъ его святѣйшествомъ и съ задумчивымъ видомъ опускали внизъ длинные клювы своихъ глупыхъ головъ.

Вдоль Нила стало еще тише и жарче. Крокодиламъ предстояло довольствоваться мясомъ негровъ или, при случаѣ, зазѣвавшагося путешественника-англичанина.

День и ночь тянулись перелетныя птицы къ сѣверу. Когда онѣ достигали знакомаго мѣста, неизмѣнно какая-нибудь группа пернатыхъ опускалась на землю—провести, по привычкѣ прежнихъ лѣтъ, теплый сезонъ; остальная компанія летѣла дальше, пожелавъ товарищамъ всего хорошаго и распространяя оживленіе и жизнерадостность надъ дряхлой, замерзшей Европой, по лѣсамъ и полямъ, вокругъ людскихъ домовъ, въ тростникахъ и надъ большими, спокойными морями. Въ Италіи уже повсюду виднѣлись маленькіе, алые бутоны; въ южной Франціи яблони были совершенно усыпаны розовато-бѣлыми цвѣтами, а на бульварахъ Парижа листья каштановыхъ деревьевъ уже начинали пробиваться сквозь блестящую сухую оболочку.

Дрезденскіе жители стояли на Брюлевской террасѣ и слѣдили за льдинами, шедшими внизъ по рѣкѣ и громоздившимися передъ могучими сводами моста.

Но дальше къ сѣверу было еще холодно. На поляхъ лежалъ еще снѣгъ, рѣзкій вѣтеръ дулъ съ Сѣвернаго моря. Жаворонковъ оставалось въ компаніи все меньше и меньше по мѣрѣ того, какъ тепло уходило назадъ; множество весеннихъ пташекъ опустилось въ Лейпцигѣ, а затѣмъ на Люнебургской равнинѣ. Когда порѣдѣвшая стая очутилась надъ Шлезвигомъ, датскіе жаворонки предложили сѣвернымъ немного обождать здѣсь.

Въ Ютландіи снѣгъ толстымъ слоемъ лежалъ еще вдоль канавъ и изгородей; сѣверо-западный вѣтеръ шумѣлъ между старыми датскими буками, у которыхъ коричневыя почки предусмотрительно не раскрывали внутреннихъ листиковъ. Птицы притулились за камнями и въ степной травѣ; нѣкоторыя осмѣлились долетѣть до человѣческихъ жилищъ, гдѣ полноправными гражданами хозяйничали воробьи. Всѣ перелетные гости единодушно соглашались, что черезчуръ рано трону-

лись въ путь, и если-бъ они могли только поймать дурака, сманившаго ихъ отъ египетскихъ хлѣбныхъ мѣстъ, они бы навѣрно его заклевали. Наконецъ, подулъ и южный вѣтеръ: норвежскія птички поблагодарили судьбу и полетѣли черезъ море.

Тамъ, въ Норвегіи, сначала все имѣло печальный видъ. Въ долинахъ лежалъ густой снѣгъ, а въ лѣсахъ и подавно. Но южный вѣтеръ нагналъ дождь, и все кругомъ вдругъ перемѣнилось,—не мирно, не постепенно, а съ трескомъ и грохотомъ, со снѣжными лавинами, водопадами, наводненіями, обвалами. Страна стала похожа на проснувшагося великана, который умывается, а ледяная вода сбѣгаетъ внизъ.

Ажурные, свѣтло зеленые уборы дымкой окутали березки на высокихъ мѣстахъ, надъ тихими бухтами фіорда, надъ западными равнинами у моря, надъ болотами и покатостями, далеко-далеко надъ горными трещинами и ущельями. Но на самыхъ вершинахъ остались снѣжныя площадки и глетчеры, какъ будто старыя горы не желали снять шапокъ передъ такой легкомысленной сумасбродкой, какъ весна.

Солнце сыпало теплые, радостные лучи; вѣтеръ несъ тепло съ юга; наконецъ, какъ капельмейстеръ, явилась кукушка, чтобы осмотрѣть, все ли готово. Полетала она туда, сюда, усѣлась на молодую березку, притаившуюся у пригрѣтой солнцемъ бухточки, и закуковала. Пришла весна! Проснулась старая Норвегія.

Раскинулась она, весело врѣзываясь въ голубое море, бѣдная и худощавая, но свѣжая, здоровая и смѣющаяся, какъ чистенько умытое дитя.

Въ гаваняхъ, вдоль побережья, закипѣла жизнь и движеніе; бѣлые паруса исчезали въ открытомъ морѣ. Лыжи подвѣшивались подъ балки; санныя полости, пересыпанныя камфорой, прятались. Подобно медвѣдямъ, вылѣзающимъ изъ берлоги и встряхивающимъ косматую шерсть, люди потягивались, расправляя отяжелѣвшіе члены, поплевывали на руки и готовились къ весеннимъ работамъ.

Внизъ по рѣкамъ начали сплавлять строевой лѣсъ; въ плодородныхъ долинахъ плугъ бороздилъ глубокія полосы. Сѣвернѣе люди заготовляли соленую рыбу, наваливая ее прямо на голыя скалы; къ западу, у моря, по равнинамъ, черезъ поля, возили морской тростникъ. На косогорѣ стоялъ хмурый человѣкъ и исподлобья искалъ глазами буланую кобылу.

Все здѣсь было свѣжо и бодро, между тѣмъ какъ въ Парижѣ, на улицахъ, люди уже изнывали отъ жары. На Брюлевской терассѣ въ Дрезденѣ обыватели распивали майское пиво и спорили о Вагнеровской музыкѣ, спорили го-

рячо, оживленно. Ни о чемъ другомъ не могли они спорить на вольномъ воздухѣ, а безъ спора обойтись, извѣстно, нельзя.

Тѣ, кому было подъ силу путешествіе, начинали изучать Бедекера. И вскорѣ произошло великое переселеніе народовъ; кривоногихъ нѣмцевъ и длиннозубыхъ англичанокъ потянуло въ горы, чтобы набраться свѣжаго воздуха и увезти съ собой частицу его, вмѣстѣ съ безобидными каррикатурами на старую Норвегію.

Но въ то время, какъ пестрая чужеземная толпа тѣснилась въ глубь страны, навстрѣчу ей стремился другой потокъ, направляясь къ берегу.

— Что это за люди?—спросилъ совѣтникъ Шульце изъ Берлина.

Образованный норвежецъ отвѣтилъ ему по-нѣмецки:

— Это эмигранты.

Мужчины и женщины, въ новыхъ шерстяныхъ платьяхъ, заботливо вели дѣтей за руки; меньшихъ несли на рукахъ, на спинѣ; здоровые, краснощекіе ребята съ изумленіемъ глазѣли по сторонамъ.

На всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ, на пароходахъ внутреннихъ озеръ громоздились сундуки, съ отчетливо выведенными адресами и именами по-англійски и по-норвежски. Все носило отпечатокъ долго назрѣвавшаго, хорошо обдуманнаго рѣшенія: плотная, солидная упаковка; новыя, прочныя платья; отсутствіе ненужныхъ, пустяшныхъ вещей въ рукахъ,—несли только дѣтей, бережно, крѣпко; видно, что рѣшили въ цѣлости доставить ихъ въ Новый Свѣтъ.

Но никакой радости, ни даже тѣни надежды нельзя было подмѣтить на лицахъ эмигрантовъ,—только твердая, печальная рѣшимость ясно читалась въ ихъ глазахъ, вмѣстѣ съ тяжелой грустью Не плакали тѣ, которые плакать не умѣютъ.

Совѣтникъ Шульце изъ Берлина очень удивлялся. Что люди выселялись изъ Германіи, было ему вполнѣ понятно: тамъ и воинская повинность, и милитаризмъ, и соціалисты, и Бисмаркъ, и всякія бѣды. Но здѣсь, въ этой прекрасной, мирной странѣ, съ ея извѣстнымъ свободнымъ государственнымъ строемъ,—чего имъ еще недостаетъ?

Да и сама страна какъ будто спрашивала: чего вамъ недостаетъ?

Солнце яркими лучами золотило зеленѣвшіе холмы; рѣка привѣтливо журчала межъ береговъ; изъ лѣса доносился чудный ароматъ молодыхъ еловыхъ иглъ.

А на платформѣ стояли родственники и знакомые отъѣзжающихъ; послѣдніе плакали, оттого что уѣзжали; а которые оставались, плакали, что нѣтъ денегъ, чтобъ уѣхать. Всѣ плакали.

Поѣздъ двинулся внизъ по долинѣ; путешественники высунулись изъ оконъ вагоновъ: имъ казалось, что лучшей страны не сыскать во всемъ мірѣ, что нигдѣ солнце такъ не свѣтитъ, воздухъ такъ не благоухаетъ, кукушка такъ не кукуетъ, какъ на родинѣ, которую они покидаютъ.

Въ вагонахъ раздавались всхлипыванья, рыданія. Въ этотъ мигъ забыто было, почему отъѣзжающіе очутились здѣсь. Во всѣхъ взорахъ читался растерянный вопросъ: чего имъ на родинѣ недоставало? Чего же, и на самомъ дѣлѣ, имъ недоставало?

Между тѣмъ весна шла своимъ чередомъ, съ пѣснями и звономъ, съ ликованьемъ и любовными интригами, начиная съ маленькихъ жучковъ, гонявшихся другъ за другомъ въ травѣ, и кончая медвѣдями въ лѣсу, устраивавшими формальныя драки и кровавыя расправы.

Сильный торжествовалъ, какъ и всегда; слабый оказызывался виновнымъ и побѣжденнымъ. О пищѣ мало заботились: влюбленнымъ есть о чемъ другомъ подумать. Борьба за существованіе принимаетъ совершенно иной видъ лѣтомъ и осенью, когда приходится снабжать пищею женъ и дѣтей.

Весна придавала оттѣнокъ рыцарства даже грубому, прожорливому звѣрью: мужчины старались любезничать, а прекрасный полъ спѣшилъ насладиться своимъ короткимъ торжествомъ и дорого продавалъ свои милости.

Вдоль берега море изгибалось между шхерами, ласкаясь, какъ кошечка.

Гдѣ въ зимнія бури брызгала и кипѣла грозная пѣна, тамъ теперь нѣжно скользили зеленыя волны; голубое, залитое солнцемъ море, такимъ нѣжнымъ тепломъ охватывало старую, суровую землю, какъ будто никогда не состояло съ нею въ непріязненныхъ отношеніяхъ.

На голыхъ отмеляхъ и камняхъ, вдоль и внутри фіордовъ, росъ морской тростникъ, красивый, золотистый и свѣтлозеленый, гладкій, какъ шелковый великолѣпный коверъ; а внизу ползали, извивались и кишѣли клешни, щупальцы, креветки, мягкіе плавники, ползучія, коварныя лапы, прочные домики и раковины на спинахъ хозяевъ,—цѣлый фантастическій міръ оружія и латъ.

На гладкой скалѣ, которая вкось спускалась на голубовато-бѣломъ фонѣ песка, среди многочисленныхъ кустовъ морского ситника и травы, сидѣли медузы, колючіе морскіе ежи и великолѣпныя розовыя морскія звѣзды.

Солнечные лучи освѣщали голубымъ и таинственнымъ свѣтомъ диковинную жизнь въ глубинѣ и свѣтлыя песчаныя отмели, которыя тянулись, пока не пропадали изъ глазъ,

вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ, въ глубокой, безпредѣльной синевѣ.

XIII.

1 іюля министерскій курьеръ, Андерсъ Мо, обвѣнчался въ церкви св. Троицы съ дѣвицей Христиной Фатнемо.

Кромѣ приглашенныхъ, въ церкви было еще много народу; самъ министръ Беннехенъ участвовалъ въ свадебномъ поѣздѣ; помимо всего этого, парочка была и въ самомъ дѣлѣ любопытная: старикъ и молодая дѣвушка.

Впрочемъ, говоря по правдѣ, неравенство это не слишкомъ бросалось въ глаза; за исключеніемъ сѣдыхъ волосъ, дядя Андерсъ могъ назваться виднымъ женихомъ, съ высокимъ, тугимъ галстухомъ, чернымъ сюртукомъ и золотой цѣпочкой — подаркомъ министра. А Христина была такъ крупна и неуклюжа, что ея молодость какъ бы скрадывалась; къ тому же она была серьезна и блѣдна.

Семейство министра Беннехена переѣхало на дачу, а его супруга простерла свою любезность до того, что предоставила столовую и прилегающую къ ней комнату для свадебнаго пира.

Когда свадебный поѣздъ вернулся изъ церкви, — внизу, въ швейцарской роспили по стаканчику вина,—при чемъ министръ, въ краткой рѣчи, пожелалъ молодымъ всякаго благополучія. Но затѣмъ онъ удалился къ себѣ, а остальное общество отправилось наверхъ, гдѣ былъ накрытъ парадный столъ.

Молодые усѣлись въ комнатѣ рядомъ со столовой, гдѣ и принимали поздравленія гостей, которые все прибывали и прибывали.

Редакторъ Мортенсенъ, который, по уходѣ министра, сдѣлался самымъ знатнымъ гостемъ, непринужденно расхаживалъ по гостиной, громко болталъ и острилъ. Остальные же, молча и торжественно, сидѣли вдоль стѣнъ, поджавъ ноги подъ стулья.

Христина смотрѣла и дивилась, сколько у ея мужа знакомыхъ; на нее производило впечатлѣніе такое сборище нарядныхъ, городскихъ гостей. Наконецъ, всѣ стулья были заняты разряженными дамами; двѣ молодыя дѣвушки усѣлись даже рядомъ на низенькій каминъ. Мужчины, отвѣсивъ новобрачнымъ торжественный поклонъ, столпились въ коридорѣ. Было тихо, какъ на похоронахъ и, кромѣ отдаленнаго шума на кухнѣ, да остротъ редактора, ничего не было слышно.

На свадьбѣ присутствовали: два министерскихъ курьера

съ своими женами и дочерьми; полицейскій сержантъ Андерсенъ и городовой Кнудсенъ; послѣдній, впрочемъ, былъ приглашенъ на пробу и состоялъ подъ надзоромъ Андерсена. Тутъ же находился фельдфебель Кноффъ, въ мундирѣ и перчаткахъ; трубочистъ Лунде съ женой (сестрой полицейскаго сержанта Андерсена), курьеръ высшей апелляціонной инстанціи Паальсенъ, извѣстный своими общественными талантами и фрау Грюнеръ, готовившая для короля, когда онъ бывалъ въ Христіаніи.

Въ числѣ гостей замѣчались также вахтеръ изъ гавани, два сержанта и желѣзнодорожные служащіе съ законными половинами.

Кухарка ежеминутно показывалась въ дверяхъ корридора и дѣлала жениху знаки; онъ же качалъ головой и посматривалъ на часы.

Но вотъ между мужчинами въ дверяхъ произошло движеніе, и вошли двѣ дамы. Одна была высокая, красивая дѣвушка съ бѣлокурыми волосами и большими, блестящими глазами. На ней было свѣтлое шелковое платье, филиграновыя серьги, а на шеѣ серебряная цѣпочка съ большимъ медальономъ. Другая была ужасно тучная дама, лѣтъ сорока, съ черными прямыми волосами и двумя брилліантиками въ ушахъ. Въ волосахъ ея красовалась съ одной стороны пунцовая роза, съ другой—колибри на клѣтчатой лентѣ. Полный бюстъ ея затянутъ былъ въ красный, бархатный корсажъ, съ вырѣзомъ на груди, скрѣпленнымъ золотой брошью-подковой; черная шелковая юбка съ затканными букетами розъ дополняла ея туалетъ.

Редакторъ Мортенсенъ испустилъ крикъ изумленія, когда онѣ проходили по комнатѣ, а старшая изъ дамъ махнула въ его сторону вѣеромъ.

— Милая Христина,—сказалъ женихъ, съ присущимъ ему достоинствомъ:—я долженъ познакомить тебя съ фрейлейнъ Эвелиной Нильсенъ, которая сдѣлала намъ честь...

— Ахъ, что вы, господинъ Мо! Честь и удовольствіе всѣ на моей сторонѣ!—возразила молодая дѣвушка и привѣтливо улыбнулась, обнаруживъ красивые, бѣлые зубы.

Христина сразу почувствовала къ ней симпатію, только пожалѣла, что она черезчуръ нарядна.

Затѣмъ женихъ представилъ:

— Моя давнишняя пріятельница, фрау Глунке.

Полная дама подошла къ Христинѣ и запечатлѣла мягкій, влажный поцѣлуй на ея губахъ, цѣлымъ потокомъ словъ удостовѣряя, что Христина самая миленькая изъ всѣхъ невѣстъ, которыхъ она когда-либо видѣла,—безъ преувеличенія самая миленькая!

Пришло время садиться за столъ.

Редакторъ Мортенсенъ подошелъ, со шляпой въ рукѣ, къ фрейленъ Нильсенъ.

— Нашъ хозяинъ предоставилъ мнѣ исключительную честь, сударыня, вести васъ къ столу...—и онъ изящно предложилъ ей руку и послѣдовалъ за новобрачными.

Затѣмъ шли фельдфебель Кноффъ съ фрау Глунке; потомъ трубочистъ Лунде съ фрау Паальсенъ, полицейскій сержантъ Андерсенъ съ фрау Грюнеръ; курьеръ высшей апелляціонной инстанціи Паальсенъ съ фрау Лунде; а тамъ и остальное общество попарно, согласно росписанію на карточкахъ, розданныхъ кучеромъ министра въ корридорахъ.

Свадебный столъ имѣлъ форму подковы. Въ серединѣ сидѣли новобрачные, налѣво Кноффъ съ фрау Глунке, направо редакторъ съ фрейлейнъ Эвелиной. Внутри подковы, на серединѣ сидѣли Лунде и Паальсенъ со своими дамами; остальные приглашенные помѣстились на крыльяхъ.

Полицейскій сержантъ Андерсенъ проявлялъ крайнюю дѣятельность и безъ устали мѣнялъ порядокъ сидѣвшихъ за столомъ, пока ему не удалось помѣстить противъ себя Клаудсена.

— Я долженъ вамъ сказать, фрау Грюнеръ, — шепнулъ онъ:—что его пригласили для пробы. Я долженъ не спускать съ него глазъ.

Но госпожа Грюнеръ не слушала его, она была недовольна какъ своимъ мѣстомъ, такъ и сосѣдомъ; она разсчитывала, что къ столу ее поведетъ фельдфебель, а посадятъ ее рядомъ съ новобрачными. Вотъ почему, отвѣдавъ супу, она отложила ложку и презрительно пробормотала: „сладкая бурда!“ Сначала всѣ ѣли въ молчаніи, тишина прерывалась звономъ ложекъ, которыми дѣйствовали на славу, да иногда сказаннымъ вполголоса словечкомъ редактора или его дамы.

— Я попросилъ бы васъ, господа, наполнить свои стаканы!—произнесъ новобрачный тономъ министра Беннехена:— моя жена и я привѣтствуемъ васъ, господа, за нашимъ столомъ!

Первый стаканъ краснаго вина былъ выпитъ съ большою торжественностью: всѣ подходили съ поздравленіями къ молодымъ.

Христина обвела глазами столъ и почувстоовала себя просто подавленной всѣмъ этимъ великолѣпіемъ. Благодаря заботамъ Гильды Беннехенъ (безъ вѣдома матери), столъ былъ украшенъ цвѣтами, хрусталемъ и серебромъ, которые не увезены были на дачу.

По понятіямъ Христины, убранство было до невѣроятія

роскошно. Хорошо, если бы ея домашніе могли видѣть ее центромъ всего этого великолѣпія!..

Между тѣмъ, полицейскій сержантъ Андерсенъ не спускалъ глазъ съ Кнудсена, и, какъ только тотъ собирался прикоснуться къ бутылкѣ или стакану, онъ шепотомъ предостерегалъ его:

— Гм... Кнудсенъ!..

— Здѣсь, господинъ сержантъ! — отзывался Кнудсенъ и вытягивался по военному.

Фрау Кноффъ, полная дама съ желтой, грубой кожей на лицѣ, сидѣла рядомъ съ желѣзнодорожнымъ служащимъ такъ неудобно, что не могла наблюдать за своимъ мужемъ, фельдфебелемъ. Редакторъ Мортенсенъ, не стѣсняясь, подтрунивалъ надъ нею во всеуслышаніе:

— У фрау Кноффъ такой цвѣтъ лица, точно у нея воспаленіе селезенки!

За первымъ блюдомъ продолжало царить молчаніе; тогда Мортенсенъ за спиной Христины шепнулъ новобрачному:

— Теперь вы должны провозгласить первый тостъ, Мо!

— Мнѣ кажется, это не годится до жаркого...

— Что вы, теперь принято начинать тосты и спичи съ супа!

Редакторъ громко зазвонилъ въ свой стаканъ; новобрачный всталъ и заговорилъ:

— Господа! Въ этотъ многознаменательный для меня часъ я ощущаю потребность высказать здѣсь, за столомъ, гдѣ собралось столько любимыхъ мною людей, что я скорблю объ отсутствіи того, кого я больше чѣмъ когда либо желалъ бы видѣть у себя. Я подразумѣваю отца моей жены, мызника Нильса Фатнемо!

Христина вынула носовой платокъ.

— Тебѣ хорошо извѣстно, милая Христина, какъ искренно привязанъ я къ единственному брату и какъ высоко цѣню я сокровище, которое онъ мнѣ довѣрилъ!

Тутъ госпожу Глунке одолѣлъ отчаянный приступъ кашля. Ораторъ метнулъ на нее молніеносный взглядъ и продолжалъ:

— А потому, господа, выпьемъ за здоровье отца моей жены, хотя его и нѣтъ среди насъ, и пожелаемъ, чтобы Господь подкрѣпилъ его въ разлукѣ съ любимой дочерью! Христина, за здоровье твоего отца!

Садясь, молодой внушительно шепнулъ нѣсколько словъ госпожѣ Глунке.

— Видитъ Богъ, я не въ силахъ была удержаться!—также шепотомъ отвѣтила она:—ты былъ прямо-таки неподражаемъ!

Минуту спустя поднялся подрядчикъ-трубочистъ Лунде.

То былъ крупный, сухопарый мужчина, съ острымъ носомъ и сѣдыми волосами. Онъ давнымъ-давно предоставилъ заниматься ремесломъ своимъ наемникамъ, сохраняя званіе главнаго трубочиста въ аристократическихъ кварталахъ города. У него были деньги, и одна изъ его дочерей вышла замужъ за телеграфиста.

— Какъ старшина цеха,—началъ онъ:—я позволяю себѣ провозгласить здоровье новобрачныхъ. Мы еще со школьной скамьи усвоили себѣ изреченіе Спасителя: „не подобаетъ человѣку едину быти“.

Тишина за столомъ сдѣлалась угнетающей. Горничныя, собиравшіяся было разставить тарелки для жаркого, должны были остановиться и ждать, а ораторъ, не унывая, началъ распространяться о бракѣ, начиная съ Адама и Евы, Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки. Затѣмъ онъ чуть затронулъ исторію Іакова и его двухъ женъ, оставилъ въ покоѣ Давида и Соломона и отважно коснулся новыхъ временъ и современной жизни, заключивъ рѣчь мольбою къ небесамъ о ниспосланіи благословенія молодымъ.

Большинство дамъ прослезилось, въ особенности сама новобрачная. Фрейлейнъ Эвелина дружески кивнула ей головой. Торжественная рѣчь библейскаго тона, великолѣпный пиръ такъ подѣйствовали на нее, что она на мгновенье повѣрила, будто и ее ждетъ въ будущемъ счастье.

Однако это не помѣшало ей шепнуть Мортенсену:

— А всетаки гнусно поступили съ бѣдной дѣвушкой!

Послѣ рѣчи трубочиста Лунде наступила длинная пауза; горничныя разставляли тарелки.

Госпожа Кноффъ, увѣрявшая все время, что ея мужъ „ухаживаетъ за противной Маллой Бимбамъ“, имѣла несчастье уронить тарелку, когда смѣлымъ и внезапнымъ поворотомъ думала захватить фельдфебеля врасплохъ. Отъ возникшаго шума Кнудсенъ перепугался и вскочилъ, а полицейскій сержантъ съ порицаніемъ крикнулъ ему: „смирно“!

Но фрау Глунке расхохоталась вслухъ и толкнула своего сосѣда. Ея смѣхъ послужилъ сигналомъ веселью за столомъ. Мортенсенъ пустилъ въ ходъ графины съ дессертными винами, и всѣ усердно приналегли на нихъ.

Тогда всталъ и редакторъ.

— Господа! — сказалъ онъ, обводя собраніе взоромъ:—у меня невольно является мысль: что собственно служитъ приманкой и, такъ сказать, звеномъ нашего сборища?

Онъ говорилъ повышеннымъ, полнымъ превосходства тономъ, закругленными литературными фразами; закидалъ всѣхъ иностранными словами и латинскими изреченіями, разъясняя, что присутствующіе составляютъ часть громадной государ-

ственной машины, звенья въ цѣпи человѣчества, дѣятелей, на которыхъ нація смотритъ съ довѣріемъ и почтеніемъ. Подъ конецъ рѣчь его приняла высшій полетъ: онъ выяснилъ важное значеніе чиновничества для страны и, постепенно поднимаясь все выше и выше, добрался, наконецъ, до „вѣнца системы“, закончивъ торжественнымъ восклицаніемъ:

— Господа, за здоровье короля! Да здравствуетъ король!

Тостъ былъ принятъ восторженно.

Фрейлейнъ Эвелина искоса поглядыла на редактора, не понимая хорошенько, въ серьезъ ли онъ все это продѣлываетъ или балагуритъ.

Дошелъ чередъ и до курьера высшей апелляціонной инстанціи, Паальсена, который предложилъ выпить за здоровье министра Беннехена.

Вслѣдъ затѣмъ новобрачный провозгласилъ тостъ за родину.

Одинъ изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ поднялъ бокалъ за братство, а вахтеръ изъ гавани—за дамъ.

Вдругъ фельдфебель крикнулъ своимъ командирскимъ голосомъ:

— Слушай команду! Никто не говоритъ связно и по порядку!.. Прежде надо съѣсть жаркое... Нѣтъ возможности съ толкомъ съѣсть кусочекъ, когда кругомъ болтаютъ!

Эти слова окончательно привели всѣхъ въ веселое настроеніе; отовсюду послышался оживленный смѣхъ. Христина тоже смѣялась, хотя не безъ тревоги косилась на фрау Глунке, которая, откинувшись назадъ, хохотала до того неумѣренно, что слезы катились по ея пухлому носу. Фрау Грюнеръ, до сихъ поръ только ковырявшая подаваемыя кушанья, теперь серьезно занялась кускомъ жаренаго, такъ какъ убѣдилась, что никто не обращаетъ вниманія на ея демонстраціи. Всетаки она продолжала дуться, а сосѣдъ ея всецѣло посвятилъ себя надзору за Кнудсеномъ.

— Берегись! — покрикивалъ онъ на него, постепенно повышая голосъ, по мѣрѣ того, какъ обѣдъ подвигался впередъ.

За дессертомъ царило всеобщее веселье, и шумъ возросталъ ежеминутно, выражая повышенную температуру желудковъ, вызванную ѣдой и питьемъ.

Курьеръ Паальсенъ, извѣстный шутникъ, уступая общему желанію, принялся выказывать свои общественные таланты: пѣлъ пѣтухомъ, хлопалъ себя по щекамъ, издавая бульканье, словно изъ бутылки, шевелилъ ушами и потѣшалъ гостей многимъ въ томъ же родѣ. Христинѣ показалось, что это не совсѣмъ прилично. По ея понятіямъ, за свадебнымъ столомъ не должно быть такой распущенности.

Желая поблагодарить Паальсена, хозяинъ въ шутку назвалъ его „оберъ-прокуроромъ".

Редакторъ тотчасъ же подхватилъ остроту и громко воскликнулъ:

— Генералъ Кноффъ, разрѣшите мнѣ...

Общество сначала остолбенѣло, но затѣмъ всѣ смекнули и подхватили шутку: трубочистъ превратился въ оберъ-инспектора, хозяина произвели въ министры.

Христина рада была, что ее оставили въ покоѣ. Въ придачу, она рѣшительно но могла понять, почему общество чуть не лопнуло со смѣху, когда Паальсенъ обратился къ Эвелинѣ Нильсенъ со словами:

— Фрау министрша, могу я разсчитывать на честь выпить съ вами стаканъ вина?

— Благодарю васъ, господинъ прокуроръ!—отвѣчала, краснѣя, Эвелина, но тутъ же расхохоталась и шепнула что-то на ухо Мортенсену.

Оберъ-инспекторъ Лунде непремѣнно хотѣлъ подобрать титулъ для госпожи Глунке; но она закричала и заткнула себѣ уши.

Генералъ Кноффъ пожелалъ выпить съ оберъ-полиціймейстеромъ, Андерсеномъ, который добросовѣстно не спускалъ съ Кнудсена стеклянныхъ глазъ. Видя, что отъ начальника полиціи вниманія не добьешься, игривый генералъ схватилъ кусокъ апельсина и съ военной энергіей запустилъ его черезъ столъ. По несчастью, кусокъ попалъ щепетильной фрау Грюнеръ прямо въ лицо.

— Кислятина къ кислятинѣ!—сострилъ прокуроръ Паальсенъ.

Но фрау Грюнеръ не на шутку разобидѣлась и хотѣла уйти; она и ушла бы по всей вѣроятности, если-бъ оберъ-полиціймейстеръ и директоръ желѣзныхъ дорогъ не удержали ее.

Однако непріятная сцена была вскорѣ позабыта; фрейлейнъ Эвелинѣ пришла въ голову удачная выдумка: она взяла кусочекъ красной бумажки отъ хлопушки съ конфектами и воткнула его редактору въ петлицу.

Теперь все, что было на столѣ свѣтлаго или пестраго, превратилось въ украшенія для кавалеровъ; все общество оказалось съ блестящими отличіями.

Мортенсенъ предложилъ закурить сигары за столомъ и продолжать пить,—„какъ дѣлается въ Парижѣ". Предложеніе было принято. Шумъ до того усилился, что каждый еле могъ разслышать самого себя. Громкіе титулы кружились въ дикомъ вихрѣ, перекрещиваясь черезъ столъ; безпрерывно слышалось: „Генералъ! Г. директоръ желѣзныхъ дорогъ! Г. смотритель гавани! Г. министръ! Г. оберъ-прокуроръ!" и т. д.

Въ промежуткахъ раздавался ревъ оберъ-полиціймейстера: „берегись, Кнудсенъ“.

Христина чувствовала себя ужасно неловко; ей было стыдно за гостей. Скатерть залита красными и коричневыми пятнами; на ней валяются цвѣты и огуречный салатъ, стебельки отъ изюма, сигарный пепелъ, смятыя салфетки, куски пирога; все это въ перемежку съ бутылками и стаканами; лица—красныя, какъ піоны; дамы хохочутъ во все горло; кавалеры, навалившись на столъ, окликаютъ другъ друга; дымъ сигаръ смѣшался съ тяжелымъ запахомъ ѣды, вина и кофе. Нѣсколько разъ Христина вопросительно поглядывала на мужа, но онъ посмѣивался и что то ей нашептывалъ, чего она не разбирала: онъ опять говорилъ такъ невнятно.

Когда, наконецъ, общество встало изъ-за стола, комната рядомъ оказалась черезчуръ тѣсной; тогда фрау Глунке, безъ дальнѣйшихъ церемоній, прошла черезъ прихожую и кухню и открыла двери въ остальную квартиру.

Тамъ не было половины мебели; зеркала и канделябры закутаны были въ чехлы, а окна замазаны мѣломъ. Но прохладный полумракъ показался всѣмъ пріятнымъ и уютнымъ; общество разбрелось по комнатамъ. Рояль открыли; младшая дѣвица Лунде предложила спѣть: „Какъ вдоль берега я шла“.

Она училась по новѣйшей методѣ, по словамъ ея мамаши,—и тянула до безконечности слова пѣсни: „а о-о-онъ нари-и-со-о-валъ и бе-е-регъ и-и-ме-е-ня!“

У рояля тоже произошла сценка: фрау Глунке, во что бы то ни стало, хотѣла спѣть о дѣвушкахъ, сажавшихъ капусту, а фрейлейнъ Лунде съ негодованіемъ отказалась аккомпанировать *такимъ* пѣснямъ.

Къ счастью, все обошлось мирно, такъ какъ оберъ-прокуроръ Паальсенъ ухватилъ Маллу Бимбамъ за талію и пустился отплясывать польку.

Состоялся балъ, — разнузданный балъ, затянувшійся за полночь, въ большой полутемной комнатѣ.

У двери сидѣла фрау Грюнеръ и слушала фрау Кноффъ, которая плакалась на своего мужа. Обѣ были такого мнѣнія, что свадьба дрянная, и что Маллѣ Бимбамъ не слѣдовало бы показываться въ обществѣ.

Христина ходила по комнатамъ, чувствуя себя одинокой и покинутой. Когда же, въ концѣ вечера, она увидала въ темномъ уголкѣ, что фрау Глунке чуть не повисла на шеѣ Андерса Мо, — на душѣ у нея стало такъ тяжело, что она ушла внизъ и заперлась у себя въ комнатѣ.

Сѣрый дневной свѣтъ уже забѣлѣлъ сквозь замазанныя стекла, когда послѣдніе гости разъѣхались. Редакторъ Мортенсенъ, еще за два часа до того, проводилъ домой фрей-

лейнъ Нильсенъ. Оберъ-полицiймейстеръ Андерсенъ стоялъ, прислонясь къ периламъ лѣстницы, и безпомощно бормоталъ: „Кнудсенъ"! Онъ совсѣмъ раскисъ и не могъ идти одинъ.

Новобрачный шумно спустился къ себѣ и, найдя двери запертыми, принялся стучать и звать.

Христина потушила свѣчу и отперла ему.

XIV.

Министръ Беннехенъ провелъ лѣто въ швейцарскомъ домикѣ на островѣ Ладегаардѣ, совсѣмъ внизу, у берега. Домикъ стоялъ на землѣ Фалькъ-Ольсеновъ, громадная вилла которыхъ находилась только шаговъ на сто повыше, на вершинѣ холма.

При такомъ близкомъ сосѣдствѣ, обѣ семьи жили, можно сказать, однимъ домомъ, и такъ какъ помѣщенiе министра было очень тѣсно, оба семейства охотно собирались наверху, въ красивомъ, обширномъ зданiи. Фрау Беннехенъ, умѣвшая быть экономной, зорко слѣдила за выгодами, которыя могла извлечь при такомъ порядкѣ вещей. Фрау Фалькъ-Ольсенъ, со своей стороны, была очарована жизнью, которую вносила съ собой семья министра.

Такъ, изъ году въ годъ, жили обѣ семьи въ полномъ согласiи; но въ это лѣто дѣло у нихъ какъ-то не клеилось.

Все произошло изъ-за этого несноснаго банка.

Общее собранiе было назначено на 20 августа. Старый министръ Фальбе, дѣйствительно, отказался отъ баллотировки, а Фалькъ-Ольсенъ вообразилъ, что голосъ Беннехена будетъ на его сторонѣ. Беннехенъ же съ необычайнымъ упорствомъ настаивалъ, что только при извѣстныхъ условiяхъ онъ подастъ свой голосъ за Фалькъ-Ольсена.

Цѣлое лѣто это висѣло въ воздухѣ и отравляло всѣмъ удовольствiе.

Женскiй персоналъ обсуждалъ этотъ вопросъ отрывистыми, нервными фразами. Фрау Фалькъ-Ольсенъ находила, что министръ могъ бы уступить ея Оле-Iоганну; а фрау Беннехенъ полагала, что именно только при извѣстныхъ условiяхъ мужъ ея можетъ подать свой голосъ за Фалькъ-Ольсена, и что послѣднiй сдѣлаетъ очень умно, послѣдовавъ совѣту такого человѣка, какъ Данiель.

Въ день, когда должна была рѣшиться судьба новаго директора банка, послѣ завтрака, обѣ жены сидѣли по домамъ и поджидали прибытiя маленькаго парохода, на которомъ обыкновенно ихъ мужья прiѣзжали домой къ обѣду.

Фрау Беннехенъ была въ дурномъ расположеніи духа: все ея краснорѣчіе оказалось недѣйствительнымъ и не привело ни къ чему. Министръ отвѣчалъ самымъ изысканнымъ тономъ:

— Не могу, Аделаида! Не могу.

А ужъ когда онъ (что случалось рѣдко) говорилъ такимъ тономъ, она знала, что воля его непреклонна. И вотъ она сидѣла въ своемъ маленькомъ, неуютномъ помѣщеніи, гдѣ проводить цѣлые дни не представляло никакого удовольствія; изъ кухни доносился чадъ, а на дворѣ шелъ дождь.

А фрау Фалькъ-Ольсенъ, не смотря на дождь, спустилась на пристань навстрѣчу мужу. Оба пріятеля пріѣхали вмѣстѣ и вышли на берегъ, и здѣсь негоціантъ разразился. На пароходѣ нельзя было говорить при постороннихъ людяхъ.

— Никогда бы не повѣрилъ, ей-ей! — ѣдко воскликнулъ онъ:—пораженъ, изумленъ, въ себя придти не могу отъ вашей смѣлости, Беннехенъ!

— Очень сожалѣю, господинъ Фалькъ-Осенъ! Но я васъ предупреждалъ. Иначе поступить я не могъ... Высшія соображенія...

— Соображенія? Мнѣ думается, что главнымъ образомъ, вы должны бы принимать меня въ соображеніе! Прежде всего меня...

— Потише, потише, Оле-Іоганнъ! Успокойся, не горячись!— говорила ему жена, уже встрѣтившаяся съ ними.

— Чего ты-то суешься не въ свое дѣло, старуха? Пойми, что онъ — оптовый торговецъ—окуркомъ сигары ткнулъ въ сторону министра: подалъ свой голосъ за консула Линда, хотя отлично знаетъ, что разъ я чего захочу, то... Ну, да все равно! Скоро придется ему горько раскаяться! За это я ручаюсь!

— Выслушайте меня, господинъ негоціантъ!.. Одну минутку, Фалькъ-Ольсенъ...—началъ было министръ (онъ сильно поблѣднѣлъ, и углы губъ его дрожали, хотя онъ и старался улыбаться).—Вамъ никогда не приходило въ голову, что вамъ слѣдовало-бы... что у васъ тутъ чего-то недостаетъ...—и министръ осторожно дотронулся до его лѣваго борта.

— Ахъ, перестаньте! Плевать я хочу на ваши остроумныя рѣчи: чего тамъ еще недостаетъ? Все у меня есть,—и сердце, и разсудокъ! Это вы скоро узнаете!—и съ этими словами Фалькъ-Ольсенъ почти бѣгомъ пустился къ своему дому.

Но фрау Фалькъ-Ольсенъ, все время наблюдавшая за мужчинами, обмѣнялась съ министромъ быстрымъ взглядомъ. Онъ кивнулъ головой.

— Можно на это разсчитывать?—спросила она.

— Разумѣется! Это дѣло рѣшенное!.. Немного погодя... и, конечно, если онъ будетъ разумно вести себя!..

Фрау Фалькъ-Ольсенъ въ свою очередь кивнула головой.

— Объ этомъ я ужъ позабочусь.

— Ахъ, прошу васъ, пожалуйста! Дорогая фрау Фалькъ-Ольсенъ!.. --горячо воскликнулъ министръ, порываясь схватить ее за руку; но она закутана была въ плащъ и только глазами отвѣтила на его просьбу.

Когда она вернулась домой, Фалькъ-Ольсенъ, не снявъ даже шляпы, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и писалъ. Перо такъ и скрипѣло по бумагѣ.

— Ты пишешь, Оле-Іоганнъ?—равнодушно спросила она.

— Да. Отдаю приказъ, чтобы въ моей конторѣ сегодня же, послѣ полудня, закрыли текущій счетъ министра. Сейчасъ же!.. Не теряя ни минуты!..

— Понимаю! Весьма естественно, что ты и не интересуешься его предложеніемъ!

— Предложеніемъ? Какимъ еще предложеніемъ?..

— Ты вѣдь всегда презиралъ эти ребяческія балаболки!—спокойно продолжала жена, методически снимая плащъ.

— Да что такое ты болтаешь? Объяснись толкомъ, наконецъ.

— Да ты и на самомъ дѣлѣ не понялъ? — изумленно спросила она.

— Чего не понялъ? Да перестань кудахтать, какъ курица! — вскричалъ Фалькъ-Ольсенъ и раздражительно отвернулся.

— Нѣтъ, ты скажи серьезно, Оле-Іоганнъ, неужели ты дѣйствительно не понялъ, на что намекалъ министръ? Или ты не обратилъ вниманія на то, что онъ дотронулся до твоего лѣваго борта?

— Что за чушь ты порешь! Онъ хотѣлъ сказать, что у меня не достаетъ... ну, разсудительности, что-ли! Что я обязанъ быть пробкой... затычкой... какъ онъ самъ, — и за все благодарить... Но я... — Фалькъ-Ольсенъ умолкъ и уставился глазами на жену; она же весело расхохоталась и воскликнула:

— Ахъ, ты—мудрецъ Оле-Іоганнъ! Пропалъ бы ты безъ меня! Гляди: что это такое? Петлица? Что носятъ въ петлицѣ выдающіеся люди? Чего у тебя здѣсь не достаетъ? Ну-ка!..

Фалькъ-Ольсенъ, шатаясь, отступилъ назадъ и, взглянувъ въ зеркало, поочередно переводилъ глаза съ петлицы на свое изображеніе.

— Серьезно, ты думаешь, что онъ намекалъ на это?

— Несомнѣнно! Но вѣдь для этого ты долженъ образовать извѣстную партію, а ты не желаешь!..

— Не слишкомъ отвѣчай за мои желанія! — живо перебилъ ее мужъ и сдѣлалъ пируэтъ на каблукахъ:—услуга за услугу... Если онъ требуетъ только этого...

— Но, милый другъ, вѣдь ты могъ получить и мѣсто директора, если-бъ захотѣлъ тогда уступить...

— Ахъ, что такое дурацкое директорство! Ради него я бы ничѣмъ не поступился! Ровно ничѣмъ. Но *это*... *Это* совсѣмъ иное дѣло! Это нѣчто посолиднѣе! Но какимъ образомъ достичь этого?

— Вотъ третьяго дня ты подымалъ на смѣхъ „желтый корпусъ“... Я замѣтила, что министру это ужасно не понравилось..

— Браво, Лена! Попрошу его записать меня въ „желтый корпусъ“... Ахъ, Лена, правъ былъ Соломонъ, когда сказалъ: „Кто застанетъ хорошую жену“... или что-то въ этомъ родѣ..

— Ну, я не очень-то рада буду, если ты начнешь видѣть въ Соломонѣ образецъ супруга! — пошутила фрау Фалькъ-Ольсенъ, добродушно позволяя мужу обнять себя.

Когда Гильда Беннехенъ, пріѣхавшая съ тѣмъ же пароходомъ, вошла въ залъ, горничная уже накрывала на столъ: отдѣльной столовой на дачѣ не было.

— Ага, вотъ и ты! Разумѣется, промокла насквозь! Богу одному извѣстно, что тебѣ дѣлать въ городѣ, въ такую погоду! Но ужъ ты всегда отличаешься! — вздохнула фрау Беннехенъ.

— Но, мама, сегодня утромъ стояла такая ясная погода...

— Вздоръ! Просто ты неудачница, въ этомъ все твое несчастье. Всегда и во всемъ. Поэтому ты только и дѣлаешь, что глупости и несообразности. Альфредъ развѣ не съ тобой?

— Нѣтъ, онъ велѣлъ кланяться и сказать, что обѣдаетъ въ ресторанѣ, кажется, съ зятемъ Хіорта.

— Ахъ, этотъ ужасный Хіортъ! — снова вздохнула мать, посмотрѣвъ въ окно по направленію удалявшагося парохода.

Гильда привыкла къ подобнымъ сценамъ. Она повѣсила свой плащъ въ прихожей и, вернувшись въ залъ, сказала:

— Бѣдняжка Христина совсѣмъ расхворалась! Не пригласить ли къ ней доктора Роде?

Мать вспыхнула и вскочила со стула.

— Слушай, Гильда, ты мнѣ надоѣла съ этой бабой! Разъ навсегда запрещаю тебѣ произносить ея имя, поняла?

Мы больше, чѣмъ слѣдовало, сдѣлали для нея. Припомни, въ какой видъ приведена была наша квартира послѣ свадьбы. А теперь довольно. Не смѣй больше къ ней заглядывать. Куда ты ни сунешься, вездѣ выходятъ только непріятности и безпокойство.

Вошелъ министръ и, понявъ, что происходитъ, спасся въ спальню и умывался тамъ вплоть до обѣда.

Когда сѣли за столъ, онъ ласково обратился къ дочери (зналъ, что ей досталось на орѣхи).

— Долго гуляла ты съ камергеромъ, когда я тебя встрѣтилъ?

— Какъ? Съ камергеромъ? — подхватила фрау Беннехенъ:—все пристаешь къ нему? Право, ты смѣшна, гоняясь за нимъ, Гильда! А что еще хуже, ты дѣлаешь смѣшнымъ и его.

— Ну, что ты, Аделаида!..—осторожно ввернулъ министръ.

— Ты самъ долженъ понять, Даніель, что для красиваго, избалованнаго кавалера, какъ Дельфинъ, по меньшей мѣрѣ стѣснительно, чтобы его постоянно встрѣчали съ такой неизящной (выражаясь снисходительно) дамой, какъ наша Гильда. Это ясно, какъ день!

Гильда не выдержала, вскочила изъ-за стола, бросилась къ себѣ наверхъ и, уткнувшись въ подушку, дала волю слезамъ. Чего еще ждать? Значитъ, она такой уродъ, что человѣкъ дѣлается смѣшнымъ, показываясь съ нею. Неужели и Дельфинъ только смѣялся надъ ней? А она повѣрила ему!

Фрау Беннехенъ тоже заплакала.

— А все ты виноватъ, Даніель! Если бы ты не поссорилъ насъ съ Фалькъ-Ольсенами, все шло бы хорошо, а теперь...

— Успокойся! Ради Бога успокойся, милая Аделаида! Часъ примиренія близокъ...

— Ахъ, не надоѣдай мнѣ съ твоими вѣчными: „успокойся, Аделаида“! — капризно возразила она, снимая крышку съ миски, въ которой подано было рагу изъ телятины.

Но въ этотъ моментъ на балконѣ послышались шаги. Она поспѣшно прикрыла миску, какъ на порогѣ показался Фалькъ-Ольсенъ.

— Въ самый разъ!—вскричалъ онъ, весь сіяя: — господа не начали еще кушать! Я пришелъ, сударыня, пригласить васъ отъ имени моей жены! Непремѣнно пожалуйте отвѣдать молодыхъ цыплятъ, которыми она такъ гордится. А вы, господинъ министръ, выпьете со мной хорошаго, бѣлаго портвейну, — не такъ ли? — прибавилъ онъ, протягивая ему руку:—мы оба сегодня нуждаемся въ подкрѣпленіи, не въ примѣръ прочимъ днямъ.

Министръ взялъ его руку и съ чувствомъ пожалъ ее; но

фрау Беннехенъ отъ недоумѣнія лишилась движенія и языка, пока мужъ не шепнулъ ей:

— Развѣ я тебѣ не говорилъ, что часъ примиренія близокъ?

Она съ восхищеніемъ поглядѣла на него и охотно подала руку негоціанту, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пуститься въ путь, а министръ крикнулъ наверхъ Гильдѣ, чтобы она слѣдовала за ними, какъ только будетъ въ состояніи.

Возстановленіе добрыхъ отношеній между обѣими семьями было отпраздновано цѣлымъ рядомъ торжествъ,—не только обычнымъ „кормленіемъ звѣрей",—какъ острилъ Дельфинъ,—но цѣлой серіей изысканныхъ, интимныхъ обѣдовъ, за которыми долго сидѣли и много говорили.

Дельфинъ вскорѣ почуялъ, откуда дуетъ вѣтеръ, и отъ души потѣшался.

Онъ изводилъ редактора Мортенсена, обратившагося въ домочадца Фалькъ-Ольсеновъ, преувеличенно изысканными любезностями, которыя того совершенно выводили изъ себя; или принимался онъ за „милѣйшую мадамъ Ольсенъ" и отравлялъ ей жизнь, увѣряя, что тотъ или другой изъ новыхъ гостей—ярый нигилистъ и носитъ всегда револьверъ въ боковомъ карманѣ.

Самъ же Фалькъ-Ольсенъ точно переродился: онъ удивительно перемѣнился въ обхожденіи, сдѣлался натянутымъ, чопорнымъ. Онъ ничего не предпринималъ, не посовѣтовавшись предварительно съ министромъ, и въ его домѣ больше не встрѣчалось ни одного человѣка, приглашеннаго безъ позволенія или указанія Беннехена.

Большія „танцовальныя развлеченія въ залѣ Ольсенъ", устраиваемыя каждую осень, въ этомъ году были замѣнены аристократическими—и негоціантъ намекнулъ дочери, чтобъ она поласковѣе была съ господиномъ секретаремъ Хіортомъ.

Но Софи это раздосадовало, въ особенности потому, что отецъ ничего подробно не зналъ. Вообще она была недовольна. Камергеръ не обращалъ на нее вниманія, а выборъ между Беннехеномъ и Хіортомъ казался ей жалкимъ торжествомъ.

Оба пріятеля провели лѣто утомительно: помимо службы, на нихъ легла обязанность занимать зятя Хіорта, торговца Гармана; они такъ добросовѣстно выполняли это, что у нихъ не оставалось времени на ихъ собственныя сердечныя дѣла.

Но за то, когда наступилъ зимній сезонъ, они рѣшили дѣятельно повести атаку. Альфредъ придерживался плана сразу взорвать всѣ мины и взять молодую женщину въ швейцарской смѣлымъ приступомъ; но однажды фрау Беннехенъ серьезно поговорила со своимъ Альфредомъ и кое что

сообщила ему съ глазу на глазъ,—послѣ чего онъ отказался отъ всякихъ притязаній на Христину и оставилъ ее въ покоѣ.

Да и, по правдѣ говоря, она изумительно быстро увядала.

Блестящіе рыжіе волосы сдѣлались сухими и тусклыми; всю зиму она хирѣла и часто болѣла горломъ и ломотой во всѣхъ членахъ.

Ея мужъ по прежнему скользилъ повсюду, загадочно улыбаясь и неожиданно появляясь, гдѣ его меньше всего ожидали. Христина, съ самаго дня свадьбы, чувствовала къ нему отвращеніе; но онъ обращался съ нею хорошо, и, въ общемъ, жизнь ея текла безмятежно и однообразно.

Съ лоцманскимъ старшиной Зеегусомъ Мо обмѣнялся многими письмами, а также неоднократно получалъ изъ Вестланда денежные пакеты. Разъ, около Рождества, получилъ онъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Господинъ министерскій курьеръ Мо!

Такъ дальше дѣло идти не можетъ. У него не осталось ничего, кромѣ долговъ, почему я и пишу отъ своего собственнаго имени, и Ньэделю ничего объ этомъ неизвѣстно. Я не могу повѣрить, чтобы деньги (всего выслали уже 950 кронъ!) шли на ускореніе тяжбы. Это, должно быть, королевскіе чиновники слопали эти деньги; значитъ мы не лучше русскихъ въ Россіи и въ Петербургѣ, и я обо всемъ пропишу въ газетахъ. Вѣдь мужикъ-то раззоренъ въ конецъ, обнищалъ, да и захворалъ въ придачу: болѣзнь у него въ крови, онъ все сердился изъ за берегового промысла, изъ-за тростника, а канаву почти всю опять затянуло. А видъ у него самый жалкій. По этой причинѣ я и пишу вамъ, какъ его брату, чтобы вы изъ состраданія довели его дѣло до конца. Оно уже скоро два года какъ отослано королю, а отвѣта все нѣтъ какъ нѣтъ. Однѣ издержки. Кромѣ того, онъ очень скучаетъ, не получая писемъ отъ своей дочери Христины, которая теперь ваша жена, и удивляется онъ, что теперь ей не о чемъ писать домой, а вы вѣдь намъ часто писали, что она только потому домогалась выйти за васъ замужъ (хоть и стыдно ей изъ-за возраста), что мы такъ ей совѣтовали по вашей просьбѣ и дѣйствовали на нее убѣжденіями; но въ настоящее время я ничему не вѣрю.

Съ почтеніемъ Лаурицъ Больдеманъ Зеегусъ“.

Дядя Андерсъ прочелъ это письмо въ прихожей, передъ кабинетомъ министра. Онъ смялъ письмо и сунулъ его въ печку, покачивая головой и посмѣиваясь себѣ подъ носъ.

Министръ открылъ дверь.

— Развѣ вы не слышите, Мо? Я два раза зову!

Андерсъ Мо вытянулся и посмотрѣлъ на министра, продолжая улыбаться.

— Что съ вами, Мо?—вскричалъ министръ.—Право, мнѣ кажется, что вы начинаете стариться!

XV.

Докторъ Іоганнъ Беннехенъ цѣлый годъ прожилъ въ Вѣнѣ. Единственное лицо, съ которымъ онъ переписывался, была Гильда. Черезъ нее узналъ онъ лѣтомъ, что Христина вышла замужъ за своего дядю. Послѣ этого онъ долго не писалъ никому и рѣшилъ было совсѣмъ остаться въ Вѣнѣ или уѣхать зимой въ Америку.

Однако въ мартѣ его неудержимо потянуло еще разъ повидать ее и, быть можетъ, получить объясненіе ея поступка,—и онъ пустился въ обратный путь.

Въ немъ боролись самыя разнообразныя мысли и сомнѣнія, по мѣрѣ приближенія къ родинѣ. Значитъ, не Альфреда она любила; но какъ и чѣмъ объяснить выборъ стараго мужа?

Гильда продолжала писать брату, хотя и не получала отъ него отвѣта; онъ зналъ, что Христина стала прихварывать зимой.

Когда Іоганнъ вошелъ въ дверь родительскаго дома, то прямо поднялся по лѣстницѣ вверхъ, не заглядывая въ окно подвальнаго этажа.

При видѣ сына, фрау Беннехенъ испустила крикъ изумленія: возвращеніе его было для нея чѣмъ-то въ родѣ сюприза, такъ какъ о немъ въ семьѣ упоминалось лишь вскользь, что онъ, можетъ быть, вернется весной.

— Извини, мама, мнѣ бы слѣдовало телеграфировать,— проговорилъ онъ.

Фрау Беннехенъ смотрѣла на него съ напряженно удивленнымъ выраженіемъ; когда же онъ приблизился къ ней, со своимъ добрымъ, унылымъ лицомъ, она поцѣловала его и пробормотала:

— Перемѣнился же ты, Іоганнъ! Я бы тебя сразу не узнала.

Тутъ вошла Гильда и бросилась ему на шею.

— Какъ я рада, милый Іоганнъ! Какъ я рада! О, какъ ты перемѣнился!

— И ты тоже это находишь? — спросилъ Іоганнъ.

— Ты на десять лѣтъ постарѣлъ!.. Въ бородѣ твоей виднѣются сѣдые волосы и.. и голова начала лысѣть, Іоганнъ!

Братъ улыбнулся обычной, печальной улыбкой. Гильда продолжала разглядывать его; онъ ей казался совсѣмъ дру-

тимъ, особеннымъ; даже хромать сталъ гораздо сильнѣе, какъ ей казалось.

Придя домой, министръ имѣлъ продолжительный разговоръ съ женой, въ спальнѣ, и за столомъ они оба были такъ привѣтливы съ вернувшимся сыномъ, что Іоганнъ просто умилился сердцемъ; даже Альфредъ былъ любезенъ.

Послѣ обѣда, Іоганнъ намѣревался поговорить съ Гильдой, но мать дала ей какія-то порученія.

Въ сумеркахъ онъ потихоньку спустился внизъ по лѣстницѣ; но у самыхъ дверей Христины на него напала прежняя тоска, только еще гораздо мучительнѣе.

Наконецъ, онъ взялъ себя въ руки и постучался. Старая служанка, которой онъ не зналъ, открыла ему. И вотъ онъ очутился въ комнатѣ, которая снилась ему сотни разъ, въ которой онъ мысленно рисовалъ себѣ безчисленныя сцены и встрѣчи, находясь далеко на чужбинѣ; сначала мечты его были полны надеждъ, а затѣмъ, послѣ ея замужества, приняли печальный оттѣнокъ; все время ему казалось, что она обязана дать ему въ чемъ-то отчетъ. Знакомый запахъ въ комнатѣ вернулъ его къ дѣйствительности, и онъ, наконецъ, заговорилъ:

— Дома она?

Служанка поглядѣла на него.

— Мадамъ тамъ.

Онъ вздрогнулъ при словѣ „мадамъ". Дверь въ прежнюю комнату Христины была открыта; свѣта не было, но газовый фонарь съ улицы бросалъ внутрь большіе желтые четырехугольники, такъ что докторъ могъ разсмотрѣть фигуру, лежавшую на кровати.

Докторъ вошелъ и сказалъ:

— Здравствуйте, Христина!

Больная приподнялась на постели и уставилась на него. Іоганнъ въ ужасѣ схватился за дверную притолоку. Неужели это Христина? Она же вскрикнула и въ отчаяніи замахала руками, запрещая ему приближаться.

Служанка захлопнула дверь и грубо сказала:

— А я думала, мадамъ знаетъ васъ.

— Что съ нею?

— Не знаю!—съ этими словами она открыла наружную дверь.

Докторъ медленно поднимался вверхъ. Итакъ, онъ ее видѣлъ. Разглядѣлъ ея лицо... О, если-бъ онъ прожилъ сто лѣтъ, то не забылъ бы этого лица! Неописуемый ужасъ охватилъ его. Нервно застегнувъ пальто, онъ повернулъ назадъ, рѣшивъ пройти къ доктору Роде.

Онъ засталъ стараго домашняго врача, въ креслѣ, за газетой.

— А! профессоръ вернулся! Добро пожаловать, дитя мое,—какъ поживаешь?—докторъ Роде до сихъ поръ говорилъ дѣтямъ министра ты и считалъ ихъ ребятами. Всѣ они выросли на его глазахъ. Но Іоганнъ ничего не отвѣтилъ на привѣтствіе, а, задыхаясь, отрывисто спросилъ:

— Что съ Христиной?

— А? Что? Съ Христиной? — Роде снялъ очки: — да! съ той, что въ швейцарской? Ты ее видѣлъ?

— Да.

— Ну, въ такомъ случаѣ, ты самъ знаешь, что съ ней!— серьезно сказалъ старый врачъ.—Это одинъ изъ самыхъ печальныхъ случаевъ въ моей практикѣ. Повидимому, ея здоровая кровь и роскошное тѣло послужили самой благопріятной почвой для заразы.

— Но... кто... кто заразилъ ее?—Іоганнъ Беннехенъ былъ блѣднѣе смерти, и потъ крупными каплями выступилъ у него на лбу.

— Какъ ты сильно принимаешь это къ сердцу, милый мальчикъ!—замѣтилъ Роде, начинавшій кое-что понимать.— Кто, спрашиваешь ты?—Конечно, мужъ! Онъ два раза лежалъ у меня въ заразномъ отдѣленіи. Развѣ ты этого не зналъ? Онъ, старая свинья, записанъ вотъ тутъ у меня, въ книгѣ такихъ больныхъ,—и докторъ хлопнулъ по толстой книгѣ, лежавшей на его письменномъ столѣ.

— И... вы это знали?.. И молчали? Не предупредили?.. Какая гадость, докторъ Роде! Какая подлость съ вашей стороны!—Іоганнъ гнѣвно сжалъ кулаки.

— Дитя мое, мнѣ жаль тебя!—сказалъ врачъ.—Будь ты здѣсь, я бы тебѣ все сказалъ, какъ коллегѣ. Но ты вѣдь самъ знаешь,—если все разсказывать, что намъ извѣстно по этой части, множество браковъ не было бы заключено! Не говоря уже о томъ, что это вообще немыслимо. Кромѣ того, мнѣ казалось, что твоему отцу болѣе приличествовало обратить вниманіе на такого рода дѣло...

— Вы хотите сказать, что отцу моему все было извѣстно? Старый вы циникъ, больше ничего! Такимъ всегда и были!

Добрые глаза Іоганна сверкали негодованіемъ, и онъ ушелъ не простясь.

— Бѣдный малый!—произнесъ докторъ Роде, снова взявшись за газету:—никогда ему не везло!

Знакомые Іоганна Беннехена нашли, что пребываніе заграницей сдѣлало изъ него совершеннѣйшаго чудака. Онъ никого не навѣстилъ, никогда не бывалъ дома и не возобновлялъ своей практики. Ночью или поздно вечеромъ его можно было встрѣтить преимущественно на улицахъ, при-

легающихъ къ дому министра. Изъ этого, впрочемъ, вывели заключеніе, что онъ большую часть времени проводитъ въ кругу своей семьи.

На самомъ же дѣлѣ онъ цѣлые дни бродилъ по болѣе отдаленнымъ частямъ города и только съ наступленіемъ вечера приближался къ мѣсту, около котораго вращались всѣ его мучительныя мысли.

Разъ онъ встрѣтилъ доктора Роде, какъ разъ направлявшагося къ Христинѣ.

— Пойдемъ со мной, ты будешь мнѣ полезенъ!—сказалъ старикъ, совершенно, повидимому, забывшій о послѣдней встрѣчѣ.

Іоганнъ послѣдовалъ за нимъ. Онъ положительно не имѣлъ силъ отказаться отъ свиданія съ нею.

Христина вздрогнула при входѣ его. Но докторъ Роде положилъ руку на ея плечо и ласково сказалъ:

— Выслушайте меня, дружокъ! Жребій брошенъ. Жизнь стала для васъ невыносимой, и вы должны радоваться, что лучъ свѣта проникаетъ къ вамъ. Пользуйтесь случаемъ: побудьте вмѣстѣ хоть тотъ короткій срокъ, который вамъ еще осталось жить. Онъ будетъ ухаживать за вами. Итакъ, дѣти, объясняйтесь теперь другъ съ другомъ.

Съ этими словами „старый циникъ“ ушелъ, а Іоганнъ еще долго стоялъ передъ кроватью на колѣняхъ, открывая Христинѣ всю свою душу.

Сначала она не понимала, но съ каждымъ его словомъ, невѣроятное становилось все болѣе и болѣе возможнымъ: дверка отворялась за дверкой въ ея воспоминаніи; все дѣлалось яснѣе и яснѣе; горючія слезы капали изъ ея глазъ на подушку; затаенная любовь ея стремительно рвалась изъ сердца и перенесла духъ ея изъ страдающаго, зараженнаго тѣла въ такое блаженство, о которомъ она и мечтать не смѣла.

Она позабыла говорить ему „вы“, и прочія свѣтскія слова, которымъ ее выучили, и снова вернулась къ образному мощному, крестьянскому нарѣчію; просто объяснила она ему, какъ все случилось, и просила простить ей, что она во время его не поняла.

Они поняли другъ друга, вычеркнули прошлое, чтобы въ обоюдной любви провести тотъ короткій срокъ, который ей оставалось еще жить.

Съ этого дня докторъ Беннехенъ взялъ на себя уходъ за Христиной. Его мать пытливо посмотрѣла на него, когда онъ ей сказалъ объ этомъ,—но съ участіемъ замѣтила:

— Бѣдняжка Христина! Я боюсь, не схватила ли она ревматизма въ подвальномъ помѣщеніи! Я недавно прочла, что это очень вредно...

Іоганнъ не разубѣждалъ ее, но почувствовалъ облегченіе.

Христина и Іоганнъ въ разговорѣ никогда не упоминали имени дяди Андерса, а тотъ, съ своей стороны, тщательно избѣгалъ попадаться на глаза доктору Беннехену.

Въ общей сложности они говорили мало. Но когда онъ перемѣнялъ примочки и оказывалъ ей возможное облегченіе, она любила, чтобы онъ, по окончаніи работы, садился поближе къ ея кровати.

Она лежала неподвижно и глядѣла на него, но запрещала ему смотрѣть на нее, хотя онъ горячо и неоднократно увѣрялъ, что въ его глазахъ она почти такая же, какъ была раньше.

Христина питала къ больницѣ тотъ ужасъ, который вкоренился (и весьма основательно) въ крестьянскомъ населеніи. Но, наконецъ, докторъ убѣдилъ ее позволить перевезти себя въ больницу.

День, назначенный для переѣзда, выдался солнечный, въ началѣ апрѣля. Съ почтой пришло письмо отъ Зеегуса, и больная съ трудомъ разбирала его по складамъ.

„Милая Христина!

Староста говорилъ, что я долженъ жалобу подать письменную; я это сдѣлалъ; а теперь жалоба вернулась ко мнѣ, и ты представить себѣ не можешь, какой у нея видъ, благодаря безчисленнымъ помѣткамъ: „переслать сборщику податей“, „вернуть окружному“, „передать инженеру путей сообщенія“. Вся эта братія на бумагѣ расписалась; наконецъ, на послѣдней страницѣ оставался крохотный кусочекъ въ самомъ низу, гдѣ я и написалъ: „такъ я и зналъ! Зеегусъ“. Но окружной на меня за это взъѣлся. Но это еще не самое худое. Хорошо еще, что тебѣ живется недурно, какъ ты, наконецъ, пишешь; а намъ изъ рукъ вонъ плохо, о чемъ я раньше не хотѣлъ тебѣ писать, не желая огорчить тебя. Теперь молчать ужъ невозможно. Твой отецъ совсѣмъ нищій; ничего не осталось, все ушло на тяжбу, которая у твоего мужа въ рукахъ. Кромѣ того, онъ теперь въ такомъ состояніи, что работать больше не можетъ; все сидитъ, уставясь въ стѣну. Я обязанъ тебѣ это сообщить, чтобы ты поспѣшила пріѣхать домой и помогла горю... Я совсѣмъ растерялся. Думается мнѣ, что онъ лишается разума и пониманія. Если же тебѣ пріѣхать нельзя, напиши ему что-нибудь утѣшительное, лучше всего насчетъ тяжбы. Твой старый другъ Лауритцъ Б. Зеегусъ“.

Христина откинулась назадъ на кровати и заплакала. Всю зиму принуждала она себя писать домой въ довольномъ тонѣ, и смотритель отвѣчалъ ей въ томъ же духѣ. Теперь она поняла, что они обманывали другъ друга, и ее страстно, томительно потянуло на родину, къ отцу, къ морю въ дальнемъ Вестландѣ.

Она присѣла на кровати, рѣшивъ снова написать отцу веселое письмо:

„Дорогой отецъ, когда я узнала, какъ тебѣ худо, въ моемъ сердцѣ проснулись тоска и стыдъ. Теперь мнѣ ясно, что я не должна была покидать тебя. Но ты все-таки меня прости и вѣрь, что я искренно, всей душой люблю тебя. Я не могу къ тебѣ прiѣхать, потому что мнѣ это время нездоровится. Но живу я хорошо...“

Христина остановилась. Каждое слово стоило ей неимовѣрныхъ усилій. Она надѣялась, что Богъ проститъ ей ложь, ради благой цѣли утѣшить отца, которому и безъ того тяжело.

Послышался стукъ колесъ, и карета въѣхала въ ворота; служанка вошла въ комнату и шепнула больной: „докторъ“. То была госпитальная карета, прiѣхавшая за Христиной.

Бѣдная женщина вся содрогнулась отъ ужаса, схватила опять перо и принялась писать уже совершенно въ иномъ духѣ. Больше лгать она уже была не въ состояніи.

„Нѣтъ, дорогой отецъ, все это неправда! Нехорошо мнѣ, совсѣмъ плохо! А сейчасъ за мной прiѣхали, я должна умереть, и больше никогда не увижу ни тебя, ни моря, ни домовъ на родинѣ,.. Кланяйся Зеегусу. Будь здоровъ! Прощай! Твоя Христина“.

Подойдя къ ея кровати, докторъ нашелъ больную въ такомъ состояніи, что пришлось подбодрить ее съ помощью лѣкарства. Самъ докторъ надписалъ адресъ на ея письмѣ, а затѣмъ помогъ вынести ее въ карету.

Хотя больную везли очень осторожно и предусмотрительно, тѣмъ не менѣе она очень утомилась и ослабѣла; наконецъ, ее внесли наверхъ въ госпиталь и уложили въ кровать.

Долго лежала она съ закрытыми глазами, но когда открыла ихъ, то улыбка скользнула по ея лицу. Она взглянула черезъ окно на ясное, весеннее небо; солнечные лучи ярко освѣщали чистую, уютную комнату, приготовленную для нея Іоганномъ.

Христина повернула къ нему голову и сказала:

— Спасибо тебѣ, Іоганнъ! Здѣсь хорошо будетъ помереть!

Она вытянулась въ гладкихъ, чистыхъ простыняхъ и снова закрыла глаза. Но улыбка не сходила съ обезображеннаго лица ея; и въ глазахъ Іоганна она оставалась такой же прекрасной, какъ въ былые дни.

XVI.

Большой почтовый пароходъ изъ Христіаніи, шедшій вверхъ до Тромзэ, вышелъ въ дождливую, бурную апрѣльскую ночь изъ Флеккефіорда. Почтмейстеръ побывалъ на палубѣ и сдалъ на пристани почту,—маленькій, скромный холщевый мѣшочекъ съ газетами и двумя-тремя письмами, которыя изъ Флеккефіорда шли по назначенію сухимъ путемъ.

— Выходимъ мы въ море, капитанъ?—крикнулъ почтмейстеръ вверхъ, гдѣ былъ мостикъ капитана.

— Выходимъ, почтмейстеръ, выходимъ!—отозвался капитанъ, перегибаясь внизъ:—не прозѣваю, небось, Эгерзунда!

— Спасибо!—буркнулъ почтмейстеръ, спускаясь въ теплую каютку, освѣщенную керосиновой лампой подъ абажуромъ.

Въ Христіанзандѣ пароходъ принялъ массу заграничной корреспонденціи; узенькая каютка переполнена была холщевыми мѣшками и посылками, съ изображеніемъ почтоваго рожка на штемпелѣ. На маленькомъ спальномъ диванѣ лежали груды пакетовъ, а столъ передъ полкой, съ многочисленными отдѣленіями, былъ заваленъ письмами и почтовыми принадлежностями.

Почтмейстеръ, полный молодой человѣкъ съ бѣлокурой бородой, сѣлъ на табуретъ, повѣсилъ въ сторонкѣ фуражку съ золотыми галунами, подулъ себѣ въ пальцы и затѣмъ началъ приводить вещи въ порядокъ, распихивать по отдѣленіямъ, упаковывать, заколачивать, кучками раскладывать по дивану. Онъ молча и усердно работалъ, пользуясь временемъ, пока они еще находились въ тихомъ фарватерѣ.

Въ общей каютѣ горѣли только двѣ лампы съ убавленнымъ огнемъ; нѣсколько мужчинъ, завернувшись въ пледы, спали по диванамъ. Въ дамской каютѣ тоже царила тишина; спали, какъ могли, и не безъ ужаса ждали момента, когда пароходъ выйдетъ за поясъ шхеръ. Машина работала тяжелыми, правильными ударами, отъ которыхъ корма равномѣрно вздрагивала. Стеклянный абажуръ одной лампы, съ раздражающей правильностью, маленькими быстрыми толчками ударялся о мѣдный ободокъ, а наверху, на палубѣ, раздавались шаги неутомимаго пассажира, ходившаго взадъ

и впередъ надъ головами людей, желавшихъ спать. Вѣтеръ съ шумомъ мчался внизъ съ горныхъ вершинъ и завывалъ въ такелажѣ, но море было совершенно покойно въ узкомъ фіордѣ. Рулевой крикнулъ въ люкъ, чтобы все прикрѣпили и приготовили въ пространствѣ между доками до выхода въ открытое море.

Въ теплой каютѣ почтмейстера всѣ письма перемѣшались между собою. Онъ отодвинулъ въ сторону дальнюю сѣверную корреспонденцію и привелъ въ порядокъ сумку для ближайшей остановки То были всевозможныя письма съ разнообразнѣйшими надписями: и круглыя косыя буквы, и мелкіе, тонкіе дамскіе почерки, словно мушиныя лапки на гладкой веленевой бумагѣ; и большія грубыя рабочія надписи на конвертахъ изъ оберточной бумаги, запечатанныхъ какой-то замазкой и безъ марокъ; лотерейные билеты и любовныя записки, угрожающія и денежныя посланія... Маленькая каютка, гдѣ почтмейстеръ спокойно и трудолюбиво сортировалъ письма своими толстыми пальцами, служила таинственнымъ разсадникомъ сюрпризовъ, разочарованій, сплетенъ, страданій, раззореній и неожиданныхъ удачъ.

Однако, пароходъ начало изрядно покачивать; почтмейстеръ понялъ, что вышли изъ фіорда. Онъ по возможности привелъ все въ порядокъ, и большую часть корреспонденціи положилъ на полъ, чтобъ ужъ падать было некуда. Благодаря этому, освободился диванъ, и онъ самъ усѣлся въ уголкѣ, съ парусиновой сумкой въ рукахъ, мечтая вздремнуть. Лампа равномѣрно качалась изъ стороны въ сторону.

Въ дамской комнатѣ начались страданія; каждый разъ, какъ дверь отворяла горничная, оттуда слышались стоны. До сихъ поръ шагавшій по палубѣ пассажиръ теперь сидѣлъ подавленный и уничтоженный; онъ переживалъ горькое разочарованіе, такъ какъ одинъ изъ пріятелей увѣрилъ его, будто морской болѣзни нечего опасаться, если будешь все время находиться на свѣжемъ воздухѣ и въ непрерывномъ движеніи.

Господа, спавшіе въ общей каютѣ, теперь вынуждены были цѣпляться за доску стола, чтобъ не свалиться въ плевальницы, а звенящій звукъ ламповаго абажура раздроблялся на множество мелкихъ невыносимыхъ звуковъ, когда пароходъ влеталъ на высокія волны; балки трещали и стонали, когда онъ накренивался на бокъ; чашки и блюдечки буфетчика, висѣвшія снаружи подъ навѣсомъ, стукались и звенѣли другъ объ друга.

Затѣмъ пароходъ снова выпрямлялся, накренивался въ другую сторону—и посуда опять звенѣла. Табуретъ и пара пле-

вальницъ зашевелились въ каютѣ, и скользили то туда, то сюда; распахнулась дверь, равномѣрно открываясь и захлопываясь. Машина тѣмъ временемъ усиленно работала, то глухо ворча, то громыхая съ отчаяннымъ шумомъ и вызывая сильнѣйшіе толчки, когда винтъ на мгновеніе показывался на поверхности воды.

Но въ каюткѣ почтмейстера письма мирно почивали въ конвертахъ; ихъ распорядитель тоже спалъ съ сумкой для Эгерзунда въ рукахъ. Да и всѣ, по всей странѣ и побережью, кому предназначались эти письма, лежали и спали, каждый на своемъ мѣстѣ, за исключеніемъ немногихъ, безпокойно ходившихъ взадъ и впередъ, въ ожиданіи важныхъ извѣстій; эти немногіе прислушивались къ завыванію бури и боялись, какъ бы почта не затонула.

— Почтмейстеръ!—крикнулъ въ дверь рулевой:—входимъ въ Эгерзундъ!

— Здѣсь!—вскричалъ почтмейстеръ, съ сумкой въ рукахъ.

— Ха, ха, ха, ловко вы выспались!—засмѣялся рулевой:—ставьте водки, я угощу пивомъ.

— Идеть!—согласился почтмейстеръ, еще не вполнѣ проснувшись.

Рулевой вскорѣ явился съ бутылками и стаканами. Мѣста хватило ровно настолько, чтобы закрыть за собою дверь.

— Собачья погода!—сказалъ онъ, встряхиваясь; морская вода сбѣгала на полъ съ его клеенчатаго плаща и свѣтлыми капельками блестѣла въ его кудрявой бородѣ, когда онъ пилъ.

Въ машинномъ отдѣленіи прозвучалъ рѣзкій колоколъ.

— Впередъ! Пріѣхали!—крикнулъ рулевой, отставилъ бутылку и побѣжалъ.

Почтмейстеръ всталъ, потянулся, насколько дозволяло пространство, взялъ фуражку съ золотымъ галуномъ и поднялся съ почтой наверхъ.

Холодный, дождливый день начиналъ свѣтать печальнымъ полумракомъ; въ густомъ, бурномъ воздухѣ, обнаженныя горы казались совершенно черными; шелъ холодный, частый дождь.

Съ Эгерзундомъ покончили проворно. Пароходъ пустился дальше въ свой длинный путь, а почтмейстеръ снова сѣлъ приводить въ порядокъ свои пакеты и сумки.

Днемъ же всѣ пакеты и сумки разошлись по мѣсту назначенія, заставивъ иныхъ адресатовъ плакать, иныхъ смѣяться надъ полученнымъ клочкомъ бумаги, а иныхъ оставляя равнодушными.

Словомъ, каждое письмо нашло своего хозяина; изъ каюты почтмейстера распространился по странѣ цѣлый рой сюрпри-

зовъ, разочарованій, сплетенъ, страданій, гибели, неожиданнаго счастья...

А пароходъ шелъ все дальше и дальше къ сѣверу, и заспанный почтмейстеръ на каждой остановкѣ поднимался наверхъ съ новою сумкою.

XVII.

Въ десять часовъ Ньэдель Фатнемо и не думалъ еще приниматься ни за какую работу. Въ комнатѣ его полъ былъ грязенъ, кровать засорена соломой и покрыта двумя тряпицами. Дверь соскочила съ петли и стояла полуоткрытой въ кухню, а въ очагѣ, на двухъ кускахъ тлѣвшаго торфа, сиротливо пріютился тусклый кофейникъ.

Ньэдель сидѣлъ и безсмысленно глазѣлъ на улицу сквозь маленькія окошечки. Весеннія работы его и наполовину еще не были кончены, а время подошло уже къ серединѣ апрѣля.

Отяжелѣвшіе члены крестьянина поникли; спутанная борода посѣдѣла; спина сгорбилась пуще прежняго; тупая безпомощность охватила исполинское тѣло. Согнувшись, сидѣлъ онъ въ низенькой комнатѣ, а на дворѣ лилъ дождь и вѣтеръ вылъ въ трубѣ.

Мысли его вращались въ заколдованномъ кругу, изъ котораго не выходили вотъ ужъ два года. Онъ думалъ о своемъ процессѣ.

Всѣ деньги, которыя онъ высылалъ, всѣ заманчивыя слова и обѣщанія брата, надежды и разочарованія, долгое время державшія его въ напряженіи, отняли у него послѣднія силы; онъ словно впотьмахъ боролся съ какимъ-то таинственнымъ врагомъ, издѣвавшимся надъ нимъ.

Въ горахъ ему приходилось бороться съ обвалами, но то была открытая, честная борьба: природа побѣждала, и дѣлу наступалъ конецъ. Здѣсь же его преслѣдовало нѣчто иное. Куда онъ ни оборачивался, всюду натыкался на что-то неуловимое, холодное, скользкое, которое нельзя было разбить, столкнуть. Онъ припоминалъ многочисленные случаи, когда люди разступались передъ нимъ въ церкви; вспомнилъ время передъ судомъ, когда ему на всѣ лады доказывали, что онъ безспорно очень виноватъ; когда онъ захотѣлъ возобновить работы по части канавы, произошло то же самое. Онъ сдѣлался какимъ-то отщепенцемъ, вѣчно виноватымъ! Пришлось ему поневолѣ заниматься хлѣвами и прочими женскими работами, чтобы содержать себя.

И такъ онъ сидѣлъ, глядя вдаль и съ трудомъ различая линію канавы. А между тѣмъ вначалѣ онъ возлагалъ столько

надеждъ на эту канаву! Она должна была служить оплотомъ отъ песка и ограждать мызу отъ заносовъ. Мечталъ онъ обсадить ее ивами и высокими кустами, какъ совѣтовали газеты. Теперь все это пріостановилось, канаву затягивало, а крестьяне изъ Беревича беззастѣнчиво таскали съ берега тростникъ, портя колесами его поле и занося его пескомъ.

Зеегусъ вошелъ черезъ кухню.

— Здравствуй, Ньэдель! Вотъ тебѣ письмо изъ Христіаніи

Ньэдель поднялъ голову и улыбнулся. Единственною его радостью оставались письма дочери.

— Кофейку не хочешь ли, Зеегусъ?

— Нѣтъ, спасибо,—отвѣчалъ послѣдній: кофе Ньэделя не внушалъ къ себѣ довѣрія.

Онъ вскрылъ письмо и удивился при видѣ странныхъ, кривыхъ строчекъ и нетвердаго почерка; кромѣ того, чернила расплылись, точно надъ письмомъ проливали слезы.

Прочитавъ письмо, онъ и вовсе остолбенѣлъ и снова перечелъ его. Оно было короткое, но съ какимъ важнымъ содержаніемъ!

Ньэдель все молчалъ, только измѣнился въ лицѣ и страшно поблѣднѣлъ. Когда смотритель положилъ письмо, отецъ взялъ его, сѣлъ и уставился на строки, хотя писанаго читать не умѣлъ.

Но у смотрителя давно ужъ накипѣло на сердцѣ: онъ порывисто вскочилъ и вскричалъ:

— Это сплошное мошенничество, Ньэдель! Пусть я не буду Лаурицъ Болдеманъ Зеегусъ, если это не продѣлки одного мерзавца! Брату твоему я не довѣряю, и ты самъ это знаешь. Сначала онъ говорилъ, что Христина рвется выйти за него замужъ, только боится твоего отказа. Этимъ онъ добился, что мы сдуру сами стали уговаривать ее. А затѣмъ онъ сталъ увѣрять насъ, что все идетъ хорошо и прекрасно. Но я давно чуялъ въ Христининыхъ...—тутъ онъ продолжать не могъ; голосъ его оборвался, онъ вышелъ на кухню и раза два высморкался, чтобы скрыть слезы.

— Да нѣтъ же, нѣтъ!—возразилъ Ньэдель и показалъ головой:—не надо такъ худо говорить объ Андерсѣ! Если-бъ ты его зналъ...

Кто-то тихонько открылъ наружную дверь, и Серенъ Беревигъ проскользнулъ въ кухню.

— Что тебѣ тутъ надо?—крикнулъ Ньэдель и поднялся съ мѣста.

Серенъ со всевозможными предосторожностями подошелъ и остановился около Зеегуса.

— Я хотѣлъ привѣтствовать тебя и передать добрую

вѣсть,—миролюбиво произнесъ онъ:—отъ знакомыхъ изъ Америки получилъ сегодня письмо.

Ньэдель торопливо спряталъ письмо Христины.

— Сперва я долженъ передать старшинѣ поклонъ отъ его сестры. Она вѣдь овдовѣла, ты это знаешь?—кротко продолжалъ Серенъ.

Нѣтъ, смотритель не зналъ этого.

Тогда Серенъ Беревигъ вынулъ письмо своего брата и началъ читать:

„Мистрисъ Джонсонъ, сестра лоцманскаго старшины изъ Кридсвига, проситъ меня поклониться ему и спросить, не желаетъ ли онъ переѣхать въ Америку и жить въ ея домѣ, или же купить участокъ земли по сосѣдству“.

— Объ этомъ я и самъ часто подумывалъ! — сознался смотритель.

— И про тебя тутъ будетъ, Ньэдель, — продолжалъ Серенъ, просматривая письмо.

— У меня нѣтъ знакомыхъ въ Америкѣ!—буркнулъ Ньэдель.

Но Серенъ только усмѣхнулся.

— То есть ты забылъ о нихъ. Слушай-ка.

„У мистрисъ Джонсонъ есть служанка изъ Кридвигсгофа; зовутъ ее Ане, и она, вмѣстѣ съ поклономъ на родину, просила передать Ньэделю Фатнемо, что ей тутъ хорошо, а мальчишка ея здорово растетъ; у него рыжіе волосы, какъ у отца“.

— Да ну? Неужто и вправду, у него рыжіе волосы?—полюбопытствовалъ Ньэдель, послѣ минутнаго раздумья.

Серенъ посмотрѣлъ сначала на одного, потомъ на другого и счелъ моментъ благопріятнымъ.

— Ты, можетъ быть, еще не управился съ весенними работами, Ньэдель?—началъ онъ осторожно.

— А тебѣ какая забота? — огрызнулся Ньэдель и опять вскочилъ.

— Ты правъ, конечно. Но вѣдь дѣло сосѣдское... Знаешь, что и какъ... Ты заплатилъ за усадьбу около двухъ тысячъ талеровъ, не такъ ли?

Ньэдель что-то пробормоталъ.

— Третьяго дня я говорилъ съ адвокатомъ Тофте,—продолжалъ Серенъ, равнодушно посматривая изъ окна: — онъ находитъ, что изъ-за усадьбы ты влѣзаешь въ долги.

— Отстань отъ меня, Серенъ!—вскипѣлъ Ньэдель.

— Ну, ну,—вмѣшался Зеегусъ:—дай Серену высказаться! Видишь у него что-то на умѣ. Говори, Серенъ.

Серенъ не долюбливалъ ихъ обоихъ; они поступали не такъ, какъ бы ему хотѣлось, но надо было высказаться.

— Я и подумалъ, что если усадьба только въ убытокъ Ньэделю, то онъ, можетъ быть, не прочь продать ее.

— Сколько дашь?—спросилъ Ньэдель.

— Гм... Я вѣдь не сказалъ, что я самъ хочу купить...

— Сколько дашь?—повторилъ Ньэдель.

— Двѣ тысячи съ половиной.

— Ишь ловкій какой! — возмутился Зеегусъ. — У Ньэделя какъ разъ долговъ столько. Кромѣ того, обработанное поле увеличилось двое, съ тѣхъ поръ какъ онъ владѣетъ усадьбой. Нѣтъ, Серенъ, надбавляй, братъ, надбавляй!

— Я согласенъ! — сказалъ вдругъ Ньэдель и протянулъ руку:—по рукамъ!

Зеегусъ хотѣлъ кое-что измѣнить, но Ньэдель стоялъ на своемъ.

Серенъ Беревигъ казался смущеннымъ: все это произошло далеко не въ его вкусѣ. Тѣмъ не менѣе онъ вынулъ документъ, завернутый въ газету.

— Лучше было бы... право, было бы лучше сдѣлать условіе письменно. Тутъ у меня... гм... нѣчто... что называется купчей крѣпостью...

— Предусмотрительный малый, что и говорить,—насмѣшливо сказалъ Ньэдель: — давай-ка сюда перо, Зеегусъ.

Слова пріятеля ничего не помогли. Фатнемо взялъ перо и намалевалъ двѣ толстыя черты, долженствовавшія означать: „Ньэдель“. Больше мѣста не было, но подпись сочли удовлетворительной.

Затѣмъ онъ надѣлъ свою шерстяную куртку, нахлобучилъ шляпу и тяжелымъ шагомъ вышелъ вонъ изъ комнаты.

— Ты долженъ отказаться отъ усадьбы, если онъ захочетъ на попятный: у него въ головѣ неладно! — пояснилъ Зеегусъ прежде, чѣмъ послѣдовалъ за пріятелемъ.

Но Серенъ Беревигъ бережно сложилъ документъ и спряталъ его; хорошо, что Зеегусъ не видалъ при этомъ выраженія его лица.

Ньэдель шагалъ по холму впереди, а Зеегусъ сзади него. Когда они поднялись наверхъ, послѣдній сказалъ:

— Тебѣ бы хорошо уѣхать со мной въ Америку.

— Съ пустыми руками?—уныло спросилъ Ньэдель.

— Съ такими кулаками, какъ у тебя, далеко можно уѣхать. У меня тоже больше охоты, чѣмъ денегъ. Деньги въ рукахъ у хорошаго человѣка, а домъ мой проданъ. Поѣдемъ, Ньэдель, что можетъ насъ удержать? Я буду платить за тебя, пока ты не начнешь самъ зарабатывать малую толику. А затѣмъ, у тебя тамъ есть малышъ и что-то въ родѣ жены, правда вѣдь! Поѣдемъ!

Ньэдель остановился и смотрѣлъ вдаль.

Отсюда все казалось такимъ ничтожнымъ! А сколько онъ труда положилъ за эти два года! Вотъ частоколъ, окаймляющій его поля: каждый камень ему знакомъ и принесенъ его руками. Вонъ и поле съ начатой канавой...

Горечь усилилась въ его душѣ; припомнились всѣ планы. Вспомнилась и Ане, и хорошія времена, когда Христина жила дома и все шло такъ гладко.

Взглядъ его скользнулъ и вдоль берега, окруженнаго сверкающимъ прибоемъ. Сѣрое, безнадежное море лежало передъ нимъ и словно густой завѣсой заслоняло его мысли отъ дальняго запада, куда онѣ стремились.

Буря улеглась, но дождь не унимался. И вдругъ ему противно стало настроеніе, побудившее его продать усадьбу и отъ всего отречься. Среди всѣхъ этихъ противорѣчій, заботъ и тревогъ о дочери, о самомъ себѣ, о своей неудачной жизни, не смотря на тяжесть удручавшихъ его невзгодъ, онъ почувствовалъ облегченіе отъ послѣднихъ словъ смотрителя. Какъ бы лучъ солнца прорѣзалъ сѣрую мглу, въ которой онъ утопалъ, — засіяла передъ его мыслью дѣтская головка съ тонкой бѣлой шейкой и кудрявыми рыжими волосами.

Онъ глубоко вздохнулъ и съ изумленіемъ оглядѣлся вокругъ. Какъ это онъ до сихъ поръ объ этомъ не думалъ? А тутъ кроется надежда!

— Хочешь ѣхать со мной?—повторилъ смотритель.

— Хочу! — отвѣчалъ Ньэдель и выпрямился во весь ростъ. — Но сначала поѣду въ столицу повидаться съ Христиной и справиться о тяжбѣ.

— Ахъ, да развѣ теперь ужъ не все равно?

— Я хочу, чтобъ мнѣ сказали, что я былъ правъ!—отвѣтилъ Ньэдель, и глаза его сверкнули.

— Ну, ладно, — уступилъ Зеегусъ: — оттуда тоже весной отходитъ переселенческій пароходъ.

Зеегусъ и самъ втихомолку радъ былъ съѣздить въ Христіанію; во-первыхъ, изъ-за Христины, а во-вторыхъ,—не посчастливится ли ему, наконецъ, повидать того, кто выше всѣхъ старостъ, сборщиковъ податей и капитановъ.—Занятно было бы узнать, подобаетъ ли въ норвежскомъ государствѣ, чтобы дороги оставались въ такомъ видѣ, какъ извѣстная ему тропа?..

XVIII.

Христина недолго пролежала въ больницѣ, — смерть не заставила долго ждать себя; болѣзнь, разрушившая въ такое короткое время ея могучій организмъ, бросилась на

мозгъ; пролежавъ сутки безъ сознанія, она въ одно воскресенье вечеромъ закрыла глаза навѣки.

Іоганнъ до конца оставался съ нею, а когда все было кончено, поднялъ воротникъ и пошелъ бродить по городу, по обыкновенію ни на что не обращая вниманія.

— Добраго вечера, докторъ Беннехенъ!—раздался голосъ камергера Дельфина, который только что собирался войти на свое крыльцо.—поднимитесь-ка ко мнѣ, выкуримъ по сигаркѣ, да выпьемъ...

„Ну и чудакъ, этотъ докторъ!" подумалъ камергеръ, когда тотъ, не проронивъ въ отвѣтъ ни слова, прошелъ мимо.

Дельфинъ, поднявшись къ себѣ, зажегъ лампу, сбросилъ фракъ (онъ вернулся съ вечера) и облекся въ халатъ. Затѣмъ онъ закурилъ сигару, выпилъ стаканъ вина и началъ ходить по своимъ комфортабельнымъ комнатамъ, припоминая событія дня.

Съ осенняго бала у Фалькъ-Ольсеновъ, у него съ Гильдой установились дружескія отношенія. Но за послѣднее время, въ теченіе всей зимы, она какъ будто старалась отдаляться отъ него. Иногда ему удавалось наладить ее на прежній тонъ, но она скоро, какъ бы спохватившись, снова отстраняла его.

Камергеръ стряхнулъ въ каминъ пепелъ съ сигары и задумался.

Сегодня она сказала ему безъ обиняковъ, что больше гулять съ нимъ не желаетъ, и предпочитаетъ не танцовать.

Онъ старался думать о другомъ, но отвязаться отъ мыслей о Гильдѣ не могъ, такъ что, наконецъ, остановился передъ зеркаломъ и, пристально глядя на себя, мысленно заговорилъ:

„Что съ тобой, Георгъ? Скажи, ради Бога"!

Потомъ онъ быстро взялъ изъ письменнаго стола бумагу и написалъ:

„Милый Георгъ! Мнѣ очень прискорбно, что ты не оправдалъ моего довѣрія. А я очень надѣялся на твою устойчивость! Вспомни:

Тотъ, кто любитъ въ первый разъ, —
Хоть несчастливо—все жъ Богъ!
Но кто любитъ во второй
Безнадежно, тотъ—дуракъ!

А фрау Бересенъ въ глаза сказала мнѣ: „ты влюбленъ"

Добро бы еще обыкновенное увлеченіе; а то влюбиться въ мартышку съ собачьими глазами и приплюснутымъ но-

сомъ,—это, воля твоя, мозговое извращеніе! Я горько сожалѣю о тебѣ.

Будь ты еще цѣльной натурой; но этого нѣтъ, ты самъ знаешь.

Безъ меня ты погибъ. Но, какъ другъ, скажу тебѣ: ты правъ! Ты избралъ лучшее цѣлебное средство, единственную возможность спасти жалкіе остатки своей разбитой жизни. Бери ее. Чѣмъ она некрасивѣе, тѣмъ лучше. Введи ее въ гостиныя и гордо объяви: милостивые государи и государыни, я горжусь тѣмъ, что она меня] выбрала! ;Тогда ты можешь не считать себя жалкой тряпкой, какой ты всегда былъ".

Онъ бросилъ перо и осушилъ стаканъ, стоявшій передъ нимъ.

Тѣмъ временемъ Іоганнъ Беннехенъ шелъ черезъ Варгеландскую дорогу, такъ какъ сдѣлалъ большой крюкъ черезъ весь Гомменсби, возвращаясь изъ госпиталя. Теперь его, вѣроятно, въ силу привычки, потянуло въ родительскій домъ, въ подвальное помѣщеніе, гдѣ онъ такъ много любилъ и страдалъ.

Подойдя къ крыльцу, онъ увидѣлъ человѣка, возившагося у наружной двери.

Докторъ тотчасъ же узналъ Мо и хотѣлъ пройти мимо. Но невольно обративъ вниманіе на странные жесты и движенія курьера, который никакъ не могъ найти замочную скважину, Іоганнъ понялъ, что Мо пьянъ; не смотря на отвращеніе къ этому человѣку, онъ подошелъ и помогъ ему войти.

Андерсъ Мо не настолько былъ пьянъ, чтобы не узнать человѣка, оказавшаго ему помощь.

— Вы милый и добрый человѣкъ, господинъ докторъ!—сказалъ онъ своимъ вкрадчивымъ тономъ:—право, милѣйшій человѣкъ! Это и Христина говорила...

Но лишь только онъ произнесъ это имя, пытаясь скорчить печальную физіономію, какъ докторъ разсвирѣпѣлъ, схватилъ его за плечи и принялся трясти.

— Она умерла!—проскрежеталъ онъ,—и ты ея убійца.

Мо вошелъ и воткнулъ ключъ изнутри. Въ отвѣтъ на слова доктора, онъ закачалъ головой и пьянымъ голосомъ пробормоталъ:

— Ахъ, бѣдная Христина! Умерла? Можно ли было ожидать этого? Ни министръ, ни супруга его...

— Не упоминайте имени моего отца въ связи съ вашимъ злодѣяніемъ!—крикнулъ Іоганнъ и уперся ногой въ дверь.

Мо какъ будто слегка отрезвился, бережно придерживая дверь полуоткрытой; газовый фонарь у подъѣзда освѣщалъ

блѣдное, морщинистое лицо его, и вѣроломную улыбку на губахъ, и сѣдыя пряди волосъ за ушами. Вполголоса, но отчетливо, онъ произнесъ:

— Министръ и его жена знали все. Но они не хотѣли, чтобы она досталась тебѣ и рады были, что я взялъ ее! Вотъ тебѣ, понялъ?—и съ несказанной злобой онъ показалъ доктору языкъ, послѣ чего проворно захлопнулъ дверь и два раза повернулъ ключъ изнутри.

Іоганнъ Беннехенъ, шатаясь, отступилъ къ фонарному столбу и долгое время стоялъ безъ движенія.

Мальчишка съ лѣстницей подбѣжалъ къ нему по тротуару.

— Пожалуйста, господинъ, посторонитесь! Я потушу газъ, а вы пока прислонитесь къ стѣнѣ!

Докторъ бѣжалъ оттуда, точно земля жгла ему ноги.

На востокѣ свѣтлѣло; сначала фонъ неба былъ сѣрый, потомъ становился все розовѣе и розовѣе, пока не взошло солнышко, привѣтливое, сіяющее весеннее солнышко, — то было первое мая; оно вышло изъ-за крышъ домовъ и позолотило церковныя колокольни.

А онъ шелъ все дальше и дальше, забрался даже въ старый городъ; затѣмъ поворотилъ назадъ и зашагалъ обратно, упорно глядя въ землю; все тѣ же мысли, тѣ же мучительныя сомнѣнія повторялись въ его умѣ.

Что мать эго знала (хоть и грустно такъ дурно думать о своей матери) онъ еще допускалъ отчасти. Она вѣдь свыше всякой мѣры боялась перейти границу свѣтскихъ условностей, страшилась скандаловъ. Но отецъ,—великій, благородный человѣкъ,—невозможно! Этого онъ не могъ себѣ представить. Мо, въ пьяномъ видѣ, просто солгалъ; это вѣдь вообще дьяволъ въ человѣческомъ образѣ.

Однако все это не могло помочь дѣлу. Сомнѣніе, какъ тлѣющій уголь, все сильнѣе и сильнѣе разгоралось въ немъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало узнать правду. Какъ только онъ сказалъ себѣ, что прямо обратится за разъясненіями къ родителямъ, у него немного отлегло отъ сердца, и онъ почувствовалъ себя спокойнѣе. Но о свиданіи съ родителями, раньше какъ черезъ два часа, не могло быть и рѣчи; докторъ вернулся къ пароходной пристани, гдѣ работа уже кипѣла

Рабочіе и крючники спускались къ гавани; подмастерья, съ кофейниками и бутербродами въ бумажкахъ, бѣжали въ мастерскія; фабричныя работницы шли вмѣстѣ, болтая, смѣясь и разсказывая другъ другу приключенія минувшей ночи; заспанные полицейскіе бродили всюду, ожидая смѣны.

Обычное, однообразное населеніе шевелилось уже въ

это время, — все бѣдный, трудящійся людъ. Хорошо одѣтый, блѣдный господинъ, проведшій ночь внѣ дома, пробирался среди этой публики, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ.

Между тѣмъ наверху, въ городѣ, въ аристократическихъ кварталахъ, еще спали за спущенными гардинами и запертыми дверьми. Возвышенная, величественная дремота подкрѣпляла опекуновъ государства, города, народа и его сокровищъ. Но яркое утреннее солнышко не могло разъяснить тайну, почему спящіе призваны были опекать, а бодрствующіе—быть опекаемыми?..

Въ переулкахъ ближе къ гавани дѣятельность такъ и кипѣла.

Пароходики оживленно свистѣли и уходили изъ гавани. На якорѣ, поодаль, стоялъ одинъ изъ большихъ западныхъ пароходовъ и ждалъ, чтобы смотритель гавани отвелъ ему мѣсто поближе къ пристани. Причаливали рыбаки и перебранивались съ торговцами и толстыми торговками съ большими плоскими корзинами.

Іоганнъ Беннехенъ пошелъ дальше на крѣпостную пристань, около которой стоялъ большой англійскій пароходъ. Паровой кранъ работалъ; люди копошились, какъ муравьи. Бочки и боченки съ пивомъ стояли вдоль набережной; тутъ же, образуя родъ пирамидъ, громоздились ящики съ норвежскими именами и американскими адресами.

Отъ одной группы мужчинъ и женщинъ съ дѣтьми въ новыхъ шерстяныхъ одеждахъ отдѣлился высокій, сухопарый малый, въ пестрой рубашкѣ и лѣтнемъ пальто.

— Здравствуй, Іоганнъ! Что это ты такъ рано всталъ? Ты меня не узнаешь?

Іоганнъ тотчасъ же узналъ его: это былъ его старый школьный товарищъ, съ которымъ онъ не видался нѣсколько лѣтъ.

— Гдѣ ты пропадалъ такъ долго? — спросилъ онъ.

— Въ Америкѣ, дружище!—развязно отвѣчалъ тотъ: — я агентъ по переселенческой части. Великолѣпное дѣло, но чертовски много съ нимъ возни, хлопотъ и мученій. Вотъ и сейчасъ, видишь ли, у меня заминка. На билетахъ эмигрантовъ стоитъ: „на пароходѣ имѣется норвежскій докторъ“. А нанятый мною субъектъ началъ ломаться. А кстати, ты вѣдь докторъ, Іоганнъ: иди ко мнѣ! Условія прекрасныя! Ты только выслушай!..

И агентъ, со страстною стремительностью пустился выяснять ему всѣ подробности. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, его собственная идея показалась ему такой великолѣпной, что въ заключеніе онъ воскликнулъ:

— Итакъ, рѣшено! По рукамъ! Господа, позвольте вамъ представить вашего новаго доктора!

Іоганну надо бы посмѣяться надъ увлекающимся пріятелемъ; но онъ вначалѣ не сказалъ ни да, ни нѣтъ. Въ концѣ концовъ умнѣе онъ и самъ не могъ бы ничего придумать.

Было около семи часовъ. Онъ пообѣщался въ теченіе недѣли дать опредѣленный отвѣтъ, а теперь направился къ дому своего отца.

Мало по малу и аристократическіе кварталы начали являть признаки жизни. Лавки подметались, зеркальныя стекла протирались. Благодушные граждане въ улицѣ Карла Іоганна выставляли флаги изъ мансардныхъ окошекъ: ожидалось прибытіе короля.

— Кто тамъ?—окликнула фрау Беннехенъ, когда Іоганнъ постучался въ дверь спальни.

— Это я, Іоганнъ. Мнѣ необходимо поговорить съ отцомъ.

— Сейчасъ войти нельзя...

Но сынъ съ шумомъ распахнулъ дверь.

— Что ты, Іоганнъ!—вскричала шокированная фрау Беннехенъ, отступая за пологъ кровати. Она была въ дезабилье, а министръ не вставалъ еще съ постели.

— Извините, но я непремѣнно долженъ поговорить съ вами...—сердце его такъ стучало, что онъ съ трудомъ выговаривалъ слова:—я пришелъ спросить тебя, отецъ, зналъ ли ты или мать о болѣзни Мо, когда онъ женился на Христинѣ?

Послѣ непродолжительной паузы, министръ отвѣтилъ:

— Я нахожу твое возбужденіе крайне неприличнымъ.

— Отвѣчай мнѣ! Отвѣчай мнѣ!—крикнулъ Іоганнъ.

Министръ Беннехенъ присѣлъ на кровати и попробовалъ внушительно поглядѣть на сына. Но это не подѣйствовало. Правда, онъ сидѣлъ въ ночной рубашкѣ, съ сѣдыми растрепанными космами жидкихъ волосъ. Если-бъ онъ явился въ настоящую минуту сыну въ своемъ полномъ блескѣ, то ему еще, можетъ быть, удалось бы спасти положеніе дѣлъ; но при видѣ сидящаго въ кровати зауряднаго, небритаго старика, весь искусственный пьедесталъ уваженія къ нему Іоганна рушился, какъ карточный домикъ; съ холодностью, почти испугавшей его самого, онъ сказалъ:

— Отецъ, какъ я въ тебѣ ошибся!

Но тутъ къ матери вернулось присутствіе духа.

— Ты могъ бы повѣжливѣе относиться къ своему отцу, Іоганнъ! А теперь, прошу тебя, выслушай меня хладнокровно. Ты самъ прекрасно знаешь, что болѣзнь, на которую ты намекаешь, такого рода, что о ней порядочные люди не говорятъ.

— Да, именно такъ!—воскликнулъ съ горечью сынъ:—я не разъ объ этомъ думалъ. Наисквернѣйшая изъ всѣхъ бо-

лѣзней должна скрываться, распространяясь incognito, потому что неприлично произносить ея названіе! О, если бъ ты знала, что ты надѣлала мать!

— Что я надѣлала? Ты совсѣмъ съ ума спятилъ, малый!— вышла изъ себя фрау Беннехенъ. Она просто не могла опомниться, что дуракъ-Іоганнъ входитъ въ роль судьи.

— Аделаида!—съ безпокойствомъ произнесъ министръ съ кровати.

Но пылъ Іоганна угасъ, какъ только онъ узналъ истину.

— Вы хотѣли помѣшать мнѣ соединиться съ нею,—сказалъ онъ, упавшимъ голосомъ: — это я могу понять и, можетъ быть, покорился бы вамъ... Но, что вы допустили ее погибнуть такимъ образомъ!.. О, вы не знаете, чего она стоила и сколько выстрадала! Теперь она умерла, а я сегодня уѣзжаю. Прощайте.

— Куда?—спросила мать.

— Въ Америку!—отвѣчалъ докторъ, уже въ дверяхъ.

— Въ Америку? Это невозможно! Даніель!—воскликнула фрау Беннехенъ.

— Это вещь серьезная!—отозвался министръ:—дай намъ прежде всѣмъ успокоиться.

Гильда, полуодѣтая, вбѣжала за братомъ въ комнату; изъ своей спальни она слышала большую часть разговора.

— Іоганнъ, Іоганнъ! Что такое? Ты опять уѣзжаешь?

— Да, Гильда. Уѣзжаю, на этотъ разъ навсегда. Въ Америку. Тебѣ это тяжело, бѣдняжка!—онъ обнялъ ее.

— Ахъ, да, да!—заплакала дѣвушка:—не можешь ли ты меня взять съ собою?

Она сказала это, не подумавши, но Іоганнъ принялъ слова ея въ серьезъ; когда же Гильда возразила, что мать ни за что ея не пуститъ, онъ сурово отвѣтилъ:

— Ахъ, уѣдутъ вѣдь лишь два неудачника! Да кромѣ того, мы и позволенія спрашивать не станемъ. Поѣдемъ! Будешь моей помощницей, пока не найдешь чего-нибудь лучше.

— Іоганнъ, ты говоришь серьезно?

— Разумѣется. Что здѣсь въ домѣ ждетъ тебя? Замужъ ты не выйдешь, прости меня, милая! Для труда—ты слишкомъ аристократична. Для Америки же ты годишься.

Но тутъ изъ своей спальни вышла фрау Беннехенъ.

— Ахъ, ты еще здѣсь, Іоганнъ? Отлично! Мнѣ надо поговорить съ тобой.

— Гильда ѣдетъ со мной,—объявилъ Іоганнъ.

Фрау Беннехенъ попробовала разсмѣяться.

— Рада слышать это! Значитъ ты все шутилъ? Я такъ и думала.

— Нѣтъ, я не шутилъ, мать, — сухо сказалъ Іоганнъ,— Гильда, ступай, укладывайся. Вечеромъ мы садимся на пароходъ.

Гильда была смущена, но вмѣстѣ и поражена властнымъ тономъ прежде столь робкаго брата. Она покорно вышла.

— Слушай, Іоганнъ!—сказала фрау Беннехенъ и стала прямо передъ сыномъ: — ты съ ума сошелъ или только пьянъ? Неужели ты воообразилъ, что я и твой отецъ допустимъ такой скандалъ!

— Я увезу Гильду сегодня вечеромъ. А если она не будетъ готова, ты можешь разсчитывать на еще большій скандалъ.

Онъ пошелъ къ двери.

Фрау Беннехенъ вскрикнула и упала въ кресло.

— Іоганнъ! — послышалось восклицаніе, и въ комнату вошелъ министръ съ брюками въ рукахъ: — ты видишь, матери дурно, помоги же ей!

— Ей не дурно!—отвѣтилъ Іоганнъ и съ этими словами ушелъ.

XIX.

Агентъ по переселенческой части потиралъ руки, радуясь, что ему такъ посчастливилось съ докторомъ, а самъ стоялъ и наблюдалъ за приближавшимся изъ Вестланда пароходомъ; послѣдній причалилъ уже къ набережной и остановился передъ англійскимъ пароходомъ.

Его зоркіе глаза, всюду искавшіе переселенцевъ, тотчасъ же подмѣтили Ньэделя и лоцманскаго старшину; лишь только они ступили на землю, агентъ протѣснился къ нимъ.

— Эмигранты, не такъ ли?—сказалъ онъ, здороваясь съ ними.

Зеегусъ тоже поздоровался съ нимъ, но когда агентъ сдѣлалъ попытку взять изъ рукъ его мѣшокъ, то онъ воспротивился, прося его не утруждать себя его багажемъ. Между тѣмъ агентъ болталъ не умолкая, выводя ихъ вонъ изъ толпы, валившей съ парохода. Ньэдель шелъ позади, съ недовѣріемъ поглядывая вокругъ.

— Взгляните-ка, вотъ нашъ пароходъ, первоклассный во всѣхъ отношеніяхъ! Билеты у васъ есть?—спросилъ агентъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Зеегусъ.

— Very well. Билеты выдадутъ вамъ на пароходѣ. Пожалуйста, соблаговолите взойти.

— Когда отходитъ этотъ пароходъ? — освѣдомился Ньэдель.

— Завтра, рано утромъ! — быстро сообщилъ тотъ и зата-

раторилъ (у Ньэделя даже закружилась голова), объясняя всѣ подробности рейса. Какое счастье, что они встрѣтили именно его! И какое удобство сразу сѣсть на пароходъ, не тратясь на помѣщеніе въ городѣ! Послѣднее обстоятельство показалось простолюдинамъ очень вѣскимъ; они попались на удочку и взошли съ агентомъ на пароходъ; а онъ въ какіе-нибудь четверть часа раздобылъ имъ билеты, опредѣлилъ койки во второмъ классѣ, взялъ съ нихъ впередъ деньги, выдалъ квитанцію и захлопалъ въ ладоши.

— All right, first class, altogether!

Когда все это было устроено, они сошли на берегъ, но Ньэдель шепнулъ Зеегусу:

— Не надулъ бы насъ этотъ фертикъ! Что-то ужъ больно болтать здоровъ...

Но Зеегусъ разсмѣялся съ видомъ превосходства и пояснилъ, что у всѣхъ американцевъ такая манера. Теперь надлежало получить справки о процессѣ и разыскать Христину въ госпиталѣ. Ньэдель хотѣлъ тотчасъ же идти къ королю, но Зеегусъ опять поднялъ его на смѣхъ, а самъ началъ спрашивать каждаго встрѣчнаго, какъ попасть въ министерство.

Но ему не повезло: большинство только смѣялось или острило, другіе же останавливались и глазѣли на нихъ: видъ провинціаловъ былъ необычайный,—маленькій, краснощекій Зеегусъ, въ желтой курткѣ и мѣховомъ картузѣ, и долговязый, сгорбленый великанъ съ всклокоченной бородищей и удивительными, дѣтски-ясными глазами. Они и сами начали чувствовать неловкость, когда попали въ аристократическія улицы; Зеегусъ уже не такъ увѣренно обращался къ прохожимъ съ вопросомъ и, поровнявшись съ почтамтомъ, онъ уныло сказалъ:

— Теперь уже десять часовъ.

Они остановились посмотрѣть на колокольню церкви Спасителя, когда мужчина съ бумагами подъ мышкой обогнулъ уголъ.

Зеегусъ собрался съ духомъ и обратился къ нему:

— Извините! Не можете ли вы указать намъ, гдѣ министерство?

— Какое министерство?

— Развѣ ихъ нѣсколько?—робко освѣдомился Зеегусъ.

— Ахъ, почтеннѣйшій, — сказалъ изящный господинъ:— какъ могло бы одно министерство управлять всей старой Норвегіей? А чего вамъ надо въ министерствѣ?

— Справиться о процессѣ,—отвѣтилъ Ньэдель.

— Видите-ли,—пояснилъ Зеегусъ:—дѣло идетъ о берегѣ съ тростникомъ и объ одной большой канавѣ.

— А!.. Канавъ достаточно во всѣхъ министерствахъ,— добродушно пошутилъ господинъ:—но берегъ съ тростникомъ это ужъ нѣчто посложнѣе.

— Въ министерствѣ этомъ долженъ быть министръ...— замѣтилъ Зеегусъ.

— Ахъ, милый человѣкъ, гдѣ же нѣтъ министра? У насъ ихъ одиннадцать штукъ!

Тутъ Зеегусъ окончательно повѣсилъ носъ и безпомощно взглянулъ на Ньэделя.

— Тамъ у меня есть братъ,—сказалъ Ньэдель.

— Вотъ какъ! А какъ его зовутъ?

— Андерсъ. Андерсъ Мо.

— А, Мо? Его я знаю хорошо. Такъ это вашъ братъ? Пойдемте со мною, намъ по пути.

Съ этими словами изящный господинъ пошелъ впереди, а оба пріятеля на нѣсколько шаговъ сзади него.

— Это—настоящій баринъ! — шепнулъ Ньэдель: — ему совѣстно идти съ нами.

— Я ему еще не вполнѣ довѣряю! — осторожно откликнулся Зеегусъ.

Войдя вмѣстѣ съ крестьянами, Георгъ Дельфинъ сказалъ канцеляристу Мортенсену:

— Я привелъ вамъ два настоящихъ экземпляра нынѣ вымершей породы, именуемой народомъ! А вамъ, господа,— онъ обратился къ пришельцамъ:—имѣю удовольствіе представить настоящаго народника, Мортенсена.

Редакторъ всталъ и торжественно поклонился, хотя никогда навѣрное не зналъ, шутитъ начальникъ или нѣтъ. Въ короткихъ, высокопарныхъ словахъ, онъ выразилъ радость видѣть воочію настоящихъ крестьянъ, честныхъ, благородныхъ, трудолюбивыхъ норвежскихъ поселянъ; онъ въ восторгѣ видѣть ихъ, да,—и т. п.

Эта маленькая комедія привлекла изъ сосѣдней комнаты Эрсета и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ. Зеегусъ не сводилъ глазъ съ желтой, жирной физіономіи Мортенсена; въ немъ давно уже что-то закипало, а теперь готово было прорваться наружу; однако до поры до времени онъ сдерживался, стараясь казаться спокойнымъ.

— Этихъ господъ,—продолжалъ начальникъ, намѣреваясь идти дальше:—я рекомендую вашему особенному вниманію, господинъ Мортенсенъ! Не сомнѣваюсь, что вы съ восторгомъ воспользуетесь случаемъ доказать, что вы „настоящій защитникъ народа"...

— Извините, господинъ начальникъ!—сердито отозвался Мортенсенъ:—кажется, шутить сегодня и некогда, и неумѣстно.

— Шутить? Мортенсенъ сказалъ шутить? Господа, кто.

нибудь изъ васъ слышалъ, что канцеляристъ Мортенсенъ произнесъ слово: шутить? Я не могу себѣ представить,— продолжалъ Дельфинъ, со свойственной ему изящной ядовитой улыбочкой, пугавшей его враговъ:—я прямо не допускаю, чтобы канцеляристъ Мортенсенъ одно изъ моихъ приказаній позволилъ себѣ принять за шутку! Эти двое господъ желаютъ получить справку касательно берега съ тростникомъ, при чемъ дѣло должно находиться у насъ. Не соблаговолитъ ли канцеляристъ Мортенсенъ немедленно приняться за дѣло, разыскать необходимые документы и дать этимъ господамъ требуемую справку.

Кровь бросилась въ голову редактору; когда остальные замѣтили, какое направленіе принимаетъ комедія, то потихоньку разбрелись по своимъ мѣстамъ и нагнули головы надъ кипами дѣловыхъ бумагъ.

Но тутъ заговорилъ лоцманскій старшина Зеегусъ:

— Извините, но мы предпочли бы поговорить съ самимъ министромъ. Съ этимъ же господиномъ я не хочу имѣть никакого дѣла.

— Въ этомъ я вамъ вполнѣ сочувствую! — согласился камергеръ Дельфинъ и повелъ обоихъ крестьянъ за собою черезъ всю комнату до самаго кабинета министра. Здѣсь онъ попросилъ ихъ обождать, такъ какъ министръ еще не прибылъ.

Они ждали его прибытія почти часъ, а прибылъ онъ въ отвратительномъ расположеніи духа. Но вѣдь министръ Беннехенъ умѣлъ тѣмъ болѣе сіять довольствомъ, чѣмъ хуже шли дѣла. Впрочемъ, сегодня надѣть маску было ему не такъ легко: непріятности начались чрезвычайно рано и длились весьма долго.

Прежде всего, послѣ злополучной сцены съ Іоганномъ, ему пришлось выдержать длинное и тягостное объясненіе съ Аделаидой. Наконецъ, ему посчастливилось выяснить этой энергичной дамѣ, что насиліе и заточеніе едва ли дѣйствительныя средства противъ скандала, послѣ чего они рѣшили по наружности благодушно отнестись къ выходкѣ неудачника и обставить дѣло такъ, будто Іоганнъ ѣдетъ путешествовать въ Америку, а Гильда сопровождаетъ брата для своего удовольствія.

— Ахъ, Богъ мой! Но ни одна живая душа этому не повѣритъ!—стонала фрау Беннехенъ.

— Будетъ зависѣть отъ того, какъ мы это станемъ разсказывать! — успокаивалъ ее мужъ.

Но не успѣлъ онъ покончить съ этимъ, какъ явился съ разстроеннымъ лицомъ Альфредъ. Онъ... онъ былъ принужденъ выдать векселекъ, сегодня вексельку срокъ.. и... и..

Министръ разсвирѣпѣлъ и началъ было громовую рѣчь, но жена его вытолкала Альфреда въ прихожую и обѣщала помочь ему изъ хозяйственныхъ суммъ.

И нужно же было случиться всему этому какъ разъ въ тотъ день, когда послѣ долгаго отсутствія, ожидали пріѣзда его величества, въ такое время, когда подобало обставить въѣздъ короля по возможности парадно и торжественно.

А поэтому, когда министръ, черезъ свой особый ходъ, проникъ въ министерство, онъ еле удержался отъ проклятія, при видѣ поджидавшихъ его двухъ чудаковъ.

Зеегусъ тотчасъ же всталъ и началъ излагать дѣло, по заранѣе подготовленному плану, при чемъ, къ удивленію Ньэделя, величалъ министра „его высочествомъ".

Министръ съ минуту смотрѣлъ на него, открылъ дверь къ секретарю экспедиціи и спросилъ:

— Что это за люди сидятъ тутъ?

— Не могу знать, господинъ министръ! Увѣряю васъ, что я ровно ничего не знаю!—отвѣчалъ секретарь, маленькій, худой, сѣденькій старичекъ: — ихъ привелъ камергеръ Дельфинъ. Ей Богу, я ничего не знаю, ровно ничего!

— Это на васъ похоже:—проворчалъ министръ: — попросите сюда Дельфина.

— Сію минуту, господинъ министръ, сію минуту! Черезъ мгновеніе онъ будетъ здѣсь!—Старичекъ соскочилъ со стула, обѣжалъ два раза комнату, отыскивая шляпу, вспомнилъ, что на улицу выходить не придется, и кинулся къ противоположной двери, чтобы позвать Дельфина.

Министръ раза два прошелся молча по комнатѣ; Зеегусъ лишился языка; онъ начиналъ находить всю эту исторію удивительной.

Министръ Беннехенъ самъ отчасти способствовалъ быстрой карьерѣ, сдѣланной Дельфиномъ; впрочемъ, за послѣднее время у него сложилось о камергерѣ нѣсколько худшее мнѣніе; министръ подумывалъ даже перевести его на службу въ провинцію. Тѣмъ не менѣе, Георгъ Дельфинъ, со своимъ острымъ языкомъ и хорошими связями, былъ личностью, съ которой приходилось поневолѣ считаться, а въ особенности избѣгать скандала.

Поэтому, когда камергеръ вошелъ, министръ дружески сказалъ:

— Любезный господинъ каммергеръ, я попрошу васъ о большомъ одолженіи! Какъ извѣстно, въ четыре часа пріѣдетъ его величество и представители города соберутся у меня закусить à la fourchette, передъ торжественной встрѣчей... Понятно, и вы окажете мнѣ честь пожаловать, господинъ камергеръ.

Дельфинъ поклонился.

— Но вотъ о чемъ я васъ хотѣлъ попросить, милый Дельфинъ... Не откажите сходить къ моей женѣ и помогите ей въ приготовленіяхъ.. Пониманіе всѣхъ этихъ тонкостей — одинъ изъ вашихъ многихъ талантовъ. Кстати, скажу вамъ, что Аделаида нѣсколько взволнована... гм... по поводу разныхъ инцидентовъ... — министръ попытался слегка улыбнуться:—Вы, безъ сомнѣнія, слышали, что Іоганнъ давнымъ давно поговаривалъ о путешествіи въ Америку?

Дельфинъ, съ тактомъ свѣтскаго человѣка, отвѣчалъ утвердительно.

— Это одинъ изъ его капризовъ,—шутливо продолжалъ министръ:—а теперь какъ разъ представился рѣдкій случай... Онъ ѣдетъ въ качествѣ врача при эмигрантахъ, а Гильда сопровождаетъ его, ради собственнаго удовольствія!

— Фрейлейнъ Гильда? — вскричалъ Дельфинъ и совершенно позабылъ свою роль.

— Ну да!—разсмѣялся министръ. — Сумасбродная мысль, не правда ли? Аделаида долго не пускала ея; но я сказалъ: Богъ съ ней! пусть развлечется, попутешествуетъ! Въ наши дни поѣздка въ Америку — partie de plaisir, не болѣе! Кромѣ того, докторъ Роде нашелъ, что морской воздухъ, знаете ли, гм...

Дельфинъ, изъ вѣжливости, пробормоталъ нѣсколько словъ. Министръ остался очень доволенъ собою. Въ дверяхъ онъ фамильярно спросилъ:

— Это что за два субъекта буколическаго стиля, которыхъ вы мнѣ навязали на шею?

— Это крестьяне изъ Вестланда. Они справляются о тяжбѣ, направленной къ намъ. Я занялся ими, потому что Мортенсенъ не слишкомъ любезенъ. Я подумалъ, что не стоитъ заводить исторію...

— Совершенно правильно, милый Дельфинъ! Я самъ ими займусь. Между нами, Мортенсенъ дѣйствительно грубоватъ...

По уходѣ камергера, министръ обратился къ ожидающимъ и привѣтливо сказалъ:

— Ну-съ, друзья мои, теперь я весь къ вашимъ услугамъ. Дѣло идетъ значитъ о...

— О берегѣ съ тростникомъ!—пояснилъ Зеегусъ.

— О берегѣ съ тростникомъ, — повторилъ министръ: — Присядьте, прошу васъ. Мы живо все разузнаемъ.

Онъ позвонилъ.

— Дѣло недавно поступило къ намъ?

— Осенью будетъ два года,—сказалъ Ньэдель.

Министръ такъ и подскочилъ при звукѣ этого грубаго

голоса. Онъ поспѣшно открылъ одну изъ дверей своего кабинета и крикнулъ: Мо! Но Андерса Мо тамъ не оказалось; министръ пошелъ къ другой двери и перепугалъ до полусмерти робкаго секретаря экспедиціи, такъ какъ загремѣлъ ключами и спросилъ, гдѣ дѣло о морскомъ берегѣ съ тростникомъ. Секретарь ринулся къ своимъ протоколамъ, неистово рылся въ бумагахъ и перелистывалъ ихъ то впередъ, то назадъ, ища проклятую тяжбу, которую слѣдовало представить два года тому назадъ.

Затѣмъ министръ проникъ дальше, во внутреннія комнаты, и дошелъ до самого Мортенсена, куда, насколько извѣстно, ни разу до сихъ поръ не заглядывалъ, — при чемъ всюду вносилъ испугъ и ужасъ своими ключами и требованіемъ немедленно представить ему злополучное дѣло вестландскихъ мужичковъ, о которомъ никто изъ чиновниковъ не слыхалъ.

Мортенсенъ не безъ ехидства попробовалъ было сказать:

— Камергеръ Дельфинъ уже ушелъ. Быть можетъ, ему что-либо извѣстно...

— Камергеръ Дельфинъ ушелъ по дѣлу, а кромѣ того, тяжба навѣрно давнымъ давно прошла черезъ его руки!—строго отрѣзалъ министръ.—Потрудитесь немедленно навести справки и доложить мнѣ. Чтобы документы были найдены, понимаете, господа? Немедленно найдены!

Министръ вернулся въ свой кабинетъ, а все министерство вдругъ закопошилось и заволновалось.

Муравейникъ взбудоражился; двери открывались и захлопывались; озабоченныя физіономіи показывались и исчезали; полки опоражнивались, пакеты перерывались, а докладчики лазили вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, чтобы потомъ въ нѣмомъ отчаяніи возиться по полу, роясь въ пыльныхъ бумагахъ.

Страхъ возрасталъ съ минуты на минуту; между тѣмъ министръ безпрестанно отворялъ свою дверь и спрашивалъ: „найдено? а?“—такъ что несчастный секретарь вертѣлся, какъ подстегиваемый кубарь.

Но все смятеніе сосредоточилось, наконецъ, на одномъ вопросѣ, такъ что по всему зданію начало носиться нѣчто въ родѣ подавленнаго стона или вздоха: „гдѣ Мо? Гдѣ же всезнающій Андерсъ?“

Наконецъ, онъ пришелъ. Блѣдный, спокойный, улыбающійся, проскользнулъ онъ въ кабинетъ министра, какъ разъ въ то время, когда тамъ столпилась кучка перепуганныхъ чиновниковъ, силившихся доказать, что тяжба о пресловутомъ „берегѣ“ никоимъ образомъ никогда не могла находиться въ ихъ рукахъ.

Всѣ съ облегченіемъ вздохнули при появленіи Мо, а министръ поспѣшно спросилъ,—не знаетъ ли онъ чего о тяжбѣ.

— Да, — отвѣтилъ Мо, — она лежитъ въ „хаосѣ“.

— Гдѣ?—переспросилъ министръ.

— Въ „хаосѣ“ Мортенсена,—хихикнулъ Мо.

— Если вы знаете, гдѣ находятся документы, то принесите ихъ!—приказалъ министръ.

Андерсъ Мо вышелъ; разъяренные Мортенсенъ и прочіе чиновники послѣдовали за нимъ.

— Это былъ твой братъ? — спросилъ лоцманскій старшина.

— Кажется... По разговору надо быть онъ...—неувѣренно отвѣчалъ Ньэдель.—Только и постарѣлъ же онъ и какъ будто меньше сталъ!

Министръ подумалъ, что эта сцена произвела на двухъ крестьянъ неблагопріятное впечатлѣніе, и привѣтливо обратился къ Зеегусу:

— Какъ васъ зовутъ, другъ мой?

— Лауритцъ Больдеманъ Зеегусъ.

Министръ окаменѣлъ при этомъ звучномъ имени, а узнавъ, что Зеегусъ лоцманскій старшина, онъ взялъ стулъ и подсѣлъ къ нему вплотную, въ разговорѣ дружески похлопывая его по колѣну.

— Скажите, господинъ старшина, вѣдь тамъ, на берегу, жить бываетъ тяжело и опасно?

— Да, ваше высочество, бываетъ! Когда люди въ бурю и непогоду отваживаются идти въ открытое море, нелегко бываетъ!

— О да! да! — подхватилъ министръ, вытягивая впередъ руку. — Часто думаю я объ этихъ, прославленныхъ по всему свѣту, безстрашныхъ лоцманахъ, какихъ много у насъ! Съ гордостью думаю о нихъ! Отъ души радъ познакомиться съ однимъ изъ нихъ!..

— Какъ! — смутился Зеегусъ: — самъ то вѣдь я не лоцманъ... и Ньэдель тоже.

— Гм...—промычалъ министръ и заговорилъ о другомъ.

— Крупная тамъ у васъ ловля сельдей, въ Вестландѣ? Въ вашемъ округѣ этотъ промыселъ, вѣроятно, служитъ важнымъ источникомъ дохода?

— Да, для тѣхъ, кому удается что-нибудь поймать! — отвѣчалъ Зеегусъ, начинавшій полагать, что министръ большой шутникъ.

— Какая оживленная, пестрая жизнь должна кипѣть при крупныхъ уловахъ рыбы!—продолжалъ министръ:—наплывъ рыбаковъ изъ разныхъ частей государства, безъ сомнѣнія, имѣетъ вліяніе на развитіе народной культуры...

— Большею частью кончается дракой, ваше высочество!— отвѣчалъ Зеегусъ.

— Да, понятно, гм... Маленькія столкновенія... Но, скажите мнѣ...—министръ еще разъ перемѣнилъ тему: — когда стекается такое множество народа, гдѣ находите вы пріютъ... для ночлега?

— Да, съ ночлегомъ, ваше высочество, приходится крутенько! Большинство ложится на брюхо и прикрывается, насколько возможно, своимъ задомъ.

Министръ загремѣлъ ключами и началъ ходить по комнатѣ.

Зеегусъ, въ простотѣ душевной, даже не подозрѣвалъ, что отлилъ пулю, и, находя, что министръ чрезвычайно обходительный господинъ, толкнулъ Ньэделя: „Кстати, молъ, не спросить ли его про дорогу?..“

— Ньэдель утвердительно кивнулъ головой и Зеегусъ всталъ.

— Не хотѣлось бы васъ безпокоить, ваше высочество, а желательно бы кой о чемъ спросить...

— Я къ вашимъ услугамъ, господинъ лоцманскій старшина.

— Ваше высочество, скажите по правдѣ, вы вѣдь выше всякихъ старостъ, подрядчиковъ и инженеръ-капитановъ?

— О, да...—допустилъ министръ.

Глаза Зеегуса сверкнули торжествомъ. Наконецъ-то, онъ напалъ на настоящаго человѣка! Наконецъ-то, онъ выскажется насчетъ дороги, и его накоплявшаяся долгое время злость прорвалась такимъ потокомъ краснорѣчія, что министръ едва ли все понялъ...

— О какомъ участкѣ идетъ рѣчь? — спросилъ онъ, наконецъ, уловивъ жалобу на состояніе дороги и указывая на большую карту, висѣвшую на стѣнѣ.

Зеегусъ, привыкшій за время плаванія къ картамъ, вскорѣ нашелъ то, что ему требовалось. Министръ надѣлъ золотое pince-nez, взялъ со стола циркуль и съ большой точностью измѣрилъ указанный кусочекъ.

Затѣмъ методически и спокойно, какъ всегда, онъ сказалъ:

— Вотъ видите ли, господинъ Зеегусъ, на картѣ сѣть дорогъ. Вообразите себѣ, если всѣ эти красныя, желтыя и синія полосы вытянуть въ одну линію, вѣдь получится основательная длина, не правда ли?

— О, да!—согласился старшина, не зная къ чему все это клонится.

— А теперь, для сравненія, обратите вниманіе на разстояніе между двумя кончиками циркуля.—Министръ протянулъ

Крестьянское управленіе.

I.

Трудный выборъ представился творцамъ крестьянской реформы, когда настала пора опредѣлить, кто долженъ на мѣстахъ провести въ жизнь начертанные ими новые законы о крестьянахъ. Въ области управленія существо преобразованія, обусловленнаго отмѣною крѣпостнаго права, заключалось въ томъ, что крестьяне, получивъ права свободныхъ сословій, соединялись, говоря словами редакціонныхъ коммиссій, въ „сельскія общества съ опредѣленнымъ кругомъ дѣйствія и власти и на возможно широкихъ началахъ самоуправленія“ *). Законодатель стремился въ то время „упрочить за крестьянскими обществами независимое распоряженіе внутренними дѣлами своими, сохранивъ за ними неприкосновеннымъ право имѣть начальниками людей, изъ среды своей избираемыхъ“ **). По свидѣтельству другой коммиссіи, участвовавшей въ выработкѣ проекта положенія о мировыхъ посредникахъ, „мысли о необходимости особаго спеціальнаго управленія или административнаго вѣдомства“ для крестьянъ тогда къ предположеніи не было ***). Но по упраздненіи крѣпостной зависимости, какъ и ожидали составители положеній о крестьянахъ, неизбѣжно должны были возникнуть между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными „разные недоумѣнія и споры“, вытекающіе изъ новыхъ ихъ взаимныхъ отношеній и требующіе скораго разрѣшенія. „Поэтому — говорили редакціонныя коммиссіи — предстояла *крайняя* необходимость образовать новыя для этого мѣстныя *учрежденія*, какъ для разбора этихъ споровъ, такъ и для нѣкоторыхъ дѣлъ распорядительныхъ“ ****). Коммиссіи признавали, что всего желательнѣе было бы слить эти учрежденія съ проектировавшимися тогда *„общими мировыми учрежденіями* для всѣхъ сословій и вѣдомствъ“. Но можно ли было поставить въ зависимость отъ судебной реформы удовлетвореніе такой насущной потребности, которая должна была сказаться на другой день послѣ паденія крѣпостного права?

Судебная реформа, такъ же какъ и полное преобразованіе всего административнаго строя провинціи, были безспорно и не-

---

*) Скребицкій. Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. Т. I. стр. 627. Боннъ на Рейнѣ. 1862.

**) Тамъ же, стр. 636.

***) Тамъ же, стр. 703.

****) Тамъ же, стр. 714.

отложно необходимы. Мало того: отсутствіе суда, достойнаго этого имени, и полновластіе чиновниковъ во всѣхъ отрасляхъ губернскаго и уѣзднаго управленія заставляли многихъ людей, искренно преданныхъ дѣлу освобожденія, опасаться за судьбы крестьянской реформы. Въ самомъ дѣлѣ, если, съ одной стороны, твердыня помѣщичьей власти не могла еще въ то время считаться окончательно сокрушенной, то, съ другой — твердыня чиновничьяго произвола высилась во всеоружіи. „Вся Россія — писалъ А. М. Унковскій въ своемъ отзывѣ на проекты редакціонныхъ коммиссій, — раздѣляется на вотчины частныя и вотчины государственныя, и повсюду господствуетъ произволъ... Не смотря на постоянное стремленіе верховной власти ограничить произволъ мѣстныхъ управленій и поставить ихъ въ законные предѣлы, эти благія намѣренія никогда на дѣлѣ не исполнялись. Само правительство противилось своимъ собственнымъ побужденіямъ и при составленіи законовъ старалось считать только со вѣсть однимъ видимымъ приличіемъ, полагая въ самихъ законахъ незамѣтныя, но не менѣе того существенныя преграды къ ихъ исполненію. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить положеніе государственныхъ крестьянъ, имѣющихъ, повидимому, большія общественныя права, но лишенныхъ на дѣлѣ всякой возможности ими пользоваться. То же можно сказать о правахъ всѣхъ другихъ сословій. Если само правительство охраняло систему административнаго произвола, то о низшихъ должностныхъ лицахъ и говорить нечего. Принадлежа къ сословію, имѣвшему вотчинныя права на половину Россіи, и будучи лично заинтересованы въ системѣ произвольнаго крѣпостного управленія, они старались и стараются только объ огражденіи этого порядка отъ всякихъ зол и напастей. Такимъ образомъ во всемъ нашемъ управленіи и даже въ судахъ господствуетъ одинъ произволъ. Законы лежатъ подъ спудомъ въ тяжелыхъ и толстыхъ книгахъ, не имѣя никакого отношенія къ народной жизни. До этихъ поръ народъ жилъ своею жизнью и молчалъ... Дворяне - владѣльцы, будучи въ нѣсколько враждебныхъ отношеніяхъ къ сельскому народонаселенію, уединенные отъ всѣхъ сословій, и при томъ нѣсколько огражденные выборными правами отъ притѣсненій мѣстнаго управленія, молча пользовались вотчинными правами; чиновники, имѣвшіе личныя выгоды въ произвольномъ и неответственномъ управленіи, заботились только о благоспѣшномъ продолженіи этой системы управленія и различными средствами (цензурою и т. п.) не допускали истины до престола. Поэтому весь народъ молчалъ, и *сверху казалось* все хорошо и покойно" *).

Съ отмѣной крѣпостного права ускользала почва изъ подъ

*) Тамъ же, стр. 785. См. также: А. А. Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб. 1872 г., стр. 141—176.

дореформеннаго общественнаго зданія Россіи. Паденіе его, послѣ крестьянской реформы, рано или поздно, было неминуемо. Но пока-что оно стояло, и ужъ, конечно, нельзя было ожидать, что бы въ цѣляхъ упраздненія стараго порядка стали сознательно работать тѣ элементы общества, которые были лично заинтересованы въ огражденіи его „отъ всѣхъ золъ и напастей" и до послѣдняго часа его существованія „молча пользовались" своими правами въ „вотчинахъ частныхъ и вотчинахъ государственныхъ". Напротивъ, можно было думать, что они и въ этотъ послѣдній часъ напрягутъ всѣ силы къ тому, чтобы удержать за собою свои позиціи,—и они, дѣйствительно, сдѣлали это.

„До этихъ поръ,—писали, напр., дворянскіе депутаты, призванные для экспертизы проектовъ редакціонныхъ коммиссій,—внутренній порядокъ большей части Россіи обезпечивался властью помѣщика надъ поселенными на его землѣ людьми. Въ государственномъ отношеніи эта власть имѣла двоякое значеніе: она представляла, во-первыхъ, право помѣщика на личность и трудъ крѣпостнаго народонаселенія; во-вторыхъ—участіе помѣщика въ поддержаніи благочинія и порядка между людьми, водворенными на его крѣпостной землѣ. Первый изъ этихъ видовъ вотчинной власти совершенно устраняется въ настоящее время по общему рѣшенію всего помѣстнаго дворянства; но отъ второго дворянство никогда не отказывалось и положительно заявило о томъ въ проектахъ губернскихъ комитетовъ" *). Въ самомъ дѣлѣ, большинство этихъ проектовъ требовало для помѣщиковъ *начальнической власти* надъ сельскими обществами. Предѣлы этой власти намѣчались такъ широко, что, осуществись эти предположенія, и въ отношеніяхъ двухъ сословій никакихъ перемѣнъ не произошло бы. Какъ откровенно замѣтилъ, напр., казанскій комитетъ, для дворянства было „ясно, что это вліяніе и власть (помѣщика надъ крестьянами) остаются почти тѣ же, какими были они и въ крѣпостномъ быту. Но—сказано далѣе—вся эта власть, эти права помѣщика заключаются теперь въ болѣе опредѣленныхъ предѣлахъ закона" **). Соотвѣтствующая глава проекта большинства тульскаго комитета, по его собственному объясненію, „есть развитіе вотчинныхъ правъ помѣщика и сохраненіе за ними основныхъ преимуществъ, дарованныхъ дворянству Августѣйшими монархами Россіи, по владѣнію населенными имѣніями" ***). Но, какъ язвительно замѣтили редакціонныя коммиссіи, отвѣчая на это домогательство,—„такъ какъ изъ этихъ-то именно преимуществъ и слагалось крѣпостное право, отмѣна котораго есть вопросъ, единогласно всѣмъ вообще дворянствомъ рѣшенный, то развитіе

---

*) Тамъ же, стр. 814.
**) Тамъ же, стр. 609.
***) Тамъ же, стр. 611.

будущихъ отношеній, въ смыслѣ сохраненія за помѣщикомъ подобнаго отмѣняемаго прошедшаго, было бы ничѣмъ другимъ, какъ повтореніемъ большей части явленій крѣпостнаго права" *).

Надо было, очевидно, заботиться не о сохраненіи начальнической власти помѣщика надъ сельскими обществами, а объ огражденіи послѣднихъ отъ возможныхъ посягательствъ на ихъ самостоятельность съ этой стороны. Такимъ образомъ новымъ мѣстнымъ учрежденіямъ предстояло играть роль заслона для сельскихъ обществъ по отношенію къ бывшимъ владѣльцамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Но такой же заслонъ нуженъ былъ и съ другой стороны, ибо, какъ справедливо полагалъ Унковскій въ той же запискѣ,—при дореформенныхъ порядкахъ мѣстнаго управленія, „помѣщичьи крестьяне должны (были) неминуемо подпасть подъ необузданный произволъ чиновниковъ". А вѣдь все равно—говоритъ онъ—„быть ли крѣпостнымъ помощника, или крѣпостнымъ чиновника" **). Отсюда и вытекало требованіе, предъявленное либеральнымъ меньшинствомъ дворянства, чтобы, одновременно съ упраздненіемъ помѣщичьей власти, освобождаемые крестьяне въ административномъ отношеніи были слиты съ другими сословіями, и чтобы крестьянская реформа сопровождалась общимъ преобразованіемъ въ устройствѣ мѣстнаго управленія и суда.

Но возможно ли было выполненіе этого замысла въ 1861 году? Намъ кажется, что редакціонныя коммиссіи были правы, находя этотъ планъ неосуществимымъ въ то время. „Чрезвычайная обширность и многосложность требуемыхъ такою реформою законодательныхъ трудовъ", по справедливому сужденію коммиссій, грозила отдалить рѣшеніе крестьянскаго вопроса, а этого нельзя было допустить. Извѣстно, что сторонники освобожденія крестьянъ въ правительствѣ составляли меньшинство, и если ихъ энергическая защита интересовъ народа и неуклонное служеніе великой идеѣ аттестовались въ дворянскихъ кругахъ, какъ „неистовыя выходки поборниковъ извѣстной пропаганды, принявшихъ на себя личину любви къ Россіи и рѣзко напоминающихъ сословныя нападки 1789 года" ***) (отзывъ калужскаго большинства), то и въ правящихъ сферахъ имъ присвоивалась многозначительная кличка „красныхъ" ****). Такая репутація была совершенно незаслуженна, но уже одно то, что она составилась, показываетъ, какъ мало можно было медлить въ крестьянскомъ дѣлѣ съ рѣшительнымъ шагомъ, послѣ котораго невозможно было бы для правительства отступленіе.

---

*) Тамъ же, стр. 630.

**) Тамъ же, стр. 792

***) Тамъ же, стр. 610.

****) Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Спб. 1893 т. 3.

Необходимо было, во что бы то ни стало, при данныхъ условіяхъ административнаго и судебнаго строя, создать на мѣстахъ органы для разбора „недоумѣній и споровъ“ между помѣщиками и крестьянами, для устройства поземельнаго быта послѣднихъ, для „руководства и охраны“, на первое время, народившагося сельскаго общественнаго управленія. Понятно, что при описанныхъ условіяхъ можно было создать лишь учрежденіе, поставленное въ исключительное положеніе и облеченное исключительными полномочіями. Нужна была своего рода диктатура, приноровленная къ обстоятельствамъ исключительнаго времени и требованіямъ исключительной задачи, значеніе которой тогда не безъ основанія опредѣлялось словами: „экономическій переворотъ“ *). Положеніе 19 февраля 1861 года о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ и создало такой органъ.

При учрежденіи должности мировыхъ посредниковъ много споровъ вызывалъ вопросъ, какъ замѣщать эти должности—путемъ выбора или по назначенію отъ правительства. О предоставленіи выбора мировыхъ посредниковъ дворянскимъ собраніямъ не могло быть и рѣчи, хотя представители дворянскихъ интересовъ настойчиво добивались именно такого рѣшенія вопроса **). „Избраніе посредниковъ одними дворянами-помѣщиками было бы несправедливо,—писала коммиссія, составлявшая первоначальный текстъ проекта,—потому что назначеніе мирового посредника — быть судьей интересовъ двухъ сословій, а не одного. Нельзя ожидать отъ одного сословія, при всемъ даже благонамѣренномъ стремленіи, полнаго отрѣшенія отъ своихъ сословныхъ интересовъ, а судьи, такимъ образомъ избранные, не могутъ внушить ни правительству, ни народу полнаго довѣрія къ своему безпристрастію“ ***). Вдобавокъ, мировыхъ посредниковъ, волей-неволей, приходилось брать изъ среды помѣстныхъ дворянъ, такъ какъ въ то время можно было безъ всякаго преувеличенія сказать, что „масса образованнаго класса въ Россіи почти исключительно принадлежитъ къ дворянскому сословію“. Много доводовъ приводилось въ пользу избранія мировыхъ посредниковъ крестьянами: такъ этотъ вопросъ рѣшался и главными основаніями проекта, высочайше утвержденными 25 марта 1859 года, и проектомъ, редактированнымъ редакціонными коммиссіями. „Помѣщикъ, избранный,—писали они,—на точномъ основаніи высочайше утвержденныхъ началъ, представителями нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, долженъ пріобрѣсть особое значеніе и уваженіе, и отказаться

---

*) Скребицкій. Крестьянское дѣло. Т. 1, стр. 661.
**) Скребицкій. Кр. Д., т. 1, стр. 699.
***) Скребицкій. Кр. Д., т. 1, стр. 708.

отъ такого выбора гораздо труднѣе, нежели отъ приглашенія губернатора, а самый выборъ крестьянами лучше всего обезпечитъ спокойное веденіе новаго преобразованія и поэтому упрочитъ его успѣхъ“ *). Но выполненіе и этого плана встрѣчало одно серьезное затрудненіе: избиратели еще не были освобождены отъ крѣпостной зависимости, вслѣдствіе чего невозможно было образовать правильныя крестьянскія избирательныя собранія для этой цѣли, а между тѣмъ присутствіе на мѣстахъ мировыхъ посредниковъ признавалось необходимымъ съ первыхъ же дней по обнародованіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Поэтому вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу назначенія, но такъ какъ и назначеніе возбуждало свои опасенія, и прежде всего опасеніе поставить мировыхъ посредниковъ въ зависимое положеніе отъ губернской администраціи, то были приняты мѣры именно къ устраненію этой зависимости. Губернаторамъ было предоставлено назначить только первыхъ мировыхъ посредниковъ, изъ кандидатовъ, внесенныхъ въ списки дворянскими собраніями; при этомъ было опредѣлено, что мировые посредники назначаются лишь на три года и подлежатъ утвержденію въ должности правительствующимъ сенатомъ. Сенату же, въ видахъ обезпеченія независимости мировыхъ посредниковъ, предоставлено было предавать ихъ суду и удалять отъ должности. При всемъ томъ замѣщеніе новыхъ должностей въ порядкѣ назначенія отъ правительства признавалось неудобнымъ и допускалось лишь какъ крайняя мѣра на первое время. Предполагалось, что черезъ три года выборъ мировыхъ посредниковъ произойдетъ въ общественныхъ собраніяхъ изъ представителей всѣхъ сословій. Предполагалось также, что и органами правосудія (разборъ споровъ и тяжбъ по найму на сельскія работы, арендѣ земель, о порубкахъ, потравахъ и т. п.) мировые посредники останутся только до введенія „болѣе полнаго и совершеннаго учрежденія общихъ мировыхъ судей“ **). Временность другой задачи посредническаго института,—разрѣшеніе разнообразныхъ дѣлъ, связанныхъ съ установленіемъ новыхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, опредѣленіемъ, отводомъ и выкупомъ надѣла и т. п.—не могла возбудить никакихъ сомнѣній. Съ окончаніемъ поземельнаго устройства крестьянъ прекращалась и надобность собственно въ *посредническомъ* институтѣ. Что же касается надзора за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, то, поскольку дѣло идетъ о нормальныхъ границахъ этого надзора, о наблюденіи за законностью дѣйствій органовъ самоуправленія и объ установленіи дѣйствительной отвѣтственности ихъ въ случаѣ нарушенія закона, то, конечно, эта функція управленія имѣетъ характеръ постоян-

*) Тамъ же, стр. 716.
**) Тамъ же, стр. 715.

ной, но для отправленія ея нѣтъ надобности въ спеціальной крестьянской администраціи, тѣмъ болѣе въ такой, которая имѣетъ задачей не контроль въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а опеку надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ. Если при созданіи института мировыхъ посредниковъ на нихъ были возложены по отношенію къ сельскому и волостному управленію обязанности не только контролирующей власти, но и попечительной, то лишь временно на періодъ организаціи сельскаго самоуправленія, до развязки отношеній между крестьянами и помѣщиками и до образованія органовъ общаго мѣстнаго самоуправленія и реформы суда.

Сбылось изъ этихъ предположеній, какъ мы увидимъ, немногое; институтъ мировыхъ посредниковъ, также какъ ихъ уѣздные съѣзды подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства и губернскія присутствія, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, просуществовали долго, безъ существенныхъ перемѣнъ *).

При учрежденіи мировой посредническій институтъ обрекался на упраздненіе въ близкомъ будущемъ, но на другой день по освобожденіи крестьянъ онъ долженъ былъ начать дѣятельность, отъ удачнаго исполненія которой зависѣлъ успѣхъ великаго дѣла. Требовались „люди неподкупные, независимые и сочувствующіе реформѣ“ **), какъ характеризовали будущихъ мировыхъ посредниковъ редакціонныя коммисіи, ихъ нужно было найти немедленно, но—гдѣ? На какія силы въ русской провинціи того времени можно было опереться, осуществляя на практикѣ новые законы о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и объ организаціи сельскаго самоуправленія? Мы видѣли, что ни одинъ изъ устоевъ дореформеннаго общественнаго строя для этой цѣли не годился,—и въ этомъ заключался трагизмъ положенія. „Гдѣ же среда—спрашивалъ одинъ изъ современниковъ крестьянской реформы, останавливаясь на этомъ вопросѣ,—гдѣ среда, изъ которой подобныя лица должны быть назначаемы? Доселѣ общество было безмолвно и лишено движенія; оно представляло безразличную массу. Въ этой безразличной массѣ, лишенной слова и движенія, ничего не найдетъ взоръ верховной власти, хотя бы одаренный сверхъестественною прозорливостью“ ***). Дѣло, однако, не оста-

*) Уѣздный съѣздъ—вторая инстанція посредническихъ учрежденій—вѣдалъ жалобы на рѣшенія мировыхъ посредниковъ по дѣламъ, вытекавшимъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній, разсматривалъ жалобы на волостные сходы и волостныхъ должностныхъ лицъ, отмѣнялъ въ кассаціонномъ порядкѣ рѣшенія и приговоры волостныхъ судовъ и разрѣшалъ нѣкоторыя изъ распорядительныхъ дѣлъ по поземельному устройству крестьянъ. Губернское присутствіе составляло кассаціонную инстанцію для разсмотрѣнія жалобъ на постановленія посредниковъ и ихъ съѣздовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно было руководить общимъ ходомъ крестьянскаго дѣла въ губерніи.

**) Скребицкій. Кр. Д. т. 1, стр. 836.

***) Скребицкій. Кр. Д. т. 1, стр. 667.

лось безъ дѣлателей: люди нашлись, и они выполнили свою задачу, при неизбѣжныхъ ошибкахъ и неудачахъ, однако, въ общемъ съ такимъ успѣхомъ, что много лѣтъ спустя онъ вызываетъ удивленіе, одинаково какъ друзей, такъ и недруговъ крестьянскаго освобожденія. „Временное порученіе, возложенное на мировыхъ посредниковъ (по поземельному устройству),—говорится, напр., въ одномъ отзывѣ о посреднической дѣятельности, появившемся въ печати въ годъ упраздненія этого института,—исполнено ими, и исполнено съ замѣчательнымъ успѣхомъ, не смотря на трудность этого дѣла въ его началѣ. Безъ споровъ и жалобъ, какъ при всякомъ распредѣленіи имущества, обойтись не могло; но бывшія и оставшіяся еще въ производствѣ жалобы имѣютъ характеръ частныхъ несогласій съ отдѣльнымъ дѣйствіемъ. Общихъ жалобъ на дѣйствія посредниковъ при опредѣленіи и разверстаніи надѣловъ не было ни отъ прямо заинтересованныхъ сторонъ, ни отъ администраціи“ *).

Успѣхъ крестьянской реформы въ этомъ отношеніи былъ бы необъяснимъ, если бы не нѣкоторыя важныя обстоятельства, вообще благопріятствовавшія освобожденію крестьянъ. Въ воспоминаніяхъ одного изъ современниковъ крестьянской реформы сдѣлана интересная попытка охарактеризовать настроеніе русскаго общества того времени. „Банкротство государственнаго и общественнаго строя, державшагося на крѣпостномъ правѣ,—пишетъ Н. Ѳ. Анненскій **), — ярко выступило наружу среди бѣдствій крымской войны съ ея позорною „изнанкою“. Совпавшій съ этимъ конецъ царствованія, 30 лѣтъ желѣзною рукою поддерживавшаго устои того порядка, который привелъ страну къ кризису, — послужилъ толчкомъ для обновительнаго движенія... Всѣмъ, казалось, было ясно, что нельзя идти далѣе тѣмъ путемъ, по которому шли до сихъ поръ“. Броженіе захватило самыя разнообразныя сферы сверху до низу, и если „единственный организованный общественный элементъ“ — дворянство—въ массѣ было противъ реформы, если она не находила, за рѣдкими исключеніями, сочувствія въ средѣ бюрократіи, то „положительную и важную службу дѣлу освобожденія сослужило участіе въ немъ „неорганизованнаго“ общественнаго элемента — общественнаго мнѣнія и его представительницы — печати“. Г. Анненскій справедливо приписываетъ вліянію печатнаго слова „созданіе той общей *нравственной атмосферы* и того идейнаго теченія въ обществѣ, которыя являлись могучею поддержкой освободительной работы и только при наличности которыхъ и возможно было осуществленіе реформы, въ размѣрахъ сколько-нибудь отвѣчаю-

*) *Вѣстникъ Европы*, 1874 годъ, октябрь, стр. 825.

**) На славномъ посту. Литературный сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому. Спб. 1900 г. Статья Н. Ѳ. Анненскаго: „Сорокъ лѣтъ назадъ“, стр. 432.

щихъ потребностямъ времени" *). Но былъ и еще факторъ, вліяніе котораго сдѣлало дѣйствительную силу изъ горсточки образованнаго русскаго общества, захваченнаго идейнымъ движеніемъ и „нравственной атмосферой" освободительной эпохи. „Масса крестьянства, — читаемъ мы въ тѣхъ же воспоминаніяхъ — масса крестьянства, котораго главнымъ образомъ касалась реформа, не имѣла никакихъ путей и формъ для опредѣленнаго выраженія своихъ желаній. Она не была, конечно, элементомъ пассивнымъ. Съ ней считались. Но ея настроеніе, желанія и вѣроятныя или возможныя дѣйствія предполагались и угадывались за нее другими, тѣми, кто ихъ ждалъ или боялся. Само крестьянство только глухимъ броженіемъ заявляло о своихъ ожиданіяхъ и своемъ нетерпѣніи" **). Вышло ли бы это скрытое народное волненіе наружу, если бы благопріятный для реформы моментъ былъ пропущенъ,—какъ знать. Но какъ бы то ни было, по обстоятельствамъ времени, оно сказалось иначе, ослабивъ, съ одной стороны, сопротивленіе реформѣ круговъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи крѣпостныхъ отношеній, и придавъ вѣсъ, съ другой стороны, освободительному теченію въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ. Словомъ,—говоритъ тотъ же авторъ ***),—„дѣло освобожденія никакъ нельзя разсматривать какъ односторонній актъ государственной власти", хотя реформа „внѣшнимъ образомъ" и носила на себѣ этотъ обликъ. По той же причинѣ, когда понадобились люди для проведенія въ жизнь положеній 19 февраля, они нашлись и сдѣлали свое дѣло, — нашлись не потому, что общая постановка новаго института была правильна, а скорѣе—не смотря на существенные недостатки закона, опредѣлявшаго кругъ обязанностей мировыхъ посредниковъ и порядокъ ихъ назначенія и дѣятельности. „Нравственная атмосфера", созданная освободительнымъ движеніемъ въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, оказала незамѣнимую услугу тамъ, гдѣ, дѣйствительно, не помогла бы и „сверхъестественная прозорливость" властей.

II.

Конечно, вліяніе такого рода не могло быть продожительнымъ. Его хватило на то, чтобы привлечь живыя силы общества къ выполненію главной задачи мировыхъ посредниковъ—къ поземельному устройству крестьянъ. Но когда это важное дѣло было въ большей своей части завершено, т. е. черезъ 3—4 года послѣ 19 февраля 1861 г., и для общественной дѣятельности въ провинціи открылось новое поприще съ учрежденіемъ земства и

*) Тамъ же, стр. 440.
**) Тамъ же, стр. 438.
***) Тамъ же, стр. 438.

мировыхъ судовъ, многіе изъ мировыхъ посредниковъ покинули свои должности и перенесли свою дѣятельность въ новыя учрежденія. Ушли, какъ оказалось, „лучшіе изъ первоначальныхъ дѣятелей" *) и замѣнены они были, по оффиціальному свидѣтельству, „большею частью лицами, сравнительно гораздо слабѣйшими. Вслѣдствіе этого, изъ всѣхъ имѣвшихся свѣдѣній начала обнаруживаться неудовлетворительность дѣятельности большинства мировыхъ посредниковъ" *). Такимъ образомъ, кромѣ посредниковъ перваго призыва, исторія этого института знаетъ также посредниковъ позднѣйшаго періода, и если первые оставили добрую память о своей кипучей дѣятельности, то послѣдніе памятны только своею бездѣятельностью или, какъ говорится въ одномъ оффиціальномъ отзывѣ о нихъ **), „замѣтнымъ равнодушіемъ" къ дѣлу. „Многіе изъ нихъ—по сообщеніямъ губернаторовъ, относящимся къ 1868 году—въ теченіе цѣлаго года не были ни разу въ нѣкоторыхъ волостяхъ своего участка, а другіе ни одного раза не посѣтили волостныхъ правленій государственныхъ крестьянъ съ самаго времени передачи сихъ послѣднихъ въ ихъ вѣдѣніе. Вмѣсто объѣзда и личныхъ распоряженій на мѣстахъ, посредники безвыѣздно живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, ограничиваясь или перепиской съ волостями и сельскими начальниками, или вызовомъ ихъ къ себѣ". Подобныя же заявленія повторялись губернаторами и въ послѣдующіе годы ***).

Такого взгляда на мировыхъ посредниковъ позднѣйшаго періода держались не одни начальники губерній: безпристрастіе ихъ отзывовъ могло бы быть заподозрѣно, такъ какъ въ лицѣ мировыхъ посредниковъ на мѣстахъ была власть, поставленная въ независимое положеніе относительно губернской администраціи. Но и земская оцѣнка дѣятельности мировыхъ посредниковъ позднѣйшаго періода подтверждаетъ мнѣніе губернаторовъ, что во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ „это, почтенное по своему прошлому, учрежденіе отжило свое время". За семь лѣтъ, начиная съ 1867 года, правительству было представлено, по имѣющимся въ печати свѣдѣніямъ, не менѣе 80 земскихъ ходатайствъ, отъ всѣхъ почти губернскихъ земствъ и отъ многихъ уѣздныхъ, о преобразованіи института мировыхъ посредниковъ, объ упраздненіи этой должности, такъ же, какъ уѣзныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, съ распредѣленіемъ остающихся дѣлъ между мировыми судами и

*) Правительственное объясненіе мотивовъ закона 27-го іюня 1874 г. (Прав. Вѣстн. 1874 г.).

**) Отчетъ по государственному совѣту за 1874 годъ. Спб. 1876, стр. 10.

***) Отчетъ по государственному совѣту за 1889 г. Спб. 1891, стр. 3.

****) Матеріалы по преобразованію мѣстнаго управленія въ губерніяхъ. Спб. 1884. Ходатайства объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, стр. 1—26.

земскими учрежденіями, о сокращеніи, по крайней мѣрѣ, числа мировыхъ посредниковъ. Въ мотивахъ земскихъ ходатайствъ постоянно отмѣчается, что „мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія отжили свое время и являются совершенно излишнимъ, тяжелымъ бременемъ, всею своею тяжестью падающимъ на крестьянское сословіе“ *), что они „совершенно безполезны“, какъ по незначительности остающихся дѣлъ по нормальному устройству крестьянъ, такъ и по бездѣятельности посредниковъ по лежащей на нихъ обязанности наблюденія за общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ“ **), что „мировые посредники, избираемые не земствомъ, освобождаясь отъ контроля земства, не обнаруживаютъ той дѣятельности, которой слѣдовало бы ожидать отъ нихъ“ ***). Оффиціальныя данныя, собранныя къ началу шестидесятыхъ годовъ, указывали на непорядки и въ крестьянскомъ общественномъ управленіи того времени. „Жалобы на произволъ и неправильныя дѣйствія крестьянскихъ властей, особенно волостныхъ старшинъ и писарей, слышатся нерѣдко. Какъ характеристическій и наглядный фактъ, доказывающій не вполнѣ удовлетворительное положеніе этого управленія, слѣдуетъ привести — говорилось въ оффиціальномъ сообщеніи 1874 г. — довольно частые въ послѣднее время случаи растратъ должностными крестьянскими лицами собранныхъ съ крестьянъ на подати и повинности денегъ“ ****).

Почему, однако, во второмъ періодѣ существованія института мировыхъ посредниковъ не удалось замѣстить прежнихъ достойныхъ дѣятелей другими не менѣе достойными? Нашлись же они, и помимо старыхъ мировыхъ посредниковъ, на другихъ поприщахъ мѣстной дѣятельности, въ томъ же земствѣ или въ мировыхъ судахъ. Но ихъ не нашлось для мировыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и не могло найтись въ это время, хотя законъ, опредѣлявшій условія дѣятельности мировыхъ посредниковъ и правила замѣщенія этой должности, въ существѣ своемъ не измѣнился, и даже, пожалуй, именно потому, что общая постановка посредническаго института осталась та же. Сократились лишь судебныя функціи мировыхъ посредниковъ, начиная съ 1866 года, въ силу закона 25 октября 1865 г., но это было, конечно, улучшеніе, которое не могло само по себѣ сдѣлать должность менѣе привлекательной.

Много лѣтъ спустя послѣ того, какъ институтъ мировыхъ посредниковъ былъ упраздненъ, несостоятельность учрежденій, пришедшихъ ему на смѣну, побудила мѣстныхъ общественныхъ

*) Ходатайство харьковскаго губ. зем. собранія 1872 г.
**) Ход. олонецкаго губ. зем. собр. 1870 г.
***) Ход. влад. губ. зем. собр. 1873 г.
****) Прав. сообщ. 1874 (цит. по Вѣстн. Евр., № 9, стр. 826).

дѣятелей бросить ретроспективный взглядъ на судьбы этого института и снова войти въ расмотрѣніе причинъ его быстраго упадка. По одному мнѣнію, заключавшему въ себѣ долю истины, главная причина лежала въ „дѣйствіяхъ бюрократіи, которой всегда ненавистны находящіеся близъ нея и отъ нея независящія учрежденія, и которая успѣла уже къ этому времени, если не путемъ закона, то фактически, посредствомъ циркуляровъ, ослабить самостоятельность мирового института“ *).

По другому мнѣнію, впослѣдствіи весьма пагубно отразившемуся на нашемъ законодательствѣ о мѣстномъ самоуправленіи, „парализующее вліяніе на весь ходъ крестьянскаго дѣла“ оказали земскія учрежденія и мировые суды: „безпорядки въ крестьянскомъ управленіи, — говорили сторонники этого взгляда,— стали развиваться вмѣстѣ съ водвореніемъ системы многовластія и съ паденіемъ авторитета мировыхъ посредниковъ“, обратившихся въ эту эпоху „въ надзирателей за волостными правленіями и сельскими старостами“, тогда какъ раньше они были „единственнымъ мѣстнымъ учрежденіемъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось крестьянское дѣло“ **).

Но наиболѣе распространеннымъ въ земской средѣ и наиболѣе близкимъ къ истинѣ былъ третій взглядъ на причины, по которымъ посредническій институтъ такъ быстро увялъ. „При введеніи крестьянской реформы, — писалъ одинъ изъ представителей этого мнѣнія, — имѣло смыслъ учрежденіе особаго института по крестьянскимъ дѣламъ. Новое положеніе, не совсѣмъ понятное не только для крестьянъ, но и для большинства помѣщиковъ, новыя отношенія между помѣщиками и крестьянами, поземельное устройство, новыя личныя и общественныя права крестьянъ— все это способно было возбуждать на первыхъ порахъ недоразумѣнія, споры, жалобы, требующія быстраго разрѣшенія на мѣстѣ. Всякая проволочка, всякое замедленіе, какая бы ни было канцелярщина вызывали бы замѣшательство, способное повести къ серьезнымъ послѣдствіямъ изъ-за самой ничтожной причины. Требовалась мѣстная единоличная власть, заслуживающая общественнаго довѣрія и уполномоченная закономъ для немедленнаго разрѣшенія на мѣстѣ всѣхъ дѣлъ... И вотъ въ первое время институтъ (мировыхъ посредниковъ) привлекъ къ себѣ лучшія силы общества и дѣятельность этихъ силъ была умѣстна и популярна. Затѣмъ, помѣщики и крестьяне освоиваются съ новымъ положеніемъ, привыкаютъ къ новымъ взаимнымъ отношеніямъ, уставныя грамоты введены, надѣлы почти вездѣ указаны, обязанности мировыхъ посредниковъ не требуютъ болѣе живой и горячей дѣятельности...“ ***) На повѣрку вы-

*) Тамъ же, стр. 315.
**) Мат. по пр. м. упр. въ губ. Часть I, гл. V, прилож. стр. 394.
***) Тамъ же, стр. 502.

ходило, что всѣ дѣла административныхъ крестьянскихъ учрежденій уже можно передать въ вѣдѣніе земства и судебныхъ установленій, и что эта мѣра только упроститъ дѣло. „Для чего же, спрашивается, существуютъ особыя крестьянскія учрежденія“? *).

Дѣйствительно, обособленный институтъ крестьянскихъ начальниковъ, облеченныхъ дискреціонной властью надъ населеніемъ, со смѣшанными, частью судебными и частью административными, функціями, представлялъ при новыхъ условіяхъ анахронизмъ. На мѣстахъ были реформированные суды, было земское самоуправленіе. Поэтому возраженія противъ общей мѣстной административной реформы оказывались устарѣлыми. Время для особаго административнаго управленія крестьянами прошло, оно удерживалось, какъ удерживается и до настоящаго момента, можно сказать, только по инерціи, и если „нравственная атмосфера“ освободительной эпохи благопріятствовала замѣщенію лучшими людьми должностей мировыхъ посредниковъ перваго призыва, то въ послѣдующій періодъ существованія посредническаго института содѣйствія съ этой стороны нельзя было ожидать. Оно не пришло бы на помощь отжившему институту, будь даже передовое идейное движеніе въ обществѣ того времени такъ же сильна, какъ прежде, чего на самомъ дѣлѣ не было. Оставалось положиться исключительно на „прозорливость“ губернскихъ властей. Надо ли удивляться, что она не оказалась „сверхъестественной“, и что въ короткій промежутокъ времени „почтенный“ въ прошломъ институтъ пришелъ въ полный упадокъ.

III.

Реформа была неизбѣжна; она совершилась лишь черезъ тринадцать лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ; какъ именно—мы сейчасъ увидимъ, но задолго до нея, еще 23 сентября 1868 года, министру внутреннихъ дѣлъ было высочайше разрѣшено: внести, въ установленномъ порядкѣ, представленіе относительно упраздненія должности мирового посредника, съ замѣною ея новымъ учрежденіемъ, болѣе соотвѣтствующимъ положенію крестьянскаго дѣла **). Мы видѣли, какое преобразованіе соотвѣтствовало бы этому положенію, по мнѣнію земства.

Едва ли можно сомнѣваться, что отмѣченныя земскія ходатайства въ этомъ случаѣ были отголосками довольно широкихъ круговъ общества, служили истиннымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія той эпохи. Но министерство внутреннихъ дѣлъ, возбуждая вопросъ объ упраздненіи должности мировыхъ посредни-

---

*) Тамъ же, стр. 502.

**) Отч. по гос. сов. за 1874 г., стр. 10.

новъ, исходило изъ другихъ соображеній: главной цѣлью преобразованія было „поставленіе мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій въ надлежащія отношенія къ губернской и центральной администраціи“ *). При измѣнившемся общественномъ настроеніи, не отличавшемся стойкостью и опредѣленностью настроенія первой половины шестидесятыхъ годовъ, побѣда, конечно, должна была остаться за бюрократическими тенденціями министерскаго доклада.

Но отъ вліянія идей освободительной эпохи въ это время еще не вполнѣ успѣли освободиться и бюрократическія сферы. Коммиссія, учрежденная для выработки проекта, подъ предсѣдательствомъ кн. Дундукова-Корсакова, изъ представителей нѣсколькихъ вѣдомствъ, приняла за основное начало для своего труда, что „спеціальныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія суть только временныя, и что конечная цѣль крестьянской реформы состоитъ въ подчиненіи крестьянъ общимъ для всѣхъ гражданъ имперіи учрежденіямъ“ **). Чтобы приблизиться къ этой цѣли, по условіямъ времени, коммиссія находила, однако, необходимыми слѣдующія мѣры:

1) Передать судебно-мировымъ учрежденіямъ судебныя и нотаріальныя дѣла мировыхъ посредниковъ, а нѣкоторыя дѣла, подлежащія вѣдѣнію земства и еще не переданныя ему,—земскимъ учрежденіямъ.

2) По административнымъ дѣламъ замѣнить посредниковъ особыми, въ каждомъ уѣздѣ, коллегіальными учрежденіями изъ представителей администраціи, дворянства и земства, *съ преобладаніемъ земскаго элемента*, но безъ присвоенной мировымъ посредникамъ надъ крестьянскимъ населеніемъ власти административныхъ взысканій. Эту власть, по мнѣнію коммиссіи, должны были унаслѣдовать мировые судьи.

3) Для дѣлъ по поземельному устройству крестьянъ, впредь до прекращенія обязательныхъ отношеній ихъ къ помѣщикамъ, оставить мировыхъ посредниковъ въ уменьшенномъ числѣ ***).

Эти предположенія коммиссіи кн. Дундукова-Корсакова были посланы на заключеніе отдѣльныхъ вѣдомствъ. „Всѣ вѣдомства,—говорится въ оффиціальной справкѣ, которою мы пользуемся,—согласились съ признаніемъ спеціальныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій только временными и съ необходимостью постепенно стремиться къ уничтоженію ихъ и къ подчиненію крестьянъ общимъ для всѣхъ гражданъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ. Равнымъ образомъ, всѣ вѣдомства признали своевременнымъ и полезнымъ изъять нѣкоторыя дѣла изъ вѣдомства

*) Мат. по пр. мѣст. упр. въ губ. Ход. объ измѣн. въ устр. мѣст. по кр. д. учр., стр. 27.

**) Тамъ же, стр. 28.

***) Тамъ же, стр. 29.

специальныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и передать ихъ въ вѣдѣніе общихъ полицейскихъ, земскихъ и судебныхъ учрежденій. По вопросу же: кѣмъ замѣнить мировыхъ посредниковъ, обсуждавшія этотъ вопросъ вѣдомства пришли къ разнообразнымъ предположеніямъ" *). Въ этомъ отношеніи и министерство внутреннихъ дѣлъ не было удовлетворено проектомъ коммиссіи кн. Дундукова-Корсакова, вслѣдствіе чего вопросъ объ упраздненіи специальныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій былъ снятъ съ очереди, „впредь до новаго всесторонняго разсмотрѣнія". Главному комитету объ устройствѣ сельскаго состоянія было представлено о необходимости только нѣкоторыхъ переходныхъ мѣръ.

Министерство предлагало передать нѣкоторыя дѣла мировыхъ посредниковъ другимъ установленіямъ, уменьшить число должностей мировыхъ посредниковъ и, главное, предоставить утвержденіе мировыхъ мировыхъ посредниковъ въ должностяхъ министру внутреннихъ дѣлъ, а наложеніе на нихъ дисциплинарныхъ взысканій — власти губернскихъ присутствій, съ разрѣшеніемъ удалять ихъ отъ должностей административнымъ порядкомъ, по постановленіямъ губернскаго присутствія, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ **). Ясно, что, отказываясь отъ упраздненія института мировыхъ посредниковъ и ограничивая реформу превращеніемъ мирового посредника въ чиновника, совершенно зависимаго отъ министра и отъ губернатора, министерство внутреннихъ дѣлъ шло послѣдовательно къ цѣли, ради которой оно и возбудило вопросъ о преобразованіи мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Но на этотъ разъ желаніе его не получило полнаго удовлетворенія. Положеніемъ главнаго комитета 18 февраля 1870 года губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ было предоставлено: въ тѣхъ случаяхъ, когда они, представляя правительствующему сенату объ удаленіи мирового посредника отъ должности, признаютъ невозможнымъ, безъ вредныхъ для хода дѣла послѣдствій, оставлять такого посредника при исправленіи должности, немедленно устранять его и о причинахъ такой мѣры подробно объяснять въ представленіи сенату.

Допуская это частное изъятіе изъ положенія о мировыхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, главный комитетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложилъ министру внутреннихъ дѣлъ ускорить составленіе проекта о постепенномъ упраздненіи должности мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ.

Плодомъ трехлѣтней работы министерства по этому порученію явился весьма немногосложный проектъ, прямо и откровенно

*) Тамъ же, стр. 29.
**) Тамъ же, стр. 30.

шедшій къ намѣченной цѣли. Обязанности мировыхъ посредниковъ по поземельному устройству крестьянъ перелагались проектомъ на губернскія присутствія и временныхъ членовъ, состоящихъ при нихъ, обязанности по общественному крестьянскому управленію передавались губернатору, губернскому присутствію и уѣзднымъ исправникамъ. Губернаторъ утверждалъ бы и назначалъ волостныхъ старшинъ, губернское присутствіе пользовалось бы дисциплинарною властью надъ должностными лицами крестьянскаго управленія, а уѣздный исправникъ служилъ бы органомъ ближайшаго надзора надъ дѣйствіями этого управленія. Такой упрощенный способъ рѣшенія вопроса, сводившійся къ сдачѣ крестьянскаго дѣла на попеченіе уѣздной полиціи, не нашелъ сочувствія ни въ главномъ комитетѣ, ни въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. „Губернское присутствіе — находилъ главный комитетъ — стоитъ слишкомъ далеко отъ крестьянскаго управленія для того, чтобы надзоръ его могъ быть удовлетворителенъ, посредствующая же инстанція—временные члены—вѣдаютъ только дѣла поземельныя; затѣмъ ближайшее завѣдываніе крестьянскимъ управленіемъ перешло бы въ вѣдѣніе мѣстныхъ исправниковъ, что, при многосложности обязанностей, на нихъ лежащихъ, привело бы, по мнѣнію главнаго комитета, къ тому, что крестьянское управленіе или осталось бы безъ всякаго контроля, или же надзоръ за нимъ въ дѣйствительности перешелъ бы въ руки низшихъ полицейскихъ чиновъ“ *). Поэтому снова возвратились къ мысли объ уѣздной коллегіи по крестьянскимъ дѣламъ, но проектъ коммиссіи кн. Дундукова-Корсакова подвергся переработкѣ. Земство не получило, по закону 27 іюня 1874 года, преобладанія въ уѣздномъ присутствіи, которое составилось, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, изъ 4 членовъ: особаго непремѣннаго члена,—къ нему перешли обязанности мировыхъ посредниковъ по поземельному устройству крестьянъ, — уѣзднаго исправника, которому предоставлено попеченіе объ исправномъ поступленіи крестьянскихъ податей и сборовъ и взысканіе недоимокъ, предсѣдателя уѣздной управы и одного изъ почетныхъ мировыхъ судей уѣзда, по назначенію министра юстиціи.

На должность непремѣннаго члена губернаторъ назначалъ, по закону 27 іюня, одного изъ двухъ кандидатовъ, избранныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ по списку дворянъ-землевладѣльцевъ уѣзда. Это новое должностное лицо—рабочая сила уѣзднаго присутствія, какъ органа надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Рѣшеніе дѣлъ этого рода предоставлено было самому присутствію, а не членамъ его въ отдѣльности. Члены принимали жалобы и просьбы, собирали свѣдѣнія, производили, по порученію присут-

*) Отч. по гос. сов. за 1874 г., стр. 13.

ствія, мѣстныя изслѣдованія. Непремѣнный членъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всѣ остальные; но по дѣламъ поземельнаго устройства крестьянъ онъ, какъ уже отмѣчено, былъ вполнѣ независимъ отъ присутствія. Что же касается дисциплинарной власти мировыхъ посредниковъ надъ должностными лицами волости и сельскаго общества, то законъ 27 іюня 1874 года подѣлилъ ее между уѣзднымъ присутствіемъ и исправникомъ по предметамъ ихъ вѣдомства. Такимъ образомъ, въ существѣ дѣла, министерство внутреннихъ дѣлъ, хотя проектъ его и былъ отвергнутъ, всетаки достигло своей цѣли. Былъ сооруженъ довольно сложный механизмъ, составленный изъ весьма разнородныхъ частей, но дѣйствующей его частью оказывалась единственно уѣздная полиція.

IV.

Введеніе новаго закона началось въ концѣ того же 1874 года, въ которомъ онъ былъ изданъ. Но уже въ началѣ слѣдующаго года въ Петербургъ стали поступать земскія ходатайства, указывавшія на неудачу преобразованія. Любопытно, что опять въ теченіе какихъ-нибудь пяти—шести лѣтъ было возбуждено нѣсколько десятковъ ходатайствъ. Въ нихъ земскія собранія единодушно отмѣчали рядъ вопіющихъ недостатковъ новаго порядка. Своего прямого назначенія новыя коллегіи, какъ и слѣдовало ожидать, не могли выполнить, ибо „всѣ члены уѣздныхъ присутствій, кромѣ непремѣннаго члена, заняты по своимъ прямымъ служебнымъ обязанностямъ, не позволяющимъ имъ удѣлить достаточно времени для занятій дѣлами присутствій“ *); непремѣнный же членъ, обремененный дѣлопроизводствомъ, „лишенъ возможности имѣть надлежащій надзоръ за волостными правленіями“ **). А нѣсколько позже сообщается, что именно по этой причинѣ „на непремѣнныхъ членовъ начали раздаваться такія же жалобы за равнодушіе и бездѣятельность, какъ и на бывшихъ мировыхъ посредниковъ“ ***). Скоро и министерство внутреннихъ дѣлъ въ своемъ

---

*) Ходатайство тамбовск. и рязанск. губ. земск. собр. 1876 г. Стоитъ отмѣтить, что въ первыхъ земскихъ ходатайствахъ по этому предмету проводилась мысль о необходимости перенести выборы непремѣнныхъ членовъ изъ губернскихъ въ уѣздныя земскія собранія. По этому поводу, въ своемъ объясненіи, министерство внутреннихъ дѣлъ нашло полезнымъ указать, что избраніе кандидатовъ на должности непремѣнныхъ членовъ „предоставлено закономъ не уѣзднымъ, а губернскимъ земскимъ собраніямъ, потому что *составъ и дѣятельность* сихъ послѣднихъ оказывается *удовлетворительнѣе*, и отъ нихъ, вслѣдствіе сего, можно ожидать лучшихъ назначеній“ (Отзывъ на ход. владимірск, рязанск. и харьковск. земствъ 10 марта 1876 г.).

**) Ход. тамб. г. з. с. 1876.

***) Ход. самарск. г. з. с. 1879.

циркулярѣ повторило эти жалобы. „Дѣятельность непремѣнныхъ членовъ, —заявляло министерство въ 1880 году,—ограничивается тѣмъ, что они пріѣзжаютъ только на засѣданія уѣзднаго присутствія, а остальное время проводятъ у себя въ деревняхъ“ *). Словомъ, въ 1880 году циркуляръ министерства говорилъ объ учрежденіяхъ 1874 года буквально то же, что въ правительственномъ сообщеніи 1874 года говорилось о мировыхъ посредникахъ, когда вопросъ объ упраздненіи этого института былъ окончательно рѣшенъ.

Другого рода жалобы вызывала дѣятельность уѣздныхъ исправниковъ. Въ земскихъ ходатайствахъ конца семидесятыхъ годовъ мы читаемъ **): „Дѣятельность полиціи по взысканію податей и сборовъ ограничивается назначеніемъ весьма неудобныхъ сроковъ для взноса“ недоимокъ и „составленіемъ описей крестьянскаго имущества“, назначаемаго въ продажу за недоимки. „За три года практика уѣздныхъ присутствій,—говорилось въ одномъ земскомъ ходатайствѣ,—сіи послѣднія получили столько описей, что въ присутствіяхъ перебывало имущество крестьянъ всего уѣзда“. Кромѣ того, и право налагать дисциплинарныя взысканія примѣнялось уѣздной полиціей въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что вредное вліяніе его успѣло отразиться „не только на крестьянскомъ самоуправленіи, но и на земскихъ учрежденіяхъ“, такъ какъ взысканія налагались, между прочимъ, и „на земскихъ гласныхъ изъ волостныхъ старшинъ и писарей“ ***).

Надо замѣтить, что именно земскими ходатайствами вызванъ былъ вторичный законодательный пересмотръ вопроса о мѣстныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. По поводу одного изъ этихъ ходатайствъ въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія въ началѣ 1880 года было принято рѣшеніе подвергнуть вопросъ о новомъ преобразованіи предварительному обсужденію въ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ и въ земскихъ собраніяхъ. А затѣмъ, въ отвѣтъ на одно изъ земскихъ ходатайствъ, пришедшихъ въ Петербургъ уже послѣ разсылки циркуляра 22 декабря 1880 г., было выражено, что отъ земскихъ собраній ожидаются „болѣе полныя соображенія“ по возбужденному ими вопросу. Можно сказать, что это ожиданіе вполнѣ оправдалось. „Всѣ управы, всѣ коммиссіи, всѣ уѣздныя земскія собранія—читаемъ мы въ одномъ земскомъ отзывѣ****)—съ рѣдкимъ единодушіемъ пришли къ одному заключенію—о полной несостоятельности существующихъ нынѣ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и о необходимости упраздненія ихъ“. Если въ другихъ губерніяхъ нельзя было сказать *всѣ*, то большинство, *подавляющее боль-*

*) Мат. по преобр. мѣст. упр. ч. 1, стр. 502.

**) Ход. орловск. г. з. с. 1877 г.

***) Ход. самарск. г. з. с. 1879 г.

****) Мат. по преобр. мѣстн. упр. въ губ. ч. 1, прилож., стр. 393.

шинство—это не было бы преувеличенiемъ. „Мысль,—говорили мѣстные дѣятели,—составить учрежденiя по крестьянскимъ дѣламъ изъ представителей всѣхъ существующихъ въ уѣздѣ или губернiи правительственныхъ и общественныхъ учрежденiй, съ придачею къ нимъ, въ качествѣ главной рабочей силы, непремѣннаго члена, должна была казаться мыслью самой счастливой. Понадобится ли проведенiе какого-либо спѣшнаго распоряженiя и наблюденiе за его исполненiемъ—представитель полицiи, исправникъ—въ числѣ членовъ присутствiя. Понадобятся ли свѣдѣнiя и указанiя чисто хозяйственнаго свойства,—главный хозяинъ уѣзда, предсѣдатель земской управы—тоже въ числѣ членовъ присутствiя. Встрѣтится ли надобность въ указанiяхъ юридическаго характера для разрѣшенiя правовыхъ вопросовъ,—представитель юстицiи, въ лицѣ почетнаго мирового судьи,—тоже въ числѣ членовъ присутствiя" *). Но на практикѣ... на практикѣ въ перiодъ короткаго существованiя этого учрежденiя „въ немъ успѣли развиться всѣ недостатки отжившихъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ господствовалъ исключительно канцелярскiй порядокъ дѣлопроизводства" **)—и это проистекало изъ самыхъ основанiй, на которыхъ построено разсматриваемое учрежденiе. Для всѣхъ членовъ присутствiя, кромѣ непремѣннаго члена, крестьянское дѣло является „трудомъ побочнымъ, придаточнымъ, которому и удѣляется время и вниманiе, ради исполненiя требованiй закона, настолько, чтобы отсидѣть въ срочныхъ засѣданiяхъ присутствiя" ***). Непремѣнный членъ тоже имѣетъ свои спецiальныя обязанности по поземельному устройству крестьянъ; „въ разрѣшенiи же текущихъ дѣлъ и вообще въ наблюденiи за крестьянскимъ самоуправленiемъ, непремѣнный членъ участвуетъ только наравнѣ съ прочими членами". Фактическое первенствующее положенiе въ присутствiяхъ занялъ уѣздный исправникъ, „коему присвоена преимущественная противъ другихъ членовъ власть, почему онъ и является въ глазахъ подчиненныхъ болѣе значительнымъ начальствомъ, нежели вся коммиссiя" ****). Это особенное положенiе уѣзднаго исправника повело къ тому, что „и становые пристава, и даже полицейскiе урядники становятся начальствомъ надъ старостами и старшинами. И есть уже не мало опытовъ, что лучшiе изъ крестьянъ, опасаясь частыхъ вызововъ въ городъ, распеканiй и арестовъ, всячески уклоняются отъ выборной службы и даже предпочитаютъ добиться удаленiя отъ должности, хотя бы и съ непрiятностями для себя *****). Исправники, „вообразивши, что съ переименованiемъ въ уѣздные начальники они стали маленькими губернаторами", „злоупотребляютъ своимъ пра-

*) Тамъ же, стр. 394.
**) Тамъ же, стр. 382.
***) Тамъ же, стр. 396
****) Тамъ же, стр. 382.
*****) Тамъ же, стр. 351.

вомъ безконтрольныхъ и секретныхъ доносовъ, вмѣшиваются въ крестьянскія дѣла, какъ-то: въ выборы, въ составленіе приговоровъ, въ волостные суды"... *). Если, съ одной стороны, „люди, знающіе себѣ цѣну, удалились, и только жалкая посредственность осталась на выборныхъ мѣстахъ", сельскихъ и волостныхъ, то, съ другой—„крестьяне, видя свое безвыходное положеніе, стали сокращать оклады и этимъ наносили еще большій ущербъ своему выборному началу" **). Передовѣріе дисциплинарной власти низшимъ полицейскимъ чинамъ повело къ тому, что не только крестьянскія должностныя лица, но и все крестьянское населеніе оказалось подъ постоянной угрозой произвольныхъ взысканій. „Урядники собственной властью сажаютъ крестьянъ въ темныя при правленіяхъ, не спрашивая ни старшинъ, ни старостъ, и выдерживаютъ ихъ тамъ, сколько пожелаютъ, хотя юридическаго права на это не имѣютъ. Они вмѣшиваются даже въ домашнія дѣла крестьянъ: судятъ, рядятъ, постановляютъ рѣшенія. Такимъ правомъ стали пользоваться послѣдніе люди общества, такъ какъ порядочные въ урядники не идутъ. Крестьяне ненавидятъ урядниковъ: они считаютъ ихъ опричниками царя Грознаго, карой Божіей за прежнія свои прегрѣшенія" ***). Значеніе, пріобрѣтенное съ 1874 года уѣздной полиціей, невыгодно отразилось не только на крестьянскомъ управленіи, но и на земскихъ собраніяхъ. „Бывали случаи, что чины полиціи, посредствомъ вліянія на гласныхъ отъ крестьянства, противодѣйствовали, иногда весьма успѣшно, избранію тѣхъ мировыхъ судей, которые почему-либо не успѣли снискать ихъ благорасположенія" ****). Губернская инстанція крестьянскаго административнаго управленія, по земскимъ отзывамъ, „страдаетъ тѣми же общими недостатками—малоуспѣшностью работъ и близкимъ участіемъ канцеляріи въ рѣшеніи дѣлъ". Составъ губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, — большинство его членовъ чиновники, при предсѣдателѣ-губернаторѣ,—таковъ, что порой трудно „опредѣлить, гдѣ кончается губернаторская канцелярія и начинается губернское присутствіе, такъ что послѣднее, по справедливости, слѣдуетъ считать непосредственнымъ продолженіемъ первой. Не рѣдки случаи, когда предсѣдатель присутствія, какъ начальникъ полиціи, поступающія на его имя жалобы,—на сельскіе сходы, на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія,—передаетъ для дознанія уѣздному исправнику. Такимъ образомъ, вмѣсто установленныхъ закономъ органовъ, чины полиціи производятъ изслѣдованія, повѣряютъ документы волостнаго правленія и допрашиваютъ не только обвиняемыхъ—старшинъ или сельскихъ старостъ, но иногда и тѣхъ.

*) Тамъ же, стр. 487.
**) Тамъ же, стр. 498.
***) Тамъ же, стр. 490.
****) Тамъ же, стр. 397.

членовъ уѣздныхъ присутствій, которые производили уже мѣстное, по этимъ жалобамъ, дознаніе по порученію присутствій. Этимъ путемъ административно-полицейская часть изъ своего преобладающаго, по закону, значенія постепенно, шагъ за шагомъ, перешла къ опекѣ, а затѣмъ и къ полному произволу въ дѣлѣ крестьянскаго самоуправленія“ *).

Понятно, что многія земскія собранія, въ виду этихъ фактовъ, поставили „коренной“ вопросъ: „необходимъ ли для крестьянъ исключительный спеціальный органъ власти?“ и довольно единодушно утверждали: „всякій, знакомый съ фактами жизни послѣднихъ 20 лѣтъ, долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно“ **). „Особая спеціальная опека надъ крестьянскимъ сословіемъ была вызвана нуждами переходной эпохи, и мировые посредники въ свое время сослужили службу. Въ настоящее же время, когда всѣ почти крестьяне... успѣли уже достаточно освоиться съ новыми своими правами и обязанностями, весьма позволительно усомниться въ необходимости продолженія особой надъ ними опеки“ ***). „Крестьянское самоуправленіе... потому и идетъ худо, что надъ нимъ много опекуновъ. Если сами крестьяне недовольны своими порядками, то это еще не значитъ, что они нуждаются въ надзорѣ, и дворянство недовольно своими, но полицейскаго надзора не желаетъ“ ****). Съ упраздненіемъ спеціальныхъ административныхъ учрежденій для завѣдыванія крестьянскими дѣлами, эти дѣла, — говорили земскіе эксперты двадцать лѣтъ назадъ,—должны отойти къ другимъ существующимъ мѣстнымъ установленіямъ: „дѣла судебныя — суду, хозяйственныя—земству, административныя—полиціи, но все это постольку, поскольку крестьяне соприкасаются съ остальнымъ обществомъ; во внутреннія же дѣла ихъ никто не долженъ вмѣшиваться“ *****). Земства полагали, далѣе, что нельзя проектировать преобразованіе въ области крестьянскаго управленія и не коснуться „необходимости преобразованія и въ другихъ органахъ общественнаго управленія“. Поэтому въ земскихъ отзывахъ на запросъ правительства въ 1880 году весьма опредѣленно высказывается мысль, что для того, чтобы „вывести крестьянское самоуправленіе изъ ненормальнаго, задавленнаго административной опекой, состоянія, — слѣдуетъ самоуправленіе крестьянское связать съ самоуправленіемъ земскимъ, не въ смыслѣ, конечно, вторженія земства во внутреннюю, хозяйственную жизнь сельской общины,

*) Тамъ же, стр. 398.
**) Тамъ же, стр. 349.
***) Тамъ же, стр. 351.
****) Тамъ же, стр. 599.
*****) Тамъ же, стр. 600. См. также В. Ю. Скалонъ. Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія. Обзоръ земскихъ отзывовъ и проектовъ. М. 1884.

а лишь въ смыслѣ созданія такихъ общихъ исполнительныхъ и наблюдательныхъ органовъ, совокупная дѣятельность которыхъ содѣйствовала бы осуществленію ближайшей задачи самоуправленія—поступательному движенію населенія по пути нравственнаго, умственнаго и экономическаго развитія“ *).

Среди разнообразныхъ проектовъ преобразованія мѣстнаго управленія, возникъ тогда и проектъ земскаго судьи—прототипъ земскаго начальника. Въ земской средѣ того времени этотъ проектъ не нашелъ большого сочувствія: „мысль о соединеніи въ лицѣ мирового судьи судебной и административной власти“ признавалась, по общему правилу, не пріемлемой. „Совмѣщеніе въ низшихъ органахъ управленія судебной и исполнительной власти, вызываемое практическими соображеніями,—говорилось въ отзывахъ на это предположеніе,—оказывается возможнымъ въ странѣ, гдѣ политическія и соціальныя условія совершенно иныя, нежели тѣ, на коихъ зиждется наше государство. У насъ же такая мѣра, при условіи подчиненія мировыхъ судей и административному начальству, повела бы, съ одной стороны, къ подрыву въ нихъ необходимой для суда нравственности, съ другой—къ развитію служебнаго произвола“ **). Не надо было большой прозорливости, чтобы усмотрѣть въ проектѣ земскаго судьи „намекъ на азіатскіе порядки“ и сблизить поэтому „земскихъ судей съ хивинскими ханами ***), а не съ англійскими мировыми судьями. Не мудрено, что предложенія такого рода казались опасными, и авторамъ проекта приходилось защищать его передъ своими земскими коллегами аргументами особаго рода. „Что васъ такъ напугало гг.? — спрашивалъ одинъ изъ нихъ.—Для кого страшна власть мирового посредника? Не для васъ, господъ дворянъ, либераловъ. Земскій судья не будетъ страшнѣе мирового судьи, который и теперь можетъ васъ посадить подъ арестъ и взыскать неуплаченный вами долгъ. Такъ для кого же? Не вѣрю, что вы заботитесь о крестьянахъ, такъ какъ знаю, что они требуютъ (!) той власти, въ которой вы имъ отказываете“ ****). Но эти доводы не разсѣяли опасеній, возбужденныхъ проектомъ. За принципъ разграниченія судебной и административной власти общественнымъ дѣятелямъ разсматриваемой эпохи говорилъ „слишкомъ долгій и тяжелый опытъ“, тотъ опытъ, который, на глазахъ многихъ изъ нихъ, „привелъ законодательную власть къ признанію и установленію этого начала и къ отмѣнѣ прежняго смѣшенія властей: „допускать возможность,—читаемъ мы въ земскихъ запискахъ—не только отмѣны, но даже какого-либо видоизмѣненія главныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе уставовъ 20 ноября,

*) Мат. по преобр. мѣст. упр. Ч. I, стр. 398.
**) Тамъ же, стр. 384.
***) Тамъ же, стр. 312.
****) Тамъ же, стр. 312.

каковы бы ни были частные или случайные недостатки новаго порядка, могутъ развѣ только тѣ, которые незнакомы съ порядками нашихъ старыхъ судовъ" *).

V.

Опросъ мѣстныхъ учрежденій и почти совпавшая съ нимъ по времени сенаторская ревизія нѣсколькихъ губерній дали въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ обширный матеріалъ для законодательнаго труда по преобразованію не только крестьянскихъ учрежденій, но всего строя мѣстнаго управленія. Какъ извѣстно, этотъ трудъ начатъ былъ во второй половинѣ 1881 года коммиссіей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, но остался не завершеннымъ **). 23 февраля 1886 года коммиссія была закрыта, принятый ею и въ значительной мѣрѣ разработанный планъ общей мѣстной реформы былъ отринутъ, и снова на первую очередь поставленъ въ отдѣльности вопросъ о переустройствѣ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. И на этотъ разъ, какъ и въ семидесятыхъ годахъ, обнаружилось коренное различіе во взглядахъ на задачи реформы между земскими проектами и министерскимъ. Но въ данный историческій моментъ силы двухъ общественныхъ теченій, представленныхъ этими проектами, были такъ неравны, что пожеланія, выраженныя въ большинствѣ земскихъ ходатайствъ и отвѣтовъ на правительственный запросъ, имѣли чисто-платоническій характеръ. Дворянско-бюрократическая реакція по отношенію къ идеямъ освободительной эпохи находилась тогда въ зенитѣ своего могущества.

Характерно, что при пересмотрѣ узаконеній о мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ въ 1889 году было признано за этими учрежденіями значеніе не временныхъ, а постоянныхъ ***). На эту точку зрѣнія наше законодательство стало тогда впервые. Необходимость постояннаго спеціальнаго вѣдомства для управленія крестьянами защитники и составители проекта новаго закона оправдывали тѣмъ, что и надзоръ за сельскимъ бщественнымъ управленіемъ составляетъ задачу постоянную. Но признаніе этой потребности, которая, кстати сказать, не отвергалась ни въ 1861, ни въ 1874 г., ни когда-либо въ другое время отнюдь не равносильно признанію необходимости въ спеціальныхъ административныхъ крестьянскихъ властяхъ и невозможности перехода крестьянскаго управленія „въ вѣдѣніе общихъ для всѣхъ сословій учрежденій." Въ 1874 г. особыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ были удержаны законодателемъ только

*) Тамъ же, стр. 383.
**) Отч. по госуд. сов. за 1889 г., стр. 6.
***) Отч. по гос. сов. за 1889 г., стр. 23.

потому, что эти учрежденія не успѣли еще окончить свою работу надъ „упроченіемъ крестьянскаго управленія на началахъ положенія 19 февраля 1861 года *). Черезъ пятнадцать лѣтъ ссылались на „особыя условія крестьянскаго общественнаго строя“, т. е. именно на эти самыя начала 19 февраля 1861 г., какъ на причину, по которой „крестьянское управленіе не можетъ быть оставлено безъ бдительнаго надзора правительственныхъ органовъ, спеціально къ тому призванныхъ и облеченныхъ надлежащими для сего полномочіями“ **).

Другой вопросъ, о томъ, что разумѣть подъ „надлежащими“ полномочіями органовъ, хотя бы и спеціальнаго надзора за крестьянскими общественными учрежденіями, тоже получилъ въ положеніи 1889 года, если не новое, то, можно сказать, радикальное рѣшеніе. Коммиссія, работавшая надъ мѣстной реформой въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, отводила въ своихъ предположеніяхъ не меньшее мѣсто надзору за мѣстнымъ управленіемъ, не исключая и сельскаго. Надзоръ считался необходимымъ и для „частныхъ обществъ и союзовъ, кои преслѣдуютъ какія-либо общественныя цѣли и въ дѣятельности которыхъ заинтересовано все мѣстное населеніе или значительная часть его“. Но опредѣляя основанія устройства этого надзора и выбирая средства, съ помощью которыхъ онъ долженъ осуществляться, коммиссія обращала „особое вниманіе“ на то, „чтобы въ правахъ надзора не было допущено смѣшенія съ правомъ вмѣшательства, могущимъ подорвать самодѣятельность установленій или частныхъ обществъ“ ***). Законодательство конца восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ въ области мѣстнаго самоуправленія переходитъ у насъ, по общему правилу, эту границу. Но нигдѣ отступленія отъ изложеннаго требованія нормальнаго устройства органовъ надзора не были такъ значительны, какъ въ положеніи объ участковыхъ земскихъ начальникахъ. Новая администрація по крестьянскимъ дѣламъ призвана именно не столько къ контролю, сколько къ „завѣдыванію“ крестьянскимъ дѣломъ. Хотя въ мотивахъ къ закону и говорится, что „предпринятое преобразованіе направлено, собственно, къ установленію, на прочныхъ основаніяхъ, правительственнаго надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ и не имѣетъ вовсе къ виду кореннаго измѣненія началъ, на которыхъ оно построено“ ****), но на самомъ дѣлѣ воля земскаго начальника получила значеніе рѣшающаго фактора во всѣхъ отрасляхъ крестьянскаго общественнаго управленія. Въ вѣдѣніи земскихъ начальниковъ,—по безошибочному, если не съ формальной, то съ фактической стороны,

*) Отч. по гос. сов. за 1874 г., стр. 13.

**) Отч. по гос. сов. за 1889 г., стр. 23.

***) Мат. по преобр. мѣст. упр. въ Россіи. Часть 7, гл. VII. Порядокъ надзора и разсмотрѣнія пререканій, стр. 5.

****) Отч. по гос. сов. за 1889 г., стр, 87.

опредѣленію, данному въ министерскихъ объясненіяхъ къ законопроекту,—сосредоточились „всѣ предметы, затрогивающіе важнѣйшіе интересы сельскаго населенія“ *), при чемъ ихъ власти подчинены, наравнѣ съ крестьянами, также проживающіе въ предѣлахъ земскихъ участковъ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые. Законъ, какъ извѣстно, не вполнѣ совпадаетъ съ проектомъ, но во всякомъ случаѣ измѣненія, внесенныя въ него при обсужденіи его въ законодательномъ порядкѣ, не мѣшаютъ приведенному опредѣленію существа реформы оставаться вѣрнымъ.

Измѣненіе одного изъ важнѣйшихъ „началъ“ положенія 19 февраля 1861 года нельзя не видѣть въ томъ, что закономъ 1889 года ограничена самостоятельность сельскихъ сходовъ даже въ рѣшеніи дѣлъ по завѣдыванію общественнымъ имуществомъ, не говоря уже о другихъ дѣлахъ. Раньше приговоры сельскихъ сходовъ не подлежали обжалованію по существу. Министерскій проектъ предоставлялъ земскому начальнику право отмѣны, по жалобамъ, незаконныхъ или неправильныхъ, на его взглядъ, приговоровъ сельскаго схода во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ. Отмѣна остальныхъ мірскихъ приговоровъ предоставлялась проектомъ уѣздному съѣзду. Мотивировалось это нововведеніе тѣмъ, что на практикѣ встрѣчаются случаи составленія приговоровъ, имѣющихъ невыгодныя послѣдствія для самихъ обществъ или для отдѣльныхъ ихъ членовъ.

Мысль ограничить самостоятельность сельскихъ обществъ въ рѣшеніи ихъ внутреннихъ дѣлъ встрѣтила сочувствіе при обсужденіи проекта, но было сдѣлано и возраженіе, приведшее къ нѣкоторымъ поправкамъ. Вспомнили, что „еще во времена крѣпостнаго права, когда помѣстные дворяне являлись полновластными распорядителями личности и всего имущества своихъ крѣпостныхъ людей, лучшіе помѣщики никогда не позволяли себѣ вмѣшиваться въ имущественныя дѣла подчиненнаго имъ сельскаго міра. Такія лица удерживались сознаніемъ, что послѣдній является въ семъ отношеніи единственно компетентнымъ судьей. Между тѣмъ, помѣщики того времени, несомнѣнно, могли ближе изучить и знать бытъ и потребности своихъ крестьянъ, нежели вновь создаваемые органы крестьянскаго управленія“ **). Въ виду этого рекомендована была осторожность, даже чрезвычайная осторожность въ рѣшеніи вопроса о вмѣшательствѣ земскаго начальника въ распоряженія сельскихъ сходовъ. Тѣмъ не менѣе, въ положеніе 12 іюня 1889 года вошла ст. 31, гласящая: если земскій начальникъ удостовѣрится, что приговоръ волостного или сельскаго схода поста-

*) Тамъ же, стр. 43.
**) Тамъ же, стр. 83.

новленъ несогласно съ законами, либо клонится къ явному ущербу сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ или приписанныхъ къ волости лицъ, то онъ, остановивъ исполненіе сего приговора, представляетъ его, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда. А послѣдній, по ст. 89, получилъ право отмѣнять такіе приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ. Слѣдовательно, главное отличіе закона отъ проекта сводится къ тому, что окончательное рѣшеніе такихъ дѣлъ (ст. 90) возложено на съѣзды. Земскіе начальники даютъ, однако, заключенія по дѣламъ этого рода, т. е. въ сущности даютъ матеріалъ, на которомъ почти всегда съѣздъ и долженъ обосновать свое рѣшеніе. Кромѣ того, самая иниціатива возбужденія вопросовъ объ отмѣнѣ предоставлена земскимъ начальникамъ: они не обязаны разрѣшать каждую поданную имъ жалобу на сельскій приговоръ, и самое право обжалованія такихъ приговоровъ оставлено безъ перемѣны; но земскому начальнику дано право самому разсматривать всѣ приговоры волостныхъ и сельскихъ обществъ (ст. 30), и онъ можетъ поэтому, когда захочетъ, дать ходъ любой жалобѣ. Такимъ образомъ, у земскаго начальника совершенно развязаны руки, какъ по отношенію къ лицамъ, недовольнымъ приговоромъ сельскаго схода, такъ и по отношенію къ самому сходу: и жалобы въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ подъ собою твердой почвы закона, такъ что судьба ихъ вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія ближайшаго начальства, и приговоръ крестьянъ оказывается въ полной зависимости отъ того же усмотрѣнія, ибо „явный ущербъ“—понятіе весьма растяжимое.

Кассировать одно рѣшеніе весьма нерѣдко значитъ настоять на другомъ. Но надо къ этому прибавить, что рядъ важныхъ приговоровъ сельскаго и волостного схода нуждается въ утвержденіи земскаго начальника или уѣзднаго съѣзда, и что тѣ же чиновники призваны закономъ къ попеченію о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ (ст. 40). Это постановленіе, конечно, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя обречены оставаться въ сферѣ „добрыхъ намѣреній“. Но оно даетъ, когда земскій начальникъ того пожелаетъ, отличный поводъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла сельскихъ обществъ и къ воздѣйствію на рѣшенія сходовъ. По отношенію къ волостнымъ сходамъ земскому начальнику принадлежитъ даже право иниціативы (ст. 25). Исполнительные органы крестьянскаго самоуправленія вполнѣ зависимы отъ земскаго начальника; волостные старшины и даже волостные судьи утверждаются имъ въ должности, онъ пользуется правомъ налагать на всѣхъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія дисциплинарныя взысканія (штрафъ до 5 руб. и арестъ на срокъ до 7 дней). За болѣе важныя нарушенія эти должностныя лица, не исключая и волостныхъ

судей, могутъ быть временно устранены отъ должности, а рѣшеніемъ съѣзда, по представленію земскаго начальника, и совсѣмъ удалены отъ службы (ст. 90). Надежный рычагъ для приведенія всего хода сельскаго общественнаго управленія въ полную зависимость отъ воли земскаго начальника представляетъ, наконецъ, ст. 57, по прежней нумераціи—ст. 61, открывающая возможность давленія не на сходъ въ цѣломъ, но лично на каждаго отдѣльнаго члена крестьянскаго общества и тѣмъ вѣрнѣе достигающая цѣли... На основаніи этой статьи, въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, онъ имѣетъ право подвергать виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей. Проектъ доводилъ высшій предѣлъ дисциплинарныхъ взысканій въ подобныхъ случаяхъ до 7 дней ареста и 15 рублей штрафа *). Уменьшеніе размѣровъ новыхъ административныхъ каръ и включеніе въ ст. 57 требованія, чтобы о каждомъ случаѣ взысканія оставался въ дѣлахъ земскаго начальника письменный слѣдъ, въ видѣ особаго протокола,—только эти двѣ поправки и были внесены въ проектъ этой совершенно исключительной мѣры при законодательномъ ея разсмотрѣніи. Если можно было при всемъ томъ говорить о неприкосновенности началъ положенія 19 февраля о крестьянскомъ самоуправленіи, то развѣ только, какъ писалъ въ старину, конечно, по другому поводу Аксаковъ,—о подобіи этихъ началъ, о тѣни самоуправленія.

Но характерныя особенности преобразованія 1889 года этимъ не исчерпываются. Законъ возложилъ на земскаго начальника обязанности не только администратора, но и судьи. Это важное приращеніе функцій новыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, если и предусматривалось первоначальными предположеніями министерства внутреннихъ дѣлъ, то въ значительно меньшемъ объемѣ. По проекту, судебную компетенцію земскихъ начальниковъ предполагалось распространить лишь на дѣла по найму рабочихъ, отдачѣ въ наемъ земель, лѣснымъ порубкамъ и т. п., а также на нѣкоторые проступки, нарушающіе благочиніе и благоустройство въ сельскихъ мѣстностяхъ. Но во время обсужденія этого проекта, 28 января 1889 года, утверждены были новыя основанія реформы собственно судебной части: должность мировыхъ судей въ уѣздахъ рѣшено было упразднить и дѣла, подсудныя имъ, распредѣлить между земскими начальниками, волостными и окружными судами. На особомъ совѣщаніи, созванномъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта для выясненія подробностей этой мѣры, послѣдовали весьма интересныя

(* Тамъ же, стр. 111.

потому, что эти учрежденія не успѣли еще окончить свою работу надъ „упроченіемъ крестьянскаго управленія на началахъ положенія 19 февраля 1861 года *). Черезъ пятнадцать лѣтъ ссылались на „особыя условія крестьянскаго общественнаго строя", т. е. именно на эти самыя начала 19 февраля 1861 г., какъ на причину, по которой „крестьянское управленіе не можетъ быть оставлено безъ бдительнаго надзора правительственныхъ органовъ, спеціально къ тому призванныхъ и облеченныхъ надлежащими для сего полномочіями" **).

Другой вопросъ, о томъ, что разумѣть подъ „надлежащими" полномочіями органовъ, хотя бы и спеціальнаго надзора за крестьянскими общественными учрежденіями, тоже получилъ въ положеніи 1889 года, если не новое, то, можно сказать, радикальное рѣшеніе. Коммиссія, работавшая надъ мѣстной реформой въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, отводила въ своихъ предположеніяхъ не меньшее мѣсто надзору за мѣстнымъ управленіемъ, не исключая и сельскаго. Надзоръ считался необходимымъ и для „частныхъ обществъ и союзовъ, кои преслѣдуютъ какія-либо общественныя цѣли и въ дѣятельности которыхъ заинтересовано все мѣстное населеніе или значительная часть его". Но опредѣляя основанія устройства этого надзора и выбирая средства, съ помощью которыхъ онъ долженъ осуществляться, коммиссія обращала „особое вниманіе" на то, „чтобы въ правахъ надзора не было допущено смѣшенія съ правомъ вмѣшательства, могущимъ подорвать самодѣятельность установленій или частныхъ обществъ" ***). Законодательство конца восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ въ области мѣстнаго самоуправленія переходитъ у насъ, по общему правилу, эту границу. Но нигдѣ отступленія отъ изложеннаго требованія нормальнаго устройства органовъ надзора не были такъ значительны, какъ въ положеніи объ участковыхъ земскихъ начальникахъ. Новая администрація по крестьянскимъ дѣламъ призвана именно не столько къ контролю, сколько къ „завѣдыванію" крестьянскимъ дѣломъ. Хотя въ мотивахъ къ закону и говорится, что „предпринятое преобразованіе направлено, собственно, къ установленію, на прочныхъ основаніяхъ, правительственнаго надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ и не имѣетъ вовсе къ виду кореннаго измѣненія началъ, на которыхъ оно построено" ****), но на самомъ дѣлѣ воля земскаго начальника получила значеніе рѣшающаго фактора во всѣхъ отрасляхъ крестьянскаго общественнаго управленія. Въ вѣдѣніи земскихъ начальниковъ,—по безошибочному, если не съ формальной, то съ фактической стороны,

---

*) Отч. по гос. сов. за 1874 г., стр. 13.

**) Отч. по гос. сов. за 1889 г., стр. 23.

***) Мат. по преобр. мѣст. упр. въ Россіи. Часть 7, гл. VII. Порядокъ надзора и разсмотрѣнія пререканій, стр. 5.

****) Отч. по гос. сов. за 1889 г., стр, 87.

опредѣленію, данному въ министерскихъ объясненіяхъ къ законопроекту,—сосредоточились „всѣ предметы, затрогивающіе важнѣйшіе интересы сельскаго населенія“ *), при чемъ ихъ власти подчинены, наравнѣ съ крестьянами, также проживающіе въ предѣлахъ земскихъ участковъ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые. Законъ, какъ извѣстно, не вполнѣ совпадаетъ съ проектомъ, но во всякомъ случаѣ измѣненія, внесенныя въ него при обсужденіи его въ законодательномъ порядкѣ, не мѣшаютъ приведенному опредѣленію существа реформы оставаться вѣрнымъ.

Измѣненіе одного изъ важнѣйшихъ „началъ“ положенія 19 февраля 1861 года нельзя не видѣть въ томъ, что закономъ 1889 года ограничена самостоятельность сельскихъ сходовъ даже въ рѣшеніи дѣлъ по завѣдыванію общественнымъ имуществомъ, не говоря уже о другихъ дѣлахъ. Раньше приговоры сельскихъ сходовъ не подлежали обжалованію по существу. Министерскій проектъ предоставлялъ земскому начальнику право отмѣны, по жалобамъ, незаконныхъ или неправильныхъ, на его взглядъ, приговоровъ сельскаго схода во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ. Отмѣна остальныхъ мірскихъ приговоровъ предоставлялась проектомъ уѣздному съѣзду. Мотивировалось это нововведеніе тѣмъ, что на практикѣ встрѣчаются случаи составленія приговоровъ, имѣющихъ невыгодныя послѣдствія для самихъ обществъ или для отдѣльныхъ ихъ членовъ.

Мысль ограничить самостоятельность сельскихъ обществъ въ рѣшеніи ихъ внутреннихъ дѣлъ встрѣтила сочувствіе при обсужденіи проекта, но было сдѣлано и возраженіе, приведшее къ нѣкоторымъ поправкамъ. Вспомнили, что „еще во времена крѣпостнаго права, когда помѣстные дворяне являлись полновластными распорядителями личности и всего имущества своихъ крѣпостныхъ людей, лучшіе помѣщики никогда не позволяли себѣ вмѣшиваться въ имущественныя дѣла подчиненнаго имъ сельскаго міра. Такія лица удерживались сознаніемъ, что послѣдній является въ семъ отношеніи единственно компетентнымъ судьей. Между тѣмъ, помѣщики того времени, несомнѣнно, могли ближе изучить и знать бытъ и потребности своихъ крестьянъ, нежели вновь создаваемые органы крестьянскаго управленія“ **). Въ виду этого рекомендована была осторожность, даже чрезвычайная осторожность въ рѣшеніи вопроса о вмѣшательствѣ земскаго начальника въ распоряженія сельскихъ сходовъ. Тѣмъ не менѣе, въ положеніе 12 іюня 1889 года вошла ст. 31, гласящая: если земскій начальникъ удостовѣрится, что приговоръ волостного или сельскаго схода поста-

*) Тамъ же, стр. 43.
**) Тамъ же, стр. 83.

новленъ несогласно съ законами, либо клонится къ явному ущербу сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ или приписанныхъ къ волости лицъ, то онъ, остановивъ исполненіе сего приговора, представляетъ его, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда. А послѣдній, по ст. 89, получилъ право отмѣнять такіе приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ. Слѣдовательно, главное отличіе закона отъ проекта сводится къ тому, что окончательное рѣшеніе такихъ дѣлъ (ст. 90) возложено на съѣзды. Земскіе начальники даютъ, однако, заключенія по дѣламъ этого рода, т. е. въ сущности даютъ матеріалъ, на которомъ почти всегда съѣздъ и долженъ обосновать свое рѣшеніе. Кромѣ того, самая иниціатива возбужденія вопросовъ объ отмѣнѣ предоставлена земскимъ начальникамъ: они не обязаны разрѣшать каждую поданную имъ жалобу на сельскій приговоръ, и самое право обжалованія такихъ приговоровъ оставлено безъ перемѣны; но земскому начальнику дано право самому разсматривать всѣ приговоры волостныхъ и сельскихъ обществъ (ст. 30), и онъ можетъ поэтому, когда захочетъ, дать ходъ любой жалобѣ. Такимъ образомъ, у земскаго начальника совершенно развязаны руки, какъ по отношенію къ лицамъ, недовольнымъ приговоромъ сельскаго схода, такъ и по отношенію къ самому сходу: и жалобы въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ подъ собою твердой почвы закона, такъ что судьба ихъ вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія ближайшаго начальства, и приговоръ крестьянъ оказывается въ полной зависимости отъ того же усмотрѣнія, ибо „явный ущербъ"—понятіе весьма растяжимое.

Кассировать одно рѣшеніе весьма нерѣдко значитъ настоять на другомъ. Но надо къ этому прибавить, что рядъ важныхъ приговоровъ сельскаго и волостного схода нуждается въ утвержденіи земскаго начальника или уѣзднаго съѣзда, и что тѣ же чиновники призваны закономъ къ попеченію о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ (ст. 40). Это постановленіе, конечно, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя обречены оставаться въ сферѣ „добрыхъ намѣреній". Но оно даетъ, когда земскій начальникъ того пожелаетъ, отличный поводъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла сельскихъ обществъ и къ воздѣйствію на рѣшенія сходовъ. По отношенію къ волостнымъ сходамъ земскому начальнику принадлежитъ даже право иниціативы (ст. 25). Исполнительные органы крестьянскаго самоуправленія вполнѣ зависимы отъ земскаго начальника; волостные старшины и даже волостные судьи утверждаются имъ въ должности, онъ пользуется правомъ налагать на всѣхъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія дисциплинарныя взысканія (штрафъ до 5 руб. и арестъ на срокъ до 7 дней). За болѣе важныя нарушенія эти должностныя лица, не исключая и волостныхъ

судей, могутъ быть временно устранены отъ должности, а рѣшеніемъ съѣзда, по представленію земскаго начальника, и совсѣмъ удалены отъ службы (ст. 90). Надежный рычагъ для приведенія всего хода сельскаго общественнаго управленія въ полную зависимость отъ воли земскаго начальника представляетъ, наконецъ, ст. 57, по прежней нумераціи—ст. 61, открывающая возможность давленія не на сходъ въ цѣломъ, но лично на каждаго отдѣльнаго члена крестьянскаго общества и тѣмъ вѣрнѣе достигающая цѣли... На основаніи этой статьи, въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, онъ имѣетъ право подвергать виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей. Проектъ доводилъ высшій предѣлъ дисциплинарныхъ взысканій въ подобныхъ случаяхъ до 7 дней ареста и 15 рублей штрафа *). Уменьшеніе размѣровъ новыхъ административныхъ каръ и включеніе въ ст. 57 требованія, чтобы о каждомъ случаѣ взысканія оставался въ дѣлахъ земскаго начальника письменный слѣдъ, въ видѣ особаго протокола,—только эти двѣ поправки и были внесены въ проектъ этой совершенно исключительной мѣры при законодательномъ ея разсмотрѣніи. Если можно было при всемъ томъ говорить о неприкосновенности началъ положенія 19 февраля о крестьянскомъ самоуправленіи, то развѣ только, какъ писалъ въ старину, конечно, по другому поводу Аксаковъ,—о подобіи этихъ началъ, о тѣни самоуправленія.

Но характерныя особенности преобразованія 1889 года этимъ не исчерпываются. Законъ возложилъ на земскаго начальника обязанности не только администратора, но и судьи. Это важное приращеніе функцій новыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, если и предусматривалось первоначальными предположеніями министерства внутреннихъ дѣлъ, то въ значительно меньшемъ объемѣ. По проекту, судебную компетенцію земскихъ начальниковъ предполагалось распространить лишь на дѣла по найму рабочихъ, отдачѣ въ наемъ земель, лѣснымъ порубкамъ и т. п., а также на нѣкоторые проступки, нарушающіе благочиніе и благоустройство въ сельскихъ мѣстностяхъ. Но во время обсужденія этого проекта, 28 января 1889 года, утверждены были новыя основанія реформы собственно судебной части: должность мировыхъ судей въ уѣздахъ рѣшено было упразднить и дѣла, подсудныя имъ, распредѣлить между земскими начальниками, волостными и окружными судами. На особомъ совѣщаніи, созванномъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта для выясненія подробностей этой мѣры, послѣдовали весьма интересныя

(* Тамъ же, стр. 111.

заявленія какъ со стороны министерства юстиціи, такъ и министерства внутреннихъ дѣлъ. „По засвидѣтельствованію министра юстиціи, проектъ о земскихъ начальникахъ передавалъ имъ менѣе одной четвертой части производящихся у мировыхъ судей дѣлъ; вслѣдствіе сего возникала необходимость опредѣлить: кто именно будетъ завѣдывать остальными тремя четвертями. Независимо отъ дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ, на мировыхъ судьяхъ лежатъ весьма важныя обязанности по охранительному производству, какъ-то: по дѣламъ о наслѣдствахъ, о вводахъ во владѣніе недвижимыми имуществами, на нихъ же предполагалось возложить части: нотаріальную, опекунскую, ипотечную, о неудовлетворительности коихъ сложилось и утвердилось убѣжденіе и въ народѣ, и въ правительствѣ. По заявленію, сдѣланному министромъ внутреннихъ дѣлъ въ совѣщаніи, земскіе начальники могли бы принять въ свое завѣдываніе лишь ограниченную часть дѣлъ, вѣдаемыхъ мировыми судьями, остальную часть надлежало распредѣлить между волостными и окружными судами; но едва ли волостные суды, неудовлетворительность коихъ сознается всѣми, едва ли суды эти, состоящіе изъ трехъ безграмотныхъ крестьянъ, даже и послѣ какого-либо, невыясненнаго, впрочемъ, усовершенствованія, были бы въ состояніи отправлять правосудіе, выходящее изъ предѣловъ тѣснаго круга мелкихъ сословно-крестьянскихъ дѣлъ. Передавать дѣла мировыхъ судей окружнымъ судамъ значило удалять судъ отъ населенія нерѣдко за нѣсколько сотъ верстъ, значило сдѣлать судъ очень дорого стоющимъ казначейству“ *)... Словомъ, на пути къ осуществленію этого замысла предвидѣлись большія препятствія, но они не задержали преобразованія. Компетенція волостного суда была значительно расширена: къ вѣдѣнію его, какъ говорится въ мотивахъ закона, отнесены съ 1889 года „почти всѣ судебныя дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя, между крестьянами“ **). Апелляціонною и кассаціонною инстанціею по дѣламъ, рѣшаемымъ волостнымъ судомъ, служитъ уѣздный съѣздъ. Такая постановка дѣла была признана при самомъ изданіи временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, сопряженной съ большими неудобствами. „Прежде всего,—говорилось въ мотивахъ къ закону,—возложеніе обязанностей апелляціонной инстанціи на учрежденіе, засѣдающее въ уѣздномъ городѣ, значительно отдѣляетъ отъ населенія единственно близкій къ нему крестьянскій судъ. Въ свою очередь, это обстоятельство будетъ имѣть слѣдствіемъ крайнее развитіе письменнаго производства въ самихъ волостныхъ судахъ. Такой результатъ совершенно естественъ. За очевидною затруднительностью вызова въ уѣздный городъ участвующихъ въ дѣлѣ

*) Тамъ же, стр. 37.
**) Тамъ же, стр. 316.

лицъ, съѣздъ земскихъ начальниковъ поставленъ будетъ въ необходимость основывать свои рѣшенія единственно на тѣхъ данныхъ, которыя изложены въ письменномъ производствѣ волостного суда. Дѣлопроизводство же послѣднихъ будетъ находиться въ рукахъ лицъ, мало развитыхъ и не всегда заслуживающихъ довѣрія. Не трудно поэтому предвидѣть, что, въ дѣйствительности, предположенный порядокъ пересмотра рѣшеній представитъ весьма слабое ручательство правильнаго и безпристрастнаго отправленія правосудія во второй инстанціи" *). Не смотря на эти вѣскія возраженія, проектъ былъ принятъ, въ надеждѣ, что „министерствомъ внутреннихъ дѣлъ будетъ обращено должное вниманіе на болѣе удовлетворительное разрѣшеніе вопроса объ организаціи высшей инстанціи крестьянскаго суда, когда къ такому усовершенствованію послѣдняго представится возможность" **). Въ теченіе перваго пятнадцатилѣтія послѣ преобразованія волостныхъ судовъ, по правиламъ 12 іюля 1889 года, этой надеждѣ не суждено было оправдаться.

Судебная власть земскихъ начальниковъ не распространяется лишь на важнѣйшія дѣла, подсудныя мировымъ судьямъ. Въ городскихъ поселеніяхъ учреждены должности городскихъ судей съ тою же компетенціей. Общую надъ тѣми и другими апелляціонную инстанцію составляетъ уѣздный съѣздъ, обязанности же кассаціонной инстанціи возложены на губернское присутствіе. Остается сказать, что важнѣйшія дѣла мировыхъ судей переданы уѣзднымъ членамъ окружнаго суда, а во второй инстанціи— окружному суду. Уѣздный членъ окружнаго суда вошелъ въ составъ судебнаго присутствія уѣзднаго съѣзда на правахъ члена и въ качествѣ замѣстителя предсѣдателя этого съѣзда; включены въ него также и городскіе судьи, и почетные мировые судьи, на одинаковыхъ основаніяхъ съ земскими начальниками. Административное отдѣленіе съѣзда составляютъ, кромѣ предводителя дворянства, предсѣдательствующаго въ немъ по должности, всѣ земскіе начальники, исправникъ, предсѣдатель уѣздной земской управы и податные инспектора.

Губернское присутствіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора окружнаго суда и двухъ непремѣнныхъ членовъ. Къ разсмотрѣнію судебныхъ дѣлъ привлекается предсѣдатель или членъ окружнаго суда, но прокуроръ по такимъ дѣламъ даетъ лишь свои заключенія, не участвуя въ постановленіи рѣшенія. По административнымъ дѣламъ составъ присутствія пополняется управляющими казенной палатой и государственными имуществами и предсѣдателемъ губернской земской управы. Это адми-

*) Тамъ же, стр. 102.
**) Тамъ же, стр. 104.

нистративное учрежденіе, будучи кассаціонною инстанціею для судебныхъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію земскихъ начальниковъ, является также и органомъ надзора за дѣятельностью земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ. Оно имѣетъ право назначенія ревизій дѣлопроизводства этихъ учрежденій. Производить такія ревизіи, на общемъ основаніи, возлагается на обязанность и губернаторовъ. Вообще, при изданіи положенія о земскихъ начальникахъ, было признано, что эти „правительственные органы, какъ первый у насъ опытъ учрежденій такого типа, болѣе всѣхъ другихъ нуждаются въ бдительномъ надзорѣ со стороны губернской власти" *). Мы увидимъ ниже, насколько дѣйствительность опровергла надежды, возлагавшіяся на эти постановленія закона 12 іюля. Но прежде надо отмѣтить, что другимъ средствомъ для достиженія той же цѣли считалось требованіе отъ кандидатовъ на должности земскихъ начальниковъ сравнительно высокаго образовательнаго и служебнаго ценза. Въ мотивахъ къ закону 12 іюля было высказано убѣжденіе, что „благопріятный ходъ предпринимаемаго преобразованія во многомъ будетъ зависѣть отъ замѣщенія новыхъ должностей преимущественно лицами, получившими солидное образованіе и обладающими, вмѣстѣ съ тѣмъ, служебною опытностью" **).

Но еще до истеченія 1889 года министромъ внутреннихъ дѣлъ было возбуждено ходатайство „объ устраненіи средняго образованія изъ числа условій для занятія должностей земскихъ начальниковъ такими лицами, которыя будутъ опредѣляться по правиламъ устава о службѣ правительственной" ***). Это ходатайство было удовлетворенно немедленно, хотя и въ видѣ временной мѣры, „впредь до болѣе полнаго выясненія опытомъ затрудненій", препятствующихъ примѣненію цензовыхъ требованій закона (мн. гос. сов. 29 дек. 1889 г.) ****).

Теперь, по истеченіи пятнадцати лѣтъ, изданъ новый законъ, въ общемъ понизившій первоначальныя нормы образовательнаго и служебнаго ценза для земскихъ начальниковъ, хотя обязанности земскихъ начальниковъ за это время стали, если не сложнѣе, то обширнѣе. Достаточно напомнить, что уже послѣ введенія института земскихъ начальниковъ изданъ рядъ такихъ законовъ, какъ законъ 8 іюня 1893 г. о передѣлахъ мірской земли, переселенческія правила 15 апрѣля 1896 г., положеніе 23 іюня 1899 г. о взиманіи окладныхъ сборовъ съ крестьянъ, временныя продовольственныя правила 12 іюня 1900 г., законъ объ отмѣнѣ круговой поруки 12 марта 1903 г. Каждый изъ этихъ законовъ что-нибудь прибавилъ къ первоначальнымъ

*) Тамъ же, стр. 93.
**) Тамъ же, стр. 74.
***) Тамъ же, стр. 74.
****) Тамъ же, стр. 218.

полномочіямъ земскихъ начальниковъ. И хотя, казалось бы, попечительная власть успѣла взять въ свое завѣдываніе, согласно замыслу преобразованія 1889 года, „всѣ важнѣйшіе интересы сельскаго населенія", жажда новыхъ мѣропріятій въ томъ же направленіи все еще не утолена. Проекты, напр., редакціонной коммиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ по пересмотру законодательства о крестьянахъ намѣчаютъ рядъ именно такого рода перемѣнъ въ области крестьянскаго управленія.

Результаты преобразованія 1889 года были именно такіе, какими только они и могли быть, но уже одно обиліе дополнительныхъ мѣропріятій, частью осуществленныхъ, частью проектируемыхъ, показываетъ, что послѣдствія реформы не считаются удовлетворительными. Ими довольны были и въ оффиціальныхъ сферахъ, кажется, только въ первые года по введенію института земскихъ начальниковъ: тогда въ Петербургъ изъ провинціи посылались „благопріятные отзывы губернаторовъ о посильномъ исполненіи земскими начальниками правительственныхъ предначертаній и о полномъ довѣріи къ нимъ населенія" *), а изъ Петербурга въ провинцію шли министерскія разъясненія въ томъ смыслѣ, что положеніе 12 іюля, устанавливая, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, „попечительство надъ сельскими обывателями", предоставило новымъ правительственнымъ органамъ „соотвѣтствующія означенной ихъ власти права", въ томъ числѣ и право подвергать крестьянъ аресту и денежному взысканію „безъ формальнаго производства,—слѣдовательно, безапелляціонно и немедленно" **). Но ясное небо надеждъ скоро стало заволакиваться тучками, а теперь даже защитники института земскихъ начальниковъ признаютъ, что онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. „Предполагалось въ свое время,—пишетъ одинъ изъ представителей этого взгляда,—что земскій начальникъ замѣнитъ до нѣкоторой степени дореформеннаго помѣщика съ его патріархальнымъ отношеніемъ къ подвластнымъ ему крестьянамъ и, помогая имъ совѣтами и наставленіями, будетъ въ то же время строго взыскивать съ нихъ за всѣ самыя малѣйшія ихъ упущенія. Конечно, нечего и говорить, что всѣ подобныя предположенія такъ ими и остались" ***). Между прочимъ, суровая дѣйствительность, сметая эту слащавую идиллію и награждая въ лицѣ земскаго начальника не отцомъ-благодѣтелемъ, а обыкновеннымъ „чиновникомъ", но со всѣми атрибутами отеческой власти, заставила отказаться и отъ одной изъ козырныхъ статей положенія 12 іюля. По свидѣ-

*) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Т. 4, Спб. 1902, стр, 330.

**) Г. А. Евреиновъ. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Спб. 1903, стр. 47.

***) Гр. Э. П. Беннигсенъ. Къ вопросу о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ. Спб. 1902, стр. 84.

тельству того же автора, ознакомленнаго съ положеніемъ дѣла на практикѣ, „попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ" не занимаетъ, вопреки предписанію закона, никакого мѣста въ дѣятельности земскихъ начальниковъ. Дѣйствительно,—по мнѣнію этого расположеннаго къ институту земскихъ начальниковъ свидѣтеля, даже трудно „понять, что именно должно дѣлать земскому начальнику въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ". Статья, тѣмъ не менѣе, примѣняется земскими начальниками, „но можно усомниться въ томъ, чтобы хотя у одного изъ нихъ дѣятельность эта носила характеръ какой-нибудь системы. Въ то время, какъ одинъ, основываясь на 39 ст., требуетъ починки дорогъ, другой слѣдитъ за исправностью пожарныхъ инструментовъ въ деревняхъ, третій—за обсадкою деревьями крестьянскихъ дворовъ, четвертый—за очисткой полевыхъ канавъ и т. д., и т. д., при чемъ, однако, въ большинствѣ случаевъ, если только неисполненіе ихъ требованій не карается какими-нибудь особыми постановленіями, всѣ усилія земскихъ начальниковъ остаются тщетными..." *) Старые проповѣдники „попечительнаго руководительства" крестьянами, не задавшагося на практикѣ, пытаются теперь доказать, что причиной неуспѣха является не принципы преобразованія 1889 г., а форма, въ которую они облечены. „Четыре губернатора и четыре губернскихъ предводителя,—увѣряютъ теперь „сторонники объединенной власти", какъ они себя называютъ,—вырабатывавшіе законопроектъ, совершенно исказили нашу мысль. Популярный въ населеніи, изъ населенія выходившій и населеніемъ же пополняемый, институтъ мировыхъ судей былъ замѣненъ чуждыми населенію земскими начальниками" **). Это отреченіе можетъ показаться нѣсколько запоздалымъ, но симптоматическаго значенія оно не лишено. Слушая такія заявленія сторонниковъ, если не формы, то идеи института, вы можете судить о размѣрахъ разочарованія въ немъ и поистинѣ бѣдственныхъ послѣдствіяхъ этого политическаго опыта съ насажденіемъ учрежденій особеннаго типа.

И въ самомъ дѣлѣ, что пишутъ защитники института о его составѣ?

При введеніи положенія о земскихъ начальникахъ „предполагалось, что мѣста ихъ займутъ мѣстные дворяне-землевладѣльцы, которые будутъ заниматься хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ и въ то же время нести тутъ же и службу свою. Предположенія эти, какъ всѣмъ извѣстно, не оправдались. Почти половина земскихъ начальниковъ хозяйства своего не ведетъ, а многіе такъ даже

*) Тамъ же, стр. 86.

**) С. С. Бехтѣевъ. Хозяйственные итоги истекшаго сорокапятилѣтія и мѣры къ хозяйственному подъему. Спб. 1902 г., стр. 281.

и не имѣютъ никакихъ имѣній“ *). „Нынѣ, за небольшими исключеніями, мѣста земскихъ начальниковъ... будутъ занимать главнымъ образомъ люди, для которыхъ важно имѣть дополнительное къ сельскому хозяйству денежное полученіе“**). „Земскіе начальники въ значительной части своей превратились въ простыхъ чиновниковъ, часто съ мѣстомъ своей службы никакими личными интересами несвязанныхъ... Въ большинствѣ случаевъ въ настоящее время кандидаты на должность земскаго начальника — офицеры, окончившіе курсы военныхъ училищъ“ ***), которые „оказываются совершенно неопытными и бродятъ, какъ въ лѣсу“. Иначе говоря, большинство земскихъ начальниковъ, по свидѣтельству сторонниковъ института, удовлетворяетъ требованію образовательнаго ценза такъ же мало, какъ и требованіямъ служебнаго и имущественнаго ценза, и могло занять эти должности только на основаніи временнаго „изъятія“ изъ правилъ о цензѣ.

Такимъ образомъ, одно изъ условій „благопріятнаго хода“ дѣла на практикѣ не соблюдается. Что можно сказать о другомъ,— существуетъ ли „бдительный надзоръ губернской власти?“ И на этотъ вопросъ получается отвѣтъ отрицательный. Земскій начальникъ,—пишетъ одинъ изъ сторонниковъ института,—„занимаетъ исключительно привилегированное положеніе среди всѣхъ другихъ должностей имперіи. За дѣятельностью его нѣтъ никакого надзора, онъ одинъ внѣ всякаго контроля“ ****). „Ни сверху, ни снизу контроля надъ нами — пишетъ другой сторонникъ, самъ земскій начальникъ, — нѣтъ, у насъ нѣтъ даже правильной программы для составленія отчетовъ“ *****). Въ отношеніи контроля за дѣятельностью земскихъ начальниковъ, — замѣчаетъ третій,— во многихъ губерніяхъ по сію пору ограничиваются тѣмъ, что губернаторъ вмѣстѣ съ однимъ изъ непремѣнныхъ членовъ ревизуетъ ежегодно одного или двухъ земскихъ начальниковъ и нѣсколько волостныхъ правленій.

Конечно, при подобныхъ ревизіяхъ, благодаря ихъ безсистемности, многое усмотрѣно быть не можетъ, и онѣ остаются обыкновенно безрезультатными ******).

Легко понять, какъ должны дѣйствовать, какъ только могутъ дѣйствовать эти администраторы-судьи, мало подготовленные къ своему дѣлу, безконтрольные и полновластные. Легко понять—даже больше, легко было предвидѣть, каковы должны быть результаты этого пятнадцатилѣтняго опыта. Характерно,

*) Гр. Бенигсенъ. Къ вопросу и т. д., стр. 71.
**) С. С. Бехтѣевъ. Хозяйственные итоги, стр. 283.
***) Гр. Бенигсенъ. Къ вопросу, стр. 73, 74.
****) Бехтѣевъ, стр. 282.
*****) В. Яновичъ. Итоги шестилѣтія. Замѣтки земскаго начальника. Пермь. 1902, стр. 86.
******) Гр. Бенигсенъ. Къ вопросу и пр. стр. 77.

что сторонники и защитники института земскихъ начальниковъ выступаютъ теперь съ предложеніями возвратиться къ выборному началу замѣщенія мѣстныхъ должностей *), лишить земскихъ начальниковъ судебной власти **) и т. п. Надо, однако, замѣтить по поводу этихъ проектовъ, что свѣдѣнія о фактическомъ положеніи крестьянскаго дѣла въ настоящее время, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они исходятъ отъ сторонниковъ института земскихъ начальниковъ, убѣждаютъ въ недостаточности частныхъ поправокъ въ зданіи судебно-административныхъ учрежденій 1889 года и приводятъ къ мысли о необходимости полной его сломки. Нельзя даже сказать, чтобы на практикѣ не была испытана важнѣйшая изъ предложенныхъ мѣръ: въ Сибири съ 1898 года дѣйствуютъ земскіе начальники безъ судебныхъ функцій. Крестьянскіе начальники, какъ ихъ тамъ называютъ, призваны разбирать, по правиламъ судебно-полицейскаго разбирательства мировыхъ посредниковъ, лишь нѣкоторые споры, вытекающіе среди подвѣдомственнаго имъ населенія изъ отношеній по найму на сельскія работы, по найму земли, по потравамъ и т. п. Въ остальномъ этотъ институтъ точная копія института земскихъ начальниковъ,— и достаточно было пяти — шестилѣтняго опыта для того, чтобы доказать, что попечительная дѣятельность крестьянскихъ начальниковъ въ Сибири развивается въ одномъ направленіи съ дѣятельностью ихъ европейскихъ коллегъ ***). Быть можетъ, скажутъ, что слѣдовало бы пойти еще дальше по пути приспособленія института земскихъ начальниковъ къ требованіямъ жизни. Даже въ средѣ его сторонниковъ раздаются голоса, что необходимо освободить земскаго начальника отъ попечительныхъ функцій: земскій начальникъ,—говорятъ они — „только чиновникъ" и онъ долженъ быть только чиновникомъ. Поэтому и „требованія къ нему можно предъявлять только такія же, какъ и ко всѣмъ чиновникамъ" ****). Впрочемъ, надо сказать, что, освобождая земскихъ начальниковъ отъ выполненія обязанностей, фактически не выполняемыхъ ими и невыполнимыхъ, авторы этихъ проектовъ не намѣрены лишать крестьянское начальство власти налагать на подвѣдомственное ему населеніе отеческія дисциплинарныя взысканія въ видѣ штрафа или ареста *****). И, пожалуй, они не такъ ужъ непослѣдовательны въ этомъ случаѣ, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Пока у земскихъ начальниковъ остается эта власть, да еще право на „вмѣшательство" въ крестьянскія общественныя дѣла,—полновластіе земскаго начальника и безправное

---

*) С. С. Бехтѣевъ. Хозяйственные итоги, стр.

**) Гр. Бенигсенъ. Къ вопросу и пр.В. Яновичъ. Итоги.

***) *Труды мѣстн. комит. о нуждахъ сельской промышл.*, т. LIII, стр. 51, 52, 60 и др.

****) Гр. Бенигсенъ. Къ вопросу, стр. 85, 87.

*****) Тамъ же, стр. 81. В. Яновичъ. Шестилѣтніе итоги, стр.

положеніе подчиненнаго ему населенія не измѣнятся ни на іоту. А если преобразованіе устранитъ именно эти особенности современной организаціи „надзора“ за сельскимъ общественнымъ управленіемъ, то самое существованіе института земскихъ начальниковъ станетъ излишнимъ. Для надзора надъ учрежденіями крестьянскаго самоуправленія, надзора въ его естественныхъ границахъ, нѣтъ надобности ни въ этомъ, ни въ какомъ либо другомъ чиновникѣ. И самый вопросъ о такомъ надзорѣ удовлетворительно рѣшится только тогда, когда,—какъ это говорилось въ старыхъ земскихъ проектахъ сторонниками сохраненія крестьянскаго сословнаго управленія такъ же, какъ и сторонниками всесословной волости — когда будетъ установлена тѣсная связь между крестьянскимъ и земскимъ самоуправленіемъ *).

Два года назадъ, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій и близкаго знакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ деревни, началу опеки надъ крестьянами и его полному олицетворенію — земскимъ начальникамъ, была дана снова достойная оцѣнка въ отзывахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Многочисленныя и единодушныя заявленія, сдѣланныя мѣстными людьми чрезъ посредство этихъ комитетовъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что въ настоящее время *повсемѣстно* одной изъ самыхъ насущныхъ и настоятельныхъ нуждъ деревни является освобожденіе крестьянъ отъ тяготѣющей надъ ними властной опеки, уравненіе ихъ въ правовомъ отношеніи съ другими сословіями и подчиненіе однородному административному режиму, при условіи широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія **). Другого рѣшенія вопроса о крестьянскомъ управленіи, конечно, нѣтъ и не можетъ быть.

Владиміръ Розенбергъ.

---

*) В. Ю. Скалонъ. Земскіе взгляды, стр. 157.

**) Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Спб. 1904. Т. I, статьи В. М. Гессена, И. М. Страховскаго, В. А. Розенберга, стр. 41—177, и статьи К. К. Арсеньева, стр. 420—430 и Г. И. Шрейдера, стр. 287—357.

Новая книга о Россіи *).

(Письмо изъ Англіи).

I.

Въ каждой литературѣ можно найти много книгъ о чужихъ странахъ. Пишутъ изслѣдователи, внимательно изучившіе предметъ (такихъ очень мало). Пишутъ любознательные туристы, у которыхъ очень мало знаній и очень много смѣлости (такихъ книгъ очень много). Появляются книги, спеціальная цѣль которыхъ „обличать“ чужую національность. Бываютъ, наконецъ, труды, задачи которыхъ „прославлять“ или оправдывать въ глазахъ Европы чужой строй или дѣятелей, не пользующихся симпатіями культурнаго міра. Происхожденіе такихъ „трудовъ“ не трудно угадать съ первыхъ же страницъ. Характеристику такихъ авторовъ далъ намъ еще одинъ изъ энциклопедистовъ. „Если бы чума могла раздавать пенсіоны и ордена, то нашлись бы такіе низкіе теологи и такіе безсовѣстные юрисконсульты, которые восхваляли бы ея правленіе и доказывали, что ея права губить все живое—божественнаго происхожденія. Такіе люди писали бы книги, со спеціальной цѣлью выяснить, что борющіеся съ чумой — возстаютъ противъ Провидѣнія“ (Helvetius, „De l'Esprit“. Oeuvres complètes. Tome I, p. 518. Изданіе 1776 года). Въ англійской литературѣ не трудно указать на образцы каждой изъ намѣченныхъ категорій. Только что появившаяся книга полковника Уэлсли нѣсколько отличается отъ обычныхъ характеристикъ чужихъ странъ. Авторъ долго прожилъ въ Россіи, какъ британскій военный attaché. Какъ дипломатъ, онъ вращался въ извѣстной средѣ, именно, въ высшихъ военныхъ сферахъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, касаются, по преимуществу, этого міра. Военный attaché это—своего рода благородный, привилегированный „соглядатай“, съ которымъ нельзя расправиться такъ же безцеремонно, какъ съ простымъ „наблюдателемъ“, то есть, каторгой или петлей. Военный attaché имѣетъ миссіей слѣдить за вооруженіемъ чужой страны и узнавать секреты, которые отнюдь не должны выплывать. У военнаго attaché на службѣ цѣлые отряды тайныхъ „наблюдателей“, съ которыми не церемонятся, если поймаютъ. Понятія людей о томъ, что зазорно и что нѣтъ— крайне растяжимы. Военные, напр., сочли бы величайшимъ позоромъ для себя

*) With the Russians in Peace and War. Recollections of a Military Attaché, by colonel F. A. Wellesley. London. 1905. (т. е. „Съ русскими во время войны и мира“. Воспоминанія бывшаго военнаго attaché, полковника Ф. А. Уэлсли.

дружбу съ однимъ изъ тайныхъ „наблюдателей", между тѣмъ въ честь того, кто нанимаетъ этихъ „наблюдателей", кавалергарды дали банкетъ, съ которымъ связаны первыя впечатлѣнія полковника Уэлсли въ Россіи. Авторъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Черезъ нѣсколько дней, послѣ пріема у государя, онъ былъ уже на маневрахъ въ Красномъ Селѣ. „Кавалергарды устроили мнѣ большой обѣдъ,—разсказываетъ авторъ.—Сказать правду, то было страшное испытаніе, повторить которое я не желалъ бы". Дѣло въ томъ, что автора донями необходимостью пить много со всѣми сорока офицерами. Доканала его „ужасная смѣсь, which they called, *jonka*" (т. е. жженка). Послѣ жженки начались поцѣлуи и качаніе на рукахъ. „Подбрасываніе означало любезность; но такъ какъ это гимнастическое упражненіе производилось послѣ сытнаго обѣда, шампанскаго и жженки, то я не могу назвать его очень пріятнымъ испытаніемъ".

Полковникъ Уэлсли прожилъ въ Россіи шесть лѣтъ и сдѣлалъ потомъ почти всю русско-турецкую кампанію. За время своего пребыванія, онъ хорошо изучилъ русскій языкъ. Русскимъ народомъ, обществомъ, экономической и умственной жизнью Россіи авторъ, повидимому, совершенно не интересовался. Въ этомъ отношеніи мы находимъ въ толстой книгѣ только нѣсколько бѣглыхъ и крайне поверхностныхъ замѣчаній. Полковникъ Уэлсли, напр., съ удивленіемъ отмѣчаетъ грубость людей, занимающихъ крупное положеніе въ служебной іерархіи, съ подчиненными *). Какъ англичанинъ, Уэлсли привыкъ думать, что настоящій джентельмэнъ, прежде всего, долженъ быть вполнѣ корректенъ съ людьми, которые находятся въ зависимости отъ него. По англійскимъ понятіямъ, быть грубымъ съ людьми, которые не могутъ отвѣтить по служебному положенію своему, кричать на нихъ или браниться,—могутъ только „toady", т. е. презрѣнныя, ничтожныя существа съ натурой, какъ у пресмыкающагося. Авторъ дальше отмѣчаетъ негигіеничность обстановки богатыхъ русскихъ, поразительную лѣнь, „minimum политической свободы при maximum'ѣ права безпутничать". „Печать здѣсь всегда въ намордникѣ,— говоритъ Уэлсли,—рѣзкія статьи въ иностранныхъ газетахъ безжалостно замазываются типографской краской, политическія собранія строго воспрещены, гарантій личности не существуетъ, но за то кутилы могутъ пировать въ ресторанахъ всю ночь" **). „Русская свобода безпутничать покажется недостижимымъ идеаломъ для англійскаго кутилы". Авторъ находитъ, что въ Россіи безъ наглазниковъ ходятъ только лошади. Какъ опытный человѣкъ, полковникъ Уэлсли доказываетъ, что обычай не закрывать

*) См. р. 18.
**) Ib., р. 29.

глазъ лошадямъ—очень хорошъ. Животныя привыкаютъ къ широкому горизонту и не пугаются, поэтому, во время столкновенія такъ легко, какъ лошади, которыхъ постоянно водятъ въ шорахъ. „Русская лошадь видитъ все, что дѣлается кругомъ, поэтому она не обращаетъ вниманія на шумъ или на предметы, которые испугали бы животное въ наглазникахъ“. Нужно думать, что принципъ о наглазникахъ одинаково справедливъ въ примѣненіи не только къ лошадямъ. Во всякомъ случаѣ, у насъ въ Россіи еще въ концѣ XVIII вѣка доказывалось, что „шоры на мысль“ причиняютъ одинъ вредъ и что возможность „видѣть весь горизонтъ“ можетъ принести обществу только громадную пользу.

Неуклюжій, шероховатый стиль XVIII вѣка устарѣлъ и кажется намъ архаичнымъ. Но можно ли то же самое сказать о мысляхъ, которыя выражены Радищевымъ?

„Цензура сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, которые ходятъ на помочахъ; отчего у нихъ бываютъ нерѣдко кривыя ноги. Гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтніе, незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Если-жъ всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долженъ ходить на помочахъ и совершенный на возрастѣ будетъ калѣка. Недоросль будетъ всегда Митрофанушка, безъ дядьки не ступитъ и безъ опекуна не можетъ правитъ своимъ наслѣдіемъ... Таковы бываютъ вездѣ слѣдствія обыкновенной цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе... Книга, проходящая десять цензуръ, прежде нежели явится въ свѣтъ, не есть книга, но поддѣлка святой инквизиціи, часто изуродованная, сѣченная батожьемъ, съ кляпомъ во рту, узникъ и рабъ всегда. Въ области истины, въ царствѣ мысли и духа не можетъ никакая земная власть давать рѣшенія, и не должно; не можетъ того правительство, менѣе еще—его цензоръ, въ клобукѣ ли онъ, или съ темлякомъ... Чѣмъ основательнѣе государство въ своихъ правилахъ, тѣмъ стройнѣе и тверже оно само въ себѣ—тѣмъ менѣе можетъ оно поколебаться и трястись отъ дуновенія каждаго мнѣнія, отъ насмѣшки разъяреннаго писателя; тѣмъ болѣе благоволитъ оно свободѣ мыслей и свободѣ писанія, отъ которой подъ конецъ вѣрно будетъ прибыль истинѣ. Губители бываютъ подозрительны; тайные злодѣи робки. Мужъ явно творяй правду и твердый въ правилахъ своихъ допуститъ всякій глаголъ о себѣ. Онъ ходитъ во дни и строитъ себѣ на пользу клевету своихъ злодѣевъ. Откупы въ мысляхъ вредны. Правитель государства да будетъ безпристрастенъ во мнѣніяхъ, чтобы могъ объять мнѣнія всѣхъ и оныя въ государствѣ своемъ дозволять, просвѣщать и наклонять къ общему добру“.

... „Если хочешь благорастворен‍наго воздуха, то удали отъ себя коптильню; если хочешь свѣта, удали затменіе... Пускай

печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ. Кто найдетъ себя въ печати обиженнымъ, тому-де дается судъ по формѣ... Какой вредъ, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Не токмо не можетъ быть вреда, но польза; польза отъ перваго до послѣдняго... Разители народовъ не дерзнутъ удалиться отъ стези правды и убоятся: ибо пути ихъ злости и ухищренія обнажатся. Вострепещетъ судія, подписывая неправедный приговоръ, и раздеретъ его... Тайный грабежъ назовется грабежемъ; прикрытое убійство убійствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истины" *).

Наглазники у лошадей заставили, однако, меня нѣсколько уклониться въ сторону. Возвратимся къ книгѣ полковника Уэлсли. О русскихъ вообще онъ говоритъ очень мало. Авторъ отмѣчаетъ, что они—плохіе работники. „Въ Россіи въ конторахъ на заводахъ, въ канцеляріяхъ, всюду назначаютъ пять человѣкъ на такую работу, съ которой въ Англіи справился бы одинъ"... „Русская полиція груба, ругается, дерется и, въ то же время, совершенно не въ состояніи поддержать порядокъ въ европейскомъ смыслѣ слова... Какъ удивился бы, вѣроятно, русскій полицейскій чиновникъ, попавъ въ Лондонъ, при видѣ того, какъ одинъ полисмэнъ, безъ крика, безъ брани и зуботычинъ, простымъ движеніемъ руки, поддерживаетъ порядокъ въ такомъ водоворотѣ экипажей, омнибусовъ и пѣшеходовъ, какъ на Пиккадили Серкёсъ!" („With the Russians", etc., p. 52). Авторъ констатируетъ дальше, что русскіе „строятъ очень много церквей и очень мало школъ". Ему приходится также отмѣтить такой случай, на которомъ построенъ разсказъ Глѣба Успенскаго „Маленькіе недостатки механизма". Надобно было препроводить молодого человѣка Лаптева, а препроводили аптекаря Лаптева, снабжавшаго купца „пилюлями отъ живота". Поражаетъ также автора пристрастіе русскихъ къ картамъ. Какъ видите, наблюденія не особенно глубокія. Любопытна одна черта. Что касается общества, то англійскій наблюдатель конца XIX вѣка замѣтилъ врядъ ли больше, чѣмъ его предшественникъ конца XVI-го вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ своей извѣстной книгѣ „Of the Russe Common Wealth, etc", вышедшей въ 1591 г., Флетчеръ отмѣчаетъ: „Русскіе... большею частью вялы и недѣятельны, что, какъ можно полагать, происходитъ частью отъ климата и сонливости, возбуждаемой зимнимъ холодомъ, частью же отъ пищи, которая состоитъ преимущественно изъ кореньевъ, лука, чеснока, капусты и подобныхъ произрастаній, производящихъ дурные соки". Съ описаніями Уэлсли пира въ Красномъ Селѣ можно сопоставить слѣдующее мѣсто изъ книги Флетчера: „Столъ у нихъ (москови-

*) *А. Радищевъ*, „Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву", Торжокъ. Цитирую по полному трюбнеровскому изданію 1858 г.

товъ) болѣе, нежели страненъ. Приступая къ ѣдѣ, они обыкновенно выпиваютъ *чарку*, или небольшую чашку водки (называемой русскимъ виномъ), потомъ ничего не пьютъ до конца стола, но тутъ уже напиваются вдоволь и всѣ вмѣстѣ, цѣлуя другъ друга при каждомъ глоткѣ, такъ что послѣ обѣда съ ними нельзя ни о чемъ говорить, и всѣ отправляются, чтобы соснуть, имѣя обыкновеніе отдыхать послѣ обѣда, такъ точно и ночью". На негигіеничность русскихъ жилищъ одинаково жалуются и Уэлсли, и Флетчеръ. „Всю зиму и большую часть лѣта московиты... такъ нагрѣваютъ домъ, что иностранцу навѣрное не понравится. Эти двѣ крайности... жаръ внутри домовъ и стужа на дворѣ, вмѣстѣ съ пищей, придаютъ имъ темный болѣзненный цвѣтъ лица". Присутствіе „наглазниковъ" и крайне низкую степень развитія населенія тоже одинаково констатируютъ два наблюдателя, раздѣленные промежуткомъ въ три вѣка. „Причина невѣжества,—говоритъ Флетчеръ—заключается въ томъ, что образъ воспитанія московитовъ признается ихъ властями самымъ лучшимъ для ихъ государства и наиболѣе согласнымъ съ ихъ образомъ правленія, которое народъ едва ли бы сталъ переносить, если бы получилъ какое-нибудь образованіе и лучшее понятіе о Богѣ, равно какъ и хорошее устройство". Крайняя грубость командующихъ классовъ съ массами также поразила Флетчера, какъ и Уэлсли. „Видя грубые и жестокіе поступки съ ними всѣхъ главныхъ должностныхъ лицъ и другихъ начальниковъ—говоритъ англійскій наблюдатель XVI-го вѣка,—московиты также безчеловѣчно поступаютъ... съ своими подчиненными и низшими. Самый низкій и убогій, унижающійся и ползающій предъ начальствомъ,—дѣлается несноснымъ тираномъ, какъ скоро получаетъ надъ чѣмъ-нибудь верхъ". *).

Итакъ, Уэлсли знаетъ очень мало русское общество и народъ. Хотя онъ изучилъ русскій языкъ, но не отмѣтилъ ничего другого, чего не записалъ бы Флетчеръ, не знавшій по-русски. Но за то Уэлсли, по роду своихъ обязанностей, вращался постоянно въ верхахъ военнаго міра. Эту область, повидимому, онъ изучилъ хорошо. Военный атташе не только наблюдаетъ самъ. Онъ имѣетъ на службѣ у себя „агентовъ", по просту, шпіоновъ, снабжающихъ его свѣдѣніями о всемъ, что творится въ извѣстной средѣ. Добытыя свѣдѣнія составляютъ матеріалъ для депешъ, отправляемыхъ атташе своему правительству. Такая книга, какъ „With the Russians in Peace and War" вводитъ насъ за кулисы, куда простымъ смертнымъ заглядывать не всегда полагается. Очень можетъ быть, что не всѣ замѣтки Уэлсли, написанныя на основаніи составленныхъ имъ депешъ, вполнѣ совпадаютъ съ

*) *Флетчеръ*, „О Государствѣ Русскомъ" и пр., глава XXVIII: „О домашней жизни и свойствахъ русскаго народа", стр. 108—113.

дѣйствительностью: но, во всякомъ случаѣ, авторъ болѣе освѣдомленъ, чѣмъ многіе наблюдатели, отмѣчавшіе, такъ сказать, представленіе, какъ оно поставлено на сценѣ, а не подготовленіе его за кулисами.

II.

Съ первыхъ же шаговъ въ Россіи, полковникъ Уэлсли отмѣчаетъ въ своихъ депешахъ продажность крупныхъ чиновниковъ, неумѣлость бюрократіи при страшной самоувѣренности ея въ то же время. Бюрократія заботится только о томъ, чтобы снаружи было все какъ слѣдуетъ, для чего нисколько не останавливается передъ грубымъ обманомъ. То же самое можно было бы сказать о тѣхъ трехъ китахъ, на которыхъ, по словамъ риторовъ, держалась и держится Русь. Возьмемъ, напр., одного изъ этихъ китовъ.

Древнее благочестіе, о которомъ такъ много говорятъ въ извѣстныхъ кругахъ, понятіе крайне условное. Во всякомъ случаѣ, если оно было „китомъ" когда-нибудь, то очень много лѣтъ тому назадъ, раньше XVI-го вѣка. „Примѣры отдѣльнаго благочестія, подвиго-паломничества аскетовъ, множество монастырей, воздвигаемыхъ въ непроходимыхъ мѣстахъ, не могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ общаго народнаго благочестія, — говоритъ русскій историкъ. Во-первыхъ, кто безпристрастно и критически относился къ нашимъ житіямъ, тотъ не можетъ усомниться, что краснорѣчивыя похвалы въ этихъ біографіяхъ часто слѣдуетъ принимать менѣе за историческую правду, чѣмъ за избитую риторику, даже не самостоятельную по содержанію, а рутинно повторяющую давніе византійскіе пріемы; во-вторыхъ, эти же самыя повѣствованія, говоря о свѣтлой сторонѣ русскаго благочестія въ лицѣ святыхъ подвижниковъ, подчасъ проговариваются и о черныхъ сторонахъ, указывающихъ на нравы того общества, изъ котораго явились эти подвижники" *). „Вообще, при чтеніи нашихъ умилительныхъ повѣствованій о разныхъ явленіяхъ подвиго-паломничества и благочестивой жизни,—продолжаетъ тотъ же авторъ, — не слѣдуетъ забывать русской пословицы: „не всякое лыко въ строку". Въ Стоглавѣ, напр., намъ показывается обратная сторона явленій, описываемыхъ риторами въ свѣтлыхъ чертахъ: „Старецъ на лѣсу келію поставитъ, или церковь срубитъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, и земли, и руги проситъ, а что собравъ, то и пропьетъ" **). „Въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ совершалось богослуженіе, господствовало полное

---

*) *Н. И. Костомаровъ.* Исторія раскола у раскольниковъ. Собраніе сочиненій. Т. XII (изданіе 1905 г.), стр. 215.

**) Ib.

глазъ лошадямъ—очень хорошъ. Животныя привыкаютъ къ широкому горизонту и не пугаются, поэтому, во время столкновенія такъ легко, какъ лошади, которыхъ постоянно водятъ въ шорахъ. „Русская лошадь видитъ все, что дѣлается кругомъ, поэтому она не обращаетъ вниманія на шумъ или на предметы, которые испугали бы животное въ наглазникахъ". Нужно думать, что принципъ о наглазникахъ одинаково справедливъ въ примѣненіи не только къ лошадямъ. Во всякомъ случаѣ, у насъ въ Россіи еще въ концѣ XVIII вѣка доказывалось, что „шоры на мысль" причиняютъ одинъ вредъ и что возможность „видѣть весь горизонтъ" можетъ принести обществу только громадную пользу.

Неуклюжій, шероховатый стиль XVIII вѣка устарѣлъ и кажется намъ архаичнымъ. Но можно ли то же самое сказать о мысляхъ, которыя выражены Радищевымъ?

„Цензура сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, которые ходятъ на помочахъ; отчего у нихъ бываютъ нерѣдко кривыя ноги. Гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтніе, незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Если-жъ всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долженъ ходить на помочахъ и совершенный на возрастѣ будетъ калѣка. Недоросль будетъ всегда Митрофанушка, безъ дядьки не ступитъ и безъ опекуна не можетъ править своимъ наслѣдіемъ... Таковы бываютъ вездѣ слѣдствія обыкновенной цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе... Книга, проходящая десять цензуръ, прежде нежели явится въ свѣтъ, не есть книга, но подѣлка святой инквизиціи, часто изуродованная, сѣченная батожьемъ, съ кляпомъ во рту, узникъ и рабъ всегда. Въ области истины, въ царствѣ мысли и духа не можетъ никакая земная власть давать рѣшенія, и не должно; не можетъ того правительство, менѣе еще—его цензоръ, въ клобукѣ ли онъ, или съ темлякомъ... Чѣмъ основательнѣе государство въ своихъ правилахъ, тѣмъ стройнѣе и тверже оно само въ себѣ—тѣмъ менѣе можетъ оно поколебаться и трястись отъ дуновенія каждаго мнѣнія, отъ насмѣшки разъяреннаго писателя; тѣмъ болѣе благоволитъ оно свободѣ мыслей и свободѣ писанія, отъ которой подъ конецъ вѣрно будетъ прибыль истинѣ. Губители бываютъ подозрительны; тайные злодѣи робки. Мужъ явно творяй правду и твердый въ правилахъ своихъ допуститъ всякій глаголъ о себѣ. Онъ ходитъ во дни и строитъ себѣ на пользу клевету своихъ злодѣевъ. Откупы въ мысляхъ вредны. Правитель государства да будетъ безпристрастенъ во мнѣніяхъ, чтобы могъ объять мнѣнія всѣхъ и оныя въ государствѣ своемъ дозволять, просвѣщать и наклонять къ общему добру".

... „Если хочешь благорастворенаго воздуха, то удали отъ себя коптильню; если хочешь свѣта, удали затменіе... Пускай

печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ. Кто найдетъ себя въ печати обиженнымъ, тому-де дается судъ по формѣ... Какой вредъ, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Не токмо не можетъ быть вреда, но польза; польза отъ перваго до послѣдняго... Празители народовъ не дерзнутъ удалиться отъ стези правды и убоятся: ибо пути ихъ злости и ухищренія обнажатся. Вострепещетъ судія, подписывая неправедный приговоръ, и раздеретъ его... Тайный грабежъ назовется грабежемъ; прикрытое убійство убійствомъ. Убоятся всѣ злые строгаго взора истины" *).

Наглазники у лошадей заставили, однако, меня нѣсколько уклониться въ сторону. Возвратимся къ книгѣ полковника Уэлсли. О русскихъ вообще онъ говоритъ очень мало. Авторъ отмѣчаетъ, что они—плохіе работники. „Въ Россіи въ конторахъ на заводахъ, въ канцеляріяхъ, всюду назначаютъ пять человѣкъ на такую работу, съ которой въ Англіи справился бы одинъ"... „Русская полиція груба, ругается, дерется и, въ то же время, совершенно не въ состояніи поддержать порядокъ въ европейскомъ смыслѣ слова... Какъ удивился бы, вѣроятно, русскій полицейскій чиновникъ, попавъ въ Лондонъ, при видѣ того, какъ одинъ полисмэнъ, безъ крика, безъ брани и зуботычинъ, простымъ движеніемъ руки, поддерживаетъ порядокъ въ такомъ водоворотѣ экипажей, омнибусовъ и пѣшеходовъ, какъ на Пиккадили Серкёсъ!" („With the Russians", etc., p. 52). Авторъ констатируетъ дальше, что русскіе „строятъ очень много церквей и очень мало школъ". Ему приходится также отмѣтить такой случай, на которомъ построенъ разсказъ Глѣба Успенскаго „Маленькіе недостатки механизма". Надобно было препроводить молодого человѣка Лаптева, а препроводили аптекаря Лаптева, снабжавшаго купца „пилюлями отъ живота". Поражаетъ также автора пристрастіе русскихъ къ картамъ. Какъ видите, наблюденія не особенно глубокія. Любопытна одна черта. Что касается общества, то англійскій наблюдатель конца XIX вѣка замѣтилъ врядъ ли больше, чѣмъ его предшественникъ конца XVI-го вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ своей извѣстной книгѣ „Of the Russe Common Wealth, etc", вышедшей въ 1591 г., Флетчеръ отмѣчаетъ: „Русскіе... большею частью вялы и недѣятельны, что, какъ можно полагать, происходитъ частью отъ климата и сонливости, возбуждаемой зимнимъ холодомъ, частью же отъ пищи, которая состоитъ преимущественно изъ кореньевъ, лука, чеснока, капусты и подобныхъ произрастаній, производящихъ дурные соки". Съ описаніями Уэлсли пира въ Красномъ Селѣ можно сопоставить слѣдующее мѣсто изъ книги Флетчера: „Столъ у нихъ (москови-

---

*) *А. Радищевъ*, „Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву", Торжокъ. Цитирую по полному трюбнеровскому изданію 1858 г.

товъ) болѣе, нежели страненъ. Приступая къ ѣдѣ, они обыкновенно выпиваютъ *чарку*, или небольшую чашку водки (называемой русскимъ виномъ), потомъ ничего не пьютъ до конца стола, но тутъ уже напиваются вдоволь и всѣ вмѣстѣ, цѣлуя другъ друга при каждомъ глоткѣ, такъ что послѣ обѣда съ ними нельзя ни о чемъ говорить, и всѣ отправляются, чтобы соснуть, имѣя обыкновеніе отдыхать послѣ обѣда, такъ точно и ночью". На негигіеничность русскихъ жилищъ одинаково жалуются и Уэлсли, и Флетчеръ. „Всю зиму и большую часть лѣта московиты... такъ нагрѣваютъ домъ, что иностранцу навѣрное не понравится. Эти двѣ крайности... жаръ внутри домовъ и стужа на дворѣ, вмѣстѣ съ пищей, придаютъ имъ темный болѣзненный цвѣтъ лица". Присутствіе „наглазниковъ" и крайне низкую степень развитія населенія тоже одинаково констатируютъ два наблюдателя, раздѣленные промежуткомъ въ три вѣка. „Причина невѣжества,—говоритъ Флетчеръ—заключается въ томъ, что образъ воспитанія московитовъ признается ихъ властями самымъ лучшимъ для ихъ государства и наиболѣе согласнымъ съ ихъ образомъ правленія, которое народъ едва ли бы сталъ переносить, если бы получилъ какое-нибудь образованіе и лучшее понятіе о Богѣ, равно какъ и хорошее устройство". Крайняя грубость командующихъ классовъ съ массами также поразила Флетчера, какъ и Уэлсли. „Видя грубые и жестокіе поступки съ ними всѣхъ главныхъ должностныхъ лицъ и другихъ начальниковъ—говоритъ англійскій наблюдатель XVI-го вѣка,—московиты также безчеловѣчно поступаютъ... съ своими подчиненными и низшими. Самый низкій и убогій, унижающійся и ползающій предъ начальствомъ,—дѣлается несноснымъ тираномъ, какъ скоро получаетъ надъ чѣмъ-нибудь верхъ". *).

Итакъ, Уэлсли знаетъ очень мало русское общество и народъ. Хотя онъ изучилъ русскій языкъ, но не отмѣтилъ ничего другого, чего не записалъ бы Флетчеръ, не знавшій по-русски. Но за то Уэлсли, по роду своихъ обязанностей, вращался постоянно въ верхахъ военнаго міра. Эту область, повидимому, онъ изучилъ хорошо. Военный атташе не только наблюдаетъ самъ. Онъ имѣетъ на службѣ у себя „агентовъ", по просту, шпіоновъ, снабжающихъ его свѣдѣніями о всемъ, что творится въ извѣстной средѣ. Добытыя свѣдѣнія составляютъ матеріалъ для депешъ, отправляемыхъ атташе своему правительству. Такая книга, какъ „With the Russians in Peace and War" вводитъ насъ за кулисы, куда простымъ смертнымъ заглядывать не всегда полагается. Очень можетъ быть, что не всѣ замѣтки Уэлсли, написанныя на основаніи составленныхъ имъ депешъ, вполнѣ совпадаютъ съ

*) *Флетчеръ*, „О Государствѣ Русскомъ" и пр., глава XXVIII: „О домашней жизни и свойствахъ русскаго народа", стр. 108—113.

дѣйствительностью: но, во всякомъ случаѣ, авторъ болѣе освѣдомленъ, чѣмъ многіе наблюдатели, отмѣчавшіе, такъ сказать, представленіе, какъ оно поставлено на сценѣ, а не подготовленіе его за кулисами.

II.

Съ первыхъ же шаговъ въ Россіи, полковникъ Уэлсли отмѣчаетъ въ своихъ депешахъ продажность крупныхъ чиновниковъ, неумѣлость бюрократіи при страшной самоувѣренности ея въ то же время. Бюрократія заботится только о томъ, чтобы снаружи было все какъ слѣдуетъ, для чего нисколько не останавливается передъ грубымъ обманомъ. То же самое можно было бы сказать о тѣхъ трехъ китахъ, на которыхъ, по словамъ риторовъ, держалась и держится Русь. Возьмемъ, напр., одного изъ этихъ китовъ.

Древнее благочестіе, о которомъ такъ много говорятъ въ извѣстныхъ кругахъ, понятіе крайне условное. Во всякомъ случаѣ, если оно было „китомъ" когда-нибудь, то очень много лѣтъ тому назадъ, раньше XVI-го вѣка. „Примѣры отдѣльнаго благочестія, подвиго-паломничества аскетовъ, множество монастырей, воздвигаемыхъ въ непроходимыхъ мѣстахъ, не могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ общаго народнаго благочестія, — говоритъ русскій историкъ. Во-первыхъ, кто безпристрастно и критически относился къ нашимъ житіямъ, тотъ не можетъ усомниться, что краснорѣчивыя похвалы въ этихъ біографіяхъ часто слѣдуетъ принимать менѣе за историческую правду, чѣмъ за избитую риторику, даже не самостоятельную по содержанію, а рутинно повторяющую давніе византійскіе пріемы; во-вторыхъ, эти же самыя повѣствованія, говоря о свѣтлой сторонѣ русскаго благочестія въ лицѣ святыхъ подвижниковъ, подчасъ проговариваются и о черныхъ сторонахъ, указывающихъ на нравы того общества, изъ котораго явились эти подвижники" *). „Вообще, при чтеніи нашихъ умилительныхъ повѣствованій о разныхъ явленіяхъ подвиго-паломничества и благочестивой жизни,—продолжаетъ тотъ же авторъ, — не слѣдуетъ забывать русской пословицы: „не всякое лыко въ строку". Въ Стоглавѣ, напр., намъ показывается обратная сторона явленій, описываемыхъ риторами въ свѣтлыхъ чертахъ: „Старецъ на лѣсу келію поставитъ, или церковь срубитъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, и земли, и руги проситъ, а что собравъ, то и пропьетъ" **). „Въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ совершалось богослуженіе, господствовало полное

---

*) *Н. И. Костомаровъ.* Исторія раскола у раскольниковъ. Собраніе сочиненій. Т. XII (изданіе 1905 г.), стр. 215.

**) Ib.

отсутствіе благочестія: „попы и церковные причетники,—говоритъ Стоглавъ,—въ церкви всегда пьяни и безъ страха стоятъ и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ,—попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя“.. „Принимая во вниманіе множество монастырей, — продолжаетъ Н. И. Костомаровъ,—и довѣряя многимъ умильнымъ описаніямъ святой жизни ихъ обитателей, можно было бы надѣяться, что монастырское благочестіе выкупало безпорядокъ, происходившій въ приходскихъ церквахъ. Но Стоглавъ и въ этомъ отношеніи насъ разочаровываетъ. Изъ него видно, что во многихъ монастыряхъ архимандриты и игумены, покупая себѣ мѣста... жили себѣ въ свое удовольствіе на счетъ монастырскихъ имѣній, угощали пріятелей, держали своихъ родныхъ въ монастыряхъ, монахи подражали имъ и жили беззазорно; въ келіи къ нимъ ходили женщины и дѣвицы“.—Я не рѣшаюсь продолжать цитату. Тамъ есть отвратительная подробность, крайне характерная для монастырей, но вызывающая отвращеніе въ читателѣ. Читатели найдутъ ее на 216 стр. цитируемой книги, 15-я строка сверху. Въ Москвѣ— „люди, пришедшіе въ церковь во время богослуженія, громко разговаривали, смѣялись, иные бранились, а тутъ же юродивые ходили въ пустынническомъ образѣ, растрепавъ волосы, кричали, дурачились и смѣшили другихъ. Попы не только дозволяли такое безчиніе, но и сами пьяные безчинствовали въ церкви. Праздники торжествовались самымъ развратнымъ образомъ; постоянно слышалась самая неприличная брань. Въ 1646 г. окружной патріаршій наказъ указываетъ, что въ московскихъ церквахъ во время богослуженія бываетъ „драка до крови и лая матерная“ (*Костомаровъ*, стр. 218). Такъ было въ XVI и въ XVII вв., которые приводятъ въ умиленіе нашихъ поклонниковъ старины. Впослѣдствіи были приняты строгія мѣры, чтобы *наружный* порядокъ возможно соблюдался. Но врядъ ли кто-либо, знакомый съ русской исторіей или съ русской дѣйствительностью станетъ отрицать слѣдующее. Духовные запросы сильно волновали и волнуютъ лучшую часть русскаго народа; но „старый китъ“, на которомъ, будто бы, держится Русь, не даетъ уже больше отвѣта на эти „тревоги души“, потому что пересталъ быть авторитетомъ, во всякомъ случаѣ, уже въ XVI вѣкѣ. „Китъ“ держится всѣмъ, но только не довѣріемъ къ нему. Точно такъ же другой „китъ“, на которомъ тоже, будто бы, держится Русь, давнымъ давно уже не даетъ отвѣта на гражданскіе запросы русскаго общества...

Я возвращаюсь къ запискамъ полковника Уэлсли.

„Въ то время (т. е. въ серединѣ семидесятыхъ годовъ) строился броненосецъ *Петръ Великій*,—разсказываетъ авторъ.— На него возлагались большія надежды, но постройка подвигалась крайне медленно. Разъ государь принималъ докладъ отъ исполняющаго должность морскаго министра. Прошло уже нѣсколько

лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ броненосецъ былъ заложенъ. Государь нѣсколько разъ слышалъ увѣренія, что корабль будетъ скоро готовъ. Исполняющій должность министра не привыкъ еще къ докладамъ. Когда государь категорически спросилъ: „скоро ли будетъ готовъ *Петръ Великій?*“—докладчикъ совершенно растерялся и отвѣтилъ: „черезъ три недѣли, ваше величество“. Государь выразилъ свое удовольствіе и заявилъ, что вскорѣ осмотритъ самъ броненосецъ въ Кронштадтѣ. Между тѣмъ броненосецъ далеко еще не былъ конченъ. Онъ находился въ докахъ. Броня, заказанная въ Англіи, не была еще доставлена. Собственно говоря, одну партію плитъ повезли уже въ Петербургъ, но по дорогѣ, во время бури, сбросили весь грузъ въ море, чтобы облегчить судно. Въ виду посѣщенія государя, всѣ полезныя работы на броненосцѣ были пріостановлены. Сотни работниковъ днемъ и ночью отдѣлывали каюты. Бока корабля покрывались поддѣльной броней. Сооружались деревянныя, выкрашенныя подъ сталь, вращающіяся башни. Въ то утро, когда государь долженъ былъ посѣтить броненосецъ, капитанъ приказалъ одному изъ механиковъ выпалить нѣсколько кулей соломы, чтобы изъ трубъ повалилъ дымъ. Это придало видъ, будто въ машинахъ разводятъ уже пары.

„Когда герцогъ Эдинбургскій прибылъ въ Россію, чтобы вступить въ бракъ съ великой княжной Маріей Александровной,—продолжаетъ полковникъ Уэлсли,—я разсказалъ ему всю эту исторію. Герцогъ не повѣрилъ. Я сказалъ ему, что вскорѣ предстоитъ морской смотръ въ Кронштадтѣ, и тогда онъ самъ можетъ убѣдиться, какъ построенъ *Петръ Великій.* Герцогъ Эдинбургскій былъ морякъ. Я предсказывалъ поэтому, что его, вѣроятно, подъ какимъ-нибудь предлогомъ не пустятъ на броненосецъ. Наступилъ день смотра. Императорская яхта, на которой находились государь и герцогъ Эдинбургскій, прослѣдовала мимо военныхъ кораблей, выстроившихся на якоряхъ въ двѣ линіи. За императорской яхтой слѣдовалъ я на паровомъ катерѣ одного изъ моихъ друзей. Вскорѣ я замѣтилъ, что отъ яхты отвалилъ по направленію къ броненосцу *Петръ Великій* баркасъ съ герцогомъ Эдинбургскимъ. Я узналъ потомъ, что герцогъ выразилъ одному изъ морскихъ офицеровъ желаніе осмотрѣть броненосецъ, но его стали отговаривать. Государь, замѣтивъ это, спросилъ, въ чемъ дѣло. Когда онъ узналъ про желаніе герцога, то сейчасъ же приказалъ спустить баркасъ. Императоръ, конечно, не подозрѣвалъ, въ какомъ состояніи находится *Петръ Великій.*

„Послѣ смотра герцогъ Эдинбургскій сказалъ мнѣ, что я ошибся въ одномъ отношеніи: я сказалъ, что вращающіяся башни на броненосцѣ сдѣланы изъ дерева, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ сдѣлали изъ выкрашеннаго полотна, натянутаго на рамы. Герцогъ Эдинбургскій въ этомъ самъ убѣдился, когда дотронулся рукой

до грозной башни. Морскіе офицеры, чтобы никто не подошелъ къ ней, окружили ее красиво сложенными кольцами морского каната, черезъ которыя герцогъ перелѣзъ.

„Моряки хвастались, что *Петръ Великій* будетъ самымъ грознымъ изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ военныхъ кораблей. Въ дѣйствительности же, когда броненосецъ, наконецъ, закончили, онъ былъ такъ слабъ, что далъ сильную течь при пробѣ придать ему большую скорость, чѣмъ восемь узловъ въ часъ. Когда же стали палить большія пушки, то головки заклепокъ отлетѣли“ *). Вообще, полковникъ Уэлсли знаетъ много „анекдотовъ“ про флотъ и моряковъ. Лѣтомъ 1874 г. герцогъ Эдинбургскій съ супругой отплыли изъ Кронштадта въ Англію на императорской яхтѣ *Держава*, за которой слѣдовала другая яхта, меньшей величины, *Олафъ*. Курсъ былъ по направленію къ Дувру. На яхтѣ находилось нѣсколько адмираловъ, но путешественники, тѣмъ не менѣе, имѣли очень непріятный и опасный переѣздъ. Корабли попали на сѣверъ и едва не наскочили на мель (Winterton Sands) у береговъ Норфолька. *Держава*, вмѣсто Дувра, попала въ Грэйвзэндъ (т. е. въ устья Темзы). Что же касается *Олафа*, то онъ совсѣмъ заблудился, долго кружилъ у береговъ Англіи и попалъ, наконецъ, не въ Дувръ, а гораздо сѣвернѣе — въ Гулль **). Съ еще большей ироніей отзывается полковникъ Уэлсли о знаменитыхъ „поповкахъ“.

„Лѣтомъ 1873 г., — пишетъ авторъ, — я получилъ отъ моего правительства инструкцію присутствовать при спускѣ въ Николаевѣ перваго круглаго броненосца *Новгородъ*. Военные корабли подобнаго типа получили названіе „поповокъ“, по имени адмирала Попова, который первый, будто бы, предложилъ идею круглыхъ судовъ. Я говорю „будто бы“, потому что видѣлъ брошюру, изданную много лѣтъ тому назадъ владѣльцемъ одной изъ большихъ англійскихъ верфей и излагавшую проектъ корабля, подобнаго плавающему стеклу отъ карманныхъ часовъ. Авторъ, перечисляя всѣ выгоды круглаго судна, добавляетъ, что онъ уже слишкомъ старъ для производства опытовъ. Судя, однако, по результатамъ, т. е. по „поповкамъ“, на которыя русское правительство затратило такія большія деньги,—никто не станетъ теперь оспаривать у адмирала Попова чести первенства“. Спускъ поповки *Новгородъ* былъ очень торжественный. „Адмиралъ Поповъ,— продолжаетъ полковникъ Уэлсли,—былъ героемъ дня. Судно спустили такъ, чтобы оно не могло повредить своихъ шести винтовъ. Когда поповка благополучно спустилась, всѣ пришли въ такой восторгъ, что стали цѣловаться, что заняло довольно много времени. На долю Попова досталось, конечно, больше всего поцѣ-

*) With the Russians etc., pp. 115—117.
**) With the Russians etc., pp. 141—142.

луевъ. Такъ какъ я принадлежу къ холодной націи, не проявляющей своего экстаза поцѣлуями, то я стоялъ въ сторонѣ. На слѣдующій день всѣ посѣтили поповку, которая плавала уже на рѣкѣ. Половинѣ машинъ на броненосцѣ дали ходъ впередъ, а половинѣ — ходъ назадъ. Поповка завертѣлась волчкомъ на собственной оси сперва въ одну сторону, потомъ въ другую. Хотя круженіе было и очень непріятно для всѣхъ, находившихся на кораблѣ, но они, тѣмъ не менѣе, пришли въ такой восторгъ, что опять стали цѣловать адмирала Попова. Въ то время онъ былъ кряжистый, крѣпко сколоченный мужчина среднихъ лѣтъ, съ круглымъ, цвѣтущимъ лицомъ. Попова считали великимъ свѣтиломъ русскаго флота. Адмиралъ мечталъ тогда о морскомъ разгромѣ англичанъ и о появленіи со своимъ побѣдоноснымъ флотомъ на Темзѣ. Вертящаяся волчкомъ поповка привела всѣхъ присутствующихъ въ такой восторгъ, что они считали появленіе побѣдоноснаго русскаго флота въ Лондонѣ дѣломъ не только возможнымъ, но и очень легкимъ" *).

Кромѣ неумѣлости при страшной самоувѣренности и хвастливости, авторъ отмѣчаетъ въ своихъ депешахъ случаи поразительнаго взяточничества, затѣмъ продажность въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ полковникъ Уэлсли вращался. „The honest man was the exception",—честный человѣкъ составлялъ исключеніе, — говоритъ авторъ **).

При наличности такихъ условій начата была русско-турецкая война.

III.

„Когда Россія объявила въ 1877 г. войну Турціи,—говоритъ полковникъ Уэлсли,—я находился въ Петербургѣ уже нѣсколько лѣтъ. Такъ какъ у меня была полная возможность изучить рус-

*) „With the Russians", etc., p. 150—151.

„Недостатки поповки,—говоритъ Р. М. Ловягинъ,—вытекавшіе прямо изъ ея круглой формы, оказались весьма существенными: 1) сопротивленіе воды поповкѣ *Новгородъ* при полномъ ходѣ въ пять разъ больше сопротивленія судна почти вчетверо большаго (напр., англійскаго броненосца *Devastation*, вод. 9330 тоннъ) при томъ же ходѣ, слѣдовательно для хода форма крайне не экономичная; 2) вертлявость и затрудненіе держать поповку на данномъ курсѣ, не смотря на его 12 килей; 3) большое количество винтовъ усиливаетъ предыдущій недостатокъ, такъ какъ невозможно точно регулировать ходъ машинъ обоихъ бортовъ; 4) неудобство дѣйствовать артиллеріей вслѣдствіе вертлявости и неправильности качки (происходящей по всѣмъ діаметрамъ). Изъ сопоставленія недостатковъ, происходящихъ отъ круглой формы, съ тѣми преимуществами, которыя она даетъ, приходится заключить, что опытъ съ поповкой не можетъ считаться удачнымъ (Брокгаузъ. „Энциклопедическій словарь", т. XXIV, стр. 553).

**) With the Russians, etc., p. 137.

скіе порядки,—то я не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые были безусловно увѣрены въ полномъ разгромѣ Турціи. Напротивъ, мнѣ казалось, что побѣда Россіи—сомнительна. И если бы Мехметъ Али проявилъ большую дѣятельность, а Сулейманъ паша не былъ бы такимъ продажнымъ, — кампанія, вѣроятно, кончилась бы иначе.

„Когда отданъ былъ приказъ мобилизировать армію, то обнаружилось, что Россія не воспользовалась урокомъ крымской войны. Конечно, она сдѣлала шагъ впередъ въ вооруженіи войска, но опыты послѣдняго времени показали, что хорошо вооруженная армія и современный флотъ, сами по себѣ, еще не обезпечиваютъ побѣды. Во время войны 1877 г. русскіе обнаружили такое же отсутствіе иниціативы, такую же неподготовленность и такой же хаосъ, какъ въ 1854 г. Событія послѣдняго времени показали также, что для русской бюрократіи безслѣдно прошелъ урокъ 1877 г. Въ 1904 г. Россія такъ же мало была приготовлена къ въ войнѣ съ Японіей, какъ въ 1877 г. къ вторженію въ Турцію“ *). Авторъ объясняетъ это дикое для европейца явленіе тѣмъ, что въ Россіи общество устранено отъ государственныхъ дѣлъ. Всѣмъ направляетъ бюрократія, которая косна, бездарна, жестока, страшно самоувѣрена, хвастлива и, напридачу, — продажна. „Corruption, the curse of Russia, exists in all departments“, т. е. „продажность, являющаяся проклятіемъ Россіи, наблюдается всюду, во всѣхъ сферахъ“,—говоритъ на основаніи опыта полковникъ Уэлсли.

„Аналогія между событіями 1877 и 1904 гг., — продолжаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, — поразительна“,—и приводитъ, какъ специалистъ, техническія подробности относительно мобилизаціи. „Въ 1877 г. Россія мобилизировала въ четыре раза меньше войскъ, чѣмъ она заявила. Въ 1904 г. Куропаткинъ, по прибытіи въ Манчжурію, нашелъ тамъ гораздо меньшую армію, чѣмъ заявлялось заранѣе. Въ 1877 г. Россія, введенная въ заблужденіе своими экспертами, начала войну съ совершенно недостаточными силами. Она была увѣрена, что сразу раздавитъ Турцію. То же самое повторилось и въ 1904 г. Хотя всѣ знали, что послѣдствіемъ занятія Ляодунскаго полуострова и Манчжуріи должна быть война съ Японіей, тѣмъ не менѣе, у Россіи оказалось на Дальнемъ Востокѣ такъ мало войска, что она не могла перейти въ наступленіе съ надеждой на успѣхъ. Бюрократія проявила въ 1904 г. такую же хвастливость и такую же полную бездарность, какъ въ 1877 г. Есть еще и другое сходство въ двухъ кампаніяхъ. Во время русско-турецкой войны,—продолжаетъ полковникъ Уэлсли,— петербургской публикѣ подносили подробныя описанія сраженій, въ которыхъ турки падали тысячами, а русскіе имѣли только нѣсколько раненыхъ. Подобныя реляціи породили появленіе въ

---

*) With the Russians, etc., p. 110—111.

одномъ изъ парижскихъ юмористическихъ журналовъ такой телеграммы: „Состоялось большое сраженіе. Турки потеряли десять тысячъ человѣкъ. У насъ—родился маленькій казакъ". Подобныя же преувеличенія появлялись въ русскихъ газетахъ и въ 1904 г. Въ 1877 г. раздѣленіе власти и отвѣтственности на театрѣ военныхъ дѣйствій имѣло гибельныя послѣдствія. На Дальнемъ Востокѣ повторилось такое же раздѣленіе власти съ еще болѣе ужасными для Россіи послѣдствіями. Здѣсь аналогія кончается,—продолжаетъ полковникъ Уэлсли. Въ 1876 г. Россія послала свой флотъ, крейсировавшій въ Средиземномъ морѣ,—въ Америку для предупрежденія столкновенія съ турецкими кораблями. Въ 1904 г. русскій флотъ остался въ Портъ-Артурѣ и во Владивостокѣ. Послѣдствія извѣстны.

Въ 1877 г. въ Россіи сильно негодовали по тому случаю, что флотъ, на который затратили такъ много денегъ, вмѣсто того, чтобы идти къ берегамъ Турціи, поплылъ въ Америку. Адмиралъ Поповъ былъ прославленъ геніемъ за постройку броненосца *Петръ Великій* и двухъ поповокъ. Во время войны знаменитый *Петръ Великій* остался въ Кронштадтѣ, а поповки—находились подъ защитой береговыхъ пушекъ въ Черномъ морѣ" *).

Война была объявлена въ 1877 г. Государь былъ глубоко увѣренъ, что Россія совершенно приготовлена. Между тѣмъ, на основаніи точныхъ свѣдѣній, которыя имѣлъ полковникъ Уэлсли,—онъ доносилъ своему правительству слѣдующее. „Военныя депо всюду въ Россіи находятся въ самомъ жалкомъ состояніи. Когда офицерамъ, завѣдывавшимъ складами, былъ отданъ приказъ дѣйствовать,—они совершенно потеряли голову. Войскамъ посылались патроны не подходящаго калибра. Громадные запасы патроновъ, давно хранившіеся въ складахъ, оказались никуда не годными. Въ газетахъ сообщается, что мобилизація свершилась необыкновенно успѣшно и въ замѣчательномъ порядкѣ. Между тѣмъ,—сообщалъ въ 1877 г. своему правительству полковникъ Уэлсли,—въ первые дни всюду царилъ страшный безпорядокъ. Хотя перевозка частныхъ грузовъ была пріостановлена, когда объявили мобилизацію, а желѣзнодорожныя компаніи получили распоряженіе приготовить извѣстное число поѣздовъ въ день,—безпорядокъ и несуладица были такъ велики, что въ сутки отправляли только по два военныхъ поѣзда. На станціяхъ, гдѣ ждали поѣзда, иногда не оказывалось топлива. Бывали примѣры, что войска, съ запасами на три дня, ждали на сборныхъ пунктахъ по недѣлѣ и больше. Случалось, что военные поѣзда попадали совсѣмъ не туда, куда слѣдовало... Въ январѣ 1877 г. объявлено было, что для вторженія въ Турцію мобилизирована армія въ 400

---

*) „With the Russians in Peace and War", p. 163—164.

тысячъ человѣкъ. Въ дѣйствительности, собрано было только 180 тысячъ. Въ арміи былъ большой недочетъ въ офицерахъ. Комиссаріатъ же находился въ самомъ плачевномъ состояніи. Солдаты не имѣли ни зимняго платья, ни сапогъ, ни полушубковъ. Правительство вынуждено было не разъ дать солдатамъ на руки деньги для покупки сапогъ и полушубковъ Министерства путей сообщенія, внутреннихъ дѣлъ и военныхъ дѣлъ, а также общество Краснаго Креста — послали на разныя желѣзнодорожныя станціи своихъ чиновниковъ, каждый изъ которыхъ отдавалъ приказанія по собственному усмотрѣнію. Получалась невѣроятная путаница. Одинъ чиновникъ отмѣнялъ распоряженія другого. Всѣ желѣзныя дороги должны были доставить на линіи, по которымъ передвигались войска, извѣстное число паровозовъ; но такъ какъ сборные пункты не были точно опредѣлены заранѣе, то на станціяхъ, гдѣ нужно было десять локомотивовъ,—оказывалось ихъ сто и наоборотъ. То же самое повторилось и съ вагонами. По мѣрѣ того, какъ усиливалось передвиженіе войскъ,—увеличивалась и путаница. Распредѣленіемъ поѣздовъ завѣдывали не желѣзнодорожные инженеры, а офицеры. Они были командированы на станціи заранѣе, чтобы сдѣлать всѣ надлежащія распоряженія. Большинство этихъ офицеровъ оказалось совершенно не приготовленными. На станціяхъ скоплялась такая масса военныхъ поѣздовъ, паровозовъ и пустыхъ вагоновъ, что нельзя было тронуться ни взадъ, ни впередъ. Въ концѣ концовъ, пришлось призвать на помощь желѣзнодорожныхъ инженеровъ, чтобы тѣ помогли офицерамъ выпутаться. На одной станціи подъ Одессой накопилось такъ много войска, у котораго было такъ мало запасовъ, что во избѣжаніи смерти отъ голода и холода,— шесть пѣхотныхъ полковъ продолжали путь пѣшкомъ. На другую станцію той же Юго-Западной желѣзной дороги пріѣхалъ адъютантъ великаго князя Николая Николаевича съ приказомъ для пѣхотнаго полка, который долженъ былъ прибыть туда. Прибылъ, однако, другой полкъ. Прошло много дней, прежде чѣмъ отъ ожидаемаго полка получились вѣсти. Въ общей путаницѣ и несклад ицѣ, его по ошибкѣ угнали куда-то далеко, совсѣмъ въ другую сторону. То же самое повторилось съ обозомъ.

„Патроны, которые роздали пѣхотинцамъ, были очень плохи. Въ этомъ отношеніи оказались страшныя злоупотребленія. Говорили, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вмѣсто пороха, оказывались даже опилки. Въ оффиціальныхъ сферахъ говорили, что никто изъ полковыхъ командировъ не зналъ, что предстоитъ мобилизація до тѣхъ поръ, покуда не получился приказъ отъ государя. Тогда, по оффиціальному утвержденію, все свершилось въ необычайномъ порядкѣ, безъ всякаго замѣшательства. Въ дѣйстви-

тельности же мобилизація началась гораздо раньше, чѣмъ обнародованъ былъ приказъ“ *).

Такъ доносилъ въ 1877 г. своему правительству полковникъ Уэлсли. Содержаніе его депеши стало извѣстно въ Петербургѣ, и военный attaché почувствовалъ немедленно крайнюю холодность и даже враждебность въ отношеніяхъ къ себѣ. Въ Плоэштахъ, куда полковникъ Уэлсли прибылъ, вмѣстѣ съ военными атташе другихъ государствъ,—его принялъ крайне сурово главнокомандующій.

— Капитанъ Скалонъ,—говоритъ Уэлсли, — знакомъ приглашалъ меня войти въ домъ, гдѣ жилъ главнокомандующій. По надменности и вызывающему виду у Скалона я почувствовалъ, что свиданіе съ великимъ княземъ не будетъ такъ пріятно, какъ я предполагалъ. И я не ошибся. Когда я вошелъ въ комнату, гдѣ ждалъ меня главнокомандующій, то онъ вмѣсто того, чтобы пожать мнѣ руку, какъ было раньше, рѣзко сказалъ мнѣ:

— Полковникъ Уэлсли, государь, мой братъ, приказалъ мнѣ принять васъ на моей главной квартирѣ. Каково бы ни было мое личное чувство, я обязанъ исполнить приказъ. Позвольте мнѣ, однако, замѣтить, что до моего свѣдѣнія дошло, что вы въ крайне невыгодныхъ краскахъ изобразили въ депешахъ къ вашему правительству, какъ состоялась мобилизація. Сами вы при мобилизаціи не были, поэтому вы ничего не знаете о всѣхъ подробностяхъ. Какъ я сказалъ уже, я обязанъ исполнить приказъ государя и принять васъ вмѣстѣ съ другими атташе. Предупреждаю васъ, однако, что за вами будутъ тщательно слѣдить. И если вы осмѣлитесь сказать, сдѣлать или написать, что я не одобряю, я васъ прогоню изъ моей арміи, je vous chasserai de mon armée.—При этомъ главнокомандующій щелкнулъ пальцами“ **)

Полковникъ Уэлсли тотчасъ же уѣхалъ изъ Плоэшта въ Бухарестъ, откуда послалъ телеграмму лорду Дерби. „Я телеграфировалъ, что встрѣтилъ крайне рѣзкій пріемъ у главнокомандующаго, поэтому не могъ остаться при главной квартирѣ и жду дальнѣйшихъ инструкцій. Въ тотъ же вечеръ я послалъ почтой подробную депешу. Я зналъ, что она будетъ вскрыта и прочитана... Написалъ я также адъютанту главнокомандующаго—генералу Галю, котораго просилъ передать великому князю, что не могу остаться при главной квартирѣ, покуда не получу распоряженій отъ моего правительства. На слѣдующее утро ко мнѣ въ гостиницу явился офицеръ генеральнаго штаба, въ парадной формѣ, при всѣхъ орденахъ. Онъ передалъ, что графъ Адлербергъ просилъ меня опять обдумать мое рѣшеніе. Если я возвращусь въ Плоэшты,—передалъ офицеръ,—то встрѣчу у главно-

*) With the Russians, etc., p p. 165—169.

**) With the Russians, etc., p. 181.

командующаго пріемъ, который вполнѣ удовлетворитъ меня. Я поблагодарилъ офицера за посѣщеніе и сказалъ, что теперь дальнѣйшіе мои шаги зависятъ отъ распоряженій моего правительства.

Вскорѣ явился въ парадной формѣ генералъ Галь. Онъ просилъ меня забыть слова, которыя были сказаны въ состояніи крайняго раздраженія, и возвратиться въ Плоэшты. Я отвѣтилъ ген. Галю, что оскорбительныя слова, сказанныя главнокомандующимъ атташе другой страны, представлявшемуся формально,—не могутъ быть легко забыты". Полковникъ Уэлсли отказался возвратиться въ Плоэшты. Это было 15 іюня. Черезъ двѣнадцать дней Уэлсли получилъ приглашеніе отъ кн. Горчакова пріѣхать къ нему. Канцлеръ передалъ атташе приглашеніе государя и прибавилъ, что полковникъ встрѣтитъ радушный пріемъ. Инцидентъ былъ улаженъ. Черезъ нѣсколько дней главнокомандующій опять принялъ полковника Уэлсли, но на этотъ разъ очень любезно.

— Жалѣю о словахъ, которыя вырвались въ раздраженіи,—сказалъ главнокомандующій.—Дайте руку. Забудьте, пожалуйста, инцидентъ *).

IV.

Полковникъ Уэлсли находился при русской арміи до паденія Плевны. Не смотря на храбрость русскихъ солдатъ, — неподготовленность, неумѣлость и еще нѣчто похуже — были такъ велики, что кампанія совсѣмъ не была похожа на увеселительную прогулку, какъ предсказывали многіе.

„Въ концѣ іюля 1877 г.,—разсказываетъ полковникъ Уэлсли,—въ главной квартирѣ настроеніе было необыкновенно подавленное. Плевна задержала наступательное движеніе русскихъ. Со всѣхъ сторонъ прибывали извѣстія о неудачахъ. Даже стычки на аванпостахъ кончались большею частью неблагопріятно для русскихъ". И вотъ 29 іюля автору дали намекъ, что Россія приняла бы посредничество Великобританіи для заключенія мира съ Турціей. „Вечеромъ 29 іюля я гулялъ по лагерю вмѣстѣ съ военнымъ министромъ,—продолжаетъ авторъ.—Обыкновенно ген. Милютинъ отличался необыкновенной сдержанностью, такъ что никто изъ военныхъ атташе никогда не заговаривалъ съ нимъ про ходъ кампаніи. Поэтому я былъ сильно удивленъ, когда министръ самъ заговорилъ объ ужасахъ войны и про страданія населенія на театрѣ военныхъ дѣйствій. Мнѣ казалось, ген. Милютинъ намекаетъ, что былъ бы доволенъ, если бы кто-нибудь принялъ мѣры, которыя могли бы повести къ мирнымъ переговорамъ между воюющими сторонами.

*) With the Russians, p. 190.

Министръ говорилъ крайне осторожно и неопредѣленно; но мнѣ казалось, что онъ щупаетъ почву и желаетъ вывѣдать, можно ли разсчитывать на мои услуги, чтобы заручиться посредничествомъ Великобританіи. Если бы мои предположенія были ошибочны, то Милютинъ, конечно, пришелъ бы въ крайнее негодованіе, что я могъ такъ понять его слова. Поэтому приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Милютинъ, между тѣмъ, продолжалъ разговоръ на прежнюю тему. Я сдѣлалъ осторожное замѣчаніе. На это военный министръ отвѣтилъ тоже обиняками въ томъ смыслѣ, что Россія не приняла бы за оскорбленіе, если бы третья держава предложила посредничество. Я тогда почувствовалъ твердую почву подъ ногами и замѣтилъ, что, хотя не имѣю никакихъ полномочій, но думаю, правительство ея величества было бы счастливо, если бы могло содѣйствовать заключенію мира.

— Какъ можно удостовѣриться, что британское правительство желаетъ поступить, какъ вы говорите?—спросилъ Милютинъ. Я отвѣтилъ, что готовъ немедленно отправиться въ Англію и передать кабинету условія, которыя дастъ мнѣ государь.

— Вы говорите, что можете отправиться немедленно, на свой собственный страхъ, не спрашивая отпуска у британскаго правительства?—спросилъ Милютинъ.

Я отвѣтилъ утвердительно, и мы разстались.

Черезъ два часа полковникъ Уэлсли получилъ аудіенцію у государя.

„Императоръ, повидимому, детально обсудилъ уже вопросъ съ Милютинымъ и, вѣроятно, съ Игнатьевымъ, потому что, безъ малѣйшаго колебанія, началъ диктовать мнѣ: „Я могу заключить миръ на слѣдующихъ условіяхъ“. — Уэлсли записывалъ; затѣмъ далъ конспектъ на просмотръ государю, который нашелъ, что все вѣрно. Въ полночь полковнику Уэлсли дали карету и конвой, и онъ поѣхалъ, предупредивъ заранѣе телеграммой свое правительство, что ѣдетъ съ спеціальными порученіями. „Я перебрался черезъ Дунай по понтонному мосту, прибылъ въ Журжево, нашелъ здѣсь поѣздъ въ Бухарестъ, куда пріѣхалъ на другой день въ полдень. Здѣсь я узналъ, что наканунѣ произошелъ большой бой подъ Плевной. Девятый и одиннадцатый корпусы подъ командой ген. Криденера и князя Шаховского были разбиты Османомъ-пашей *). Изъ Бухареста я, не останавливаясь нигдѣ, поѣхалъ прямо въ Лондонъ, черезъ Вѣну. Прибылъ я вечеромъ, на восьмой день послѣ того, какъ оставилъ лагерь. Прямо со станціи въ Лондонѣ я отправился къ премьеру. Лордъ Биконсфильдъ сказалъ мнѣ, что Великобританія будетъ счастлива, если

*) Потери русскихъ превышали тогда 7300 человѣкъ. Эта вторичная неудача совпала съ неожиданнымъ появленіемъ у Казанлыка арміи Сулеймана-паши.

ей удастся содѣйствовать заключенію мира. Онъ выразилъ, однако, опасеніе, что теперь, послѣ побѣды подъ Плевной, турки не примутъ, пожалуй, предложенныхъ имъ условій. Такъ и случилось. Дальнѣйшія событія показали,—продолжаетъ авторъ,—что турки сдѣлали промахъ, не принявъ тогда условій мира, которые были далеко не такъ тягостны, какъ пункты, выработанные берлинскимъ конгрессомъ" *).

Полковникъ Уэлсли затѣмъ возвратился на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ присутствовалъ при третьей Плевнѣ. Теперь Портъ-Артуръ, Ляоянъ и Шахэ пріучили насъ къ чудовищнымъ побоищамъ, предъ которыми блѣднѣетъ даже Армагеддонъ, упоминаемый въ Апокалипсѣ. Результатомъ дѣйствій подъ Плевной съ 26 по 31 августа была потеря около 16 тысячъ человѣкъ. Теперь насъ до такой степени пріучили къ горамъ кровавыхъ тѣлъ (увы! не только на Крайнемъ Востокѣ), что третья Плевна, которая привела когда-то въ ужасъ всю Россію,—прошла бы почти незамѣченной. Подъ вліяніемъ культуры человѣкъ повышаетъ цѣнность собственной жизни. Человѣкъ жаждетъ дышать во всю грудь. Онъ видитъ, какъ возможно счастье тамъ, гдѣ прежде видѣли только юдоль плача. Но, на ряду съ этимъ, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ начинаетъ выше цѣнить собственную жизнь, грубая, всесокрушающая сила—все меньше цѣнитъ жизнь чужую...

Полковникъ Уэлсли описываетъ ужасный по своимъ послѣдствіямъ штурмъ 30-го августа. „Высоко на холмѣ чернѣли грозные редуты,—пишетъ онъ,—воздвигнутые Османомъ-пашей съ такимъ трудомъ. Движеніе русскихъ началось, но редуты были безмолвны. Не видно было тамъ ни одной живой души. Казалось, Османъ-паша, предвидя штурмъ, успѣлъ незамѣтно уйти со всѣми войсками... Въ три часа русскія войска зашевелились. Тамъ и сямъ мчались на рысяхъ адъютанты, передавая порученія. Въ половинѣ четвертаго бригада пѣхоты заняла оврагъ у подошвы холма, на вершинѣ котораго стоялъ турецкій редутъ. Все больше и больше солдатъ спускалось въ оврагъ. Ровно въ четыре часа начался штурмъ. Цѣлью его, конечно, былъ редутъ, стоявшій на естественномъ гласисѣ. Турецкія укрѣпленія, по прежнему, были безмолвны. Вотъ изъ оврага выбѣжалъ одинъ офицеръ, потомъ другой, потомъ еще и бросились къ гласису, поросшему травой. За офицерами слѣдовали солдаты, не въ боевомъ порядкѣ, а какъ улей пчелъ. Вдругъ изъ прикрытыхъ траншей, которыми былъ изрытъ откосъ холма, на нападающихъ посыпался градъ пуль. Никто не замѣтилъ этихъ траншей, покуда изъ нихъ не начали стрѣлять. Подъ убійственнымъ огнемъ солдаты падали, какъ подкошенные. Тѣмъ не менѣе, остальные не останавливались, взяли три или четыре линіи траншей и подбѣжали на довольно близкое

*) With the Russians, ect., p p. 201—205.

разстояніе къ редуту Тогда оттуда сразу посыпался градъ картечи. Турки за стѣнами берегли огонь до послѣдняго момента. Когда русскіе достигли до бруствера, шрапнель ударила въ живую стѣну. Со стороны мнѣ казалось, что весь редутъ охваченъ пламенемъ, до такой степени часты были пушечные и ружейные выстрѣлы. Пороховой дымъ поднялся, какъ густой туманъ. Вдругъ я замѣтилъ по дорогѣ изъ деревни Плевна къ редуту пѣхотинцевъ. Они шли въ такомъ порядкѣ, что стоявшій рядомъ со мной корреспондентъ *Daily News* Фарбесъ воскликнулъ: „Смотрите, Плевна взята! Русскіе обошли редутъ и теперь будутъ его атаковать съ тыла".

„Но тутъ въ бинокль я усмотрѣлъ красныя фески. Не успѣлъ я сказать: „это—турки", какъ колонна остановилась, повернулась къ намъ, дала залпъ по правому флангу русскихъ, затѣмъ спокойно, какъ на парадѣ, вошла въ редутъ. Огонь со стѣнъ его сталъ еще болѣе убійственнымъ. Вотъ одинъ изъ русскихъ солдатъ повернулся назадъ и побѣжалъ по гласису внизъ, въ оврагъ, за нимъ другой, а черезъ нѣсколько секундъ — всѣ атакующіе. Тутъ не могло быть и рѣчи о недостаткѣ мужества. То, что солдаты взяли штурмомъ три или четыре линіи турецкихъ траншей, доказываетъ въ достаточной степени храбрость нападавшихъ. Если фронтовая атака укрѣпленныхъ позицій не удается вслѣдствіе того, что одновременно не сдѣланы были обходныя движенія, — то вина тутъ не солдатъ, а командировъ. Солдатъ послали, какъ на бойню, неумѣлые, бездарные полководцы... Трудно дать представленіе о бойнѣ, которой сопровождался этотъ неудачный штурмъ. По откосу холма кучами валялись тѣла. И не хотѣлось вѣрить, что все это—убитые. Черезъ двадцать минутъ налѣво отъ насъ была другая атака, съ такимъ же результатомъ. Не смотря на это, солдатъ повели еще третій разъ на штурмъ, который тоже не удался.

„Все было кончено. Садясь на коня, я оглянулся на редутъ и увидалъ, какъ турки прыгаютъ внизъ черезъ брустверъ. Въ рукахъ у нихъ при солнечномъ закатѣ сверкали сабли. Турки, очевидно, желали прикончить раненыхъ у русскихъ. Не было никакой возможности помѣшать этому ужасному дѣлу. Одиннадцатаго декабря (н. с.), на другой день послѣ паденія Плевны, когда я въѣзжалъ въ деревню, чтобы присутствовать при торжественномъ молебнѣ,—я видѣлъ на откосѣ холма скелеты солдатъ, убитыхъ при третьемъ штурмѣ. На скелетахъ были лохмотья мундировъ, на нѣкоторыхъ кое-гдѣ блестѣла еще пуговица.

„На обратномъ пути въ главную квартиру я узналъ, что штурмъ вездѣ былъ отбитъ. Мнѣ сказали также, что русскіе и румыны пытались взять Гривицу, но тоже были отброшены съ большимъ урономъ. Это, однако, было не совсѣмъ справедливо. Два штурма Гривицы не удались, но при третьей атакѣ, поздно

вечеромъ, русскіе и румыны взяли укрѣпленія" *). Почти тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ случилась эта бойня. Читая описаніе, сдѣланное полковникомъ Уэлсли, представляя себѣ эти валяющіеся скелеты въ лохмотьяхъ мундировъ (все это были здоровые молодые люди, почти мальчики, которые и теперь не были бы еще стариками), мучительно задаешься вопросомъ: „зачѣмъ?" И онъ становится еще болѣе жгучимъ, когда вспомнишь о горахъ тѣлъ, оплакиваемыхъ теперь всей Россіей. Теперь эти брустверы изъ человѣческаго мяса еще выше, чѣмъ подъ Плевной. Десятки тысячъ матерей, вдовъ, оставшихся безъ всякихъ средствъ, сестеръ, невѣстъ, дочерей задаютъ себѣ на русскомъ, польскомъ, армянскомъ, финскомъ, еврейскомъ языкахъ вопросъ: „зачѣмъ?" И на него такъ же нѣтъ отвѣта, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ. И, къ довершенію ужаса, ихъ утѣшаютъ надеждой реванша...

На другой день послѣ „третьей Плевны" полковникъ Уэлсли поѣхалъ осматривать гривицкій редутъ. „То былъ первый турецкій фортъ подъ Плевной, взятый русскими". На немъ теперь развѣвался румынскій флагъ. Турки съ сосѣднихъ фортовъ обстрѣливали Гривицу, такъ что добраться туда можно было только съ большимъ рискомъ. Послѣ немалыхъ приключеній, полковникъ Уэлсли добрался, наконецъ, до укрѣпленій. „Я попросилъ у румынскихъ офицеровъ разрѣшенія войти въ фортъ. Мнѣ дали позволеніе, но посовѣтовали держаться ближе къ траверсамъ, такъ какъ въ редутѣ есть „опасный уголъ", гдѣ турецкія пули падаютъ особенно часто". Вотъ какъ описываетъ авторъ внутренность редута, при чемъ Уэлсли, не отличающійся вообще слабонервностью, выражаетъ пожеланіе не видѣть больше подобнаго зрѣлища. „Я нашелъ одну громадную кучу убитыхъ и умирающихъ. Она наполняла весь редутъ. На раненыхъ, копошившихся въ общей кучѣ, обращали такъ же мало вниманія, какъ и на убитыхъ. Ужасно было видѣть раненыхъ, напрягавшихъ послѣднія усилія, чтобы выбраться изъ подъ мертвыхъ тѣлъ, придавившихъ ихъ. Тамъ и сямъ, изъ кучи, какъ клешня, высовывалась шевелящаяся рука или нога. Турецкія пули и картечь не давали врачамъ возможности войти въ редутъ. Здѣсь не было никого, кто далъ бы раненымъ хоть глотокъ воды. Такъ мучились герои, которые взяли штурмомъ, послѣ продолжительнаго боя, почти неприступный редутъ. Больно было видѣть теперь этихъ раненыхъ солдатъ, пытавшихся выбраться изъ подъ придавившихъ ихъ труповъ... Я могъ бы написать не мало страницъ о тѣхъ ужасахъ, которые видѣлъ въ тотъ день, но къ чему? Офицеръ объяснилъ мнѣ, что раненые должны дождаться очереди. Доктора были завалены работой и теперь помогали тѣмъ, которые были

*) „With the Russians", etc., pp. 250—257.

ранены два дня тому назадъ. Не знаю, такъ ли это было. Фактомъ оставалось то, что хотя редутъ взяли еще наканунѣ,—раненые лежали безъ медицинской помощи, безъ пищи и воды. Раненыхъ не убрали даже такъ, чтобы образовать между ними проходъ. Они лежали сплошной грудой, заполнивъ все пространство въ редутѣ, отъ стѣны до стѣны. Чтобы не показаться надъ парапетомъ, я поползъ на четвереренькахъ по грудѣ человѣческаго мяса, стараясь, по возможности, не ступать на раненыхъ. Вонь въ редутѣ стояла уже удушающая" *). Черезъ нѣсколько дней полковникъ Уэлсли возвратился на главную квартиру. По дорогѣ онъ встрѣтилъ, къ удивленію своему, толпу раненыхъ русскихъ солдатъ. Нѣкоторыхъ везли въ повозкахъ, другіе ковыляли пѣшкомъ. По обочинамъ дороги, въ канавахъ всюду сидѣли раненые, выбившіеся изъ силъ.

„Я спросилъ у одного солдата, куда онъ идетъ и чѣмъ объяснить этотъ исходъ раненыхъ. Солдатъ отвѣтилъ, что сегодня доктора сказали имъ, что полевые госпитали подъ Плевной переполнены. Всѣмъ раненымъ не хватало мѣста, поэтому врачи предложили желающимъ добраться, какъ сами знаютъ, до госпиталей при главной квартирѣ. Вызвались три тысячи раненыхъ". Среди добровольцевъ этихъ были тяжело раненые, скончавшіеся по дорогѣ.

Полковникъ Уэлсли разсказываетъ дальше про пріѣздъ Тотлебена, про правильную осаду Плевны и про отчаянную попытку Османа-паши прорваться (Турки успѣли овладѣть двумя линіями русскихъ окоповъ, но прибывшими подкрѣпленіями были, послѣ отчаяннаго боя, снова отброшены къ рѣкѣ, при чемъ Османъ-паша былъ раненъ). Черезъ два часа послѣ этого Плевна пала.

„Я не думаю,—продолжаетъ авторъ,—что когда-нибудь составятъ точный списокъ русскихъ и турецкихъ потерь на европейскомъ и азіатскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Но какъ бы велики ни были эти потери, къ нимъ нужно прибавить смерть не менѣе милліона мирнаго населенія, погибшаго въ одной только Европейской Турціи". Паденіе Плевны рѣшило исходъ кампаніи, точно такъ, какъ неудачныя атаки чуть не повели къ большому отступленію. Послѣ третьяго штурма, по словамъ полковника Уэлсли, главнокомандующій совѣтовалъ отступить къ берегамъ Дуная, построить здѣсь tête-de-pont, оставаться, покуда не подоспѣетъ подкрѣпленіе изъ Россіи, и только тогда опять перейти въ наступленіе. За то, чтобы продолжать осаду Плевны, былъ военный министръ. Онъ указалъ, что Османъ-паша не можетъ перейти въ наступленіе, и настаивалъ на томъ, что подкрѣпленія слѣдуетъ дожидаться подъ Плевной. Государь присоединился къ мнѣнію Милютина.

*) pp. 262—263.

Полковникъ Уэлсли очень высокаго мнѣнія о талантахъ и о гражданскомъ мужествѣ бывшаго военнаго министра, за то онъ крайне рѣзко отзывается о цѣломъ рядѣ звѣздоносцевъ. Въ книгѣ мы находимъ крайне нелестные портреты графа Игнатьева, графа Шувалова, неудачно сдѣланнаго дипломатомъ изъ шефа жандармовъ, — цѣлаго ряда другихъ генераловъ и орловъ бюрократическаго міра. Предъ нами проходятъ блестящей вереницей, сверкая орденами, полководцы маневровъ и законодатели канцелярій. По собственному вдохновенію на бумагѣ составлялись хвастливые проекты разгромовъ государствъ да захватовъ „ключей“ и „воротъ“. Дѣйствительность приносила съ собою только затрату колоссальныхъ суммъ, выколоченныхъ у народа. Осуществленіе проектовъ всегда обнаруживало неподготовленность, невѣроятныя хищенія и поразительную бездарность. За все платились массы да тѣ, скелеты которыхъ валялись потомъ на естественномъ гласисѣ Плевны. Въ турецкую кампанію, по счастью, противникомъ было государство, вершители судебъ котораго могли затмить даже русскую бюрократію. У Россіи были тогда союзники. Условія не всегда такъ благопріятны, какъ доказали событія послѣдняго года...

„Sendo delle cose humane, e massime delle guerre signore la fortuna“, говоритъ старинный итальянскій писатель *) (т.-е. „властелиномъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, а войны въ особенности, является счастье). Этимъ принципомъ, да еще невѣроятнымъ самомнѣніемъ руководствуются тѣ, которые съ легкимъ сердцемъ втягиваютъ народъ въ гибельную, раззорительную и совершенно безполезную для него войну.

По словамъ Уэлсли, въ томъ особомъ мірѣ, въ которомъ онъ вращался, часто составлялись проекты вторженія въ Индію. „Планъ этотъ,—говоритъ авторъ,—занималъ многихъ генераловъ и государственныхъ дѣятелей. Многіе генералы мечтали о томъ, какъ поведутъ побѣдоносную армію черезъ границу Индіи, точно такъ, какъ адмиралъ Поповъ лелѣялъ планъ разгрома британскаго флота и появленія русской эскадры на Темзѣ“. Одинъ изъ этихъ проектовъ завоеванія Индіи, составленный лѣтъ 15 тому назадъ, приводитъ полковникъ Уэлсли. Составитель плана совѣ-тъ союзъ Россіи съ Японіей и Китаемъ. „Японія стремится ать сильной морской державой,—говорится въ проектѣ,—она [illegible] занять острова на Тихомъ океанѣ. У нея есть армія и флотъ. Что касается Китая, то безпрерывныя возстанія показываютъ, какую громадную армію можно составить тамъ при умѣніи и желаніи. При союзѣ съ Японіей и Китаемъ, — говоритъ составитель проекта,—Россія легко разгромитъ Англію на Востокѣ. Германія и Соединенные Штаты останутся нейтральными, потому

---

*) *Poggio*, Istoria Fiorentina, Lib. VI.

что разгромъ Англіи крайне выгоденъ для нихъ. Англію нена видятъ на Востокѣ. Китай желаетъ свести съ ней старые счеты. Въ Индіи вассальныя государства, по словамъ составителя проекта, только ждутъ, когда придутъ русскіе, чтобы возстать противъ Англіи. Такимъ образомъ, изгнаніе англичанъ изъ Индіи не только возможное, но, сравнительно, даже нетрудное предпріятіе *).

Мнѣ припоминается одно мѣсто изъ геніальной русской „Иліады". На званомъ обѣдѣ у графовъ Ростовыхъ полковникъ напыщенно говоритъ объ объявленіи войны Франціи (въ 1805 г.).

— „И зачѣмъ насъ нелегкая несетъ воевать?—говоритъ желчный Шиншинъ.—Connaissez vous le proverbe: „Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома, точилъ бы свои веретена".—Cela nous convient à merveille".

И если хоть на половину правда то, что разсказываетъ Уэлсли, то какъ жаль, что совѣтъ Шиншина пропадаетъ постоянно втунѣ.

Діонео.

По поводу разговоровъ о русской интеллигенціи.

Изъ вопросовъ, волнующихъ въ настоящее время русскую интеллигенцію, есть одинъ, самый удивительный, — вопросъ ея самоопредѣленія, вопросъ: что такое русская интеллигенція?..

Давно она существуетъ, давно она реальный фактъ русской жизни, имѣетъ опредѣленную исторію и оправдательные документы—и вотъ теперь, въ 1905-мъ году, русская жизнь ставитъ снова вопросъ: что такое русская интеллигенція? И совсѣмъ не праздный вопросъ,—даже больной вопросъ...

Долгимъ путемъ, закулиснымъ путемъ,—отчасти по неумности, отчасти по злостности, получился въ русской жизни такой отвѣтъ: русская интеллигенція есть либеральная буржуазія... И съ должной откровенностью и должнымъ мужествомъ слова поясняется: русская интеллигенція есть надстройка надъ привилегированными классами Россіи, выразительница—сознательная или безсознательная—ихъ классовыхъ интересовъ, исходящая изъ нихъ и проводящая въ жизнь идеи и учрежденія pro domo sua—мужество безграничное—въ которыхъ-де другіе, не привилегированные классы, не заинтересованы.

---

*) „With the Russians in Peace and War", pp. 300—304.

Голосъ не громкій и не увѣренный, но завтра онъ можетъ зазвучать громче и увѣреннѣе, и, частью по неумности, частью по злостности, это новое опредѣленіе можетъ укрѣпиться, — не то что русской жизни, а въ извѣстныхъ слояхъ русской жизни. Это не очень страшно и не защищать русскую интеллигенцію собираюсь я: съ тѣмъ духовнымъ капиталомъ, который накопила русская интеллигенція за свое болѣе чѣмъ пятидесятилѣтнее существованіе, она не нуждается въ моей защитѣ. Я желалъ только помочь ея опредѣленію и самоопредѣленію и тѣмъ устранить изъ жизни то нелѣпое, никому не нужное и всѣмъ вредное недоразумѣніе, которое существуетъ и подъ разными формами снова и снова выплываетъ въ русской жизни.

Есть другое опредѣленіе не такое точное, но тоже очень яркое и мужественное. Русская интеллигенція, есть оторванные отъ жизни, отбившіеся отъ всякихъ классовъ теоретики, вращающіеся въ сферѣ безплодныхъ теоретическихъ началъ, отрицающіе истинно русскія начала и руководимые, по одной редакціи—Западомъ—отбросами запада, по другой редакціи—евреями-жидами. Раньше ихъ называли нигилистами, теперь интеллигенціей, третьимъ элементомъ, внутреннимъ врагомъ и проч. Буржуазію это опредѣленіе исключаетъ изъ понятія интеллигенціи,—и либеральную, и не либеральную, но ту часть русской интеллигенціи, которая смѣшиваетъ русскую интеллигенцію съ либеральной буржуазіей, включаетъ, включаетъ и лжелибераловъ во фракахъ, и людей, не имѣющихъ сюртука.

Ну, вотъ два опредѣленія мы знаемъ, одно менѣе умное и совсѣмъ невѣрное, другое болѣе умное и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе вѣрное, но оба одинаково злостныя: „либеральная буржуазія" и оторванные отъ русской жизни и отрицающіе Россію, кѣмъ-то направляемые безпочвенные теоретики... Ну, а по-настоящему, по-умному и не по-злостному — что же такое представляетъ изъ себя интеллигенція вообще и русская интеллигенція въ частности? Есть средній отвѣтъ, совершенно опредѣленный и самый распространенный въ обществѣ и отчасти въ печати, — вѣрнѣе, двѣ разновидности этого отвѣта. Первая редакція гласитъ, что въ составъ интеллигенціи входитъ все то, что носитъ на себѣ печать знанія и образованія, что интеллигенція—та образованная часть общества, которая прошла высшія учебныя заведенія, т. е. доктора, инженеры, юристы, профессора, конечно, писатели и художники, но преимущественно люди, могущіе прицѣпить на правой сторонѣ своего сюртука значекъ высшаго учебнаго заведенія, — главнымъ образомъ, подразумѣваются такъ называемые люди либеральныхъ профессій.

Другая разновидность редакціи: интеллигенція есть все то, что разумѣется подъ словомъ культурные люди, т. е. культурные классы населенія, иначе люди, одѣтые въ сюртуки, хотя бы и безъ

академическихъ значковъ. Немножко уже, немножко шире, но оба эти опредѣленія, мнѣ думается, исчерпываютъ ходячія, самыя распространенныя въ жизни и въ печати мнѣнія и на этомъ, въ сущности одномъ и томъ же, опредѣленіи сходятся и люди, одобряющіе интеллигенцію, вродѣ Боборыкина, и люди, не одобряющіе ее, какъ М. Горькій.

Тѣмъ самымъ всякій докторъ, каждый адвокатъ, инженеръ, человѣкъ литературы есть интеллигенція а не интеллигенція — все то, что не имѣетъ академическихъ значковъ, не одѣто въ сюртуки и не занимается либеральными профессіями... Это совершенно точный и опредѣленный отвѣтъ, и единственный недостатокъ его, что онъ упраздняетъ и дѣлаетъ совершенно излишнимъ самый терминъ „интеллигенція“. Образованная часть общества, культурные классы, люди либеральныхъ профессій...

А между тѣмъ ни одно изъ этихъ опредѣленій не устранило слова интеллигенція; слово интеллигенція продолжаетъ обращаться въ публикѣ и въ печати, и ни одинъ изъ тѣхъ терминовъ не возбуждаетъ такихъ толковъ, не окруженъ такой пламенной любовью или лютой ненавистью.

И потомъ, въ сущности, никто не удовлетворяется такимъ опредѣленіемъ, и люди, принимающіе эту формулу, въ глубинѣ души какъ-то инстинктивно выдѣляютъ интеллигенцію отъ образованной части общества, отъ культурныхъ классовъ, отъ либеральныхъ профессій. Какимъ-то негласнымъ уговоромъ, судомъ съ закрытыми дверями общество, въ широкомъ смыслѣ слова, разбирается, подразумѣваетъ, гдѣ и кто интеллигенція, и изъ двухъ людей одинаковыхъ значковъ, одинаковыхъ соціальныхъ положеній объ одномъ скажетъ: онъ просто докторъ, онъ просто профессоръ. Мало этого, когда человѣкъ самой либеральной профессіи — литературной, состарившійся въ литературѣ, начнетъ систематически отгораживать себя отъ интеллигенціи, читатели не возражаютъ и соглашаются, что онъ вышелъ изъ интеллигенціи или никогда не былъ въ ней, что онъ просто писатель, пишущій человѣкъ. Повторяю, въ той пестрой разнокалиберной толпѣ, изъ которой состоитъ русское общество, существуютъ какіе-то совсѣмъ особые отличительные, не сюртучные признаки, по которымъ примѣняется, съ любовью или ненавистью, это слово интеллигенція. И не формулированное, точно не опредѣленное понятіе „русская интеллигенція“ понимается совершенно опредѣленно и точно. Трудность опредѣленія въ самомъ словѣ интеллигенція, въ его неточномъ филологическомъ значеніи и въ особенности въ томъ понятіи, которое получило это слово въ Россіи. Слова: „интеллигентный человѣкъ“, „интеллигентное общество“, „интеллигентное лицо“, „интеллигентныя манеры“ звучатъ неопредѣленно и объ нихъ можно спорить; но когда говорятъ „интеллигенція страны“, „русская интеллигенція“—это звучитъ совер-

шенно опредѣленно и объ этомъ трудно спорить. И въ этой комбинаціи двухъ словъ „интеллигенція страны“, „русская интеллигенція“ заключается и отвѣтъ на поставленный выше вопросъ.

II.

Интеллигенція, это — общественно думающая и общественно чувствующая часть общества, та вооруженная знаніемъ, руководимая общественными импульсами часть общества, которая въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, въ своемъ міропониманіи и въ своемъ общественномъ поведеніи отправляется не отъ узкихъ, личныхъ, групповыхъ, профессіональныхъ или классовыхъ интересовъ, а отъ интересовъ страны вообще, народа вообще, разумѣя подъ понятіемъ народа всю сумму трудящихся на всѣхъ разнообразныхъ путяхъ человѣческаго труда людей, какъ понималъ и формулировалъ это Михайловскій и какъ формулируетъ это общій смыслъ жизни, не понимающей и не допускающей ни единичнаго человѣка, ни общественной группы безъ элементовъ труда. Кардинальный признакъ въ понятіи интеллигенціи лежитъ въ ея общественномъ характерѣ, не въ одной суммѣ знанія, а—и въ большей степени— въ суммѣ сознанія, не въ какихъ либо формальныхъ, классовыхъ, сюртучныхъ и другихъ внѣшнихъ признакахъ, а въ ея духовной сущности. При томъ обѣ половины предлагаемаго опредѣленія неразрывны, нераздѣлимы и только въ своей совокупности и представляютъ вѣрный признакъ интеллигенціи. Тотъ врачъ, для котораго медицина ремесло, который является слесаремъ отъ медицины, не понимаетъ привходящаго въ нее элемента общественной миссіи, не является гражданиномъ въ большомъ смыслѣ этого слова,—не интеллигенція. И тотъ адвокатъ, для котораго чужды интересы, выходящіе изъ рамокъ его слесарски-адвокатскаго дѣла и для котораго „истина есть результатъ судоговоренія“,— не интеллигенція. И тотъ министръ, который руководствуется въ своемъ государственномъ жизнеопредѣленіи не интересами страны, государства, а интересами своей личности, группы, которая его выдвинула, общественнаго класса, изъ котораго онъ вышелъ, — не интеллигенція. И будетъ интеллигенція тотъ—слесарь, который успѣлъ внѣшкольнымъ путемъ добыть тотъ минимумъ знанія, безъ котораго невозможно теперь міропониманіе, и неустанно вырабатываетъ въ своемъ сознаніи желательныя нормы жизни трудящагося человѣка; будетъ интеллигенція — всякій, кто не успѣлъ заглянуть не только въ двери университета, но и какого бы то ни было учебнаго заведенія, и самъ доросъ до права считаться интеллигенціей страны. И при томъ интеллигенція по существу подвижна, въ ней нѣтъ права рожденія, въ ней нѣтъ права сослов ія, печати соціальнаго положеня. И нѣтъ давности

нѣтъ пенсіи за выслугу лѣтъ. Ученый, художникъ, отдавшій свою жизнь на дѣло науки и знанія, на воплощеніе въ мраморѣ, въ словѣ, въ краскахъ, въ музыкѣ своихъ думъ и чувствъ, тѣмъ самымъ, по самому чисто общественному характеру своей дѣятельности—конечно, интеллигенція; но ученый, продавшій свое научное первородство за сытную чечевичную похлебку, выходитъ изъ рядовъ интеллигенціи, и тотъ писатель, который проповѣдуетъ человѣконенавистничество и вноситъ раздоръ національностей въ странѣ, будетъ правъ, отгораживая себя отъ интеллигенціи, потому что онъ—не интеллигенція страны.

Сверху и снизу, внѣ сословій, внѣ классовъ, не дипломами и рожденіемъ, народъ страны выдѣляетъ изъ себя группу общественно думающихъ и общественно чувствующихъ людей,—людей, думающихъ думами, болящихъ болями своей страны — свою интеллигенцію. Она можетъ быть наверху общественной лѣстницы и быть фактическимъ вождемъ своей страны, она можетъ не имѣть опредѣленнаго мѣста на этой лѣстницѣ, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ быть объявлена внутреннимъ врагомъ, но она всегда существуетъ и всегда является выразительницей общественной думы, общественнаго чувствованія. Такъ всегда было, такъ было во всѣ времена; даже тогда, когда не существовало слова интеллигенція, когда не было сюртуковъ, не было университетовъ и академическихъ значковъ, не было даже книгопечатанія — и тогда были не кончившіе учебныя заведенія Сократы, Демосѳены и апостолы. И въ этомъ смыслѣ Сютаевъ и Бондаревъ, всю жизнь, въ глуши и одиночествѣ вырабатывавшіе свое міропониманіе, свои нормы будущей жизни человѣчества, думами и чувствами которыхъ были такъ глубоко заинтересованы великіе представители русской литературы, Толстой и Успенскій,—несомнѣнно по своему укладу, по своей интимной сущности, безконечно ближе и роднѣе интеллигенціи, чѣмъ люди, обладающіе послѣдними словами науки, вершинами формальнаго знанія.

Я знаю, такое опредѣленіе интеллигенціи очень растяжимо, очень подвижно, мало опредѣленно и трудно регистрируемо, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по моему мнѣнію, оно единственное, вѣрно и точно опредѣляющее понятіе интеллигенціи, — точно и опредѣленно, такъ какъ по самому существу интеллигенція не регистрируема, такъ какъ она опредѣляется не сюртукомъ и не академическимъ значкомъ, а ея не учитываемыми и не регистрируемыми свойствами общественной думы, общественнаго чувствованія.

Я знаю тѣ возраженія, которыя поставятъ мнѣ. Мнѣ скажутъ, что я суживаю понятіе интеллигенціи, что я опредѣляю ее направленіемъ, ярлыкомъ либерализма, радикализма, демократизма, что подъ интеллигенціей я подразумѣваю партію, людей опредѣленныхъ мнѣній, опредѣленныхъ цѣлей. Скажетъ тотъ, кто не хочетъ понять моей совершенно опредѣленной постановки во-

проса. И прошлое, и настоящее говорятъ о великомъ разнообразіи состава русской интеллигенціи, о неустанной, ни на минуту не затихающей борьбѣ, нерѣдко страстной, напряженной борьбѣ различныхъ мнѣній, различныхъ партій. Со временъ славянофиловъ и западниковъ, отъ 40-хъ годовъ и по сіе время шла непрерывная выработка идей, непрерывное столкновеніе міропониманій. И теоретическія построенія, и практическія программы будущаго, выработывавшіяся одной частью интеллигенціи, казались невѣрными и гибельными другой части интеллигенціи и разрывали ее на враждебные лагери. Мнѣ достаточно указать на старый вопросъ объ общинѣ, на недавній горячій и долгій споръ марксистовъ и народниковъ.

И все это была интеллигенція, настоящая русская интеллигенція съ тѣми типичными чертами, которыя я указалъ выше. Какъ нелѣпо, съ моей точки зрѣнія, приклеивать къ понятію интеллигенція ярлыкъ класса, сословія, диплома, такъ же несправедливо приклеивать къ ней вывѣску партіи, опредѣленнаго партійнаго направленія. Интеллигенція не состоитъ только изъ марксистовъ и народниковъ, въ нее, повторяю, входитъ все, что есть въ Россіи искренняго, общественно думающаго и общественно чувствующаго. Туда несомнѣнно входили бы и люди, враждебные демократизму и либерализму (я не могу назвать консерваторами людей, систематически разрушавшихъ тѣ устои, которые заложены были въ русской жизни еще 40 лѣтъ назадъ, и охранителями несомнѣнныхъ расхитителей), если бы у нихъ оказались и думы, и чувствованія, ~~выходящія~~ изъ интересовъ страны, а не группы и сословія. Но именно они, примыкающіе къ правящимъ слоямъ, крѣпостнически-бюрократическіе люди — единственно, по моему, опредѣляющее названіе — тщательнѣе всѣхъ отгораживаютъ себя отъ интеллигенціи и настойчиво увѣряютъ, что тамъ нѣтъ интеллигенціи. Мы не имѣемъ основанія не вѣрить имъ и охотно соглашаемся, такъ какъ и многіе факты русской жизни за послѣднее тридцатипятилѣтіе подтверждаютъ намъ, что тамъ нѣтъ интеллигенціи и мало интеллигентности. Соглашаясь съ этимъ, мы не можемъ не замѣтить, что не всегда такъ было и что русская жизнь знаетъ времена, когда тамъ были Радищевы, Сперанскіе, Николаи Милютины и всѣ тѣ дѣятели реформъ 60-хъ годовъ. И во всякомъ случаѣ должны сказать, что это отсутствіе интеллигенціи и интеллигентности тамъ, гдѣ они непремѣнно должны быть, мы не можемъ считать ни нормальнымъ, ни желательнымъ явленіемъ русской жизни.

Я знаю, я услышу другое возраженіе, изъ совершенно другого лагеря, изъ рядовъ интеллигенціи, той части настоящей, чистокровной русской интеллигенціи, которая такъ боится, чтобы ее не причислили къ русской интеллигенціи,—что я совершенно произвольно исключаю изъ рядовъ интеллигенціи докторовъ и

адвокатовъ, ученыхъ и писателей и что я произвольно включаю слесаря, и съ непоколебимой увѣренностью правовѣрнаго мусульманина скажутъ: существуетъ только классовая интеллигенція и нѣтъ другихъ пророковъ у Аллаха, кромѣ Магомета. Они укажутъ мнѣ на Западную Европу, будутъ доказывать, что тамъ, за границей, точно регламентированная, математически зарегистрированная западно-европейская жизнь выноситъ на свою широкую улицу строго опредѣленное мнѣніе общественныхъ группъ, изъ которыхъ составлена страна; что тамъ интеллигенція только классовая, выросшая на почвѣ экономическихъ матеріальныхъ интересовъ и исторически сложившихся традицій этихъ общественныхъ группъ, и что такъ называемая умственная, духовная, невѣсомая жизнь страны является надстройкой надъ совершенно вѣсомыми матеріальными, реальными интересами и силоотношеніями.

Я не хочу вступать здѣсь въ споръ съ такъ называемымъ экономическимъ матеріализмомъ, вполнѣ признаю весь серьезный смыслъ и серьезную поправку, которую онъ внесъ въ исторію человѣчества, въ философію и въ „общественное поведеніе“, но полагаю, что, за подсчетомъ матеріальныхъ, реальныхъ, вѣсомыхъ интересовъ, остаются не вѣсомые, но такіе же реальные и въ той же мѣрѣ властные человѣческіе интересы, совершенно одинаково необходимые и слесарю, и интеллигентному человѣку, и образованнымъ, и необразованнымъ классамъ. Полагаю, что никакія міропониманія не устранятъ *человѣка* изъ человѣческой жизни, не устранять человѣка съ его волей, съ его воздѣйствіемъ на окружающую жизнь.

Только узкіе люди съ короткимъ взглядомъ могутъ не разглядѣть въ западно-европейской жизни присутствія этой внѣклассовой интеллигенціи, — интеллигенціи страны въ моемъ смыслѣ слова. Это только оптическій обманъ. Рядомъ съ буднями жизни, когда западно-европейская улица тиха и буднична и борются въ ней экономическіе интересы, случаются великіе праздники жизни, когда люди бросаютъ старый тѣсный домъ и справляютъ новоселье; бываетъ, надвигается на мирную, тихую жизнь темное облако, туча, угрожающая именно тѣмъ невѣсомымъ, не матеріанымъ и экономическимъ, а духовнымъ интересамъ человѣчества, — тогда строго разграниченная и опредѣленная западно-европейская улица сразу становится пестрой, тоны перепутываются и перегородки исчезаютъ между людьми. Смѣшиваются блузы и сюртуки, и вчерашніе экономическіе враги рука объ руку, грудь съ грудью бьются за то невѣсомое, что имъ всѣмъ одинаково дорого, противъ того, что имъ одинаково ненавистно.

Я не буду говорить о томъ знаменитомъ эпизодѣ западно-европейской улицы, когда рядомъ стояли и бились рука объ руку крестьянинъ и графъ, рабочій и буржуа, и аббатъ, и при-

веду примѣры изъ новѣйшей исторіи: попытку подчинить клерикальному вліянію школы въ Германіи и знаменитое Дрейфусовское дѣло во Франціи, когда сюртуки и блузы одинаково испугались той внѣклассовой гражданской опасности, которая надвигалась на нихъ, и грудь съ грудью дали отпоръ тому враждебному антигражданскому, что надвигалось на страну.

Мы наблюдали даже совсѣмъ недавно въ странѣ наибольшихъ традицій, наиболѣе раздѣленной, дифференцированной жизни движеніе интеллигенціи, не только ставившее ту же цѣль — хожденіе въ народъ,—которое считалось исключительнымъ проявленіемъ дѣятельности русской интеллигенціи, но совершавшееся даже по тѣмъ же методамъ: я говорю о широкомъ просвѣтительномъ движеніи среди англійской интеллигенціи, выразившемся въ открытіи народныхъ домовъ въ бѣднѣйшихъ и наиболѣе невѣжественныхъ кварталахъ Лондона, когда англійскіе люди именно „уходили въ народъ", отказывались отъ удобствъ личной жизни, которою они всегда жили. Мало этого, въ пестрой широкой улицѣ Западной Европы существуетъ внѣклассовая группа людей въ сюртукахъ и блузахъ, которая пока такъ же чужда и мало понятна русской улицѣ, какъ вплоть до недавняго времени были чужды и непонятны заграничной улицѣ тѣ русскіе люди, которые на столбцахъ заграничныхъ газетъ назывались нигилистами,—та группа, которая имѣетъ свою идеологію и выработала общественное поведеніе; которую нельзя втиснуть ни въ какія рамки классовыхъ интересовъ, уже по тому одному, что она отрицаетъ всѣ классовые интересы, кладетъ человѣка, съ его невѣсомыми интересами, въ главу угла и устроеніе человѣка и общества полагаетъ въ дезорганизаціи государства, въ ломкѣ не только перегородокъ, но самого принципа государственности и которая приблизительно такъ же относится къ самой широкой классовой, рабочей интеллигенціи, какъ эта къ либерально-буржуазной интеллигенціи. Можно ея теоретическія посылки считать невѣрными и программу дѣйствій гибельной, но нельзя ни отрицать факта ея существованія, ни приткнуть эту несомнѣнную интеллигенцію къ какому-нибудь классу, къ какимъ-нибудь матеріальнымъ и реальнымъ самоотношеніямъ. И именно въ той строго регламентированной западно-европейской жизни она и развертывается шире и шире уже не первый годъ.

Мнѣ остается хотя бы вкратцѣ коснуться истиннаго характера этого такъ свободно расходуемаго слова „классовая интеллигенція". Отношеніе понятія „классовая интеллигенція" къ понятію „интеллигенція страны" въ моемъ смыслѣ слова совершенно такое же, какъ отношеніе такъ называемой профессіональной этики, морали отдѣльныхъ общественныхъ группъ къ морали вообще.

Мы знаемъ профессіональную этику военнаго сословія, раз-

рѣшающую французскимъ генераламъ дѣлать подлоги, давать на судѣ ложныя показанія, и русскому генералу Усаковскому выдавать лестныя аттестаціи генералу Ковалеву, нарушившему самымъ подлымъ образомъ элементарныя требованія человѣческой морали вообще. Мы знаемъ профессіональную этику врачей, такъ много разъ въ Германіи и, насколько мнѣ извѣстно, два раза въ Россіи исключавшихъ изъ своего общества товарищей, которые соглашались быть врачами въ рабочихъ организаціяхъ, т. е. „сбивали цѣну“: такъ диктовала сословная интеллигенція, исходившая изъ профессіональной этики и опять таки тѣмъ самымъ нарушавшая основныя требованія морали вообще, противорѣчащая даже основному принципу существованія самого врачебнаго сословія. Мнѣ нечего указывать на разбойничьи, воровскія, шпіонскія группы людей, имѣющихъ несомнѣнно свои групповые интересы и свою профессіональную этику, чтобы доказать тотъ частый въ жизни конфликтъ, въ который вступаютъ классовые интересы съ интересами страны, когда профессіональная этика является обыкновеннымъ мошенничествомъ, примитивной безнравственностью, подрывающей въ корнѣ тѣ невѣсомыя, всѣмъ общія нормы духовной жизни человѣчества. Тѣмъ самымъ я никоимъ образомъ не хочу смѣшивать въ одну кучу всѣ профессіональныя этики и классовыя интеллигенціи и рѣзко выдѣляю, не только количественно, но и качественно, тѣ широкія общественныя группы, которыя, по приведенному выше толкованію, объединяютъ въ себѣ всѣ производительныя силы страны и, въ этомъ смыслѣ, уже не умѣщаются въ понятіе класса, а приближаются къ понятію народа, страны, которыя вмѣстѣ съ своими вѣсомыми, матеріальными интересами несутъ съ собой наибольшую сумму невѣсомыхъ интересовъ страны и человѣчества, и классовая интеллигенція которыхъ тѣмъ самымъ наиболѣе близка къ понятію интеллигенціи страны въ моемъ смыслѣ слова.

Но и здѣсь, теоретически говоря, мы можемъ допустить возможность конфликта классовыхъ интересовъ и классовыхъ интеллигенцій отдѣльныхъ группъ трудящихся массъ, производительныхъ силъ страны, хотя бы, напр. земледѣльческихъ и фабрично-промышленныхъ,—конфликта не духовныхъ, а матеріальныхъ, скажемъ, реальныхъ интересовъ. И такой конфликтъ нужно учитывать, и онъ учитывается хотя бы въ современной русской жизни.

Повторяю, я не смѣшиваю того, что по существу рѣзко различается, и не только количественно, но и качественно, и только въ интересахъ разграниченія этихъ классовыхъ интеллигенцій я и желалъ бы болѣе осторожнаго и болѣе разборчиваго примѣненія слова „классовая интеллигенція“.

III.

О русской интеллигенціи и проще, и труднѣе говорить. Проще потому, что проста русская жизнь съ своей несложностью, отсутствіемъ рѣзко разграниченныхъ перегородокъ, скудостью традицій, неясностью и неразграниченностью общественныхъ группъ, и трудно именно по этой неопредѣленности и неразграниченности силоотношеній. Русская исторія не знаетъ той пестрой, расшитой узорами западно-европейской исторической ткани, гдѣ, кромѣ общей исторіи, исторіи государства, происходили отдѣльныя исторіи, писались классовыя главы, выработывалась классовая идеологія, глубоко наростали традиціи; гдѣ исторія государства была сводной главой этихъ отдѣльныхъ исторій. И крестьянство, и городъ, и дворянство, и королевская власть, помимо общей жизни, имѣли еще и отдѣльную, вели войны другъ съ другомъ, заключали союзы, писали договоры.

Прошлое России знаетъ одну исторію, исторію государства россійскаго, и, по крайней мѣрѣ съ московскаго періода, русскіе классы дѣлали только одну исторію—собираніе и устроеніе государства россійскаго. И эта государственная исторія поглощала въ себя исторію отдѣльныхъ общественныхъ группъ. И не было ихъ, какъ самостоятельныхъ общественныхъ единицъ. Какъ были государственные крестьяне „государевы сироты", такъ были государственные дворяне „служилые люди", „государевы слуги". И духовенство, и торговый классъ дѣлали все то же служебное государственное дѣло. Когда патріаршество оказывалось мѣшавшимъ государственной машинѣ, оно выбрасывалось изъ поля зрѣнія; когда торговые люди не удовлетворяли государственныхъ нуждъ, приглашались „гости" изъ чужихъ земель. И образованіе въ Россіи не выросло какъ естественный продуктъ духовной жизни страны, а съ тѣми же служебными цѣлями было насаждено государствомъ: вмѣстѣ съ „пушкарными" людьми и „корабельными" мастерами насаждалась медицина и научная техника. И въ этомъ, въ огромности значенія государства въ Россіи, въ отсутствіи отдѣльныхъ классовыхъ исторій, въ привозномъ характерѣ русскаго образованія, въ особыхъ путяхъ накопленія знанія и сознанія лежитъ ключъ къ пониманію многихъ особенностей характера русской интеллигенціи.

Не въ томъ, что образованіе и идеи шли къ намъ изъ за границы. Народы всегда обмѣнивались не одними товарами, но и идеями, и если англійская конституція оказала вліяніе на государственное устройство Франціи, то въ свою очередь французскія идеи, за истекшее столѣтіе, облетѣли быстрѣе товаровъ западно-европейскія государства. Но тамъ это былъ обмѣнъ куль-

туръ и идей, чужеземная глава входила примѣчаніемъ и дополненіемъ къ собственнымъ главамъ и нисколько не мѣшала стройности той западно-европейской исторіи, гдѣ всему было длинное предисловіе и гдѣ дальнѣйшія главы развивались съ неумолимой логикой исторической послѣдовательности. Этой послѣдовательности не было въ культурномъ ростѣ Россіи, въ накопленіи въ ней знаній и сознанія, и, быть можетъ, нигдѣ, кромѣ Японіи, не встрѣчалось примѣра, когда иноземная жизнь такъ рѣзко и круто, безъ исторической постепенности, измѣняла духовный обликъ страны. Западно-европейскія главы врывались въ русскую жизнь, какъ французскій языкъ въ русскую рѣчь, и мы не воспринимали новыхъ идей въ ихъ логической постепенности и связности съ нашей исторіей; съ нашими главами и ту же главу о буржуазіи мы получили въ сознаніе съ послѣсловіемъ, а не предисловіемъ, безъ идеалистическихъ словъ ея историческаго введенія, а съ досказанными голыми, откровенными словами послѣсловія, и при томъ, когда у насъ еще и не начинала организовываться буржуазія. Мы воспринимали чуждую высокую культуру, имѣя только скифскій укладъ жизни, и многообразную западно-европейскую исторію, не начиная во многихъ отношеніяхъ собственной исторіи. Въ началѣ прошлаго вѣка, когда стала формироваться русская интеллигенція, русскіе люди, надышавшіеся воздухомъ германскихъ умственныхъ центровъ, видѣвшіе воочію борьбу классовыхъ и не классовыхъ интересовъ во Франціи, вырабатывавшіе свое новое міропониманіе, возвращались въ Россію, гдѣ не было умственныхъ центровъ, не было ни классовыхъ, ни внѣклассовыхъ идей, а была только скифская культура, только одинъ огромный фактъ русской жизни, организованное государство, и одна форма дѣятельности — старое традиціонное дѣло государство-строительства. Такъ раньше и дѣлалось. Съ Петра Великаго молодыхъ людей посылали за границу за наукой. Они привозили науку и ихъ приставляли примѣнять науку къ государственной машинѣ: къ пушкѣ, на корабль, къ печатному дѣлу, въ канцелярію, въ сенатъ, въ академію наукъ, къ государственнымъ искусствамъ. Неудавшаяся попытка въ двадцатыхъ годахъ влить выработанное интеллигенціей новое государство-опредѣленіе въ старый традиціонный государственный строй имѣла въ своемъ результатѣ два огромныхъ факта русской жизни: начавшееся съ тѣхъ поръ постепенное духовное оскудѣніе стараго государственнаго міропониманія и постепенное формированіе новаго государственнаго міропониманія, постепенное все большее отдаленіе отъ стараго міропониманія, начало формированія русской интеллигенціи.

Съ тѣхъ поръ началась великая трагедія русскаго интеллигентнаго человѣка. У него не оказалось дѣла, ему не нашлось мѣста въ русской жизни. Съ страстной вѣрой юности и чисто

религіозной жаждой дѣятельности, съ высшими словами истины, накопленными всѣмъ міромъ, онъ очутился въ неподвижности скифскаго уклада жизни, между страшно организованнымъ государствомъ и не начавшимъ организоваться обществомъ, не имѣя никого и ничего за спиной, ни классовъ, ни традицій, опираясь только на *общечеловѣческія* идеи, очутился безпочвеннымъ одинокимъ человѣкомъ, какимъ, думаю, никогда не была интеллигенція ни въ какой странѣ. А въ то время великое французское движеніе XVIII вѣка досказывало свое историческое послѣсловіе, и, не имѣвшій дѣла, не нашедшій мѣста въ русской жизни, интеллигентный человѣкъ погружается въ философскія опредѣленія и самоопредѣленія внѣ дѣйствительности, съ отрицаніемъ дѣйствительности, а рядомъ развивается своеобразный ранній русскій скептицизмъ, съ одной стороны, и великая русская драма „хотѣть“ и „мочь“—съ другой. Съ 30-хъ годовъ вплоть до 60-хъ предъ нами проходитъ длинный рядъ Чаадаевыхъ — Чацкихъ, Пушкиныхъ — Онѣгиныхъ, Лермонтовыхъ — Печориныхъ, цѣлое поколѣніе Рудиныхъ и Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда. Тогда сложились въ литературѣ отрицательные типы, какъ главенствующія темы русской беллитристики, типы разочарованныхъ, типы скептиковъ, типы лишнихъ людей. Когда же русская жизнь потребовала положительныхъ типовъ, беллетристика выписала Инсарова изъ Болгаріи, за отсутствіемъ въ Россіи комбинаціи использованнаго жизнью съ его идеалами, вѣрой и страстью интеллигентнаго человѣка.

Тогда же обозначилась та исключительная роль русской литературы, которую суждено было ей играть въ русской жизни. Тамъ, на Западѣ, давно было много каѳедръ и платформъ для выраженія мнѣній общественно думающей и общественно чувствующей части общества. Съ тѣхъ поръ, какъ стало пробуждаться русское самосознаніе, и до очень недавняго времени оно не имѣло другой каѳедры, кромѣ университета и, главнымъ образомъ, литературы. Это вызвало, съ одной стороны, усиленное стремленіе всего напряженно думающаго и страстно чувствующаго въ странѣ въ литературу, и именно въ ней русская интеллигенція издавна нашла свое мѣсто и свое дѣло; съ другой стороны—въ этомъ сказалась особенность русской литературы, въ этомъ ея историческая миссія, совершенно особенное соціальное значеніе. Въ силу особыхъ условій русской жизни даже появленіе земскаго и городского самоуправленія не измѣнило этого положенія литературы, и при нихъ временами случалось, что новая книжка журнала являлась своего рода засѣданіемъ партейтага.

IV.

Вотъ почему, говоря о русской интеллигенціи, нельзя не говорить о русской литературѣ.

До 60-хъ годовъ литература была по своему составу чисто дворянской, и ни единичные примѣры „мужика“, ни рѣдкія прослойки въ ней купца, мѣщанина и болѣе частыя поповича того общаго дворянскаго фона литературы не мѣняютъ. Но и тогда эта дворянская литература не занималась своими классовыми дворянскими интересами (въ этомъ отношеніи дворянство опоздало и упустило единственную свою эпоху) и дѣлала все то же дѣло выработки русскаго міропониманія и русскаго самоопредѣленія, въ смыслѣ соотношенія общечеловѣческихъ идей и идеаловъ съ старомъ укладомъ жизни. И славянофилы, и западники, и московскіе, и петербургскіе литературные круги, бившіеся такъ яростно, ломали мечи не за классовые интересы, а все за то же русское самоопредѣленіе. Мнѣ достаточно напомнить Герцена, Михаила Бакунина и перваго русскаго разночинца Виссаріона Бѣлинскаго, чтобы читатель вспомнилъ, за что они бились И тогда уже народъ началъ вырисовываться, какъ главный факторъ государственнаго опредѣленія, и освобожденіе крестьянъ, и ломка старыхъ основъ русской государственности легли въ основу тенденціи, объединявшей литературные круги.

А потомъ наступили 60-е года...

Въ далекомъ будущемъ, когда установится историческая перспектива, установится и должный взглядъ на все величіе и исключительную историческую огромность такъ называемой эпохи 60-хъ годовъ. Она страшно велика даже въ томъ небольшомъ моемъ полѣ зрѣнія литературы и интеллигенціи. Въ то время вошелъ въ литературу русскій разночинецъ. Онъ ворвался шумной и дерзкой толпой въ широкую улицу литературы, сразу окрасилъ и расцвѣтилъ ее своими пестрыми красками и сразу раскололъ литературу на отцовъ и дѣтей. Я потому выдѣляю особенно этотъ фактъ, что онъ имѣлъ совершенно исключительное, огромное значеніе въ русской жизни, такъ какъ именно тогда ярко и опредѣленно начала выкристаллизовываться изъ русской жизни та группа, которая называется теперь русской интеллигенціей. Я не знаю ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ западно-европейской жизни аналогичнаго явленія: русскій разночинецъ совсѣмъ не литературная богема западно-европейскихъ литературныхъ центровъ, и именно въ немъ, въ его исключительномъ значеніи для русской жизни ярко сказалось отсутствіе въ Россіи опредѣленно дифференцированныхъ классовъ, съ ихъ отдѣльной исторіей, сознанными традиціями и выраженными интересами. И въ из-

вѣстномъ смыслѣ—все тотъ же государственный характеръ, государственная служебная роль...

Разночинецъ, это—дворянинъ, ушедшій изъ своего дворянства; поповскій сынъ, не пожелавшій надѣть стихаря и рясы; купецъ, бросившій свой прилавокъ; „мужикъ", ушедшій отъ сохи и пріобщившійся къ образованію; генеральскій сынъ, чиновничій сынъ. Они уходили изъ своего мѣста на широкій просторъ жизни, не взявши „одежды многихъ". Дворянинъ отрицалъ дворянство въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ; семинаристъ былъ самымъ страшнымъ отрицателемъ своего прошлаго, настоящаго и будущаго, и мѣщанинъ, и купецъ были враги мѣщанства и буржуазности, и чиновничій сынъ, и генеральскій сынъ отрицали бюрократію и милитаризмъ. Тогда ихъ назвали нигилистами. Они были нигилистами, такъ какъ отрицали все узкое, классовое, все, что говорило о традиціяхъ, объ авторитетѣ, объ обязательныхъ вѣрованіяхъ и правахъ, на которыхъ покоился старый укладъ русской жизни. Но эти нигилисты несли съ собой глубокое знаніе своей среды, своего обывательскаго класса и страстную жажду новаго будущаго, которое установится на разрушенномъ старомъ укладѣ. Они уходили изъ стараго русскаго „темнаго царства" на просторъ будущей свѣтлой жизни во имя только общихъ идеаловъ, только во имя идей, безъ подкладки личныхъ, групповыхъ, классовыхъ интересовъ. Они оставляли за собой все прошлое; нерѣдко приходилось порывать самыя дорогія связи, покидать родныхъ, друзей и создавать новую жизнь, новую семью, друзей. И въ этомъ было нѣчто религіозное: настроеніе людей, увѣровавшихъ въ новую вѣру, и въ основѣ ихъ духа — глубокая вѣра и огромный скептицизмъ.

Шла все та же выработка міропониманія и опредѣленія русской жизни и, въ этомъ смыслѣ, все то же государственное служеніе... Быть можетъ, былъ единственный, короткій, историческій моментъ, не повторявшійся болѣе, когда эти два міропониманія—старое государственное и новое складывавшееся—пошли навстрѣчу другъ другу, и была временная диффузія этихъ двухъ соціальныхъ теченій, именно когда вырабатывались реформы 60-хъ годовъ. Было короткое время иллюзій, когда, казалось, находилось мѣсто для интеллигенціи въ русской жизни, когда даже промелькнулъ короткимъ зигзагомъ никому не „служащій" мыслящій реалистъ, и на короткое время появились положительные типы беллетристики: и Рахметовъ, и „Старая и Новая Россія" Гирса; даже такъ несклонный къ положительнымъ типамъ Глѣбъ Успенскій выпустилъ изъ своей Растеряевой улицы Михаила Ивановича на показавшуюся тогда широкой русскую улицу.

Та иллюзія недолго продолжалась, и къ концу шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ совершенно явственно обозначился разрывъ двухъ государственныхъ міропониманій: новаго складывавша-

гося и стараго традиціоннаго московско-петровскаго,—разрывъ, ставовившійся съ тѣхъ поръ все глубже и глубже и сдѣлавшійся главнымъ фактомъ русской жизни за послѣднія 35 лѣтъ. Это было время, когда многіе потоки общественной мысли и чувства, разлившіеся такъ широко въ 60-хъ годахъ, стали сливаться въ одно общее русло; когда начинала вырисовываться главная, основная идея новаго русскаго міропониманія; когда выросло то огромное явленіе русской литературы, которое называется *народничествомъ*. Будущій историкъ выяснитъ все значеніе народничества въ русской жизни, и только въ будущемъ станетъ во весь ростъ его теоретикъ и вождь Н. К. Михайловскій. Я только отмѣчу здѣсь ту новую государственную точку зрѣнія, которая легла въ основу его. На мѣсто общей формулы, на мѣсто того, въ извѣстной мѣрѣ, внѣшняго признака положено было новое опредѣленіе: въ основу и во главу угла государственнаго зданія поставленъ былъ народъ, въ смыслѣ трудящихся классовъ страны, безъ различія національности, вѣроисповѣданія, формъ этого труда, безъ различія отдѣльныхъ классовъ трудящихся массъ народа, объединенный только однимъ общимъ признакомъ производительнаго труда. Въ ту новую формулу входила вся совокупность потребностей трудящихся массъ,—не только экономическихъ, но и правовыхъ, религіозныхъ, національныхъ, соотвѣтственно групповымъ индивидуальностямъ, входящимъ въ трудящуюся русскую массу.

Тогда къ тѣмъ дерзкимъ, разрушавшимъ авторитетъ прошлаго и пережитки скифскаго уклада голосамъ 60-хъ годовъ присоединилась новая нота — знаменитое „покаяніе“. Оно не было исключительно, и даже главнымъ образомъ, личнымъ покаяніемъ; оно было прежде всего покаяніемъ сыновъ за отцовъ, поколѣнія, входившаго въ жизнь, за старыя поколѣнія; оно было покаяніемъ новаго русскаго міропониманія за то старое міропониманіе, которое держалось на отвлеченномъ принципѣ, приносило все въ жертву слѣпому молоху государства, которое все брало отъ народа складывавшаго и державшаго на своихъ плечахъ это государство, и ничего не давало ему. Все десятилѣтіе 70-хъ годовъ истрачено литературой на формулировку этого новаго міропониманія, на опредѣленіе вытекающаго изъ него общественнаго поведенія. И Елисеевъ, и Михайловскій, и Некрасовъ, трагическій рыцарь на часъ, дворянинъ и мѣщанинъ, пѣвшій всю жизнь про народъ, рабствомъ скованный, тьмою окутанный; и Салтыковъ-Щедринъ, дворянинъ и крупный чиновникъ, такъ глубоко ненавидѣвшій все, что говорило о помѣщичьихъ привилегіяхъ, что примыкало къ бюрократизму; и этотъ антиподъ Щедрина, эта трепещущая, нѣжная и молитвенная душа—Глѣбъ Успенскій, метавшійся всю жизнь въ поискахъ правды, въ поискахъ гармоніи русской жизни; и этотъ благоуханный поэтическій цвѣтокъ русской беллетристики, Гаршинъ, съ чисто художественно

натурой, писавшій свой разсказъ „Два художника"; и всѣ тѣ, имена которыхъ забыты русской публикой,—всѣ эти русскіе разночинцы, представители русской литературы, говорили все объ одномъ, о народѣ, интересы котораго должны лежать во главѣ русской жизни, и ни одного слова не говорили о какихъ бы то ни было классовыхъ интересахъ, о какихъ-нибудь правахъ и преимуществахъ pro domo sua. Съ страстнымъ воодушевленіемъ новой истиной, съ религіознымъ проникновеніемъ новой вѣрой, они звали русскую интеллигенцію. всѣхъ общественно думающихъ и общественно чувствующихъ людей на великій путь служенія народу, на удовлетвореніе его многообразныхъ нуждъ. И новая тема явилась въ беллетристикѣ — народъ; не по-французски сентиментальный народъ Григоровича, ни эпическіе Хори и Калиныча Тургенева, а народъ во всей сложности его взволнованнаго освобожденіемъ духовнаго облика, во всей правдѣ жизни. И прежнія старыя темы беллетристики стали глубже и напряженнѣе, то же отрицаніе и обличеніе всего стараго, отжившаго, все тотъ же трагическій конфликтъ высшихъ человѣческихъ идеаловъ съ скифскимъ укладомъ, та же драма страстныхъ порывовъ къ дѣятельности и невозможность дѣятельности, — русская драма „хотѣть" и „мочь".

Съ тѣхъ поръ окончательно сложилась русская литература, ея тенденція, ея служебная роль. И то шумное литературное движеніе, которое такъ ярко вспыхнуло 10—15 лѣтъ тому назадъ, которое хотѣло выдвинуть на передній фасъ русской жизни групповые классовые интересы и создать классовую интеллигенцію, не противорѣчитъ этому общему опредѣленію русской литературы. Оно было то же народничество, только ставившее часть, вмѣсто цѣлаго, въ немъ было даже то же покаяніе, покаяніе сыновъ за отцовъ-народниковъ, будто бы просмотрѣвшихъ интересы огромной группы этого народа, и въ качествѣ русскихъ сыновъ такъ яростно и мало продуманно отказывавшихся отъ наслѣдства отцовъ. Логика русской жизни и здравый смыслъ снова возстановили архитектурное цѣлое, и вожди новаго движенія ушли изъ него и вернулись къ той литературѣ, которая ставитъ во главу угла государственной жизни народъ въ цѣломъ, а не въ части, и то, такъ недавно шумное говорливое, движеніе выродилось — я говорю о литературѣ—въ одинокіе негромкіе голоса.

Ничто не возбуждало столько нареканій на русскую литературу, какъ именно эта ея служебная роль. Пятьдесятъ лѣтъ съ разныхъ сторонъ, изъ разныхъ мотивовъ, раздаются голоса противъ служебной роли литературы; пятьдесятъ лѣтъ все говорятъ объ искусствѣ для искусства, взываютъ къ вѣчной красотѣ, къ вѣчнымъ проблемамъ человѣческаго духа, освобожденнаго отъ мелочей жизни, и любители всего „высокаго и прекраснаго" обвиняютъ русскую литературу въ опороченіи жизни, въ сгущеніи

темныхъ красокъ, въ ея служеніи злобѣ дня. Раздаются голоса искреннихъ любителей россійской словесности, говорящіе, что русскіе писатели ломаютъ свои огромные таланты, не развертываются во всю ширь и въ особенности во всю красоту своихъ талантовъ; указываютъ на Салтыкова, этого русскаго Свифта, на Глѣба Успенскаго, рожденнаго для широкихъ полотенъ и истратившаго себя на служебную роль, на постовую службу, на Гаршина и Чехова, не давшихъ десятой доли того, что они призваны были дать. Они говорятъ, что русская беллетристика остановилась на мертвой точкѣ, указываютъ на новыя слова въ западно-европейской беллетристикѣ, новые зигзаги д'Анунціо, Метерлинка, Пшибышевскаго; а неумолимая логика русской жизни требуетъ отъ литературы и искусства все служенія странѣ, и огромные умы, предуготованные къ рѣшенію величайшихъ проблемъ человѣческаго духа, не отрываясь, бьются за нужды сегодняшняго дня; огромные таланты, рожденные для звуковъ сладкихъ и молитвъ, отзываются не на красоту и радость, которыхъ мало въ русской жизни, а на горе, тоску, пошлость и скуку, которыми такъ полна она. И красивыми, но пустопорожними бликами мелькаютъ въ ней Метерлинкъ, д'Анунціо, Пшибышевскій, и литературныя предпріятія, возникающія съ самыми превосходными цѣлями, но внѣ служебной роли, кончаются неизмѣннымъ фіаско.

Да, русскіе таланты, несомнѣнно, не успѣваютъ развертываться въ полной мѣрѣ ихъ роста, но—удивительное дѣло!—именно за періодъ своего общественнаго служенія, русская литература сдѣлалась тѣмъ, что она есть въ настоящее время,—огромнымъ міровымъ явленіемъ, къ которому съ величайшимъ интересомъ относятся читающіе люди всѣхъ странъ,—полагаю, не ошибусь, — съ большимъ, чѣмъ къ д'Анунціо, Метерлинку, Пшибышевскому. И есть основаніе думать, что она заняла это мѣсто въ мірѣ именно въ силу широты, глубины и общности идей, на которыхъ она воспиталась; въ силу той свободы духа отъ всего узкаго, классового; въ силу того великаго драматизма, той вѣчной, величайшей проблемы конфликта личности и общества, проблемы хотѣть и мочь, тоски по высочайшему лучшему будущему, которыя проходятъ непрерывающейся струей за все время существованія настоящей русской литературы, т. е. въ силу именно этого ея служенія народу, т. е. въ значительной мѣрѣ міровымъ задачамъ человѣчества.

Несомнѣнно русская литература въ ближайшемъ будущемъ измѣнитъ свой характеръ; быть можетъ, завтрашній день найдетъ другіе выходы, найдетъ другія каѳедры русской общественной думѣ и общественному чувствованію; снимется съ нея исключительная всепоглощающая служебная роль, и таланты будутъ развертываться не только въ своей мощи, но и въ красотѣ, и другія темы, болѣе радостныя, будутъ использованы русской литературой со-

отвѣтственно другимъ, болѣе радостнымъ нормамъ жизни. Но можно думать, что основной тонъ ея, ея традиціи не измѣнятся,— уже по тому одному, что, внѣ всякаго сомнѣнія, по своему составу она будетъ демократизироваться все болѣе и болѣе. Во всякомъ случаѣ ея историческое послѣсловіе сказано. Оно ясно всѣмъ, и его не услышитъ только тотъ, кому по преимуществу оно сказано—Н. К. Михайловскому.

Насколько можно судить, насколько можно разбираться въ кипящемъ котлѣ современности, судить по голосамъ, которые несутся оттуда,—дѣйствующимъ лицомъ въ современной русской исторіи является не классовый человѣкъ, не профессіональный, не сословный, а (пусть будетъ понято это въ подлежащемъ смыслѣ) *читатель*, прежде всего читатель, тотъ таинственный незнакомецъ русской литературы, по которому она давно тосковала, который открылъ, наконецъ, свое инкогнито и говоритъ теперь свое читательное слово, — читатель именно народнической литературы, въ значительной мѣрѣ читатель Н. К. Михайловскаго, который два года назадъ посылалъ ему горячіе адресы, покрытые тысячами подписей. Если это такъ, если я правъ, то это фактъ огромной общественной важности, и его нужно твердо запомнить при всякихъ предположеніяхъ о будущихъ взаимоотношеніяхъ литературы, интеллигенціи и народа...

V.

Русская интеллигенція переросла литературу, вѣрнѣе, выросла изъ нея, вышла изъ тѣсныхъ рамокъ, въ которыхъ принуждена была вращаться литература. Интеллигенція нашла другія кафедры и платформы помимо литературы, она закончила теоретическую выработку своего міропониманія и давно и широко развернула свое общественное поведеніе. Жизнь страны не можетъ идти безъ духовныхъ силъ, и страна, давно ушедшая отъ формальнаго стараго государственнаго пониманія, утилизировала русскую интеллигенцію. Вопреки внѣшней логикѣ и въ силу внутренней логики жизни, въ области просвѣщенія, въ провинціальной литературѣ, въ области охраненія народнаго здравія, въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи интеллигенція нашла свое мѣсто и отыскала дѣло, котораго искала. Формировалась провинціальная интеллигенція, выросталъ новый огромный факторъ русской жизни. Духовныя волны въ центрахъ повышались, понижались; бывали періоды духовнаго оскудѣнія центровъ, а провинціальная жизнь, въ смыслѣ роста и все большаго значенія интеллигенціи въ ней, развивалась неуклонно безъ колебаній, и, въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, Парижъ ушелъ въ провинцію. Быть можетъ, мнѣ слѣдовало бы болѣе детально нарисовать

картину этого общественнаго поведенія провинціальной интеллигенціи, въ извѣстномъ смыслѣ ея хожденія въ народъ; какъ выразилась она хотя бы въ этомъ оригинальномъ, не имѣющемъ аналогіи въ Западной Европѣ, институтѣ земскихъ врачей, въ совершенно оригинальномъ, знаменитомъ третьемъ элементѣ; какъ окрасила она культурные классы и всю провинціальную жизнь; какъ вліяла она на укладъ земства, вопреки всѣмъ усиліямъ придать ему однотонную сословную окраску. Но картина провинціальной жизни и сказанное провинціей въ послѣдніе дни послѣсловіе достаточно извѣстны и опредѣленны. Я остановлюсь только на одномъ фактѣ русской жизни, — на томъ, какъ сложился въ Россіи типъ интеллигнетной русской женщины. Пусть читатель не удивляется. Кто понимаетъ великое соціальное значеніе, такъ называемаго, женскаго вопроса, роль жены и матери въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ человѣчества; кто знаетъ, какимъ тормазомъ въ дѣлѣ прогресса служитъ во Франціи женщина, глубоко классовая, получающая свои высшія велѣнія изъ узкаго окошечка исповѣдальни,—тотъ пойметъ, почему я считаю русское рѣшеніе женскаго вопроса оригинальнѣйшимъ и многоцѣннымъ фактомъ русской жизни. Не въ томъ одномъ дѣло, что русская женщина наполняетъ заграничные университеты въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ даютъ мѣстныя страны, а въ томъ, что за пятьдесятъ лѣтъ, при скифскомъ укладѣ жизни, рядомъ съ тьмой и невѣжествомъ, окутывающими Россію, сложился особый типъ русской интеллигентной женщины, выросла свободная отъ всякихъ узкихъ темныхъ окошекъ, во истину интеллигентная, жаждущая свѣта и знанія русская женщина, которая такъ рѣзко выдѣляется на фонѣ западно-европейской женщины, что ее, за отсутствіетъ на мѣстѣ, выписываютъ изъ Россіи, какъ мы когда то выписывали Инсарова изъ Болгаріи, этихъ Вѣрà и Ольгà, западно-европейскіе драматурги и беллетристы.

Я вовсе не хочу говорить о томъ, кто выше, кто лучше—русская или западно-европейская интеллигенція. Я хочу только отмѣтить оригинальность состава ея, оригинальность духа ея. При огромныхъ плюсахъ рядомъ лежатъ и ея минусы. Она не опиралась и не опирается ни на какія классовые „реальные" интересы; она не чувствуетъ, по крайней мѣрѣ не чувствовала, за своей спиной организованныхъ общественныхъ группъ; она не имѣла традицій въ то время, какъ складывалась; не отправлялась въ своей идеологіи и въ своей практикѣ отъ реальныхъ фактовъ прошлаго, отъ преемственно развивавшихся историческихъ идей; въ страстной борьбѣ на всѣ фронты вырабатывала она теоретическія основы своего міроопредѣленія,—отсюда ея кажущаяся оторванность отъ жизни, отсюда недостаточность преемственности идей

въ интеллигентныхъ теченіяхъ русской жизни, быстрая смѣна вѣроученій въ русской интеллигенціи, невѣдомые западно-европейской литературѣ и жизни „отцы и дѣти", такъ быстро рождающіеся дѣти, такъ скоро умирающіе отцы. Но въ этомъ и плюсы ея.

Въ силу этого своего состава, особенности своего происхожденія и условій русской дѣйствительности, она сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ она есть въ настоящее время. Какъ бы ни расцѣнивать русскую интнллигенцію,—нужно признать одно, что за 40 лѣтъ, протекшихъ съ 60-хъ годовъ, она сыграла огромную роль въ исторіи страны, что у нея успѣли выработаться и теоретическое міропониманіе, и методы общественнаго поведенія, успѣли уже накопиться традиціи; что она, быть можетъ, наиболѣе „свободная" интеллигенція,—употребляя выраженіе Герцена,—свободная отъ всякихъ переживаній, отъ всякихъ классовыхъ, унаслѣдованныхъ историческихъ наслоеній. Какъ бы ни расцѣнивать ее, нужно признать, что по сіе время она внѣсословная, внѣклассовая интеллигенція, и на ея знамени не написано никакихъ другихъ классовыхъ интересовъ, кромѣ интересовъ народа.

VI.

Я не хочу пророчествовать и рисовать схему будущаго Россіи при имѣющихъ установиться новыхъ бытовыхъ условіяхъ въ Россіи. Но въ рамкахъ своей темы не могу не коснуться, хотя бы вскользь, вопроса о русской буржуазіи, прошлаго, настоящаго и въ особенности будущаго третьяго сословія Россіи: пока гораздо легче всего выговаривается третій элементъ, чѣмъ третье сословіе.

Я упоминалъ уже, что русская буржуазія въ прошломъ, какъ и все въ Россіи, носила служебный государственный характеръ, признавалась постольку, поскольку удовлетворяла нуждамъ государства и, начиная съ Петра, несомнѣнно, и до сего времени. „насаждалась" въ Россіи вмѣстѣ съ науками и искусствами. И никакихъ западно-европейскихъ узоровъ, въ родѣ своей исторіи, борьбы съ кѣмъ бы то ни было, на ея физіономіи не выткано. Какъ все въ Россіи, ея составъ въ прошломъ и настоящемъ носитъ тотъ же подвижный, мѣняющійся, неустойчивый характеръ.

Вчерашній крестьянинъ дѣлается сегодня милліонеромъ, а сынъ его завтра погружается въ тьму разночинческой неизвѣстности. Фирмы возникаютъ, фирмы гибнутъ съ невѣдомой Западной Европѣ быстротой, и, насколько мнѣ извѣстно, и теперь представители фирмъ, просуществовавшихъ столѣтіе, получаютъ дворянское званіе, какъ награду за великую и рѣдкую заслугу передъ отечествомъ. И если образованіе и образованность были

вообще скудно распространены въ культурныхъ русскихъ классахъ, то наиболѣе скудно представлены были они въ торгово-промышленномъ русскомъ классѣ. Да, теперь буржуазія—несомнѣнный фактъ русской жизни и можно говорить о ней, какъ о наиболѣе серьезной наростающей силѣ будущаго.

Она родилась вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ и крещена была крещеніемъ 60-хъ годовъ. Это такъ, уже по тому одному, что капиталистическая промышленность невозможна была при натуральномъ хозяйствѣ дореформенной Россіи. Теперь прошло больше 40 лѣтъ, и ея количественный и качественный составъ рѣзко измѣнился. Дѣти ея уже получаютъ образованіе; много университетскихъ значковъ въ ея средѣ; ея сыновья успѣли сдѣлаться докторами, инженерами, адвокатами, архитекторами, ея дочери выходятъ замужъ за дворянъ и людей либеральныхъ профессій—докторовъ, инженеровъ, адвокатовъ, и успѣло образоваться плотное ядро одѣтыхъ въ сюртуки съ университетскими значками людей либеральныхъ профессій, которыхъ такъ согласно люди, ни въ чемъ другомъ не согласные, вводятъ въ общую скобку русской интеллигенціи. Прошло слишкомъ 40 лѣтъ, народились два поколѣнія одѣтыхъ въ сюртуки, культурныхъ, образованныхъ людей... Что же внесъ онъ, какія традиціи выработалъ этотъ новый классъ русской жизни? Росло ли въ немъ самоопредѣленіе, классовое самосознаніе, выдѣлилъ ли онъ изъ себя классовую интеллигенцію? Намъ давно говорятъ, что извѣстному экономическому фундаменту, извѣстной общественной группѣ нужна извѣстная форма государственныхъ условій, обязательныхъ для нея, необходимыхъ, какъ рыбѣ вода... Полстолѣтія молодой жизни буржуазіи, жизни, обыкновенно такой бурной, такой стремительной, прошли въ томъ, что систематически ломалось и разрушалось въ государственныхъ формахъ именно то, что ей необходимо, какъ рыбѣ вода; постепенно на ея глазахъ оскудѣвалъ пока единственный доступный ей внутренній рынокъ, необходимый ей вдвойнѣ, какъ рыбѣ вода, и она, русская буржуазія, можетъ только расписаться: „при семъ присутствовала"... И когда нижегородскій „Волгарь" во время выставки грозно-нахмуренно сказалъ: „мы все можемъ"...—вышло только смѣшно и совсѣмъ не страшно.

Она опоздала выйти на историческую сцену, русская буржуазія, опоздала даже въ сравненіи съ рабочимъ классомъ и „третьимъ элементомъ"; у нея нѣтъ идеологіи, нѣтъ традицій, нѣтъ кассоваго сознанія, нѣтъ классовой интеллигенціи. Она съ голыми руками стоитъ передъ настоящимъ, и плечи ея не обременены никакой исторической ношей. Я знаю, при дезорганизаціи и паденіи дворянскаго землевладѣнія, и дворянства, какъ сословія, она будетъ наиболѣе реальной силой будущаго, но, повторяю, въ настоящее время кошель ея пустъ, она

опоздала пополнить его идеологическимъ содержаніемъ и, вмѣсто идеалистическаго предисловія юныхъ дней, у ней только послѣсловіе мудрости исторіи.

По спопутности нужно коснуться и дворянства, какъ сословія, его классового самосознанія, его классовой интеллигенціи. Только по спопутности, такъ какъ о дворянствѣ, какъ о цѣломъ и о чемъ нибудь, выражающемъ интересы и мнѣнія его, какъ цѣлаго, серьезно говорить нельзя. Именно съ тѣхъ поръ, опять таки съ 60-хъ годовъ, оно раскололось на двѣ не то что разновидности, а на два исключающихъ другъ друга сословія. Существуетъ, конечно, помѣстное дворянство, но уже давно, въ силу того же оскудѣнія, однимъ концомъ ударившаго по барину, другимъ—по мужику, оно все больше и больше, какъ и крестьянство, уходитъ на отхожіе промыслы, на сторонніе заработки. Оно уходитъ на службу къ той же буржуазіи, и значительная часть должна уже считаться настоящей буржуазіей; оно уходитъ — главная масса его—въ столичные департаменты или въ провинціальныя „палаты" или кормится на мѣстахъ старымъ русскимъ кормленіемъ, въ роли земскихъ начальниковъ. Интересы этихъ двухъ группъ — оставшагося помѣстнымъ и бюрократическаго дворянства, ихъ міропониманіе и классовое сознаніе—давно уже розошлись въ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ—да позволено мнѣ будетъ выразиться, въ пѣшемъ и конномъ направленіи.

Всякій знаетъ, что психологія и интересы идущаго и ѣдущаго человѣка всегда различны. Пѣшій человѣкъ медленно пробирается къ своему мѣсту, по своему дѣлу и всегда недоволенъ, что ѣдущіе люди забрызгиваютъ его грязью, норовятъ задѣть оглоблей, не даютъ пройти черезъ улицу въ свое мѣсто, а конный человѣкъ всегда сердится на пѣшихъ людей и находитъ, что они мѣшаютъ движенію.

Если помѣстное дворянство говоритъ, что ему важны интересы земледѣлія; что ему нужны такіе то тарифы, такіе-то международные договоры; что ему важно распространеніе образованія народнаго и сельско-хозяйственнаго, сельско-хозяйственное государственное строительство,—то ѣдущее въ государственной коляскѣ дворянство отвѣчаетъ тому помѣстному, что оно „мѣшаетъ движенію", что государству нужно развитіе промышленности, а не земледѣлія, и „насаждаетъ" эту промышленность, создаетъ потребные ей тарифы и договоры и строитъ политехникумы, вмѣсто сельско-хозяйственныхъ институтовъ. Дворянство на мѣстахъ, то пѣшее дворянство нуждается прежде всего въ устройствѣ своего мѣста, въ смыслѣ уюта его, въ смыслѣ возможности жить въ немъ: въ этотъ уютъ входитъ возможность свободнаго мѣстнаго строительства, мѣстная иниціатива; въ этотъ уютъ входитъ и грамотный работникъ, и граждански воспитанное крестьянство, которое бы, въ взаимныхъ съ нимъ столкновеніяхъ, не пользова-

лось патріархальными своими „средствіями“ типа пугачевщины, а культурными пріемами; входитъ несомнѣнно и статистика, и третій элементъ; поэтому оно дѣлаетъ въ земствѣ не дворянскія постановленія: о расширеніи земскаго представительства, объ освобожденіи крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія и объ уравненіи ихъ гражданскихъ правъ, и ходатайствуетъ объ освобожденіи отъ административной опеки, о расширеніи компетенціи земства, о возможности мѣстной иниціативы. А быстро несущееся по дорогѣ будущаго конное дворянство находитъ, что тѣ только мѣшаютъ движенію“, что идеалъ будущаго—именно сохраненіе трогательной патріархальности „святой скотины“, и на ходатайства мѣстныхъ людей отвѣчаетъ усиленіемъ губернаторской власти, установленіемъ процентнаго земскаго обложенія, изъятіемъ изъ компетенціи земства дѣла образованія, продовольственнаго дѣла, борьбы съ эпидеміями, цинично откровенными циркулярами московскаго инспектора народныхъ училищъ, чтобы не учить мужика считать дальше тысячи, не менѣе циничнымъ и столь же откровеннымъ знаменитымъ опредѣленіемъ мѣстныхъ потребностей, такой же увѣренностью, что это совсѣмъ не мѣстное дворянство ходатайствуетъ, а третій элементъ науськиваетъ... И когда мѣстные дворяне проявляютъ слишкомъ много иниціативы въ устройствѣ своего мѣста, тогда изъ столицы пріѣзжаютъ самые лихіе наѣздники и учиняютъ ревизію съ пристрастіемъ,—дознаются, не слишкомъ ли комфортабельно устроились мѣстные дворяне, не занимаются ли статистикой, не слишкомъ ли много третьяго элемента и не выучился ли мужикъ считать дальше тысячи?.. Отсюда выходитъ этотъ удивительный самобытный русскій винигретъ дворянскаго классоваго сознанія. Этимъ объясняется кажущійся многимъ необъяснимымъ винигретъ въ головѣ преимущественно коннаго, но временами и пѣшаго, центробѣжнаго и центростремительнаго дворянина. Отсюда выходитъ тотъ винигретъ послѣднихъ дворянскихъ собраній, когда встрѣтились конные и пѣшіе, но жаждущіе влѣзть на коня, дворяне съ настоящими помѣстными дворянами,—встрѣтились двѣ разныхъ категоріи интересовъ, два разныхъ міропониманія.

Если устранить изъ поля зрѣнія промышленныхъ рабочихъ, организующихся по западно-европейскому образцу, и земледѣльческую крестьянскую массу населенія, давно выработавшую свою идеологію и имѣющую совершенно опредѣленную, необыкновенно яркую, простую и вполнѣ русскую программу, и говорить только о культурныхъ классахъ Россіи, — то можно признать до сего времени лишь двѣ организованныя общественныя группы въ Россіи: русскую бюрократію и русскую интеллигенцію, представляющихъ старое и новое государственное опредѣленіе. Только у нихъ обѣихъ имѣется ясно опредѣленное міропониманіе, и борьба въ прошломъ, и идеологія, и точно формулированныя программы. Я не знаю, я не хочу

предсказывать будущаго Россіи; не знаю, превратится ли она, до сей поры несомнѣнно земледѣльческая Россія, въ капиталистическую промышленную страну, и чьи классовые интересы лягутъ во главу государственнаго угла, но для меня несомнѣнно одно, что дворянство и буржуазія опоздали выйти на историческую сцену, что ни дворянство не сдѣлается такой реальной силой будущаго, какъ въ Англіи, ни буржуазія не займетъ въ Россіи положенія французской буржуазіи. Бюрократическая эволюція—не мудреная; „приказчики", по превосходному мудрому выраженію С. Ю. Витте, при маленькой поправкѣ исторіи, откажутся отъ „превышенія власти" и встанутъ на свое, единственно приличествующее имъ, приказчичье мѣсто. Есть основаніе предусматривать и будущую эволюцію русской интеллигенціи. Несомнѣнно, она будетъ демократизироваться все болѣе и болѣе; болѣе и болѣе будутъ просачиваться въ нее общественно думающіе и общественно чувствующіе элементы снизу. Но можно думать, что ея традиція, ея идеологія останутся тѣми, какими вошли въ сознаніе, въ плоть и кровь уже двухъ поколѣній, и прошлое останется ея постоянно наростающимъ капиталомъ.

VII.

Если русскіе культурные классы опоздали выйти на историческую русскую сцену, то сама Россія опоздала выйти на міровую сцену и кроетъ крышей свой домъ въ то время, какъ пыль временъ густыми слоями успѣла лечь на западно-европейскія крыши.

Такъ будетъ и впредь, и, несомнѣнно, западно-европейская жизнь будетъ ставить раньше насъ свои програмные вопросы, и, вѣроятно, мы будемъ ихъ получать оттуда съ историческимъ послѣсловіемъ.

Если мы оглянемся на истекшій девятнадцатый вѣкъ, мы должны будемъ отмѣтить одинъ характерный програмный фактъ западно европейской исторіи—группировку общественныхъ силъ, ихъ групповое самоопредѣленіе и проведеніе въ жизнь ихъ групповыхъ интересовъ. Эта группировка совершалась въ двухъ направленіяхъ: классовая группировка и національная группировка. Онѣ шли, не смѣшиваясь, привходя одна въ другую, но совершая отдѣльную эволюцію. Въ конечномъ результатѣ онѣ приведутъ къ одному и тому же, къ программному вопросу двадцатаго вѣка — всеевропейской группировкѣ классовыхъ людей и къ раскрытію національныхъ скобокъ, по крайней мѣрѣ Европы. Процессъ собиранія классовъ еще не законченъ, но мы наканунѣ его собиранія и, если національные синдикаты промышленности готовы раскрыть національныя скобки и объединить европейскую

промышленность, то и западно-европейскіе рабочіе—это уже фактъ настоящаго — объединятся въ европейскій союзъ. Другой процессъ группировки—собираніе національностей—уже почти законченъ въ смыслѣ объединенія Германіи, Италіи, и вполнѣ законченъ въ сознаніи народовъ. Превосходно выразилъ это Ибсенъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „сначала я былъ норвежецъ, потомъ скандинавецъ, теперь я нѣмецъ". И не только законченъ, но успѣлъ сказать свое австрійское послѣсловіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, программнымъ вопросомъ будущаго, будетъ собираніе Европы, раскрытіе національныхъ скобокъ. Это сдѣлаетъ не только логика классовыхъ интересовъ, но и работа межнаціональной, международной интеллигенціи,—не только товары, но и идеи.

Я знаю, меня обвинятъ въ утопіи и въ рискованныхъ гаданіяхъ будущаго; но намъ, современникамъ, всегда заслоняетъ глаза сегодняшній день, и короткій взглядъ сегодняшняго дня всегда переоцѣниваетъ факты настоящаго и мало расцѣниваетъ факты будущаго. Именно за истекшую четверть вѣка возникла и начала вырисовываться въ будущемъ эта международная, межнаціональная и неклассовая интеллигенція, выросшая изъ норвежца въ нѣмца. Я говорю не о Гаагской конференціи, я говорю о томъ невѣсомомъ и трудно регистируемомъ движеніи въ умахъ и сердцахъ общественно думающихъ и общественно чувствующихъ силъ Западной Европы, выражающемся въ постоянно наростающемъ сближеніи національныхъ интеллигенцій. За крѣпостями, окруженная границами, подъ громъ пушекъ, подъ шумъ дипломатическихъ союзовъ и контръ-союзовъ, она еще не реализировалась въ фактахъ, но она и теперь несомнѣнная реальная сила. Я не хочу сказать, что двадцатый вѣкъ кончитъ эту работу, но несомнѣнно объединеніе Европы будетъ программнымъ вопросомъ двадцатаго вѣка. И на рубежѣ будущаго вѣка будущій Ибсенъ скажетъ: „мы были нѣмцами, англичанами, французами, итальянцами, русскими,—теперь мы европейцы". Уже одно прекращеніе войнъ въ Европѣ и раскрытіе скобокъ границъ измѣнитъ въ корнѣ структуру государствъ, внесетъ большія поправки въ теоретическія построенія и въ корнѣ измѣнитъ „общественное поведеніе".

Отправляться въ теоретическихъ построеніяхъ и практическихъ предвидѣніяхъ отъ прошлаго къ будущему; неустанно, съ должной вдумчивой объективностью разбираться въ непрерывно наростающемъ и осложняющемся настоящемъ; безъ поклоненія какимъ бы то ни было молохамъ, съ полнымъ сознаніемъ всего человѣческаго разнообразія группировки общественныхъ силъ и силоотношеній точно діагносцировать историческій моментъ, когда необходимо временно отказаться отъ тактики отдѣльныхъ классовыхъ интересовъ и объединиться всѣмъ гражданамъ страны во имя такихъ же реальныхъ, общихъ, нравственно обязательныхъ всѣмъ гражданам интересовъ, и устанавливать „обществен-

ное поведеніе", въ строгомъ соотвѣтствіи съ „историческими моментами"—таковы задачи всякой „интеллигенціи страны".

С Елпатьевскій.

Новыя книги.

Альманахъ Грифъ. Москва. 1905.

Декаденты протестовали противъ школы во имя свободы творческой индивидуальности. Личность есть нѣчто неповторяющееся; цѣнно именно то, что отличаетъ ее отъ другихъ; выразить это отличіе—вотъ задача искусства, выразить себя—вотъ задача художника. Въ теоріи это было ясно и несомнѣнно, на практикѣ получилось нѣчто иное. Получилось вотъ что: пересмотришь такой сборникъ, вродѣ лежащаго передъ нами, перечитаешь съ сотню стихотвореній, познакомишься съ десяткомъ, а то и двумя новыхъ „творческихъ индивидуальностей", закроешь книжку—и всѣ они сольются въ одну массу, шумную, но однообразную. Не отличишь способныхъ отъ бездарныхъ, болѣе крупныхъ отъ ничтожныхъ: Андрея Бѣлаго отъ Миропольскаго, Александра Блока отъ Виктора Гофмана, А. Койранскаго отъ Бальмонта. Всѣ наловчились, всѣ усвоили манеру, всѣ пишутъ объ одномъ, по преимуществу о чертовщинѣ съ клубничкой и о смѣлости своихъ дерзновеній. Весьма употребительны также заглавныя буквы въ въ текстѣ, а равно необычайныя собственныя имена: Ликиска, Мелисанда, черный Мара, Өразиллидъ, Аруру, Хеабани, Ухату. И въ прочемъ все обстоитъ въ высшей степени благополучно. По прежнему поэты стараются „ошарашить буржуя", по прежнему въ мечтаніяхъ и настроеніяхъ играютъ роль ненасытныя наяды, дріады и даже „сатирессы". Г. Бальмонтъ на этотъ разъ въ семнадцати стихотвореніяхъ воспѣваетъ „цвѣта", и не только „хрустально-серебристый" и „нѣжно-лиловый", но даже „опалово-зимній", „горицвѣтный" и „предразсвѣтно-лиловый". Каждому посвящено по нѣсколько звучныхъ строфъ, смыслъ которыхъ, вѣроятно, ясенъ поэту. О красномъ цвѣтѣ онъ поетъ:

Когда, какъ безгласно-цвѣточные крики,
Увижу я вдругъ на іюльскихъ лугахъ
Капли крови въ гвоздикѣ,
Внутри, въ лепесткахъ,
Капли алыя крови живой,
Юной, страстной, желаніе ласкъ, и дѣленія чуждой на „мой"
или „твой",—

Мнѣ понятно, о чемъ такъ гвоздика мечтаетъ,
Почему лепестки опьяненному солнцу она подставляетъ:
Вижу, вижу, вливается золото въ алую кровь,
И теряется въ ней, возрождается вновь,
Взоръ глядитъ и не знаетъ, гдѣ именно солнце,
Гдѣ отливы и блескъ золотого червонца,
Гдѣ гвоздики дѣвически-нѣжной любовь.

Мы прервали бы эту цитату раньше, но пришлось довести ее до точки. Однако, и половины ея было бы достаточно, чтобы показать, какъ пуста эта риторика, какъ мало въ ней поэзіи; все больше выдумки, все меньше вдохновенія: таковъ путь, проходимый русской лирикой, если согласиться, что наше декадентское стихотворство есть въ самомъ дѣлѣ этапъ на этомъ пути.

Другой поэтъ съ именемъ, представленный въ „Альманахѣ"— Ѳедоръ Сологубъ по прежнему воспѣваетъ своихъ „инкубовъ" и „суккубовъ":

Но говоритъ мнѣ вѣдьма: „Снова
Вѣщаю тайну бытія.
И нѣтъ, и не было иного,—
Но я—твоя
. . . .
Упала бѣлая рубаха,
И предо мной, обнажена,
Дрожа отъ страсти и отъ страха
Стоитъ она.

Стихотвореніе удалось г. Сологубу, оно сильно и выразительно Остается пожелать, чтобы какой-нибудь талантливый иллюстраторъ изобразилъ эту великолѣпную сцену: голая вѣдьма, искушающая невинность г. Ѳедора Сологуба.

Говорить ли о прочихъ? У нѣкоторыхъ есть недурныя вещи, но онѣ не нужны; у нѣкоторыхъ—курьезы. Когда-то эти курьезы были смѣшны, теперь они скучны. Есть въ сборникѣ и теоретическія статьи. Въ нихъ, какъ и въ символистскихъ стихахъ, перелагаются въ неясныя формы мысли давно уясненныя, извѣстныя, выраженныя въ доброй, честной прозѣ. Эпиграфовъ—въ противность установившемуся декаденскому обычаю,—нѣтъ. А между тѣмъ, мы могли бы предложить одинъ, очень подходящій къ этимъ философскимъ разсужденіямъ:

Грядой клубится бѣлою
Надъ озеромъ туманъ...

„Въ поискахъ свѣта". Сборникъ подъ редакціей **П. А. Травина.** Москва. 1904.

Такъ какъ терминъ „писатели изъ народа", странно выдѣляющій по происхожденію какую-то особую группу среди литературныхъ работниковъ, пользуется тѣмъ не менѣе общимъ

признаніемъ, то намъ приходится опредѣлить литературный характеръ сборника „Въ поискахъ свѣта", пользуясь именно этимъ терминомъ: въ сборникѣ участвуютъ почти исключительно (повидимому) писатели изъ народа. И, къ сожалѣнію, мы должны сказать, что во всѣхъ напечатанныхъ вещахъ слишкомъ мало того, что нужно: слишкомъ мало таланта и слишкомъ мало содержанія. Въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ почти *нѣтъ* художественной формы, какъ нѣтъ и идейнаго содержанія. Но унылаго горя и душевной неудовлетворенности и душевной боли въ этихъ грубо сдѣланныхъ стихотвореніяхъ очень много, и это мѣшаетъ читателю улыбаться даже, когда „редакція" объясняетъ живую необходимость въ появленіи своего сборника тѣмъ, что писателямъ, которые не имѣютъ ни родства, ни знакомства въ литературныхъ кругахъ, очень трудно пробить себѣ дорогу, такъ какъ старые писатели „боятся появленія новыхъ писателей". Это такъ же вѣрно, такъ же наивно, такъ же понятно и такъ же, конечно, искренно, какъ и слѣдующіе стихи г. Скоморохова:

Шумомъ множествомъ затѣй
Вся полна столица,
И мудреныхъ тамъ рѣчей
Много говорится.
Но въ защиту бѣдноты
Не слыхать и слова...

Что же читаютъ эти злополучные поэты, передающіе въ стихахъ жалобы о томъ, какъ въ дальней деревушкѣ...

Денегъ нѣтъ, навѣрно
Нѣту и муки...

если имъ, при благосклонномъ содѣйствіи министерскихъ каталоговъ для чтенія, кажется, что во всей русской литературѣ не слыхать ни слова въ защиту бѣдноты? И не было ли нравственной обязанностью „редактора" сборника вмѣсто того, чтобы содѣйствовать печатанію стиховъ, не имѣющихъ литературной цѣнности, и раздувать въ авторахъ-самородкахъ ложное чувство обиды отъ „литературнаго кумовства",—снять съ нихъ, своихъ товарищей по сборнику, тяжелое, явно неосновательное сознаніе заброшенности рабочей массы, поскольку рѣчь идетъ о русской интеллигенціи и русской литературѣ? Или и „редакторъ" изъ народа—самъ такихъ же мнѣній держится?.. Невеселыя мысли наводитъ эта маленькая литературная подробность: если даже „писатели изъ народа" не чувствуютъ своей связи съ русской литературой и русской интеллигенціей, то что же сказать о темной массѣ? И когда же это кончится? Замѣтимъ, что г. Скомороховъ не единственный: въ такомъ же точно тонѣ обличаетъ г. Аникановъ въ своихъ „Трудахъ крестьянина":

...Напрасно *бѣлоручки*
Плохо цѣнятъ мужиковъ...

Вообще, весь сборникъ „Въ поискахъ свѣта“ меньше всего свидѣтельствуетъ о томъ, что авторы близки къ тому, чтобы найти необходимую имъ дорогу. Чувствуется только смутная неудовлетворенность своимъ положеніемъ. Жить плохо—веселыхъ стихотвореній почти нѣтъ. Но отчего плохо—неизвѣстно. Ясно только одно: если кто запилъ, когда „нужда къ нему придетъ“, тогда всему конецъ. Если бы нужно было назвать два слова, которыя чаще всего встрѣчаются въ сборникѣ, то это оказались бы: „водка“ и „Богъ“. Водку проклинаютъ, но и благословляютъ:

Лучше водки—въ жизни
Нѣту ничего.

За воздержаніе отъ водки хвалятъ:

По сосѣдству съ нами
Жилъ Степанъ-старикъ
. . . .
Набожный, смиренный,
Водки зря не пилъ...

но злоупотребленіе ею оправдываютъ:

И, какъ всѣ, частенько
Съ горя запивалъ.
Жизнь мастерового
Вся въ сплошномъ трудѣ,
Ни уму, ни сердцу
Доли нѣтъ нигдѣ...

Тотъ же самый г. Аникановъ, который хвалилъ старика, что „водки зря не пилъ“, въ другомъ стихотвореніи („Въ трудную минуту“) говоритъ:

Душа тоской полна
И вздулись жилы рукъ...
. . . .
Тружусь и день, и ночь,
Всю жизнь вина не пью,
Но стало мнѣ не въ мочь
Кормить свою семью.
. . . .
Нѣтъ силъ кормить дѣтей
Бездольнымъ въ городахъ.

Есть ли какой нибудь выходъ изъ этого? Авторамъ, повидимому, кажется, что нѣтъ, и потому вторая опредѣленная черта всего сборника, это—скорбная религіозность. Не та надуманная стильная религіозность, которая теперь такъ же въ модѣ, какъ извѣстный покрой платья, а настоящая мужицкая религіозность, какъ средство успокоиться и избыть душевную замученность человѣка, которому

Нѣтъ силъ кормить дѣтей...

Читатель самъ можетъ судить, какое грустное впечатлѣніе производятъ „поиски свѣта" всѣхъ этихъ „задумчивыхъ людей", у которыхъ „тяжесть ихъ думъ увеличена слѣпотою ихъ разума", говоря словами М. Горькаго.

Мы внимательно прослѣдили всѣ стихотворенія въ сборникѣ, чтобы не пропустить въ немъ хотя бы отдѣльныя красивыя строки. Цѣльныхъ красивыхъ стихотвореній мы не нашли ни одного, но отдѣльныя красивыя мѣста оказались въ стихотвореніи г. Шкулева, которое приводимъ цѣликомъ.

Были думы, были пѣсни,
Былъ и жаръ въ моей крови,
Было къ лучшему стремленье,
Сердце билось для любви.
Были грезы, сновидѣнья,
Много было силъ въ груди,
Дивнымъ, свѣтлымъ ореоломъ (?)
Жизнь казалась впереди.
Но умчалось это время,
Годы лучшіе прошли,
На челѣ моемъ морщины,
Словно змѣи, пролегли.
И живу теперь я въ мірѣ
Какъ былинка, одинокъ...
Лишь не гаснетъ въ моемъ сердцѣ
Свѣтлой правды огонекъ.

Красивыя мѣста есть еще въ трехъ стихотвореніяхъ: гг. Плохова („На Волгѣ"), Гордѣева („Вечерняя молитва") и Струве-Маровскаго. Стихотворенія мѣстами недурны и по настроенію, и по формѣ, но производятъ впечатлѣніе написанныхъ подъ сильнымъ вліяніемъ хорошихъ литературныхъ образцовъ.

Зеленый сборникъ стиховъ и прозы. Книгоиздательство „Щелканово". Спб. 1905 г.

По свидѣтельству одного изъ поэтовъ „Зеленаго сборника"— г. Верховскаго, даже коростель и тотъ нынче живетъ

. . . . погруженный
Въ таинство ночи...

Что же мудренаго, что гг. Ю. Верховскій, Вл. Волькенштейнъ, К. Жаковъ, П. Конради, М. Кузминъ и В. Менжинскій составили и выпустили цѣлый сборникъ стиховъ и прозы и все о тайнахъ въ мірѣ и въ душѣ человѣка.—Г. Кузминъ сразу озадачиваетъ читателя сообщеніемъ, что его душа есть въ нѣкоторомъ родѣ царское письмо. По свѣдѣніямъ г. Кузмина цари переписываются письмами, которыя написаны симпатическими чернилами:

Бываетъ нужно правду съ ложью сплесть,
Простыя рѣчи съ истиной гласящей (?),

Чтобы не могъ слуга неподходящій
Тѣ думы царскія врагу донесть...

Получая такое письмо, цари подносятъ его къ свѣчкѣ, нагрѣваютъ письмо—буквы выступаютъ, и все письмо ясно. Такъ же точно г. Кузминъ умоляетъ свою возлюбленную поступать съ его душой поэта. Только, конечно, не прибѣгая къ нагрѣванію г. Кузмина на свѣчкѣ. Поэтъ полагаетъ, что это съ успѣхомъ можетъ замѣнить „пламя любви".

Вообще, г. Кузминъ очень впечатлительный человѣкъ въ вопросѣ любви, и когда „Она" однажды уѣзжала, скорбь поэта была „сверхъ силъ и сверхъ мѣры".

Страдали такъ лишь мученики вѣры
. . . .
Когда терзала ихъ желѣзная пила,
Жралъ рыжій левъ, иль пестрыя пантеры...

Увы! дамы нынче, хотя и „стройныя", но страшно безчувственныя! Даже и для человѣка, который изъ-за дамъ страдаетъ, какъ будто бы его „жралъ рыжій левъ", онѣ не дѣлаютъ исключенія:

Вы, дамы милыя, безъ сердца что ли?
Какъ вы гуляете спокойны и ясны,
Когда я плачу безъ ума, безъ воли,
Сквозь плачъ гляжу на нѣжный блескъ весны?

Просто удивительно, до чего очерствѣли милыя дамы! Ума не приложишь, отчего бы это?

У г. Верховскаго такія же тяжелыя недоразумѣнія—съ Кассіопеей. По стихотворенію № 3 отношенія между ними какъ будто бы самыя пріятныя. Разыскавъ Кассіопею „за туманомъ дымныхъ облаковъ", поэтъ привѣтствуетъ ее словами: „Старый другъ, прекрасный и родной..." Но въ стихотвореніи № 4 онъ откровенно признается, что онъ не понимаетъ Кассіопеи:

Вотъ Кассіопея
Смотритъ вдохновенно
И шестью звѣздами
Въ бытіи единомъ,
Кажется, слита.
Тамъ (?) міры созвѣздій
Въ трепетѣ далекомъ
Говорятъ о тайнѣ
Сокровенной связи,
Вѣдомой землѣ.

То было не раннею весной, а въ холодную августовскую ночь, по указанію автора, его спутника отъ созерцанія „стараго друга, прекраснаго и родного" стала пробирать дрожь. Но г. Верховскому и это кажется тайной. Онъ утѣшаетъ спутника:

Ты дрожишь невольно...

Но смотри на звѣзды:
Тайна холодна.

Всѣ тайны могъ бы, конечно, разобрать мудрый коростель, погруженный въ таинство ночи, но онъ, вѣроятно, былъ къ тому времени кѣмъ-то подстрѣленъ и съѣденъ. Такъ или иначе, но, тайна не раскрыта.

Но она живетъ...

Не меньше чудесъ у г. Жакова. Онъ пораженъ, что люди такъ попросту говорятъ о природѣ, что она „вещественна", когда самое понятіе вещества, это—„чудо между тайнами", неразъяснимое даже и послѣ разъясненій г. Жакова въ „Пѣсняхъ Пама-Буръ-Морта":

Моя сущность и Твоя—одно;
Я—удивленіе Твое передъ Тобой,
Твои слова, Твое сердце...
Черезъ меня Ты взглянула на Себя.
Моя смерть—минутная дремота Твоя.
Ты Себѣ сама поешь пѣсни Свои...
Моя пѣсня—довлѣетъ себѣ. Эта пѣсня—Твоя.
Я—Ты, я слушаю пѣсни мои,
Я Себѣ молюсь и плачу передъ Собою...
Я плачу передъ Собою...
Пѣсня и слезы—сущность Моя.

Но всего не перескажешь, и мы должны отказать себѣ въ удовольствіи разсказать и о г. Вольkенштейнѣ, который не можетъ видѣть, какъ

Заливъ оцѣпенѣлъ подъ бѣлыми снѣгами.
И бродитъ смерть по нимъ...

и „О сапожникѣ, котораго засталъ царскій писецъ молящимся въ церкви Святой Богородицы въ Халкопратіи" (такая въ „Сборникѣ" поэма есть), и о многомъ другомъ, неподдѣльно-веселомъ.

Мы разскажемъ еще только о „Свободѣ", какъ она представляется г. Менжинскому, автору „Романа Демидова". Герой этого романа имѣлъ 300 тысячъ, но служилъ кандидатомъ на судебныя должности (нѣкоторые называютъ это кандидатствомъ на съѣдобныя должности), дерзилъ предсѣдателю суда, и тотъ не подавалъ герою руки. Все это, однако, мелочи фабулы; суть же заключается въ томъ, что Демидовъ „хотѣлъ добиться полной внутренней свободы, чтобы не быть связаннымъ своими вчерашними поступками и сегодняшнимъ убѣжденіемъ". И онъ добился этого. Онъ—эстетъ, но вращается среди учителей и учительницъ воскресной школы, для которыхъ его сюртукъ, сшитый у Тедески, преступленіе противъ общественной нравственности. Мало того, онъ даже женился на завѣдующей этой школой. Но она до такой степени оказалась пропитанной убѣжденіями, такъ много

говорила честныхъ глупостей (несомнѣнныхъ глупостей) за короткое время счастливаго супружества, что герой въ концѣ концовъ разлюбилъ свою завѣдующую и влюбился въ ремингтонистку окружного суда. Здѣсь онъ и нашелъ настоящее счастье, свободу и гармонію... Насколько все въ законной женѣ отзывалось правилами, вплоть до педантической „чистоты и аккуратности“ — какъ у „классной дамы“, — настолько у незаконной все оказалось непосредственнымъ. Она ходила въ „грязныхъ юбкахъ“ съ „оборванными тесемками“ и съ „обтрепанными подолами“ (и на службу?), и это казалось эстету, облеченному въ сюртукъ отъ Тедески, чрезвычайно стильнымъ. Глядя на свою вторую властительницу думъ, онъ „находилъ прелесть“ въ ея грязной юбкѣ: „Она вся такая непосредственная, живетъ чувствомъ. *Ей бы не шло* заботиться, что ей идетъ, нѣтъ ли дыръ...“

Конечно, законная жена сперва страдала, какъ будто бы ее „жралъ рыжій левъ“, но потомъ утѣшилась и, слѣдуя цивическимъ принципамъ, пришла гостьей въ „свинарникъ“ (ея выраженіе) къ мужу и своей разлучницѣ. Пришла, увидѣла стильный „свинарникъ“ и стала негодующе... освобождать новый рояль отъ наваленнаго на него хлама, подъ шутки своего мужа, который „добродушно“ смѣялся, „любовался“ негодованіемъ Елены Игнатьевны — своей законной жены, говоря, что какъ только Анна Николаевна, его незаконная жена, разрѣшится отъ бремени, они „и грязныя пеленки“ будутъ валить на тотъ же рояль... Въ концѣ концовъ законная жена бѣжитъ въ кухню, схватываетъ пыльную тряпку и „принимается“ *весело*... вытирать рояль, буфетъ, подоконники, въ то время, какъ незаконная жена, обмѣнивается съ героемъ страстнымъ рукопожатіемъ при передачѣ кофты, поднятой на полу... Всѣ оказались довольны.

Что-жъ дѣлать! давно сказано: не любо, не слушай... Нѣтъ причинъ дѣлать исключеніе для веселыхъ авторовъ „Зеленаго сборника“.

Сельма Лагерлефъ. Въ Іерусалимѣ. Романъ. Пер съ шведскаго М. И. Благовѣщенской. Библіотека „Другъ“ О. Н. Поповой. Спб.

На фонѣ своеобразнаго религіознаго движенія, охватившаго четверть вѣка назадъ нѣкоторыя группы шведскаго крестьянства, талантливая романистка сумѣла нарисовать нѣсколько образовъ выдающейся силы. Ея разсказъ изображаетъ тотъ моментъ, когда сѣверные крестьяне, не удовлетворяясь пассивнымъ благочестіемъ оффиціальнаго протестанства, стали искать безыскусственнаго религіознаго слова, живаго религіознаго дѣла. Многообразныя сплетенія, получающіяся всегда въ такомъ сложномъ общественно-психологическомъ явленіи, какъ исканіе новой вѣры, нашли въ шведской писательницѣ сильнаго изобразителя. Здѣсь и мистики, и раціоналисты, и вожаки, сумѣвшіе вызвать движеніе, но не

умѣющіе сладить съ нимъ, и люди толпы, покорные и безвольные, и самостоятельныя крѣпкія натуры, которыя идутъ своимъ путемъ даже тогда, когда идутъ съ другими. Внѣшняя рамка разсказа проста. Неудовлетворенная религіозная жизнь переходитъ въ небольшой шведской деревнѣ въ религіозное возбужденіе. Подъ вліяніемъ этого возбужденія крестьяне сперва съ мѣстнымъ учителемъ во главѣ создаютъ внѣцерковное религіозное общеніе, строютъ домъ для свѣтскихъ проповѣдей. Учитель, человѣкъ искренній, умный, однако самонадѣянный, расчитываетъ быть всегда безспорнымъ духовникомъ этой вольной общины; но раціоналистическая покладка мистическаго общенія даетъ себя знать тамъ, гдѣ онъ этого не ожидалъ: его паства оспариваетъ его исключительное право на поученіе, и самозванные проповѣдники смѣняютъ другъ друга на каѳедрѣ. Растутъ запросы, растетъ броженіе, охватившее людей мистическимъ огнемъ, ищущимъ исхода. Въ это время пріѣзжаетъ въ деревню ея бывшій обыватель, основавшій въ Америкѣ религіозное общежитіе, крѣпкое, сплоченное и нетерпимое. Догматическія основы его ученія неясны, но онъ заражаетъ односельчанъ своими порывами. Горній Іерусалимъ сливается въ ихъ неясномъ сознаніи съ Іерусалимомъ реальнымъ, и религіозные шведы рѣшаютъ переселиться въ Палестину. Сцена ихъ прощанія съ родной землей написана съ потрясающей силой. Вторая часть романа застаетъ ихъ въ Святой Землѣ. Здѣсь имъ приходится пережить много испытаній и уладить много внутреннихъ нестроеній. Источникомъ послѣднихъ является по преимуществу то, что экзальтированные искатели внутренняго Бога—какъ это часто бываетъ—освободили себя отъ активнаго отношенія къ жизни; они отказываются работать за деньги, но живутъ на счетъ богатой американской благотворительницы, устроившей общину. Какъ ни интересна судьба этого своеобразнаго религіознаго общежитія, не она привлекаетъ преимущественное вниманіе автора, а психика отдѣльныхъ лицъ, такъ или иначе втянутыхъ въ движеніе. Романъ, можно сказать, заполненъ яркими индивидуальностями, и большія трагедіи, исчерпывающія его содержаніе, разыгрываются между большими людьми. Все значительно и сильно въ средѣ этого могучаго мужицкаго племени; и его рѣшительность и мужество въ исканіи правды способны увлечь даже того, кому чужды избранные имъ пути. Чужды ли они также автору? Едва ли. Во всякомъ случаѣ въ этомъ романѣ ему чуждъ тотъ тепловатый піэтизмъ интеллигентнаго протестантства, который такъ далекъ отъ непосредственныхъ религіозныхъ исканій народной души.

Орисонъ Светъ-Марденъ. Строители судьбы или путь къ успѣху и могуществу. Изд. О. Н. Поповой. Спб.

Съ Запада къ намъ перешелъ дурной обычай: издатели перепечатываютъ въ своихъ объявленіяхъ хвалебные отзывы газетъ и журналовъ объ ихъ изданіяхъ и ихъ дѣятельности. Когда-то это считалось дѣломъ неподходящимъ; теперь на обложкѣ изданій г-жи Поповой мы можемъ найти авторитетное сообщеніе уважаемаго „Южнаго Края", что г-жа Попова энергичная издательница и что для изданія она „выбираетъ всегда произведенія полезныя, литературныя и серьезныя" и даже „исключительно прогрессивныя". Послѣдній эпитетъ звучитъ особенно торжественно въ устахъ „Южнаго Края": читаешь и не знаешь, имѣешь ли дѣло съ панегирическимъ указаніемъ или съ „юридическимъ". Конечно, панегирикомъ „Южнаго Края" можно бы не хвалиться, но это дѣло взгляда. Въ общемъ противъ него возражать не приходится: г-жа Попова дѣйствительно издала много хорошихъ книгъ, и если мы на этотъ разъ должны отмѣтить исключеніе, то лишь для того, чтобы оттѣнить всю его странность. Съ годъ назадъ г-жа Попова издала другую книгу того же Орисонъ Светъ-Мардена, съ которымъ она настойчиво продолжаетъ знакомить русскихъ читателей. Это была книга потрясающей ненужности; однако, разъ можно было ошибиться. Но почтенная издательница представляетъ намъ новое произведеніе американскаго моралиста и заставляетъ еще разъ выразить мнѣніе о его творчествѣ.

На обложкѣ подъ заглавіемъ значится: „Книга, имѣющая цѣлью вдохновить молодежь къ выработкѣ характера, самостоятельности и благородной дѣятельности". Авторъ объясняетъ въ предисловіи, что „никакія дидактическія и догматическія поученія, какъ бы блестящи они ни были, не плѣнятъ современнаго юношу, душевный строй котораго доведенъ до высшаго напряженія подъ вліяніемъ интенсивной цивилизаціи"; поэтому онъ старался „посредствомъ строго подобранныхъ, существенныхъ и цѣлесообразныхъ примѣровъ дать болѣе наглядное, чѣмъ догматическое изложеніе предмета, заботясь скорѣе о его практичности, чѣмъ объ изяществѣ слога, и болѣе о пригодности, чѣмъ о новизнѣ".

Въ общемъ книга представляетъ собою кучу анекдотовъ, цитатъ, изреченій, притянутыхъ за волосы и насильственно распредѣленныхъ по случайнымъ категоріямъ. Для характеристики достаточно отмѣтить немногое изъ этихъ многочисленныхъ парабoлъ и поученій. Глава XV, трактующая о „Силѣ мелочей", открывается такимъ убѣдительнымъ фактомъ: „Хорошенькая ножка Арлетты, блеснувшая въ водѣ ручья, сдѣлала ее матерью Вильгельма Завоевателя—говорится въ „Исторіи Нормандіи и Англіи" Пальгрэва.—Если бы она не очаровала такъ нормандскаго герцога Роберта Щедраго, Гаролодъ не палъ бы при Хастингсѣ, не возникла бы англо-норманская династія, не было бы Британ

ской имперіи". Далѣе, между прочимъ, говорится: „Лондонскій купецъ Вильямъ Кэкстонъ, ѣздившій въ Голландію за сукнами, купилъ нѣсколько книгъ и шрифта и открылъ типографію въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, гдѣ въ 1474 году онъ издалъ „Шахматную игру" — первую книгу, напечатанную въ Англіи. „Плачъ ребенка Моисея привлекъ вниманіе дочери Фараона и далъ евреямъ законодателя". Птица, сѣвшая на вѣтку передъ входомъ въ пещеру, гдѣ скрывался Магометъ, отвратила его преслѣдователей и дала пророка многимъ народамъ"... Великолѣпно въ своемъ родѣ изреченіе: „Первый желудь заключалъ въ себѣ всѣ будущіе дубовые лѣса на землѣ". Съ естественными науками американскій моралистъ вообще не въ ладу, такъ что даже переводчикъ счелъ нужнымъ поправить его тамъ, гдѣ онъ былъ слишкомъ нелѣпъ, какъ, напримѣръ, въ утвержденіи, что „постоянныя огорченія, долгая и ожесточенная зависть, безпрерывныя заботы и слѣдующая тоска иногда способствуютъ развитію рака". Эта юмористическая патологія, однако, блѣднѣетъ предъ этическими соображеніями такого рода: „Я часто съ удивленіемъ думаю, до такой степени эгоизма и жестокосердія дошелъ бы родъ человѣческій, если бы милостивое Провидѣніе не помѣщало среди насъ бѣдныхъ и несчастныхъ, чтобы видомъ ихъ бѣдствій побуждать насъ поддерживать искру любви и милосердія, заложенную въ человѣческую душу".

Кажется, довольно. Но для того, чтобы судить объ общей убѣдительности параболъ Светъ-Мардена, еще одинъ примѣръ. Глава XXI посвящена фактамъ, свидѣтельствующимъ о господствѣ духа надъ тѣломъ; среди нихъ находимъ такой: „одинъ несчастный пошелъ повѣситься, но, найдя случайно горшокъ съ деньгами, отбросилъ веревку и поспѣшилъ домой; тотъ же, кто спряталъ золото, не найдя его, повѣсился на той самой веревкѣ, которую оставилъ первый". Таковы „строго подобранные, существенные и цѣлесообразные примѣры", которые должны „вдохновить молодежь къ выработкѣ характера". Въ главѣ о книгахъ авторъ настоятельно совѣтуетъ сохранять въ вырѣзкахъ изъ прочтеннаго все, что можетъ намъ пригодиться въ будущемъ. „Много изъ того, что въ великихъ людяхъ мы зовемъ геніальностью, происходитъ изъ такихъ записныхъ книжекъ и собраній вырѣзокъ". Разныя, конечно, бываютъ собранія вырѣзокъ; можетъ быть, среди нихъ есть и геніальныя. Но есть и совсѣмъ другія: пошлыя и ненужныя. Къ нимъ принадлежатъ книги Орисонъ Светъ-Мардена.

На заглавномъ листѣ слѣдовало указать, что книга издана въ текущемъ году и что она переведена съ англійскаго языка.

В. И. К. Герои Максима Горькаго и судъ юридической науки. Казань. 1904.

Н. Я. Стечькинъ. Максимъ Горькій. Его творчество и его значеніе въ исторіи русской словесности и въ жизни русскаго общества. Спб. 1904.

Коротенькій этюдъ г. В. И. К. посвященъ критическому разбору лекціи проф. Шершеневича: „Герои Горькаго передъ лицомъ юриспруденціи“. Возражая противъ распространительнаго истолкованія М. Горькаго, какъ „Гомера“ профессіональныхъ „босяковъ“, только потому, что *кромѣ* сапожниковъ, хлѣбопековъ, коробейниковъ, наборщиковъ М. Горькій въ своихъ разсказахъ затронулъ *еще и* міръ босяковъ,—г. В. И. К. горячо протестуетъ противъ самой попытки вдвинуть вопросъ о темной бѣднотѣ низовъ русской жизни въ рамки сужденій криминалиста. Каковъ бы ни былъ выводъ, къ которому пришелъ юристъ-изслѣдователь (проф. Шершеневичъ нашелъ, что вопросъ о „босякахъ“, которые легко „ставятъ въ своей жизни на карту все, т. е. нуль“ — слова Промптова — не можетъ быть разрѣшенъ путемъ какихъ бы то ни было репрессій: слѣдовательно, остается попытаться пріобщить ихъ къ благамъ культурной жизни, отъ которыхъ они такъ „свободны“),—самое право его разсматривать вопросъ объ ожесточившейся придавленной бѣднотѣ съ точки зрѣнія нормъ правовой репрессіи представляется г. В. И. К. сомнительнымъ и извращающимъ жизненный смыслъ и дѣйствительное значеніе „горьковцевъ“, какъ общихъ показателей неустройства русской жизни. Они — просто люди, а не—просто преступники, вопросъ о нихъ—вопросъ соціальный, а не уголовно-психологическій; не они виноваты, а передъ ними виноваты, — вопреки самообвиненію Коновалова... При чемъ же тутъ, по справедливому замѣчанію г. В. И. К., тюрьмовѣдѣніе и уголовная репрессія?

И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его—намъ ваксу продаютъ...

Г. Стечькинъ (Н. Я.) написалъ не оду, а цѣлый трактатъ, подводящій итогъ значенію М. Горькаго въ исторіи русской словесности и въ жизни русскаго общества. Трактатъ занимаетъ 259 страницъ. Тѣмъ пріятнѣе, конечно, будетъ имѣть съ нимъ дѣло продавцамъ ваксы, о которыхъ говоритъ старый русскій поэтъ...

Ради полноты оговоримся, что г. Стечькинъ признаетъ у М. Горькаго „немалый талантъ“; подтверждаетъ, по личнымъ наблюденіямъ, что описаніямъ природы у М. Горькаго „можно вѣрить, какъ фотографіи“, а любоваться ими, „какъ произведеніями искусства“; находитъ, что если бы М. Горькій написалъ

„хоть одну *цѣльную* *) повѣсть такой художественной формы", какъ „Васька Красный", то „онъ былъ бы великимъ писателемъ"; даже по вопросу, можно ли видѣть въ М. Горькомъ „посланца и уполномоченнаго франкмасонства и еврейства", цѣль которыхъ, какъ извѣстно, заключается „въ конечномъ разрушеніи христіанской культуры, христіанскихъ обществъ и христіанскихъ государствъ",—г. Стечькинъ высказывается отрицательно, хотя и находитъ, что „вся сумма его (М. Горькаго) литературныхъ поступковъ придаетъ этому неправдоподобію оттѣнокъ нѣкотораго вѣроятія".

На этомъ кончаются муки безпристрастія и объективности критика-изобличителя. Все остальное въ книгѣ г. Стечькина сплошное „неправдоподобіе", очень далекое отъ „оттѣнка нѣкотораго вѣроятія".—Г. Стечькинъ оскорбленъ и возмущенъ тѣмъ, что „сочиненій Горькаго разошлось за какія-нибудь пять лѣтъ, а то и менѣе,—416.000 томовъ", и по этой причинѣ взываетъ къ русскому обществу, чтобы оно опомнилось: что оно дѣлаетъ и съ какимъ огнемъ оно шутитъ! „Вѣдь не съ Шекспиромъ же, въ самомъ дѣлѣ, мы повстрѣчались на поприщѣ россійской словесности, чтобы писать о немъ главу за главой и подвергать разбору его творчество". И г. Стечькинъ поясняетъ, что его изслѣдованіе „не критическое, оно—обличительное". У него у самого надежда „только на Бога, да на выносливость молодежи": быть можетъ, ядъ не смертеленъ, и Россія останется жива, если приметъ противоядіе сквернаго вкуса и въ объемѣ 259 страницъ. Противоядіе написано очень стильно, какъ читатель можетъ убѣдиться изъ слѣдующихъ строкъ: „обвиняю Алексѣя Максимовича Пѣшкова, печатающаго свои сочиненія подъ именемъ „Максима Горькаго", въ томъ, что, злоупотребляя талантомъ писателя, ему отъ Бога даннымъ, онъ въ рядѣ сочиненій, по заранѣе обдуманному плану, лично, или (?) по порученію и подговору другихъ лицъ, послѣдовательно развращалъ читателей", а именно: „въ изящную россійскую словесность... внесъ невиданныя въ ней картины человѣческаго паденія и разврата", посредствомъ бытовыхъ очерковъ изъ жизни босяковъ способствовалъ „проведенію въ жизнь пошлѣйшихъ и гнуснѣйшихъ ученій тунеядства, презрѣнія къ чужой личности и къ чужой собственности" и проч., и проч. Заканчивается изобличительный этюдъ патетическими словами: „Мое дѣло сказать обществу: пора извергнуть эту грязь, именуемую сочиненіями Горькаго, изъ общественной потребы... Дѣло общества—согласиться или не согласиться со мною".

Мы думаемъ, что общество, раскупившее „416.000 томовъ", несомнѣнно „согласится" и окажетъ г. Стечькину серьезную мо-

---

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

ральную поддержку, какъ только его книга окажется на рукахъ у продавцовъ ваксы.

С. Р. Минцловъ. Рѣдчайшія книги, напечатанныя въ Россіи на русскомъ языкѣ. Спб. 1904.

Въ предисловіи авторъ указываетъ на отсутствіе въ нашей библіографической литературѣ систематическаго указателя изданій, уничтоженныхъ до выхода въ свѣтъ или же вскорѣ по выходѣ. Заполнить этотъ пробѣлъ онъ и пытается въ своей книжкѣ, изданной на правахъ рукописи, не для продажи и напечатанной въ количествѣ всего *ста* экземпляровъ.

„Зачѣмъ же такъ секретно?" можно бы спросить словами Чацкаго: этотъ указатель могъ бы быть нуженъ вѣдь не однимъ библіографамъ, но и широкой публикѣ. Впрочемъ, онъ едва ли кому-нибудь нуженъ,—и по очень простой причинѣ: „систематическій сводъ", объ отсутствіи котораго вздыхаетъ составитель, существуетъ, напечатанъ, общедоступенъ и даже нѣсколько полнѣе указателя г. Минцлова, который найдетъ составленный В. Я. Богучарскимъ списокъ русскихъ книгъ, уничтоженныхъ цензурой, въ 75 полутомѣ „Энциклопедическаго Словаря" Брокгаузъ-Ефрона. Изъ этого труда видно, что г. Минцловъ пропустилъ въ своемъ указателѣ такія уничтоженныя цензурой произведенія, какъ предисловіе и примѣчанія Ткачева къ переводу книги Бехера „Рабочій вопросъ", „Введеніе въ философію" Паульсена, „Очерки соціальной юриспруденціи" Офнера и Зингера, „Національзація земли",—сборникъ статей Спенсера, Милля, Уоллеса и др., „Нищета философіи" Маркса и другія книги. Книжекъ журналовъ съ вырѣзными статьями также значительно больше, чѣмъ указываетъ г. Минцловъ. Укажемъ по памяти хотя бы „Восходъ" 1903 г. кн. 6 (вырѣзаны открывающія книжку статья Осиповича „За что", стихотворенія М. Ватсонъ и Г. Галиной). Совсѣмъ не увидѣли свѣта, пропущенные г. Минцловымъ и указанные г. Богучарскимъ, выпуски VII и IX московскаго журнала „Бесѣда", сентябрьская книжка журнала „Слово" за 1878 г. (статья „Вольтеръ") и апрѣльская книжка журнала „Начало" за 1899 годъ. Совершенно напрасно англійскій историкъ Лекки значится у г. Минцлова подъ именемъ Гартполь: это одно изъ его именъ, а не фамилія, подъ которой онъ извѣстенъ въ литературѣ.

Есть, однако, и въ трудѣ г. Минцлова указанія, опущенныя въ сводѣ г. Богучарскаго, который отмѣчалъ только книги, уничтоженныя послѣ 1865 года. Кромѣ того, г. Минцловъ указываетъ книги, уничтоженныя не только цензурой, но и пожарами, а равно подвергшіяся по требованію цензуры передѣлкѣ послѣ отпечатанія; кромѣ того, у него вездѣ отмѣчены годъ и мѣсто из-

данія, что можетъ быть важно для справокъ. Всего въ его указатель вошло 250 названій.

Смутное и тоскливое впечатлѣніе производитъ этотъ мартирологъ русской книги. Здѣсь и ничтожные, и великіе, смѣшные и печальные, художники и публицисты, политическіе дѣятели и графоманы, ученые и порнографы. Послѣднихъ меньше всего: къ нимъ не можетъ быть строго вѣдомство, во главѣ котораго стоялъ въ свое время М. Н. Лонгиновъ. На много мыслей наводитъ книжка г. Минцлова, много историческихъ ассоціацій вызываетъ она. Одно какое-нибудь заглавіе—вродѣ „Карманнаго словаря иностранныхъ словъ“ Кириллова или „Отщепенцевъ“ Соколова или нѣкогда популярнаго распоповскаго „Каталога систематическаго чтенія“ (Одесса, 1883)—и предъ нами встаютъ цѣлыя картины нашего идейнаго прошлаго. Какъ много пережила бѣдная русская мысль и какъ напрасна была вѣковая борьба съ ея общественнымъ творчествомъ.

А. Тилло. **Еврейскій вопросъ.** Саратовъ. 1905.

Авторъ полагаетъ, что „уничтожить евреевъ невозможно; дать имъ всѣ права—не разрѣшаетъ вопроса. Настоящее положеніе невыносимо. Какъ быть? Какъ согласовать противоположные интересы? *А жить надо вмѣстѣ*, слѣдовательно, согласовать *необходимо*. Исполнима ли такая задача? Да“.

Предъ нами, такимъ образомъ, обладатель своего рода философскаго камня, разрѣшающаго непримиримыя противорѣчія. Что намъ до его предварительныхъ разсужденій и доводовъ, когда въ концѣ его книжки на ея 31-й страницѣ разрѣшено роковое недоразумѣніе нашей общественной исторіи. Однако, какъ ни жадно ждетъ читатель этого разрѣшенія, мы вынуждены остановиться на нѣкоторыхъ изъ рѣшающихъ соображеній автора. Онъ не одобряетъ русскую политику, неустойчивую и несправедливую, не одобряетъ юдофиловъ, доводы которыхъ излагаетъ довольно полно, не одобряетъ юдофобовъ, которыхъ не сдѣлалъ нелѣпѣе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Его теорія покоится на различеніи „землеробовъ“—людей, „добывающихъ всѣ основные и первичные продукты жилья, пищи и одежды“, и „свободниковъ“ — людей свободныхъ профессій. У однихъ народовъ больше первыхъ, у другихъ больше вторыхъ. У евреевъ отъ 97 до 100 процентовъ „свободниковъ“. Откуда авторъ почерпнулъ эти цифры, неизвѣстно; почему онъ относитъ къ „свободникамъ“ фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, также неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ „землеробъ кормитъ всѣхъ“ и „землеробовъ можетъ быть столько, сколько терпитъ земля, а свободниковъ столько, сколько на нихъ спросъ“. Спросъ этотъ распредѣляется по народамъ; на пользованіе трудами землеробовъ могутъ имѣть притязанія только

свободники того же народа, но никакъ не другіе. Такимъ образомъ, русскій свободникъ г. А. Тилло не сомнѣвается въ своемъ правѣ сидѣть на спинѣ русскаго мужика; онъ только отрицаетъ это право за евреями: положеніе, конечно, очень удобное. Но онъ, конечно, ошибается: если люди свободныхъ профессій дѣйствительно сидятъ на спинѣ трудящихся классовъ, то онъ сидитъ не только на русской спинѣ, по его убѣжденію отданной ему благимъ Провидѣніемъ въ рабство, но и на еврейской; въ экономическомъ строѣ мы давно уже группируемся не по національнымъ, а по совсѣмъ инымъ категоріямъ. Пора, однако, раскрыть секретъ автора и сообщить его всеисцѣляющій рецептъ. Итакъ, „по новому слѣдуетъ поступить такъ: 1) раздѣлить всю Россію на двѣ половины—западную и восточную; 2) за чертой осѣдлости на востокѣ дать всѣмъ евреямъ безъ всякихъ исключеній всѣ права; 3) переходъ черезъ черту съ запада на востокъ сдѣлать безусловно непереходимымъ ни подъ какимъ видомъ и безъ исключеній; 4) въ чертѣ осѣдлости, т. е. на западѣ отъ черты не принуждать, а поощрять землеробство евреевъ, энергично помогать эмиграціи евреевъ на западъ и, когда эмиграція доведетъ количество евреевъ до возможной терпимости съ нашей стороны—снять черту, и евреи по всей Россіи становятся равноправными съ нами“. Среди благихъ послѣдствій этого акта истинной государственной мудрости будетъ и побочный результатъ: „если мы теперь же дадимъ евреямъ всѣ права за чертой осѣдлости на востокѣ, то этимъ мы заткнемъ ротъ нашимъ врагамъ и докажемъ всѣмъ и всему свѣту, что мы боремся только противъ количества, а не качества евреевъ, боремся съ націей, а не съ человѣкомъ“.

Правду сказать, мы охотно обошли бы молчаніемъ этотъ курьезъ обывательскаго прожектерства, если бы не одна мимолетная фраза автора. „Въ прошломъ столѣтіи, управляя губерніей...“ говоритъ о себѣ г. А. Тилло на стр. 3 своей брошюры. Вотъ оно что, вотъ почему къ его произведенію надлежало отнестись съ тѣмъ вниманіемъ, какого требуетъ его положеніе. Онъ одинъ изъ тѣхъ, кто рѣшалъ судьбу евреевъ. Онъ не только толковалъ и примѣнялъ на мѣстѣ безконечно разнообразные нормы еврейскаго безправія: отъ него требовали свѣдѣній и соображеній, съ его мнѣніемъ считались, его брали въ серьезъ. И становится не смѣшно, а страшно, когда вспомнишь, что онъ еще благожелателенъ, что онъ далеко не худшій изъ тѣхъ, отъ чьего усмотрѣнія и глубокомыслія зависѣли и зависятъ судьбы сотенъ тысячъ людей.

Генри Джорджъ. Избранныя рѣчи и статьи. Пер. С. Д. Николаева. Изданіе „Посредника“. М. 1905.

Русская критика въ свое время довольно сурово встрѣтила ученіе Джорджа. Не только потому, что нѣкоторыя его положенія

какъ, напримѣръ, ученіе о происхожденіи прибыли изъ такъ называемаго „естественнаго прироста“, коренным образомъ шли въ разрѣзъ съ господствовавшими экономическими доктринами. Нѣтъ. Самая основа національзаціи земли въ той формѣ, въ какой ее проповѣдывалъ Джорджъ, именно въ формѣ конфискаціи ренты, не имѣла ничего общаго съ аграрными идеалами нашей интеллигенціи. Она одинаково не удовлетворяла ни „народниковъ“, ни „марксистовъ“.

Любопытно при этомъ, что самому Джорджу казалось, что его идеи какъ нельзя болѣе совпадаютъ съ идеалами русскихъ передовыхъ людей. Въ одномъ мѣстѣ своего „Progressand Poverty“ онъ съ паѳосомъ восклицаетъ: „Все, что нужно, заключается въ двухъ словахъ, стоящихъ на знамени тѣхъ благородныхъ русскихъ патріотовъ, которыхъ иногда называютъ нигилистами, это: Land and Liberty — Земля и Воля!“... Такъ или иначе, проповѣдь Джорджа не нашла у насъ въ свое время того отклика, какой она встрѣтила не только въ Америкѣ, но и во многихъ странахъ Европы. Единственнымъ, абсолютнымъ поклонникомъ его оказался у насъ, какъ это ни странно, графъ Л. Н. Толстой. Какимъ образомъ этотъ крайній антигосударственникъ могъ восторженно принять теорію, центръ тяжести которой въ фискальной реформѣ, возможной только въ государствѣ и съ помощью государства, это остается тайной его неизмѣнно-парадоксальнаго склада ума... Толстой остался одинокъ въ своей восторженности. Но всетаки въ концѣ концовъ работы Джорджа завоевали къ себѣ вниманіе и у насъ. Почти всѣ важнѣйшія его сочиненія уже давно переведены на русскій языкъ, а капитальный трудъ его „Прогрессъ и бѣдность“ появился даже сразу въ двухъ переводахъ, и что всего характернѣе, въ серединѣ 90-хъ годовъ, т. е. въ самый разгаръ нео-марксистской горячки. Не говоримъ уже о цѣломъ рядѣ популярныхъ изложеній его доктринъ и посвященныхъ имъ статей.

И успѣхъ этотъ вполнѣ понятенъ. Аграрный вопросъ у насъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ жгучихъ. Соціализація земли была исконной мечтой русскаго народа. Джорджъ былъ пламеннымъ защитникомъ этой идеи. Съ силою горячаго убѣжденія, съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ и огромнымъ популяризаторскимъ талантомъ онъ выступилъ противъ первороднаго грѣха нашей цивилизаціи—института частной собственности на землю. Мало кѣмъ превзойдена и краснорѣчивая критика его вообще отрицательныхъ сторонъ нашего соціальнаго строя. Въ частности по отношенію къ Россіи можно сказать, что его ученіе о спекулятивной рентѣ затронуло одну изъ самыхъ больныхъ сторонъ нашего крестьянскаго хозяйства: раззорительный ростъ арендныхъ цѣнъ параллельно съ ростомъ культурности, то искусственное вздорожаніе цѣнъ на землю, которое гнало сотни тысячъ людей искать за де-

сять тысячъ верстъ „предѣла культуры, туда, гдѣ земля еще не захвачена монополизаторами“...

„Избранныя рѣчи и статьи“, нынѣ изданныя „Посредникомъ“, среди которыхъ, между прочимъ, знаменитое письмо Джорджа къ папѣ и замѣчательный импровизированный діалогъ его съ Фильдомъ, не прибавляютъ ничего новаго къ ученію Джорджа въ прежде переведенныхъ уже сочиненіяхъ его, особенно въ „Прогрессъ и Бѣдность“, но въ нихъ все дышетъ обычными чертами Джорджа, огнемъ энтузіазма, ясностью, силой, убѣдительностью, вѣрой въ конечное торжество соціальной справедливости. Въ стилистическомъ отношеніи это—шедевры, въ родѣ памфлетовъ Ламеннэ и Мадзини.

Но не въ литературныхъ достоинствахъ значеніе сборника, и уже во всякомъ случаѣ не за ними гнался „Посредникъ“. Каждая рѣчь, каждая статья — горячій призывъ къ соціальной справедливости, яркое обнаженіе великаго соціальнаго бѣдствія — монополизаціи земли. И очень жаль, что, благодаря нашимъ цензурнымъ условіямъ, пришлось соединить эти рѣчи и статьи въ одинъ дорого стоющій сборникъ (2 р. 50 к.), вмѣсто того, чтобы пустить ихъ въ обращеніе отдѣльными доступными по цѣнѣ брошюрами, которыя могли бы найти самое широкое распространеніе.

Къ сборнику приложены: превосходно исполненный портретъ Джорджа и подробная біографія, составленная переводчикомъ и представляющая совершенно самостоятельный интересъ. Джорджъ замѣчателенъ не только, какъ выдающійся экономистъ, писатель и соціальный агитаторъ, но и какъ яркая индивидуальность. Въ немъ счастливо соединились удивительный талантъ писателя съ могучимъ даромъ оратора, неутомимость соціальнаго борца и трогательная вѣра деиста, внутренняя цѣльность и внѣшняя обаятельность, привлекавшая къ нему людей даже несогласныхъ. А между тѣмъ это былъ въ полномъ смыслѣ слова — Sel made man: этотъ человѣкъ, который во второй половинѣ своей жизни достигъ всемірной извѣстности и которому только ранняя смерть помѣшала стать во главѣ величайшей республики, въ молодости былъ матросомъ и наборщикомъ: первыя страницы его „Progress and Poverty“, обезсмертившаго его имя, были набраны его собственной рукой: только свободная Америка въ состояніи создавать такіе счастливые типы.

Остается пожалѣть, что русскій біографъ ограничился только фактомъ личной карьеры знаменитаго писателя, не охарактеризовавъ хоть въ общихъ чертахъ хода крупнаго соціальнаго движенія, созданнаго пропагандой Джорджа въ Америкѣ и Европѣ.

За немногими незначительными промахами, переводъ, при всей близости къ подлиннику, достаточно передаетъ красоту оригинала.

А. Повалишинъ. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Рязанской губ. въ XIX столѣтіи. Изданіе рязанской архивной коммиссіи. Рязань 1903 г.

Исторія крѣпостного права въ XIX вѣкѣ разработана до сихъ поръ крайне мало. Она все еще находится въ періодѣ собиранія и накопленія матеріаловъ, безъ которыхъ можно дать лишь очерки, но не исторію крѣпостного состоянія. Разработка статистическихъ данныхъ, относящихся къ крѣпостному періоду, различныхъ матеріаловъ, разсѣянныхъ въ столичныхъ и провинціальныхъ архивахъ, воспоминаній, мемуаровъ, хозяйственныхъ записныхъ книгъ, приказовъ помѣщиковъ и т. п.—далеко еще не закончена. Между тѣмъ только послѣ такой предварительной, зачастую кропотливой и мелочной работы возможно разрѣшеніе главнѣйшихъ вопросовъ объ экономическомъ и правовомъ положеніи народа въ первой половинѣ XIX столѣтія.

А. Д. Повалишинъ принадлежитъ къ первоначальнымъ изслѣдователямъ исторіи крѣпостного права, подготовляющимъ матеріалъ для будущаго зданія этой исторіи. Онъ взялъ на себя скромную задачу выяснить положеніе помѣщиковъ и крѣпостныхъ крестьянъ Рязанской губ. въ XIX вѣкѣ, на основаніи имѣющихся въ его распоряженіи мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ (главнымъ образомъ архива рязанскаго губ. земства) и бумагъ частныхъ лицъ. Его статьи, посвященныя этому вопросу и изданныя въ настоящее время рязанской архивной коммиссіей отдѣльною книгою, представляютъ, конечно, далеко не полную картину жизни помѣщиковъ и крѣпостныхъ Рязанской губерніи въ XIX столѣтіи. Тѣмъ не менѣе историкъ крѣпостного права можетъ почерпнуть изъ этого сборника много цѣнныхъ штриховъ для общей картины крѣпостныхъ отношеній. Лица же, не изучающія спеціально крѣпостного права, могутъ безъ большой потери для себя отложить книгу г-на Повалишина въ сторону, какъ частное изслѣдованіе, не дающее и не уполномочивающее дѣлать общіе выводы, хотя и заключающее въ себѣ нѣкоторыя любопытныя картинки крѣпостной жизни.

Содержаніе статей, вошедшихъ въ эту книгу, довольно разнообразно. Исходя изъ статистическихъ данныхъ о ростѣ крѣпостного населенія Рязанской губ. въ XIX вѣкѣ, объ измѣненіи въ числѣ помѣщиковъ и величинѣ имѣній, г. Повалишинъ пытается выяснить нормальный типъ помѣщичьяго хозяйства этой поры и отмѣчаетъ новыя теченія въ крѣпостной жизни, имѣвшія цѣлью наибольшую эксплуатацію крѣпостного труда. Далѣе, онъ говоритъ о злоупотребленіяхъ помѣщичьею властью и о мѣрахъ борьбы съ ними, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны самого народа. Наконецъ, отдѣльныя статьи посвящены авторомъ выходу крестьянъ изъ крѣпостного ига, совершавшемуся путемъ полученія отпускныхъ и перехода въ свободные хлѣбопашцы, и уча-

стію рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ, причемъ послѣдняя статья далеко не исчерпываетъ намѣченнаго въ заглавіи вопроса и является скорѣе простою сводкою мнѣній членовъ рязанскаго губ. комитета 1858—59 г. и депутатовъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, безъ всякой оцѣнки ихъ со стороны автора. Вообще же наиболѣе обработанными въ книгѣ г. Повалишина являются двѣ статьи: „Цифровыя данныя" и „Условія нормальнаго помѣщичьяго хозяйства".

Не касаясь каждой статьи въ отдѣльности, мы позволимъ себѣ отмѣтить нѣкоторыя слабыя стороны разбираемой книги. Хотя г. Повалишинъ и выдвигаетъ вопросъ о нормальномъ строѣ крѣпостного хозяйства на первый планъ, въ его статьяхъ можно найти мало матеріала для разрѣшенія этого вопроса даже по отношенію къ Рязанской губерніи. Мало матеріала даетъ авторъ и для выясненія новыхъ теченій въ помѣщичьемъ хозяйствѣ и борьбы помѣщиковъ съ неудобными для ихъ хозяйствъ сторонами крѣпостного права. Вопросъ о выгодности крѣпостного права для помѣщиковъ, а, слѣдовательно, о заинтересованности ихъ въ отмѣнѣ крѣпостного права, также мало разъясняется работою А. Д. Повалишина. Выводъ же самого г. Повалишина, что „отмѣною крѣпостного права большинство дворянства лично совсѣмъ заинтересовано не было" (стр. 29), въ силу преобладанія въ Рязанской губ. мелкопомѣстнаго дворянства,—по крайней мѣрѣ, рискованъ и не подкрѣпленъ соотвѣтствующими доказательствами. Если съ такимъ мнѣніемъ можно еще отчасти согласиться относительно дворянъ, не имѣвшихъ крѣпостныхъ или имѣвшихъ менѣе 10 душъ, то нельзя забывать, что такихъ дворянъ было немного. По даннымъ самого г. Повалишина, такіе дворяне составляли около 20% всѣхъ помѣщиковъ Рязанской губ. въ 1857 г. Остальная же часть мелкихъ помѣщиковъ (имѣвшихъ отъ 10 до 100 душъ) могла быть особенно сильно заинтересована въ сохраненіи крѣпостного права, ибо на ихъ бюджетѣ долженъ былъ особенно рѣзко отразиться переходъ отъ хозяйства, основаннаго на крѣпостномъ трудѣ, къ денежному хозяйству съ вольнонаемнымъ трудомъ.

Не менѣе рискованнымъ является утвержденіе г. Повалишина, что въ области промышленности фабрики и заводы, пользовавшіеся крѣпостнымъ трудомъ, могли при извѣстной энергіи и предпріимчивости владѣльца и при затратѣ капитала, успѣшно конкуррировать съ кустарнымъ производствомъ крестьянъ-оброчниковъ, результатомъ чего было бы совершенное уничтоженіе кустарной промышленности съ замѣною ея фабричною и заводскою. „Весь ходъ развитія помѣщичьяго хозяйства, по его мнѣнію, указывалъ на то, что число фабрично-заводскихъ (крѣпостныхъ) людей должно было увеличиваться" (стр. 43). Не говоря о томъ, что мнѣніе г. Повалишина не подкрѣплено соотвѣт-

ствующими доказательствами, многіе факты изъ исторіи фабрики въ XIX вѣкѣ заставляютъ относиться съ большимъ сомнѣніемъ къ успѣшности примѣненія крѣпостного труда въ промышленности. Утвержденію г. Повалишина противорѣчитъ, какъ паденіе дворянской фабрики въ 40-хъ годахъ, соединенное съ быстрымъ развитіемъ кустарныхъ промысловъ, такъ и уменьшеніе цѣнности поссессіонныхъ фабрикъ въ XIX в. Въ полномъ противорѣчіи съ этимъ утвержденіемъ стоятъ и многочисленные случаи освобожденія поссессіонныхъ крестьянъ самими владѣльцами по собственной иниціативѣ по закону 1840 г.

Въ заключеніе нельзя не указать на довольно грубую ошибку г. Повалишина, зачислившаго поссессіонныхъ крестьянъ въ разрядъ крѣпостныхъ. Такое смѣшеніе заставляетъ съ осторожностью относиться къ статистическимъ даннымъ г. Повалишина о крѣпостномъ населеніи, ибо онъ, видимо, присоединялъ поссессіонныхъ крестьянъ къ крѣпостнымъ. По крайней мѣрѣ, на стр. 43, говоря о количествѣ фабричныхъ и заводскихъ людей среди крѣпостного населенія, онъ приводитъ цифру тѣхъ и другихъ по 10-й ревизіи (7049 д. м. п.), совпадающую съ цифрою г. Тройницкаго о крестьянахъ, приписанныхъ къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ на владѣльческомъ и поссессіонномъ правѣ.

Н. Дубницкій. Чѣмъ всѣ предметы похожи другъ на друга. 1904 г.—**Н. Рихтеръ. Вулканы.** 1904 г.—**С. К. Начало раскола.** 1904 г.—Музей прикладныхъ знаній (политехническій). Учебный отдѣлъ. Коммиссія по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ.

Всякій разъ, когда намъ приходится подходить съ болѣе или менѣе строгой критикой къ такъ называемой народной и дѣтской литературѣ, мы невольно вспоминаемъ о томъ исключительно тяжеломъ положеніи, въ которое поставлена эта область литературныхъ произведеній въ нашихъ русскихъ условіяхъ. О цензурныхъ тяготахъ, выносимыхъ дѣтской и народной литературой, посторонній издательскому и писательскому дѣлу человѣкъ въ большинствѣ случаевъ мало знаетъ. „Народу и дѣтямъ", писалъ („Русск. Вѣд." № 54) совсѣмъ недавно извѣстной педагогъ и издатель журнала „Дѣтское чтеніе", Д. И. Тихомировъ: „съ точки зрѣнія „охраны" нужно сообщать образы и впечатлѣнія, понятія и знанія въ „опредѣленномъ направленіи",—исключительномъ и тенденціозномъ. Въ выборѣ матеріала для чтенія цензура не хочетъ признавать законности соображеній истинно-просвѣтительныхъ, строго-педагогическихъ и кастрируетъ научную истину, фальсифицируетъ правду, сознательно допускаетъ невѣжественность. А у многихъ ли изъ писателей найдется достаточно силъ и терпѣнія, чтобы честно, оставаясь вѣрнымъ правдѣ и истинѣ, вести неустанно постоянно бурьбу съ такими жестокими цензурными условіями?

Лучше отдать свои силы общей литературѣ, легче служить интеллигентному читателю,—здѣсь цензура всетаки не такъ сурова". При такихъ условіяхъ, конечно, приходится прямо удивляться тому, что̀ русскому обществу удалось здѣсь сдѣлать, не смотря на всѣ препятствія. И тѣмъ не менѣе дѣтская и народная литература является слишкомъ важнымъ факторомъ современной жизни для того, чтобы педагогическая и общая литература могла хоть сколько-нибудь понизить свои требованія въ этой области.

А требованія эти, дѣйствительно, очень велики и сложны. Давно прошло то время, когда для дѣтскаго и народнаго писателя считали достаточнымъ одного добраго желанія побесѣдовать со своей аудиторіей, которой при этомъ вмѣнялось въ обязанность жадно глотать всяческія „поученія", состряпанныя часто даже несовсѣмъ чистыми руками. Въ скоромъ времени, однако, убѣдились, что одного добраго желанія здѣсь мало, нужны еще и знанія, и знанія солидныя. Въ качествѣ народныхъ и дѣтскихъ писателей начали все чаще выступать присяжные ученые... Но и тутъ вскорѣ наступило разочарованіе. Оказалось, что для хорошей популяризаціи добраго желанія и однихъ знаній мало... Нужно строго соблюдать то правило, которое, по словамъ г. Горнфельда („Нашъ Дня" № 31), упорно внушалъ Н. К. Михайловскій всякому новичку въ журнальной работѣ: ни на минуту не забывать своего читателя, въ каждомъ словѣ, въ каждой строчкѣ считаться съ кругозоромъ идей его; нужно, слѣдовательно, быть народнымъ публицистомъ, имѣть соотвѣтственный талантъ. Вотъ почему и въ области народной и дѣтской литературы такъ много званныхъ, такъ мало избранныхъ... Но и этого еще мало... Авторъ популярной брошюры невольно становится по отношенію къ своей аудиторіи въ положеніе учителя... Ему для успѣха необходимо обладать еще педагогическимъ тактомъ... Этотъ тактъ долженъ особенно чувствоваться на конструкціи статьи: выборъ фундамента, расположеніе пристроекъ, размѣры ихъ, украшенія,—все это дается только педагогическихъ чутьемъ автора.

Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ строгимъ требованіямъ удовлетворяютъ лишь немногія произведенія. Но тѣмъ не менѣе именно эти требованія должны давать тотъ масштабъ, съ которымъ слѣдуетъ подходить къ произведеніямъ „народной и дѣтской" литературы.

Попробуемъ же съ указанныхъ точекъ зрѣнія произвести расцѣнку названнымъ въ заголовкѣ произведеніямъ, тѣмъ болѣе, что изданіе ихъ принадлежитъ учрежденію, завоевавшему себѣ большую извѣстность въ области культурныхъ предпріятій.

Прежде всего приходится отмѣтить, что всѣ три автора не остаются полными хозяевами своей работы. Если г.г. С. К. и Н. Дубницкій оказались придавленными своимъ читателемъ, то г. Н. Рихтеръ остался слишкомъ во власти своего матеріала. Въ самомъ

дѣлѣ, возьмемъ брошюру г. Дубницкаго. Авторъ выбралъ очень трудную задачу: дать основныя представленія изъ области молекулярной физики самому неподготовленному читателю (предполагается, напр., что не всѣмъ читателямъ данной брошюры извѣстно даже устройство рельсоваго пути). Онъ осторожно подходитъ къ своей задачѣ и тщательно расчищаетъ путь своимъ разсужденіямъ, стараясь съ первой же страницы строго разграничить терминологію, обиходную отъ терминологіи научной („тѣло", „газъ"), но вмѣстѣ съ тѣмъ, спустя нѣсколько страницъ, впадаетъ въ тотъ же терминологическій грѣхъ, употребляя слово: „частица" то въ обиходномъ значеніи слова (результатъ физическаго дробленія, см. о запахахъ, стр. 10), то въ научномъ, химическомъ значеніи (стр. 11, объ измѣреніи частицъ). Этимъ вносится крайняя путаница представленій особенно въ неподготовленную аудиторію, и лекція совершенно обезцѣнивается.

Г-нъ С. К. даетъ намъ также образчикъ неумѣнья, какъ слѣдуетъ справляться со своей аудиторіей. Онъ взялъ также въ высшей степени интересную и жизненную тему: „начало раскола". Но, прилаживаясь къ упрощенному пониманію своихъ слушателей, онъ понижаетъ и научную цѣнность своего истолкованія даннаго историческаго явленія. Ну, въ самомъ дѣлѣ, развѣ соотвѣтствуетъ исторической истинѣ такого сорта тирада, положенная въ фундаментъ всей статьи: „вотъ въ какихъ случаяхъ какъ нельзя яснѣе сказывается, отчего произошелъ расколъ въ церкви. Прежде всего отъ темноты, отъ незнанія"... Какъ будто массовыя движенія, хотя бы и въ области религіозныхъ эмоцій, можно свести преимущественно къ одному какому-нибудь фактору. Причины, несомнѣнно, были сложны и разнообразны, и о нихъ поэтому слѣдуетъ или совсѣмъ не говорить въ данной маленькой работѣ, или же необходимо развернуть ихъ подробнѣе и полнѣе на счетъ другого матеріала.

Обѣ только что названныя книжечки написаны сухимъ языкомъ: много разсужденій, мало образовъ. Попадается цѣлый рядъ неосмотрительныхъ оборотовъ: напр., г. Дубницкій увѣряетъ читателя, что наука даетъ отвѣтъ на вопросъ, *для чего* совершаются явленія жизни, или пишетъ: „наука намъ показала, а ученые подтвердили (?)", или пишетъ, что превративъ ледъ въ воду, а воду въ паръ, „мы заставили частицы твердаго тѣла льда—распасться",—тогда какъ въ дѣйствительности молекула (молекулярная частица) тѣла при этомъ распаденію не подверглась, а лишь нарушалась связь между молекулами; то же кое-гдѣ и у г. С. К. (онъ говоритъ, напр., о „догматическихъ недоумѣніяхъ").

Болѣе выгодное впечатлѣніе въ данномъ отношеніи производитъ работа г. Рихтера: у него много образныхъ описаній, взятыхъ изъ первыхъ рукъ. Но описанія эти, къ сожалѣнію, онъ не перерабатываетъ съ точки зрѣнія интересовъ своихъ слушателей, а

беретъ ихъ, такъ сказать, механически,—дѣйствуетъ не перомъ, а ножницами. Отъ этого страдаетъ конструкція лекціи. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 25 страничекъ брошюры пять посвящено одному изверженію Везувія. Но и этого мало, г. Рихтеръ не вездѣ умѣло выбиралъ побочный матеріалъ для своего изложенія. Для насъ, по крайней мѣрѣ, представляются совершенно неожиданными тѣ двѣ странички (21 и 22), которыя почти цѣликомъ посвящены воздушнымъ волнамъ, вызываемымъ изверженіями, и методамъ изученія этихъ волнъ, въ то время какъ болѣе важныя побочныя явленія вулканическаго характера оставленны почти безъ описанія (землетрясенія, поднятіе и опусканіе участковъ земной коры, горячіе ключи и т. д.).

Мой микроскопъ. Простыя занятія съ самымъ дешевыми инструментами. Составилъ **Е. Чижовъ.** Изданіе Е. Чижова съ 55-ю рисунками. М. 1904 г.

Наша народная школа сильно нуждается въ углубленіи методовъ преподаванія, а между тѣмъ усиленіе ассигновокъ на каждую школу въ отдѣльности встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія въ виду того, что школъ у насъ еще слишкомъ мало, и всѣ свободныя средства идутъ на открытіе новыхъ школъ. Конечно, если бы обществу не мѣшали свободно работать въ области народнаго образованія, то оно давно сумѣло бы справиться со всѣми этими затрудненіями и найти средства сдѣлать современную народную школу болѣе продуктивной. Убѣдиться въ этомъ не трудно, хотя бы на примѣрѣ нашихъ подвижныхъ музеевъ, которые являются дѣтищемъ общественной иниціативы и, доставляя народной школѣ возможность примѣнять хотя бы въ скромномъ масштабѣ методы наглядного обученія, углубляютъ ея работу. За послѣднее десятилѣтіе такихъ музеевъ въ Россіи открыто около сотни; ихъ работой обслуживаются тысячи школъ и многія сотни отдѣльныхъ семействъ. Такимъ образомъ, передъ нами обрисовывается какъ бы новое общественное—музейное—движеніе. Выступаетъ оно съ очень маленькими средствами, и потому всякая разработка методовъ нагляднаго обученія, съ цѣлью использовать не дорогіе и самодѣльные инструменты, вноситъ въ это культурное дѣло посильную лепту и должно быть привѣтствуемо текущей литературой.

Къ такимъ работамъ относится названная книжечка г. Чижова. Онъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ можно использовать въ цѣляхъ обученія, лупу и недорогой карманный микроскопъ Вехтера (въ 2 р. 50 к.). Въ книжечкѣ мы находимъ главы: что смотрѣть въ микроскопъ? Какъ надо смотрѣть? Какъ сохранять образчики? Два слова о другихъ микроскопахъ и др. Со-

вѣты г. Чижова могутъ оказаться очень полезными, какъ въ школѣ для учителя, такъ и въ семьѣ для подростковъ.

Персія и Персы Составила **Евг. Богрова**. Историческая коммиссія учебнаго отдѣла общ. распр. техническихъ знаній.

Брошюрка г-жѣ Богровой представляетъ изъ себя одинъ изъ удачныхъ популярныхъ очерковъ по географіи и исторіи мало извѣстнаго народа, съ которымъ на югѣ Россіи нашимъ соотечественникамъ приходится вступать въ частыя и тѣсныя отношенія. Въ своей работѣ г-жа Богрова знакомитъ читателя съ краткой исторіей Персіи, выдвигая особенно тѣ моменты, которые наложили болѣе прочный отпечатокъ на этнографическій составъ ея населенія. Вторая половина брошюры посвящена современной Персіи. Ярко очерченъ гнетъ мусульманскаго духовенства надъ суевѣрнымъ населеніемъ, произволъ чиновничества, беззащитность населенія, самодовольство и невѣжество правящихъ сферъ. Языкъ вездѣ простой, мѣстами красивый, часто образный. Книжка все время читается съ большимъ интересомъ, и симпатіи къ этому бѣдному, но честному и трудолюбивому народу наростаютъ у читателя, можно сказать, съ каждой страницей.

Замѣчанія можно сдѣлать развѣ противъ нѣкоторыхъ частностей. Можно, напр., пожалѣть о томъ, что картина бюрократическаго режима древней Персіи развернута не достаточно полно. Можно указать также на слишкомъ бѣглыя замѣтки объ отношеніяхъ Европы къ Персіи: ея рынки становятся все болѣе и болѣе лакомымъ кусочкомъ, который въ настоящее время Англія едва ли выпуститъ изъ своихъ рукъ. Но это все детали. Въ общемъ же, повторяемъ, работа г-жи Богровой—цѣнный вкладъ въ популярную литературу.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Ольга Шапиръ. Не повѣрили. Повѣсть. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Ив. Наживинъ. Среди могилъ. Путевые наброски. Изд. О. Н. Рутенбергъ и А. И. Жуковой. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Андрей Нъмоевскій. Листопадъ и др. разск. Изд. В. Д. Кувшинскаго. Пермь. 1905.

Владиміръ Ж. Бѣдная Шарлотта. Спб. 1904. Ц. 5 к.

А. Т. Грабина. Пѣсни Беранже. Кіевъ. 1905. Ц. 25 к.

М. Дубинскій. Сумерки жизни. Стихотворенія. Спб. 1904.

Ярославъ Квапилъ. Сказка про принцессу Одуванчикъ. Пьеса въ 5 д. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Словинскіе поэты. Изданы подъ ред. ***И. Новича***. Спб. 1904. Ц. 45 к.

Сестра Бѣленькая и др. разсказы. Библіотека Горбунова-Посадова. М. 1905. Ц. 1 р.

И. Гильдебрандтъ. Ѳома Мюнцеръ. Драма въ 5 д. Книгоизд. „Новое Т-во". М. 1905. Ц. 20 к.

Жоржъ Сандъ. Бабушкины сказки. Изд. Н. Кранихфельдъ. Харьковъ. 1905. Ц. 60 к.

Лучъ. Литерат. сборникъ. Изд. „Товарищеская библіотека". М. 1905. Ц. 25 к.

Московскій Товарищескій кружокъ писателей изъ народа. I. Литерат. сборникъ. „Народные досуги". Ц. 1905. Ц. 60 к.

„На Сибирскія темы". Сборникъ подъ ред. ***М. Н. Соболева***. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Изданія Т-ва И. Д. Сытина. М. 1905 г.: Два героя: Геркулесъ и Тезей. Ц. 10 к.—Великіе законодатели: Ликургъ и Солонъ. Ц. 10 к.—Начало стараго Рима. Ц. 10 к. — Разрушеніе Трои. Ц. 10 к.—Странствованія царя Одиссея. Ц. 10 к.—Крѣпостные и вольные города въ старой Франціи. ***Е. Ефимовой***. Ц. 25 к. —Іезуиты и ихъ вліяніе на исторію человѣчества. ***А. Ильина***. Ц. 30 к.—Владиміръ Мономахъ и его время. ***М. И. Молчанова***.

Долой оружіе! Романъ ***Берты Зутнеръ***. Изд. журн. „Юный Читатель". Спб. 1905. Ц. 5 к.

Изданія редакцій журналовъ „Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ". М. 1905 г.: ***Элиза Ожешкова***. Юльянка. Городская картинка. Перев. съ польск. В. М. Лаврова. Ц. 15 к.—***Г. Т. Сѣверцовъ-Полиловъ***. Княжій отрокъ. Историч. повѣсть изъ преданій XIII вѣка. Ц. 50 к.—***А. Алтаевъ***. Маленькимъ дѣтямъ. Разсказы о животныхъ. Ц. 30 к. — ***Д. Н. Маминъ-Сибирякъ***. Сударь Пантелей-Свѣтъ Ивановичъ. Новгородское преданіе. Ц. 7 к.—***Д. Н. Маминъ-Сибирякъ***. Былинки. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Ц. 40 к. —***В. М. Лавровъ***. Что краситъ жизнь. Разсказы. Ц. 30 к.—***Его же***. Дѣти артисты и друг. разсказы. Пер. съ польскаго. Ц. 20 к. —***П. А. Россіевъ***. Гнѣздо орловъ. Путевыя впечатлѣнія въ Черногоріи. Ц. 25 к.

Изданія „Посредника": Утренники и др. разсказы. ***О. Руновой***. Ц. 1 р. 50 к.—Назарены въ Венгріи и Сербіи. ***В. Ольховскаго***. Ц. 30 к.—Христіанство и международный миръ. Баронъ ***М. А. Таубе***. Ц. 25 к. — Князь Г. А. Дадіани. По личнымъ воспоминаніямъ. ***В. Р—ва***. Ц. 10 к. М. 1905.

Видавныцтво „Викъ". У Кіиви. 1904: ***Т. Рыльській***. Про херсонски заробиткы.—***Н. Кобрынська***. Выборець. Оповидання.—У наймы. Оповидання. ***Дмитра Марковыча***. —Безъ праци. ***Иванъ Франко***. Казка.—Байкы. ***Леонида Глибива***.—Творы. ***Его же***.

Анна Сансаганская. Разсказы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

В. И. Крыжановская (Рочестеръ). Свѣточи Чехіи. Историч. романъ изъ эпохи пробужденія чешскаго національнаго самосознанія. Спб. 1904. Ц. 1 р. 80 к.

Альманахъ ***„Грифъ"***. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Александръ Лавинъ. До жизни. Разсказы. М. 1905. Ц. 35 к.

Изданія В. И. Раппъ и ***В. И. Потапова***. Харьковъ. 1905 г.: Марфутка. Разсказъ ***В. I. Дмитріевой***. Ц. 10 к. — Ванька. Очеркъ. ***Ея же***. Ц. 7 к.—Бурмистерша. Драма въ 4-хъ д. ***Ея же***. Ц. 20 к.—Ребенокъ. ***Октава Мирбо***. Пер. Л. Гендриковой. Ц. 2 к.

Изданія Товарищества „Знаніе". Спб. 1905: ***Сборникъ*** за 1904 г. Книга III. Ц. 1 р. — ***Сборникъ*** за 1904 г. Книга IV. Ц. 1 р.— ***Сборникъ*** за 1904 г. Книга V. Ц. 1 р.—***Имре Мадачъ***. Человѣческая трагедія. Драматич. поэма. Перев. съ венгерскаго З. Крашенинниковой. Ц. 50 к.—***А. Серафимовичъ***. Разсказы. Томъ I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. — ***Семенъ Юшкевичъ***. Разсказы. Томъ II. Ц. 1 р.—***Н. Телешовъ***. Разсказы. Томъ I. Изд. 2-е. Ц. 1 р.—***Нижегородскій сборникъ***. Ц. 1 р.—***Э. Золя***. Углекопы. Пер. А. Л. Коморской. Изд. 3-е. Ц. 1 р.—***Аф. Петрищевъ***. Замѣтки учителя. Ц. 1 р.—***Андреевичъ***. Опытъ философіи русской литературы. Ц. 1 р. 20 к.

Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Е. В. Бѣлявскій. Педагогическія воспоминанія 1861—1902 г.г. Изд. ред. журн. „Вѣстникъ Воспитанія". М. 1905. Ц. 1 р.

А. А. Кауфманъ. По новымъ мѣстамъ. Изд. „Общественной Пользы". Ц. 1 р.

Кольбъ. Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ. Перев. съ 3-го нѣм. изд.

Вс. Кожевникова и С. Кержчера. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Николай Николаевичъ Ге, его жизнь, произведенія и переписка. Сост. ***В. В. Стасовъ***. Изд. „Посредника". М. 1904. Ц. 2 р.

Анри Лиштанберже. Рихардъ Вагнеръ, какъ поэтъ и мыслитель. Перев. съ 2-го франц. изд. ***С. Соловьева***. М. 1905. Ц. 2 р.

Л. Сулержицкій. Въ Америку съ духоборами (Изъ записной книжки). Изд. „Посредника". М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Герро. Марія Башкирцева. Критико-библіографическій очеркъ. М. 1905. Ц. 25 к.

Викторъ Гофманъ. Книга вступленій. Лирика 1902 — 1904 г. Изд. журн. „Искусство". М. 1904. Ц. 1 р.

Избранныя рѣчи и статьи ***Генри Джорджа***. Перев. съ англійскаго С. Д. Николаева. 2 е изд. „Посредника". М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Людвигъ Вольтманъ. Политическая антропологія. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

А. С. Гольденвейзеръ. Гербертъ Спенсеръ. Идеи свободы и права въ его философской системѣ. Спб. 1904.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Т. VII. Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Пер. со 2-го дополненнаго нѣм. изд. пр.-доц. Н. О. Лосскаго. Спб. 1905. Ц. 5 р.

Освальдъ Кульпе. Очерки современной германской философіи. Перев. съ нѣм. С. Чулока. Спб. Ц. 65 к.

Гербертъ Спенсеръ. Автобіографія. Сокращенное изложеніе А. Д. Коротнева. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Ф. Ферстеръ. Свобода воли и нравственная отвѣтственность. Пер. съ нѣм. подъ ред. Ю. И. Апхенвальда. М. 1905. Ц. 25 к.

К. Жаковъ. Теорія перемѣннаго и предѣла въ гносеологіи и въ исторіи познанія. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 1 р.

И. И. Ѳоминъ. Введеніе въ исторію философіи. Популярно-философскіе очерки. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Т. Липпсъ. Проф. Мюнхенскаго университета. Основные вопросы этики. Пер. съ нѣм. М. А. Лихарева подъ ред. П. Струве и Н. О. Лосскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р.

О сновидѣніяхъ. Д-ра ***С. Фрейдъ***. Вопросы психо-нервологіи въ общедоступныхъ очеркахъ. Пер. съ нѣм. А. Л. Спб. 1904.

. Детерминизмъ и вмѣняемость. А. Амона. Пер. Б. А. К -- ва подъ ред. проф. А. А. Жижиленко. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Прекрасное, какъ предметъ подражанія и двигатель культуры. Новое объясненіе вопросовъ эстетики. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Карлъ Марксъ. Рѣчь о свободѣ торговли. Перев. съ франц. С. А. Алексѣева. Изд. Е. М. Алексѣевой. Одесса. 1905. Ц. 15 к.

Чудеса общежитія. Жизнь первобытнаго человѣка и современныхъ дикарей. ***В. Лункевича***. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1905. Ц. 35 к.

Промыслы и торговля въ древней Руси. Сост. ***Влад. Лабунскій***. М. 1905. Ц. 15 к.

Т. Ф. Саноцкій. Кирпичное производство на р. Невѣ и ея притокахъ. Спб. 1904. Ц. 1 р 25 к.

Международное фабричное законодательство. Очеркъ. ***Н. Райхенберга***. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1905. Ц. 25 к.

Ал. Колычевъ. Приказчики и ихъ нужды. Книгоизд. „Сѣверное Эхо". Ярославль. 1905. Ц. 20 к.

Ф. Ю. Левинсонъ Лессингъ. О занятіяхъ женскаго населенія С.-Петербурга Спб. 1905.

Мнѣніе ***М. А. Прокофьева*** о крестьянскомъ общественномъ управленіи. Новгородъ. 1904.

Григорій Вольтке. Основныя черты желательной организаціи уѣзднаго управленія въ связи съ устройствомъ мелкой земской единицы. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Н. П. Дружининъ. Волостной сходъ. М. 1905. Ц. 25 к.

Е. П. Арбатская. Дачи и дачники. М. 1905. Ц. 20 к.

Памяти проф. Ив. Ник. Смирнова. Подъ ред. проф. ***А. С. Архангельскаго***. Казань. 1904.

Н. П. Загоскинъ. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Казанскаго университета. 1804—1904. Части I и II.

Н. П. Загоскинъ. Исторія Императорскаго Казанскаго университета за первыя 100 лѣтъ его существованія: 1804—1904. Тома I, II и III.

Неоффиціальныя изданія товарищества «Знаніе». Ред. ***Г. Фальборка*** и ***В. Чарнолускаго***. Спб. 1905: Внѣшкольное образованіе. Ц. 2 р. — Настольная книга по народному образованію. Томъ III. Ц. 4 р.— Библіотеки и книжная торговля. Ц. 50 к. — Программы начальныхъ училищъ. Ц. 30 к. — Публичныя лекціи и народныя чтенія. Ц. 25 к. —Инструк-

ція директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ. Ц. 40 к.

Справочный календарь. Городское и земское общественное хозяйство. Изд. А. С. Харитонова. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Правящая Россія. Отъ государственнаго Совѣта до сельскаго старосты. Части I, II, III и приложеніе. Изд. Н. И. Игнатова. Спб. Ц. по подпискѣ 5 р.

А. П. Нечаевъ. Картины родины. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Общедоступные разсказы изъ русской исторіи. 2-е изд. книжн. склада „Школьное и Библіотечное Дѣло". Спб. 1905. Ц. 30 к.

Изъ исторіи Геродота. Чтеніе для юношества и для самообразованія. Сост. ***Д. П. Первовъ.*** М. 1905. Ц. 60 к.

Политическія и экономическія задачи Японіи. Изд. Н. Кранихфельдъ. Харьковъ. 1905. Ц. 45 к.

Д-ръ О. Франке. Умственныя теченія въ современномъ Китаѣ. Пер. съ нѣм. Н. Кранихфельдъ. Харьковъ. 1904.

А. С. Пругавинъ. Расколъ и сектантство въ русской народной жизни. Съ критическими замѣчаніями духовнаго цензора. М. 1905. Ц. 30 к.

Современное воспитаніе и новые пути. По Эльсландеру сост. ***М. Клечковскій.*** Изд. «Библіотеки Новаго воспитанія». М. 1905. Ц. 40 к.

Е. И. Аркадьевъ. Всеобщее обязательное обученіе въ Россіи и за границей. Сл. Покровская. 1905. Безцѣнно.

С. Николаевъ. Современная бурса. Изд. В. В. Кирьякова. М. 1905. Ц. 30 к.

К. А. Литвиненко. Сборникъ систематическихъ диктантовъ. Изд. К. Тихомирова. М. 1904. Ц. 80 к.

Зернышко. Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ сост. ***Т. Лубенецъ*** и ***П. Кошлановъ.*** Годы 3-й и 4-й. Изд. Луковникова. Спб. 1905. Ц. 70 к.

В. Чернышевъ. Упрощеніе русскаго правописанія. Спб. 1905. Ц. 40 к.

С. Н. Прядкинъ. Изъ методики русской грамматики. Воронежъ. 1905. Ц. 1 р.

Дѣтскій мірокъ. Книга для чтенія послѣ азбуки. Составила ***П. Авилова.*** Спб. 1904. Ц. 20 к.

Почва и ея исторія. Географическій этюдъ. ***А. П. Нечаева.*** Спб. 1905. Ц. 60 к.

Н. Н. Яковлевъ. Горообразованіе, вулканы, землетрясенія. Спб. 1905. Ц. 8 к.

Изданія А. Ф. Девріена. Спб. 1905: Жуки Россіи и Западной Европы. ***Г. Г. Якобсона.*** Вып. I. Ц. 2 р.—Царство минераловъ. Д-ра Браунса. Вып. 5-й. Ц. 2 р. 75. — Жизнь моря. Проф. ***К. Келлера.*** Изд. 2-е. Выпускъ 4 и 5-й. Ц. по 1 р. 60.

I. Долгихъ. Мнимый единорогъ. Изд. Ф. И. Трескиной. Рига. 1905. Ц. 2 р.

А. А. Арутиновъ. Удины. Матеріалы для антропологіи Кавказа. М. 1905. Ц. отд. кн. 1 р. 50.

А. В. Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Перев. О. В. Полторацкой подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. М. 1906. Ц. 2 р.

А. Клоссовскій. Кафедра географіи и ея представители въ русскихъ университетахъ. Одесса. 1905.

Евгеній Елачичъ. На чемъ основано раздѣленіе животнаго міра на отдѣлы. Спб. 1905. Ц. 15 к.

А. Бремъ. Тундра, ея растительный и животный міръ. Перев. съ нѣм. Е. Елачича. Спб. 1905. Ц. 15 к.

О состояніи народнаг[о зд]равія въ Россіи и о мѣра[х]ъ [к]ъ поднятію его. Докладъ медицинскаго о-ва при Новороссійскомъ университетѣ. Одесса 1905.

Мѣщанство.

(*Письмо изъ Германіи*).

I.

Не разъ мнѣ приходилось проѣзжать по Германіи изъ конца въ конецъ въ вагонѣ скораго поѣзда; и я никогда не могъ освободиться отъ одного страннаго ощущенія, въ особенности, если эта поѣздка происходила въ одинъ изъ тѣхъ сѣренькихъ и мокрыхъ дней, которыми такъ обильно нѣмецкое лѣто... Мнѣ казалось, словно я проѣзжаю по одному изъ отдѣленій какого-то безконечнаго механическаго аппарата, въ которомъ все вымѣрено, выдѣлано и вылѣплено по какимъ-то удивительно точнымъ и практичнымъ образцамъ, при помощи какой-то замѣчательно точной и аккуратной машины.

Мимо оконъ вагона бѣжали безконечной лентой поле, дороги и деревни — и всѣ они были такъ одинаково распланированы, такъ систематично расположены, такъ послѣдовательно и чисто пригнаны и прилажены, что представлялись въ сѣромъ освѣщеніи туманнаго дня утомительнымъ стереоскопомъ вѣчно повторяющейся, скучной, хоть и законченной картинки; всѣ-то лѣса здѣсь очищены и обмѣрены, всюду прямыя просѣки и аккуратныя дорожки, на всѣхъ углахъ и тропинкахъ надписи „входъ воспрещается“, а на опушкахъ, то и гляди, ѣдетъ лѣсничій съ ружьемъ на велосипедѣ. Ничего-то у нѣмцевъ даромъ не пропадаетъ. И если рядомъ съ полотномъ дороги блеснетъ отраженіе рѣчки — такъ и знайте, пойдутъ на ней разныя плотины и шлюзы, потянутся отъ нея безконечныя канавы на зеленые луга, раскинутся кругомъ осушенные торфяники и болота, а на ней самой при первой возможности водворится длинный рядъ плотовъ, барокъ, пристаней и пароходовъ. Удивительная страна благоустройства и системы. Царство неустаннаго труда, вѣковой выдержки и работы... То же зрѣлище преслѣдуетъ васъ все время за окномъ вашего вагона. Взгляните на эти бѣлыя и твердыя дороги, обсаженныя деревьями, съ канавками по бокамъ, посмотрите, какъ сухи онѣ, не смотря на дождь и слякоть, какъ легко катятся по нимъ эти большіе красивые воза невиданной у насъ формы. И такая дорожка непремѣнно шоссирована, по краямъ лежатъ кучки щебня, безъ перерыва вьется она черезъ поля и лѣса, то взлетаетъ на каменные мосты, то ныряетъ подъ желѣзную дорогу, то перебрасывается черезъ нее по желѣзнымъ или каменнымъ віадукамъ... Я знаю нѣ-

мецкую деревню, знаю нѣмецкіе поля, лѣса и дороги. Сотни километровъ дѣлалъ я въ разныя стороны на своемъ велосипедѣ, проѣзжалъ и твердыни прусскихъ Rittergutsbesitzer'овъ и швабскія деревни, былъ на берегу Балтійскаго моря и Рейна, и смѣю завѣрить читателя—вездѣ онъ найдетъ тотъ же порядокъ и культуру, вездѣ царствуетъ мирный и систематичный трудъ, вездѣ — безъ перерыва и остатка, вездѣ — съ точностью нарѣзовъ подъ ударами удивительной громадной машины.

Но больше всего, признаюсь, на меня утомительно дѣйствовали нѣмецкіе города и вокзалы. Не смотря на всю свою красивость и историческіе оттѣнки, нѣмецкіе города меня убивали своимъ однообразіемъ, и сразу можно было здѣсь видѣть истинную причину ихъ скучной и прилизанной формы. Отдѣльныя башенки и шпицы положительно тонули среди многоэтажныхъ громадъ, выстроенныхъ вдоль прямыхъ и чистыхъ улицъ, жилая казарма давила здѣсь, словно гигантскій полипъ, всѣ старые домики и виллы, высилась каменной горой въ серединѣ города и на окраинѣ, высылала въ поле свои авангарды въ видѣ пятиэтажныхъ домовъ, красующихся одиноко среди зеленыхъ пригородныхъ полей. Окна и блестящія отъ дождя крыши, мокрыя мостовыя, отражающія по вечерамъ свѣтъ газа или электричества, громадныя сѣрыя стѣны, расписанныя нахальной рекламой и опять окна, и опять крыши и стѣны, улицы, фонари и магазины... И такъ много этихъ городовъ по дорогѣ, и такъ мало деревни отличаются отъ этихъ городовъ: только дома пониже да улицы уже, порой вмѣсто газа горятъ керосинъ... Проѣхали вы одинъ городъ, миновали стѣны и мокрыя крыши, а черезъ пять минутъ ужъ новая деревня, а за ней мѣстечко, а черезъ четверть часа ужъ навѣрно васъ встрѣтятъ опять городъ и фабричныя трубы и затерянный готическій шпицъ, и окна, окна безъ конца... Каменная красивость, механическое великолѣпіе, торжество желѣзнаго порядка, вдавленнаго въ природу рукой безпощаднаго капитализма.

И заключительный аккордъ желѣзнодорожныхъ впечатлѣній не ослабляетъ, а усиливаетъ ихъ. Эти длинныя стальныя змѣи рельсовъ, переплетающіяся на каждой станціи въ непостижимый лабиринтъ, этотъ грохотъ и сила несущихся по всѣмъ направленіямъ локомотивовъ и поѣздовъ, это непрестанное мелканіе телеграфныхъ столбовъ, фонарей, будокъ, семафоровъ, платформъ и складовъ — все это живетъ такой интенсивной, но вмѣстѣ такой спокойной, размѣренной, я сказалъ бы мертвой, жизнью, что невольно вы ожесточаетесь на монотонность формъ и движеній, невольно ищете глазами чего-нибудь въ родѣ русскихъ станцій съ ихъ живописной безпорядочностью, съ шумомъ и гвалтомъ разношерстной и нелѣпой толпы. Здѣсь станціи—какъ сѣрыя каменныя тюрьмы съ рѣшетками и цѣпями, съ сторожами на всѣхъ концахъ, съ подземными ходами и лихорадочной жизнью по ко-

мандѣ, по часамъ и минутамъ. Вы видите все время передъ собой разрозненную толпу подъ предводительствомъ сторожей и служащихъ, которая каждыя двѣ минуты мѣняетъ свой составъ, характеръ, исчезаетъ въ тысячахъ выходовъ и входовъ и нарождается вновь, словно изъ-подъ земли, съ той же лихорадочной дѣловитой поспѣшностью; все размѣрено, все распредѣлено; никто не опаздываетъ, никто не ждетъ; всѣ одинаково одѣты, всѣ дрессированы. Люди превратились въ манекеновъ подстать къ этимъ рельсамъ и паровозамъ, станціоннымъ зданіямъ и рѣшеткамъ. Вы летите часы, и мимо васъ одна за другой безъ конца мелькаютъ сѣрыя станціи, сѣрые люди, сѣрые клубы дыма и разграфленныя поля.

И эти впечатлѣнія не обманчивы. На мокрыхъ поляхъ и дорогахъ, на лѣсахъ и рѣчкахъ, на станціяхъ и городахъ, на всемъ лежитъ печать грандіозной организаціи капиталистическаго хозяйства, вездѣ передъ вами рабочіе батальоны, сжатые желѣзной дисциплиной труда, стиснутые въ рамки изъ камня и желѣза. Равномѣрнымъ, размѣреннымъ ходомъ идетъ и движется колоссальная машина производства, и также размѣрены и однообразны движенія къ нимъ прикованнаго человѣка... Красиво, велико, но мертвенно и страшно. Мертвенно потому, что за машиной не видно человѣка, за чистотой прямыхъ высокихъ стѣнъ стучатъ соціальныя цѣпи, бьетъ каторжный молотъ, замираютъ въ грохотѣ машинъ человѣческая радость и страданія, свободное творчество, алканіе высшей человѣческой правды. Эта организація уже закончена. Въ мельчайшей подробности выработала она свои винтики и гайки, въ удивительномъ совершенствѣ и цѣльности царитъ она въ своей движущейся каменной громадѣ...

И не то тяжко и противно, что такъ стройны ея прямыя и грубыя линіи; не то такъ раздражаетъ и оскорбляетъ чувство, что въ дрессурѣ и однообразіи здѣсь скованы и человѣкъ, и природа. Ужасно то, что торжествующей недвижностью самодовольства запечатлѣно тутъ царство машины надъ человѣкомъ, что средство здѣсь сдѣлалось цѣлью, что въ жертву мертвому всемогуществу механизма принесены здѣсь человѣческіе умъ и сердце, а теплой кровью рабочихъ массъ питается весь этотъ безконечно громадный, такъ методически работающій, такъ неудержимо все подчиняющій себѣ промышленный Левіафанъ—этотъ искусственный звѣрь съ стальными мускулами и электрической душой. За человѣка страшно при взглядѣ на эту такъ точно выведенную каменную тюрьму капиталистическаго хозяйства и „свободной конкурренціи". И нигдѣ не видно выхода изъ застывшей массы кристаллизованнаго капитала. Глухою стѣной отгорожено небо отъ земли, не видно за ними ни звѣздъ, ни солнца... Невольно тянетъ на просторъ къ вольнымъ людямъ, назадъ въ нашу

дикую, но такую живую и пеструю, такую страждущую, но тѣмъ не менѣе на волю рвущуюся родину!

При ближайшемъ знакомствѣ съ нѣмецкими людьми и нѣмецкимъ обществомъ, вы скоро начинаете понимать тѣ тяжелыя ощущенія, которыя такъ неудержимо охватываютъ васъ въ Германіи среди всѣхъ ея культурныхъ приспособленій и техническихъ совершенствъ. Вы начинаете постигать, что съ нѣмцами произошло нѣчто неладное со времени великихъ побѣдъ Вильгельма I, этого „старца-героя", съ эпохи пресловутаго объединенія подъ прусской государственной командой. Подъ стать новымъ небесамъ и новой землѣ, изготовленнымъ по рецептамъ Бисмарка и барона Штумма, здѣсь и впрямь народились новые люди, перелившіе старое филистерство въ новые капиталистически-патріотическіе мѣхи. И если горизонтъ закрытъ здѣсь плотно каменной стѣной, то такую же непроходимую стѣнку найдемъ мы въ громадной части нѣмецкаго общества, уютно расположившейся въ тѣни фабричныхъ трубъ, подъ кровомъ грандіозныхъ зданій, за безчисленными окнами мелькающихъ мимо вашего поѣзда домовъ. По чистенькимъ и до пошлости прямымъ улицамъ ходятъ здѣсь много такихъ же, прямо и просто сколоченныхъ, людей. Самодовольству блестящихъ витринъ вполнѣ отвѣчаетъ у нихъ мелкое тщеславіе узенькой механической жизни. Надъ технически обработанными полями, надъ безукоризненно гладкими дорогами и мостами, надъ всѣмъ этимъ моремъ подстриженныхъ лѣсовъ и по-солдатски выравненныхъ зданій царитъ здѣсь столь же многочисленное и организованное, умытое и причесанное мѣщанство.

Мѣщанство — вотъ слово, отъ котораго врядъ ли когда освободится Германія, которое специально у нѣмцевъ и въ особенности теперь имѣетъ такое колоссальное значеніе, налагаетъ свою антихристову печать на такую массу и глупыхъ, и умныхъ головъ. Остановимся нѣсколько на этомъ словѣ, попробуемъ обрисовать хоть краткими чертами среду для его возникновенія, апостоловъ для его пропаганды.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всякомъ народѣ имѣются опредѣленные задатки мѣщанства, которые прирождены опредѣленнымъ индивидамъ, присущи нѣкоторымъ классамъ общества и расцвѣтаютъ пышнымъ цвѣтомъ въ тѣ эпохи народной жизни, когда верхъ получаетъ мѣщанство par excellence или буржуазія. Но нѣмцамъ нужно отдать во всѣхъ отношеніяхъ пальму первенства. Нѣтъ нигдѣ болѣе „мѣщанскаго" мѣщанства, какъ у нихъ.

И прежде всего нѣмецкая семья. Есть ли гдѣ-либо въ мірѣ болѣе удивительное приспособленіе, гдѣ бы съ большимъ успѣхомъ уродовалась человѣческая личность и чувство, гдѣ бы болѣе старательно обрѣзывались крылья всякой индивидуальности во имя примитивныхъ интересовъ фамильнаго гешефта, а также ближайшей хозяй-

ственной и соціальной среды. Для лица, желающаго постичь всю психологію нѣмецкой семьи и брака, стоитъ только взять въ руки брачную газету „Heiratszeitung“ или прямо объявленія въ одной изъ большихъ берлинскихъ газетъ, чтобы сразу понять тѣ удивительныя рамки, среди которыхъ развивается и блаженствуетъ мѣщанскій духъ нѣмецкаго народа. Обратимся къ послѣднему номеру „Berliner Tageblatt“ и прочтемъ наиболѣе интересныя предложенія вступить въ законный бракъ подъ кровомъ Гименея. Вотъ передъ нами почтенный купецъ 36 лѣтъ, „свободомыслящій еврей“, образованный, обладающій доходомъ въ 6000 марокъ и живущій въ одной изъ столицъ средней Германіи, ищетъ себѣ супругу отъ 25 до 30 лѣтъ, при чемъ обращаетъ главное вниманіе „не столько на внѣшнія преимущества, сколько на добродушный характеръ“. Вотъ другой купецъ, христіанинъ, 32 лѣтъ, изъ лучшей фамиліи желаетъ „вжениться“ въ приносящую хорошій доходъ фабрику или оптовое предпріятіе. Вотъ, далѣе, нѣжный братъ ищетъ для 32-лѣтняго господина „образованную, интеллигентную молодую даму съ веселымъ темпераментомъ“, при чемъ тутъ же прибавляется весьма скромно: „для счастливаго брака требуется отъ 50—60 тысячъ марокъ“. И отъ кавалеровъ не отстаютъ дамы. Для „хорошенькой 19-лѣтней барышни съ приданымъ въ 150 тысячъ марокъ“ требуется супругъ „изъ хорошей семьи и съ хорошимъ характеромъ“. Вдовушки, не уступаютъ дѣвицамъ: „Съ прелестной фигурой, образованная, бездѣтная, любезная и веселая вдова съ состояніемъ, чрезвычайно дѣловитая и хозяйственная, обладающая музыкальнымъ талантомъ, ищетъ для себя пожилого, но состоятельнаго супруга“. Дамъ „съ полненькой фигурой“ смѣняютъ здѣсь „миленькія дамы“ съ „тонкимъ станомъ“. За купцами слѣдуютъ помѣщики, приданое въ 100 тысячъ марокъ смѣняется скромнымъ прилагательнымъ въ 15 тысячъ. Одни желаютъ „блондинокъ“, другіе жаждутъ „представительныхъ брюнетокъ“. Одни расхваливаютъ свои „милыя“, но тѣмъ не менѣе „скромныя манеры“, другіе привлекаютъ къ себѣ какимъ-то удивительно „прекраснымъ характеромъ“, требующимъ себѣ „соотвѣтственнаго вознагражденія“. Наиболѣе характернымъ, впрочемъ, надо считать объявленіе одного господина, обладающаго „честнымъ характеромъ“. Вотъ какъ онъ рекомендуетъ самъ себя. „Въ какомъ производствѣ не хватаетъ солиднаго, проницательнаго мужа—въ дровяномъ, въ строительномъ, въ складѣ матеріаловъ?—Туда готовъ „вжениться“ представительный и образованный холостякъ, 43 лѣтъ, съ лучшими аттестатами и небольшимъ имуществомъ. Однако онъ готовъ отвѣчать только здоровымъ высокопочтеннымъ дамамъ“...

Таковы иллюстраціи современнаго мѣщанскаго брака. И если мы перейдемъ къ самой характеристикѣ нѣмецкой семьи, мы найдемъ настоящую питательную среду мелкихъ страстей и узкихъ

интересовъ, пошлыхъ вкусовъ и дешевыхъ удовольствій. Отецъ съ самаго утра отправляется въ заведеніе или на службу, мать занимается хозяйствомъ, обряжаетъ малыхъ дѣтей, варитъ и стряпаетъ на кухнѣ. При малѣйшей возможности вступаетъ въ различные разговоры съ сосѣдками, ругается съ поставщиками, бѣгаетъ въ лавку за покупками и выторговываетъ тамъ каждый грошъ, каждую копѣйку. Если у „барыни" есть прислуга, то всѣ дѣла справляются вдвоемъ, идетъ опять-таки безконечная болтовня, перемежаемая мытьемъ посуды и вытираніемъ пыли, стиркой мелкихъ вещей и штопаньемъ чулокъ. Если „барыня" состоятельнѣе и можетъ что-нибудь себѣ позволить, она имѣетъ уже двѣ прислуги, и сама не вытираетъ пыли и не готовитъ, но распоряжается тѣмъ не менѣе неустанно всѣми этими дѣлами, а все свободное время наполняетъ рысканьемъ по магазинамъ. Отецъ или приходитъ домой къ обѣду и тогда обязательно брюзжитъ и ворчитъ, пока не приляжетъ отдохнуть или не исчезнетъ въ кафе или пивную. Съ женой онъ почти не разговариваетъ, съ дѣтьми—еще меньше. Онъ пользуется своимъ положеніемъ въ качествѣ главы семьи и присвоеннымъ ему по рангу культомъ. Онъ беретъ себѣ лучшіе куски жаркого, для него готовятся любимыя кушанья, для него вообще существуетъ семья. Его покой и благоденствіе есть величайшая задача жены и дѣтей; въ награду за это онъ иногда беретъ съ собою ихъ всѣхъ въ ресторанъ и всемилостивѣйше жалуетъ имъ или по кружкѣ пива, или по куску пирожнаго...

Дѣти въ семьѣ лично не играютъ никакой роли. Любовь къ нимъ съ успѣхомъ замѣняютъ дешевой сентиментальностью и каторжнымъ накопленіемъ для дѣвочекъ приданаго, для мальчиковъ—оборотнаго капитала. Воспитаніемъ дѣтей никто не занимается, ихъ воспитываетъ среда и школа. Въ этой послѣдней опять-таки высокой педагогіей не задаются, оглушаютъ зубрежкой, практикуютъ весьма грубыя мѣры для увеличенія успѣшности. Дѣвочкамъ даютъ полуобразованіе, мальчиковъ муштруютъ съ чисто практической цѣлью; примѣняются не столько къ индивидуальности учащагося, сколько къ среднему, довольно-таки низкому шаблону. Въ народныхъ школахъ колотушекъ не жалѣютъ, работаютъ при помощи крика и внушеній. Въ мужскихъ гимназіяхъ бьютъ линейкой и воспитываютъ патріотизмъ. Впрочемъ, виноватъ. Религію и патріотизмъ вдалбливаютъ вездѣ. И если дѣвочекъ больше питаютъ патріотическимъ пѣніемъ, то мальчиковъ просвѣщаютъ побѣдами и славою Гогенцолерновъ. Мѣщанская школа дополняетъ мѣщанскую семью. Среда завершаетъ и ту, и другую.

II.

Врядъ ли есть на свѣтѣ общество скучнѣе нѣмецкаго. И притомъ одинаково, какъ среди молодежи, такъ и среди болѣе взрослыхъ элементовъ. Въ собраніяхъ студентовъ пьютъ пиво и поютъ пѣсни, въ обществѣ взрослыхъ гражданъ опять-таки пьютъ пиво и сплетничаютъ. Женщины оживленнѣйшимъ образомъ сообщаютъ другъ другу о цѣнахъ на яйца и на мыло, ругаютъ свою прислугу и восхищаются шляпками и юбками, водворенными на знакомыхъ. Благодаря полному отсутствію какихъ-нибудь высшихъ интересовъ у бюргерской дамы, женщина во всѣхъ своихъ разговорахъ цѣпляется за семейные горшки и кастрюли, „растекается мыслью" по магазинамъ и дѣтской. Въ лучшемъ случаѣ дѣло идетъ о театрѣ или концертѣ, при чемъ повторяются столь же нелѣпыя, сколь однообразныя восклицанія на тему: „ахъ, это было мило, это было прелестно". На танцовальныхъ вечерахъ молодежь скачетъ и потѣетъ безъ граціи и безъ искусства; носятся по залѣ, словно табуны юныхъ четвероногихъ, отдающихъ дешевую дань элементарной потребности движенія. Если вы подойдете послушать, что говорятъ старики, то услышите все одно и то же: повторенія послѣднихъ газетныхъ статей, вычитанныхъ изъ безпартійнаго Local Anzeiger'а, пережевываніе политическихъ шаблоновъ, вялое разсужденіе на тему о разныхъ событіяхъ изъ ближайшаго муравейника.

Сидишь въ такомъ обществѣ и чувствуешь, какъ постепенно заволакивается все какой-то безконечной зеленой слизью, а окружающіе люди превращаются мало по малу въ уродливыхъ моллюсковъ человѣческой породы, которые посажены въ банку съ питательной средой и неустанно роются въ своемъ болотѣ, въ неустанномъ стремленіи размножаться самимъ, создавать изъ окружающей среды мягкій и теплый комокъ навоза, въ которомъ процвѣтаютъ сами, и въ которомъ должны ползать, жить и шевелиться и ихъ внуки, и правнуки. Все направлено здѣсь на чисто-зоологическія потребности и на созданіе для нихъ хозяйственной норки. Мелкіе и трусливые, но завистливые и злые, они безжалостно рѣжутъ другъ друга за мѣстечко пожирнѣе и съ особеннымъ удовольствіемъ усаживаются на трупъ побѣжденнаго соперника и впиваются въ его еще теплое тѣло. Мелкій животный эгоизмъ здѣсь ограничивается такимъ же мелкимъ, стихійнымъ тщеславіемъ. Каждый хочетъ превзойти другого и поразить его, но такъ какъ этимъ занимаются всѣ, то получается стая обезьянъ, изъ которыхъ каждая видитъ только самое себя. Рабы самой жалкой рутины, прикованные своимъ убожествомъ къ тачкѣ грошеваго разсчета, они находятъ наслажденіе въ томъ,

чтобы при помощи дешеваго цинизма забрызгать грязною слюною все сколько-нибудь оригинальное и выдающееся. Они хлопають лбами передъ признанными идолами и авторитетомъ и унижаются безъ нужды тамъ, гдѣ прикрѣпленъ какой-нибудь яркій замѣтный ярлыкъ. Только въ своей средѣ, въ средѣ двуногихъ пресмыкающихся человѣческой породы не выносятъ они уклоненій отъ „какъ у всѣхъ" и загрызаютъ безжалостно всякаго, кто только не успѣетъ отъ нихъ уйти.

Кромѣ пива и общества, эти люди отдаютъ много времени, такъ называемой, „любви" и эта послѣдняя принимаетъ здѣсь въ высшей степени своеобразныя формы. Она практикуется здѣсь въ видѣ „обрученія", въ видѣ „содержанства" и „адюльтера". Всѣ эти три формы въ средѣ нѣмецкаго мѣщанства получили національную отдѣлку и законченность. Первый институтъ въ особенности поражаетъ всякаго иностранца. Онъ состоитъ въ томъ, что лица, имѣющія намѣреніе жениться вслѣдствіе дѣловыхъ соображеній, готовятъ другъ друга къ браку. Иногда такой же подготовкой занимаются также лица, отнюдь не желающія жениться—ради пріятности. Самая подготовка состоитъ въ слѣдующемъ. Молодые люди начинаютъ сближаться... Но чтобы понять это сближеніе, и въ чемъ оно состоитъ, надо прежде всего отмѣтить, что мѣщанство блудливо до крайности, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ чрезвычайнымъ лицемѣріемъ. Въ силу требованій добродѣтели, мужчины и женщины воспитываются въ полномъ раздѣленіи, а дѣвицы, кромѣ того, въ плѣнительномъ и заманчивомъ невѣдѣніи. Молодые люди не смѣютъ подойти къ дѣвицамъ, дѣвицы не смѣютъ взглянуть на мужчинъ и разыгрываютъ дѣтскую наивность. По твердому убѣжденію старшихъ, мужчина не можетъ подойти къ женщинѣ безъ пакостныхъ намѣреній, а женщины, ставшись съ мужчиной вдвоемъ, непремѣнно „падаютъ". Такова несложная психологія этой „добродѣтели", этой невинности, „падающей" въ каждомъ темномъ углу.

Платоническій женихъ получаетъ доступъ къ невинной невѣстѣ. Оба обрученные исполнены полового интереса, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайнаго благоразумія. Невѣста, предвкушая будущую роль, не только подаетъ жениху пальто и калоши, но и совершаетъ съ нимъ пріятныя прогулки и по возможности уединяется. Совершенно не интересуясь психикой другъ друга, эти два пола начинаютъ чисто физическое сближеніе. Они говорятъ другъ съ другомъ мало. Они предпочитаютъ цѣлыми часами молчать, но за то они сидятъ, непремѣнно прижавшись; онъ держитъ ее непремѣнно за руку или за обѣ; онъ буквально прилипаетъ къ ней, а она къ нему, и они такъ ходятъ, сидятъ и гуляютъ, при чемъ это молчаливое сліяніе тѣлъ длится мѣсяцы и годы. И такое времяпровожденіе считается не только позволительнымъ, но и нравственнымъ. Обрученные не прекращаютъ своихъ ма-

невровъ даже на публикѣ. Нечего и говорить, что мѣщанскій разсчетъ всегда скрывается за угломъ этой платонической любви и старательно предусматриваетъ возможность нежелательныхъ послѣдствій. Милыя шалости и ласки здѣсь отнюдь не переходятъ границъ благоразумія и взаимнаго интереса. Въ институтѣ „обрученія“ любовь и страсть поддѣлываются длительнымъ и разсчитаннымъ предвкушеніемъ. Это ли не верхъ мѣщанской гадости и добродѣтельнаго порока? Это ли не образецъ наслажденій строго размѣренныхъ по бухгалтерской книгѣ?

Содержанство въ современномъ капиталистическомъ обществѣ также получило надлежащую организацію въ духѣ мѣщанскихъ приличій. Оно получило здѣсь благоустроенную форму въ институтѣ, такъ называемыхъ, экономокъ и хозяекъ у одинокихъ молодыхъ и старыхъ господъ. Это дѣло поставлено на коммерческую ногу и въ одинаковой степени распространено во всѣхъ странахъ современной культуры. Много разсказывать объ этомъ нечего. Точно такъ же не зачѣмъ упоминать, что въ области проституціи и публичнаго разврата Германія стоитъ на ряду со всѣми цивилизованными государствами. Я хочу отмѣтить здѣсь только одну черту нѣмецкаго разврата, которая придаетъ ему на рѣдкость мѣщанскій и грубый характеръ. Я говорю о крайней простотѣ его пріемовъ, о чисто животномъ, зоологическомъ его обликѣ, о крайне дѣловомъ складѣ самаго „гешефта“. Пойдите вечеромъ на Friedrichstrasse и прилегающія къ ней улицы, заверните хоть на часъ въ одно изъ обильныхъ тутъ варіетэ, выпейте кружку пива въ ресторанѣ съ женской прислугой или въ одномъ изъ ночныхъ кафэ — и вездѣ поразитъ васъ тотъ примитивный, людоѣдскій характеръ мѣщанскаго разврата, который можно найти въ одной только Германіи. Среди женщинъ, продающихъ себя, вы не найдете тутъ въ громадномъ большинствѣ даже кокотокъ. Это просто толстыя коровы, ожидающія съ тупымъ равнодушіемъ своей судьбы, желающія заработать на себя и на свою хозяйку соотвѣтственный гонораръ. Даже въ варіетэ дѣло поставлено такъ же просто, не смотря на блескъ рампы и примѣсь иностраннаго „товара“.

Эти варіетэ безусловно заслуживаютъ болѣе серьезнаго изученія, какъ великолѣпные показатели господства пошлости и дикарства въ современной культурѣ. Я коснусь этихъ учрежденій только слегка, для характеристики мѣщанскаго парнаса. Характерно для этихъ заведеній уже то, что публика въ нихъ сидитъ до крайности спокойно, тянетъ пиво и къ самому посѣщенію „театра“ относится, какъ къ нѣкоему дѣлу. Люди пришли сюда за тѣмъ, чтобы отдохнуть и набраться впечатлѣній. На обязанности артистовъ дать эти впечатлѣнія и тѣмъ подвинтить холодную и вялую машину. Наполняющая залъ толпа со слизкими душами поддается впечатлѣніямъ туго. Чтобы расшевелить ее

нужны величайшія усилія. И это совершается. Путемъ головокружительныхъ штукъ съ опасностью для жизни, молодыя акробатки пробираютъ дрожью жирную грудь налитаго пивомъ буржуа. Онъ начинаетъ дѣлать имъ расцѣнку статей, какъ лошадямъ. Какой-то дикій полувенгерскій, полуфранцузскій канканъ цѣлаго выводка южныхъ дѣвицъ, съ визгомъ и гвалтомъ задираетъ ноги, и господинъ Мюллеръ или Шульцъ ощущаетъ трепетаніе подъ ложечкой. Выступаютъ, наконецъ, на сцену толстыя бабы въ одномъ трико и начинаютъ атлетическую борьбу. Красныя и потныя, въ синякахъ, съ лохмами прилипшихъ волосъ на головѣ, онѣ довершаютъ ударъ въ мѣщанскій сердечный департаментъ. Мюллеръ готовъ. Если онъ богатъ, онъ приглашаетъ ужинать одну изъ атлетокъ, если бѣденъ — нанимаетъ корову на Friedrichstrasse... Жертва музамъ принесена, а ублаготворенный буржуй возвращается въ лоно семьи и къ своему прилавку.

Нѣмецкая Hausfrau имѣетъ такъ же свои удовольствія. Загнанная въ темный уголъ своей кухни, она представляетъ собою только часть мебели въ домашней обстановкѣ, только необходимую живую принадлежность фамильнаго инвентаря. Отсутствіе сколько-нибудь серьезнаго образованія и дрессировка въ домѣ родителей заблаговременно подготовляютъ ее на роль домашняго животнаго у семейнаго очага, гдѣ главной ея обязанностью является скаредничество и бережливость. Нѣмецкая женщина работаетъ, какъ батракъ, но при томъ исключительно въ мелкой области домашняго скопидомства. Въ одномъ мѣстѣ она урѣжетъ, въ другомъ — выторгуетъ, въ третьемъ—сбережетъ, въ четвертомъ—заштопаетъ. Это ея главное призваніе. На ней лежитъ весь домъ, но она въ немъ не столько хозяйка, сколько приказчикъ. Къ ней всѣ обращаются, отъ нея всего требуютъ. Она мечется, какъ сумасшедшая, отъ одной мелочи къ другой, изъ одной крохотной заботы въ другую, вертится, словно бѣлка въ колесѣ, среди жалкой сѣрой повседневности. И только удивительное здоровье германской расы спасаетъ ее отъ окончательнаго сумасшествія въ этомъ болотѣ мѣщанскихъ хлопотъ и нищенскихъ терзаній, только привитая съ дѣтства ограниченность даетъ ей силу не замѣчать этого ада между периной и картофельнымъ супомъ. И замѣчательное дѣло. Къ нѣмецкой женщинѣ съ особымъ упорствомъ прививаютъ и въ ней культивируютъ какую-то искусственную дѣтскость, жеманную наивность самаго дурного вкуса. И въ обществѣ, и по отношенію къ мужу она вѣчно играетъ роль наивнаго глупаго ребенка, несмотря на 30 или 40 лѣтъ за плечами. Получается видъ, словно нѣмецкая женщина нарочно притворяется дурочкой или идіоткой. Она прямо кокетничаетъ своей искусственной глупостью и, желая быть игривой и интересной, принимаетъ тонъ 6-ти лѣтняго младенца. Мужъ, конечно, при этомъ снисходитъ. Отецъ и командиръ, онъ властвуетъ надъ низшей

породой. За нимъ однимъ остается привилегія ума и зрѣлости. Трогательное зрѣлище представляетъ этотъ патентованный авторитетъ и владыка рядомъ съ женщиной, которая, по всѣмъ правиламъ рекрутской школы, прыгаетъ передъ нимъ на манеръ собаченки и дѣланной нѣжностью покупаетъ его благоволеніе. Да, мало удовольствія получаетъ бюргерская Hausfrau у семейнаго очага, и нѣтъ у нея ни времени, ни способности найти что-нибудь въ жизни помимо узаконенныхъ предѣловъ. Въ дѣла мужа она не смѣетъ носа совать, интересоваться искусствомъ, наукой, политикой, не смѣетъ въ силу присвоенной ей глупости, музыка допускается только для гостей и пѣніе тоже. Остается одно: вздыхать втихомолку, глядя на проходящихъ гусаровъ, питать мечтою о великолѣпномъ Раулѣ свое ограбленное женское сердце. И на помощь приходитъ чисто нѣмецкій мѣщанскій адюльтеръ. Стиснутая въ своемъ подпольѣ, женщина пользуется буквально каждой щелью, чтобъ хоть на минутку уйти отъ законныхъ ласкъ повелителя. Благодаря сентиментальности и дешевому романтизму, она надѣляетъ перваго попавшагося лейтенанта ореоломъ „милорда аглицкаго“ и бросается ему на шею. Естественно, что при интригахъ между варкой кофе и приготовленіемъ бифштекса нельзя быть особенно разборчивой или долго тянуть платоническую канитель. Герой мѣщанскаго романа изъ того же тѣста, какъ и супругъ, и тоже времени даромъ не тратитъ. Ему не нужна любовь, а требуется скорѣйшее достиженіе цѣли. Ему нуженъ не человѣкъ, не женщина, а тѣло. Романъ идетъ весьма реальнымъ путемъ. Случай уноситъ одного героя и замѣняетъ его другимъ, а самый адюльтеръ принимаетъ характеръ привычной порціи рома, которымъ сдабриваетъ по рукамъ и ногамъ скованное существо свой скверный и жидкій семейный бульонъ...

И жалко, и противно, и тяжело. Но черты нѣмецкаго мѣщанства мной не преувеличены. Это цѣлый потокъ мутной среды, который выбился изъ расщелинъ капиталистическаго хозяйства и обмываетъ липкими тяжелыми волнами всѣ устои свободной конкурренціи и частнаго капитала. Именно эта жижа реакціоннаго, индифферентнаго мѣщанства заплываетъ во всѣ втулки и оси общественной машины и придаетъ ей такой спокойный и гладкій ходъ. Отстаиваясь грандіозными пятнами на поверхности жизни, эта маслянистая масса входитъ незамѣтной тягучей струей въ трудовые рабочіе низы и развращаетъ ихъ, подымается по трубамъ соціальнаго строя, утучваетъ почву для „избранныхъ“, возращаетъ всяческіе плоды для капиталистически-феодальнаго „благородства“. Мѣщанство, это — истинная основа для золотой середины, среда „умѣренности и аккуратности“. Мѣщанство, это—милліонная масса людей-гусеницъ, людей-инфузорій, надъ которыми царитъ мѣдный грошъ и сладкая добродѣтель. И въ покойныя, мирныя времена общественной жизни, при внѣшней

законченности соціальнаго строя, при видимой удовлетворенности всѣхъ благонамѣренныхъ элементовъ, растетъ мѣщанство вдоль и въ ширь, сгущается въ компактные темные центры, покрывается корой приличія и благонамѣренной, твердой морали. И какъ цвѣты на глубокомъ зеленомъ болотѣ, появляются на его поверхности то незабудки ревизіонизма, то гіацинты національ-либерализма, то лиліи политики „примѣнительно къ подлости“.

III.

Въ основѣ всякой мѣщанской политики лежитъ несомнѣнно оппортунизмъ. Главной чертой всякаго оппортунизма является безпорно его полное равнодушіе къ разнымъ принципамъ и программамъ: лишь бы въ карманѣ было полно и дома было уютно. Въ виду этого оппортунизмъ по существу не чуждается ни одной изъ партій, начиная съ крайне-правыхъ и кончая крайне-лѣвыми: вѣдь каждая изъ нихъ можетъ послужить въ извѣстный моментъ къ выгодѣ избравшихъ ее приверженцевъ на пользу ихъ карману и карьерѣ. Въ послѣднее время, при чрезвычайномъ ростѣ соціалъ-демократической партіи Германіи, именно ее осчастливили своимъ выборомъ многіе карьеристы и пробуютъ за счетъ рабочихъ массъ создать себѣ безъ особаго труда и почетъ, и положеніе, и доходное мѣстечко. Вторженіе мѣщанскихъ оппортунистическихъ элементовъ въ нѣмецкую рабочую партію есть фактъ величайшей важности, и при томъ фактъ, въ высшей степени бросающійся въ глаза. Такъ ярка здѣсь противоположность между идеализмомъ рабочихъ массъ и махинаціями пѣнкоснимателей, такъ рѣзко выдѣляются здѣсь эти игриво-легкомысленныя, сверкающія сусальнымъ золотомъ фразы вождей изъ числа, такъ называемыхъ, „академиковъ“.

За крайнимъ недостаткомъ редакторовъ и сотрудниковъ для партійныхъ журналовъ, составителей летучихъ листковъ, ораторовъ на собраніяхъ, довѣренныхъ партій и даже депутатовъ въ различныхъ представительныхъ учрежденіяхъ, такіе приходящіе къ партіи „академики“ слишкомъ скоро занимаютъ въ партіи выдающіяся мѣста, получаютъ даже депутатскіе мандаты и, такимъ образомъ, начинаютъ играть роль духовныхъ вождей и опекуновъ партіи, что имъ порой совсѣмъ не пристало. Такъ появляются среди рабочихъ люди, которые, по удачному выраженію Бебеля, „слишкомъ скоро забываютъ то, чему они выучились въ качествѣ соціалъ-демократовъ“, начинаютъ „болѣе или менѣе вѣрить, что они именно прирожденные вожди пролетаріата“, что, наконецъ, „пролетаріи должны гордиться той честью, которую они имъ оказываютъ, если принимаютъ отъ нихъ мандатъ“.

Мѣщанская мораль этихъ карьеристовъ нашла великолѣпное

выраженіе въ пресловутой статьѣ о партійной морали, помѣщенной въ свое время въ журналѣ оракула бюргерства Максимиліана Гардена. Никакой мыслящій человѣкъ не продается партіи „съ кожей и костями“, говорится тамъ. „Онъ знаетъ, что приверженцы партіи только еще недавно выдѣлились изъ массы и несутъ еще на себѣ слѣды своего происхожденія; съ полнымъ сознаніемъ, поэтому, направляетъ онъ сообразно съ этимъ свою рѣчь и молчаніе. Вѣдь и незрѣлымъ дѣтямъ умалчиваютъ родители и учителя кое о чемъ, рисуютъ кое-что, хотя бы съ цѣлью упрощенія, нѣсколько иначе, чѣмъ они видятъ въ дѣйствительности— и никто не называетъ ихъ за это лгунами. Политическій педагогъ долженъ считаться съ тѣмъ, что большинство его партійнаго стада живетъ, въ созданныхъ массовымъ воспріятіемъ представленіяхъ, въ состояніи дѣтства, и что безъ этой массы нельзя обойтись въ борьбѣ. Движущіе факторы исторіи, это—силы, независимыя отъ человѣческой воли, и ихъ орудіемъ являются массы. Темныя влеченія принуждаютъ ихъ дѣлать то, что болѣе сознательному разуму предуказываетъ линія развитія. Въ эти волнующіяся массы падаютъ сѣмена идейнаго посѣва, бросаемыя отдѣльными индивидами. И только когда почва уже подготовлена и позволяетъ достигнутая ступень развитія, посѣвъ всходитъ, и масса принимаетъ отдѣльныхъ лицъ, какъ руководителей своей судьбы. Если эти условія не существуютъ, масса поглощаетъ индивида, котораго она еще не можетъ понять“. Такъ рисуетъ журналъ отношенія массы къ партіи и къ вождямъ, и вполнѣ естественно, что изъ такого пониманія этихъ отношеній необходимо выростаетъ для вождей обязательность іезуитской морали. Итакъ: „Цѣль освящаетъ средства. Я знаю, эту іезуитскую мораль отбрасываетъ отъ себя всякій человѣкъ, который хочетъ сохранить свою добрую репутацію. И, однако, это слово имѣетъ свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣческій міръ; и только съ этимъ міромъ оно погибнетъ. Гартъ порицаетъ, что вожди партій даютъ въ частномъ кругу объективныя рѣшенія относительно событій дня и мѣропріятій въ собственной партіи, а затѣмъ публично говорятъ совершенно иначе. Этотъ фактъ безусловно справедливъ. Но Гартъ заблуждается, когда онъ думаетъ, что это происходитъ ради массы: это происходитъ ради цѣли“ . . . „Отдѣльныя положенія программы каждый считаетъ второстепенными, можетъ быть, даже ложными. Однако выше, чѣмъ слово, для него стоитъ духъ. И развѣ уже ложь подобное reservatio mentalis? Я думаю—нѣтъ. Я вижу, что друзья стоятъ въ битвѣ. Я вижу, также, они сдѣлали ошибку, и я порицаю ее. Но неужели я долженъ въ силу этого вносить смятеніе въ ихъ ряды, отнимать у нихъ радостную увѣренность? Одно мгновеніе я колеблюсь. Но я понимаю, что тогда вторгнется врагъ, и я еще дальше, чѣмъ прежде, буду отъ намѣченной цѣли: и такъ какъ я

стремлюсь къ цѣли, то я долженъ идти впередъ, я не могу не отстать, ни ослабить своихъ товарищей"... Итакъ, цѣль оправдываетъ средства и при помощи двойной игры вождей создается изъ „темной массы", обуреваемой „тупыми" инстинктами, партія. Но даже и послѣ того, какъ она создалась, вожди не должны нарушать мирныхъ ея заблужденій и благонамѣренныхъ самообольщеній. Разъ партія „создалась, то каждый принадлежащій къ ней индивидъ получилъ, благодаря этому, болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о своей жизненной задачѣ и цѣли: неужели же вожди должны разрушить это чувство счастья придирками и сомнѣніями и толкнуть обратно въ душное существованіе массъ тѣхъ людей, жизнь которыхъ только что начала получать содержаніе,—и все это только потому, что вожди не могутъ перенести чувства тяжести, ощущаемаго ихъ культурной душой, если они не всегда могутъ говорить полную правду и кое о чемъ должны умолчать? Вѣдь не только единицы пострадали бы отъ такихъ дѣйствій; нѣтъ, здѣсь была бы убита самая идея, которая, при помощи массы, могла бы стать живой дѣйствительностью".— Такъ одинъ изъ „товарищей" соціалъ-демократіи „защищалъ" ея мораль отъ нападеній противниковъ въ одномъ изъ наиболѣе враждебныхъ партіи журналовъ бюргерской лѣвой, и вполнѣ понятно, что подобная защита вызвала бурю негодованія и цѣлый рядъ горькихъ и справедливыхъ упрековъ со стороны партіи по адресу тѣхъ „академиковъ", которые идутъ къ ней ради положенія и карьеры и очень скоро забываютъ не только объ „отдѣльныхъ пунктахъ" программы, но и о простой партійной порядочности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что соціалъ-демократія преслѣдуетъ серьезныя воспитательныя цѣли. „Я первый готовъ признать — говорилъ еще Лассаль, — что никакое соціальное улучшеніе не стоило бы потраченнаго на него труда, если бы послѣ него—что къ счастью совершенно невозможно—рабочіе остались бы такими же, какими въ большинствѣ они являются въ настоящее время". Такое же просвѣтительное дѣйствіе соціалъ-демократіи признавалъ въ свое время и покойный Либкнехтъ, когда онъ не только провозгласилъ въ 1890 г. на партейтагѣ партію рабочихъ—„партіей научнаго соціализма", стоящей „на почвѣ науки", но и выставлялъ „первой" ея „обязанностью", „несеніе знаній въ народъ". „Въ знаніи сила", говорилъ этотъ замѣчательный „академикъ" партіи: „и если бы нѣмецкіе рабочіе не получили при помощи соціалъ-демократіи великаго количества знаній и свѣдѣній", то они „не могли бы выдержать борьбы противъ закона о соціалистахъ и духовно превозмочь своихъ враговъ". Самая программа партіи въ силу этого должна была „стоять на высотѣ науки", должна была быть проникнута „духомъ партіи, которая знаетъ, что она не по произволу и не благодаря случаю сдѣлалась тѣмъ, что она есть". И не только на „исторической необходимости"

обосновывалъ старый Либкнехтъ свою партію. „Развѣ мы не обладаемъ тѣмъ, что составляетъ силу всякой религіи, т. е. вѣрой въ высочайшіе идеалы?—говорилъ онъ.—Развѣ въ соціализмѣ нѣтъ высшей нравственности: безкорыстія, самоотверженія, любви къ ближнему? Когда мы при господствѣ закона о соціалистахъ приносили съ радостью величайшія жертвы, отдавали на раззореніе свои семьи и теряли средства существованія, годами разлучались съ женами и дѣтьми для того, чтобы служить дѣлу, развѣ это не было тоже религіей... религіей человѣчества? Это была вѣра въ побѣду добра и идеи; непоколебимое убѣжденіе, твердая, какъ скала, вѣра въ то, что право побѣдитъ, а неправо обречено на погибель. И эта религія насъ никогда не покинетъ, такъ какъ она составляетъ съ соціализмомъ единое цѣлое“. Когда однажды, во время обсужденія закона о соціалистахъ, депутатъ Бамбергеръ замѣтилъ въ рейхстагѣ, что „у соціалъ-демократовъ есть еще вѣра“, то тотъ же Либкнехтъ отвѣтилъ ему полнымъ согласіемъ: „Да, у насъ есть еще вѣра — мы знаемъ, что мы покоримъ міръ!“

Таковы духовныя основы соціализма, и понятно послѣ этого, что во время борьбы въ рейхстагѣ противъ закона Гейнце, грозившаго во имя полиціи нравственности убить всякую науку, литературу и художество, именно соціалисты шли во главѣ оппозиціи и всѣми силами отстаивали эти высшія блага современной культуры отъ лицемѣрной опеки полицейской морали. Какъ тогда же писалъ проф. Дельбрюкъ: „блестящій походъ вела теперь соціалъ-демократія противъ lex Heinze... Искусство, наука, образованіе въ Германіи должны были бѣжать подъ крыло соціалъ-демократіи... Мы дошли уже до того, что безъ этой партіи мы не можемъ болѣе обойтись“. Только необходимымъ выводомъ изъ духовныхъ основъ соціализма становится то стремленіе современной общественной науки и молодой философіи, которое самый соціалистическій строй будущаго дѣлаетъ средствомъ для воплощенія высшихъ нравственныхъ цѣлей человѣчества. Такъ, Антонъ Менгеръ въ своемъ „новомъ государственномъ ученіи“ не что иное считаетъ „идеаломъ“ будущаго „народнаго государства рабочихъ“, какъ „совершенство мышленія, дѣйствія и воспріятія широкихъ народныхъ массъ, ихъ интеллектуальное, нравственное и эстетическое воспитаніе“. Такъ, молодой философъ Койгенъ въ выпущенной имъ книгѣ съ предисловіемъ Эд. Бернштейна только отъ соціализма ожидаетъ новаго возрожденія культуры, новой религіи „идеализма дѣйствительности“ и созданія новой истинно свободной личности „человѣка ренессанса“.

Высокія нравственныя задачи ставитъ себѣ соціалъ-демократія, великимъ идеализмомъ проникнуто ея поступательное движеніе; чрезвычайнаго напряженія силъ требуетъ она для воплощенія своего далекаго идеала. Но это—не извнѣ навязанныя ей цѣли

и задачи; ея путь—не путь школьной учебы и мѣщанской дрессуры; ея силы не въ особыхъ свойствахъ поставленныхъ надъ нею „идоловъ", не въ мудрости „академиковъ", не въ руководствѣ „сверхъ-человѣковъ". Нѣтъ,—сила соціалъ-демократіи не въ этомъ. И, воистину, нельзя было менѣе понять ея нравственную сущность, нельзя было болѣе наивно и пошло дискредитировать ея строй и принципы, какъ это сдѣлалъ Бернгардъ со своей чисто бюргерской „партійной" моралью. Глубоко правъ былъ вѣчно юный Бебель, когда онъ заклеймилъ въ дрезденскомъ Тріанонѣ всю низменность подобныхъ разсужденій и, слѣдующимъ образомъ, резюмировалъ ихъ сущность: „этимъ вѣдь ясно сказано: масса, это—жалкая чернь, — misera plebs римскихъ патриціевъ, это та масса, надъ которою при встрѣчѣ авгуры смѣются. Да, она достаточно хороша для работы, для агитаціи, для платежа пошлинъ, для голосованія, но въ остальномъ—она партійное стадо, она—дитя, которому нельзя всего сказать, что думаешь. А вожди партіи, это—ничшеанскіе сверхъ-человѣки, мужи силы, которые все знаютъ, все видятъ и все проницаютъ, они земное провидѣніе товарищей по партіи, имъ принадлежитъ предводительство, такъ какъ масса не въ состояніи руководить сама собою". Такое представленіе о соціалъ-демократіи, это—прямо „издѣвательство" надъ нею. „Кто у насъ хочетъ быть вождемъ", говорилъ тотъ же Бебель: „тотъ долженъ дѣйствовать не такъ, какъ онъ хочетъ, а какъ хочетъ партія. Онъ долженъ то выполнить, къ чему стремится масса, что она чувствуетъ и думаетъ. Вожди—орудія партіи, а не генералы и командиры, которые говорятъ: „мы идемъ впередъ, а вамъ остается только насъ слушаться". Эту же точку зрѣнія проводилъ маститый вождь народной партіи и въ другихъ своихъ рѣчахъ на партейтагѣ, когда онъ упрекалъ своихъ сотоварищей въ томъ, что они „потеряли соприкосновеніе съ душой партіи". Именно тѣмъ, что самъ онъ до сихъ поръ „стоитъ въ полномъ согласіи съ массами, изъ которыхъ онъ вышелъ", — объяснялъ Бебель свое положеніе въ партіи и не безъ справедливой гордости привелъ отзывы враговъ, которые говорятъ: „Да, вотъ старый Бебель, съ которымъ ничего не подѣлаешь,—за нимъ стоятъ массы"!

Но поскольку мѣщане въ соціалъ-демократіи проповѣдуютъ необходимость надлежащаго командованія надъ „темными массами", постольку же, съ другой стороны, они готовы подъ видомъ ревизіонизма отказаться отъ всякой принципіальной политики и тактики пролетаріата. Облегчивъ „партійное стадо" отъ всякихъ непосредственныхъ заботъ о высшихъ матеріяхъ, наши оппортунисты въ свою очередь не желаютъ особенно безпокоиться или страдать подъ вліяніемъ неумѣренности пролетарскихъ требованій, революціоннаго характера ихъ программы. Занявъ среди партіи хорошіе посты и успокоившись сами, они

вполнѣ естественно желаютъ, чтобы массы тоже особенно не безпокоились, а изучили бы получше великую добродѣтель терпѣнія и скромности. На мѣсто политики у нихъ наступаетъ дипломатія, на мѣсто мужественной борьбы — торгашество и гешефтмахерство. Какъ прекрасно замѣтилъ Бебель въ свое время, „ревизіонизмъ отличается прежде всего своей великой скромностью. Это даже его основной признакъ. Ничтожной малостью онъ уже доволенъ, только бы не надоѣдать, только бы не возбуждать, только бы не поднять за собою массы...“ „Только тихо, тихо. Только, пожалуйста, безъ шума; а если пошумѣть, то за закрытыми дверями. Мы уже будемъ знать, какъ повернуть дѣльце, какъ не потревожить массъ, чтобы не разстроить наши выкладки... Чѣмъ скромнѣе мы будемъ, тѣмъ легче мы побѣдимъ... Ахъ, не такъ скоро. Не надо надоѣдать. И если ревизіонисты не говорятъ, то, по крайней мѣрѣ, думаютъ: массы еще не созрѣли“. „О, – восклицаетъ—Бебель, это мелочная точка зрѣнія, это узость, это трезвенность, это вѣчное успокаиваніе, отлыниваніе, политиканство, улаживаніе!“ „Естественно, что на сторонѣ нашихъ ревизіонистовъ весь государственный геній“ и „дипломатическая ловкость“; а тутъ къ нимъ присоединяются еще „хитрецы“, которые сначала все прислушиваются: „какъ-то обстоятъ дѣла тамъ, какъ дѣла тутъ?“ „Они всегда разнюхиваютъ, гдѣ большинство, и тащутся съ нимъ. Этого сорта люди имѣются и въ нашей партіи...“ Этихъ товарищей должно изобличать...

Слабость, вотъ слово, которое воистину должно быть огненными буквами отмѣчено въ словарѣ человѣчества! Слабость, — она все объясняетъ, все оправдываетъ, все извиняетъ. Злыхъ и, при томъ, послѣдовательно, принципіально злыхъ очень мало. Такая злость имѣетъ свою логику. Она ненавидитъ человѣчество и презираетъ его. Она мститъ ему за его ничтожество и знаетъ, чего хочетъ. Она пользуется каждымъ случаемъ, чтобы прибавить еще каплю страданія къ тому океану человѣческаго горя, которое и такъ со всѣхъ сторонъ заливаетъ его. Но человѣконенавистничество есть своего рода сила. Оно знаетъ своихъ враговъ и борется съ ними. Оно примѣняетъ грубое насиліе тамъ, гдѣ увѣрено въ успѣхѣ; оно прибѣгаетъ къ клеветѣ и хитрости, гдѣ надо убить моральный авторитетъ или ореолъ идеи. Унизить, развратить, лишить воли и чести, обратить людей въ дикое и безсмысленное стадо, наложить на него клеймо своей корыстной воли и запречь его въ колесницу пошлыхъ инстинктовъ и неустаннаго труда — таковы цѣли и стремленія истинной злобы принципіальнаго человѣконенавистничества!— Но не такова слабость. Она подкрадывается, какъ воръ, и нападаетъ съ тылу. Она предаетъ со слезами и съ сожалѣніемъ о своей жертвѣ. Она вся во власти обстоятельствъ и носитъ обликъ тихаго, ласковаго и даже добраго существа. Но она никогда не

знаетъ, что она сдѣлаетъ съ тѣмъ, кого заключаетъ въ свои объятія—зарѣжетъ ли она своего возлюбленнаго брата и друга,—ибо для нея всѣ друзья и нѣтъ различія между людьми, такъ какъ нѣтъ принципа и критерія для суда — или обольетъ его своей безконечной любовью. Одного только слабость не любитъ,—это гласности и шуму. Она скрывается въ тинѣ общественной жизни и не любитъ, чтобы ее безпокоили, она не любитъ и безпокойныхъ: „Тишь да гладь, да Божья благодать" — чего лучше. Въ тишинѣ ей спокойнѣе. Тамъ не замѣтны позорныя пятна подъ складками ея одѣянія; она можетъ даже прослыть за совсѣмъ приличное существо. Въ тишинѣ она покойно ткетъ свою паутину и потихоньку опошляетъ, укорачиваетъ и подрѣзаетъ все, къ чему прикасается.

Но наступаетъ моментъ разсчета. Спрятанная подъ тиной стоячаго болота, слабость вдругъ ощущаетъ приближеніе грозы. Подъ ударомъ соціальной непогоды рвутся болотныя травы, исчезаетъ тина и выносятъ на берегъ всю скрытую грязь непокорныя волны. Вожди и герои, политики и ревизіонисты оказываются просто на просто ничтожными людьми, жалкимъ порожденіемъ мѣщанской слабости и пошлаго разсчета. Отъ ихъ политики не остается ни слѣда, рушится безъ остатка хитросплетенное зданіе интригъ и одолженій, компромиссовъ и всяческихъ уступокъ. Наступаетъ моментъ, когда не на словахъ и не въ уютномъ кругу пріятелей и друзей, не на спокойной каѳедрѣ призваннаго учителя партійнаго „стада", а на дѣлѣ, цѣной своего благополучія и покоя, цѣной своей жизни и будущности приходится доказать свою вѣрность партіи и ея программѣ, свое право на занятое среди партіи мѣсто. И тутъ-то происходитъ великое чудо. Тотъ, кто еще вчера такъ красно говорилъ объ интересахъ цѣлаго, о благѣ общемъ, сегодня прячется за ширму личной морали и требуетъ для себя „свободы" отъ партійнаго долга и партійной морали. Внезапно исчезаютъ куда-то великіе пріемы государственной политики, высыхаетъ дипломатическій жаръ, пропадаютъ въ неизвѣстность великая мудрость и велѣніе „цѣлесообразности". Оказывается, что „все это было хорошо для украшенія „ревизіонизма", но совсѣмъ не годится для того, чтобы избавить героя отъ необходимости „показать свой цвѣтъ" (die Farbe zu bekennen), отъ перспективы жертвъ, непріятности и страданій. И тогда нашъ политикъ изъ руководителя темнаго „стада", изъ мудраго апостола дипломатическихъ компромиссовъ превращается сразу въ то, съ чего бы надо было начать, въ такъ называемаго „идеалистическаго индивидуалиста".

Припертый къ стѣнѣ, дѣлецъ мѣщанскаго пошиба прячется отъ политики за личную мораль, разъ только политика становится непріятной, и провозглашаетъ столь возлюбленный въ буржуазномъ обществѣ принципъ „нравственной автономіи лич-

наго поведенія". Это то извращеніе ничшеанства, которое вырождается въ полную свободу отъ какой-либо нравственности, въ совершенную анархію воли и распущенность. Несправедливо, конечно, приписывать Ничше отвѣтственность за подобное ничшеанство. Въ этомъ замѣшано слишкомъ много глубокихъ и серьезныхъ соціальныхъ причинъ, на которыхъ мы въ настоящее время не считаемъ возможнымъ останавливаться. Но фактъ остается фактомъ. Столь прекрасно звучащая полная нравственная автономія личности приводитъ здѣсь только къ оправданію всякаго этическаго содержанія во имя формальной автономіи воли. И на этомъ-то принципѣ построена та удивительная система нравственной безотвѣтственности и „терпимости", которая господствуетъ въ бюргерскомъ обществѣ и даетъ ему возможность быть открыто безнравственнымъ, сохраняя въ то же время всѣ услады жизни, присвоенныя каждому моральному и порядочному буржуа. Формула этого широкаго всепрощенія весьма характерна. Она родилась еще въ XVII вѣкѣ вмѣстѣ съ рожденіемъ политически мощной буржуазіи и съ тѣхъ поръ благосклонно прикрываетъ собою всѣ грѣхи и грѣшки властвующаго класса. Формула эта гласитъ: „Tout comprendre tout pardonner!" (все понять—все простить). Это основа типичной буржуазной морали, разсуждающей не о дѣлахъ, а только о мотивахъ. „Все понять" — это значитъ убѣдиться въ томъ, что данное лицо поступило согласно мотивамъ, которые въ данной моментъ оно само считало нравственными... Совершенно естественно вмѣстѣ съ тѣмъ, что каждый, желающій оправдать свое дѣяніе, найдетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всегда соотвѣтственные мотивы, которые съ его точки зрѣнія совершенно прикроютъ принципомъ „автономной" морали всякую гадость, какую бы данное лицо ни учинило. „Все простить"—это значитъ: послѣ совершившагося такимъ путемъ оправданія даннаго лица войти опять съ нимъ въ сношенія, какъ съ безупречнымъ и нравственнымъ членомъ общества. — Полное отсутствіе общественной отвѣтственности въ области моральнаго дѣланія— таково невзбѣжное дополненіе quasi-ничшеанской буржуазной морали, и вполнѣ естественно, что съ провозглашеніемъ индивидуальной автономіи всякій членъ рабочей партіи совершенно освобождаетъ себя отъ всѣхъ нравственныхъ обязательствъ по отношенію къ партійной программѣ, снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность передъ тѣми людьми, довѣріемъ которыхъ онъ купилъ себѣ и положеніе, и мѣсто, обогналъ своихъ бюргерскихъ конкуррентовъ.

Такъ все это просто и легко. И если къ такой морали рискуютъ прибѣгать люди, принадлежащіе къ соціалъ-демократической партіи, гдѣ такъ сильна нравственная связь ея членовъ и господствуетъ такая строгая дисциплина, гдѣ, наконецъ, такъ развито классовое сознаніе, то можно себѣ представить, что дѣлается

среди бюргерскихъ партій, гдѣ политика мѣщанства не встрѣчаетъ никакихъ серьезныхъ преградъ и препятствій!...

IV.

Нѣмецкій либерализмъ послѣдняго времени стяжалъ себѣ въ этомъ отношеніи незавидную славу. Отбросивъ принципы и партійный ригоризмъ, мѣщанскіе либералы поставили на ихъ мѣсто пресловутую цѣлесообразность, а такъ какъ „цѣли" этой послѣдней весьма туманны и ограничиваются, съ одной стороны, страхомъ за свой покой и благополучіе, а съ другой—рабскимъ преклоненіемъ передъ всяческимъ начальствомъ, то и получается та печальная картина постоянныхъ колебаній и компромиссовъ, которые еще такъ недавно дали блестящій образецъ плачевнаго самоуниженія. Мы говоримъ здѣсь о поведеніи свободомыслящихъ по вопросу о торговыхъ договорахъ, недавно принятыхъ германскимъ рейхстагомъ.

Депутатъ рейхстага Готгейнъ слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ въ своей резолюціи, предложенной общему собранію либераловъ избирательнаго округа, эти договоры о „хлѣбномъ ростовщичествѣ". „Теперешняя торговая политика, принятая въ нарушеніе права на основаніи тарифа 1902 года, въ настоящее время привела къ выработкѣ торговыхъ договоровъ, предложенныхъ рейхстагу. Благодаря этой торговой политикѣ, дорожаетъ хлѣбъ у широкихъ народныхъ массъ, прежде всего рабочихъ, и это совершается въ интересѣ немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Возрастаніе ренты крупнаго землевладѣнія содѣйствуетъ въ свою очередь расширенію крупнаго сельскаго хозяйства за счетъ крестьянскаго земледѣлія. Въ области промышленнаго производства эта политика ведетъ къ условіямъ, которыя тяжело угрожаютъ общему благу. Пошлины на сырые продукты и полуфабрикаты способствуютъ дѣятельности такихъ картелей, благодаря коимъ у обрабатывающей промышленности возрастаютъ издержки производства. Въ то же время наша вывозная промышленность подвергается опасности со стороны боевого тарифа за границей, направленнаго противъ нашихъ аграрныхъ пошлинъ. Цѣлыя отрасли промышленности идутъ на встрѣчу полному уничтоженію; у средняго класса вздорожаютъ его условія существонія, а его условія заработка будутъ сильно повреждены нездоровымъ движеніемъ концентраціи. При этой политикѣ рабочій, при уменьшившейся заработной платѣ, долженъ будетъ оплатить возросшія цѣны на продукты питанія; промышленность перенесетъ свои центры за границу; капиталъ и трудъ уйдутъ изъ страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ погребено благосостояніе Германіи". Какъ уже знаютъ читатели „Русскаго Богатства" въ этомъ

проектѣ резолюція свободомыслящаго депутата нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія и, казалось бы, не должно было возникнуть никакихъ сомнѣній относительно того, принять ли или отклонить торговые договоры, по крайней мѣрѣ насколько дѣло шло о голосахъ крайней бюргерской лѣвой.

Но мѣщанство побѣдило. Не смотря на то, что, помимо свободомыслящихъ голосовъ, у правительства было вполнѣ обезпечено большинство изъ консерваторовъ, центра и націоналъ-либераловъ, а слѣдовательно, хлѣбныя пошлины были бы приняты все равно и безъ голосовъ крайней лѣвой; не взирая на то, далѣе, что, въ случаѣ провала договоровъ, правительство никогда не рѣшилось бы прибѣгнуть къ такому автономному тарифу на свой страхъ и рискъ—значительная часть „Freisinnig'овъ" испугалась. Они испугались по знаменитой формулѣ всякой мѣщанской политики: „а, вдругъ!.." И хотя на упомянутомъ уже собраніи либераловъ была принята громаднымъ большинствомъ резолюція противъ хлѣбныхъ пошлинъ и торговыхъ договоровъ, тѣмъ не менѣе уже тамъ почувствовалось знаменитое „а, вдругъ!"—А вдругъ реакціонное большинство окажется слишкомъ малымъ, и консерваторы съ центромъ не сумѣютъ провести ростовщическаго закона. А вдругъ тогда правительство разсердится на парламентъ и устроитъ еще что-нибудь хуже. А вдругъ на почвѣ автономнаго тарифа начнется таможенная война, и капиталъ потерпитъ большіе убытки, чѣмъ теперь при хлѣбныхъ пошлинахъ. А вдругъ... Боже мой, да всего и не перечислишь, что показалось представителямъ бюргерской лѣвой, этимъ носителямъ буржуазнаго демократизма. Свободомыслящіе отличились; изъ страха, что провалятся эти аграрные враждебные народу, договоры, они, за немногими исключеніями, пустились бѣжать скорѣй на помощь туда, гдѣ случайно могла оказаться недохватка консервативныхъ или клерикальныхъ голосовъ. Скорѣе—въ лакейскую къ правительству и аграріямъ! Скорѣе обезпечить реакцію отъ отдаленной возможности неуспѣха. Что до того, что на дорогѣ стоятъ собственные, столь торжественно провозглашенные когда-то принципы. Къ чему вѣрность убѣжденіямъ и идеаламъ? Чего думать о народномъ благѣ, когда на стѣнѣ размалеваны такія страшныя чудовища автономнаго тарифа и таможенной войны? Какое дѣло до голодающихъ бѣдняковъ, до ихъ страданій и грозящей нужды?—Только бы господа капиталисты не пострадали слишкомъ сильно, только бы имъ хоть сколько-нибудь сухими выйти изъ воды!

И меньше всего такимъ демократамъ и радикаламъ могла помѣшать въ ихъ пошломъ мѣщанскомъ страхѣ ихъ отвѣтственность передъ избирателями. Въ засѣданіи 22 февраля настоящаго года, они въ этомъ отношеніи устроили Kunststück, который чрезвычайно рѣдокъ въ исторіи парламентаризма. Выступая открыто противъ тарифа, они вмѣстѣ съ тѣмъ голосовали за него. Отвѣт-

ственность съ себя они при этомъ сбросили, подобно Пилату, и предали народныя массы на голодъ и скорбь, умывая въ чистой водицѣ свои бѣлыя ручки. Уже членъ народной партіи Кэмпфъ далъ ясно понять, что демократы вотируютъ за тарифъ „съ тяжелымъ сердцемъ", только для того, чтобы аграріи не навязали правительству иначе еще худшихъ пошлинъ. И для полной красоты своихъ выводовъ Кэмпфъ прибавилъ: „мы никогда не перестанемъ вести борьбу противъ той торговой политики, которая наградила насъ этимъ договоромъ. Противъ нея мы будемъ бороться изо всѣхъ силъ". И въ томъ же измѣнническомъ духѣ заявилъ 22 февраля и г. Момзенъ младшій. „Я, съ частью моихъ друзей, будемъ, не смотря на весьма тяжкое внутренное противорѣчіе, голосовать за эти договоры, такъ какъ мы не можемъ принять на себя отвѣтственность за ту неопредѣленность, которая водворилась въ послѣдніе годы... Мы не можемъ долѣе выносить ее... Кто отвергаетъ договоры, тотъ принимаетъ на себя отвѣтственность — если даже большинство голосуетъ за договоры—за то, что могло бы послѣдовать въ случаѣ, если бы ихъ отклоненіе повело за собой введеніе нѣмецкаго таможеннаго тарифа". Такъ говорилъ Момзенъ младшій и, увы! этотъ малый сынъ великаго отца далеко не измѣнилъ тактикѣ и „пріемамъ своего родителя". Это было въ 1884 году, разсказываетъ Бернштейнъ, „когда старый Момзенъ на собраніи въ Кобургѣ выразился очень рѣзко противъ продолженія закона о соціалистахъ". Однако, этотъ демократъ, заплатившій въ 1848 году своей карьерой за свободу Германіи, прибавилъ немедленно: „но такъ какъ правительство объявляетъ этотъ законъ необходимымъ, то посему буду и я голосовать за продленіе закона о соціалистахъ, но отвѣтственность за это я складываю съ себя на правительство"...

Какъ мы видимъ, мѣщанская мораль съ успѣхомъ приходитъ на помощь мѣщанской политикѣ. Языкомъ своихъ трибуновъ говоритъ сама мѣщанская Германія, та многоголовая масса успокоившейся буржуазіи, которая такъ плотно усѣлась на подкожномъ жирѣ новой имперіи. Каждая эпоха, со своей законченной соціальной и экономической системой, стремится къ самоутвержденію. Этотъ процессъ въ мѣщанской Германіи превратился въ процессъ самоожирѣнія и грозитъ размягчить мускулы національной мощи, проклеить сосуды, наполненные пролетарской кровью, пластами мягкой разслабляющей пошлости. Подъ охраной капиталистическаго „порядка", подъ командой высоко добродѣтельныхъ „стражей отечества", этотъ процессъ мѣщанскаго ожирѣнія, несомнѣнно, долженъ развиваться все болѣе и болѣе: въ Германіи такъ стало уютно и мирно въ послѣднее время. Африканская война не производитъ на организмъ имперіи никакого ощутительнаго дѣйствія. Соціальную борьбу удалось ввести въ упорядо-

ченныя рамки, и даже среди самой соціалъ-демократіи кое-гдѣ появился жирокъ мѣщанскаго оппортунизма, то подъ флагомъ ревизіонистовъ, то экономическихъ задачъ нѣмецкихъ тредъ-юніоновъ. Все стало такъ хорошо въ этомъ „лучшемъ изъ міровъ", а перуны бюргерскаго гнѣва и общественнаго негодованія не только оказались сданными на храненіе въ берлинскій цейхгаузъ, но и перестали за негодностью примѣняться даже въ тѣхъ случаяхъ, которые мы уже привели выше. Тишь да гладь, да Божья благодать. Чего же лучше.

Но тутъ-то и произошелъ неожиданный подвохъ съ русской стороны, разбившій сразу мѣщанскій парадизъ. На Востокѣ родилось что-то странное. Въ странѣ, которую считали схороненной навѣки подъ тяжелымъ льдомъ реакціонной бюрократіи, началась новая, въ началѣ загадочная и непонятная жизнь. Подъ ударами военной непогоды растрескалась кора патріархально-полицейскаго уклада, вскрылись новые источники народныхъ стремленій и мощи. Всѣ тѣ цѣли, которыя приковывали русскую государственность къ закостнѣлой китайщинѣ, распались, а всѣ тѣ магическія слова, которыми была заколдована многомилліонная нація, оказались безсильными погрузить ее снова въ тысячелѣтній сонъ. Тотъ „гигантъ на глиняныхъ ногахъ", который игралъ роль неизмѣннаго защитника зажирѣвшаго нѣмецкаго царства, проявилъ не только самобытную жизнеспособность, но и оказался стоящимъ не на глинянныхъ, а на самыхъ настоящихъ ногахъ. Мало того. Колоссъ сталъ расправлять постепенно свои члены, сталъ глубже и сильнѣе дышать, поднялся и приготовился идти... Боже мой! Куда, зачѣмъ? Что съ нимъ стало? Зачѣмъ нарушаетъ онъ тишину европейскаго сна? Куда заведетъ его стремленіе впередъ при пробудившихся энергіи и силѣ? И развѣ онъ не видитъ, что отъ этого происходитъ безпокойство, и даже въ самой Германіи повѣяло новымъ, непривычнымъ духомъ? Съ восточной границы проникаютъ лучи давно загашеннаго свѣта. Потянуло озономъ электрической бури, донесся шумъ освѣжающей, здоровой грозы. Что это? Зачѣмъ?

Жмурясь отъ непривычнаго солнца, мѣщанское стадо, оглушенное новымъ шумомъ и вѣтромъ, поворачиваетъ въ страхѣ головы на Востокъ и чуетъ, что приходитъ конецъ мѣщанскому тихому счастью. Шевелится въ народной глубинѣ непокорный пролетарій, а по гладкому нѣмецкому морю уже забѣгали зайчики и буруны заснувшаго бога свободы. И новый страхъ объемлетъ человѣка-инфузорію: „а, вдругъ!"... А вдругъ перекинутся и сюда эти русскія бури, воскреснетъ снова грозная царевна, такъ аккуратно уложенная въ хрустальный гробъ съ надписью „классовая конституція", и потребуетъ для народа того, что такъ мило распредѣлили между собой заботливые карлики, облѣпившіе пролетарскую массу. А тутъ еще традиціи 1848 года, тѣни бюргерскихъ

революціонеровъ, призраки „краснаго“ студенчества, соціалистической науки, атеистической философіи, либеральнаго христіанства. А, вдругъ!.. Вѣдь ужъ появляются признаки бюргерскаго обновленія подъ вліяніемъ восточной грозы, нарождается ядро настоящаго либерализма, который не только протягиваетъ руку соціалъ-демократамъ, но и открыто признаетъ истиной значительную часть эрфуртской программы. Развѣ это не русскій вѣтеръ наполнилъ собой страницы спокойной бюргерской прессы, развѣ не родился въ послѣднее время новый журналъ „Europa“, гдѣ профессора проповѣдуютъ соціализмъ, а соціалъ-демократы изрекаютъ свой судъ надъ свободомыслящей лѣвой? Покраснѣли, страшно покраснѣли подъ вліяніемъ русскаго зарева бюргерскіе либералы; нечего говорить, что съ соціалъ-демократами дѣло еще хуже. Куда дѣвался ихъ печальный пришибленный видъ? Какимъ голосомъ теперь заговорли „соци“ и въ парламентѣ, и въ прессѣ, и на публичныхъ трибунахъ. Съ какимъ торжествомъ смотритъ теперь пролетарій на присмирѣвшаго буржуа; какъ ярко свѣтится въ его глазахъ увѣренность въ недалекой побѣдѣ. Съ какимъ самосознаніемъ онъ говоритъ теперь: „Скоро, скоро очередь за нѣмецкой бюрократіей и нѣмецкимъ мѣщанствомъ. Скоро сниыемъ мы съ себя плѣсень буржуазной реакціи, устроимъ маленькій Kladeradatsch для очищенія отъ грязи нашего дома. Приближается конецъ мѣщанскому царству. Не напрасно объединились три милліона возлѣ нашего знамени; не ради шутки сохранили мы старый девизъ равенства и свободы“... И трясется въ страхѣ мѣщанская душа и рисуются ей всякія чудища „переворота“, и мечется она въ поискахъ за новой норкой, за новымъ покоемъ. Главное тутъ найтись, выждать и успокоиться. Только бы не проворонить, только бы не просчитаться... И спѣшатъ уже на помощь перетрусившему мѣщанству его старые друзья и союзники, его лучшіе помощники въ дѣлѣ водворенія всеобщаго свинскаго рая. Имя этихъ союзниковъ общеизвѣстно. Это— клевета, нахальство, инсинуація...

V.

Имя Максимиліана Гардена будетъ, несомнѣнно, отмѣчено исторіей нѣмецкой публицистики. Въ настоящія „тяжелыя“ времена онъ служитъ вѣрой и правдой интересамъ нѣмецкаго мѣщанства и всю силу своего недюжиннаго таланта отдаетъ дѣлу клеветы на Россію и русское движеніе. Его задача—отравить въ самомъ корнѣ тотъ широкій освободительный потокъ, первыя струйки котораго уже напоили здѣсь высохшую землю, омыли корни заглохшей политической жизни. И Гарденъ превосходно дѣлаетъ свое дѣло. Онъ ловитъ лучи русской свободы въ свои

искривленныя зеркала и отражаетъ ихъ на китайскія стѣнки реакціи въ видѣ грязныхъ отвратительныхъ пятенъ. Онъ искажаетъ образы русскаго пробужденія, придаетъ имъ характеръ своекорыстныхъ и мерзкихъ чудовищъ. Онъ пропускаетъ чрезъ свою плотину чистую струю русскаго идеализма и получаетъ изъ него дикую утопію полупомѣшаннаго, бредъ національной вражды, изувѣрство кровожаднаго звѣря. Онъ не останавливается передъ извращеніемъ общеизвѣстнѣйшихъ фактовъ, онъ отрицаетъ явную, непосредственную дѣйствительность, онъ лжетъ съ непостижимой виртуозностью, создаетъ изъ данныхъ энциклопедическаго словаря фантастическую мѣшанину, называетъ ее русской наукой, русской исторіей. Оклеветать всю нарождающуюся эпоху, загрязнить вначалѣ весь новый соціальный подъемъ—такова цѣль, которую преслѣдуетъ Гарденъ въ своемъ пресловутомъ „Zukunft", для утѣхи умиротворенія взбаломученной мѣщанской души. Инфузоріи капиталистической тины могутъ спокойно продолжать свою мирную и тихую работу. Россія помѣшать въ этомъ не можетъ.

А впрочемъ, судите сами. Вотъ какъ рисуетъ Гарденъ Россію и русскихъ. Начнемъ съ экскурсіи въ область русской исторіи. Какъ оказывается, въ основѣ русскаго царства лежатъ не только византійскія, монгольскія, но и „шаманскія" вліянія. Иванъ Грозный былъ самодержецъ „новаго стиля". Эта власть послѣ смутнаго времени, гдѣ восторжествовалъ „національно-религіозный" подъемъ, перешла неприкосновенной къ Борису Годунову, Василію Шуйскому и Михаилу Романову. Такимъ образомъ, послѣдній, занявши тронъ норманскихъ варяговъ, наслѣдовалъ „неприкосновенное достоинство Палеологовъ и Великаго Хана". „Противъ воли царя были всѣ сословія безсильны". Черезъ 40 лѣтъ началось царствованіе Петра — въ то время, какъ „русское средневѣковье только что начиналось". И вотъ Петръ Великій, „этотъ пылкій реформаторъ... рѣшился сдѣлать дерзкій прыжокъ черезъ столѣтіе". „Онъ желалъ свой народъ вывести изъ варварства варварскими средствами". Такъ Петръ, который „не имѣлъ никакого пониманія жизненныхъ условій своей страны и воображалъ, что онъ будетъ царствовать надъ европейской имперіей, если перемѣнитъ платье и обрѣжетъ бороды", внесъ „сѣмя опаснаго дуализма въ славянскую душу, погруженную въ мечты и лишенную желаній". Этотъ дуализмъ состоитъ въ томъ, что Россія есть азіатское царство и должно оставаться въ Азіи. Между тѣмъ, начиная съ Петра, въ Россіи создалось вредное стремленіе къ европейской цивилизаціи и культурѣ, которое было источникомъ всѣхъ величайшихъ русскихъ золъ. И все русское освободительное движеніе проникнуто этимъ вреднымъ духомъ и направленіемъ. Только тотъ былъ въ состояніи освободить славянскую душу отъ мучительныхъ сомнѣній дуализма, „кто чувствовалъ себя азіатомъ, чувствовалъ, думалъ и

говорилъ только по-русски и открылъ свой ограниченный мозгъ для познанія, что Россія это—исламъ, который можетъ держаться только единствомъ вѣры и подъ угрозою смерти не можетъ позволить себѣ роскоши религіозной терпимости... Царь долженъ быть нетерпимымъ, долженъ, если только онъ вѣрно понимаетъ свое національное призваніе, безжалостно подавить всѣ элементы, которые желаютъ себя поставить выше правовѣрующихъ московитовъ". Итакъ, „русскій царь" долженъ всегда смотрѣть „въ Азію, а не въ Европу". Онъ не смѣетъ „ослаблять вожжи" надъ славянской душой, не можетъ „обезпечить незрѣлому русскому народу когда бы то ни было политической свободы",—только тогда „прекратились бы опасныя для европейской тишины стремленія Россіи..." Выводъ отсюда ясенъ. Азіатовъ нужно держать въ черномъ тѣлѣ. Славянскую душу нужно лишить всякихъ видовъ на культурную жизнь и политическую свободу; надо возвратить Россію въ до-петровскія времена, къ началу средневѣковья... Эту высокую миссію должны взять на себя никто иной, какъ цари „московитовъ", и въ награду за это благодарная Европа совершенно успокоится и предоставитъ Россіи полную возможность устремлять свои взоры, безъ дуализма, въ Азію...

Совершенно понятно послѣ этого, что Гарденъ не находитъ словъ, чтобы достаточно изругать всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ исцѣлить „покрытое язвами тѣло русскаго царства" при помощи „знахарскихъ мазей Западной Европы". Европейскій строй могутъ рекомендовать Россіи только люди, „которые ничего не знаютъ о русской сущности, объ исторіи Россіи, ея хозяйственныхъ формахъ и соціальномъ наслоеніи, ничего не могутъ сообщить положительнаго даже о событіяхъ и лицахъ, о которыхъ болтаютъ каждый день". И въ поученіе такимъ невѣждамъ Гарденъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ русскіе недовольные элементы: „Въ послѣдніе два мѣсяца", по его мнѣнію, разносился по Россіи „только дикій гулъ распущенныхъ славянскихъ душъ, настроеніе которыхъ, подобно климату страны, не знаетъ никакихъ переходовъ и въ одну ночь желаетъ превратить зимнюю закостенѣлость въ цвѣтущую роскошь весны. На югѣ рѣжутъ другъ друга армяне и татары безъ какого-нибудь внезапно ощутительнаго повода, только потому, что къ нимъ по подпольнымъ рельсамъ пришло надлежащее посланіе, а также потому, что въ русскомъ царствѣ теперь все стало иначе и твердый кулакъ господина не мѣшаетъ больше утоленію дикой жажды мести. На сѣверѣ рабочіе, которые еще вчера были совсѣмъ довольны своей судьбой и по своимъ привычкамъ могли быть довольны, выставляютъ сегодня требованія, исполненіе которыхъ должно устранить въ странѣ сотни праздниковъ, всякую возможность плодотворной и даже сколько-нибудь серьезной конкурренціи въ области промышленной работы. Требованія, въ исполмимость

которыхъ они сами не вѣрятъ, такъ какъ имъ не предшествовало никакое обсужденіе и они порождены только слѣпымъ стремленіемъ разнузданныхъ рабовъ. Студенты, ученики, которые еще ничего не знаютъ о мірѣ, о тысячѣ житейскихъ нуждъ, такъ же какъ объ истинныхъ потребностяхъ имъ чуждаго и далекаго народа, удираютъ слишкомъ рано отъ ученія, упорно навязываютъ всѣмъ рецептъ всеобщаго спасенія и грозятъ бомбами и уличнымъ возмущеніемъ, если придворная аптека не приказываетъ немедленно осуществить его. Развѣ зрѣлый народъ потерпѣлъ бы когда-нибудь такую студенческую политику, которая, будь она самой благородной, тѣмъ не менѣе всегда является самой неумной... И тамъ (въ Россіи), какъ и вездѣ, упивается часть профессоровъ тщеславными потугами на манеръ государственныхъ людей, которыя надѣляютъ ихъ славой. Все, что могло бы быть причислено къ интеллигентамъ, съ деклассированнымъ мелкимъ дворянствомъ впереди, все это объединяется вокругъ этой громкой кучки. Конституція? Почему же нѣтъ. Наконецъ-то, хоть разъ что-нибудь новенькое. Небольшое развлеченіе отъ скуки русской зимы. При конституціи можно говорить рѣчи, облегчать свое сердце за счетъ жалкаго хозяйства чиновниковъ, избирать, а въ концѣ концовъ даже быть избраннымъ и разыгрывать важнаго господина, расточающаго благоволеніе“. И къ этой милой характеристикѣ русскаго общества присоединяетъ Гарденъ въ другомъ мѣстѣ еще пару словъ насчетъ русскихъ пролетаріевъ и крестьянъ. Первыхъ, по его словамъ, при начальномъ выступленіи въ политическую жизнь „охватило опьяненіе безпорядка, а на ихъ подошвахъ еще держится до сихъ поръ страсть къ разбою“; вторые же „не умѣютъ ни читать, ни писать и способны только къ мирной барщинѣ и безропотной смерти“. „И изъ этихъ элементовъ,—восклицаетъ Гарденъ,—высокая мудрость Европы хочетъ создать народное представительство странѣ ста народовъ!“

Какъ очевидно, мѣщанскій публицистъ не стѣсняется высказать свое полное презрѣніе къ русскимъ освободительнымъ силамъ: „только дѣти и либеральные болтуны могутъ, по его словамъ, возомнить, что конституція и парламентъ осчастливятъ Россію“. Это утверждать „можетъ только тотъ, кто ничего не знаетъ ни о русской исторіи, ни о русской народности“. Но г. Гарденъ знаетъ русскую исторію лучше, чѣмъ всѣ русскіе ученые, взятые вмѣстѣ, и въ цѣломъ рядѣ статей, наполненныхъ русскими именами и названіями, набитыми сверху до низу нелѣпымъ фразерствомъ, яко бы на русскій образецъ, обливаетъ онъ грязью все, что только стремится на Руси къ свѣту и свободѣ, клевещетъ на русскихъ людей, позоритъ ихъ историческую честь и національное достоинство. Кнутомъ и цѣпями хочетъ онъ сдавить „славянскую душу“. Въ азіатскую ссылку хочетъ онъ отправить

насъ, чтобъ усмирить тамъ навѣки „раба-крестьянина“, „разбойника-фабричнаго“, „бунтовщика-студента“ и „деклассированныхъ дворянъ“. И зачисливъ, такимъ образомъ, всю Русь въ арестантское отдѣленіе, переходитъ послѣ этого Гарденъ къ издѣвательству надъ будущимъ русскимъ „рейхстагомъ“.

Русскій парламентъ создаетъ Гарденъ изъ самыхъ невозможныхъ элементовъ. „Славянской душѣ“ онъ отводитъ въ немъ самое ничтожное мѣсто; вмѣсто ея онъ объединяетъ въ одной кучѣ „дюжину индогерманскихъ племенъ, вторую дюжину монгольскихъ народовъ (финновъ и татаръ), мужей изъ Архангельска и Бессарабіи, отъ Карскаго и Каспійскаго морей, христіанъ всѣхъ исповѣданій, магометанъ, евреевъ, буддистовъ“. Къ нимъ присоединяетъ онъ „поляковъ и малороссовъ, балтовъ и литовцевъ, шведовъ и армянъ, черемисовъ, мингрельцевъ, эстовъ, корелъ, башкировъ, киргизовъ, лапландцевъ, калмыковъ и бурятъ“. Въ непобѣдимомъ легкомысліи галопируетъ Гарденъ по страницамъ своего журнала, перечисляетъ всякихъ народовъ и народцевъ и прячетъ себѣ въ карманъ тотъ до крайности простой и убѣдительный фактъ, что на Россію приходится не менѣе 65% славянскихъ племенъ, и что большинство перечисленныхъ имъ дикарей менѣе всего могутъ быть представителями осѣдлаго населенія Россіи. Въ разсчетѣ на невѣжество мѣщанской публики, благоразумно умолчавъ о единствѣ политическихъ и хозяйственныхъ стремленій всей массы русскихъ подданныхъ, онъ дѣлаетъ изъ русскаго парламента экзотическій музей или звѣринецъ, куда и засаживаетъ какихъ-то двуногихъ звѣрей съ мудреными именами. На нѣмца это производитъ ошеломляющее впечатлѣніе, и Гарденъ неоднократно прибѣгаетъ къ самому различному перечисленію россійскихъ народовъ: „германцы, литовцы, иранцы, семиты, туранцы, монголы, тунгусы, гиперборейцы, угро-финны, евангелическіе, православные, римско католическіе христіане, раскольники, магометане, евреи, буддисты“. Въ такомъ видѣ не разъ выводитъ онъ передъ пораженнымъ бюргеромъ процессію русскаго маскарада и невольно возбуждаетъ въ немъ мысль о столпотвореніи вавилонскомъ. И когда затѣмъ онъ утверждаетъ, что европеецъ не имѣетъ никакого представленія о томъ, какъ мала въ Россіи центростремительная сила, и въ подтвержденіе этого приводитъ старую пѣснь о полку Игоревѣ, то невольно успокаивается нѣмецкій филистеръ во всѣхъ своихъ страхахъ и мыслитъ: „Въ Россіи конституція невозможна“; это торжественно подтверждаетъ самъ великій Гарденъ во всеоружіи вотяковъ и бурятовъ, башкиръ, калмыковъ и „гиперборейцевъ“. „Теперь говоритъ Гарденъ,—національнаяб олѣзнь Россіи, по крайней мѣрѣ, скрыта отъ взоровъ, но всякій парламентъ, всякій режимъ, который открываетъ свободный доступъ общественному мнѣнію, сразу же откроетъ свѣту все ея несчастье... Публично-засѣдающее

народное представительство быстро уничтожитъ всякій признакъ единства имперіи. Всякая народная группа, всякое религіозное общество оторвутъ, отрѣжутъ отъ имперіи особыя права и привилегіи... Невозможнымъ будетъ также отъ такой корпораціи получить на долгое время средства, которыя такъ нужны для имперіи. Неизбѣжнымъ результатомъ этого была бы всеобщая зараза и быстрый параличъ всего организма". И на этой почвѣ прозрѣваетъ Гарденъ настоящую свистопляску. Онъ видитъ уже „пошлѣйшую демагогію и массовую покупку голосовъ". Онъ видитъ охваченныхъ страстями „маленькихъ салонныхъ Мирабо". Ему мерещатся оргіи „воспитанныхъ марксистскими профессорами студентовъ", а „натравленныя соціалистами и террористами, рабочія арміи требуютъ массового избирательнаго права" (!) И послѣ этого Гарденъ успокаивается. Онъ доказалъ все, что нужно. Культура и политическая свобода въ Россіи невозможны. Русская конституція есть безсмыслица и сумасшедшій бредъ. Правительство ея не дастъ, и всѣ мѣщанскіе страхи напрасны. Гнусная зараза не перейдетъ черезъ восточную границу, ничто не потревожитъ нѣмцевъ изъ породы инфузорій!

Пусть не удивляется русскій читатель, что въ культурной странѣ независимый и талантливый публицистъ провозглашаетъ такія дикія теоріи, проявляетъ столько же невѣжества, сколько таланта. Въ его словахъ гимнъ торжествующей пошлости и мѣщанства; въ нихъ слышится вопль отчаянія предъ новой освѣжающей грозой. Пусть прячется человѣкъ-молюскъ за гардeновскіе журнальные листы, пусть ищетъ онъ утѣшенія въ русскомъ безсиліи и русской дикости. Блаженству жирнаго покоя наступаетъ предѣлъ. Въ могучемъ стремленіи къ праву и свободѣ сливается русское море съ глубокимъ теченіемъ великаго европейскаго океана.

Съ Востока свѣтъ!

Реусъ.

Политика.

Мукденская катастрофа.—Отношеніе прессы и общества.—Толки о мирѣ.—Другія русскія дѣла всемірно-историческаго значенія.—Крестьянскій вопросъ. — Національные вопросы.—Венгерскій кризисъ. — Отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи.

I.

Страшный пятнадцатидневный бой у Мукдена былъ тѣмъ событіемъ, которое сразу измѣнило политическое положеніе. Пока обѣ арміи стояли во всеоружіи другъ противъ друга, а оба флота (Того и Рождественскаго) были отдѣлены другъ отъ друга двумя

океанами, русскія неудачи въ прошломъ не нарушили равновѣсія силъ спорящихъ сторонъ въ такой мѣрѣ, чтобы перевѣсъ японцевъ былъ обезпеченнымъ, а конечный успѣхъ и торжество вѣроятнымъ. Мукденская катастрофа радикально перемѣнила все дѣло. Успѣхъ и торжество японцевъ стали совершившимся фактомъ. Кампанія русскими проиграна. Въ этомъ надо сознаться и печальный фактъ признать со всѣми его послѣдствіями и логическими выводами. На что можно теперь надѣяться для исправленія испорченнаго и возвращенія утраченнаго?

На новыхъ полмилліона солдатъ изъ Россіи? Это возможно только черезъ полгода... А эти новые полмилліона встрѣтятъ тѣже 600—700 тыс. японцевъ, которые нанесли пораженіе арміямъ смѣщеннаго русскаго главнокомандующаго.

На эскадру вице-адмирала Рождественскаго? Но уже многими и много разъ выяснено, что она слабѣе флота адмирала Того... Это скоро окончательно выяснится, потому что прибытіе въ Коломбо (на Цейлонѣ) японскаго миноносца означаетъ, что флотъ адмирала Того уже достигъ долготы Цейлона, т. е. уже прошелъ половину Индійскаго океана. Десять или девять дней экономическаго пути (девять узловъ) отдѣляетъ его отъ береговъ Африки, у которыхъ онъ встрѣтитъ эскадру вице-адмирала Рождественскаго. Столько же приблизительно понадобится и отряду контръ-адмирала Небогатова, чтобы присоединиться къ вице-адмиралу Рождественскому, если послѣдній, какъ это сообщали агентскія телеграммы, двигается отъ Мадагаскара, по направленію къ сѣверу. Если наши адмиралы сумѣютъ соединиться, то можетъ произойти генеральное морское сраженіе... Что-то насъ ожидаетъ черезъ эти десять-двѣнадцать дней? Столько надеждъ уже обмануто, столько иллюзій разбито...

Да, теперь вопросъ уже ставится не о томъ, надо ли продолжать войну, а о томъ, можно ли ее продолжать?? Цитируемъ изъ „Новостей" (3 марта 1905, № 54) мнѣніе объ этомъ одного русскаго сановника, имъ высказанное въ бесѣдѣ съ Гастономъ Дрю, петербургскимъ корреспондентомъ парижской газеты „*Echo de Paris*". Имя сановника не названо. На вопросъ Гастона Дрю, „возможно ли продолжать войну", его высокопоставленный собесѣдникъ отвѣчалъ (по словамъ Дрю):

„Очевидно, мы должны продолжать войну, но спрашивается, можемъ ли мы. Годъ конфликта стоилъ намъ при 400,000 человѣкъ, посланныхъ на Дальній Востокъ, 700 милліоновъ рублей. Мы не можемъ надѣяться побѣдить японцевъ, если не выставимъ, по меньшей мѣрѣ, 800,000 человѣкъ, что намъ будетъ стоить 1,600 милліоновъ въ годъ. Будемъ ли мы въ состояніи вынести это финансовое напряженіе? Армія будетъ сосредоточена на Дальнемъ Востокѣ не ранѣе, чѣмъ черезъ годъ. Еще годъ потребуется на окончаніе военныхъ операцій, т. е. мы должны

израсходовать 3.200,000 рублей безъ увѣренности въ результатѣ, такъ какъ и японцы будутъ увеличивать свою армію. Съ другой стороны, не будетъ ли неблагоразумно призвать на службу 500,000 человѣкъ въ странѣ, уже волнуемой стачками и безпорядками? Я не смѣю высказываться, такъ какъ если миръ, заключенный на тягостныхъ условіяхъ, нанесъ бы тяжелый ударъ престижу режима, то продолженіе войны вызоветъ необычайное недовольство и серьезное раздраженіе. Положеніе крайне серьезно, и я не вижу исхода, развѣ только будутъ созваны, какъ обѣщано рескриптомъ, народные представители и вопросъ, какъ поступить, будетъ предоставленъ на ихъ обсужденіе".

Я не комментирую этого мнѣнія нашего сановника. Факты кричатъ сами за себя. Приведу еще нѣсколько мнѣній по тому же вопросу, рисующихъ и положеніе вещей, и настроеніе общества и прессы.

Кн. Мещерскій въ „Гражданинѣ" (отъ 3 марта) высказывается о современномъ положеніи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Небывалый погромъ для нашей доблестной арміи привелъ насъ къ минутѣ, когда Россіи надо выбирать: или продолжать войну безъ надежды на успѣхъ и съ увѣренностью въ ея погибели внутренней, отъ которой не спасетъ даже побѣда, или кончить войну и въ тяжеломъ мирѣ найти энергію къ спасенію отечества путемъ возрожденія.

Я понялъ, что, преклоняясь передъ этимъ рокомъ, мы должны въ гордой любви къ своему отечеству, почерпнуть геройскую силу, громко и передъ цѣлымъ міромъ исповѣдывать свое пораженіе, свое безсиліе этой исторической минуты, и съ большимъ подъемомъ духа, чѣмъ послѣ побѣды, принять отъ Бога долгъ подчиненія тяжелымъ условіямъ мира.

Когда я говорилъ о мирѣ, пока Портъ-Артуръ былъ нашъ, условія мира, какъ я сказалъ, могли быть легки. Теперь, пока Владивостокъ нашъ и ни одной пяди русской земли не отошло къ врагу, тяжелыя условія мира не могутъ не быть легче тѣхъ, которыя насъ будутъ ожидать послѣ взятія Владивостока и Сахалина, хотя бы послѣ нашей побѣды.

И вотъ почему я безстрашно говорю, что сознать долгъ кончить войну и заключить теперь миръ требуетъ болѣе героизма, болѣе любви къ отечеству, чѣмъ заключать его послѣ побѣды. А чтобы проникнуться этимъ сознаніемъ, надо понять причины, почему не только миръ намъ нуженъ, но миръ нужнѣе побѣды, какъ разгадка злой тайны, заключающейся въ ударахъ, наносимыхъ рокомъ нашимъ героямъ-войскамъ на войнѣ".

Далѣе кн. Мещерскій указываетъ на бюрократическіе непорядки и на хищенія, какъ на главные причины пораженія, и горячо взываетъ къ миру.

„Сѣверъ-Западное Слово" приводитъ бесѣду своего сотрудника

съ предсѣдателемъ комитета министровъ С. Ю. Витте о внутреннихъ нашихъ дѣлахъ. Въ заключеніе рѣчь зашла о войнѣ:

„О, эта злосчастная война—воскликнулъ г. Витте.—Будущіе историки придутъ въ ужасъ, когда узнаютъ всѣ тяжелыя обстоятельства, сопровождавшія ее“.

„Новостямъ“ телефонируютъ изъ Москвы отъ 11 марта (№ 63, 12 марта:

„Въ зданіи биржи состоялось сегодня частное совѣщаніе представителей нефтяной и горной промышленности. По иниціативѣ и предложенію извѣстнаго керосино-заводчика Нобеля, обсуждался вопросъ о возбужденіи ходатайства о скорѣйшемъ прекращеніи войны, хотя бы съ потерей Сахалина и Владивостока“.

Другіе предпочитаютъ заплатить контрибуцію, чѣмъ согласиться на территоріальныя уступки. Думаемъ, что эти вопросы преждевременны, такъ какъ условія мира, желаемыя японцами, неизвѣстны. Несомнѣнно одно: въ Россіи война нежелательна, хотятъ мира... И немедленное перемиріе и переговоры о мирѣ еще могли бы сохранить не утраченную часть флота вмѣстѣ съ сотнями тысячъ жизни и милліардомъ рублей... Не пора-ли остановиться?

Пятнадцать дней мы бились подъ Мукденомъ, истребивъ ужасающее число молодыхъ жизней, посѣявъ несмѣтное количество страданія, утративъ милліоны имущества.

До этого десять дней сражались вокругъ Ляояна. Восемь дней сражались на р. Шахе между Ляояномъ и Мукденомъ. Пять дней бились у Сандепу. Прибавьте потери въ битвахъ на Ялу, у Цзинь-Чжоу, Вафангоу, Сюньечена, Гайпина, Дашичао, на перевалахъ: Далинскомъ, Модулинскомъ и Фыйшулинскомъ, вокругъ Портъ-Артура, въ безчисленныхъ развѣдкахъ, въ кровопролитныхъ морскихъ бояхъ, на потопленныхъ судахъ... Прибавьте эти цифры и увидите, что, *не считая выбывшихъ по болѣзни*, убито и изувѣчено до ужаса огромное число народа. „Не считая выбывшихъ по болѣзни“, а какъ ихъ не считать? До сихъ поръ, во всѣ прежнія войны, во всѣ времена и на всякихъ территоріяхъ число выбывшихъ по болѣзни превышало и даже значительно превышало число выбывшихъ на поляхъ сраженій... Допуская даже, что на этотъ разъ дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ (хотя для такого допущенія нѣтъ серьезныхъ основаній), всетаки не рѣшаемся подвести итоги подъ этими чудовищными цифрами, суммирующими гибель безъ конца, ужасъ безъ примѣра, неисчерпаемое море крови, слезъ, горя, страданія...

Въ самомъ дѣлѣ, не пора-ли остановиться?

Изъ-за чего въ самомъ дѣлѣ мы сражаемся? Изъ-за Кореи? Но мы ее соглашались отдать Японіи въ моментъ разрыва... Изъ за Манчжуріи? Но мы обѣщали Китаю ее очистить, и очищеніе это было вопросомъ времени, не болѣе... Изъ за чего же, однако? Изъ-за чего эти уже принесенныя сотни тысячъ жертвъ,

сотни тысячъ обездоленныхъ семействъ, утраченныя сотни милліоновъ рублей? Чего мы достигли, наконецъ? Потеряли весь тихо-океанскій флотъ и вытѣснены изъ южной Манчжуріи, которую хотѣли и безъ того очистить, но зачѣмъ-то промедлили. Неужели весь смыслъ безпримѣрно бѣдственной борьбы въ этомъ промедленіи? И для того, чтобы имѣть возможность и впредь замедлить обѣщанное очищеніе, мы должны будемъ принести еще сотни тысячъ человѣческихъ жизней и еще сотни милліоновъ рублей? А что, добиваясь во что бы то ни стало одолѣнія Японіи, надо будетъ принести еще больше, значительно больше жертвъ, нежели уже принесено, въ этомъ, кажется, уже никто не сомнѣвается. Это очевидно, но далеко не очевидно, однако, что такого одолѣнія можно будетъ непремѣнно добиться даже цѣною самыхъ ужасающихъ жертвъ.

Будемъ, однако, оптимистами и допустимъ, что и на сушѣ, и на морѣ Россія въ концѣ въ концовъ одолѣетъ Японію, пожертвовавъ милліономъ жизней и милліардами рублей. Что мы пріобрѣтаемъ цѣною этихъ невозградимыхъ потерь, явно непосильныхъ мало культурной, мало населенной и бѣдной странѣ? Продлимъ оккупацію Манчжуріи и займемъ Корею? Но и разбитая, Японія не перестанетъ существовать и съ своимъ пятидесятимилліоннымъ населеніемъ будетъ опять готовиться къ войнѣ, а мы принуждены будемъ содержать милліонную армію спеціально для Дальняго Востока и для него же создать флотъ, много превышающій соединенныя силы всего русскаго флота въ настоящее время. А еще Китай? Манчжурія страна китайская и безсрочное промедленіе въ ея очищеніи можетъ китайцевъ подвинуть и къ союзу съ японцами, и къ милитаризму... Хватитъ ли у насъ средствъ и силъ для того, чтобы стоять наготовѣ противъ этого угрожающаго положенія? Раззорить себя и потерять всякое значеніе въ Европѣ—вотъ что было бы послѣдствіемъ нашей побѣды надъ Японіей, если бы мы захотѣли утвердиться въ Манчжуріи и Кореѣ. А если мы не желаемъ тамъ утвердиться, то зачѣмъ добиваться побѣды, зачѣмъ истреблять милліоны жизней и за это платить милліарды рублей?

Но быть можетъ теперь, послѣ своихъ успѣховъ, японцы не удовольствуются Кореею, имъ уже предоставленной въ прошломъ январѣ, и очищеніемъ Манчжуріи, уже обѣщаннымъ Китаю? Вѣроятно, не удовольствуются. Быть можетъ, они потребуютъ огромную контрибуцію и серьезныя территоріальныя уступки? Однако дозволительно ли свои разсчеты строить на одномъ, „быть можетъ“? И какіе разсчеты! А между тѣмъ узнать дѣйствительныя намѣренія японскаго правительства было бы не трудно черезъ ту или другую нейтральную державу. До сихъ поръ эти намѣренія совершенно неизвѣстны. Ходятъ противурѣчивые

слухи, по поводу которыхъ виконтъ Гаяши, японскій посолъ въ Лондонѣ, сказалъ сотруднику „Matin":

„*Я васъ уполномочиваю заявить, что Японія никогда, ни оффиціально, ни оффиціозно, ни въ бесѣдахъ съ третьими лицами, никакимъ способомъ и никому не сообщала, на какихъ условіяхъ она согласилась бы заключить миръ.*

Всѣ телеграфныя извѣщенія объ этомъ чистѣйшая ложь.

— Какія же условія поставитъ Японія? Будетъ она требовать контрибуціи?

— Не знаю, да если бы и зналъ, не сказалъ бы, такъ какъ не уполномоченъ моимъ правительствомъ разговаривать объ условіяхъ мира.

— Значитъ, война будетъ продолжаться?

— Пока ее будетъ продолжать Россія".

Жертвы русскихъ ужасны, затраты огромны, но и жертвы японцевъ ужасны, затраты огромны. И японцамъ есть надъ чѣмъ призадуматься, есть изъ-за чего поставить себѣ вопросъ, не пора ли остановиться? Въ виду этого, трудно ожидать отъ японцевъ чрезмѣрныхъ требованій. Но вѣроятно, что выяснивъ японскую программу, найдемъ почву для мира...

Здѣсь не мѣсто, да и не время обсуждать условія мира, но нельзя не указать на основные принципы, руководствуясь которыми, можно достигнуть хорошихъ плодовъ. Прежде всего, слѣдуетъ признать, что не надо было и теперь не надо брать чужое, а затѣмъ не ставить такихъ условій, которыя для кого бы то ни было оказались бы настолько невыгодными (не *временно*, но постоянно невыгодны), что заставляли бы искать ихъ отмѣны, т. е. угрожать новой войной. Если бы выработаннымъ на этихъ основахъ условіямъ мира въ ихъ существенной части удалось придать международную гарантію, то можно бы было считать миръ на Дальнемъ Востокѣ обезпеченнымъ. Для насъ прочность мира есть единственный огромный интересъ въ вопросахъ предстоящаго замиренія. И для этой прочности можно многимъ пожертвовать и, прежде всего, своимъ военнымъ самолюбіемъ.

Когда итальянцы дали себя увлечь разнымъ авантюристамъ на почву агрессивной политики и захотѣли распорядиться Абиссиніей, абиссинцы дали энергическій отпоръ и нанесли итальянцамъ пораженіе, сочли ли тогда итальянцы необходимымъ смыть это яко бы пятно и добивались ли разгрома Абиссиніи? Совершенно наоборотъ: они сознали свою ошибку, прогнали своихъ авантюристовъ и протянули руку храбрымъ абиссинцамъ.

Когда англичане дали себя увлечь разнымъ авантюристамъ во враждебное столкновеніе съ бурами, преслѣдуя такую же, какъ итальянцы въ Абиссиніи, агрессивную политику, буры дали энергическій отпоръ и нанесли англичанамъ пораженіе, англичане поступили иначе, чѣмъ итальянцы. Англичане два съ половиною

года воевали, истребили многое множество людей, непроизводительно истратили огромныя средства и раздавили геройскій народъ, защищавшій свою свободу, получивъ раззоренную и обезлюженную страну.

Думаемъ, что всякій безпристрастный человѣкъ скажетъ, что итальянцы поступили лучше и благороднѣе англичанъ. Думаемъ, что ни честь, ни достоинство Италіи не пострадали, а интересы только выиграли. Если достоинство Италіи и было задѣто, то никакъ не миромъ безъ реванша за пораженіе, а гораздо раньше, именно самою неправою войною, самымъ покушеніемъ на территорію и независимость абиссинскаго народа. И эти неправые замыслы были исправлены справедливымъ миромъ, а нарушенное неправыми замыслами достоинство Италіи было возстановлено именно этимъ миромъ безъ реванша за пораженіе.

То же и въ нашемъ дѣлѣ. Политика наша на Дальнемъ Востокѣ была измѣнчива, колебалась въ разныя стороны, но въ общемъ преобладало наступленіе: пріобрѣтеніе Квантунской области, оккупація Манчжуріи, соперничество за вліяніе въ Кореѣ и въ Китаѣ. Эта наступательная политика Россіи, правда, непослѣдовательная и колеблющаяся, встрѣтилась съ наступательною политикою Японіи, только послѣдовательною и безъ всякихъ колебаній. При такихъ условіяхъ, конфликтъ былъ неизбѣженъ. Японцы это предвидѣли и систематически готовились. Съ нашей же стороны ничего не предвидѣли и ни къ чему не готовились. Наши дипломаты въ Токіо, Сеулѣ, Пекинѣ говорили отъ имени великой военной державы, но забывали, что великая держава находится за десять тысячъ верстъ и передвинуть ее на это разстояніе цѣликомъ невозможно... Исторія разскажетъ, кто несетъ тяжелую отвѣтственность и за наступательную политику, намъ отнюдь ненужную и невыгодную, и за несоотвѣтствіе приготовленныхъ (или вѣрнѣе не приготовленныхъ) средствъ съ поставленными опасными и грозными проблемами, и за совершенное незнакомство съ положеніемъ дѣлъ, и за невѣжественное самомнѣніе, приведшее къ этому ужасающему народному бѣдствію. Исторія разскажетъ о виновныхъ, а теперь надо поправлять сдѣланныя ошибки, отрезвиться отъ самомнѣнія, уяснить положеніе дѣла и приступить къ выполненію задачи не побѣдить японцевъ, а прекратить народное бѣдствіе. *Обезпеченный миръ* долженъ быть главною цѣлью нашей политики, а добиваться побѣды цѣною милліона жизней и милліардовъ рублей значило бы добиваться раззоренія Россіи, значило бы ея интересы, ея жизнеспособность, ея будущность приносить въ жертву военному самолюбію. Бѣдствіе приняло прямо ужасающіе размѣры. Пора остановиться.

Въ заключеніе этихъ бѣглыхъ замѣтокъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ наше отечество, приведу замѣтку нашего поэта Н. М.

Минскаго о причинахъ нашихъ пораженій. Она указываетъ сторону, о которой многіе думали, но не высказывали. Вотъ эта замѣтка, въ немногихъ словахъ выразившая многое давно наболѣвшее, давно гнетущее ростъ и развитіе великаго народа:

„Съ далекаго юга, съ полей Манчжуріи, по которымъ отступаетъ наша пораженная армія, съ тихоокеанскихъ водъ, подъ которыми лежитъ погребеннымъ нашъ уничтоженный флотъ, черезъ всю необъятную Сибирь несется къ намъ мучительный, недоумѣнный вопросъ:

— Куда дѣвался русскій геній? Гдѣ Суворовы и Нахимовы былыхъ временъ? Что сталось съ даровитостью, съ беззавѣтной отвагой русскаго духа? Гдѣ наши таланты? Гдѣ наши герои?

Поистинѣ, безпредѣльна поучительность переживаемой нами войны. Освѣщенное ея багровымъ отблескомъ, наше прошлое пріобрѣтаетъ зловѣщій смыслъ, изъ хаоса спутанныхъ событій превращается въ завязку стройной трагедіи. Нѣтъ случайностей, нѣтъ совпаденій, — все необходимо, все неизбѣжно. И полнымъ вѣщаго значенія, почти провиденціальнымъ кажется то обстоятельство, что расплату за наши историческіе грѣхи судьба производитъ съ нами въ Азіи, на границѣ Сибири, недалеко отъ Сахалина, этого богатѣйшаго острова, превращеннаго въ тюрьму, на который японцы заглядываются, какъ на расплату за военные расходы.

Есть нѣчто провиденціальное въ томъ, что горечь военныхъ неудачъ, обусловленныхъ ущербомъ русской даровитости и отваги, мы вкушаемъ на Дальнемъ Востокѣ, вблизи тѣхъ самыхъ „наиболѣе отдаленныхъ мѣстъ“, гдѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ бюрократія такъ легкомысленно и безразсудно губила и хоронила русскій талантъ и русскую отвагу. Въ то время казалось, что власть ведетъ борьбу со своими врагами. Аресты, административныя судьбища, исключенія изъ учебныхъ заведеній, ссылки, заточенія,—все это если не оправдывалось, то объяснялось во имя охраненія существующаго порядка и возмездія за колебаніе основъ. Но вотъ отрезвленные горькимъ опытомъ войны, мы видимъ, что не было порядка и не могло быть колебанія. Молодые люди мыслили и говорили такъ, какъ теперь мыслитъ и говоритъ вся грамотная Россія. Не только печать, за исключеніемъ двухъ—трехъ оглохшихъ и ослѣпшихъ органовъ, но само правительство въ своихъ актахъ, совѣщаніяхъ и коммиссіяхъ высказываетъ тѣ самыя мысли о народномъ представительствѣ, о свободѣ академической и политической, за которыя въ прежнее время юноши и дѣвушки насильно отрывались отъ семьи и общества и выбрасывались на безлюдный сѣверъ. То, что мы теперь повторяемъ безнаказанно и вынужденно, они говорили свободно и рискуя собою, потому что они были наиболѣе талантливые и отважные.

Удалялись лучшіе, честнѣйшіе, правдивѣйшіе, цвѣтъ многихъ поколѣній. Производился искусственный подборъ худшихъ и робкихъ. Что же удивительнаго въ томъ, что въ роковую минуту, когда намъ понадобилась отвага и геній, ихъ не оказалось. Развѣ офицеры арміи и флота не вербуются изъ кадровъ интеллигенціи? Развѣ убыль духа въ интеллигенціи не должна была повліять на убыль духа въ войскѣ? Можетъ быть, не такъ бы повернулась эта война, можетъ быть, твердыни Ляояна находились-бы въ нашихъ рукахъ, а передъ Портъ-Артуромъ гордо стояли бы наши суда, если бы лучшіе и храбрѣйшіе остались среди насъ...

Нѣтъ зрѣлища печальнѣе и поучительнѣе, чѣмъ трагедія этой войны. Но въ этой трагедіи мы не только зрители, а также дѣйствующія лица. Раньше, чѣмъ будетъ заключенъ миръ съ Японіей, власть должна отыскать путь, который привелъ бы ее къ примиренію съ обществомъ. Казалось бы, первымъ шагомъ на этомъ пути должно быть возвращеніе свободы всѣмъ невинно осужденнымъ за свое свободолюбіе и уже оправданнымъ неумолимою логикою событій".

Это продолжительное почти полувѣковое устраненіе самаго даровитаго, самаго дѣятельнаго и самаго патріотическаго (въ лучшемъ значеніи этого слова) элемента изъ состава нѣсколькихъ послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга поколѣній сыграло, конечно, свою огромную роль и во всѣхъ нашихъ неудачахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Конечно, были и другія причины... Напр., г. П. Красновъ, военный корреспондентъ „Русскаго Инвалида" такъ оцѣниваетъ одну изъ причинъ военныхъ неудачъ:

„Россія настойчиво требуетъ побѣды. Она не хочетъ справляться съ планами, съ обстоятельствами, не ей мерзнуть и умирать этими холодными ночами. Россія не желаетъ жертвъ. Россія презрительно фыркаетъ на Японію, Японія нарушаетъ нейтралитетъ и посылаетъ своихъ драгунъ и хунгузовъ въ тылъ арміи. Нужна охрана 2.000 верстъ пути. Каждый солдатъ дорогъ, каждаго съ трудомъ добываютъ въ армію. *Войска не обучены.* Они идутъ толпами на штурмъ вмѣсто того, чтобы ползти и красться; кавалерія ходитъ со скоростью пѣхоты; начальники конныхъ отрядовъ ссорятся изъ-за того, кому взорвать Хайченскій мостъ, и мостъ остается невзорваннымъ... А Россія требуетъ побѣдъ и побѣдъ... *Надо обучить, надо устроить, надо изгнать плевелы* и тогда—впередъ".

Постоянный сотрудникъ оффиціальнаго органа военнаго вѣдомства въ этомъ самомъ органѣ утверждаетъ, что „войска не обучены" и что „надо обучать, надо устроить (значитъ, и не устроены), надо изгнать плевелы" (значитъ, ихъ не мало, этихъ плевеловъ?..). И здѣсь требуется коренная реформа, а удобно ли

реформировать армію во время войны? Миръ является настоятельною потребностью и съ этой точки зрѣнія такъ же, какъ и со всякой другой, кромѣ выше цитированной точки зрѣнія русскаго сановника, бесѣдовавшаго о нашихъ злобахъ дня съ Гастономъ Дрю.

Необходимость мира выясняется все съ большею и большею силою, а возможность его находится въ зависимости отъ требованій, которыя предъявитъ Японія. Вполнѣ своевременно узнать эти требованія. Конечно, ни одна нейтральная держава не откажетъ въ своихъ „добрыхъ услугахъ", какъ дипломаты называютъ этого рода посредничество (т. е. чистое посредничество безъ вмѣшательства).

Въ заключеніе этихъ поневолѣ бѣглыхъ, поневолѣ отрывочныхъ замѣтокъ о возможности, желательности и необходимости прекратить войну и возстановить миръ, цитируемъ изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" (11 марта, № 8714, вечернее изданіе) слѣдующую телеграмму изъ Берлина:

„Опровергая сообщеніе парижской газеты „Matin", навязавшей одному высокопоставленному русскому сановнику попытку войти въ переговоры о мирѣ съ барономъ Гаяши, петербургскій корреспондентъ „Politische Zeitung" передаетъ слѣдующій, по его словамъ, вполнѣ достовѣрный разсказъ:

„Лѣтомъ 1904 года, во время пребыванія С. Ю. Витте въ Берлинѣ, съ японской стороны была сдѣлана попытка заручиться его содѣйствіемъ въ дѣлѣ заключенія мира между Россіей и Японіей на справедливыхъ условіяхъ. С. Ю. Витте сочувственно отнесся къ этой попыткѣ, но не встрѣтилъ поддержки въ Петербургѣ. Мѣсяца два тому назадъ Японія, задыхающаяся подъ тяжкимъ бременемъ, которое взвалено на нее войною, снова пыталась начать мирные переговоры черезъ посредство того же русскаго сановника. Положеніе въ Манчжуріи было тогда еще очень благопріятное для Россіи; армія Куропаткина была цѣла и въ Японіи далеко не были увѣрены, что удастся нанести ей сокрушительный ударъ. Россія не имѣла никакой надобности просить о мирѣ, Японія сама шла навстрѣчу тѣмъ, кто въ Россіи желаетъ мира. Теперь обстоятельства измѣнились и нѣтъ надежды на то, что Японія первая выступитъ съ новымъ предложеніемъ о мирѣ".

По обнародованіи этого сообщенія, посыпались опроверженія и поправки, но весь споръ сводился къ тому, инниціатива переговоровъ принадлежала ли г. Витте, или г. Гаяши? Готовность же японскаго дипломата начать переговоры не отрицается. Несогласіе пришло отъ петербургской дипломатіи.

II.

Внутреннія русскія дѣла продолжаютъ развиваться въ направленіи, дающемъ имъ всемірно-историческое значеніе. И рабочій вопросъ, и многочисленныя совѣщанія о реформахъ, и предстоящее созваніе народныхъ представителей, и общественное движеніе, и бюрократическая репрессія, все сливается въ одинъ процессъ, очень болѣзненный, но, кажется, хотя и съ препятствіями и старою приказною волокитою, ведущій къ выздоровленію. За послѣднее время общее и безъ того сложное положеніе осложнилось еще аграрнымъ движеніемъ, охватившимъ широкіе раіоны. Крайними пунктами, въ которыхъ проявилось аграрное движеніе, были на сѣверѣ Новгородская губернія, на югѣ Гурія въ Кутаисской губерніи, на западѣ Черниговская и Витебская и на востокѣ Саратовская и Самарская губерніи, при чемъ съ особенною силою и энергіей движеніе сказалось въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ (Воронежской, Курской, Орловской и др.), а своеобразное теченіе оно приняло въ Кутаисской губерніи.

Не здѣсь мѣсто излагать ходъ этого крестьянскаго движенія. Здѣсь мы остановимся лишь на историческомъ смыслѣ движенія и его возможномъ значеніи.

Среди общественныхъ движеній, изъ борьбы и столкновенія которыхъ слагается внутренняя исторія народовъ, совершенно особое и самобытное мѣсто занимаютъ крестьянскія движенія, мужицкія смятенія и возстанія. Мы знаемъ мотивы и силы, движущіе массы и волнующіе общества въ тѣхъ случаяхъ, когда движеніе охватываетъ всѣ слои народа, а также и въ тѣхъ, когда оно распространяется только на городское населеніе, или только на культурные классы, или на привилегированныя и военныя сословія, или, наконецъ, на всѣ эти или нѣсколько этихъ слоевъ общественныхъ. Въ этихъ случаяхъ интересы и идеи управляютъ движеніемъ, и внимательный наблюдатель можетъ предвидѣть и наступленіе, и силу, и направленіе движенія. Извѣстное равновѣсіе силъ, представляющихъ собою болѣе или менѣе значительные интересы различныхъ группъ населенія и выраженныхъ въ системѣ господствующаго права (пріобрѣтенныхъ или историческихъ правъ), это равновѣсіе съ теченіемъ времени постепенно подрывается ростомъ однихъ интересовъ, ослабленіе другихъ и расшатывается критикою съ точки зрѣнія вновь вырабатываемыхъ идей и новыхъ идеаловъ. Какъ ростъ и ослабленіе общественныхъ силъ, поддерживающихъ тѣ или иные интересы, такъ и развитіе новыхъ идей и нарожденіе новыхъ идеаловъ, ихъ распространеніе и вліяніе — безъ особаго труда под-

даются наблюденію мыслящаго человѣка. Непредвидимыми и неподлежащими предварительному учету остаются сроки, степень энергіи, формы, которыя приметъ назрѣвающее движеніе, его теченіе, т. е. весьма существенное, отчего зависитъ и будущность движенія, и его успѣхъ, и его прямые и косвенные плоды, но само движеніе всегда можетъ быть предвидѣно, потому что при современномъ пониманіи законовъ, управляющихъ обществами, и при громадномъ ежедневномъ запасѣ текущихъ свѣдѣній обо всемъ, что совершается въ мірѣ, корни и источники всякаго такого движенія обнажены и доступны интересующемуся и желающему видѣть и знать. Совершенно въ другомъ положеніи находятся всѣ чисто крестьянскія движенія. Они рождаются какъ-бы изъ ничего, внезапно разростаются въ грозное явленіе и угасаютъ, не оставляя повидимому слѣда.

Видимая безпричинность чисто крестьянскихъ движеній происходитъ отъ того, что крестьянская масса до сихъ поръ въ значительной части Европы еще не пріобщилась къ исторической жизни тѣхъ націй, къ которымъ по крови, культурѣ и государственному подданству принадлежитъ. Городское, привилегированное и культурное человѣчество боролось за свои интересы, устанавливало компромиссы между ними, создавало изъ этихъ компромиссовъ систему историческаго права, выработывало идеи и, колебля прежнія правовыя отношенія, замѣняло ихъ новыми,— словомъ, творило исторію, а крестьянинъ ничего этого не зналъ и ничѣмъ этимъ не интересовался. Въ эпоху, когда впервые сложился бытъ земледѣльческій, крестьянинъ подъ повелительнымъ давленіемъ условій земледѣльческой жизни, трудовой, суровой и вмѣстѣ съ тѣмъ творческой, независимой и спокойной, выработалъ извѣстный строй понятій о добрѣ и злѣ, правдѣ и кривдѣ, въ основу которыхъ не могли не лечь условія и требованія земледѣльческой жизни, земледѣльческаго труда. Трудъ своими руками на себя, трудъ, требующій столько вниманія и творчества; замкнутая жизнь, удовлетворяющая сама своимъ потребностямъ; слабость единичныхъ усилій въ борьбѣ съ природою; природа — губительница и природа—кормилица, смотря по тому, какъ подойдемъ къ ней; гармонія разныхъ сторонъ труда земледѣльческаго, необходимая для его успѣха; гармонія разнообразныхъ силъ природы, не менѣе необходимая для успѣха земледѣлія, отсутствіе досуга, захолустность мѣстожительства, всѣ эти и многія другія условія соединились, чтобы и выработать прочную единообразную мужицкую мораль, и пронести ее неиспорченною и не искаженною черезъ многія тысячелѣтія страдной крестьянской жизни. А жизнь была дѣйствительно страдная: и рабство, и деспотизмъ, и эксплуатація, и религіозное изувѣрство, все внесло свою лепту въ многотомную книгу страданій земледѣльца, кормильца и строителя государствъ и народовъ.

Всякая профессія, получившая преобладаніе въ національной жизни, стремится особеннымъ образомъ окрасить и мораль. Спартанская военная община создаетъ кодексъ морали, конечно, совершенно иной, нежели коммерческая Финикія. Феодальная аристократія среднихъ вѣковъ Западной Европы въ кодексѣ чести завѣщала намъ систему морали, выработанную для привилегированнаго военнаго сословія. Точно такъ же должна была выработаться и своя особая мужицкая мораль, вытекающая изъ условій трудовой земледѣльческой жизни, какъ рыцарская честь или спартанская доблесть выросли въ видѣ системъ морали, соотвѣтствующихъ аристократическому и военному быту. Мораль мужицкая очень проста и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для современнаго культурнаго человѣка съ его „правами“, довольно таки мудреная. Она именно и прежде всего не знаетъ этихъ „правъ“; она знаетъ только справедливость, вытекающую изъ труда. *Трудовое начало* проникаетъ насквозь эту архаическую мораль; отрицаніе или, вѣрнѣе, совершенное игнорированіе историческихъ правъ представляетъ ея особенность, ставящую ее въ такое противорѣчіе со всѣмъ строемъ современной жизни, возсѣдающемъ на цѣлой сложной системѣ правъ. Ярче всего выражается это въ отношеніяхъ этой мужицкой морали къ землѣ, завладѣніе которой лицомъ, не воздѣлывающимъ ее, она отказывается понять и признать. Сколько аграрныхъ мятежей знаетъ исторія исключительно вслѣдствіе этого непониманія, созданнаго исторіей поземельнаго права. Исторіи, какъ мы уже замѣтили, крестьянинъ знать не хочетъ, какъ, впрочемъ, и исторія знать его не хотѣла. Другимъ примѣромъ отрицательнаго отношенія мужицкой морали къ пріобрѣтенному праву можетъ служить ея отношеніе къ нѣкоторымъ обязательствамъ. Одни она признаетъ, и всякій честный мужикъ сочтетъ себя обязаннымъ ихъ выполнить; другія совершенно игнорируетъ, и совершенно честный крестьянинъ сочтетъ для себя дозволеннымъ и порубку въ чужомъ лѣсу, и неуплату долга, выросшаго изъ неустоекъ, или процента, или даже аренднаго договора. Вглядываясь въ эти обязательства, что нравственно-обязательны для честнаго крестьянина, и такія, что исполняются лишь по принужденію или по разсчету, мы легко замѣтимъ, что вторыя вытекаютъ изъ игры историческихъ правъ, а первыя изъ простого обмѣна трудомъ или услугами. Такимъ образомъ, въ то время, какъ верхніе слои, правящіе классы создаютъ цѣлую систему правъ, соотвѣтствующую соотношенію силъ, представительствующихъ различныя группы интересовъ, внизу, почти во всѣхъ европейскихъ обществахъ, живутъ милліоны крестьянской массы, морально не признающіе этой системы и лишь подчиняющіеся ей такъ же, такъ прежде подчинялись рабству или крѣпостному состоянію. Для этой массы строй современный столь же мало кажется справедливымъ, какъ и былой крѣпостной строй. Сила

гнула мужика въ ярмо раба; сила же вынуждаетъ его признавать историческія права, созданныя нашею цивилизаціею. Мужицкая мораль не входила въ компромиссы съ чуждыми интересами, а только подчинялась. Поэтому-то, въ случаѣ ея проявленія, она и является нынѣ въ томъ же видѣ, въ какомъ ее видѣли и классическая древность, и средніе вѣка. Понятно, съ другой стороны, что такъ какъ это мужицкое чувство обыкновенно хранится подъ спудомъ, какъ хранилось многія тысячелѣтія, то весьма трудно предвидѣть его взрывъ.

Крестьянинъ тамъ, гдѣ онъ сохранилъ свой типическій обликъ, чувствуетъ себя постоянно обиженнымъ и постоянно надѣется на наступленіе золотого вѣка, когда восторжествуетъ понимаемая имъ „правда". Эта вѣра въ наступленіе правды присуща всякому крестьянину, не пріобщившемуся цивилизаціи. И онъ ждетъ этого часа. Онъ жадно ловитъ всякій слухъ, всякое извѣстіе, какъ-бы подтверждающее его ожиданіе. Крестьянинъ обладаетъ эпическою фантазіею, создающею ему цѣлую призрачную дѣйствительность изъ малѣйшаго слуха, ласкающаго его надежды, подкрѣпляющаго его вѣру. Онъ такъ же легковѣренъ и въ противоположную сторону, потому что онъ убѣжденъ, что лишь злые люди мѣшаютъ осуществленію на землѣ его земледѣльческаго рая. И онъ столь-же жадно ловитъ слухи объ этихъ помѣхахъ и козняхъ. Освобожденіе (отъ крѣп. состоянія) было прежде во всей Европѣ основною темою этихъ оптимистическихъ и пессимистическихъ слуховъ. Затѣмъ и донынѣ такою темою является *земля*, а порою страхъ возвращенія крѣпостнаго состоянія.

Такое настроеніе, исполненное надежды на золотой вѣкъ и подозрительности къ правящимъ классамъ, какъ къ главной помѣхѣ, существуетъ въ крестьянской массѣ всегда, а потому и всегда готова почва для движенія и движеніе обыкновенно является неожиданностью. Однако, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, это скрытое настроеніе обостряется и крестьянская масса становится особенно воспріимчива къ движенію. Такими обстоятельствами могутъ быть глубокіе политическіе перевороты, порождающіе обыкновенно массу слуховъ, но чаще всего лучшею почвою служитъ обѣднѣніе крестьянской массы, угнетенія, которыя она испытываетъ, эксплуатація ея невѣжества и экономической слабости и пр. Видя, вмѣсто ожидаемаго золотого вѣка, разореніе, крестьяне становятся очень воспріимчивы ко всякимъ слухамъ, оптимистическимъ и пессимистическимъ, и тутъ самое непредвидѣнное, самое пустое обстоятельство можетъ послужить поводомъ къ взрыву.

Отсюда и внезапность этихъ движеній; отсюда и быстрота ихъ роста, такъ какъ все крестьянство настроено одинаково; отсюда же и безплодность этихъ взрывовъ, такъ какъ мужицкая мораль во всей полнотѣ противорѣчитъ всѣмъ интересамъ всѣхъ правя-

щихъ классовъ, и, возставая не во имя интересовъ, которые могутъ войти въ компромиссъ, а во имя своей *правды*, *всей* правды, крестьянинъ, конечно, не можетъ разсчитывать на успѣхъ, да и программы *обыкновенно* эти жакеріи не имѣютъ. Стихійно возникшія, стихійно разросшіяся въ грозное и разрушительное явленіе, онѣ такъ-же стихійно угасаютъ, ничего не достигнувъ, но и ничего и не потерявъ, такъ какъ, кромѣ вѣры въ наступленіе золотого вѣка, ничего за ними и не было, а эту вѣру крестьянинъ хранитъ вѣчно, какъ самое драгоцѣнное и единственное свое достояніе. Подробное изслѣдованіе этихъ любопытныхъ стихійно-общественныхъ явленій было бы очень интересною страницею обществознанія, но, конечно, теперь это не входитъ въ нашу задачу. Я желалъ только лучше освѣтить современныя событія, взволновавшія общественное мнѣніе, и безъ того глубоко взволнованное.

Мужицкіе мятежи въ большей или меньшей степени свойственны всѣмъ странамъ Европы. За послѣднія два десятилѣтія мы ихъ наблюдали въ Германіи (въ Гессенѣ въ 1885), Италіи (Калабрія въ 1876, Ломбардія въ 1889, Сицилія нѣсколько лѣтъ тому назадъ), Австріи (Галиція въ 1886), даже Англіи (на о-вѣ Тайри въ 1886) и проч. У насъ съ особою силою проявились эти мятежи въ 1901 году въ губерніяхъ Харьковской, Полтавской и Херсонской. Сурово подавленное, это движеніе нынѣ, черезъ четыре года, вспыхнуло съ новою силою и *большею частью* въ тѣхъ же формахъ. Подробныхъ свѣдѣній о крестьянскихъ безпорядкахъ 1905 года, конечно, еще нѣтъ, но по ихъ поводу г. Пушкинъ, стоявшій близко къ производству слѣдствія о безпорядкахъ 1901 года, сообщаетъ въ „Нов. Вр.“ характеристику этого движенія, въ значительной своей части годную и для современныхъ безпорядковъ.

„На небольшомъ пространствѣ пограничныхъ между собой уѣздовъ Валкскаго Харьковской губ. и Константиноградскаго Полтавской, въ теченіе времени съ 31 марта по 2 апрѣля, были опустошены до семидесяти отдѣльныхъ помѣщичьихъ, купеческихъ и крестьянскихъ экономій и хуторовъ, при чемъ въ этомъ „разобраніи“, — какъ называли крестьяне свои дѣйствія, — приняли участіе поголовно нѣсколько десятковъ тысячъ взрослыхъ мужиковъ, бабъ и дѣтей. Это движеніе представляло собой нѣчто стихійное по неожиданности, съ которой оно появилось, и по стремительности, съ которой оно было произведено сплоченною массою всего крестьянскаго населенія означенной мѣстности. Самый же способъ, какимъ были „разобраны“ всѣ экономіи, находившіяся на пути этого урагана, въ большинствѣ случаевъ носилъ вполнѣ мирный характеръ. Толпы крестьянъ, иногда въ нѣсколько тысячъ, съ подводами и лошадьми, являлись въ помѣщичью усадьбу, вызывали владѣльца или управляющаго и спо-

койно объявляли, что они получили разрѣшеніе отобрать отъ помѣщиковъ весь хлѣбъ изъ амбаровъ и весь скотъ.

Никакія возраженія и увѣщанія не принимались во вниманіе; наоборотъ, крестьяне, въ свою очередь, упрашивали помѣщика не сопротивляться „приказанію“ свыше, затѣмъ получали отъ него ключи отъ помѣщеній, гдѣ хранилось имущество, выносили хлѣбъ, выводили скотъ и, тутъ же на мѣстѣ подѣливъ его „по душамъ“, забирали полученное и помѣщали его въ своихъ усадьбахъ, въ большинствѣ случаевъ не принимая даже мѣръ къ сокрытію его.

Никакого насилія противъ владѣльцевъ учинено не было“.

Далѣе г. Пушкинъ удостовѣряетъ, что самое тщательное разслѣдованіе не обнаружило подстрекателей, и что движеніе вспыхнуло вслѣдствіе внезапно откуда-то появившагося и быстро распространившагося слуха, что такое *разобраніе* разрѣшено высшимъ начальствомъ. Почему крестьяне повѣрили этому слуху? Авторъ видитъ тому двѣ причины: невѣжество и обѣднѣніе. О послѣднемъ г. Пушкинъ выражается такъ:

„Другое основаніе состояло въ непреодолимомъ желаніи вѣрить всякимъ такимъ слухамъ, которые сулятъ освобожденіе ихъ изъ того невыносимаго экономическаго положенія, въ которомъ они находятся, и которое можетъ быть опредѣлено двумя словами: „хроническое недоѣданіе“ по причинѣ малоземельности и увеличенія народонаселенія. Наконецъ, третья причина, по собственному объясненію обвиняемыхъ, заключается въ слѣдующемъ. Въ 1861 г., по понятіямъ обвиняемыхъ, у помѣщиковъ была отобрана земля и отдана крестьянамъ даромъ; значеніе выкупныхъ платежей, какъ разсрочки уплаты за эту землю, никогда не было ясно въ представленіи крестьянъ, и они были всегда склонны смотрѣть на эти платежи, какъ на поземельный налогъ; въ настоящее время, спустя сорокъ лѣтъ, они такъ размножились, что подаренной имъ земли сдѣлалось уже недостаточно для ихъ прокормленія, а поэтому они должны будто бы получить новый надѣлъ, на что, однако, помѣщики не соглашаются и бунтуютъ противъ царя, которому имъ, крестьянамъ, слѣдуетъ придти на помощь и насильно отобрать отъ господъ землю, которую они не хотятъ отдать добровольно; въ данную же минуту слѣдуетъ взять у нихъ покамѣстъ полученные ими отъ этой земли доходы, въ видѣ хлѣба и скота. Это убѣжденіе до такой степени проникло въ сознаніе крестьянъ, что многіе изъ нихъ и на судѣ упорно старались доказывать его справедливость“.

Эта третья причина и сводится въ сущности къ тѣмъ архаическимъ мужицкимъ идеаламъ, о которыхъ я говорилъ выше. Эта легенда о грядущей „правдѣ“ представляетъ одну изъ самыхъ живучихъ и любопытнѣйшихъ чертъ общекрестьянскаго міровоззрѣнія, этого архаическаго, но и полнаго будущности обществен-

наго типа, въ которомъ наивная инертность, не обѣщающая, повидимому, никакого историческаго значенія, чудесно сочетается съ такою чистотою и глубиною вѣры въ правду, которая одна, эта вѣра, обезпечиваетъ историческую будущность. Это чаяніе правды, это коллективное чувство уживается въ крестьянствѣ съ индивидуальною грубостью, жестокостью, вопіющею неправдою, но эта индивидуальная сторона покрывается коллективною и, по моему глубокому убѣжденію, мужицкая идея еще скажетъ и свое вѣское слово во всемірной исторіи. Въ настоящее время человѣчество занимается, интересуется и волнуется интересами, дѣлами и вопросами, преимущественно, городскими, общенаціональными, общекультурными, международными... Здѣсь все понятно и все извѣстно. Здѣсь всякій знаетъ, чему симпатизировать, чего опасаться, на что надѣяться. Къ тому же здѣсь все является въ картинной и драматической обстановкѣ: гремятъ выстрѣлы, льется кровь, раздаются краснорѣчивыя воззванія, увлекательныя рѣчи... Здѣсь мысль и жизнь, движеніе и прогрессъ.

Ничего подобнаго не говоритъ ни сердцу, ни уму современнаго западнаго европейца движеніе крестьянское. Тамъ нѣтъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, которые завоевали бы мужику симпатіи общества. Тамъ нѣтъ глубокихъ мыслителей, которые обосновали бы мужицкіе идеалы. Тамъ нѣтъ образованныхъ руководителей, которые удержали бы движеніе въ цѣлесообразныхъ предѣлахъ и направили бы его къ согласованію съ эволюціей другихъ наслоеній общественныхъ... Правда, порою и тамъ бываетъ и кровь, и трупы, и пожары, и всяческія репрессіи, но эти взрывы крестьянскаго движенія, внезапные и неожиданные, кажутся обществу какими-то изверженіями доисторическаго звѣрства. Его стараются усмирить, если нужно загасить кровью, чтобы затѣмъ поскорѣе снова заняться своими городскими дѣлами, дѣлами буржуазіи, аристократіи, церкви, пролетаріата и т. д. Такъ шла исторія Западной Европы полтора тысячелѣтія. Такъ идетъ она и нынѣ. Отчасти и Восточная Европа вступила на тотъ же путь, но только отчасти, потому что русская умственная жизнь создала могучее и широкое теченіе, сочувственное мужику и его трудовому началу въ правѣ. Когда мужицкая „правда" будетъ просвѣтлена и цѣлесообразно направлена этимъ уже готовымъ, но еще не дошедшимъ до мужика истолкованіемъ его идеаловъ, тогда наступитъ время выхода на историческую арену и мужицкой идеи. Я убѣжденъ, что это время не за горами. Я убѣжденъ, что обновленіе Россіи должно неминуемо повлечь за собою и это появленіе мужика, какъ дѣятеля всемірной исторіи. Есть и нѣкоторые тому признаки.

III.

Особенный характеръ и своеобразное теченіе получило крестьянское движеніе въ Гуріи, захватившее затѣмъ Имеретію, часть Карталиніи и часть Аджаріи. Ему придавали и политическое, и національное значеніе. Это обстоятельство, какъ и упомянутая только что его своеобразность, побуждаютъ меня остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Объ этомъ движеніи напечатано обстоятельное сообщеніе въ „Новостяхъ“ г. Старцевымъ, который передаетъ свою бесѣду съ „виднымъ общественнымъ дѣятелемъ Кавказа и хорошимъ знатокомъ“ (какъ отзывается г. Старцевъ о своемъ собесѣдникъ). Бесѣда дѣйствительно очень интересная, и здѣсь я приведу ее въ существенныхъ частяхъ.

„Вы, конечно, знаете, что крестьянское движеніе началось въ Гуріи (такъ началъ собесѣдникъ г-на Старцева). Такъ называлось прежде одно изъ грузинскихъ княжествъ. Въ данное время вся Гурія умѣщается въ Озургетскомъ уѣздѣ, Кутаисской губерніи. Населеніе ея, сплошь грузинское, не превышаетъ 150 тыс. Малоземелье, тяжкія арендныя условія и другія экономическія причины издавна побуждали гурійцевъ къ отхожимъ промысламъ. Этому не мало способствовала близость моря. Гурійцевъ можно видѣть во всѣхъ портахъ Чернаго моря, много работаетъ ихъ въ Одессѣ и въ Севастополѣ... Благодаря этому, бывалый и много видавшій на своемъ вѣку гуріецъ рѣзко отличается своимъ умственнымъ развитіемъ отъ остальныхъ грузинскихъ крестьянъ,—въ общемъ, крайне неразвитыхъ и забитыхъ нуждой людей... Гурія—одинъ изъ самыхъ культурнѣйшихъ уголковъ на всемъ Кавказѣ, да и во всей Россіи едва ли много можно встрѣтить такихъ уголковъ. Въ каждой деревушкѣ, самой глухой и бѣдной, затерявшейся среди непроходимыхъ болотъ, лѣсовъ и скалъ, имѣются обязательно школа и библіотека. Впрочемъ, въ послѣднее время всѣ эти школы и библіотеки закрыты администраціей...

Насколько населеніе Гуріи культурно и отзывчиво къ міровымъ событіямъ, можетъ до извѣстной степени служить доказательствомъ необычайная распространенность газетъ среди народа. Нужно замѣтить при этомъ, что грузинскія газеты—вполнѣ приличные, въ настоящемъ смыслѣ, литературные и прогрессивные органы. Вліяніемъ онѣ пользуются огромнымъ. Еще болѣе, конечно, способствовала распространенію газетъ — японская война. Народъ съ жадностью ловитъ каждое извѣстіе о ней и прекрасно освѣдомленъ о положеніи дѣлъ. Крестьяне-гурійцы знаютъ по именамъ всѣхъ военачальниковъ, великолѣпно разбираются въ

телеграфныхъ сообщеніяхъ при помощи имѣющихся картъ. Насколько живо они интересуются войной, могу привести слѣдующій фактъ, свидѣтелемъ котораго я самъ былъ. Въ село Чахатуари, въ 25 верстахъ отъ линіи желѣзной дороги, почта приходитъ два раза въ недѣлю. И вотъ, крестьяне, чтобы имѣть возможность каждый день получать газеты, на собственный счетъ обзавелись верховымъ, который и доставляетъ имъ ежедневно газеты. Собираются затѣмъ сходы, газеты читаются вслухъ, и всѣ событія горячо обсуждаются народомъ. Какъ видите, гурійцы далеко не тѣ дикари, какими вы, петербужцы, привыкли считать всѣхъ кавказцевъ.

Я сказалъ уже, что малоземелье одно изъ самыхъ мрачныхъ пятенъ въ жизни гурійскаго крестьянина. Надѣлы его такъ ничтожны, что кормиться ими нѣтъ никакой возможности.

Сильно развита, поэтому, аренда земель у мѣстныхъ помѣщиковъ. Надо замѣтить при этомъ, что число дворянъ въ Гуріи, какъ нигдѣ, велико. Чуть ли не 10 проц. всего населенія. Гурійскіе дворяне, какъ и вообще всѣ грузинскіе ихъ собратья, презираютъ какой бы то ни было трудъ, считая его удѣломъ низшихъ слоевъ Никто изъ помѣщиковъ самъ не хозяйничаетъ, и всѣ предпочитали отдавать земли въ аренду крестьянамъ. Условія аренды— прямо-таки невозможны. Съемщикъ-крестьянинъ бралъ голую землю, вкладывалъ въ нее весь свой трудъ, обработывалъ ее своими орудіями, сѣялъ свои сѣмена и долженъ былъ уплачивать помѣщику отъ $^{1}/_{4}$ до $^{1}/_{2}$ всего урожая! Помимо этого, помѣщики всячески утѣсняли крестьянъ... Рѣдкій крестьянинъ могъ избѣгнуть штрафа за потраву помѣщичьихъ посѣвовъ. Все это, конечно, не могло создать любовныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Вражда между ними разросталась все сильнѣе, случаи аграрныхъ преступленій умножались. Крестьянское населеніе, грамотное, развитое, поняло, что такимъ путемъ многаго не достигнешь и что борьба съ помѣщиками возможна только при условіи единодушія. И вотъ, крестьяне, собравшись на сходы, постановили не брать у помѣщиковъ земли въ аренду. Помѣщиковъ стали бойкотировать. Всякія сношенія съ ними были прерваны. Для надзора же надъ приведеніемъ въ исполненіе этого постановленія были избраны крестьянами особые комитеты, значеніе и роль которыхъ впослѣдствіи стали прямо-таки огромными...

Отказъ отъ аренды повлекъ голодовки, нищету, но крестьне стойко переносили всѣ бѣды и несчастья.

Тяжко пришлось и помѣщикамъ. Они должны были обработывать свои земли наемными рабочими. Такъ и сдѣлали. Тогда комитеты издали распоряженіе, воспрещавшее кому-либо изъ гурійцевъ или пришлыхъ со стороны рабочихъ работать на помѣщичьихъ земляхъ. Послѣ одного, двухъ убійствъ пришлыхъ

рабочихъ, помѣщики очутились въ безвыходномъ положеніи. Что имъ было дѣлать?

Наиболѣе разумные изъ нихъ организовали трудовыя артели и сами стали обработывать свои земли (дворяне въ Гуріи—мелкопомѣстные).

Крестьяне очень сочувственно отнеслись къ этой попыткѣ дворянъ.

— Что-жъ? Работайте! Мы очень рады!..

И дворяне-земледѣльцы примкнули къ крестьянамъ.

Остальные дворяне, считавшіе ниже своего достоинства заниматься трудомъ, предпочли засыпать жалобами начальство, стали кричать о бунтѣ крестьянъ, о необходимости скорѣйшей присылки войскъ. Вопли дворянъ-помѣщиковъ достигли цѣли. Въ Гурію были посланы войска. Но такъ какъ бунта, собственно говоря, не было, то и войскамъ нечего было дѣлать. Однако, ихъ оставили кое-гдѣ по деревнямъ и устроили такъ называемыя экзекуціи: крестьяне должны были содержать войска. Назначены были, вмѣсто выборныхъ, правительственные старшины. Пошли мѣры строгости, пресѣченія и обузданія, на которыя была такъ щедра кавказская администрація. Штрафы, тюремное заключеніе, высылки, постой солдатъ, поборы полицейскихъ и старшинъ—все это озлобляло населеніе, и возникшее года три назадъ чисто аграрное движеніе среди гурійскихъ крестьянъ стало получать иную окраску.. Къ этому времени часть дворянъ пошла на уступки, понизивъ аренду до $^1/_{10}$ урожая; остальные же дворяне побросали свои угодья и выѣхали изъ Гуріи. Къ чести крестьянъ нужно замѣтить, однако, что они не воспользовались оставленнымъ добромъ, не тронули покинутыхъ усадебъ и не воспользовались землями, оставленными на произволъ судьбы. Администрація продолжала придерживаться своей старой системы обузданія, недовольство росло, населеніе сопротивлялось и, въ концѣ концовъ, забывъ помѣщиковъ, всю ненависть свою перенесло на администрацію.

Крестьянскіе комитеты пріобрѣли необычайную власть и популярность. Возникли особые крестьянскіе суды, и рѣшенія ихъ безусловно признавались всѣмъ населеніемъ. Камеры мировыхъ судей и помѣщенія полицейскихъ управленій остались не при чемъ.

Къ нимъ никто не обращался. Народъ отвергъ эти учрежденія. Никакихъ насилій онъ не чинилъ, а просто рѣшилъ молчаливо, что ни къ чему для него эти мировые судьи и полицейскіе пристава.

— Мы и сами разберемся въ своихъ дѣлахъ!..

Крестьянскіе комитеты вынесли, между прочимъ, такія крайне любопытныя постановленія:

1) Воспретить крестьянамъ винокуреніе, за которое они уплачивали высокій акцизъ, и запретить употребленіе водки.

2) Въ виду того, что нѣкоторые обряды, свадьбы и похороны обставляются крайне обременительно для крестьянъ, комитеты рѣшили прежде всего установить таксу за духовныя требы. Затѣмъ, такъ какъ на похоронахъ и свадьбахъ присутствовала обыкновенно масса гостей, и хозяева обязаны были, въ силу установившихся обычаевъ, угощать, поить и кормить ихъ чуть ли не по недѣлямъ, комитеты объявили, что гости, являющіеся на свадьбу, не имѣютъ права садиться и, выпивъ одинъ стаканъ вина, должны удаляться во-свояси; а при проводахъ покойниковъ на кладбище ни въ какомъ случаѣ не участвовать на поминкахъ...

3) Комитеты постановили, чтобы никакихъ грабежей и разбоевъ больше не было. Такъ и объявили. И такова сила комитетовъ, что въ теченіе послѣднихъ шести—восьми мѣсяцевъ было только нѣсколько случаевъ воровства, и виновные понесли наказаніе. А наказанія комитетами были назначены нешуточныя: въ первый разъ нарушитель постановленія комитета подвергался бойкоту, во второй—изгнанію изъ предѣловъ Гуріи и въ третій—смертной казни...

4) Общее постановленіе комитетовъ гласило: народъ долженъ прекратить всякія сношенія съ администраціей, и никто изъ гурійцевъ, подъ страхомъ смерти, не долженъ занимать административныя мѣста...

Нужно ли говорить, что всѣ постановленія крестьянскихъ комитетовъ приводились въ исполненіе съ желѣзной настойчивостью?

Вотъ, собственно, въ общихъ чертахъ, то „возстаніе“, которое вызвало отправку войскъ въ Гурію подъ командой генерала Алиханова...

Грузинская интеллигенція, конечно, всполошилась за участь этого культурнаго уголка и обратилась, въ лицѣ особо избранной депутаціи, къ высшимъ властямъ въ краѣ, съ разъясненіемъ истиннаго характера „возстанія“ гурійцевъ... Депутація убѣдила власти повременить съ отправкой войскъ, и послѣднія были задержаны. Въ Гурію командированъ членъ совѣта главноначальствующаго т. с. Султанъ-Крымъ-Гирей для выслушанія жалобъ и требованій гурійцевъ... Всѣмъ населеніемъ пока ему предъявлены такія требованія:

1) національзанія земли;

2) устраненіе всѣхъ правительственныхъ старшинъ и предоставленіе широкаго самоуправленія населенію;

3) участіе народа, въ лицѣ представителей его, въ общемъ законодательствѣ страны.

При этомъ долженъ вамъ замѣтить, что всѣ гурійцы особенно и самымъ старательнымъ образомъ подчеркиваютъ полное отсут-

ствіе въ нихъ какихъ бы то ни было сепаратистскихъ стремленій...

Вы спрашиваете: ограничилось ли движеніе одной только Гуріей? Отвѣчу вамъ: нѣтъ, къ Гуріи пристали еще восемь уѣздовъ Тифлисской и Кутаисской губерній... Возникла и въ этихъ мѣстахъ все та же организація. Дѣйствуютъ и правятъ народомъ фактически такіе же крестьянскія комитеты, какъ и въ Гуріи... Требованія народомъ выставляются тѣ же".

Цитата наша нѣсколько длинна, но она освѣщаетъ совершенно новое явленіе въ исторіи: крестьянское движеніе, направленное къ прежнимъ общемужицкимъ идеаламъ, но старающееся его такъ или иначе согласовать съ современностью и прибѣгающее къ новымъ средствамъ и методамъ. Сообщеніе о программѣ гурійскихъ крестьянъ отчасти подтверждается и „Новымъ Обозрѣніемъ", которое сообщаетъ, что командированный въ Гурію тайный совѣтникъ Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей „былъ въ сел. Хидистави, а 25-го въ Аскане. Теперь, послѣ четырехъ сходовъ, желанія крестьянъ опредѣлились съ достаточной полнотой. Главнѣйшія изъ нихъ: освобожденіе временно-обязанныхъ крестьянъ съ безвозмезднымъ закрѣпленіемъ за ними надѣловъ; общедоступность высшаго и средняго образованія и обязательное безплатное низшее образованіе; свобода слова, печати и собраній, общее мѣстное самоуправленіе; нормировка поземельной ренты; уничтоженіе косвеннаго и введеніе подоходнаго налога; передача церковныхъ земель въ собственность крестьянъ, выборные судьи; участіе въ законодательствѣ народныхъ представителей. Въ уѣздѣ все спокойно. Абсолютное отсутствіе сепаратныхъ стремленій".

Сообщеніе же о распространеніи движенія на сосѣднія области подтверждаетъ телеграмма Петерб. Агентства изъ Тифлиса:

„Тифлисъ, 15-го марта. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ „Кавказѣ", крестьяне Шаропанскаго уѣзда, прервавъ всякое сношеніе съ мѣстными должностными лицами, обращаются по своимъ дѣламъ къ тайно избраннымъ ими представителямъ. Они отказались составлять раскладки на общественныя потребности и рѣшили не обработывать помѣщичьихъ земель. Временно обязанные, кромѣ того, отказались уплачивать помѣщикамъ повинности на помѣщичьи земли, признавая послѣднія своими.

Въ Бѣлогорахъ 6-го марта арестованный приставомъ за покушеніе на поджогъ селенія насильно освобожденъ толпой около 500 человѣкъ".

Подтверждаетъ это распространеніе движенія и нижеслѣдующее:

Приказъ по управленію главноначальствующаго 11-го марта: „Высочайше утвержденнымъ 9-го марта положеніемъ комитета министровъ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 21-го февраля

положенія того же комитета объ объявленіи на военномъ положеніи нѣкоторыхъ частей Кутаисской губерніи и Батумской области распространено на всю кутаисскую губернію и города Кутаисъ, Поти и Батумъ. Въ виду означеннаго Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго мнѣ для приведенія въ исполненіе Намѣстникомъ Его Величества на Кавказѣ, предлагаю генералъ-лейтенанту князю Джамбакуріанъ-Орбеліани теперь же вступить во временное исполненіе обязанностей генералъ-губернатора не только въ отношеніи Озургетскаго, Сенакскаго и Кутаисскаго уѣздовъ Кутаисской губерніи и Кинтришскаго участка Батумской области, какъ предложено въ приказѣ 7-го марта, но и въ отношеніи всего остального пространства Кутаисской губерніи и городовъ: Кутаиса, Батума и Поти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ распоряженіе генералъ-лейтенанта князя Джамбакуріанъ-Орбеліани на одинаковыхъ основаніяхъ съ перечисленными въ томъ приказѣ войсковыми частями, поступаютъ всѣ войсковыя части, находящіяся нынѣ въ Батумѣ. Подписалъ исп. обязан. главноначальствующаго генералъ-лейтенантъ Малама".

Чѣмъ кончится это крестьянское движеніе, предсказать нельзя, при той огромно сложности, которая характеризуетъ настоящій историческій моментъ. Важно, однако, отмѣтить, что въ этомъ движеніи крестьянство выходитъ на новый путь... Нѣчто новое чувствуется и въ отношеніи помѣщиковъ.

„Тифлисскій Листокъ" сообщаетъ, что „подъ предсѣдательствомъ и. д. тифл. губернскаго предводителя дворянства 6 и 7 марта состоялось частное совѣщаніе дворянъ Тифлисской губерніи по вопросу о примиреніи крестьянскаго населенія Карталиніи съ помѣщиками. Нѣкоторые изъ ораторовъ указывали на то обстоятельство, что броженіе среди мѣстнаго населенія происходитъ отъ экономическаго неустройства крестьянъ, что дворянство обязано принять всѣ мѣры къ устраненію этихъ неустройствъ, для чего необходимо командировать уполномоченныхъ, пользующихся довѣріемъ крестьянъ, которые выяснили бы настоящую причину недовольства; было указано также на необходимость исходатайствовать разрѣшеніе объ устройствѣ въ Карталиніи общихъ всесословныхъ собраній для обсужденія и выясненія требованій населенія и выработки мѣръ для урегулированія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ совѣщаніе избрало изъ 7 лицъ особую коммиссію и постановило ходатайствовать предъ и. д. главноначальствующаго о разрѣшеніи коммиссіи объѣзжать Горійскій уѣздъ съ цѣлью выясненія требованій крестьянства и умиротворенія ихъ".

Не новый ли путь знаменуетъ и слѣдующая телеграмма Россійскаго телеграфнаго агентства:

„Новоузенскъ, 12-го марта. Экономическій совѣтъ при земской управѣ, съ участіемъ представителей крестьянскихъ обществъ,

постановилъ просить земство возбудить ходатайства: 1) о передачѣ начальнаго обученія всецѣло въ вѣдѣніе земства; 2) о прирѣзкѣ казенной земли мѣстнымъ малоземельнымъ обществамъ, съ воспрещеніемъ переселенія въ Новоузенскій уѣздъ крестьянамъ другихъ губерній; 3) объ урегулированіи арендныхъ цѣнъ на казенную землю, и 4) о скорѣйшемъ освобожденіи крестьянскаго населенія отъ существующей административной опеки, препятствующей развитію самодѣятельности населенія".

Крестьнскій „міръ" стучится уже въ запертыя для него ворота исторической жизни и историческаго самосознанія. Я думаю, недалеко время, когда придется отворить ему ворота и его интересы и міровоззрѣніе признать наравнѣ съ интересами и міросозерцаніемъ городскихъ классовъ. Я думаю такъ же, что произойдетъ это признаніе впервые именно въ нашемъ отечествѣ и что въ разрѣшеніи мужицкой проблемы кроется главное содержаніе русской исторической жизни.

Скромный герой поэзіи Некрасова, тотъ, кого такъ прочувствовалъ и насъ всѣхъ заставилъ прочувствовать Глѣбъ Успенскій, кого продумалъ и насъ всѣхъ заставилъ продумать Михайловскій, предметъ вниманія всего этого глубокаго и многосторонняго умственнаго движенія, нынѣ нѣкоторою частью городской интеллигенціи столь презираемый, русскій мужикъ сыграетъ, по моему мнѣнію, крупную роль въ недалекомъ будущемъ. Отъ степени его самосознанія будетъ зависѣть, по моему мнѣнію, и ходъ и исходъ всего нашего историческаго движенія, а безъ него оно мнѣ представляется какимъ-то самоотреченіемъ общественнымъ. „Вниманіе къ деревнѣ" такъ я формулировалъ бы одну изъ задачъ современности.

Въ мукахъ рождаетъ Россія свой новый укладъ, и вниманіе ко всѣмъ сторонамъ общественной и государственной жизни является настоятельною потребностью.

IV.

Въ свѣтѣ зловѣщаго зарева тяжкой и неуспѣшной войны, Россія проходитъ второй годъ свой историческій путь. Съ каждымъ днемъ усложняется это прохожденіе. Мы уже пересмотрѣли въ этой и предшествующихъ хроникахъ огромное количество огромныхъ вопросовъ, предъявленныхъ къ намъ исторіей. Миръ и обновленіе, это общая формула, но какой миръ и въ чемъ обновленіе? Реформа государственная, цѣлый рядъ другихъ назрѣвшихъ реформъ, широкое общественное движеніе, жестокія конвульсіи академической жизни, рабочій вопросъ, аграрные безпорядки, созваніе народныхъ представителей, вопросъ сложнѣе вопроса, проблема труднѣе проблемы и, однако, и этимъ переч-

немъ еще не исчерпывается списокъ поставленныхъ исторіей вопросовъ и проблемъ. Вопросы національные тоже поставлены исторіей передъ нашей совѣстью и передъ нашимъ сознаніемъ во весь свой ростъ. Своевременно и на нихъ остановить вниманіе. Своевременно сдѣлать учетъ и ихъ значенію и роли въ современномъ сложномъ и все осложняющемся процессѣ, переживаемомъ нашимъ отечествомъ.

Вопросы національные, конечно, тоже подвергаются горячему обсужденію въ печати и въ обществѣ, но кромѣ элементарнаго вопроса о равноправности всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій общественное вниманіе мало останавливалось на другихъ очень сложныхъ и очень разнообразныхъ сторонахъ, присущихъ каждому національному вопросу въ отдѣльности, финскому, польскому, армянскому и т. д. и т. д. На совѣщаніи столичныхъ и провинціальныхъ журналистовъ, въ томъ числѣ и не русскихъ національностей, была сдѣлана попытка дать общую формулу отвѣта для всѣхъ національныхъ вопросовъ. Приводимъ изъ „Новостей“ (№ 65, отъ 14 марта 1905, напечатана и въ другихъ газетахъ) шестой пунктъ, относящійся къ національнымъ вопросамъ:

„Собравшіеся представители печати считаютъ необходимымъ проводить въ сознаніе всего населенія принципъ полнаго гражданскаго равенства всѣхъ народностей и признать за каждой изъ нихъ права на культурное и политическое самоопредѣленіе“.

Признаніе за національностями права культурнаго и политическаго самоопредѣленія и есть эта формула, предложенная упомянутымъ совѣщаніемъ журналистовъ русскихъ, польскихъ и другихъ народностей. Намъ кажется, что эта формулировка дѣйствительно охватываетъ всѣ возможныя рѣшенія, основанныя на справедливости, если, конечно, не отрицать того же права и у русской національности. Какъ ни хороша общая формула, но она сама по себѣ не рѣшаетъ ни одного изъ наболѣвшихъ національныхъ вопросовъ и предлагаетъ даже не планъ, а только точку зрѣнія.

Что касается возможнаго плана рѣшенія, то здѣсь всѣ наши національные вопросы распадаются на двѣ группы, смотря по тому, живутъ ли національности смѣшанно съ русскими, или на своихъ территоріяхъ сплошнымъ или во всякомъ случаѣ преобладающимъ населеніемъ.

Къ первымъ относятся главнымъ образомъ евреи и татары, затѣмъ мелкія народности, какъ караимы, мордва, черемиссы, калмыки, башкиры и т. п. Здѣсь національный вопросъ весь исчерпывается равноправностью и этою равноправностью, обезпеченной культурнымъ самоопредѣленіемъ. Конечно, напр., такой сложный вопросъ, какъ еврейскій, не состоитъ единственно въ

неравноправности, но захватываетъ и экономическую сторону жизни евреевъ. Эта сторона, однако, не связана съ національнымъ вопросомъ; сама по себѣ она заслуживаетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Только не въ ряду національныхъ вопросовъ, насъ интересующихъ въ этой бесѣдѣ.

Національные вопросы по отношенію къ народностямъ, живущимъ смѣшанно съ русскими, не сложны. И совершенно естественно, что при созывѣ народныхъ представителей всѣ національности должны пользоваться одинаковыми избирательными правами. Совсѣмъ иначе стоитъ вопросъ, когда рѣчь идетъ о національностяхъ, занимающихъ особыя національныя территоріи. Здѣсь далеко не ясно, слѣдуетъ ли ихъ представителей включать въ русскій сеймъ, или предпочтительнѣе одновременно съ созваніемъ русскаго сейма созвать сеймы польскій, грузинскій, армянскій и т. д. Мнѣ кажется, что второй методъ, не затрудняя нашихъ собственныхъ русскихъ проблемъ, лучше и справедливѣе обосновалъ бы и рѣшеніе проблемъ нашихъ соотечественниковъ другихъ національностей. Затѣмъ оставалось бы согласовать выработанныя программы либо переговорами, либо на общемъ сеймѣ всѣхъ автономныхъ областей.

Тяжелый кризисъ переживаетъ Венгрія, острый конфликтъ короны съ парламентомъ. Императоръ Францъ-Іосифъ не желаетъ допустить ни особой венгерской арміи, ни экономическаго разъединенія Австріи и Венгріи. Парламентъ настаиваетъ на томъ и на другомъ, угрожая отказать въ бюджетѣ. Императоръ не уступаетъ. Говорятъ объ его отреченіи, говорятъ объ его намѣреніи управлять Венгріей безъ парламента, многое говорятъ, но достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ и вѣроятнаго исхода не видно.

Во Франціи утвержденъ, наконецъ, законъ о двухлѣтнемъ срокѣ военной службы. Началось обсужденіе и закона объ отдѣленіи церкви отъ государства, что явится очень крупнымъ событіемъ, которое можетъ отразиться далеко за предѣлами Франціи.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

Небольшое предисловіе.—I. Канунъ рожденія русской демократіи.—II. Шагъ на мѣстѣ.—III. Хромота на оба колѣна и лѣкарство С. Ю. Витте.—IV. Бакинская трагедія и борьба съ „крамолой".

Внутреннее обозрѣніе—одинъ изъ самыхъ трудныхъ для писателя отдѣловъ въ журналѣ. Сотрудникъ, отдавшій ему свои силы, не властенъ въ выборѣ темъ, — онѣ ставятся не имъ, а жизнью; ему некогда вынашивать свою мысль и обдумывать свое слово,—жизнь не ждетъ и требуетъ возможно скораго, часто немедленнаго отклика; свободное творчество, къ которому призванъ писатель, для внутренняго обозрѣвателя нерѣдко обращается, благодаря этому, въ тяжелую повинность. Не въ этомъ заключаются, однако, главныя трудности. Въ хроникѣ приходится отзываться на самые больные вопросы народной жизни, и, какъ бы осторожно къ нимъ ни подходилъ обозрѣватель, онъ никогда не можетъ быть увѣренъ, что рѣчь его не будетъ прервана. Въ дѣйствительности его прерываютъ даже чаще, гораздо чаще, чѣмъ если бы то же самое онъ сказалъ въ статьѣ подъ особымъ заголовкомъ. Самый отдѣлъ считается опаснымъ и эта презумпція, несомнѣнно, оказываетъ свое вліяніе на цензора. Приступая къ чтенію хроники, онъ невольно, быть можетъ, пододвигаетъ ближе къ себѣ склянку съ красными чернилами.

Въ качествѣ журнальнаго обозрѣвателя внутренней жизни мнѣ приходится выступать не въ первый разъ. Въ 1899 году я уже велъ хронику въ „Русскомъ Богатствѣ" и на опытѣ узналъ, какое это трудное дѣло. Я еле дотянулъ тогда до конца года. В. А. Мякотинъ имѣлъ мужество пять лѣтъ оставаться на этомъ трудномъ журнальномъ посту, но и онъ потребовалъ себѣ смѣны. И ему стало, наконецъ, невмоготу эта атмосфера недосказанныхъ мыслей, оборванныхъ фразъ и заживо погребенныхъ статей, въ какой приходится все время жить и работать внутреннему обозрѣвателю въ русскомъ подцензурномъ журналѣ.

Смѣнить товарища, пожелавшаго перейти на другую позицію, выпало на мою долю. Надѣюсь, что съ внѣшней стороны эта новая моя попытка окажется удачнѣе. Я уже пріобрѣлъ нѣкоторую опытность въ писательскомъ дѣлѣ, научился обходить острые углы и закруглять трудные періоды, привыкъ ставить въ опасныхъ мѣстахъ знаки препинанія. Да и рамки писательской работы подъ напоромъ требованій жизни за послѣднее время нѣсколько расширились: по крайней мѣрѣ, число совсѣмъ запретныхъ темъ для писателя уменьшилось. Я имѣю право по этому разсчи-

тывать, что оборванныхъ чужою рукою фразъ въ моихъ хроникахъ окажется теперь несравненно меньше. Но и за всѣмъ тѣмъ съ большимъ смущеніемъ начинаю я свои, отнынѣ обязательныя для меня, бесѣды на очередныя темы.

Въ качествѣ внутренняго обозрѣвателя мнѣ приходится выступать въ одну изъ самыхъ трудныхъ и отвѣтственныхъ минутъ для русской публицистики. Страна переживаетъ критическую эпоху. Безъ числа умножившіяся и до нельзя обострившіяся народныя нужды уже слились въ одинъ потокъ неудержимой силы. Одинъ за другимъ возникавшіе, быстро назрѣвавшіе и безконечно долго откладывавшіеся государственные вопросы уже сплелись въ одинъ огромный неразрывный узелъ. Мысль, что такъ дольше жить нельзя, успѣла сдѣлаться достояніемъ широкихъ массъ и уже сказалась въ нихъ активнымъ чувствомъ. Общественныя силы уже пришли въ движеніе. Отвѣчать въ такія минуты на запросы жизни отрывочными репликами нельзя. Мало говорить правду, хотя бы и *одну* правду; нужно говорить *всю* правду. Необходимо распутать весь узелъ, нужно дать полный отвѣтъ.

Полный... Но сумѣю и смогу ли я это сдѣлать? Для этого вѣдь нужно освѣтить и осмотрѣть все поле жизни, нужно учесть всѣ имѣющіяся и могущія появиться на немъ силы, нужно предусмотрѣть всѣ возможныя сочетанія ихъ и коллизіи. Сумѣю ли я найти прямой путь въ томъ „направленіи“, горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ котораго являюсь? Сумѣю ли я великіе принципы этого „направленія“ перелить въ пріемлемыя жизнью и способныя объединить его сторонниковъ практическія формулы? Да и можно ли это сдѣлать при данныхъ условіяхъ журнальной работы? Конфликтъ съ ними не окажется ли въ концѣ концовъ неизбѣжнымъ?

Я надѣюсь, однако, на друга-читателя, который, конечно, сумѣетъ додумать то, что въ моихъ статьяхъ останется недосказаннымъ, и исправить то, что въ моихъ построеніяхъ окажется ошибочнымъ. Одни и тѣ же великіе зодчіе обосновали наше міросозерцаніе, одни и тѣ же высокіе идеалы они передъ нами поставили. Надъ осуществленіемъ даннаго ими плана мы вмѣстѣ будемъ думать въ журналѣ и сообща работать въ жизни. Я на это надѣюсь, я въ этомъ увѣренъ...

I.

„Основой дѣйствительной силы всякаго государства, какова бы ни была его форма,—писалъ въ 1899 году министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, — есть развитая и окрѣпшая къ самостоятельности личность; выработать въ народѣ способность къ самоустройству и самоопредѣленію можетъ только привычка къ

самоуправленію, развитіе же бюрократіи и правительственной опеки создаетъ лишь обезличенныя и безсвязныя толпы населенія, людскую пыль". „Я искренно и глубоко вѣрю,—писалъ тогда же С. Ю. Витте,—что основой дѣйствительной силы всякаго государства, какова бы ни было его форма, есть развитая и окрѣпшая къ самодѣятельности личность". „И для меня безспорной,—продолжалъ онъ далѣе,—представляется та истина, что степень развитія личной и общественной самодѣятельности народа опредѣляетъ степень могущества государства и его положеніе среди сосѣдей. Чѣмъ болѣе развита личность, чѣмъ прочнѣе укоренилась въ ней самодѣятельность, способность безъ сторонней помощи устраивать свое благосостояніе, тѣмъ болѣе устойчивости имѣетъ весь общественный, а за нимъ и государственный, строй".

Сама по себѣ эта мысль давно уже сдѣлалась трюизмомъ. Въ правящихъ сферахъ она, однако, циркулировала лишь въ качествѣ одного изъ тѣхъ соображеній, къ какимъ любятъ иногда прибѣгать канцеляріи въ междувѣдомственной полемикѣ. Въ дѣйствительности же инстинктъ самосохраненія, какой свойственъ бюрократіи, неизмѣнно оказывался сильнѣе самыхъ безспорныхъ истинъ и самыхъ примитивныхъ заботъ о дѣйствительной силѣ государства. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія наблюдался, въ сущности, одинъ и тотъ же непрерывный и неуклонный процессъ. Все глубже и глубже проникали развѣтвленія бюрократіи, все больше и больше нарушали они общественную связность, все плотнѣе и плотнѣе охватывали своими щупальцами личность. Въ частности, политика И. Л. Горемыкина, какъ извѣстно, рѣзко расходилась съ провозглашеннымъ имъ самимъ принципомъ. Политика его преемниковъ была сплошнымъ и безусловнымъ его отрицаніемъ. Охваченный, очевидно, тѣмъ же инстинктомъ самосохраненія, С. Ю. Витте изъ своей „искренней и глубокой вѣры" дѣлалъ тотъ выводъ, что „земство—непригодное средство управленія" и, ссылаясь на „Московскій Сборникъ", доказывалъ, что „конституція вообще великая ложь нашего времени и что, въ частности, къ Россіи, при ея разноязычности и разноплеменности, эта форма правленія неприменима безъ разложенія государственнаго режима".

Царившая такъ долго и такъ безраздѣльно система, конечно, дала свойственные ей результаты. Въ Финляндіи, какъ извѣстно, деревья, проникая своими корнями въ гранитныя скалы, раздробляютъ ихъ на мелкія части. Русскій народъ далеко еще не пріобрѣлъ гранитной связности, и намъ нечего удивляться, что разросшемуся на немъ бюрократическому дереву удалось дѣйствительно обратить его въ концѣ концовъ въ „людскую пыль".

„Безсвязныя толпы населенія" представляютъ изъ себя, конечно, удобный матеріалъ для бюрократическихъ экспериментовъ. По желанію, ихъ такъ же легко перебросить въ несчетномъ числѣ

въ Манчжурію, какъ и инсценировать ими въ нужную минуту городскую улицу. „Безсвязнымъ толпамъ", казалось бы, нужна лишь указка, дабы онѣ не ошиблись, кто внутренній врагъ и гдѣ внѣшній. Такъ, вѣроятно, разсуждалъ покойный В. К. Плеве, — этотъ наиболѣе яркій представитель бюрократическаго режима,—считавшій тѣмъ не менѣе необходимымъ появленіе въ нѣкоторые моменты „народа" на политической сценѣ. Едва ли, однако, нужно говорить, какъ эфемерны и опасны даже съ точки зрѣнія полицейскаго государства эти бюрократическіе разсчеты.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно вѣдь предвидѣть, въ чьихъ рукахъ въ концѣ концовъ можетъ оказаться указка. Полиціймейстеры, пристава и даже урядники уже стали по собственному почину выпускать „народъ" на улицу. Между тѣмъ обстоятельства могутъ сложиться и хуже. „Безсвязныя толпы" могутъ вовсе выйти изъ повиновенія и тогда едва ли для какого бы то ни было общественнаго, а за нимъ и государственнаго строя они могутъ служить опорой. Стоитъ только представить себѣ, какія при этомъ могутъ разыграться сцены, — а прологъ къ нимъ мы уже видѣли на улицахъ Кишинева и Баку,—чтобы понять, какая громадная угроза для общественной безопасности таится въ этихъ „обезличенныхъ и безсвязныхъ толпахъ".

Не менѣе важнымъ представляется въ данномъ случаѣ и другое, вполнѣ уже выяснившееся, обстоятельство. Обращенный въ „людскую пыль", народъ при встрѣчѣ съ хорошо сорганизованнымъ противникомъ оказался лишеннымъ своей „дѣйствительной силы". „Нововременцы" это давно уже поняли и чуть ли не съ самаго начала войны взываютъ къ объединенію. Всѣ усилія ихъ вдохнуть душу живу въ „людскую пыль" оказываются, однако, безрезультатными. И это не потому только, что проповѣдь ихъ безъидейна и самое дыханіе ихъ тлетворно. Если бы они нашли идею, то и въ такомъ случаѣ ихъ усилія разбудить и объединить страну, вѣроятно, оказались бы безрезультатными. Можно даже опасаться, что если отъ исхода войны будутъ въ концѣ концовъ зависѣть самые кровные интересы народа, то и въ такомъ случаѣ онъ останется безучастнымъ. Какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, намъ, можетъ быть, вновь придется убѣдиться, что

Краснорѣчивымъ воззваньемъ
Не разогрѣешь рабовъ,
Не озаришь пониманьемъ
Темныхъ и грубыхъ умовъ.
Поздно! народъ угнетенный
Глухъ передъ общей бѣдой.
Горе странѣ раззоренной!
Горе странѣ отсталой!...

Положеніе народа, лишеннаго своей „дѣйствительной силы", было бы, можетъ быть, безнадежно, если бы бюрократія дѣйстви-

тельно успѣла сдѣлаться всесильной и созданная ею опека могла быть,—а къ этому она неуклонно стремилась,—всепроникающей. Къ счастью этого не случилось и не могло случиться. Въ своей разрушительной работѣ бюрократія встрѣтила непреодолимое препятствіе въ упругости человѣческой личности и непреоборимой силѣ заложеннаго въ ней чувства общественности.

Какъ ни тѣсны были уголки жизни, остававшіеся внѣ бюрократическаго воздѣйствія, человѣческая личность не только сохранялась, но и росла, развивалась въ нихъ. Какъ ни многочисленны были заставы и шлагбаумы, общественная мысль ухитрялась обходить ихъ. Какъ ни мелочны были предоставленные обществу дѣла и интересы, оно продолжало собираться около нихъ. Періодъ пышнаго расцвѣта бюрократіи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ хотя медленнаго, но столь же неуклоннаго наростанія русской общественности. Въ жизни, въ сущности, все время происходила упорная, хотя подчасъ и мелочная, борьба двухъ радикально противоположныхъ началъ—властнаго усмотрѣнія и свободнаго самоопредѣленія. И что удивительнѣе всего, побѣда въ концѣ концовъ останется—и въ этомъ никто уже не сомнѣвается—на сторонѣ не стараго авторитета, а молодой общественности.

Мнѣ невольно вспоминается с.-петербургскій домъ предварительнаго заключенія. Два-три десятка лѣтъ тому назадъ эта тюрьма считалась верхомъ пенитенціарнаго искусства. Назначенная для подслѣдственныхъ арестантовъ, она гордилась тѣмъ, что достигла полной ихъ изолированности. И дѣйствительно: какъ тщательно были обдуманы всѣ мелочи, какъ строго была выдержана вся система! Взять хотя бы окна съ ихъ замысловатымъ устройствомъ: ничего другого, кромѣ маленькаго клочка закопченаго петербургскаго неба, арестантъ, казалось бы, увидѣть не можетъ. Или эта клѣтка, въ которую ежедневно на 20 минутъ сажаютъ арестантовъ, чтобы они могли глотнуть наполненнаго дымомъ и міазмами воздуха, какой скопляется на тѣсномъ, окруженномъ пятиэтажными стѣнами, петербургскомъ дворѣ; кругъ, не болѣе какъ въ 20—30 кв. саж., высокими, поставленными по радіусамъ, перегородками раздѣленъ на 12 отдѣленій, въ которыя и разсаживаютъ выведенныхъ на прогулку арестантовъ; въ въ центрѣ вышка, на которой все время ходятъ два вооруженныхъ надзирателя; третій—остается внизу и такъ же зорко слѣдитъ за заключенными; и все это затѣмъ только, чтобы сгруппированные даже на этомъ тѣсномъ пространствѣ арестанты не могли вступить въ какія-либо сношенія между собою. Или эта, наконецъ, удивительная система внутренняго передвиженія въ тюрьмѣ, наполненной нѣсколькими сотнями заключенныхъ: высокіе, во всю вышину зданія корридоры и открытыя по длинѣ каждаго этажа галлереи устроены такъ, что находящійся въ одномъ изъ среднихъ этажей старшій надзиратель одно-

временно видитъ двѣ стороны тюрьмы и двери болѣе, чѣмъ 300 камеръ; по корридорамъ и галлереямъ во всѣхъ направленіяхъ весь день движутся сопровождаемые надзирателями арестанты: приводятъ новыхъ заключенныхъ, выводятъ уже сидящихъ на допросъ, на свиданья, на прогулку; всѣ движенія, однако, такъ разсчитаны, что заключенные даже издали не могутъ увидѣть другъ друга: въ то время, какъ за однимъ захлопывается дверь камеры, другой показывается въ это время только изъ-за поворота, третій — еще поднимается по лѣстницѣ; если произойдетъ какая-либо заминка, то старшій надзиратель дѣлаетъ знакъ, и всѣ останавливаются, какъ вкопанные... Эту тюрьму показывали въ свое время членамъ международнаго конгресса— и тѣ пришли въ восторгъ отъ русскихъ успѣховъ въ тюремномъ искусствѣ. Въ эту тюрьму и до сихъ поръ ѣздятъ профессора со своими слушателями и даютъ въ ней наглядные уроки тюрьмовѣдѣнія. Что же въ настоящее время представляетъ эта тюрьма? Дѣйствительно ли заключенные въ ней вполнѣ изолированы? Ничего подобнаго. Когда людей лишаютъ возможности разговаривать другъ съ другомъ, они начинаютъ перестукиваться. Чтобы облегчить этотъ трудъ, тюрьма уже давно изобрѣла свою азбуку. И въ домѣ предварительнаго заключенія неумолчный стукъ идетъ во всѣхъ направленіяхъ: перестукиваются съ сидящими рядомъ, съ сидящими вверху и внизу; перестукиваются черезъ камеру и черезъ этажъ; перестукиваются сквозь стѣны и по водопроводнымъ трубамъ. Сидящіе продолжительное время успѣваютъ настолько хорошо изучить законы распространенія звука, что нѣкоторые научаются, въ концѣ концовъ, при помощи тѣхъ же трубъ, разговаривать другъ съ другомъ даже голосомъ. Совершенно изолированные, по видимости, арестанты находятся все время въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ. Всякій фактъ тюремной жизни быстро дѣлается достояніемъ всѣхъ заключенныхъ. Не менѣе оживленныя сношенія,—при помощи, конечно, совершенно иныхъ средствъ, — происходятъ и съ внѣшнимъ міромъ. Тюрьма нерѣдко узнаетъ новости даже раньше, чѣмъ онѣ сдѣлаются извѣстными большой публикѣ.

Тюремная администрація, конечно, все время вела и ведетъ упорную борьбу съ этимъ подрываніемъ основъ тюремнаго строя. Тюремный механизмъ не разъ уже подвергался новымъ и новымъ усовершенствованіямъ. Во главѣ тюремнаго начальства не разъ уже ставились люди, которые брались подтянуть „развращенную“ тюрьму и репрессіями сломить упорство заключенныхъ. Всѣ усилія оказывались, однако, тщетными. На всякое усовершенствованіе заключенные отвѣчали новою и новою выдумкою, на репрессіи—новымъ и новымъ протестомъ.

Домъ предварительнаго заключенія въ этомъ отношеніи не представляетъ, конечно, никакого исключенія. То же самое явле-

ніе наблюдается, вѣроятно, въ тюрьмахъ всего свѣта. Въ данномъ случаѣ интересно то, что здѣсь лицомъ къ лицу встрѣтились доведенная до совершенства бюрократическая изобрѣтательность съ богатымъ запасомъ наиболѣе живой мысли. Результаты этого состязанія бюрократическихъ,—хотя и совершенствуемыхъ, но немедленно застывающихъ,—формъ съ неустаннымъ творчествомъ человѣческой личности оказались въ высшей степени любопытны: въ зданіи, раздѣленномъ капитальными стѣнами на нѣсколько сотъ почти герметически закупоренныхъ ящичковъ, сложилась всетаки общественная жизнь, функціонируетъ общественное мнѣніе, имѣетъ силу общественная солидарность.

Въ силу такихъ же „имманентныхъ",—какъ еще недавно любили выражаться у насъ,—законовъ личнаго и общественнаго развитія, наростала и русская общественность. Наростала, однако, она медленно и, главное, неравномѣрно. Въ лучшихъ условіяхъ находились верхніе этажи соціальнаго зданія. Здѣсь больше было свѣта и меньше давленія; здѣсь тоньше были стѣны и лучше резонировали звуки; здѣсь давно уже установились и никогда не прерывались сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Заносимыя сюда и самопроизвольно зарождавшіяся здѣсь идеи продолжали жить; циркулируя въ разныхъ направленіяхъ, онѣ будили наиболѣе чуткихъ и объединяли наиболѣе отзывчивыхъ. Въ средѣ русской интеллигенціи, выроставшей до сихъ поръ, главнымъ образомъ, въ этихъ верхнихъ этажахъ, никогда не угасала идейная жизнь и не разъ уже вспыхивала она яркимъ пламенемъ...

Внизу же, въ мрачныхъ, душныхъ и тѣсныхъ каморкахъ парилъ все время каторжный режимъ: здѣсь жизнь была полна труда и лишеній, здѣсь некогда было думать о сосѣдяхъ; съ неимовѣрными лишь усиліями здѣсь люди отстаивали свое право на существованіе. Съ верхними этажами сношенія были рѣдки, и сюда глухо лишь доносились звуки тамошней жизни. Немногіе рѣшались спускаться въ это „подполье" и рѣдкимъ удавалось пронести въ него свѣточъ научнаго знанія. Еще рѣже вспыхивалъ здѣсь факелъ сознательнаго протеста. Однако и здѣсь росла личность, и здѣсь формировалась интеллигенція. Главное же, здѣсь никогда не замирало чувство стихійнаго недовольства, безсильнаго въ единицахъ и страшнаго въ массахъ. Этого непосредственнаго чувства мало въ верхнихъ этажахъ, гдѣ люди сжились съ доставшимся на ихъ долю комфортомъ, хотя и жалкимъ комфортомъ несвободной жизни. Внизу же оно залегло мощными пластами. Правда, здѣсь плохо видно, и обреченные жить въ подвалахъ люди не знаютъ, какъ ихъ много, какая въ нихъ сила. Критическая мысль функціонируетъ здѣсь слабо и массамъ трудно понять истинную причину придавившей ихъ тяжести. Но за то идея очень быстро можетъ охватить тѣхъ, кто уже объединенъ чувствомъ. И мы знаемъ, какъ плодотворны

оказались даже тѣ мерцающіе лучи свѣта, какіе проникали въ подполье...

Медленно и неровно наростала русская общественность. Бывали тяжелыя времена, когда казалось, что личность безсильна будетъ порвать сковавшія ее цѣпи и что передъ проголадавшимся народомъ нѣтъ другого пути, кромѣ вымиранія или пугачевщины. Сжималось сердце отъ боли и ужаса. Но эти унылые дни миновали. Общественныя силы выросли, и никакая бюрократія не удержитъ теперь ихъ въ понастроенныхъ ею каморкахъ. Рабочія массы всколыхнулись и подъ ихъ напоромъ должны будутъ податься самые прочные своды. Пришла пора перестроивать зданіе.

Народъ понялъ свои бѣды и созналъ свои силы — въ этомъ главный смыслъ развертывающихся передъ нами событій. Отнынѣ онъ самъ будетъ ковать свое счастье.

Да! Въ великіе дни мы живемъ. Съ какимъ тщаніемъ будущіе историки станутъ изучать переживаемую нами эпоху! Вѣдь это канунъ рожденія русской демократіи. Роды въ сущности уже начались и какіе трудные роды! Исторія на этотъ разъ оказывается особенно безжалостнымъ хирургомъ. Какія тяжкія боли переживаетъ страна! Какіе потоки крови льются на Дальнемъ Востокѣ! Какая масса внутреннихъ кровоизліяній! Вѣдь эти муки были бы нетерпимы, если бы не ожидающій насъ радостный день творчества новыхъ формъ, и эти раны могли бы быть смертельны, если бы не новая свободная жизнь, какую дадутъ онѣ родинѣ.

Радостный день, свободная жизнь... Но это не значитъ, что насъ ждетъ сплошной праздникъ. Бюрократическій строй—не Юпитеръ и демократія—не Минерва. Не готовою она появится передъ нами. Уже теперь, не переживъ еще всѣхъ болей, въ какихъ рождается „усовершенствованный государственный порядокъ“, мы полны мучительной тревоги, какъ бы онъ не оказался жалкимъ уродцемъ. И послѣ того, какъ рѣшительный моментъ будетъ пережитъ, борьба не прекратится, заботы и тревоги насъ не оставятъ. Политическая свобода еще не синонимъ демократическаго режима. Легко сказать: народъ самъ будетъ ковать свое счастье. Но вѣдь этотъ народъ въ массѣ своей—„людская пыль“, „безсвязныя толпы“. Онъ долженъ еще съорганизоваться. Предстоитъ упорная борьба за внѣшнія формы государственной организаціи, предстоитъ громадная работа надъ сплоченіемъ „безсвязныхъ толпъ“ въ политическія партіи.

Домъ предварительнаго заключенія, конечно, не сразу удастся превратить въ величественный храмъ народнаго счастія. Но и для того, чтобы сломать перегородки и пробить своды, нужны сорганизованныя массы. Иначе народъ по прежнему останется въ подвалахъ... Борьба со старымъ уже переплелась съ борьбою за новое.

Нѣтъ, не праздникъ насъ ждетъ. Настало время нежданнаго труда и напряженной борьбы. Но это жизнь... Да, „жизнь—это дѣятельность и борьба, а не праздныя грезы“.

II.

Говорятъ, что „радостный день“ мы уже пережили. Указываютъ и точную дату—18 февраля, день опубликованія высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Большинство газетъ привѣтствовало этотъ актъ, какъ „поворотный пунктъ въ нашей исторіи“ („Право“), какъ „начало новой эры въ нашей государственной жизни“ („Русскія Вѣдомости“), какъ „радостную зарю политическаго обновленія страны“ („Слово“), какъ „дуновеніе новой жизни“ („С.-Петербургскія Вѣдомости“). „Рубиконъ перейденъ — писала одна изъ газетъ — и нѣтъ возврата къ мрачному прошлому“. Особенно же экспансивную восторженность проявило въ этомъ „Новое Время“. „Сегодня — писалъ г. Суворинъ—счастливѣйшій день въ моей жизни... Сегодня цѣловались русскіе люди, какъ въ свѣтлый день Воскресенія Христова. Цѣловались искреннимъ, братскимъ поцѣлуемъ, поздравляя другъ друга съ воскресеніемъ Россіи“... И только на самомъ правомъ флангѣ газетнаго лагеря замѣтно было нѣкоторое смущеніе и даже проглянуло явное недовольство.

„Не запомню—писалъ кн. Мещерскій—на своемъ вѣку такого дня, какъ сегодня, по множеству сильныхъ серьезныхъ политическихъ впечатлѣній... Утромъ, совсѣмъ неожиданно, на первой страницѣ „Правительственнаго Вѣстника“ появился Государевъ манифестъ, коего смыслъ есть утвержденіе Самодержавія... Сердцу легче стало... Вечеромъ, въ восьмомъ часу новое впечатлѣніе. Входитъ ко мнѣ одинъ пріятель съ прибавленіемъ „Правительственнаго Вѣстника“ въ рукахъ и говоритъ: „поздравляю, первый шагъ къ конституціи сдѣланъ“. И затѣмъ мы читаемъ рескриптъ Государя на имя министра внутреннихъ дѣлъ“...

„Московскія Вѣдомости“ посвятили рескрипту такую статью:

Первый шагъ.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16 февраля сего года, Государю Императору благоугодно было возвѣстить о Своемъ намѣреніи отнынѣ привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Боже, Царя храни!

Привыкшая по каждому поводу объявлять „слово и дѣло“, газета проявила въ этомъ щекотливомъ для нея случаѣ рѣдкостную находчивость. Она воспользовалась гимномъ, чтобы провозласить свое: caveant consules!..

Насколько точно и полно газетные отзывы отразили впечат-

лѣніе, произведенное рескриптомъ въ обществѣ, судить, конечно, трудно. Несомнѣнно одно лишь, что оно не было столь общимъ и захватывающимъ, какимъ изобразило его „Новое Время“. Правда, мы видѣли, какъ г. Суворинъ облобызался съ г. Нотовичемъ: „Новое Время“ процитировало статью „Новостей“ о рескриптѣ безъ обычной для него въ такомъ случаѣ реплики по адресу „еврейской“ газеты. Но этимъ „искреннимъ, братскимъ поцѣлуемъ“ дѣло, повидимому, и ограничилось. По крайней мѣрѣ, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ утверждаютъ, что „на улицахъ не цѣловались, не поздравляли другъ друга. Въ собраніяхъ, аудиторіяхъ и въ частныхъ кружкахъ не видно и не слышно того радостнаго оживленія, сопровождаемаго вздохомъ облегченія, которое мы предсказывали и въ правѣ были ожидать. А крайніе элементы, не говоря уже объ агитаторахъ, высказываютъ явное неудовольствіе. Къ такимъ крайнимъ элементамъ теперь присоединилась и партія охранителей“. По словамъ „Гражданина“, хотя „по случившемуся событію были съ чего при обыкновенныхъ условіяхъ людской жизни раздаваться трезвону, цѣловаться на улицахъ, но на самомъ дѣлѣ въ петербургской атмосферѣ произошло что-то неожиданное“... Либералы „прочитали, издали какой-то гм... гм..., и затѣмъ на лицѣ ни одной просвѣтлѣвшей точки, точно прочитали какой-нибудь приказъ о назначеніи новаго министра“. Такимъ образомъ въ публикѣ неудовлетворенные оказались не только справа, но и слѣва.

Г. Суворинъ, очевидно, торопится жить. Осеннюю слякоть, какъ извѣстно, онъ принялъ за весну. Вотъ и теперь, не переживъ поста, онъ отпраздновалъ уже Пасху. Впрочемъ, въ „партіи прогрессивнаго центра“, организовать которую задумало „Новое Время“, восторгъ, можетъ быть, и достигалъ описаннаго этою газетою размѣра. „Нововременцы“ вѣдь привыкли сидѣть на двухъ стульяхъ...

День же 18 февраля, дѣйствительно, какъ выразился „Гражданинъ“, далъ два впечатлѣнія. И если либеральныя газеты могли безъоговорочно объявить этотъ день началомъ новой эры, то только потому, что онѣ сосредоточили все вниманіе своихъ читателей на рескриптѣ. „Съ неимовѣрною дерзостью,—спустя нѣкоторое время донесли объ этомъ „Московскія Вѣдомости“—либералы поставили крестъ надъ Высочайшимъ Манифестомъ 18 февраля, признавъ его какою-то quantité négligeable, чѣмъ-то nul et non avenu, и предавъ его абсолютному игнорированію и полному забвенію“ *).

Нѣкоторый поводъ къ этому, несомнѣнно, дали обстоятельства опубликованія того и другого акта и появившіеся въ связи съ этимъ слухи объ ихъ происхожденіи. Манифестъ, какъ извѣстно,

*) „Московскія Вѣдомости“ 3 марта.

появился въ утреннемъ выпускѣ „Правительственнаго Вѣстника“ и при томъ, какъ выразился кн. Мещерскій, „совершенно неожиданно“; рескриптъ былъ опубликованъ на 12 часовъ позднѣе въ экстренномъ прибавленіи, при чемъ возвѣщенная въ немъ реформа, какъ заявило „Слово“, покоится „на единогласномъ убѣжденіи всѣхъ окружающихъ тронъ сановниковъ, сознавшихъ безусловную необходимость сдѣлать призывъ къ общественнымъ силамъ, чтобы помочь правительству выйти изъ нашей теперешней внѣшней и внутренней бѣды и повести страну дальше, по пути политическаго и матеріальнаго преуспѣянія“ *). Самое опубликованіе высочайшаго манифеста, какъ выяснилось потомъ, было произведено съ нарушеніемъ узаконенныхъ формъ, помимо правительствующаго сената, за что главному редактору „Правительственнаго Вѣстника“ и сдѣлано уже „замѣчаніе“ **). Вполнѣ понятно потому, что въ публикѣ немедленно „начался разговоръ на тему противорѣчія будто бы между манифестомъ и рескриптомъ“ ***).

Но если бы это было и такъ, то едва ли это обстоятельство даетъ право говорить о „началѣ новой эры въ нашей государственной жизни“. Если въ одинъ день возможны два „историческихъ поворота“, то изъ этого само собою слѣдуетъ, что говорить объ эрахъ пока преждевременно. Предать манифестъ полному, какъ выразились „Московскія Вѣдомости“, забвенію нельзя, конечно, и въ томъ случаѣ, если указаннаго противорѣчія нѣтъ. Чтобы оцѣнить значеніе 18 февраля въ русской жизни, необходимо оба акта,—и тотъ, который спѣшно набирался ночью, и тотъ, который въ экстренномъ прибавленіи появился въ сумерки,—разсматривать вмѣстѣ. Только такимъ путемъ опредѣлимъ ихъ мѣсто въ русской исторіи и уяснимъ себѣ ихъ роль въ текущей жизни. Прежде всего мы должны вернуться, конечно, къ вопросу о противорѣчіи. Кн. Мещерскій разрѣшилъ для себя этотъ вопросъ вполнѣ удовлетворительно. „Всякій—пишетъ онъ—кто внимательно прочитаетъ оба Государевыхъ акта, придетъ къ заключенію, къ которому и я пришелъ, что они вовсе не заключаютъ въ себѣ противорѣчія, а, наоборосъ, безусловно согласованы одинъ съ другимъ“. Еще рѣшительнѣе высказался на тотъ счетъ „Свѣтъ“. По его словамъ ****), дѣло обстояло такъ:

Въ манифестѣ 26 февраля 1903 г. Государь Императоръ заявилъ о священномъ обѣтѣ Своемъ „свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской“. Онъ говорилъ, что обрѣлъ „пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Державныхъ своихъ предшественниковъ и прежде всего незабвеннаго Своего Родителя“. Въ Именномъ указѣ 12 декабря 1904 г.

*) „Слово“, 20 февраля.
**) „Правительственный Вѣстникъ“, 5 марта.
***) „Гражданинъ“, 20 февраля.
****) „Свѣтъ“ 22 февраля.

говорится о предначертаніяхъ реформъ „при непремѣнномъ сохраненіи и незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи", объ охраненіи полной силы закона, „важнѣйшей въ Самодержавномъ Государствѣ опоры Престола". Въ манифестѣ отъ 18 февраля 1905 года говорится о „вящшемъ укрѣпленіи истиннаго Самодержавія на благо всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ". Въ рескриптѣ отъ 18 февраля 1905 года на имя министра внутреннихъ дѣлъ повторяется, что избраніе людей отъ Земли должно совершиться „при непримѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ Законовъ Имперіи"...

Если сосредоточить все вниманіе на цитируемыхъ „Свѣтомъ" мѣстахъ, то, конечно, не только никакого противорѣчія въ актахъ, но и никакой разницы во внутренней политикѣ за послѣдніе два года, не смотря на смѣну за это время такихъ министровъ, какъ В. К. Плеве, кн. Святополкъ-Мирскій и А. Г. Булыгинъ, совсѣмъ не окажется. Любопытны, между прочимъ, слѣдующія разъясненія „Свѣта":

Нѣкоторые истолковываютъ уже великія дѣянія этого дня,—читаемъ мы въ той же статьѣ,—какъ побѣду общественнаго настроенія надъ желаніями правительства, какъ уступку, на которую пошла Власть. Другіе открыто въ печати утверждаютъ, что первый шагъ совершенъ, что остальное совершится само собою, какъ и на Западѣ. „Это-де—общій порядокъ во всѣхъ конституціонныхъ странахъ". Общій порядокъ, т. е.—сначала уступки власти передъ революціоннымъ натискомъ народа, предоставленіе нѣкоторыхъ правъ народу, а затѣмъ самовольный захватъ представителями народности правъ все большихъ...

Было бы, пожалуй, такъ, какъ того хочется нашимъ западникамъ, если бы Власть шла на уступки. Но этого нѣтъ... Все, что теперь совершается, было предначертано давно, опредѣленно же высказано въ манифестѣ 26 февраля 1903 года и нынѣ приводится въ исполненіе. Было бы оно приведено въ исполненіе и ранѣе, если бы враги Россіи не мѣшали всячески и не вставляли палокъ въ колеса державной русской колесницы...

Писать такъ можно, конечно, только для той публики, для которой все, что „напечатано,—стало быть, вѣрно", и вліять на которую можно даже прописными буквами, преподносимыми ей въ сверхкомплектномъ количествѣ. „Московскія Вѣдомости", разсчитывающія на иной составъ читателей, посмотрѣли на вопросъ совершенно иначе. Онѣ квалифицировали рескриптъ именно какъ „первый шагъ", какъ уступку „смутѣ". Поэтому онѣ рѣзко противополагаютъ его манифесту. Настаивая на строгомъ выполненіи послѣдняго, на безусловной необходимости во что бы то ни стало „искоренить крамолу", они взяли рескриптъ подъ сомнѣніе и послѣ перваго, приведеннаго нами „божественнаго" комментарія, пишутъ о немъ теперь въ условной формѣ:

„Если только будутъ осуществлены въ той или другой формѣ *выборы*"... „Если Правительство не приметъ *съ первыхъ же шаговъ* необходимыхъ мѣръ къ строгому ограниченію своеволія и къ удержанію преобразовательнаго движенія...

Едва ли нужно говорить, за каждымъ такимъ „если" слѣдуетъ самое мрачное съ точки зрѣнія этой газеты пророчество. „Мы

исполнили свой долгъ,—заканчиваютъ „Московскія Вѣдомости“ одну изъ такихъ статей,—и указали на грозящую опасность, дабы никто не могъ отговариться ея „внезапностью“ и „непредвидѣнностью“ въ томъ случаѣ, если, не дай Богъ, она теперь же не будетъ предотвращена и разразится со всею силой надъ несчастною Россіей“...

Заграничная печать тоже обнаружила склонность противополагать рескриптъ манифесту. „За исключеніемъ газеты „Fremdenblatt“,—читаемъ мы въ телеграммѣ петербургскаго телеграфнаго агенства изъ Вѣны отъ 19 февраля,—вся либеральная печать, съ трудомъ примиряя манифестъ съ послѣдовавшимъ рескриптомъ, видитъ въ рескриптѣ полумѣру. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, ссылаясь на исторію европейскаго конституціонализма, естественно и непреодолимо выросшаго изъ такихъ же полумѣръ, печать привѣтствуетъ рескриптъ, какъ залогъ теперь уже неотвратимаго лучшаго будущаго. Печать жалѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что предпринимаемая полумѣра затягиваетъ борьбу и невзгоды, переживаемыя Россіей. „Wiener Tageblatt“ предвидитъ, что совѣщательный парламентъ такъ громко потребуетъ законодательныхъ правъ, что изъ царскаго парламента неминуемо образуется парламентъ народный“.

Какъ видно изъ приведенныхъ отзывовъ, поставленный мною вопросъ сводится въ сущности къ вопросу о томъ, представляетъ ли рескриптъ „первый шагъ“, или не представляетъ. Поводомъ для надеждъ въ этомъ направленіи однихъ и для опасеній другихъ, несомнѣнно, послужили слова рескрипта о „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людяхъ“. Если бы было сказано коротко: „выборные отъ народа“, то вопросъ былъ бы проще. Въ данномъ же случаѣ употребленъ цѣлый рядъ эпитетовъ, и это обстоятельство въ связи со всѣмъ контекстомъ рескрипта можетъ дать основаніе къ самымъ разнообразнымъ интерпретаціямъ. Достаточно сказать, что слова: „довѣріемъ народа облеченныхъ“ заимствованы изъ рескрипта 26 февраля 1903 года, появившагося въ министерство В. К. Плеве, который, несомнѣнно, придавалъ имъ свой специфическій смыслъ. Въ связи съ этимъ уже возникало такое толкованіе: земскіе и городскіе гласные, предводители дворянства, волостные старшины и т. д. *уже избраны* отъ населенія и, стало быть, нужно *только пригласить* извѣстное число ихъ „къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній“. А такъ какъ, по заявленію „Московскихъ Вѣдомостей“, „въ думахъ и въ земствахъ умудренные жизнію люди почему-то всегда бываютъ въ меньшинствѣ“ *), то нѣтъ ничего удивительнаго, что представители этого меньшинства и явятся въ концѣ концовъ въ ка-

*) „Московскія Вѣдомости“, 5 марта.

чествѣ „зрѣлыхъ силъ общественныхъ“ для „совмѣстной работы съ правительствомъ“.

Я не думаю, чтобы такое толкованіе уже при данномъ соотношеніи борющихся силъ могло имѣть какіе либо шансы на успѣхъ. Приводя его, я хочу лишь указать, насколько еще туманной представляется возвѣщенная 18 февраля реформа и какъ много нужно предвидѣть всякихъ возможностей, прежде чѣмъ она отольется въ тѣ или иныя конкретныя формы. Сознавая это, земскія собранія и городскія думы уже спѣшатъ оказать хотя бы нѣкоторое вліяніе на общее направленіе предположенныхъ преобразованій. Съ одной стороны, въ благодарственныхъ адресахъ они стараются оформить въ желательномъ смыслѣ и такимъ путемъ до нѣкоторой степени консолидировать не вполнѣ ясныя выраженія рескрипта. Съ этою цѣлью они говорятъ не иначе, какъ о *свободно* избранныхъ представителяхъ, при чемъ нѣкоторыя прибавляютъ: отъ *всего* населенія и, кромѣ того, *нарочито* для сего выбранныхъ. Съ другой стороны, тѣ же учрежденія настойчиво добиваются включенія избранныхъ ими лицъ въ составъ особаго совѣщанія, образованнаго подъ предсѣдательствомъ А. Г. Булыгина „для обсужденія путей осуществленія“ предположенной реформы. Было бы наивно, однако, думать, что такими средствами можно обезпечить удовлетворительное разрѣшеніе основныхъ вопросовъ новаго государственнаго устройства. Политика подсказыванія практиковалась уже много разъ и ни разу не дала сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ. И думать, что историческій вопросъ, съ которымъ переплелось такъ много интересовъ и около котораго уже пролито много слезъ и крови, можно разрѣшить подобными школьническими средствами,—это значитъ ясно не представлять себѣ всей важности задачи. Что касается смѣшанной коммиссіи, если бы такая была образована изъ назначенныхъ чиновниковъ и выборныхъ земцевъ, то въ ней, несомнѣнно почти, произошелъ бы кофликтъ или въ результатѣ получился бы такой компромиссъ, который не могъ бы удовлетворить ни той, ни другой изъ борющихся сторонъ. Единственный вполнѣ надежный выходъ въ данномъ случаѣ—это представить свободно избраннымъ отъ всего народа представителямъ самимъ установить формы народнаго участія въ законодательной работѣ. И не только возможно, но и вполнѣ вѣроятно, что еще придется обратиться къ этому средству. Только люди, вродѣ В. Д. Кузьмина-Караваева, неожиданно увѣровавшіе въ октроированную бюрократіей реформу, могутъ полагать, что вопросъ объ учредительномъ собраніи или о „земскомъ соборѣ“ нынѣ отпалъ и что „первая половина задачи рѣшена“ *).

Пока же „пути осуществленія“, а стало быть, и судьба всей

*) „Русь“, 8 марта.

реформы находится въ рукахъ бюрократіи. Въ какомъ же видѣ она можетъ быть ею октроирована? Крайне поучительной въ этомъ случаѣ представляется уже начавшая опредѣляться судьба третьяго изъ высочайшихъ актовъ, опубликованныхъ 18 февраля, а именно указа правительствующему сенату, возложившаго на совѣтъ министровъ „разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія“. Когда петербургскіе литераторы, желая воспользоваться предоставленнымъ такимъ путемъ частнымъ лицамъ правомъ входить въ обсужденіе общегосударственныхъ вопросовъ, задумали собраться, чтобы сообща обсудить нужды печати, то это имъ было запрещено полиціей. Когда же они обратились за разъясненіями по поводу образа дѣйствій участковой полиціи и сослались при этомъ на указъ 18 февраля, то „въ отвѣтъ на это с.-петербургскій градоначальникъ заявилъ, что указъ разрѣшаетъ подавать заявленія частнымъ лицамъ *въ одиночку*, но отнюдь не создаетъ права собраній и коллективнаго обсужденія“ *). Въ одиночку! Стоитъ только представить себѣ, какъ разсаженные по одиночнымъ камерамъ обыватели составляютъ проекты государственнаго благоустройства! Но это нужно было предвидѣть: хартія вольностей враздробь не дается.

Не менѣе затруднительно будетъ, повидимому, воспользоваться своимъ правомъ и учрежденіямъ, въ особенности городскимъ и земскимъ, которымъ такъ трудно было добиться этого права „ходатайства“. Само собой понятно, что послѣднія, особенно при данныхъ условіяхъ, не могутъ имѣть непосредственнаго значенія. Но они могли бы сыграть нѣкоторую роль въ дѣлѣ выясненія и формированія общественнаго мнѣнія по основнымъ вопросамъ государственной жизни. Нѣкоторые земства и города уже образовали особыя коммиссіи, поручивъ имъ выработать для внесенія потомъ въ совѣтъ министровъ проекты необходимыхъ государственныхъ преобразованій. Можно было поэтому ожидать что въ ближайшее же время послѣднія сдѣлаются предметомъ дѣятельнаго обсужденія въ думахъ и земскихъ собраніяхъ. Въ настоящее время выяснилось, однако, что этимъ предположеніямъ трудно будетъ осуществиться. Корреспондентъ „Daile Chronicle“ постарался выяснись взгляды министра внутреннихъ дѣлъ на нѣкоторые вопросы текущей жизни, равно какъ и вообще его политическую программу. И вотъ, между прочимъ, на свой вопросъ „предполагается ли разрѣшить будущимъ земскимъ собраніямъ заниматься на ряду съ вопросами, имѣющими чисто мѣстный интересъ, и обсужденіемъ вопросовъ высшей политики“, онъ полу-

---

*) „Русь“, 6 марта.

чилъ такой отвѣтъ: „ничего подобнаго не будетъ допущено“ *). Вообще, какъ видно изъ свѣдѣній, полученныхъ тѣмъ же корреспондентомъ, А. Г. Булыгинъ находитъ, что „со стороны правительства было большой ошибкой сразу замѣнить крутой режимъ Плеве слишкомъ умѣреннымъ режимомъ князя Мирскаго“.

При наличности указанныхъ органичительныхъ тенденцій и при склонности къ нѣкоторымъ лишь полумѣрамъ, трудно, конечно, разсчитывать, чтобы вопросъ о народномъ представительствѣ получилъ широкую и свободную постановку.

Допустимъ, однако, что къ „предварительной разработкѣ и обсужденію законодательныхъ предположеній“ будутъ призваны свободно выбранные отъ всего народа представители. И въ этомъ случаѣ день 18-го февраля едва ли можно считать началомъ новой эры. Газеты, сдѣлавшія такую квалификацію, очевидно, были увлечены тѣмъ, что представители будутъ „избранные“. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что это уже не первый случай допущенія избранныхъ представителей къ предварительной разработкѣ законодательныхъ предположеній. Достаточно напомнить коммиссію сенатора Шидловскаго. Правда, ея полномочія были нѣсколько неясны, но несомнѣнно, что тѣ или иныя „законодательныя предположенія“ не только могли въ ней разрабатываться и обсуждаться, но и непремѣнно должны были возникнуть. Такимъ образомъ полной новизны въ разсматриваемомъ нами актѣ нѣтъ. Подобныхъ „поворотныхъ пунктовъ“ за послѣдній годъ было много, да и будетъ еще не мало. Рѣчи кн. Святополкъ-Мирскаго въ свое время были вѣдь не менѣе знаменательны. Высочайшій указъ 12-го декабря 1904 года поставилъ на очередь вопросы чрезвычайной важности. Коммиссія сенатора Шидловскаго—тоже крупный фактъ. Но это не значитъ, что въ каждомъ такомъ случаѣ можно начинать новый періодъ русской исторіи.

На коммиссіи Шидловскаго намъ слѣдуетъ остановиться, такъ какъ исторія по вопросу о представительствѣ является въ высшей степени поучительной. Выборы рабочихъ въ нее, какъ извѣстно, были допущены свободные,—болѣе свободные, чѣмъ этого можно было даже ожидать. Въ выборахъ могли участвовать, если не всѣ рабочіе, то во всякомъ случаѣ настолько значительная часть ихъ, что голосованіе можно было считать „всеобщимъ“. Выборщикамъ и депутатамъ была обѣщана личная неприкосновенность... И всетаки коммиссія не состоялась. Про-

*) „Русскія Вѣдомости“, 5 марта; „Новое Время“, 6 марта. Какъ видно изъ разъясненія управляющаго канцеляріей министра, напечатаннаго въ „Новомъ Времени“ отъ 9-го марта, отвѣты были даны не самимъ А. Г. Булыгинымъ, а получены были, повидимому, при посредствѣ его канцеляріи. По заявленію корреспондента отвѣты эти онъ получилъ въ письменной формѣ.

изошелъ извѣстный конфликтъ, закончившійся упраздненіемъ коммиссіи...

Правда, въ этомъ случаѣ замѣшалась „крамола“. Въ собраніе выборщиковъ проникъ, между прочимъ, „помощникъ присяжнаго повѣреннаго“, на котораго „Новое Время“ и „Московскія Вѣдомости“ свалили чуть ли не всю вину въ происшедшемъ конфликтѣ.

Понятіе о „крамолѣ“, однако, очень неопредѣленное. „Московскія Вѣдомости“, напримѣръ, считаютъ крамольниками чуть ли не всѣхъ земцевъ. О либералахъ же и говорить нечего—ихъ-то они и желаютъ искоренить въ силу высочайшаго манифеста. Кто же поручится, что при выборахъ, которые должны произойти въ силу рескрипта, не произойдетъ какого-либо недоразумѣнія? При тѣхъ интерпретаціяхъ, какія могутъ быть даны тому и другому акту, противорѣчіе между ними, дѣйствительно, легко можетъ обнаружиться. Все дѣло такимъ образомъ въ самомъ началѣ можетъ рухнуть.

Продолженіе его тоже не обезпечено. Не трудно провидѣть неизбѣжность борьбы двухъ началъ и послѣ того, какъ законосовѣщательное собраніе приступитъ къ своимъ занятіямъ.

„Въ законодательномъ сотрудничествѣ съ верховною властью,—говорятъ по этому поводу „Новости“, — неизбѣжно должно взять верхъ одно изъ двухъ началъ: или преобладаніе бюрократіи, или преобладаніе голоса народа, въ лицѣ его представителей. Если бы сохранилось первое изъ этихъ началъ, то не стоило бы и собирать на совѣтъ людей, облеченныхъ народнымъ довѣріемъ. А если они будутъ собраны, то передъ ихъ голосомъ должна будетъ отступить на задній планъ бюрократія, которая народнымъ довѣріемъ не только не облечена на выборахъ, но и нравственно имъ рѣшительно не пользуется... Таковъ естественный, неизбѣжный результатъ призыва къ законодательному содѣйствію выборныхъ отъ народа. Невозможно сохраненіе, на ряду съ нимъ, преобладанія, и хотя бы только равноправности бюрократическаго усмотрѣнія, потому что это вело бы только къ умноженію поводовъ къ столкновеніямъ“...

„Новости“ такимъ образомъ возлагаютъ надежды на тотъ „общій порядокъ“, о которомъ упоминаетъ въ цитированной выше статьѣ „Свѣтъ“. Результатъ, предусматриваемый газетою, дѣйствительно, неизбѣженъ, но онъ не таковъ, чтобы дался безъ борьбы и столкновеній. И въ этомъ пунктѣ опять таки необходимо предвидѣть всякія возможности. Поэтому нѣсколько преждевременно говорить о томъ, что уже настало время „для созидательной, творческой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе спокойной работы“... Такое время наступитъ только тогда, когда новое начало возьметъ рѣшительный перевѣсъ надъ старымъ. Это и будетъ „радостный день“, съ этого дня и начнется новый періодъ русской исторіи.

18-е же февраля само по себѣ русской исторіи не двинуло. Если въ этотъ день и сдѣланъ шагъ, то, выражаясь военнымъ терминомъ, только „шагъ на мѣстѣ“, лишь „обозначеніе“ шага.

Въ такихъ случаяхъ правая и лѣвая нога поднимаются одна за другою, но человѣкъ остается на мѣстѣ. Куда будетъ сдѣланъ слѣдующій шагъ—впередъ или назадъ — это зависитъ отъ тѣхъ силъ, которыя будутъ дальше командовать.

III.

Насъ не должно смущать, что такіе крупные акты, какіе были обнародованы 18-го февраля, еще не опредѣлили собою ближайшаго направленія русской государственной жизни. Не должны мы удивляться и той комбинаціи, въ какой они были опубликованы. Страна переживаетъ критическую эпоху. Правительство же до извѣстной степени представляетъ равнодѣйствующую борющихся силъ. Правительственная власть находится поэтому въ неустойчивомъ равновѣсіи. Правая рука какъ будто не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая. „За что вчера россійскій вольтерьянецъ, если бы онъ вздумалъ высказываться, подвергся бы преслѣдованію, сегодня появляется на страницахъ газетъ въ качествѣ сужденій высшихъ сановниковъ Россіи. Осуждается режимъ, на поддержаніе котораго затрачены неимовѣрныя силы. Порываются пути прошлаго и расчищается дорога новому будущему“ *). Это не значитъ, однако, что сегодня вольтерьянецъ можетъ считать себя свободнымъ отъ преслѣдованія даже за тѣ самыя сужденія, какія публикуются отъ имени высшихъ сановниковъ. Это не значитъ, что осужденный режимъ отжилъ и что на поддержаніе его не тратятся новыя и новыя силы.

Въ самомъ дѣлѣ, какой безпощадной критикѣ подверглось положеніе объ усиленной охранѣ въ комитетѣ министровъ,—но оно не только продолжаетъ сохранять свою силу, но и распространено недавно вновь на цѣлый рядъ губерній. Особое совѣщаніе изыскиваетъ мѣры, чтобы оградить печать отъ административныхъ воздѣйствій,—и въ это же время на печать сыплются административныя кары. Высочайшій указъ повелѣваетъ совѣту министровъ обсуждать поступающія отъ частныхъ лицъ и учрежденій предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго порядка, — и одновременно съ этимъ министры объявляютъ выговоры тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя подобныя предположенія высказываютъ. Повелѣно „принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона“, надъ чѣмъ и работаетъ особое совѣщаніе; а жизнь въ это время полна такихъ явленій, какъ будто даже послѣдніе слѣды законности въ ней исчезли. Такихъ противорѣчій въ современной жизни можно было бы указать сколько угодно. И они

*) „Слово“, 22 февраля.

вполнѣ понятны въ эту критическую эпоху, понятны не только съ формальной стороны,—старые порядки и законы вѣдь еще дѣйствуютъ, новые законы еще не написаны, — но и по существу.

„Московскія Вѣдомости“ со свойственною имъ въ подобныхъ вещахъ грубостью даютъ такую характеристику этого неустойчиваго состоянія государственной власти:

„Съ одной стороны, на растерявшееся правительство нажимаетъ смута съ ея требованіями всяческихъ уступокъ, передъ которой правительство словно принизилось, струсило, ослабѣло; а съ другой — еще не угасшее вполнѣ сознаніе долга призываетъ правительство на борьбу съ темною силой, разливающей смертоносную отраву въ нашемъ отечествѣ“... *).

Если бы въ наши дни жилъ пророкъ Исаія, то онъ, вѣроятно, назвалъ бы это явленіе „хромотою на оба колѣна“. Явленіе это, повторяю, вполнѣ естественное и пережить эту полосу въ государственной жизни необходимо. Правительство находится подъ перекрещивающимся вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ силъ и вопросъ можетъ быть только въ томъ, когда и какія изъ нихъ возьмутъ рѣшительный перевѣсъ.

Въ самихъ правящихъ сферахъ, несомнѣнно, имѣются въ настоящее время разныя теченія. Кое что о нихъ мы узнаемъ изъ оглашенныхъ въ послѣднее время въ газетахъ бесѣдъ съ государственными сановниками. Имена послѣднихъ остались неизвѣстными, но это въ данномъ случаѣ и не важно, такъ какъ о первоначальномъ источникѣ проникшихъ, такимъ образомъ, въ печать слуховъ догадаться, какъ увидитъ читатель, не трудно. Трудно лишь передать эти, очень умно инспирированныя „бесѣды“.

Первая изъ нихъ появвлась 2-го марта въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ подъ заглавіемъ: „Совѣтъ или комитетъ министровъ“, вторая 6 марта въ „Новомъ Времени“ подъ заголовкомъ: „Комитетъ или совѣтъ министровъ“. Въ заголовкахъ переставлены лишь два слова, но въ самомъ содержаніи имѣются нѣкоторыя существенныя варьяціи. Только вмѣстѣ эти двѣ замѣтки и могли дать нужную симфонію своевременно появляющихся слуховъ.

Прелюдія такова. Распространился будто бы „взволновавшій весь Петербургъ“ слухъ объ отставкѣ С. Ю. Витте. Нѣкоторые изъ „принципіальныхъ противниковъ бюрократическихъ учрежденій“—по словамъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“—„даже обрадовались“: „лишившись такой мощной поддержки,—надѣялись они,— комитетъ министровъ будетъ обреченъ на бездѣйствіе и не будетъ отвлекать вниманія кажущимися реформами“. Такъ разсуждали, очевидно, „крайніе“, по мнѣнію которыхъ, какъ извѣстно,

*) „Московскія Вѣдомости“, 5 марта.

„чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Умѣренные элементы общества, конечно, сожалѣли, ибо „видѣли въ уходѣ такого крупнаго дѣятеля съ несомнѣнно прогрессивными стремленiями побѣду отсталыхъ элементовъ бюрократiи“. Слухъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался ложнымъ.

„Одинъ изъ высшихъ сановниковъ“ сообщилъ „Биржевымъ Вѣдомостямъ“, что „всеподданнѣйшаго прошенiя объ отставкѣ С. Ю. Витте не подавалъ; но онъ выработалъ записку объ упраздненiи комитета министровъ съ передачей всѣхъ дѣлъ комитета совѣту министровъ“. По изложенiю въ „Новомъ Времени“ въ запискѣ идетъ рѣчь не о полномъ упраздненiи комитета, а лишь о передачѣ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ него. „Совѣтъ министровъ будетъ рѣшать дѣла особенной важности, а комитетъ министровъ будетъ продолжать ту же дѣятельность, какая ему была присуща до обнародованiя высочайшаго указа 12 декабря“.

„Комитетъ министровъ,—какъ разъяснилъ при этомъ государственный дѣятель сотруднику „Новаго Времени“,—до осени текущаго года большею частью только занимался вопросомъ объ утвержденiи уставовъ промышленныхъ предпрiятiй. Преній при этомъ почти никакихъ не возникало. Изрѣдка одинъ изъ членовъ комитета возбуждалъ вопросъ, есть ли въ уставѣ параграфъ, запрещающiй евреямъ быть директорами. Министръ финансовъ возражалъ, тѣмъ дѣло и ограничивалось“...

„Совѣтъ же министровъ, въ томъ его видѣ, какъ предполагается по слухамъ, будетъ имѣть много общаго съ кабинетомъ министровъ, какъ на Западѣ. Его предсѣдатель явится премьеръ-министромъ, но разница только та, что на Западѣ кабинетъ министровъ является отвѣтственнымъ передъ палатой, выражающей свое довѣрiе. Премьеръ-министръ приглашаетъ въ товарищи единомышленниковъ, у насъ же ничего подобнаго нѣтъ“.

Предсѣдательствовать въ преобразованномъ такимъ образомъ совѣтѣ, въ случаѣ отсутствiя государя, по дѣйствующимъ нынѣ правиламъ, долженъ статсъ-секретарь графъ Сольскiй, такъ какъ по знакамъ отличiя онъ является старѣйшимъ изъ наличныхъ членовъ. С. Ю. Витте останется предсѣдателемъ комитета и устранитъ, такимъ образомъ, себя отъ дѣлъ особенной государственной важности.

Общество, конечно, сильно пожалѣетъ объ этомъ, особенно въ виду тѣхъ причинъ, которыя побуждаютъ крупнаго дѣятеля уклониться отъ участiя въ обсужденiи поставленныхъ на очередь реформъ. Причины же эти „Биржевыя Вѣдомости“ излагаютъ такъ:

„Упраздненiемъ комитета нѣкоторые главные руководители комитета желали бы вовсе устранить себя отъ работы въ немъ. Они считаютъ, что ихъ нынѣшняя работа, встрѣчая слишкомъ много противодѣйствiя со стороны консервативной партiи, не можетъ считаться той настоящей работою, которой вправѣ требовать отъ нихъ родина въ нынѣшнiй историческiй моментъ, рѣшающiй будущiя судьбы страны. И потому лучше уйти. Но въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уйти можно, только упразднивъ комитетъ“.

По словамъ „Новаго Времени“:

„Большое разногласіе въ мнѣніяхъ сказывается между большинствомъ и меньшинствомъ членовъ комитета. Мнѣніе самого С. Ю. Витте на сторонѣ меньшинства, которое сознаетъ недостаточность тѣхъ полумѣръ, какія вылились въ рѣшеніяхъ комитета за послѣднее время послѣ 12 декабря. Нужны мѣры, а не полумѣры, нужны коренныя реформы,—такъ думаетъ меньшинство. Оно видитъ, что при дальнѣйшемъ теченіи работъ въ комитетѣ министровъ, при его современномъ составѣ, при большинствѣ, такъ расходящемся съ меньшинствомъ и вліяющемъ на самыя реформы, нельзя принести родинѣ той пользы, которая такъ нужна, нужна немедленно“...

Можно, однако, надѣяться, что участіе крупнаго дѣятеля въ государственной жизни не ограничится ролью руководителя несложныхъ преній объ уставахъ промышленныхъ предпріятій. Нѣкоторые члены комитета министровъ уже составили соотвѣтствующую „записку“ и настойчиво убѣждаютъ С. Ю. Витте не уходить съ его поста теперь, въ такой моментъ, когда „борются два теченія“... Можно поэтому думать, что дѣло съ „предсѣдательствованіемъ“ въ совѣтѣ и комитетѣ такъ или иначе уладится.

Мы не знаемъ, какія именно „коренныя“ реформы считаетъ необходимымъ меньшинство комитета. Терминъ этотъ не совсѣмъ опредѣленный и масштабы тутъ могутъ быть разные. Несомнѣнно, однако, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ масштабомъ „высшаго сановника“, а не газетнаго репортера. Бесѣды съ государственными дѣятелями, какъ извѣстно, не печатаются безъ ихъ согласія, а иногда и безъ предварительнаго просмотра ими самими надлежащихъ корректуръ. Какъ бы то ни было, изъ изложеннаго явствуетъ, что внутри самого правительства существуютъ разногласія, и при томъ настолько значительныя, что необходимы экстраординарныя мѣры, дабы ослабить ихъ вліяніе на государственный механизмъ. „Всѣ члены комитета, какъ и его предсѣдатель, всѣ одинаково воодушевлены любовью къ родинѣ и желаніемъ вывести ее изъ того невозможнаго положенія, въ которомъ мы находимся, но пути къ достиженію блага не всѣми считаются одинаковыми“ *). Въ то время, какъ одни изъ нихъ, скрѣпя, быть можетъ, сердце, соглашаются лишь на нѣкоторыя компромиссы, другіе считаютъ необходимыми „коренныя“ реформы. Это различіе сказывается, конечно, и внѣ реформаторской дѣятельности: въ то время, какъ одни обнаруживаютъ склонность къ послабленіямъ, другіе пускаютъ въ ходъ героическія мѣры, чтобы поддержать существующій режимъ. Какъ бы ни было, эти разногласія дѣлаютъ положеніе правительственнаго механизма еще болѣе неустойчивымъ, шатаніе въ современной жизни еще болѣе замѣтнымъ.

Интересно, однако, и то средство, которымъ въ правящихъ сферахъ надѣются уврачевать эту, какъ мы выразились, „хро-

*) „Новое Время“, 6 марта.

моту". По проекту С. Ю. Витте для этого достаточно измѣнить „предѣлы вѣдомства" двухъ уже существующихъ учрежденій и поставить извѣстное лицо во главѣ одного изъ нихъ. Бюрократія въ данномъ случаѣ вѣрна себѣ: другихъ средствъ въ ея распоряженіи не имѣется. На самые неотложные вопросы жизни она можетъ отвѣчать только реорганизаціей департаментовъ. Вѣдь еще недавно нѣкоторымъ казалось, что стоитъ фабричную инспекцію передать въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ, и рабочій вопросъ исчезнетъ. Да и въ настоящее время многія и многія предположенія комитета министровъ по части реформъ сводятся въ сущности къ измѣненіямъ „предѣловъ вѣдомства". Вполнѣ понятно, что С. Ю. Витте, находящемуся въ центрѣ бюрократическаго механизма и вполнѣ сродившемуся съ нимъ, представляется, что стоитъ лишь дѣла государственной важности перенести изъ комитета въ совѣтъ, и досадныя шероховатости тотчасъ исчезнутъ. Онъ надѣется, конечно, что такимъ путемъ „меньшинство" обратится въ руководимое имъ большинство, и реформы получатъ необходимый для страны коренной, какъ онъ это понимаетъ, характеръ. Но для насъ, смотрящихъ со стороны, не менѣе ясно и то, что такимъ путемъ нельзя измѣнить соотношенія силъ не только въ странѣ, но и въ правительствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, „большинство" и „меньшинство" не случайно вѣдь образовались въ комитетѣ и разногласія не самопроизвольно въ немъ зародились. Они представляютъ несомнѣнный результатъ той борьбы, какая происходитъ въ странѣ, отражаютъ въ себѣ данное соотношеніе силъ въ ней. Не только численный составъ и степень вліянія „большинства" и „меньшинства", но и самыя понятія послѣдняго о „коренныхъ" реформахъ, несомнѣнно, измѣняются подъ вліяніемъ происходящихъ событій. На этотъ счетъ мы имѣемъ интересное признаніе члена государственнаго совѣта С. Ф. Платонова, который въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Новаго Времени" сказалъ, что по вопросу объ избирательной системѣ ему „теперь неловко было бы высказывать свое мнѣніе, которое впослѣдствіи можетъ измѣниться". „Мы живемъ—пояснилъ онъ—въ такое время, когда мысль, сейчасъ совсѣмъ правильная, черезъ нѣсколько дней является неприложимой вслѣдствіе быстро измѣняющихся обстоятельствъ". Въ неустойчивомъ равновѣсіи находится, такимъ образомъ, не только самый механизмъ, но и всѣ члены его, сроднившіеся уже съ тѣмъ, что „правильная мысль" въ зависимости отъ обстоятельствъ можетъ дѣлаться „неприложимой". Яркій и наглядный образчикъ мы имѣемъ въ самомъ С. Ю. Витте. Мы уже видѣли, что 5—6 лѣтъ тому назадъ онъ считалъ „земство—непригоднымъ средствомъ управленія"; теперь же онъ руководитъ работами, которыя должны „предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства".

Онъ убѣжденъ теперь въ необходимости коренныхъ реформъ въ этомъ смыслѣ и въ сферѣ государственнаго управленія. Очевидно, что онъ измѣнилъ представлявшіяся ему вполнѣ правильными мысли, когда нашелъ, что онѣ не приложимы „вслѣдствіе быстро смѣняющихся обстоятельствъ".

Пока же не вскроются новыя обстоятельства и не измѣнятся еще разъ мнѣнія, „меньшинство" ни въ коемъ случаѣ не сдѣлается „большинствомъ". Если бы путемъ измѣненія предѣловъ вѣдомства того или иного учрежденія нѣкоторыя вліятельныя теперь лица и были устранены отъ участія въ обсужденіи предстоящихъ преобразованій, то они сумѣли бы, конечно, проявить свою силу инымъ путемъ. Но и судьба этой бюрократической реформы зависитъ въ сущности отъ того соотношенія силъ, какое окажется черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда она будетъ обсуждаться въ государственномъ совѣтѣ. Вѣдь мысль о кабинетѣ и премьерствѣ у С. Ю. Витте далеко не новая,—и это опять таки не случайность, что только теперь она отлилась въ форму проекта.

Для того, чтобы вывести правительственный механизмъ изъ того неустойчиваго равновѣсія, въ которомъ онъ сейчасъ находится, одной реорганизаціи департаментовъ и той или иной перестановки правящихъ фигуръ не достаточно. Да и необходимое для этого „волеизъявленіе" само по себѣ зародиться не можетъ. Для того, чтобы государственную жизнь двинуть въ опредѣленномъ направленіи, нужны новыя общественныя усилія, неизбѣжны новыя событія. Развитіе послѣднихъ опредѣлитъ и то, кто будетъ рѣшать вопросы особенной государственной важности: совѣтъ ли министровъ, комитетъ или какое иное учрежденіе, а также и то, будемъ ли мы въ концѣ концовъ имѣть неотвѣтственный кабинетъ или отвѣтственный...

Новыя событія уже надвинулись, новыя силы уже появились... Рѣчь о нихъ я долженъ, однако, отложить до слѣдующей книги. Сейчасъ же на очереди у насъ другая тема.

IV.

„Безсвязныя толпы" появились на улицѣ... Произошло это сразу во многихъ мѣстахъ и страхъ передъ этой темной силой обвѣялъ всю Россію. Бакинская трагедія съ ея кровавыми отголосками въ другихъ мѣстахъ Кавказскаго края, по своимъ леденящимъ сердце ужасамъ, представляетъ въ данномъ случаѣ нѣчто исключительное. Но она бросила свой отблескъ и на тѣ „избіенія младенцовъ", которыя одновременно или вслѣдъ за тѣмъ произошли въ Курскѣ, Псковѣ и другихъ не только градахъ, но и весяхъ Россіи. На общественную психику было произведено

сильное давленіе, съ послѣдствіями котораго, независимо даже отъ возможности повторенія возмущающихъ душу событій, несомнѣнно, придется еще считаться. Необходимо поэтому теперь же уяснить себѣ и истинные размѣры, и сокровенныя пружины этой опасности.

При первыхъ извѣстіяхъ о бакинскихъ звѣрствахъ могло казаться, что все дѣло въ племенной и религіозной враждѣ между двумя народностями. По крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ въ началѣ объясняли происшедшія событія наши,—какъ извѣстно, почти оффиціальныя—телеграфныя агентства и первыя оффиціальныя сообщенія, появившіяся на этотъ счетъ въ газетахъ. Такое объясненіе встрѣтило, однако, рѣзкій и единодушный протестъ со стороны мѣстнаго бакинскаго общества. Уже 16 февраля „Россійское Агентство" вынуждено было напечатать протестующую противъ его сообщеній телеграмму двухъ мѣстныхъ газетъ, которыя указывали на отсутствіе національной вражды и настаивали на томъ, что избіенія были „организованы шайкой подонковъ". Телеграмма эта, хотя и отправленная не изъ самаго Баку, а изъ Чернаго города, была, очевидно, всетаки гдѣ-то задержана и появилась съ опозданіемъ. Телеграфныя сношенія по этому вопросу вообще давались съ затрудненіями. Вскорѣ сдѣлалось также извѣстнымъ, что для мѣстной печати по отношенію къ огласкѣ фактовъ, касающихся погрома, установлена тройная цензура: общая, губернаторская и военная. Къ услугамъ столичной печати оставалась только почта, которая и не замедлила, дѣйствительно, доставить цѣлый рядъ крайне важныхъ извѣстій и документовъ. Я сдѣлаю изъ послѣднихъ лишь нѣсколько выдержекъ, необходимыхъ въ цѣляхъ дальнѣйшаго изложенія.

Съѣздъ нефтепромышленниковъ въ телеграммѣ отъ 13 февраля на имя министра земледѣлія указываетъ, что „массовыя убійства беззащитныхъ жителей на улицахъ и въ домахъ города, сопровождавшіяся грабежами и поджогами", были „допущены администраціей" и что „войска и полиція относились къ убійцамъ, грабителямъ и поджигателямъ совершенно безучастно" *). Не менѣе рѣшительно высказываются на этотъ счетъ управляющіе и инженеры Биби-эйбатскихъ промысловъ и заводовъ въ письмѣ, напечатанномъ въ „Руси" 22 февраля:

„Четырехдневное побоище на бакинскихъ улицахъ, возникшее по случайному поводу, разрослось—говорятъ они—до размѣровъ ужасающей катастрофы, несомнѣнно, благодаря внѣшнему вліянію. Отвѣтственность за массовыя убійства не только взрослаго мужскаго населенія, но и женщинъ и дѣтей обѣихъ націй падаетъ исключительно на бездѣйствіе властей, которыя не приняли рѣшительно никакихъ мѣръ къ тому, чтобы прекратить побоище... Непонятное бездѣйствіе властей естественно поддерживало въ умахъ населе-

*) „Новости", 21 февраля.

нія все болѣе крѣпнувшее убѣжденіе, что власти умышленно предоставляютъ враждующимъ сторонамъ вырѣзывать другъ друга“ *).

Бакинская адвокатура, собравшись 14 февраля для совмѣстнаго обсужденія ужасныхъ событій, единогласно пришла къ заключенію,

„что кровавая бойня возникла не на почвѣ національной и религіозной розни между армянами и татарами и не на почвѣ экономическаго антагонизма, но она явилась единственнымъ послѣдствіемъ явнаго бездѣйствія гражданскихъ и военныхъ властей, на глазахъ которыхъ въ теченіе четырехъ дней безпрепятственно совершались убійства, грабежи, поджоги и сожженія цѣлыхъ семействъ“ **).

Наконецъ, собраніе „болѣе 2000 лицъ разныхъ національностей, сословій и общественнаго положенія“, ссылаясь на „факты, которые могутъ быть засвидѣтельствованы показаніями многихъ очевидцевъ и подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію“, установило, „что полиція не только не принимала мѣръ къ подавленію безпорядковъ, не только не оказывала препятствія громиламъ и убійцамъ, но или бездѣйствовала, или, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, подстрекала и поощряла ихъ и даже сама принимала участіе въ грабежахъ и убійствахъ“. Что касается причины разыгравшейся трагедіи, то

„собраніемъ было констатировано, что мѣстная администрація натравляла мѣстное мусульманское населеніе на армянъ, называя послѣднихъ врагами царя, приписывая имъ желаніе отдѣлиться отъ Россіи, имѣть „своего царя“ и вырѣзать мусульманъ. Эта пропаганда травли имѣла мѣсто задолго до рѣзни, но особенно усилилась въ послѣднее передъ нею время, что, по всѣмъ признакамъ, находится въ связи со слухами о возможномъ откликѣ бакинскаго населенія на кровавыя событія, бывшія въ Петербургѣ 9 января“ ***)

Сказавшееся въ этихъ постановленіяхъ общественное возбужденіе противъ мѣстной администраціи было настолько сильно и единодушно, что произвело впечатлѣніе и въ правящихъ сферахъ. По высочайшему повелѣнію уже назначена сенаторская ревизія, которой и предстоитъ, между прочимъ, разобраться, какую роль въ бакинскихъ кровавыхъ событіяхъ сыграла національная вражда и не послужила ли она лишь средствомъ для достиженія какихъ-либо иныхъ цѣлей.

Въ настоящее же время необходимо отмѣтить, что какъ только столичная печать начала оглашать факты, относящіеся къ бакинскому погрому, агентскія сообщенія о немъ измѣнили свой характеръ. Ссылки на національную рознь отошли въ нихъ на задній планъ и въ объясненія происшедшихъ событій стали выдвигаться нѣсколько иныя причины.

---

*) „Право“, № 8.
**) „Право“, № 8.
***) „Право“, № 8.

„По свѣдѣніямъ „Кавказа“,—читаемъ мы въ телеграммѣ Петербургскаго агентства изъ Тифлиса отъ 23 февраля,—на совѣщаніи бакинскаго генералъ-губернатора съ участіемъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ и населенія констатировано, что недавнее столкновеніе армянъ и мусульманъ вызвано преступною дѣятельностью армянскаго революціоннаго комитета... Послѣ объявленія Баку на военномъ положеніи, арестовано нѣсколько важныхъ преступниковъ, въ томъ числѣ членъ международнаго революціоннаго комитета и двѣ женщины, у которыхъ найдена кипа прокламацій... Массы русскихъ рабочихъ бѣгутъ съ бакинскихъ промысловъ, едва ли не подъ вліяніемъ армянскихъ террористовъ, которые хотятъ замѣнить русскихъ армянами бѣженцами изъ Турціи“.

Выходило такъ, что какъ будто армяне устроили бойню, чтобы терроризировать русскихъ рабочихъ. Но съ такимъ объясненіемъ слишкомъ ужъ дисгармонировали оффиціальныя данныя, согласно которымъ въ числѣ убитыхъ оказалось: армянъ (не считая сожженныхъ, число которыхъ не выяснено)—77%, мусульманъ—12%, русскихъ 3%, другихъ и невыясненныхъ національностей—8%. Изъ послѣдовавшаго затѣмъ опроверженія выяснилось, что отчетъ газеты „Кавказъ“ *) о генералъ-губернаторскомъ совѣщаніи „не соотвѣтствуетъ тому, что въ дѣйствительности на немъ высказано, возстановить же эту дѣйствительность не позволяютъ мѣстныя цензурныя условія“. Но и этотъ несоотвѣтствовавшій дѣйствительности отчетъ былъ еще искаженъ въ передачѣ Агентства. Что касается ссылки послѣдняго на „бѣженцевъ“, въ интересахъ которыхъ будто бы была устроена рѣзня, то ихъ оказалось въ Баку не болѣе 2—3 десятковъ.

Заимствованное изъ неизвѣстнаго источника, это объясненіе—читаемъ мы въ томъ же опроверженіи—„можетъ вызвать у всякаго живущаго въ Баку, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, лишь крайнее изумленіе предъ тѣмъ неуваженіемъ, которое корреспондентъ Агенства питаетъ къ истинѣ и печатному слову“ **).

Не смотря, однако, на это, спустя нѣсколько дней „Новое Время“, въ телеграммѣ уже собственнаго корреспондента изъ Баку, дало то же освѣщеніе происшедшимъ событіямъ:

„Прискорбныя событія съ 6 по 9 февраля,—читаемъ мы въ этой газетѣ,—несомнѣнно вызваны убійствами, начавшимися благодаря подстрегательству агентовъ армянскаго революціоннаго комитета. Взяты подъ стражу 39 анархистовъ, среди нихъ Вольскій, прибывшій изъ Женевы, Прокофьева, невѣста Сезонова, убійцы В. К. Плеве, и другіе; въ статистическомъ бюро бакинской городской управы задержана библіотека мѣстнаго революціоннаго комитета и десять человѣкъ, прибывшихъ на сходку. Въ дни погрома революціонной комитетъ засѣдалъ въ залѣ общественнаго собранія“ ***).

---

*) Представители другихъ кавказскихъ газетъ, за исключеніемъ оффиціальнаго „Кавказа“, не сочли возможнымъ принять участіе въ устроенномъ генералъ-губернаторомъ совѣщаніи.

**) См. телеграмму пяти членовъ генералъ-губернаторскаго совѣщанія отъ 2-го марта въ газеты „Новое Время“ и „Русскія Вѣдомости“.

***) „Новое Время“, 6 марта.

Разобраться въ этомъ сообщеніи, въ которомъ перемѣшаны армянскіе и русскіе революціонеры и международные анархисты, конечно, невозможно. Изъ сопоставленныхъ нами показаній той и другой стороны выясняется, однако, тотъ несомнѣнный фактъ, что, если не сама „крамола“, то борьба съ нею сыграла видную роль въ бакинской трагедіи. Вниманіе мѣстной администраціи настолько сильно было фиксировано на этомъ предметѣ, что даже послѣ учрежденія генералъ-губернаторства главныя усилія оказались направленными на розыскъ русскихъ и армянскихъ революціонеровъ...

Обстоятельство это представляется въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе характернымъ, что „избіенія“ или угрозы ими въ другихъ мѣстахъ носили явный характеръ борьбы съ „крамолою“. Этимъ, конечно, объясняется и та роль, какую играла въ этихъ избіеніяхъ полиція или, по крайней мѣрѣ, какую приписывало и приписываетъ ей общественное мнѣніе. Избіенія получили „патріотическую“ окраску, и полиція оказалась въ двусмысленномъ положеніи. Защищать избиваемыхъ — не значитъ ли это помогать „крамолѣ“? Вызвать „патріотическое“ воодушевленіе—не значитъ ли это, наоборотъ, проявить усердное и похвальное рвеніе въ борьбѣ съ „внутреннимъ врагомъ“? Въ результатѣ—повсемѣстное почти, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, „бездѣйствіе власти“, а во многихъ мѣстахъ и несомнѣнное сотрудничество низшихъ чиновъ полиціи съ „толкучкой“, „мясниками“, „краснорядцами“ и даже просто съ „хорошо извѣстными полиціи темными личностями“ и „подонками“. Кое гдѣ дѣло доходило даже до переряживанія пожарныхъ и городовыхъ въ „народъ“, до найма на такой случай поденщиковъ. „Обѣщали по рублю, а дали только по 40 коп“.—жаловались въ Псковѣ. На низшихъ же ступеняхъ администраціи—и маскарада не было. Въ селахъ открыто формировались „дружины для борьбы съ крамолою“.

Ничего удивительнаго и неожиданнаго во всемъ этомъ, конечно, нѣтъ. Кулачная расправа, какъ извѣстно, до сихъ поръ представляетъ ultima ratio нашего полицейскаго участка, къ ней прибѣгаютъ для того, чтобы водворить тишину на улицѣ, ею же пользуются и для того, что добиться „сознанія“ въ застѣнкѣ. Кулакомъ вытрезвляютъ пьяныхъ, кулакомъ же „учатъ“ непокорныхъ и „отбиваютъ охоту“ у строптивыхъ. Воспитать въ себѣ уваженіе къ человѣческой личности и подняться до сознанія, что ея дѣло охранять обывателя, а не ломать ему ребра—нашей полиціи было негдѣ. Такой полицейской „школы“ Россія еще не видѣла. Втянутая въ политическую борьбу въ качествѣ одной изъ дѣйствующихъ сторонъ, полиція и въ этой деликатной сферѣ пользуется тѣмъ же единственно доступнымъ ей средствомъ. Между жандармской и наружной полиціей наблюдается въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, громадная разница. Пер-

вая—это воплощенная, можно сказать, предупредительность и деликатность, вторая—знаетъ только стремительность и натискъ. До сихъ поръ со свойствами полицейскаго участка были знакомы лишь тѣ обыватели, которые имѣли касательство къ нему по пьяному или воровскому дѣлу. Недоимщики и раскольники также хорошо знали становую квартиру. Что касается чистой публики, то полиція ее только поздравляла съ праздниками. Политическая жизнь страны протекала въ колбахъ и ретортахъ, для наблюденія за которыми имѣлись спеціальные, въ высшей степени деликатные надзиратели, нерѣдко избѣгавшіе даже носить какую-либо форму. Въ послѣдніе годы эта жизнь забила кипучимъ ключемъ и вырвалась на улицу. Тутъ мы воочію увидѣли, что такое представляютъ изъ себя городовые и дворники. Движеніе росло, въ городовыхъ и дворникахъ уже почувствовался недостатокъ. Подъ рукой имѣются „безсвязныя толпы". Охотники поразмять кости всегда найдутся, лишь была бы гарантирована безнаказанность.

Но „безсвязнымъ толпамъ" нужна указка... Въ самомъ дѣлѣ: что такое крамола? Про „сицилистовъ", конечно, многіе слышали. Но какъ узнаешь? Читатели, можетъ быть, помнятъ помѣщенный у насъ въ январьской книгѣ очеркъ А. Б. Петрищева: „Брандмейстеръ Осиповъ". Въ немъ приводится интересный на этотъ счетъ фактъ. Отставной подполковникъ Абрамовичъ, не шутя, сталъ подозрѣвать, что брандмейстеръ и полиціймейстеръ съ окружающими ихъ сыщиками и, въ то же время поджигателями—„не что иное, какъ шайка соціалистовъ".

— „Отправляю заказнымъ,—между прочимъ, писалъ Абрамовичъ своей незаконной женѣ Еленѣ Трояновской,—а то перехватятъ письмо, если они дѣйствительно соціалисты".

Если отставному подполковнику русской службы такъ трудно разобраться въ этомъ вопросѣ, то краснорядцу—и подавно. Впрочемъ, не только краснорядцу... Газеты недавно сообщили фактъ, какъ урядникъ, призванный въ качествѣ эксперта, принялъ вышедшихъ на прогулку учениковъ городского училища за вооруженныхъ крамольниковъ. На усмиреніе была даже двинута цѣлая рота...

У „искорененія крамолы" имѣются, однако, свои теоретики и свои популяризаторы. Они-то могли, казалось бы, и точные признаки установить, и въ массахъ ихъ популяризировать. Но и здѣсь мы не сразу найдемъ нужные признаки. На первый разъ можетъ показаться, что на этотъ счетъ царитъ полная смута. Взять хотя бы г. Суворина-старшаго. Ужъ на что, казалось бы, въ такихъ вещахъ опытный человѣкъ, но и онъ, по первому взгляду, разсуждаетъ не лучше отставного подполковника Абрамовича.

„Я имѣю возможность читать—похвалялся недавно г. Суворинъ—заграничныя русскія изданія, читаю прокламаціи.... Я читаю

усердно. Я искренно желаю знать, что думаетъ то поколѣніе, среди котораго я живу. Едва ли есть такая книга, изданная за границей по-русски, которую я бы не прочиталъ или не пересмотрѣлъ" *). Многіе читатели, можетъ быть, позавидовали этой столь нужной въ наше время освѣдомленности. Въ еще большемъ числѣ „нововременскіе" почитатели восчувствовали, конечно, безграничное довѣріе къ своему вдохновенному руководителю. „О, онъ знаетъ"... конечно, говорили они. Да, онъ знаетъ... Недаромъ вѣдь тотъ же самый г. Суворинъ „главнаго воеводу" Лжедимитрія объявилъ „соціалъ-демократомъ" **). Недаромъ то же самое „Новое Время" заявило, что

„дурацкія прокламаціи „Бей студентовъ!" не мужицкія произведенія, а все той же соціалъ-демократической революціонной партіи, которая мѣшками разсылаетъ по Россіи прокламаціи, съ цѣлью смутъ во что бы то ни стало, хотя бы путемъ новой пугачевщины" ***).

Все равно, какъ въ армянскомъ погромѣ... „Скубенты" сами устроили избіенія для того, очевидно, чтобы терроризировать „нововременцевъ". Не думайте, однако, что это подполковницкая наивность. Нѣтъ! по части инсинуацій „Новое Время", можно сказать, собаку съѣло. Оно знаетъ, что его читателей двинуть на гимназистовъ затруднительно. Ихъ можно, однако, припугнуть самозванцами и пугачевщиной.

Понятіе „крамолы" въ послѣднее время все болѣе и болѣе стало, однако, опредѣляться. Не только про себя, но и вслухъ цѣлый рядъ газетъ, ничуть не смущаясь, возглашаетъ, что крамола, это—русская интеллигенція. „Гражданинъ" съ восторгомъ передаетъ такой яко бы фактъ:

Крестьяне одного села пришли сходомъ къ священнику и попросили его написать для нихъ адресъ къ Царю. На вопросъ священника, о чемъ писать адресъ, крестьяне пояснили, что они желаютъ сказать Царю, что, услыхавъ, что господа, по названію *теллигенты*, хотятъ ограничить Его власть и забрать ее себѣ, заявляютъ Ему, что они Его въ обиду не дадутъ никому и готовы идти на Москву и въ Петербургъ, чтобы сокрушить его враговъ.

По словамъ того же „Гражданина", въ другомъ селѣ крестьяне „для ассоціаціи интеллигентовъ" уже „постановили нѣчто страшное".

Другого опредѣленія для крамолы въ наше время, конечно, не отыщешь. Для того, чтобы „искоренить крамолу", нужно уничтожить всю соль земли, всю творческую мысль страны, всѣхъ лучшихъ сыновъ родины. Не только охранители, но и „прогрессивный центръ", усиленный въ послѣднее время новой газетой „Слово", передъ этимъ, конечно, не задумались бы. Задача предстоитъ, однако, трудная и едва ли выполнимая.

---

*) „Новое Время", 24 февраля.
**) „Новое Время", 19 февраля.
***) „Новое Время", 21 февраля.

Для „безсвязныхъ толпъ“ нужны внѣшніе признаки, хотя бы то были еврейскіе пейсы или гимназическія курточки. Но у той интеллигенціи, до которой добираются „Московскія Вѣдомости“, нѣтъ мундировъ и внѣшними признаками ее не укажешь. Даже мѣломъ тѣ дома, въ которыхъ она обитаетъ, не отмѣтишь. Пришлось бы вѣдь указывать и рабочія казармы, и крестьянскія хаты.

Въ будущемъ, конечно, возможны еще погромы и избіенія. Возможны новыя леденящія сердце трагедіи, возможны новые, хотя и возмутительные, но ничтожные съ государственной точки зрѣнія фарсы. Вызвать движеніе крестьянъ противъ „теллигентовъ“, конечно, не трудно. Но кто же поручится, что въ поискахъ ихъ они пойдутъ „на Москву и въ Петербургъ“, а не направятся въ ближайшую усадьбу?

Искоренить интеллигенцію невозможно.

А. Пѣшехоновъ.

Случайныя замѣтки.

Нѣкоторыя проявленія полицейскаго всемогущества. — 2 февраля, — писали въ „Руси“, — на Варваринской улицѣ (на Выборгской сторонѣ) разыгралась возмутительная исторія. Въ домѣ № 8. Б, въ одной изъ отдаваемыхъ въ наймы комнатъ живетъ семейство крестьянина Петра Карелло, состоящее изъ отца и четырехъ сыновей; двое изъ нихъ, Викторъ и Адамъ, возвращались навеселѣ съ прогулки и около своего дома встрѣтили совершенно пьянаго городового (1 участка Выборгской части). Послѣднему не понравилось поведеніе Карелло, и онъ сталъ ихъ ругать площадными словами. Тѣ отвѣтили, произошла перебранка, при чемъ городовой выхватилъ шашку и полоснулъ ею Адама по головѣ такъ, что тотъ свалился безъ чувствъ. Раненаго внесли въ домъ и уложили въ комнатѣ сестры, Юзефы Кизеръ, а Викторъ удалился въ свою комнату. Спустя нѣсколько минутъ, тотъ же городовой, захвативъ себѣ въ помощь дворника, Никона Буракова, очевидно, въ качествѣ проводника, направился съ окровавленною уже обнаженной шашкой прямо въ комнату Карелло и... сталъ рубить его, при дѣятельной помощи подручнаго дворника. На крики Виктора прибѣжали сосѣди, братъ Станиславъ и старшій дворникъ. Общими усиліями имъ удалось выпроводить буяновъ изъ комнаты, но при этомъ получили новыя раны: Викторъ (на ладони правой руки), Станиславъ — глубокія раны тоже на внутренней части ладони, и старшій двор-

никъ въ палецъ. Едва жильцы квартиры успѣли придти въ себя, какъ послышались испуганные крики: оказалось, что городовой идетъ опять съ обнаженной шашкой, съ какимъ-то еще субъектомъ-добровольцемъ, Александромъ Быковымъ. При этомъ городовой сталъ съ бѣшенствомъ кидаться уже на кого попало, такъ что всѣ разбѣжались и всѣ двери въ корридоръ оказались запертыми. При этой второй атакѣ полицейскій воинъ нанесъ легкое пораненіе ладони правой руки вахтеру Ботаническаго сада Михаилу Кацкину и нѣсколько ударовъ, плашмя по головѣ, Юзефѣ Карелло, которая при этомъ выронила грудного ребенка. Сидя за запертыми дверями, жильцы слышали, какъ компаніонъ упрекалъ городового въ томъ, что тотъ забылъ дома револьверъ... Мысль понравилась городовому, и онъ пошелъ домой за револьверомъ. А на лѣстницѣ (это особенно достойно примѣчанія) оставилъ „нѣсколько хулигановъ, которые никого не выпускали". Плѣнъ жильцовъ продолжался до 5 час. 30 минутъ вечера, и, наконецъ, въ 8 час. прибылъ околоточный надзиратель Бауманъ и началъ слѣдствіе *).

Въ этомъ замѣчательномъ эпизодѣ есть нѣсколько черточекъ, стоящихъ, такъ сказать, на второмъ планѣ, но достойныхъ быть выдвинутыми на первый. Это —прежде всего помощь, которую „подручный дворникъ" считаетъ себя обязаннымъ подать пьяному разбойнику только потому, что на немъ полицейская форма. И если принять въ соображеніе, что для дворника городовой есть „начальство", — то легко понять, почему это случилось. И едва ли за это можно строго судить именно дворника. Такимъ образомъ выходитъ, что домовладѣлецъ платитъ дворнику деньги, но, если пьяный и изступленный полицейскій прикажетъ ему помогать, когда онъ будетъ рубить шашкой его нанимателя или жильцовъ, то... дворникъ поможетъ разбойнику, и любой судъ едва ли не оправдаетъ его при данныхъ условіяхъ... Таково „положеніе вещей"... Правда, думы уже подняли кое-гдѣ вопросъ объ измѣненіи этого замѣчательнаго „порядка", но... данный случай произошелъ два мѣсяца спустя послѣ начала этихъ разговоровъ и при томъ—въ столицѣ...

Затѣмъ очень интересна также фигура другого союзника, таинственнаго Быкова, который сдѣлалъ столь дружеское напоминаніе о забытомъ револьверѣ. Что это за прекрасный незнакомецъ и по какимъ основаніямъ онъ считалъ себя обязаннымъ помогать полицейскому при нападеніи на мирныхъ обывателей? Откуда, затѣмъ, съ такой быстротой, явились и тѣ невѣдомые „хулиганы", которые по командѣ полицейскаго заняли выходы изъ дома, чтобы кто-нибудь изъ жильцовъ не попытался избѣгнуть „праведнаго гнѣва" разбойничавшаго городового?..

---

*) „Русь". Цитирую изъ „Нижег. Листка", № 40.

Исторія завязалась въ началѣ 5-го часа, и до половины шестого ($1^1/_2$ часа!) жильцы большого дома (въ столицѣ!) выдерживали въ смертельномъ страхѣ правильную осаду вооруженнаго разбойника. Теперь стоитъ вспомнить, что „полиція всегда находится при исполненіи обязанностей“ и что обыватель былъ много разъ предостерегаемъ отъ *„всякаго вмѣшательства* въ дѣйствія и распоряженія полиціи“, — чтобы стать въ тупикъ передъ изумительной парадоксальностью нашей жизни...

Читатель помнитъ, вѣроятно, Михаила Ивановича, героя извѣстной повѣсти Успенскаго „Раззоренье“, и его восторгъ при первой встрѣчѣ съ столичными полицейскими. „Уже въ Москвѣ будочникъ съ револьверомъ и огромными усами, смутившими было Михаила Ивановича, сказалъ ему весьма любезно: — „Вы чего пужаетесь? Вы насъ не опасайтесь... Подойдите! Мы бросаемъ по нонѣшнему времени эту моду, чтобы каждаго человѣка облапить, напримѣръ, съ затылка и въ часть“... А въ Петербургѣ Михаилъ Ивановичъ нашелъ въ первомъ же полицейскомъ истиннаго друга...

Герой Успенскаго объяснялъ это „новыми временами“, которыя пришли и раззорили „всякую подлость“, а въ томъ числѣ и слишкомъ упрощенные пріемы обращенія съ обывателемъ... Были эти „новыя времена“... лѣтъ уже 40 назадъ. Но съ этихъ поръ пришли времена „новѣйшія“, и если бы Михаилъ Ивановичъ захотѣлъ теперь повторить свои наблюденія, то навѣрное попалъ бы въ кутузку, откуда едва ли бы вышелъ (при строптивости своего нрава и при склонности къ „политическимъ разговорамъ“) безъ серьезнаго увѣчья. Теперь скромному обывателю уже не говорятъ: „Мы въ нашей сторонѣ дозволяемъ человѣку... съ чего же?“ Все это уже утонуло въ дали временъ, какъ что-то въ родѣ быстро промелькнувшаго золотого вѣка полицейской добродѣтели, а нынѣ наступилъ вѣкъ... Богъ его знаетъ какой... Новѣйшія времена въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершили рѣшительный поворотъ къ старѣйшимъ, и „полицейская репрессія“ приняла дореформенные пріемы: при малѣйшей попыткѣ обывателя „разговаривать“—его „сцапаютъ съ затылка да въ участокъ“... А ужъ тамъ...

Да, прогрессъ — понятіе сложное и разностороннее. Несомнѣнно, что нашъ „пореформенный“ полицейскій прогрессъ очень быстро сталъ направляться въ сторону всемогущества полиціи надъ обывателемъ, что, разумѣется, знаменовало для послѣдняго процессъ совершенно обратный и привело къ полной фактической безотвѣтственности однихъ и столь же полному безправію другихъ. Въ гниломъ Западѣ „разнузданность“ дошла до строгой отвѣтственности министровъ. У насъ „порядокъ“ дошелъ до безотвѣтственности околоточнаго надзирателя. Что же касается до г-на пристава или еще, — въ добрый часъ молвить, въ худой

промолчать,—г-на полиціймейстера,—то это уже нѣчто въ родѣ олимпійцевъ, головы которыхъ утопаютъ въ недосягаемыхъ высотахъ, окруженныя нимбомъ „служебной гарантіи"... Хочетъ караетъ, хочетъ милуетъ.

Вотъ на какой почвѣ оказались возможными явленія, въ родѣ описаннаго выше... Мы взяли данный случай потому, что онъ разыгрался въ столицѣ, но мы могли бы привести десятки такихъ случаевъ изъ жизни провинціи... У пьянаго только ярче проявляется то, что на умѣ у трезвыхъ. Эти люди пьянѣютъ уже отъ сознанія своего всемогущества, своей безотвѣтственности, своей власти надъ обывателемъ и, наконецъ, въ послѣднее время, еще отъ возможности командовать Быковыми и отрядами невѣдомыхъ добровольцевъ.

Интересно, будетъ ли гласно разбираться это дѣло, или надъ нимъ уже распростерлась благодѣтельная „служебная гарантія"?

В. К.

„Прелестный уголокъ". „Прелестный уголокъ"—такъ выразился о Закаспійскомъ краѣ начальникъ этой области, генералъ Уссаковскій, возражая въ „Новомъ Времени" на статьи по дѣлу доктора Забусова, который о „прелестяхъ уголка" былъ совсѣмъ иного мнѣнія. Въ этомъ же возраженіи генералъ Уссаковскій авторитетно и категорически заявилъ, что, по его мнѣнію, газеты „Закаспійское Обозрѣніе" и „Асхабадъ" вполнѣ „достаточно отражаютъ мѣстную жизнь".

Послѣднее увѣреніе не осталось безъ протеста. Докторъ Забусовъ напомнилъ, что въ обѣихъ этихъ газетахъ не появилось ни слова о возмутительномъ дѣяніи Ковалева, а столичные публицисты указали еще, что „достаточно отражающія мѣстную жизнь газеты" молчали и о полковникѣ Сташевскомъ, убившемъ редактора Сморгунера. Припомнился и октябрьскій приказъ генерала Уссаковскаго, въ которомъ онъ обозвалъ редактора „Асхабада" „невмѣняемымъ" и объявилъ, что участіе въ „такой газетѣ" „отнюдь не можетъ служить признакомъ особаго умственнаго развитія"...

Этихъ штриховъ, кажется, достаточно, чтобы оцѣнить „прелестное" положеніе прессы въ „прелестномъ уголкѣ"... Но вѣсти, приходящія изъ за Каспія, даютъ все новые и новые факты. Въ № 56-мъ „Руси" мы находимъ описаніе дѣятельности нѣкоего полицейскаго пристава Рыбинскаго, который, по справедливости, можетъ конкуррировать съ извѣстнымъ Ковалевымъ. И опять-таки бѣдные „Асхабадъ" и „Закаспійское Обозрѣніе" ни слова о Рыбинскомъ не проронили...

Рыбинскій представляетъ изъ себя тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ „знаменитость" „прелестнаго уголка". Въ недавномъ прошломъ онъ служилъ приставомъ въ Мервѣ, гдѣ о немъ „сложились

цѣлыя легенды" самаго „некрасиваго свойства". Такъ рекомендуетъ „героя въ мирное время" видимо освѣдомленный корреспондентъ „Руси". Однако, какъ и въ жизни брандмейстера Осипова, ореолъ самаго „некрасиваго свойства" ни мало не мѣшалъ служебнымъ успѣхамъ Рыбинскаго. Генералъ Ковалевъ перевелъ его тоже приставомъ въ Байрамъ-Али, гдѣ можно было дѣлать все, что угодно.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ байрамъ-алійскую тюрьму были посажены два текинца за кражу. Съ цѣлью бѣжать они стали выламывать оконную рѣшетку, но были замѣчены. Для „внушенія" явился приставъ Рыбинскій и потребовалъ, чтобы текинцы вышли изъ камеры. Но текинцы отказались выходить и, кромѣ того, не захотѣли добровольно отдать и куска выломанной ими оконной рѣшотки. Вполнѣ очевидно, что текинцы такъ поступили вслѣдствіе короткаго знакомства съ приставомъ Рыбинскимъ и съ тѣмъ, что онъ понимаетъ подъ словомъ „внушеніе"... Не только въ „прелестныхъ уголкахъ" нашихъ далекихъ окраинъ, но и въ участкахъ центральной Россіи полицейскія „внушенія" сплошь и рядомъ представляютъ изъ себя не что иное, какъ истязанія часто со смертельнымъ исходомъ.. Газеты пестрятъ такого рода фактами, а текинцы байрамъ-алійскаго округа о „рѣшительности" Рыбинскаго, конечно, знали довольно и безъ газетъ, особенно такихъ, которыя „достаточно отражаютъ мѣстную жизнь".

И вотъ оба текинца упрямо засѣли въ углу своей камеры, не выказывая ни малѣйшаго желанія получить „внушеніе", обѣщанное имъ приставомъ. Но, какъ говоритъ пословица, отъ судьбы не уйдешь: Рыбинскій и на этотъ разъ поддержалъ свою репутацію, породившую въ Мервѣ „легенды самаго некрасиваго свойства". Онъ приказалъ принести тряпокъ, пакли и сѣна, все это облилъ керосиномъ, зажегъ и бросилъ чрезъ окно въ камеру, гдѣ въ углу прижались желавшіе избѣжать „внушенія" текинцы... Огонь и дымъ быстро наполнили маленькую камеру; полъ, потолокъ и нары загорѣлись. Рыбинскій рѣшилъ, что упорствующіе усмирены, и приказалъ ихъ вытащить. Приказъ былъ исполненъ, но картина получилась нѣсколько неожиданная: оба текинца оказались въ обморокѣ, обгорѣвшими... Одинъ кое-какъ пришелъ въ себя, а другой *вскорѣ умеръ*. „Самъ Рыбинскій,—замѣчаетъ корреспондентъ „Руси,"—не видитъ въ этомъ никакой уголовщины". Да оно и понятно: правда, съ текинцами вышло не совсѣмъ ладно, онъ немножко пересолилъ, но, поджигая камеру, онъ вѣдь поступалъ ловко и только случайно заживо сжегъ одного человѣка... несчастный случай—не больше.

Дѣло всетаки перешло къ прокурорской власти, а генералъ Уссаковскій пока ограничился приказомъ № 372, въ которомъ и объявилъ, что „надворнаго совѣтника Рыбинскаго слѣдуетъ

читать устраненнымъ отъ исполненія обязанностей байрамъ-алійскаго пристава, съ прикомандированіемъ къ канцеляріи начальника Закаспійской области и съ производствомъ содержанія"...

Человѣкъ, заживо сжегшій другого человѣка, впредь до суда будетъ находится „при канцеляріи" да еще „съ содержаніемъ"... Такова дѣйствительно снисходительная мѣра пресѣченія, „прелестно" характеризующая права „прелестнаго уголка".

Со времени всей этой тяжелой трагедіи прошло уже „нѣсколько мѣсяцевъ". Мѣстныя газеты, „достаточно отражающія мѣстную жизнь", нэ проронили о дѣяніяхъ Рыбинскаго и его покровителей ни единаго слова, и если бы не столичная, все же болѣе независимая печать, мы и теперь не знали бы, что дѣлается за Каспіемъ и какъ насаждаютъ тамъ прогрессъ наши культуртрегеры. И жили бы мы въ блаженномъ невѣдѣніи, думая, что „все обстоитъ благополучно", пока рѣзня въ родѣ андижанской или бакинской не указала бы намъ, что дѣло неладно. Но и тутъ можно было бы найти утѣшеніе, сваливъ вину Рыбинскихъ, Ковалевыхъ и К° на головы какого нибудь армянскаго комитета, японскихъ эмиссаровъ или интригующихъ англичанъ.

С. Протопоповъ.

Бушмэнская логика. Увѣряютъ, что бушмэны разсуждаютъ такъ: „Хорошо, если я укралъ чужую жену, но не хорошо, если украли мою жену". Не знаю, не поклепъ ли это на бушмэновъ, но за то, ни мало не прегрѣшая противъ истины, можно утверждать, что такъ именно разсуждаютъ „Московскія Вѣдомости".

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ этой газеты *) напечатана набатная статья по поводу съѣзда городскихъ и земскихъ дѣятелей въ Москвѣ. Газета г. Грингмута призываетъ своихъ вѣрныхъ, но, увы! малочисленныхъ сторонниковъ „къ организаціи монархической партіи" и пишетъ:

„Мы полагаемъ, что императорское правительство едва ли встрѣтитъ затрудненіе разрѣшить законный съѣздъ монархической партіи, коль скоро революціонныя партіи невозбранно устраиваютъ незаконные съѣзды, явно враждебные не только правительству, но и верховной власти".

Какая, подумаешь, угнетенная невинность: „революціонерамъ", видите ли, позволяютъ собираться „невозбранно", а имъ—грингмутистамъ, это неизвѣстно, еще удастся ли.

Однако, факты, оглашенные въ газетахъ, доказываютъ полную неосновательность жалобъ „Московскихъ Вѣдомостей". Крестьяне Подголовковской слободы, меленковскіе дворяне, 420 обывателей города Харькова, члены „Русскаго Собранія", 94 обывателя города Тулы и другіе представители „монархической партіи" со-

*) Цитирую по № 57 „Руси".

вершенно „невозбранно“ сходились, обсуждали общегосударственныя русскія дѣла и свои выводы изложили въ адресахъ, которые вполнѣ „невозбранно“, и даже весьма предупредительно, изъ разныхъ концовъ Россіи были препровождены въ Петербургъ и здѣсь нашли себѣ самый привѣтливый пріемъ. Чего же еще хотятъ „Московскія Вѣдомости“? Всѣ приведенные факты заимствованы изъ „Правительственнаго Вѣстника“ и никакому сомнѣнію не подлежатъ. И столь же несомнѣнно, конечно, что если г. Грингмутъ соберетъ своихъ вѣрныхъ сторонниковъ и будетъ читать имъ статьи изъ своей газеты, то и это пройдетъ не только вполнѣ „невозбранно“, но и съ поощреніемъ.

Такъ же мало сообразно съ дѣйствительностью и второе утвержденіе „Моск. Вѣд.“—будто „революціонерамъ“ позволяютъ безпрепятственно собираться сколько имъ угодно. Мы беремъ слово „революціонеры“ въ кавычки, ибо, какъ извѣстно, г. Грингмутъ и К° подъ этимъ терминомъ разумѣютъ и самыхъ мирныхъ обывателей, лишь бы они только „несогласно мыслили“ съ „Московскими Вѣдомостями“. Въ „революціонеры“ ими включены и земцы, и городскіе гласные, и писатели, и учителя, и доктора, и адвокаты, и, однимъ словомъ, всѣ думающіе русскіе, которые находятъ, что „такъ, какъ мы жили, дольше жить нельзя“.

Г. Грингмутъ увѣряетъ, что „революціонерамъ“ позволяютъ собираться сколько угодно. Однако, изъ газетъ извѣстно, что казанскимъ юристамъ не разрѣшили сойтись для составленія петиціи въ силу указа 18-го февраля. Петербургскимъ литераторамъ не позволили собраться 6-го марта въ Тенишевскомъ училищѣ тоже для составленія петиціи о возобновленіи „союза писателей“. И подобныхъ фактовъ очень много. Газеты ихъ сообщаютъ чуть не ежедневно.

Почему же „Московскія Вѣдомости“ не сопоставляютъ „невозбранныя“ собранія подголовковскихъ крестьянъ, меленковскихъ дворянъ, обывателей городовъ Тулы и Харькова и т. д. съ неразрѣшенными собраніями казанскихъ юристовъ, петербургскихъ литераторовъ и т. д.? Это сопоставленіе оглашенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ фактовъ помѣшало бы газетѣ г. Грингмута утверждать, будто собранія „революціонеровъ“ разрѣшаются, а собранія консерваторовъ тормазятся. Этого не было и нѣтъ, а дѣлается какъ разъ наоборотъ. „По какому же случаю шумъ“ на Страстномъ бульварѣ?

Понять причину шума, поднятаго г. Грингмутомъ, вовсе не трудно и все объясняется очень просто его вѣковѣчнымъ пристрастіемъ къ „бушмэнской логикѣ“. Г. Грингмутъ недоволенъ, что хоть и не „невозбранно“, а всетаки кое-гдѣ и кое-какъ „революціонеры“ собираются и высказываютъ свои скромнѣйшія пожеланія реформъ. Г. Грингмутъ давно желаетъ, чтобы и этихъ скромныхъ проявленій русской либеральной мысли не было, чтобы

въ Россіи появился „диктаторъ“ въ родѣ герцога Альбы, который бы искоренилъ всѣхъ „несогласно мыслящихъ“ съ „Московскими Вѣдомостями“. Г. Грингмутъ прекрасно знаетъ и о подголовковскихъ крестьянахъ, и о меленковскихъ дворянахъ, и объ обывателяхъ гг. Харькова и Тулы, и о петербургскихъ литераторахъ, и о казанскихъ юристахъ и т. д., и т. д. Все это ему отлично извѣстно, но ему хочется, чтобы раздавались голоса только его сторонниковъ и чтобы всѣ голоса „несогласно мыслящихъ“ были задушены.

— Хорошо, если мнѣ даютъ говорить и не хорошо, если даютъ говорить другимъ.

Съ цѣлью добиться торжества для этого бушмэнскаго афоризма, г. Грингмутъ пускается на передержки. Онъ завѣдомо лживо кричитъ, будто русскія власти покровительствуютъ „революціонерамъ“ и угнетаютъ консерваторовъ. Для большаго эффекта „революціонерами“ называются самые мирные и скромные граждане, и все это съ цѣлью добиться репрессій и того, чтобы въ итогѣ раздавался въ Россіи одинъ лишь голосъ грингмутистовъ. Тогда можно будетъ сказать:

— Прислушайтесь, что говоритъ Россія! Это—голосъ народа и ему надо внимать.

С. Протопоповъ.

Еще о Черепъ-Спиридовичѣ, спасителѣ отечества.—Въ газетахъ появилось коротенькое, но выразительное извѣстіе, касающееся еще разъ нѣкоторыхъ дѣяній Черепъ-Спиридовича, автора лживой телеграммы о подкупѣ русскихъ рабочихъ. Извѣстіе озаглавлено „Черепъ-Спиридовичъ подъ судомъ“ и заимствовано изъ сербской газеты „Штампа“ (отъ 5 февраля). „Небезъизвѣстный публицистъ“ Н. Дурново сообщаетъ въ этой газетѣ, что „у судебнаго слѣдователя гор. Москвы находится жалоба, въ которой Черепъ-Спиридовичъ, московскій сербскій генеральный консулъ, обвиняется въ продажѣ сербскихъ и болгарскихъ орденовъ и въ томъ, что онъ утаилъ деньги, полученныя имъ за эти ордена (?), о которыхъ не далъ никакихъ свѣдѣній въ отчетѣ московскаго славянскаго общества за 1902 годъ“ *). Далѣе подробно излагается эта „темная исторія“, и въ заключеніе авторъ корреспонденціи обращается съ просьбой къ тѣмъ сербамъ, отъ которыхъ зависѣла выдача этихъ орденовъ, указать—какіе мотивы и заслуги выставлены г. Черепъ-Спиридовичемъ, чтобы совершенно неизвѣстныя въ Сербіи лица могли получить высшіе сербскіе знаки отличія **)...

*) Заимствуемъ изъ „Южн. Обозрѣнія“, 16 февр. 1905.

**) Рѣчь идетъ, повидимому, о гг. Спасокукоцкомъ, Баевѣ, Голофтѣевѣ и другихъ прекрасныхъ незнакомцахъ, которыхъ Черепъ-Спиридовичъ наградилъ сербскими и болгарскими орденами... Какія въ самомъ дѣлѣ они ока-

Судя по хронологіи (корреспонденціи 5 февраля уже напечатана въ „Штампѣ"), дѣло это началось у слѣдователя еще до 12 января, т. е. до того дня, когда обращеніе г-на Черепъ-Спиридовича къ русскому народу украсило стѣны и кіоски бѣлокаменной, а также красовалось въ Либавѣ, Севастополѣ, Рыбинскѣ, Ярославлѣ и другихъ городахъ... А судя по имени автора корреспонденціи, „небезъизвѣстнаго" г-на Н. Дурново, бывшаго сотрудника „Московскихъ Вѣдомостей" и члена московскаго славянскаго общества, можно предположить, что пикантное разоблаченіе является отголоскомъ той „междоусобной брани", которая раздирала нѣдра этого общества и о которой уже говорилось (въ февральской книжкѣ „Русскаго Богатства"). Во всякомъ случаѣ— извѣстіе является небезъинтересной дополнительной черточкой къ физіономіи „спасителя отечества!" Оно въ значительной степени характеризуетъ также и нынѣшнее „славянское общество", въ которомъ этотъ Расплюевъ могъ съ такимъ „громкимъ успѣхомъ" занимать предсѣдательское мѣсто, и тѣ „элементы" нашей жизни, которые еще продолжаютъ пѣть съ голоса отставного подполковника Артура Ивановича Черепъ-Спиридовича.

Мы не совсѣмъ поняли только,—что значитъ обвиненіе г. Черепъ-Спиридовича *въ утайкѣ* денегъ, полученныхъ за ордена, о которыхъ онъ не далъ свѣдѣній въ отчетѣ славянскому обществу за 1902 годъ? Что это за деньги и почему онѣ должны быть представлены обществу? Развѣ московское славянское общество торгуетъ орденами балканскихъ княжествъ оптомъ и въ розницу, и если бы г. Черепъ-Спиридовичъ представилъ стоимость орденовъ въ кассу, то все было бы въ порядкѣ?

Выходитъ какъ будто такъ. **О. Б. А.**

Дворянинъ Обтяжновъ и крестьянинъ Шеламаевъ. Дворянинъ и земскій начальникъ В. Д. Обтяжновъ — лицо, въ россійской ежедневной печати нѣсколько извѣстное, главнымъ образомъ, со стороны анекдотической. Если считать, что князь Мещерскій со своимъ „Гражданиномъ" есть поставщикъ ретроградныхъ курьезовъ для всей Россіи, такъ сказать, фабричнымъ способомъ, то въ разныхъ углахъ нашего отечества есть не мало кустарныхъ производителей этого же продукта. Таковы, напримѣръ, гг. Лиліенфельдъ и Юрловъ въ Саранскѣ, гг. Д. В. Хотяинцевъ и Кассель въ Арзамасскомъ уѣздѣ, гг. Философовъ и Приклонскій въ Лукояновскомъ, П. Г. Бобоѣдовъ въ Сергачскомъ, гр. Уваровъ, П. А. Кривскій, Исѣевъ въ Саратовской губ., дворянинъ Ботезатъ (авторъ знаменитаго проекта о введеніи рабства),—въ Курской, и т. д., и т. д. Этотъ списокъ можно бы продолжить на цѣлыя стра-

---

зали заслуги передъ Сербіей и Болгаріей? О г-нѣ Грингмутѣ мы не говоримъ. Это, безъ сомнѣнія, человѣкъ знаменитый... О. Б. А.

ницы. Г. Обтяжновъ является однимъ изъ яркихъ представителей этого типа. Это—маленькій, но энергично дѣйствующій вулканчикъ ретроградныхъ курьезовъ, кустарнымъ способомъ производимыхъ въ Нижегородской губерніи, въ раіонахъ извѣстныхъ кустарныхъ селъ Павлова и Богородскаго.

Что касается крестьянина Шеламаева,—то это человѣкъ, добившійся личными усиліями самообразованія, владѣющій до извѣстной степени литературнымъ языкомъ и помѣщающій свои статьи въ „Земледѣльческой Газетѣ“ и „Крестьянскомъ Хозяйствѣ“. Въ сентябрѣ прошлаго года онъ представилъ горбатовскому земскому собранію докладъ объ агрономической дѣятельности земства. Ни содержаніе, ни достоинства или недостатки этого доклада намъ не извѣстны, да они насъ въ данномъ случаѣ и не особенно интересуютъ. Гораздо любопытнѣе маленькій инцидентъ, сопровождавшій чтеніе доклада въ горбатовскомъ собраніи. „Послѣ прочтенія, — говоритъ г. Шеламаевъ въ своемъ письмѣ въ редакцію „Нижегор. Листка“ *), — гласный дворянинъ Обтяжновъ поднялся и сдѣлалъ позорящее меня заявленіе: „Я прежде всего *подозрѣваю автора въ подлогѣ* (!): очевидно, писалъ записку не крестьянинъ, а другое лицо. Встрѣчаются такія слова, которыхъ крестьяне не знаютъ: a priori, de facto и другія“... Это стремительное заявленіе дворянина г. Обтяжнова попало въ печать: оно было помѣщено въ отчетѣ о горбатовскомъ собраніи въ № 268 „Нижег. Листка“ (прошлаго года), и г. Обтяжновъ противъ изложенія его рѣчи въ этомъ видѣ не возражалъ.

Читатель благоволитъ вспомнить нашу замѣтку о „новыхъ возражателяхъ“ (Р. Бог. 1904, № 6). Русская жизнь идетъ теперь ускореннымъ темпомъ, и событія послѣдняго времени дали такія оказательства со стороны „новыхъ возражателей“, что просто изумляешься, встрѣчая заявленія, подобныя приведенному выше заявленію дворянскаго троглодита изъ Горбатовскаго уѣзда. Мы, впрочемъ, узнаемъ и безпечную неоглядность, и самоувѣренную авторитетность г. Обтяжнова, непосредственно отъ употребленія иностранныхъ словъ крестьяниномъ перепархивающаго къ публичному обвиненію автора въ *подлогѣ*!.. Въ Петербургѣ мнѣ пришлось слышать разсказъ о томъ, будто нѣкоторыя лица изъ бюрократическаго міра, которыхъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ свели на дѣловой почвѣ съ представителями петербургскихъ рабочихъ, тоже сначала заподозрили было,—не *подлогъ*, конечно,—а *подмѣнъ* этихъ представителей переодѣтыми студентами: до такой степени эти лица были поражены ихъ рѣчами и ихъ познаніями въ области рабочаго вопроса у насъ и за границей. Не знаю, было ли что-нибудь подобное въ самомъ дѣлѣ, но это характерно. Подобныя недоразумѣнія объясняются, конечно, лишь

---

*) „Ниж. Лист.“, 11 февр. № 41.

отрѣшенностью отъ жизни и давно устарѣвшимъ представленіемъ о рабочемъ человѣкѣ, какъ о смиренной, нѣсколько растрепанной фигурѣ, просящей „на чаекъ". Между тѣмъ, въ наше время этотъ классъ выдвигаетъ уже представителей, проникнутыхъ сознаніемъ и классоваго, и человѣческаго достоинства.

Гг. Обтяжновы, стоящіе якобы „близко къ жизни", въ сущности точно проспали цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, и появленіе крестьянина, пишущаго доклады, вызываетъ въ нихъ самое комическое недоумѣніе. Они оглядываются по сторонамъ, протираютъ глаза и затѣмъ начинаютъ болѣе или менѣе безобразно ругаться, что ставитъ ихъ въ положеніе уже прямо смѣшное, такъ какъ и сладостное право безнаказанныхъ ругательствъ тоже осталось на много лѣтъ позади. Такъ именно случилось и на этотъ разъ: г. Обтяжновъ разсердился на то, что крестьянинъ осмѣлился написать докладъ, да еще съ употребленіемъ иностранныхъ словъ,— и дождался, что тотъ же крестьянинъ печатно учитъ г. земскаго начальника нѣкоторымъ совершенно азбучнымъ истинамъ.

„Не только *дворянину* Обтяжнову,—пишетъ г. Шеламаевъ въ „Нижегородскомъ Листкѣ",—но и многимъ *крестьянамъ* извѣстно, что природа не считается съ табелью о рангахъ и, производя на свѣтъ Божій лицъ крестьянскаго сословія, многимъ не отказываетъ въ способности къ извѣстному развитію. Но дворянинъ Обтяжновъ въ каждомъ видитъ прежде всего не человѣка, а лицо извѣстнаго сословія и уже на основаніи этого относится къ нему такъ или иначе... А вѣдь гг. Обтяжновы,—заключаетъ авторъ—не только здѣсь, у насъ; типъ этотъ распространенъ, хотя и обреченъ на вымираніе"...

Г. Обтяжнову, понятно, письмо г. Шеламаева понравилось еще менѣе, чѣмъ его докладъ, и въ № 51 „Нижегор. Листка" онъ помѣщаетъ „возраженіе", которое начинаетъ словами: „Въ виду... письма Василія Павл*ова* Шеламаева"... и дальше уже пишетъ всюду одну только фамилію безъ обычныхъ прибавокъ въ видѣ буквы „г." или иниціаловъ имени отчества. Ну, что жъ! Нужно принять въ соображеніе, что въ старину именоваться *вичами* имѣли привилегію только бояре, и потому болярину Обтяжнову приличествуетъ наблюдать сіе правило по отношенію къ *крестьянину* Шеламаеву... Отрицая, затѣмъ, что онъ обвинялъ г. Шеламаева въ подлогѣ, г. Обтяжновъ допускалъ бы возможнымъ обвиненіе развѣ „въ плагіатѣ" (!). Логики въ этомъ письмѣ вообще какъ разъ столько, сколько по законамъ психологіи полагается для человѣка, разсердившагося неизвѣстно на что: „въ подлинности авторства Шеламаева, — пишетъ г. Обтяжновъ, — я усомнился даже не потому, что онъ крестьянинъ (въ отчетѣ говорится, что именно потому); вѣроятно, я высказалъ бы то же сомнѣніе, если бы записка появилась и за подписью дворянина, но о которомъ я бы зналъ, что онъ не получилъ спеціальнаго

образованія — *настолько записка была претенціозна*" (курсивъ нашъ). Итакъ, претенціозность есть несомнѣнный признакъ спеціальнаго образованія! Насъ, однако, наиболѣе заинтересовало утвержденіе г. Обтяжнова, будто „въ продолженіе 33 лѣтъ онъ доказывалъ неоднократно..., что въ земствѣ не должно быть сословности"... Для насъ это, признаемся, пріятное открытіе. Въ печати оглашались многократно заявленія г. Обтяжнова совсѣмъ въ другомъ родѣ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ таковыхъ, по поводу выборовъ въ земствѣ почетныхъ мировыхъ судей:

„Оцѣняя достоинство тѣхъ или другихъ лицъ, мы не должны упустить изъ вида, что, при введеніи законоположенія о земскихъ начальникахъ, Монархомъ указано, что успѣхъ и правильность всякаго дѣла могутъ быть исключительно при соблюденіи того, чтобы земледѣльцы пахали, купецъ торговалъ, а интеллигентъ (!?) судилъ, дабы не отрывать первыя двѣ группы отъ ихъ прямой полезной домашней дѣятельности, желательно выбирать почетныхъ мировыхъ судей преимущественно принадлежащихъ къ послѣдней группѣ, т. е. изъ интеллигентовъ"...

Эта тирада, собственноручно внесенная г. Обтяжновымъ въ журналъ и которую мы заимствуемъ изъ хроники „Русской Мысли" *) съ сохраненіемъ своеобразнаго словосочетанія и знаковъ препинанія (вотъ ужъ кого трудно заподозрить въ плагіатѣ!), показываетъ ясно, какъ г. Обтяжновъ смотрѣлъ на сословность въ земствѣ не 33 года, а всего 11 лѣтъ назадъ... Чтобы устранить опасность выбора въ почетные мировые судьи кандидата изъ крестьянъ, онъ готовъ былъ тогда не только на вольную передачу „словъ Монарха", но даже на изобрѣтеніе, вдобавокъ къ существующимъ, еще новаго сословія „интеллигентовъ", которыхъ надѣлялъ исключительнымъ правомъ суда...

Теперь г. Обтяжновъ думаетъ иначе?.. Пора. Времена, дѣйствительно, подошли такія, что рабочіе начинаютъ разсуждать лучше иныхъ чиновниковъ „мануфактуръ-коллегіи", а крестьяне поучаютъ (печатно!) азбучнымъ истинамъ своихъ земскихъ начальниковъ.

О. Б. А.

Поэзія и проза въ коммиссіи Д. Ѳ. Кобеко. Получивъ приглашеніе въ эту коммиссію, извѣстный поэтъ гр. Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ напечаталъ въ газетахъ письмо, въ которомъ выразилъ свое крайнее удовольствіе по этому поводу. Дѣло въ томъ, что „свобода слова" была давней мечтой гр. Голенищева-Кутузова. Онъ мечталъ о ней еще въ юности, и мечты эти излилъ въ извѣстномъ красивомъ стихотвореніи, которое напечаталъ въ органѣ Аксакова. Изъ этого стихотворенія

*) „Р. М.", янв. 1893.

явствуетъ, что мысль и слово суть „крѣпкій стягъ и мечъ святой“ и что они „пріемлются изъ божіей длани“, а потому:

Господень судъ не упреждая,
Да не коснется власть земная
Того, въ чемъ властенъ Богъ одинъ!
Да, наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
И грому въ небѣ запретить!..

Въ небольшомъ комментаріи къ этому вдохновенному заявленію авторъ его говоритъ о чувствѣ радостнаго удовлетворенія, которое охватываетъ его душу при мысли, что, хоть подъ старость, ему суждено, наконецъ, дѣломъ послужить освобожденію роднаго слова...

Съ такимъ девизомъ паладинъ святого меча свободы отправился въ засѣданія коммиссіи... И вотъ въ газетныхъ отчетахъ сухихъ и прозаическихъ, мы читаемъ слѣдующее:

„Во второмъ засѣданіи особаго совѣщанія о нуждахъ печати дебатировался вопросъ, какой порядокъ желательно установить для издателей періодическихъ органовъ: *концессіонный* (предварительное разрѣшеніе по усмотрѣнію начальства), какъ это практикуется нынѣ, или *явочный*, при которомъ всякій полноправный обыватель имѣетъ возможность приступить къ изданію, только *заявивъ* объ этомъ въ соотвѣтствующее учрежденіе. Въ другомъ засѣданіи тотъ же вопросъ обсуждался по отношенію къ изданію отдѣльныхъ сочиненій.. Мнѣнія раздѣлились, при чемъ на одной сторонѣ совершенно опредѣленно стали князья Мещерскій и Цертелевъ“. Мы, конечно, знали, что князья Мещерскій и Цертелевъ будутъ противъ всякихъ облегченій печати, но мы ждали, что гр. Голенищевъ-Кутузовъ немедленно подниметъ противъ нихъ „свой мощный стягъ, свой мечъ святой“, и процитируетъ поэтическій лозунгъ, заранѣе объявленный имъ въ газетахъ („Да не коснется власть земная!..“). Къ нашему удивленію, этого не случилось: графъ примкнулъ къ двумъ князьямъ и подавалъ голосъ за порядокъ разрѣшительный, а не явочный.

Въ старыхъ учебникахъ словесности нерѣдко и обстоятельно трактовался вопросъ о различіи поэтической и прозаической формъ изложенія. Очень вѣроятно, что онъ трактуется и нынѣ, и намъ кажется, что этотъ маленькій эпизодъ изъ біографіи нашего поэта даетъ образцовую иллюстрацію этой разницы, при чемъ переводъ съ языка боговъ на низменный языкъ прозы на сей разъ сдѣланъ, вдобавокъ, самимъ авторомъ.

Да, наложить на разумъ цѣпи
И слово можетъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
И грому въ небѣ запретить!..

Это поэзія, это вдохновеніе, это полетъ, это вихрь и небесные громы... Итакъ, „да не коснется власть земная“...

Но... понеже и поелику мысли бываютъ всякія, а въ томъ числѣ и превратныя, то право начальства воспрещать изданіе газетъ, журналовъ и книгъ лицамъ, свободная мысль коихъ не приведена въ надлежащее соотвѣтствіе съ свободной мыслью начальствующихъ, — надлежитъ оставить въ силѣ... Итакъ: да прикасается власть земная невозбранно! — Это увы! суровая проза!

Когда-то необузданный поэтъ Генрихъ Гейне горько жаловался на то, что нѣмецкія правительства его времени запретили печатать его стихи... А стихомъ онъ владѣлъ такъ хорошо!.. Когда же онъ, понуждаемый необходимостью, овладѣлъ и прозаическимъ стилемъ, то... германскія правительства запретили и его прозу, находя, вѣроятно, что онъ недостаточно соблюдаетъ разность этихъ двухъ формъ изложенія... Нашъ русскій поэтъ гораздо счастливѣе. Онъ, очевидно, одинаково „свободно“ владѣетъ стихомъ и прозой, а разность формъ изложенія довелъ до такой высокой степени, что вольность его перевода достигаетъ уже предѣловъ злѣйшей пародіи на его собственные стихи.

Кто же виноватъ въ этомъ неожиданномъ и, надо сказать правду, довольно смѣшномъ превращеніи, подающемъ поводъ къ вопросамъ: зачѣмъ было огородъ городить, зачѣмъ было въ рога трубить, для чего было напоминать о своемъ стихотвореніи въ органѣ Аксакова? На это, кажется намъ, есть нѣсколько причинъ и прежде всего ненадлежащая постановка предсѣдателемъ самыхъ вопросовъ въ коммиссіи. Гр. Голенищевъ-Кутузовъ, издавая передъ отправленіемъ въ коммиссію трубные гласы, разсчитывалъ, конечно, что дѣло будетъ поставлено болѣе или менѣе поэтически. Такъ напримѣръ:

Вопросъ первый: есть ли слово крѣпкій стягъ гр. Голенищева-Кутузова?

Вопросъ второй: есть ли оно его святой мечъ?

Вопросъ третій: кто можетъ наложить цѣпи на разумъ графа-поэта?

Вопросъ четвертый: кто его слово можетъ умертвить?

Вопросъ пятый: надлежитъ ли земной власти приступать къ безнадежнымъ операціямъ, изложеннымъ въ пунктахъ третьемъ и четвертомъ?

Если бы, говоримъ мы, вопросы были поставлены именно такимъ, единственно правильнымъ образомъ и если бы при этомъ князья Мещерскій и Цертелевъ въ доступной имъ поэтической формѣ стали противорѣчить, выражая непремѣнное намѣреніе повелѣвать громами небесными и умерщвлять слова... о, тогда сіятельный поэтъ, безъ всякаго сомнѣнія, остался бы на должной высотѣ и отвѣтилъ бы неуклонно на всѣ вопросы.

На первый: Да, слово есть *мой* крѣпкій стягъ, о чемъ я безстрашно заявилъ еще въ газетѣ Аксакова (и что, въ свое время, цензурой не опротестовано). *На второй*: по той же причинѣ оно есть *мой* мечъ святой. *На третій* и *на четвертый*: „Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи“ и т. д.

Но когда, вмѣсто этого, заговорили (Богъ вѣсть зачѣмъ!) о явочномъ порядкѣ, о концессіяхъ и тому подобныхъ прозаическихъ и къ дѣлу не идущихъ предметахъ, то князья Цертелевъ и Мещерскій легко разъяснили нашему поэту, что дѣло принимаетъ оборотъ совсѣмъ ненадлежащій: придетъ, представьте себѣ, какой-нибудь тамъ титулярный совѣтникъ, или неслужащій дворянинъ Маркъ Волоховъ, или, наконецъ, человѣкъ безъ всякаго сколько-нибудь замѣтнаго званія („наипаче еще еврей“— ехидно прибавляетъ г-нъ Суворинъ) и просто-на-просто объявитъ, что слово есть и *его* крѣпкій стягъ, и *его* святой мечъ, почему съ такого-то числа и года вознамѣрился и *онъ* выпускать въ такомъ-то городѣ журналъ или газету, коихъ „да не коснется власть земная“ (кромѣ, впрочемъ, судебной, передъ которой онъ изъявляетъ радостную готовность отвѣтствовать во всякое время). Что же? Такъ и признать за нимъ это право? Fichtre!.. А что тогда станется съ „добрыми нравами“ литературы?—спрашиваетъ со вздохомъ сосѣдъ гр. Голенищева-Кутузова по коммиссіи, князь Мещерскій, который, какъ извѣстно, такъ торопился на защиту добрыхъ нравовъ, что оставилъ безъ всякаго возраженія и отвѣта прозрачное, рѣзкое, категорическое и тяжкое обвиненіе въ продажности, брошенное ему въ лицо въ газетѣ г-на Суворина наканунѣ открытія коммиссіи *)... Мудрено ли, что гр. Голенищевъ-Кутузовъ не нашелъ никакихъ аргументовъ, что его пегасъ опустилъ хвостъ и крылья и скромно, отчасти даже стыдливо, поплелся въ арьергардѣ у князей Цертелева и Мещерскаго. Такова уже судьба поэзіи въ ея столкновеніяхъ съ суровою, холодною и сухою прозой.

И гр. Голенищевъ-Кутузовъ такъ и остался въ арьергардѣ реакціоннаго отряда, неизмѣнно голосуя противъ важнѣйшихъ „освободительныхъ“ предложеній другихъ членовъ коммиссіи. И даже, когда дѣло дошло до пресловутой 140 статьи устава цензурнаго, которая предоставляетъ „земной власти“ министра предписывать изъятіе тѣхъ или другихъ предметовъ отъ гласнаго обсужденія печати, — графъ выразилъ горькое сожалѣніе, что въ коммиссіи мало представителей разныхъ министерствъ, которые могли бы противостоять опасному либерализму большинства...

Вышло, такимъ образомъ, что, трубя передъ вратами совѣщанія въ свой звонкій поэтическій рогъ, — нашъ поэтъ вызывалъ

---

*) См. „Случайныя Замѣтки“, „Р. Бог.“, февраль.

на бой однихъ, а сразиться ему пришлось совсѣмъ съ другими. Будемъ ждать, что графъ, по окончаніи великихъ трудовъ на пользу свободы слова, напишетъ новое стихотвореніе, которое учителямъ словесности будетъ интересно сравнить съ первымъ по отношенію къ формѣ и содержанію... А пока приходится отмѣтить иронію судьбы: въ числѣ противниковъ поэта оказалось даже духовное лицо, преосвященный Антонинъ, епископъ нарвскій, вставшій на защиту слова противъ... его защитника.

Газеты особенно охотно отмѣчали возраженія епископа и противъ концессій, и противъ 140 статьи устава цензурнаго. И это совершенно понятно: мы всѣ хорошо знали, что могутъ сказать въ коммиссіи А. Ѳ. Кони, К. К. Арсеньевъ, М. М. Стасюлевичъ, но намъ всѣмъ интересно, что тѣ же мысли излагалъ епископъ, бывшій духовный цензоръ. „Его мнѣніе о цензурѣ— по сообщенію газетъ,—состоитъ въ томъ, что совсѣмъ не должно быть цензуры" *). Но еще интереснѣе мнѣніе, которое, *возражая гр. Голенищеву-Кутузову*, высказалъ самъ предсѣдатель коммиссіи: „Предыдущій ораторъ, — сказалъ Д. Ѳ. Кобеко,—напрасно заботится объ интересахъ нѣкоторыхъ министерствъ (т. е., если не ошибаемся «земной власти?»). Вѣдь сами министры будутъ имѣть возможность отстаивать свои интересы въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, на разсмотрѣніе котораго поступятъ наши заключенія. Графъ Голенищевъ-Кутузовъ не долженъ забывать, что особому совѣщанію не предоставлено права окончательно рѣшать тотъ или иной вопросъ; оно является лишь особой подготовительной коммиссіей государственнаго совѣта" **)...

Смыслъ этихъ словъ, сказанныхъ, къ сожалѣнію, нѣсколько поздно, лишь передъ голосованіемъ вопроса о привилегіяхъ министровъ по статьѣ 140-й, — совершенно ясенъ и необыкновенно убѣдителенъ. По отношенію къ занимающему насъ вопросу о «поэзіи и прозѣ» гр. Голенищева-Кутузова заявленіе предсѣдателя имѣетъ значеніе благодушнаго указанія на то, что, въ сущности, никакого вреда «для министерствъ» не было бы, если бы эта проза не такъ ужъ далеко отошла отъ поэзіи... Вѣдь вопросъ все равно будетъ рѣшаться окончательно не „особымъ совѣщаніемъ", которое большинствомъ 11-ти противъ 9-ти голосовъ высказалось за отмѣну привилегіи министровъ, а въ государственномъ совѣтѣ...

Между прочимъ,—черточка, не лишенная своеобразнаго интереса... Одиннадцать противъ девяти. Итакъ—чей-то *одинъ* голосъ далъ перевѣсъ либеральному заключенію. А. С. Суворинъ, отвѣчая на обвиненія, будто онъ, старый журналистъ, стоялъ противъ освобожденія журналистики отъ административныхъ усмо-

*) См. „Нижегор. Листокъ", 5 марта, № 60.
**) „Русь". Цитирую по „Нижегор. Листку", № 60.

треній, заявилъ въ газетахъ, что онъ голосовалъ всетаки за явочный порядокъ и противъ 140 ст. А между тѣмъ, при обсужденіи вопроса онъ, вмѣстѣ съ кн. Мещерскимъ и Цертелевымъ, указывалъ на предстоящую порчу нравовъ (наипаче „отъ наплыва евреевъ"). Очевидно, хитроумный Улиссъ русской печати проникся вѣскимъ указаніемъ предсѣдателя и сразу отдалъ дань обоимъ противоположнымъ мнѣніямъ: одному онъ принесъ въ даръ свою аргументацію, другому — свое (платоническое) голосованіе...

Какъ жаль, что гр. Голенищевъ-Кутузовъ не проникся этимъ же соображеніемъ съ самаго начала засѣданій... Тогда его прозаическое упражненіе въ россійской словесности могло бы (и притомъ безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій на практикѣ) и не отходить на столь далекое разстояніе отъ его же вдохновенныхъ стиховъ... И если бы даже, въ качествѣ знатока поэзіи, онъ дерзнулъ привлечь на помощь своимъ стихамъ еще не менѣе извѣстные стихи К. Аксакова:

Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа.
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта — свобода!..
...Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины гибель она,
Спасенье для лжи и порока.

—то и въ этомъ случаѣ на графа могъ бы развѣ обидѣться его сосѣдъ по совѣщанію, князь Мещерскій (который могъ бы принять послѣднія строчки за личный намекъ: дескать, пользуетесь двумя концессіями, а не спѣшите выяснить истину по поводу весьма недвусмысленныхъ обвиненій въ литературной порочности). Что же касается до «интересовъ разныхъ министерствъ», то они, какъ это и объяснилъ Д. Ѳ. Кобеко, нимало бы отъ этого не пострадали... **Вл. Кор.**

Телеграфное «недоразумѣніе». Одинъ изъ подписчиковъ „Русскаго Богатства", г. Павловскій, живущій въ Новой Ушицѣ, пишетъ мнѣ о слѣдующемъ маленькомъ происшествіи:

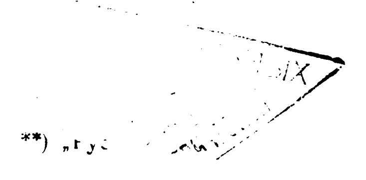
„28 января с. г. мною была подана на имя редакціи „Русскаго Богатства" такая телеграмма: „Въ годовщину смерти незабвеннаго Николая Константиновича Михайловскаго отъ души желаю „Русскому Богатству" многіе годы быть проводникомъ въ жизнь завѣщанныхъ покойнымъ писателемъ идеаловъ правды и свободы. Павловскій". Утромъ слѣдующаго дня г. Павловскій получилъ отъ петербургскаго почтамта краткое извѣщеніе: „№ 223. Петербургъ, Новой Ушицы, редакція „Русскаго Богатства", цензурой не разрѣшенъ".

Г. Павловскій прибавляетъ, что эта лаконическая справка вызвала въ немъ недоумѣніе и даже тревогу за судьбу журнала. Не допуская возможности запрещенія его добрыхъ пожеланій по существу, онъ полагалъ естественно, что „запрещеннымъ" является развѣ адресатъ, т. е. журналъ. Но—такъ какъ мы всетаки существуемъ, то, очевидно, приходится остановиться на самомъ содержаніи телеграммы.

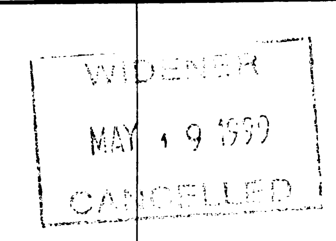
Итакъ, почему же петербургскій телеграфъ счелъ возможнымъ лишить насъ направленной къ намъ на законномъ основаніи телеграммы? Что предосудительнаго строгій телеграфный цензоръ нашелъ въ томъ, что одинъ изъ почитателей Н. К. Михайловскаго желаетъ „Русскому Богатству" „многіе годы быть проводникомъ въ жизнь завѣщанныхъ покойнымъ писателемъ идеаловъ?"... Журналъ существуетъ на законномъ основаніи, на его страницахъ (притомъ, увы!—все еще съ разрѣшенія цензуры предварительной) открыто проводятся эти идеалы, и въ Новую Ушицу ежемѣсячно почтово-телеграфнымъ вѣдомствомъ книжки журнала доставляются на началахъ обычной взаимности: почтово-телеграфное вѣдомство доставляетъ намъ удобства сношеній съ подписчиками, а мы вознаграждаемъ эти услуги установленной платой... Почему же телеграфная цензура считаетъ нужнымъ воспрепятствовать именно *телеграфнымъ* сношеніямъ нашимъ съ подписчиками?

Подозрѣваю, что г-ну цензору не понравились послѣднія слова телеграммы: идеаламъ правды и свободы. Особенно, вѣроятно, послѣднее. Въ этомъ отношеніи, очевидно, цензоръ впалъ въ ту-же ошибку, которая уже занесена на скрижали исторіи относительно пресловутаго „вольнаго духа". Нужно ли объяснять, что самое слово „свобода" ни въ коемъ случаѣ не является терминомъ предосудительнымъ? Еще на дняхъ я прочелъ въ газетахъ цитату изъ статьи дворянина Павлова, который утверждаетъ (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"), что наше государство „свободнѣйшее на свѣтѣ". И, однако, „Московскія Вѣдомости" не задерживались на почтѣ за это обвиненіе нашего государства въ свободѣ. Конечно, мы бы сильно разошлись съ „Московскими Вѣдомостями" въ опредѣленіи самаго содержанія этого слова, но, во 1-хъ, въ телеграммѣ объ этомъ содержаніи ничего не говорилось, а во 2-хъ, едвали въ кругъ обязанностей петербургскаго телеграфа входитъ подобное „раскрытіе" значенія общеупотребительныхъ терминовъ и тѣмъ болѣе — изъятіе самаго слова „свобода" изъ телеграфнаго лексикона.

Вл. Короленко.



50 648 419


WIDENER
MAY 19 1999
CANCELLED